

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1882.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

Печатать дозволяется. Доцентъ академіи *А. Вадковскій*.

ЕВРЕЙСКІЕ ЦАРИ⁽¹⁾.

ДАВИДЪ.

Не можетъ исторія указать намъ ни одного царя, имя котораго было бы такъ всеобще-извѣстно и произносилось столькими милліонами устъ, какъ имя Давида-царя; потому что, не говоря уже о евреяхъ, всѣ христіанскіе народы знаютъ и чтутъ это имя съ тѣхъ поръ, какъ стали христіанскими, и не въ образованномъ только меньшинствѣ, а во всей своей массѣ. Слава его имени болѣе всего распространялась и распространяется по лицу земли вмѣстѣ съ христіанствомъ. Если же христіанство, имѣя высочайшій идеаль нравственнаго совершенства въ лицѣ своего Божественнаго Основателя, соединяетъ имя Давида съ именемъ своего Основателя, какъ имя Его наиболѣе выдающагося предка и даже прообраза, послѣдователи же Христа возносятъ свои молитвы къ Богу словами Давидовыхъ пѣснопѣній, — то не трудно понять, какъ высока должна была быть личность Давида и сама по себѣ, чтобы сдѣлаться достойною того значенія, какое она получила въ христіанскомъ сознаніи. Священные книги евреевъ, заключающія въ себѣ обильныя историческія свидѣтельства о жизни Давида и о той благоговѣйной памяти, какую со-

---

(¹) См. апрѣл. кн.

храняло о немъ потомство, а также собственныя произведенія Давида, свидѣтельствующія о его живой религіозности, возвышавшейся до пророческаго вдохновенія,—книги эти, если читать ихъ безъ предубѣжденія, доказываютъ, что Давидъ дѣйствительно заслуживалъ той благоговѣйной памяти, какую сохранило о немъ и ближайшее, и отдаленнѣйшее потомство, и той славы, какая до сихъ поръ сопутствовала его имени. Но съ тѣхъ поръ, какъ умами нѣкоторой части западно-европейскихъ мыслителей овладѣлъ духъ отрицанія, подобно тому, какъ нѣкогда пророками царя израильскаго Ахава овладѣлъ духъ лживый ⁽¹⁾, личность Давида, наряду со многими другимъ, что чтилось христіанскимъ сознаниемъ, какъ святыня, подверглась нападкамъ, сначала легкимъ, а потомъ болѣе и болѣе ожесточеннымъ. Было время, когда не только не рѣшались сказать что-либо въ осужденіе ветхозавѣтнаго праведника, но и всѣми мѣрами старались снять съ прославленныхъ библейскихъ мужей вину за такія дѣйствія, которыя по прямому смыслу библейскихъ сказаній не относились къ ихъ чести. Нѣкоторые древніе христіанскіе богословы, въ силу высокаго значенія, какое имѣютъ для христіанскаго сознанія упоминаемыя въ Библии лица, какъ носители Откровенія, старались оправдать тѣ ихъ дѣйствія, которыя въ нравственномъ отношеніи могутъ казаться не безупречными ⁽²⁾. Раввины, глав-

---

(1) 3 Цар. 22, 22. 23.

(2) Златоустъ. *Homiliae in Genesim*. Hom. LXII. 4. Оригенъ. *Homiliae in Genesim*. *Homilia V*. Иринеи Лионскій. *Contra haereses*. Lib. 4, cap. 31. Содержаніе этой главы въ надписаніи ея выражено такъ: «мы не должны опрометчиво ставить въ вину древнимъ тѣ дѣйствія, которыя писаніе не осудило, но скорѣе должны видѣть въ нихъ образы будущихъ вещей: примѣръ—кровосмѣшеніе Лота». Амвросій Медиоланскій составилъ двѣ апологіи прор. Давида. Нужно замѣтить впрочемъ, что св. отцы въ сущности не отвергаютъ грѣховности нѣкоторыхъ дѣйствій, совершенныхъ тѣми или другимъ ветхозавѣтнымъ лицомъ; они главнымъ образомъ развиваютъ ту мысль, что намъ не слѣдуетъ осуждать тѣхъ,

нымъ образомъ изъ національнаго тщеславія, употребляли всевозможныя усилія къ тому, чтобы представить ветхозавѣтныхъ праведниковъ чуждыми даже всякой тѣни человѣческихъ слабостей и недостатковъ. Ихъ примѣру слѣдовали и нѣкоторые христіанскіе богословы позднѣйшаго времени. Въ особенности, такъ сказать, несдержанностію въ этомъ направленіи отличались католическіе богословы, такъ что, оправдывая, напр., Авраама, рѣшались утверждать, будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволительно говорить ложь⁽¹⁾. Это было прямымъ заблужденіемъ, въ основѣ котораго лежало неправильное пониманіе человѣческой праведности. И раввины, и христіанскіе богословы поставили себѣ невозможную задачу: убѣдить кого-то, что были нѣкогда люди абсолютно безгрѣшные, — забывая, что абсолютно совершенъ одинъ Богъ, что человѣческая праведность относительна, что человѣкъ не можетъ быть совершенно чуждъ человѣческихъ слабостей, не переставъ быть человѣкомъ. Понятное дѣло, что, стоя на ложной почвѣ, они принуждены были ограничиваться болѣе или менѣе остроумными разсужденіями, ни для кого не убѣдительными, а также прибѣгать къ софизмамъ, разоблачить которые не составляло особеннаго труда. Отъ этого вышла не польза для дѣла, а вредъ: друзья священно-библейскихъ лицъ работали, какъ говоритъ Генгстенбергъ, въ руку враговъ ихъ⁽²⁾. Когда народились мыслители, одержимые духомъ сомнѣнія и отрицанія, и начали нападать на религіозные авторитеты, то ихъ нападки имѣли видъ пол-

---

кого Богъ оправдалъ, и что самыя прегрѣшенія ветхозавѣтныхъ носителей Откровенія имѣли глубокое назидательное и прообразовательное значеніе. Иначе отнеслись къ дѣлу раввины и позднѣйшіе христіанскіе богословы.

(1) Hengstenberg. Beiträge zur Einleitung ins Alte Testament. 1839. В. 3. s. 527—8.

(2) Указ. соч. стр. 526.

ной правоты, пока они были направлены противъ искусственныхъ построеній ненужной и неумѣлой защиты. Вслѣдствіе этого отрицатели много выиграли въ глазахъ своихъ читателей и подготовили ихъ къ результатамъ своей дальнѣйшей разрушительной работы. Отрицательное направленіе развивалось далѣе, и въ концѣ концовъ что же мы видимъ въ частности по отношенію къ личности Давида? Онъ „честолюбивый выскочка“ и узурпаторъ, измѣнникъ, вступившій въ союзъ съ врагами своего отечества, лицемеръ, притворно надѣвавшій трауръ по убитымъ имъ людямъ, притворно набожный, наконецъ убійца, умершій „съ убійствомъ на устахъ“ (1), и хуже перваго убійцы, Каина (2). Какимъ образомъ произошло это поистинѣ удивительное превращеніе взгляда на личность Давида? Такъ называемымъ свободнымъ мыслителямъ (еще прошлаго и предпрошлаго вѣка (3)) понадобилось отвергнуть Откровеніе; а для этого нужно было уронить авторитетъ свящ. писанія. Чтобы доказать, что это обыкновенное человѣческое произведеніе, стали искать въ немъ погрѣшностей и противорѣчій самому себѣ. Съ этой точки зрѣнія разсматривали и исторію Давида. Такъ какъ Давидъ по Библии является великимъ праведникомъ, но съ другой стороны по сказаніямъ той же Библии онъ иногда несомнѣнно грѣшилъ, то въ этомъ хотѣли видѣть противорѣчіе; такъ какъ Библия не порицаетъ

---

(1) Otto Henne-Am Rhyn. Kulturgeschichte des Judentums. Jena. 1880. s. 36—40.

(2) Menzel. Staats-und-Religionsgeschichte der Königreiche Israel und Juda. Leipz. 1852. s. 120.

(3) Менцель съ особеннымъ сочувствіемъ упоминаетъ о Байлѣ, который злословилъ Давида въ 1696 году въ своемъ «Историко-критическомъ словарѣ», и о Самуэлѣ Реймарѣ (ум. 1768 г.), который дѣлалъ тоже въ своемъ рукописномъ сочиненіи, изданномъ въ свѣтъ Лессингомъ подъ названіемъ «Вольфенбюттельскіе фрагменты». Указ. соч. стр. 123 и 126. Къ нимъ нужно присоединить Тивдаля, Моргана, также Вольтера и др.

его за нѣкоторыя дѣйствія, которыя по мнѣнію мыслителей достойны порицанія, то въ этомъ видѣли погрѣшность. Изъ того, что Давидъ иногда несомнѣнно грѣшилъ, сдѣлали злонамѣренно-нелогическое заключеніе, что Давидъ былъ вообще дурной человѣкъ, что онъ уже не могъ ничего хорошаго сдѣлать, и потому стали объяснять не въ пользу Давида и тѣ факты, которые можно такъ или иначе перетолковать, хотя они легко допускаютъ толкованіе въ пользу Давида, почему конечно писатель кн. Царствъ и не порицаетъ за нихъ Давида. Напр., вынужденное бѣгство Давида въ землю филистимлянъ стали называть измѣною отечеству; причину казни потомковъ Саула во время голода стали указывать въ желаніи Давида истребить потомство Саула, будто бы опасное для узурпатора—Давида. Этого мало: стали набрасывать тѣнь даже на такія дѣла Давида, которыя ясно изображаются въ Библии какъ подвиги или какъ добродѣтели Давида. Такъ, побужденіе къ борьбѣ съ Голіаѳомъ указывали въ громадномъ честолюбіи Давида; плачевную пѣснь о гибели Саула считали притворствомъ; плясаніе Давида въ религіозномъ восторгѣ предъ ковчегомъ находили, какъ и Мелхола, неприличнымъ; въ приглашеніи Мемфиво-соея, сына Ионаѳанова, ко двору видѣли жестокость (!) Давида, — это де значило поставить сына отважнаго Ионаѳана въ ужасное положеніе: сдѣлать его предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ за царскимъ столомъ. Упрекали Давида даже за то, что онъ много воевалъ—будто бы безъ нужды,—за то, что онъ для спасенія своего трона воспользовался услугами Хусія, искусно разстроившаго козни Ахитофела, и проч. (!). Но и за всѣмъ тѣмъ, лишившись правед-

---

(¹) Комментируя 37 псаломъ, хулители Давида дошли до полного безумія, до омерзительнаго остролловія пьяныхъ людей. Подробное изложеніе нападокъ на личность Давида со стороны старыхъ вольнодумцевъ и защита его, часто солидная и удачная, иногда и совсѣмъ удач-

ности, Давидъ продолжалъ оставаться великимъ чело-
вѣкомъ: сильнымъ и неустрашимымъ воиномъ, та-
лантливымъ полководцемъ, мудрымъ администрато-
ромъ, и проч. Нужно было снять его и съ этого пье-
дестала. Этому помогла въ новѣйшія времена знаме-
нитая критика библейскаго текста. Съ тѣхъ поръ,
какъ ученые научились читать Библию между строкъ
и сочинили свою собственную библию, съ Давидомъ
справиться стало легко. Историческія книги ветхаго
завѣта получили де свой настоящій видъ въ то вре-
мя, когда на престолѣ возсѣдали потомки Давида.
Поэтому частію изъ страха, частію изъ лести предъ
ними историческіе документы подверглись всевозмож-
нымъ искаженіямъ: въ нихъ есть вставки, упущенія,
смягченія, украшенія и цѣлыя вымышленныя исто-
ріи. Такъ какъ Саулъ, оказывающійся по библей-
скимъ сказаніямъ дурнымъ царемъ, священниковъ
преслѣдовалъ, а Давидъ, о которомъ рассказано столь-
ко прекраснаго, напротивъ покровительствовалъ, то
въ этой работѣ видятъ руку жрецовъ или пророковъ,
мыслившихъ по-жречески. Послѣ этого явилась воз-
можность утверждать и отрицать все, что хотѣлось:
все, что относится прямо не къ чести Давида—исти-
тина; что можно такъ или иначе перетолковать не
въ пользу Давида,—заключаетъ въ себѣ долю исти-
ны; но что никакъ не поддается такимъ перетолко-
ваніямъ,—прямая ложь, выдумка жрецовъ. Вотъ ка-
кимъ образомъ Давидъ изъ героя и праведника сталъ
презрѣннымъ мятежникомъ и преступникомъ... Но
Давидъ попрежнему во всѣхъ непредубѣжденныхъ
умахъ продолжаетъ оставаться и героемъ, и правед-
никомъ. Поносители имени Давида проглядѣли очень
крупную вещь: сочинивъ теорію тенденціозной обра-

ная, находятся въ Die gute Sache der in der heiligen Schrift alt. und neuen Testaments enthaltenen Göttlichen Offenbarung wider die Feinde derselben erwiesen und gerettet — von Th. Chr. Lilienthal. Königsb. 1762. Thl. 6. s. 829—986.

ботки исторіи Давида въ Библии, они не обратили вниманія на то, что самыя дорогіе для нихъ факты, самыя основныя въ ихъ воззрѣніи на Давида, именно—преступленіе Давида съ Вирсавіей и умерщвленіе Урії,—въ корнѣ разрушаютъ ихъ теорію; потому что, какъ справедливо замѣтилъ еще Лео ⁽¹⁾, невозможно было исказить исторію Давида въ ущербъ истинѣ тому, кто столь неприкровенно разсказалъ приключенія съ Вирсавіей и Уріей. Живое и нечестное отношеніе къ дѣлу у безусловныхъ порицателей Давида слишкомъ бьетъ въ глаза, чтобы оно нуждалось въ какихъ-нибудь пространныхъ опроверженіяхъ. Въ исторіи Давида, тамъ, гдѣ это будетъ кстати, мы коснемся ихъ ложныхъ взглядовъ на тотъ или другой фактъ. Здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ и тяжелыхъ обвиненій, взводимыхъ на Давида. Говорятъ, что онъ былъ мятежникъ, посягнувшій на права своего законнаго государя, и похититель престола у его наслѣдниковъ. Мы не станемъ заходить въ дебри, по которымъ плутаютъ люди, предполагающіе въ историческихъ книгахъ Библии тенденціозную священническую обработку, очень неискусную, даже прямо сказать—безтолковую, и сами часто не находящіе выхода изъ массы собственныхъ произвольныхъ предположеній ⁽²⁾.

(1) Vorlesungen über die Geschichte des Jüdischen Staates. Berl. 1828. s. 145.

(2) Объ избраніи, напр., Саула, имѣющемъ близкое отношеніе къ настоящему вопросу, по мнѣнію Менцеля (указ. соч. стр. 141—147) существуетъ три различныя разсказа. Эти, будто бы различныя, разсказы онъ ставитъ рядомъ, кратко отмѣчая по мѣстамъ, что это де «прибавки позднѣйшаго собирателя древнихъ сказаній, писавшаго въ священническомъ духѣ»; но при этомъ совершенно не выясняетъ роли Самуила—дѣятельная она была или страдательная, и могло ли состояться избраніе царя безъ участія пророка? Между тѣмъ выясненіе это совершенно необходимо для рѣшенія вопроса: мятежникъ ли былъ Давидъ, какъ думаетъ Менцель, или нѣтъ?—Альмъ, отыскивающій истину всюду, гдѣ нѣтъ ея, совершенно запутался въ собственныхъ предположеніяхъ

Мы поведемъ разсужденіе съ тѣми, кто читаетъ Библию безъ ученаго предубѣжденія, но тѣмъ не менѣе можетъ подумать: не былъ ли въ самомъ дѣлѣ Давидъ тѣмъ, что называютъ „узурпаторъ“? Итакъ когда и какъ Давидъ возсталъ противъ своего законнаго государя? Говорятъ, что самое бѣгство его отъ Саула есть уже возмущеніе, а затѣмъ его независимая жизнь на югѣ Палестины во главѣ отряда собравшихся къ нему людей; пребываніе же его въ землѣ филистимлянъ есть измѣна отечеству и прямая угроза Саулу. „Все это думаютъ, скажемъ словами Лео по поводу подобныхъ же предположеній, и все мыслимо; а затѣмъ ничего болѣе. Если, говоритъ онъ ниже, принимать за дѣйствительно происшедшее все, что можетъ прійти въ голову, то въ концѣ концовъ въ исторіи ничего не осталось бы въ томъ видѣ, какъ теперь принимаютъ“ (1). Дѣло въ томъ, что существующій текстъ Библии не даетъ ни малѣйшаго права, ни даже повода къ обвиненію Давида въ возмущеніи; изъ него мы видимъ, что Давидъ бѣжалъ отъ Саула, спасая свою жизнь, и затѣмъ только скрывался отъ него, но никогда не угрожалъ. Правда Альмъ проходитъ молчаніемъ тотъ фактъ, что Сауль пытался

при объясненіи дружбы между Ионааномъ и Давидомъ, которую онъ назчалъ «явленіемъ совершенно неестественнымъ». Ему и не хотѣлось бы признать разсказъ о ней историческимъ, но въ тоже время онъ не понимаетъ, для чего нужно было выдумывать эту дружбу. Поэтому онъ додумался, что «хитрый» Давидъ показывалъ видъ, будто онъ хочетъ свергнуть «меланхолическаго царя» въ пользу Ионаана. Сауль де могъ имѣть въ виду предоставить престолъ не Ионаану, а другому сыну. Если же это предположеніе не годится, то вотъ другое: «возможно также, что они условились подѣлить царство, такъ что Давиду достался бы Іуда, а Ионаану Израиль». Не видно только, сознается Альмъ, почему Ионаанъ, имѣвшій право на все царство, добровольно уступалъ Давиду Іуду. «Какъ они между собою поладили—это неясно». Указ. соч. стр. 380—81. Дѣйствительно неясно, только не въ библейскомъ сказаніи, а въ головѣ автора, давашаго слишкомъ большую волю своей фантазіи.

(1) Указ. соч. стр. 144—5.

пронзить Давида копьемъ (¹); но мы этому нисколько не удивляемся. Мы не удивились бы даже, если бы этотъ горячій защитникъ Саула и ожесточенный хулителъ Давида выразилъ убѣжденіе, что разсказъ объ этомъ фактѣ искаженъ рукою священника,—что не Саулъ бросалъ въ Давида копьемъ, а Давидъ въ Саула.... Однако мысль о царствѣ была у Давида, хотя для осуществленія ея онъ и не предпринималъ ничего при жизни Саула. Можетъ быть самая мысль эта была уже преступленіемъ? Она была бы преступленіемъ, если бы пришла Давиду въ голову самостоятельно. Здѣсь не нужно забывать того значенія и участія, какое Самуилъ имѣлъ въ избраніи царя для евреевъ. Значеніе и участіе Самуила въ этомъ очень ясно опредѣляютъ слова старѣйшинъ Израиля, обращенныя къ нему: „поставь надъ нами царя“ (²). Очевидно старѣйшины полагали, что безъ пророка въ этомъ случаѣ обойтись невозможно. Правда, окончательное признаніе царя зависѣло отъ народа; но если въ тоже время и участіе пророка было необходимо, то въ какой мѣрѣ Саулъ пріобрѣталъ право на царство отъ участія Самуила въ избраніи его, въ такой же мѣрѣ онъ лишался этого права съ тѣхъ поръ, какъ Самуилъ отвергнулъ его. Въ сущности Саулъ остался послѣ этого царемъ только по праву сильного. Допустимъ, что значеніе пророка и теперь было громадно, допустимъ, что народъ согласился бы на низложеніе Саула, какъ прежде согласился на утвержденіе его; но какъ было привести въ исполненіе это рѣшеніе, когда у царя подъ рукою было войско? Оставляя Саула царствовать только по необходимости, отступая только передъ его силой, Самуилъ имѣлъ право перенести ту санкцію, которую отнял у него, на другое лицо, и на это лицо не можетъ

(¹) Указ. соч. Zwölfter Brief.

(²) 1 Цар. 8, 5.

падать обвиненіе въ самовольномъ присвоеніи той доли права на царство, которая была связана съ этой пророческой санкціей. Что же касается того, что будто бы Давидъ нарушилъ права потомства Саулова, то на это нужно сказать только, что правъ этихъ не существовало, — наследованіе престола отъ отца къ сыну никакимъ закономъ не было опредѣлено, его не существовало пока у евреевъ и въ обычаѣ. — Возвращаясь къ оцѣнкѣ личности Давида и къ изображеніямъ ея, намъ остается еще замѣтить, что и тѣ западные писатели, которые не раздѣляютъ крайнихъ воззрѣній на Давида и признаютъ его во многихъ отношеніяхъ великимъ человѣкомъ, часто не вполне довѣряютъ библейскимъ сказаніямъ о немъ. Такъ напр., исторію юности его большею частію признаютъ сказочною ⁽¹⁾, въ особенности борьбу съ Голиафомъ ⁽²⁾, и историческою истиною признаютъ только то, что Давидъ вообще храбро сражался съ филистимлянами. Умерщвленіе Сауловыхъ потомковъ по случаю голода объясняютъ народными суевѣріями, которыхъ будто бы не чуждъ былъ и Давидъ ⁽³⁾, и проч. Вслѣдствіе этого, и при отсутствіи художественнаго чутья у большей части писателей, личность Давида обезцвѣчивается и даже искажается въ смыслѣ исторической и психологической правды. По нашему убѣжденію только тогда предъ нами можетъ возникнуть живая историческая личность Давида съ опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, удовлетворительно объясняющимъ все его дѣйствія и отношенія къ людямъ и событіямъ, когда мы съ пол-

---

⁽¹⁾ «Какъ народное преданіе, такъ и пророческо-еократическая историографія ради возвеличенія Давида уже въ исторію его юности ввели легендарныя и часто вымышленныя повѣствованія. Langhans. Указ. соч. стр. 112.

⁽²⁾ Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Leipz. 1855. Thl. I. s. 206.

⁽³⁾ Тамъ же. стр. 245.

нымъ довѣріемъ будемъ читать библейскія сказанія о немъ. При этомъ, если мы желаемъ представить въ яркомъ свѣтѣ достоинства и заслуги Давида, то не должны бояться, имѣя для себя образцомъ самого библейскаго повѣствователя, представить въ столь же яркомъ свѣтѣ и его заблужденія. Не слѣдуетъ думать, что при такомъ изображеніи Давидъ перестанетъ казаться праведникомъ, что мы вмѣсто праведника изобразимъ грѣшника: праведность человѣка опредѣляетъ не человѣкъ, а Богъ и водимый Духомъ Святымъ разумъ церкви. Если однако разумъ церкви призналъ Давида праведникомъ, то это не значитъ, что онъ не могъ уже никогда согрѣшить; и если личность его имѣла провиденціальное значеніе, потому что онъ „мужъ по сердцу Божію, который долженъ былъ исполнить всѣ хотѣнія Божіи“ (1), чего не слѣдуетъ забывать ни въ какомъ случаѣ, то не нужно забывать и того, что онъ былъ человѣкъ, надѣленный плотію и кровію, а не богословская идея, облеченная въ порфиру и опоясанная мечемъ. Не нужно забывать также, что Давидъ былъ человѣкъ ветхозавѣтный—жилъ подъ закономъ, а не подъ благодати (2). И не смотря на то нравственная его личность такъ высока, даже при извѣстныхъ его недостаткахъ, что если бы мы стали сглаживать и прикрывать эти недостатки, то сдѣлали бы можетъ быть попытку доказать противное словамъ Спасителя: „меньшій въ царствѣ небесномъ (т. е., въ царствѣ благодати) больше даже Іоанна Крестителя, который былъ выше всѣхъ, рожденныхъ женами во времена ветхозавѣтныя“ (3)... Обратимся теперь къ исторіи Давида-царя.

(1) Дѣян. 13, 22. 23. 4 Цар. 13, 14. Пс. 88, 21.

(2) Матѳ. 5, 21. 22. 27. 28. 31. 34. 38. 39. 43. 44.

(3) Матѳ. 11, 11.

Неожиданная гибель Саула и его сына—героя, Ионаана, создала обстоятельства, при которыхъ стало возможнымъ исполненіе опредѣленія Божія чрезъ Самуила: быть Давиду царемъ надъ Израилемъ. Ждать болѣе было нечего, да и не было возможности. Ложное положеніе Давида въ землѣ филистимской каждую минуту грозило сдѣлаться критическимъ. Народъ, надъ которымъ царствовать ему было обѣщано, находился въ бѣдственномъ положеніи, и приверженцы Давида могли съ недоумѣніемъ спрашивать: что дѣлаетъ Давидъ въ землѣ враговъ Израиля? Поэтому, не дожидаясь возвращенія побѣдоносныхъ филистимлянъ съ ихъ царемъ, который, можетъ быть, и удостоилъ бы его предложеніемъ управлять нѣкоторою частію еврейской земли, но на унижительныхъ условіяхъ,—онъ поспѣшно покидаетъ филистимскую землю, чтобы сѣсть самостоятельно въ своемъ отечествѣ на упраздненный престолъ. Само собою понятно, что и теперъ воцареніе его надъ всѣмъ Израилемъ не могло совершиться вдругъ. Сѣверныя колѣна, до Веніамина включительно, были подъ властью филистимлянъ; за Иорданомъ находился Авениръ съ остатками войска и съ уцѣлѣвшими потомками Саула, не расположенными отказываться отъ своихъ правъ. Оставалось одно колѣно Іудино, которое на этотъ разъ осталось въ сторонѣ отъ вторженія филистимлянъ, которое было ему роднымъ и съ которымъ онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ тѣхъ поръ, какъ бѣжалъ отъ преслѣдованія Саула. Всего ближе и всего естественнѣе было направиться Давиду именно въ это колѣно, какъ и показало откровеніе чрезъ первосвященника, которое онъ пожелалъ получить, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться. Колѣно Іудино, не забывшее славы и заслугъ Давида, не желавшее примкнуть къ слабому потомку Саула, скрывавшемуся за Иорданомъ отъ враговъ своей земли, и убѣжденное въ способности Давида защитить свою землю отъ филистимлянъ и отъ всякихъ другихъ враговъ, съ удовольствіемъ

приняло его и торжественно поставило надъ собою царемъ въ Хевронъ. Такъ воцарился Давидъ, сначала въ одномъ колѣнѣ. Но это колѣно было многолюдно, Давидъ, не смотря на свою относительную молодость (ему было 30 лѣтъ), былъ опытный, искушенный уже жизнію правитель; у него подъ рукою было 600 отважныхъ мужей, между которыми было не мало настоящихъ героевъ и высокоталантливыхъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ немедленно же сталъ увеличивать свою военную силу на случай борьбы съ врагами, привлекая къ себѣ мужественныхъ сыновъ Иуды надеждою славы и добычи. Такимъ образомъ онъ прочно утвердился на престолѣ въ одномъ изъ важнѣйшихъ колѣнъ, и ему оставалось теперь подумать, какимъ образомъ привлечь къ подножію своего престола остальные колѣна Израиля. Не принимая пока ничего по отношенію къ колѣнамъ по сю сторону Иордана, находившимся подъ властію филистимлянъ, онъ обратилъ вниманіе на независимыя за-иорданскія колѣна. Иевосоей, сынъ Сауловъ повидимому еще не былъ признанъ царемъ за Иорданомъ; положеніе было неопредѣленное. Но извѣстіе о поступкѣ жителей Гависа Галаадскаго (погребеніе останковъ Саула и дѣтей его), которымъ они засвидѣтельствовали свою благодарную память и приверженность къ Саулу, уже успѣло дойти до Хеврона. Поэтому Давидъ рѣшился прежде всего узнать мысли и расположенія мужественныхъ и честныхъ жителей Гависа. Онъ послалъ къ нимъ пословъ съ порученіемъ сказать слѣдующее: „благословенны вы у Господа за то, что оказали эту милость господину своему Саулу и погребли его и Ионаѳана, сына его. И нынѣ да воздастъ вамъ Господь милостію и истиною; и я сдѣлаю вамъ благодареніе за то, что вы это сдѣлали. Нынѣ да укрѣпятся руки ваши и будьте мужественны; ибо господинъ вашъ, Саулъ, умеръ, и меня помазалъ домъ Иудинъ царемъ надъ собою“. Это было деликатнымъ и осторожнымъ предложеніемъ со сто-

роны Давида признать его власть. Давидъ очевидно пробоваль почву, чтобы узнать, можетъ ли его власть безпрепятственно распространиться за предѣлы Иудина колѣна (¹). Для этого онъ обратился прежде всего къ жителямъ Гависа, обнаружившимъ свою глубокую преданность къ Сауду, и ожидалъ, какъ они отзовутся: питаютъ ли они къ нему (Давиду) вражду или же набоортъ и они чувствуютъ на себѣ обаяніе его личности. Неизвѣстно, какъ отнеслись бы къ этому предложенію жители Гависа, а съ ними и вся за-іорданская страна, если бы не подоспѣло противоположное вліяніе Авенира, который выдвинулъ права Іевосея. Мужественный Авениръ, взявшій подъ свое покровительство сына Саулова, утвердилъ его царемъ въ Маханаимѣ, крѣпкомъ по своему мѣстоположенію городѣ гористаго Галаада. Вся за-іорданская страна признала Іевосея своимъ царемъ. Сѣверныя колѣна по сю сторону Іордана, рабствовавшія филистимлянамъ и возлагавшія надежды на Іевосея, или вѣрнѣе — на его предприимчиваго военачальника, тоже согласились считать Іевосея своимъ царемъ, хотя фактическая власть надъ ними безъ сомнѣнія принадлежала филистимлянамъ, охранные отряды которыхъ Авениру повидимому не удалось изгнать, какъ объ этомъ можно судить по относительной слабости Іевосеева царства, не смотря на его обширность (²). Давиду представлялся выборъ:

(¹) Къ этому же времени необходимо отнести его сношенія съ царемъ Гессура, владѣнія котораго вскорѣ повидимому подпали подъ власть Іевосея (см. ниже). Сношенія эти завершились бракомъ Давида съ дочерью царя гессурскаго. 2 Цар. 3, 3.

(²) 2 Цар. 2, 9. Объемъ Іевосеева царства описывается такъ: «и воцарилъ (Авениръ) его надъ Галаадомъ и Ашуромъ, и Изреелемъ, и Ефремомъ, и Веніаминомъ, и надъ всѣмъ Израилемъ». Подъ Галаадомъ здѣсь разумѣется за-іорданская страна, бѣльшая часть которой составляла удѣлъ Манассіи; подъ Ашуромъ обыкновенно разумѣютъ Гессуръ, небольшое царство, лежавшее близъ сѣверо-восточнаго угла за-іорданской области. 2 Цар. 3, 3; 13, 34; 15, 8. Эвальдъ. Указ. соч. стр. 145.

или оставаться навсегда царемъ одного колѣна, или отнять подданныхъ у Іевосея. Послѣднее неминуемо должно было привести къ междоусобной братоубійственной войнѣ. Война дѣйствительно произошла и тянулась долго, хотя господствомъ надъ всѣмъ Израилемъ Давидъ *не ей обязанъ*. По чьей же винѣ она произошла? Кто былъ ея зачинщикомъ и съ какою цѣлю? Мы не думаемъ, чтобы въ этомъ повиненъ былъ Давидъ, съ такимъ уваженіемъ относившійся къ правамъ Саула и не могшій не признать этихъ правъ и за его потомствомъ, по крайней мѣрѣ отчасти. Судя по одному происшествію, рассказанному въ Библии, которое по всѣмъ признакамъ предшествовало междоусобной войнѣ и было первою искрою пожара, можно догадываться, что въ возбужденіи междоусобія повинны военачальники Іевосея и Давида. Авениръ, бывшій при Іевосееѣ всесильнымъ, потому что только благодаря ему держался престолъ царя, предпринялъ военную прогулку въ области по сую сторону Іордана (можетъ быть съ цѣлю вытѣснить охранные филистимскіе отряды) и очутился для чего-то въ Гаваонѣ, близъ предѣловъ Давидова царства (¹). Здѣсь онъ столкнулся съ Іоавомъ, военачальникомъ Давида, который зорко слѣдилъ за движеніями Авенира, неустанно оберегалъ интересы Давида и который тоже, какъ увидимъ вскорѣ, спосо-

---

Reuss. La bible. Traduction nouvelle... Paris. 1877. part. 1. p. 334. Подъ Изреелемъ разумѣется обширная равнина, принадлежавшая колѣнамъ Иссахарову и Завулонову. Такимъ образомъ царство Іевосея по сую сторону Іордана обнимало колѣна: Завулоново, Иссахарово, Ефремово и Веніаминово, т. е., почти всю землю евреевъ къ сѣверу отъ колѣна Іудина.

(¹) Hitzig прямо приписываетъ Авениру желаніе присоединить къ царству Іевосея и колѣно Іудино. Geschichte des Volkes Israel. Leipz. 1869. s. 138—9. Мункъ тоже говоритъ, что Авениръ перешелъ Іорданъ, чтобы покорить колѣно Іудино. Palestine. Description geograph., histor., et archeolog. Paris. 1845. p. 268. Тоже буквально въ Душен. Чт. 1872 г. ч. 3, стр. 75.

бень былъ не стѣсняться волею своего государя и нерѣдко дѣйствовалъ на свой страхъ. У полководцевъ могла зародиться мысль испробовать свои взаимныя силы и, въ случаѣ перевѣса надъ противникомъ сдѣлать неожиданное пріобрѣтеніе для своего государя, на что послѣдній не сталъ бы сердиться. Отряды встрѣтились повидимому дружелюбно. „Пусть встанутъ юноши и поиграютъ съ нами“, предложилъ Авениръ Іоаву, котораго онъ зналъ лично. Іоавъ согласился, и выставили по 12 человѣкъ. Играющіе моментально пронзили другъ друга мечами и легли на мѣстѣ ⁽¹⁾. Тогда оба отряда во всемъ своемъ составѣ съ ожесточеніемъ кинулись другъ на друга и произошла настоящая битва. Люди Іоава одолѣли отрядъ Авенира, обратили его въ бѣгство и перебили 360 человѣкъ, пока Авениръ не собралъ бѣгущихъ и не укрѣпился на одномъ холмѣ. Іоавъ хотѣлъ выбить его и отсюда; но Авениръ попросилъ мира, и Іоавъ отступилъ. Онъ остался побѣдителемъ и потерялъ только 20 человѣкъ. Но въ числѣ убитыхъ былъ братъ его Асаиль. Этотъ юноша палъ жертвою своего безумія. Пылкій, неустрашимый и честолюбивый, какъ и его братья (Іоавъ и Авесса), но еще не обладавшій необходимымъ на войнѣ благоразуміемъ, онъ пожелалъ взять на полѣ сраженія самый крупный призъ: убить Авенира и овладѣть, какъ трофеемъ, его доспѣхами. Поэтому во время бѣгства Авенира съ отрядомъ онъ предпринялъ исключительно за нимъ неотступную погоню. Авениръ, опытный и хладнокровный воинъ, понялъ безразсудное намѣреніе молодаго человѣка, но нимало не испугался. Напротивъ, увѣренный въ своемъ несомнѣнномъ превосходствѣ надъ нимъ и не желая нажить себѣ въ

---

(1) Мѣсто это получило извѣстность и стало называться Хелкаеъ-Хаццуримъ. По тексту Вульгаты — *Ager robustorum*; по греческому — *Μερίς ἐπιβούλων* (участокъ коварныхъ). Предполагаютъ, что сразившіеся употребили другъ противъ друга одну и ту же хитрость для вѣрнѣйшаго нанесенія удара.

Иоавъ личного врага и мстителя крови (¹), онъ на бѣгу два раза уговаривалъ юношу отстать отъ него, и если ему нуженъ побѣдный трофей, убить одного изъ рядовыхъ воиновъ, бѣжавшихъ по близости. Но Асаиль не послушалъ великодушнаго совѣта, и Авениръ безъ труда поразилъ его на-смерть. Какъ и слѣдовало ожидать, это возбудило въ Иоавѣ страшную злобу противъ Авенира, которая вѣроятно и давала всего болѣе пищу междоусобной войнѣ и въ концѣ концовъ надѣлала много затрудненій и безпокойства Давиду. „И была, сказано послѣ этого, продолжительная распря между домомъ Сауловымъ и домомъ Давидовымъ. Давидъ все болѣе и болѣе усиливался, а домъ Сауловъ болѣе и болѣе ослабѣвалъ“. Эта распря не произвела никакихъ территоріальныхъ измѣненій во враждующихъ государствахъ, но ясно показала, что преимущество было на сторонѣ Давида. Преимущество Давида предъ Іевосеемъ заключалось въ томъ, что его царство было хотя и небольшое, но густо населенное, не заключало въ себѣ разнородныхъ элементовъ, имѣло округленныя границы и никѣмъ не угрожалось. Самъ Давидъ былъ геніальный полководецъ и администраторъ и окруженъ былъ талантливыми, рѣшительными и преданными людьми, еще при жизни Саула собравшимися къ нему изъ всѣхъ колѣнъ, не исключая и Веніамина. Царство же Іевосея хотя было обширно, но разнородно, разрѣзанное Іорданомъ на двѣ половины, довольно сильно разнившіяся другъ отъ друга, изъ которыхъ одна, наибольшая, испытывала гнетъ филистимлянъ и не могла находить себѣ надежной защиты у царя, жившаго по ту сторону Іордана. Іевосей былъ человекъ слабый (²); его личность ступшевывалась не только

(¹) 2 Цар. 14, 7. Втор. 19, 6. Лев. 35, 25.

(²) Іевосей, иначе Ишбошетъ. יִשְׁבוֹשֶׁט׃—мужъ поношенія. Онъ носилъ и другое имя, не заключавшее въ себѣ намека на его слабость—Ешбааль. 1 Пар. 8, 33.

предъ личностью Давида, но и его собственнаго военачальника, Авенира. Паденіе его царства рано или поздно было неизбежно, и обстоятельства, подготовившія единовластіе Давида, быстро созрѣвали. Настоящимъ врагомъ его оказался не Давидъ, а его собственные подданные. Прежде всего Авениръ счелъ дѣло Іевосоея совсѣмъ потеряннымъ и замыслилъ на развалинахъ его царства основать свое собственное. Онъ оболѣстилъ бывшую наложницу Саулову Ресфу и овладѣлъ ею. Это дѣяніе по тогдашнимъ понятіямъ означало, что Авениръ какъ бы вступалъ въ права самого Саула. Что предпринялъ бы онъ далѣе, въ качествѣ такъ сказать уже отца Іевосоея, неизвѣстно. Вѣрно то, что онъ такъ или иначе постепенно перенесъ бы на себя всѣ прерогативы царской власти и, не дѣлая можетъ быть никакого физическаго насилія надъ Іевосоеемъ, лишилъ бы его даже и тѣни царской власти. Іевосоей почувствовалъ опасность и съ неожиданной для Авенира твердостью поставилъ ему на видъ безчестность его поступка. Авениръ, никогда не чувствовавшій себя подданнымъ Іевосоея, вмѣсто страха или раскаянія обнаружилъ необузданный гнѣвъ. „Развѣ я собачья голова?—закричалъ онъ. Я противъ Іуды оказалъ нынѣ милость дому Саула, отца твоего, братьямъ его и друзьямъ его и не предалъ тебя въ руки Давида; а ты разыскиваешь нынѣ на мнѣ грѣхъ изъ-за женщины. То и то пусть Богъ сдѣлаетъ Авениру и еще больше сдѣлаетъ ему! Какъ клялся Господь Давиду, такъ и сдѣлаю ему. Отниму царство отъ дома Саулова и поставлю престолъ Давида надъ Израилемъ и надъ Іудою отъ Дана до Вирсавіи“⁽¹⁾. Іевосоей молча перенесъ это неслыханное оскорбленіе царю отъ подданнаго „ибо, сказано, боялся его“: Тѣмъ не менѣе Аве-

(1) Данъ—крайній сѣверный пунктъ земли еврейской; Вирсавія—крайній южный пунктъ.

ниръ бросилъ свой первоначальный планъ, успѣхъ котораго основывался главнымъ образомъ на предполагаемой неспособности Иевосея къ какому бы то ни было протесту, и рѣшился въ досадѣ (больше нечѣмъ объяснить это) привести въ исполненіе свою угрозу: измѣнить Иевосею въ пользу Давида. Онъ рассчитывалъ на благодарность Давида и надѣялся играть видную роль, быть первымъ послѣ царя въ обширномъ и сильномъ еврейскомъ царствѣ. Хотя при Иевосеѣ до сихъ поръ онъ пользовался большимъ значеніемъ и могуществомъ, чѣмъ какое ему предоставилъ бы Давидъ, но досада на неудачу заставляла его примириться съ этимъ; притомъ же послѣ открытаго разрыва съ Иевосеемъ онъ могъ удержать свое значеніе только явнымъ насиліемъ, на что онъ не рѣшался. Онъ завязалъ тайныя сношенія съ Давидомъ и послалъ къ нему довѣренныхъ людей переговорить о томъ, кому должна принадлежать земля (т. е., вся еврейская земля)—Иевосею или Давиду (1). При этомъ послы должны были сдѣлать Давиду отъ лица Авенира прямое предложеніе: „заключи союзъ со мною, и рука моя будетъ съ тобою, чтобы обратить къ тебѣ весь народъ израильскій“. Если въ самомъ началѣ Давидъ не желалъ отнять царство у Саулова потомка силою, ожидая, что какъ-нибудь безъ насилія, безъ нарушенія правъ Саулова дома обстоятельства доставятъ ему власть надъ всею землею, и междуособная война, какъ мы видѣли, воз-

---

(1) Буддей предполагаетъ, что Иевосей самъ будто бы согласился уступить царство Давиду послѣ того какъ увидалъ, что не можетъ противустоять Авениру, и послѣдній завязалъ сношенія съ Давидомъ не безъ соизволенія Иевосея. *Historia eccles. Veteris Testamenti*. Edit. 4. 1752. Т. 2. р. 106. Предположеніе это заключаетъ въ себѣ мало вѣроятности, и трудно сказать, на чемъ оно основано. Повидимому уважаемый ученый опирается на тотъ фактъ, что Иевосей отпустилъ Авенира проводить Мелхолу къ Давиду. Стр. 103. Фактъ этотъ дѣйствительно говорилъ бы многое, если бы можно было устранить предположеніе, что Авениръ самъ отпавился, и Иевосей не имѣлъ силы удержать его.

ника не по его винѣ; то теперь обстоятельства сложились такъ, что безучастное отношеніе, простое выжиданіе стало невозможнымъ. Если самъ Авенирь, близкій родственникъ Іевосея, важнѣйшее лицо въ государствѣ и, такъ сказать, основатель царства, приносилъ это царство къ ногамъ Давида, то несомнѣнно, что тамъ дѣла обстояли слишкомъ худо. Что было бы, если бы Давидъ не принялъ предложеніе Авенира? Было бы то, что тамъ на мѣстѣ Іевосея въ скоромъ времени явился бы узурпаторъ, если не самъ Авенирь, то кто-нибудь другой, котораго Давидъ уже не могъ бы и не долженъ былъ терпѣть; пришлось бы предпринять новую, можетъ быть, продолжительную междоусобную войну. Этимъ могли воспользоваться враждебные евреямъ сосѣдніе народы, и Израиль былъ бы доведенъ до такого политическаго ничтожества, изъ котораго онъ никогда не поднялся бы. Въ силу такихъ, нужно думать, соображеній Давидъ и рѣшилъ ускорить развязку, уже не обращая вниманія на идеальныя права Саулова потомка. Онъ поручилъ сказать Авениру: „хорошо, я заключу союзъ съ тобою; только прошу тебя объ одномъ, именно: ты не увидишь лица моего, если не приведешь съ собой Мелхолы, дочери Саула, когда прійдешь увидѣться со мною“. Т. е., Давидъ желалъ, во-первыхъ, не только возстановить свою поруганную честь отнятіемъ у него Мелхолы, когда-то любившей его и бывшей его первою, можетъ быть, единственною любовію въ собственномъ смыслѣ, но и возобновить свою связь съ Сауловымъ домомъ, подкрѣплявшую въ глазахъ народа его права на престолъ; во-вторыхъ, онъ желалъ лично переговорить съ Авениромъ, а для этого препровожденіе послѣднимъ Мелхолы представляло единственный удобный и благовидный случай. вмѣстѣ съ этимъ Давидъ отправилъ формальное посольство къ Іевосею съ требованіемъ возвратитъ ему Мелхолу. Іевосеей не нашель требованіе Давида несправедливымъ, взялъ Мелхолу отъ

Фалтія, которому она была отдана Сауломъ, и послалъ ее съ Авениромъ къ Давиду. Іеросоей или не вѣрилъ въ угрозу Авенира, или думалъ, что дѣло ограничится присоединеніемъ къ Давиду колѣнъ по правую сторону Іордана, противъ чего ему и бороться не стоило, такъ какъ они принадлежали ему только номинально. Этимъ вѣроятно дѣло ограничилось бы и дѣйствительно, если бы Іеросоей не погибъ. Мужъ, у котораго отняли жену, чтобы отдать ее другому, долго провожалъ ее со слезами, пока Авениръ не приказалъ ему сурово возвратиться восвояси. Дорога изъ Маханаима въ Хевронъ лежала чрезъ Ефремово колѣно, важнѣйшее и сильнѣйшее изъ сѣверныхъ, и чрезъ Веніаминово, наиболѣе заинтересованное въ династическомъ вопросѣ. Авениръ обращался къ старѣйшинамъ этихъ колѣнъ съ воззваніями такого рода: „и вчера, и третьяго дня (т. е., всегда) вы желали, чтобы Давидъ былъ царемъ надъ вами. (Авениръ не могъ бы такъ говорить, если бы это не была правда). Теперь сдѣлайте это. Ибо Господь сказалъ Давиду: рукою раба Моего, Давида, Я спасу народъ Мой, Израиля, отъ руки филистимлянъ и отъ руки всѣхъ враговъ его“. Неизвѣстно, кому и гдѣ Господь говорилъ это (можетъ быть Самуиль въ послѣдніе дни жизни открылъ тайну помазанія Давида), но голосъ народный былъ именно таковъ. Колѣна Ефремово и Веніаминово, находившіяся подъ непосредственнымъ гнетомъ филистимлянъ, не могли быть равнодушны къ рѣчамъ Авенира. Прибывъ въ Хевронъ, Авениръ сообщилъ Давиду должно быть весьма пріятныя вещи, потому что онъ устроилъ для Авенира и его свиты пиршество. Затѣмъ Авениръ отправился продолжать начатое имъ дѣло. Лишь только онъ ушелъ, какъ возвратился Іоавъ изъ какого-то счастливаго похода. Здѣсь онъ узнаетъ, что приходилъ Авениръ и обласканный Давидомъ ушелъ. Подозрѣніе и злоба закипѣли въ его неукротимомъ сердцѣ. Онъ рѣшился погубить Авенира во что бы то ни стало, потому что

и подозрѣвалъ въ его замыслахъ опасное для себя, какъ перваго при Давидѣ, и ненавидѣлъ Авенира, какъ убійцу брата своего. Онъ сначала попытался возбудить въ Давидѣ подозрѣніе противъ Авенира, что онъ де приходилъ съ злымъ умысломъ, и надѣялся, что Давидъ прикажетъ догнать его и умертвить. Но не успѣвши въ этомъ, онъ сталъ дѣйствовать на свой страхъ. Онъ немедленно послалъ гонцовъ за Авениромъ, якобы отъ Давида, которые и воротили его. Иоавъ поспѣшилъ встрѣтить его въ воротахъ города и здѣсь предательски умертвилъ его. Этотъ безобразный поступокъ Иоава привелъ Давида въ страшное смущеніе. Что скажетъ народъ, что подумаютъ старѣйшины? Авениръ, знаменитый вождь, оказавшій столько услугъ отечеству и имѣвшій оказать еще болѣе, предательски убитъ въ Давидовомъ городѣ! Онъ торжественно отрекся отъ соучастія въ преступленіи: „невиненъ я и царство мое во вѣкъ предъ Господомъ въ крови Авенира, сына Нирова“,— и проклялъ Иоава: „пусть кровь эта падетъ на голову Иоава и на весь домъ отца его; пусть никогда не останется домъ Иоава безъ сѣменоточиваго или прокаженнаго, или опирающагося на посохъ, или падающаго отъ меча, или нуждающагося въ хлѣбѣ“. Затѣмъ Давидъ наложилъ трауръ на себя и на свой дворъ, похоронилъ Авенира съ честію и плакалъ непритворно надъ его гробомъ, говоря: „смертію ли подлаго умирать было Авениру? Руки твои не были связаны, и ноги твои не въ оковахъ (т. е., ты не былъ ни рабомъ, ни плѣнникомъ, ни осужденнымъ), и ты палъ, какъ падаютъ отъ разбойниковъ“. Народъ пришелъ въ умиленіе отъ слезъ царя и тоже плакалъ. Лично для себя Давидъ простеръ свой трауръ до того, что отказался ѣсть во весь день. Такое обнаруженіе печали сняло съ Давида подозрѣніе въ соучастіи съ Иоавомъ, котораго онъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго, лишилъ даже званія главнокомандующаго. „И весь народъ узналъ это (т. е., какъ

скорбить Давидъ), замѣчаетъ лѣтописецъ просто, и понравилось ему это, какъ и все, что дѣлалъ царь, нравилось всему народу“. Но наказать Иоаву, какъ преступника, Давидъ не могъ, потому что послѣднее могло выйти горше перваго. Иоавъ былъ настолько значительнымъ лицомъ и по роду, и по занимаемому имъ положенію въ государствѣ, войско такъ было привязано къ нему (да и народъ, не смотря на его дерзкій нравъ, не могъ не цѣнить его заслугъ и безспорнаго патріотизма), что осудить его на смерть было бы опасно; тѣмъ болѣе, что у него былъ еще братъ Авесса, столь же рѣшительный и неукротимый, который непременно взялся бы отомстить кровь своего брата. Поэтому Давидъ только публично пожаловался на этихъ людей: „я теперь еще слабъ, хотя и помазанъ на царство, а эти люди, сыновья Саруи, сильнѣе меня. Пусть же Господь воздастъ дѣлающему злое по злобѣ его“. Это признаніе Давида не обнаруживаетъ въ немъ человѣка слабого вообще, а скорѣе наоборотъ доказываетъ силу духа; потому что истинно сильный человѣкъ никогда не стыдится и не скрываетъ своей слабости, происходящей не отъ него самого, а отъ непреодолимыхъ обстоятельствъ; люди же, дѣйствительно слабые, всего менѣе склонны признаваться въ своей слабости. Вѣсть о гибели Авенира привела Іевосоея въ отчаяніе: „и опустились руки его, и весь Израиль смутился“. Какъ ни грубъ былъ съ нимъ Авениръ, но онъ составлялъ его единственную силу, потому что поддерживать его было въ интересъ самого Авенира. (Въ исполненіе угрозы отнять у него царство Іевосоей, какъ это по всему видно, не вѣрилъ). Теперь же съ гибелью Авенира ни одинъ сильный человѣкъ не связывалъ свои интересы съ личностью слабого царя; напротивъ всякій полагалъ свой интересъ въ гибели Іевосоея, котораго погубить было гораздо легче, чѣмъ поддержать. Весь Израиль, сказано, смутился. Народъ почувствовалъ, что онъ теперь подобенъ овцамъ безъ пастуха. Дур-

ные элементы, всегда и вездѣ имѣющіеся, пришли въ броженіе. Дворъ сдѣлался ареной происковъ и злостныхъ замысловъ. Голова Іевосея, съ которой было связано цѣлое царство, сдѣлалась добычей, на которую были устремлены жадные взоры корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ людей. Въ такомъ положеніи находился Іевосея къ концу своего 2-лѣтняго ⁽¹⁾ царствованія. Наконецъ часъ его насталь. Два предводителя его войска, получившіе первенствующее значеніе и свободный доступъ къ царю послѣ Авенира, Рихавъ и Баана, вениаминяне, замыслили подарить Давиду цѣлое царство, чтобы получить за это соотвѣтствующее вознагражденіе. Не предпринимая для этого никакихъ лишнихъ трудовъ подобно Авениру, они тайно вошли въ покои Іевосея и отрубили ему голову. Съ этимъ вещественнымъ доказательствомъ своего преступленія, въ надеждѣ, что Давидъ съ благодарностію приметъ помазаніе кровію этой головы на царство въ 11-ти колѣнахъ и озолотитъ ихъ, они поспѣшили въ Хевронъ. Но съ ними случилось то же, что и съ амаликитяниномъ, принесшимъ Давиду вѣнецъ и запястье Саула, — Давидъ немедленно приказаль умертвить ихъ, изуродовать трупы и повѣсить на людномъ мѣстѣ для посрамленія.

Одиннадцать колѣнъ остались безъ царя. Можетъ быть они имѣли мысль совсѣмъ остаться безъ царя и попробовать жить постарому, потому что уже первое царствованіе отчасти подтвердило на опытѣ то, что предсказываль Самуиль о царскомъ правленіи; можетъ быть также, что образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала воцарить потомка Саулова, а другая полагала, что лучше подчиниться Давиду. Какъ бы то ни было, но прошло пять лѣтъ, или около того, пока 11-ть колѣнъ пришли къ определенному рѣшенію ⁽²⁾. Рѣшеніе это состояло въ томъ,

(1) 2 Цар. 2, 10.

(2) Эвальдъ предполагаетъ, что 5-лѣтнее междуцарствіе было не по смерти Іевосея, а до его воцаренія, вслѣдствіе трудностей, съ ко-

что нужно имѣть царя. Но потомки Саула были обойдены, потому что ни одинъ изъ нихъ не выдвигался способностями, нужными для царя. Большинство оказалось склоннымъ признать надъ собою власть Давида. Судя по тому, какъ долго сѣверныя колѣна колебались, прежде чѣмъ подчиниться Давиду, и потому, какъ они въ послѣдствіи отпали отъ Давидова дома при первомъ удобномъ случаѣ, нужно думать, что только опасность заставила ихъ прибѣгнуть подъ защиту воинственнаго и до сихъ поръ во всемъ счастливаго сына Иессеева. Безъ сомнѣнія они находились въ тяжелой зависимости отъ филистимлянъ, которые продолжали пользоваться плодами своей побѣды надъ Сауломъ и которыхъ едвали Авениру удалось совсѣмъ вытѣснить. По крайней мѣрѣ побужденіемъ къ первой войнѣ филистимлянъ съ Давидомъ - царемъ является именно то, что Давидъ сдѣлался царемъ надъ Израилемъ, т. е., надъ сѣверными колѣнами. Такимъ образомъ этимъ послѣднимъ приходилось выбирать между филистимскимъ игомъ и новымъ царскимъ управленіемъ. Въ Хевронѣ произошло торжественное всенародное признаніе Давида обще-еврейскимъ царемъ. Представители колѣнъ (князья и старѣйшины) въ сопровожденіи всей массы способныхъ носить оружіе явились сюда, принесли присягу Давиду и праздновали три дня, угощаемые царемъ и жителями ко-

---

торыми, говорить онъ, было сопряжено устроеніе его царства. Указан. соч. т. 3, стр. 140—45 Мункъ совсѣмъ не допускаетъ междуцарствія, утверждая, что Иевосеей царствовалъ 7 лѣтъ. 2 года царствованія Иевосея, 2 Цар. 2, 10, ошибка писца, говорить онъ. Указан. соч. стр. 270. Такъ какъ на основаніи предполагаемыхъ ошибокъ писца можно предполагать все, что угодно, и такъ какъ самъ Мункъ, вмѣстѣ съ другими, чувствовалъ, что по ходу библейскаго повѣствованія между смертію Саула и воцареніемъ Иевосея не могло быть 5-лѣтняго междуцарствія, то и естественнѣе думать, что это междуцарствіе было по смерти Иевосея. Такъ думаетъ Hitzig. Указ. соч. стр. 139. Срав. Philippson. Israelitische Bibel. Leipz. 1838. Anmerk. zu 2 Schemuel 2, 10. Str. 387.

лѣна Іудина, а также получая продовольствіе изъ всѣхъ колѣнъ, непрерывно подвозимое на ослахъ, верблюдахъ и волахъ. Но веніаминяне всетаки набросили тѣнь на всеобщее торжество; они не могли подавить въ себѣ духъ соперничества совершенно, и многіе изъ нихъ не приходили въ Хевронъ.

Первымъ дѣломъ Давида послѣ всеобщаго избранія было завоеваніе города іевусеевъ. Это была почти неприступная крѣпость на горѣ Сіонъ, изъ которой евреи не могли вытѣснить іевусеевъ, и они до Давида спокойно владѣли ею, господствуя надъ прилегающей къ ней мѣстностью между колѣнами Іудинымъ и Веніаминовымъ. Существованіе независимой хананейской области, врѣзавшейся между сѣверною и южною половиною Палестины, было несовмѣстно съ интересами объединеннаго царства, и Давидъ рѣшился покорить ее и съ тѣмъ вмѣстѣ воспользоваться такимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ крѣпость на Сіонѣ. Когда онъ обложилъ крѣпость, то осажденные, надѣясь на ея неприступность, позволили себѣ даже насмѣхаться надъ Давидомъ: „тебя отразятъ слѣпые и хромые“,—кричали они, язвительно намекая на легкость, съ которою они могутъ защищаться. У Давида, разгоряченнаго насмѣшкою, вырвалось суровое приказаніе жестоко обойтись съ побѣжденными — не щадить даже увѣчныхъ между ними. Чтобы возбудить соревнованіе между своими героями, Давидъ объявилъ, что кто первый проникнетъ въ крѣпость, тотъ будетъ главнымъ военачальникомъ въ царствѣ. (Отсюда можно заключить, что Іоавъ былъ лишенъ этого званія за убійство Авенира). Послѣ этого сдѣланъ былъ стремительный приступъ; Іоавъ первый влетѣлъ на высоту и началъ поражать оторопѣвшихъ іевусеевъ. Крѣпость была взята. Давидъ не истребилъ всѣхъ іевусеевъ; но прогналъ ихъ съ Сіона и позволилъ жить только въ болѣе низменныхъ его окрестностяхъ. На Сіонѣ онъ поселился самъ съ своею боевой дружиной; и такъ

какъ сюда вскорѣ былъ перенесенъ ковчегъ завѣта, и Сіонъ, недоступный теперь для іевусеевъ, столь гордившихся имъ, сталъ синонимомъ жилища Іеговы, то и образовалась у евреевъ пословица въ отмщеніе іевусеямъ за ихъ насмѣшку: слѣпой и хромою (т. е., іевусей) не войдетъ въ домъ Господень. Хевронъ, составлявшій средоточіе колѣна Іудина и бывший его естественною столицею, не могъ уже служить резиденціею царя, господствовавшаго надъ всѣмъ Израилемъ, такъ какъ приходился на южной окраинѣ царства. Давидъ не желалъ также утвердить свою резиденцію въ Сихемѣ, главномъ городѣ колѣна Ефремова и центральномъ во всей землѣ евреевъ, потому что не находилъ надежнымъ свое положеніе среди мятежныхъ ефремлянъ. Онъ избралъ для этого нейтральный пунктъ, не принадлежавшій до сихъ поръ ни одному колѣну, лежавшій тоже почти въ срединѣ земли евреевъ, опиравшійся съ юга на могущественное и родственное Давиду колѣно Іудино и господствовавшій по своему крѣпкому положенію надъ сѣверной половиною земли. Сіонъ сталъ городомъ Давида, который онъ съ помощію Іоава ⁽¹⁾ обстроилъ и укрѣпилъ и который сдѣлался столь знаменитымъ подъ именемъ Іерусалима ⁽²⁾. Сдѣлавъ Іерусалимъ

(1) 1 Пар. 11, 8.

(2) Значеніе слова «Іерусалимъ» темно; даже едва ли возможно дать на него положительное, недопускающее сомнѣній объясненіе. Одни предполагаютъ, что оно значить «наслѣдіе мира», какъ Мункъ. Palestine p. 43; другіе—«народъ или домъ, жилище мира», какъ Gesenius. Dictionn. hebreu-français, par Sander et Trenel. Первая половина слова производится здѣсь отъ глаг. יָרַשׁ — взять, овладѣть, наслѣдовать; вторая отъ глаг. סָלַח — быть оконченнымъ, довершеннымъ, также: быть неприкосновеннымъ, счастливымъ, въ безопасности, въ мирѣ. Тоже предполагаетъ и Эвальдъ; но вторую половину слова считаетъ за собственное имя: «владѣніе, или жилище Салима», допуская впрочемъ и нарицательное значеніе: «мирный городъ». Указ. соч. стр. 156. Гитцигъ первую половину слова производитъ отъ глаг. נִירָא — бояться, почитать, и предполагаетъ, что Давидъ выразилъ этимъ именемъ свое правовѣріе, свою пре-

политическимъ центромъ страны, Давидъ нашель необходимымъ сдѣлать его и религіознымъ центромъ чрезъ перенесеніе сюда ковчега завѣта. Это требовалось съ одной стороны для того, чтобы возвысить вообще значеніе города Давидова въ глазахъ народа, а съ другой стороны еще болѣе для того, чтобы подъ личнымъ наблюденіемъ царя придать всенародному богослуженію надлежащій порядокъ и торжественную обстановку и тѣмъ оживить религіозный духъ народа, видимо упавшій въ послѣднее время. Давидъ прямо говорилъ собраннымъ по этому случаю представителямъ народа: „перенесемъ къ себѣ ковчегъ Бога нашего, потому что во дни Саула мы не обращались къ нему“ (¹). И въ самомъ дѣлѣ ковчегъ завѣта, который по предписанію съ Синая долженъ былъ находиться въ скиніи, давно былъ разлученъ съ нею. Съ тѣхъ поръ, какъ при Иліи его отняли филистимляне, а потомъ возвратили, онъ находился въ Киріаѳъ-Іаримѣ (²), а скинія стояла сначала въ Силомѣ, а потомъ въ Гаваонѣ (³). Саулъ мало обращалъ вни-

---

данность одному Іеговѣ. Указан. соч. стр. 140. Но принимая во вниманіе 1. Нав. 10, 23; 15, 63. Суд. 1, 8. 21, нельзя утверждать, что имя «Іерусалимъ» создано Давидомъ. Кажется, что тамъ, гдѣ словопроизводство сомнительно, всего лучше имѣть въ виду или географическія особенности даннаго мѣста, часто опредѣляющія собою имена мѣстъ, или его историческое значеніе въ жизни народа, давшаго ему имя. Іевусевъ, такъ долго сохранявшіе независимость въ самомъ сердцѣ земли, завоеванной евреями, и не устоявшіе только предъ героями Давида, очевидно имѣли основаніе говорить Давиду съ насмѣшкой: «тебя отражать хромые и слѣпые». Несомнѣнно, что іерусалимскія высоты искони считались неприступными. Поэтому ближе къ истинѣ стоятъ тѣ, которые слово «Іерусалимъ» переводятъ словами: «наслѣдіе мира» или «жилище мира». Городъ Іевусеевъ, столь трудно-доступный врагамъ, дѣйствительно представлялъ для его обитателей безопасное, спокойное или, что тоже, мирное жилище.

(¹) 1 Пар. 13, 3.

(²) Названный 2 Цар. 6, 2 Ваалъ Іудинъ есть Киріаѳъ-Іаримъ 1. Нав. 15, 60.

(³) 3 Цар. 3, 4. 1 Пар. 16, 39. 2 Пар. 1, 3.

манія на релігійозныя дѣла; священники и левиты были при немъ въ пренебреженіи, и онъ чуть ли не считалъ ихъ своими врагами; всенародное богослуженіе не имѣло ни опредѣленнаго центра, ни надлежащей полноты и торжественности. Давидъ построилъ на Сіонѣ новую скинію ⁽¹⁾ и перенесъ въ нее ковчегъ съ величайшею торжественностію. Правда на пути случилось несчастье: левитъ Оза, когда колесница, на которой везли ковчегъ, вслѣдствіе неровности пути стала наклоняться и грозитъ паденіемъ, повидимому раздражился и съ гнѣвомъ протянулъ руку къ ковчегу, чтобы поддержать его, но былъ пораженъ внезапною смертію. Давидъ, не знавшій внутренней причины гнѣва Божія на Озу, смутился и, полагая, что самое перенесеніе ковчега негодно Богу, отложилъ церемонію; но по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, когда онъ убѣдился, что ковчегъ не причиняетъ никакихъ несчастій людямъ, которымъ ввѣрено было на время охраненіе его, онъ снова взялъ его и благополучно перенесъ въ Іерусалимъ. Будучи глубоко релігійознымъ по своей натурѣ, Давидъ принималъ самое живое личное участіе въ торжествѣ. Вмѣшавшись въ толпу левитовъ и священниковъ, или вѣрнѣе, предводительствуя ими, Давидъ въ такомъ же облаченіи, какъ и они, объятый релігійознымъ восторгомъ, плясалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ подъ тактъ релігійозной музыки, къ соблазну своей жены Мелхолы, которая смотрѣла на процессію изъ окна царскихъ палатъ. Торжество заключилось жертвоприношеніями при новой скиніи и всенароднымъ праздникомъ, при чемъ всѣмъ присутствовавшимъ здѣсь мужчинамъ и женщинамъ роздано было по одному хлѣбу, по куску мяса и по кружкѣ вина. Во всѣхъ важныхъ моментахъ своей жизни Давидъ выражалъ свои чувства въ релігійозныхъ пѣсняхъ, или псалмахъ. И въ этотъ день его восторгъ вылился въ пре-

(1) 1 Пар. 15, 1.

красный псаломъ, который онъ въ первый разъ и далъ пѣвцамъ для употребленія при богослуженіи. „Славте Господа, провозглашайте имя Его; возвѣщайте въ народахъ дѣла Его. Пойте Ему, бряцайте Ему; повѣдайте о всѣхъ чудесахъ Его... Трещи предъ Нимъ вся земля, ибо Онъ основалъ вселенную, и она не поколеблется. Да веселятся небеса, да торжествуетъ земля... Да плещетъ море и что наполняетъ его, да радуется поле и все, что на немъ. Да ликуютъ вмѣстѣ всѣ дерева дубравныя передъ лицомъ Господа“... И т. д., весь псаломъ въ самомъ восторженно-хвалебномъ тонѣ ⁽¹⁾. Только возвратившись домой послѣ торжества, Давидъ встрѣтилъ маленькую непріятность, къ которой впрочемъ онъ отнесся съ величавымъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Мелхола, пораженная поведеніемъ царя въ процессіи (религіозный восторгъ должно быть былъ мало понятенъ для ея холодной натуры, унаслѣдованной отъ отца), встрѣтила его колкимъ замѣчаніемъ: „какъ отличился царь Израилевъ, обнажившись сегодня предъ глазами рабынь рабовъ своихъ, какъ обнажается какой-нибудь пустой человѣкъ“ ⁽²⁾! Давидъ на это отвѣтилъ ей: „предъ Господомъ плясать буду. И благословенъ Господь, который предпочелъ меня отцу твоему и всему дому его, утвердивъ меня вождемъ народа Господня, Израиля. Предъ Господомъ играть и плясать буду. Еще болѣе сего буду унижаться и буду презрѣннѣе въ глазахъ моихъ; но у рабынь, о которыхъ ты сказала, у тѣхъ я буду въ

⁽¹⁾ 1 Пар. 16.

⁽²⁾ Мелхола повидимому намекала на легкое левитское облаченіе, которое Давидъ возложилъ на себя, 1 Пар. 15, 27, вмѣсто солиднаго царскаго одѣянія. Выраженіе «обнажился» вѣроятно подобно нынѣшнему выраженію «раздѣлся» — о человѣкѣ, возвратившемся домой и перемѣнившемъ парадное, выходное платье на домашнее. Впрочемъ есть мнѣніе, что слово לְהַצִּיג можетъ означать просто: выставилъ себя напоказъ передъ толпой. *Izrael. Bibel. s. 408.*

почтениі“. Затѣмъ Давидъ оставилъ ее въ покоѣ; но между супругами повидимому образовалось навсегда отчужденіе. Давидъ поставилъ первосвященникомъ при скинїи въ Іерусалимѣ Авїаѳара, потомка Иліева, уцѣлѣвшаго отъ избїенїя въ Номвѣ, своего спутника въ скитанїяхъ при жизни Саула, и занялся дальнѣйшимъ устройствомъ богослужебныхъ дѣлъ, подробности котораго будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Но онъ не рѣшился ни перенести въ Іерусалимъ старую скинїю, находившуюся въ Гаваонѣ, ни разобрать ее, какъ ненужную, и прекратить тамъ общественное богослуженіе, потому что боялся возстановить противъ себя жителей Гаваона и всего колѣна Венїамина, и безъ того не расположенныхъ къ Давиду и безъ сомнѣнїя дорожившихъ присутствїемъ у себя этой святыни, какъ памятникомъ своего почетнаго положенїя среди колѣнъ при Саулѣ. Эта скинїя была разобрана, перенесена въ Іерусалимъ и сложена, какъ древняя святыня, въ одномъ изъ хранилищъ при храмѣ уже Соломономъ, который не обращалъ вниманїя на отдѣльные интересы колѣнъ. Давидъ же оставилъ при ней и первосвященника, Садока, со всѣмъ необходимымъ штатомъ священниковъ и левитовъ, которые и продолжали совершать всенародное богослуженіе въ Гаваонѣ наряду съ іерусалимскимъ. Такимъ образомъ у евреевъ явилось два первосвященника и два мѣста богослуженїя въ противность предписанїю съ Синая. Въ этомъ конечно не Давидъ виноватъ, а народныя страсти, раздражать которыя онъ находилъ болѣе зломъ, чѣмъ временный непорядокъ во внѣшнемъ выраженїи религіозныхъ чувствъ народа. Нуженъ былъ блескъ іерусалимскаго богослуженїя, созданный постепенно Давидомъ, и подавляющее величіе храма Соломонова, чтобы венїаминяне и другїя сочувствовавшїя имъ колѣна позабыли на время соперничество и примирились съ уничтоженїемъ старой скинїи.

Въ первую половину своего царствованія Давидъ не могъ посвящать много времени на устройство внутреннихъ дѣлъ, въ особенности такихъ, которыя не относились къ настоятельнѣйшимъ тогда военнымъ надобностямъ. Онъ велъ многочисленныя и большія войны почти со всѣми сосѣдними народами. Еще прежде устройства новой скиніи, едва овладѣвши Іерусалимомъ и повидимому не успѣвши укрѣпить его, онъ выдержалъ два натиска филистимлянъ. Послѣдніе, не обращавшіе на Давида вниманія, пока онъ былъ царемъ въ Хевронѣ, сочли свои интересы глубоко затронутыми, когда всѣ евреи подчинились ему, и онъ овладѣлъ крѣпостію іевусеевъ. Они быстро собрали значительныя силы и ударили на Іерусалимъ. Нѣкоторыя подробности объ этой войнѣ, во 2 Цар. 23, 13. 14 и 1 Пар. 12, 15. 16, показываютъ, что Давидъ не рѣшился защищаться въ Іерусалимѣ, который не успѣлъ еще укрѣпить, а оставивъ въ немъ безъ сомнѣнія гарнизонъ, самъ съ главными силами углубился на югозападъ къ пещерѣ Одолламской, которая съ своими окрестностями, хорошо ему извѣстными, представляла превосходное мѣсто обороны (¹). Отсюда онъ могъ угрожать тылу филистимлянъ, проникшихъ до Іерусалима по долинѣ Рефаимовъ. Но онъ не дѣлалъ наступленія, поджидая вѣроятно подкрѣпленій. Филистимляне же не отважились ни на него напасть, ни атаковать Сіонскую крѣпость, а

(¹) Нѣкоторые утверждаютъ, что Давидъ защищался противъ филистимлянъ въ Іерусалимѣ. Напр. Eisenlohr. Указ. соч. стр. 242. Въ подлѣжащемъ мѣстѣ, 2 Цар. 5, 17, говорится: «поднялись всѣ филистимляне искать Давида. И услышалъ Давидъ, и пошелъ въ крѣпость». Говорятъ, что здѣсь разумѣется крѣпость на Сіонѣ. Но гдѣ же Давидъ былъ или жилъ передъ этимъ? Въ ст. 9 той же главы сказано: «и поселился Давидъ въ крѣпости (т. е. на Сіонѣ) и назвалъ ее городомъ Давидовымъ». Не вѣрнѣ ли предположить, что выраженіе «пошелъ въ крѣпость» относится къ движенію Давида въ укрѣпленную самою природою окрестности пещеры Одолламской? Срав. 2 Цар. 5, 18 и 1 Пар. 11, 15. 16.

углубились далѣе до Виѳлеема, который взяли, и здѣсь укрѣпились. Вѣроятно они ограничились бы и здѣсь, въ южной половинѣ царства, тѣмъ же положеніемъ, какое занимали въ сѣверной, гдѣ они, овладѣвъ господствующими пунктами, держали страну въ страхѣ и могли безнаказанно грабить. Но Давидъ, собравшись съ силами, заставилъ ихъ принять рѣшительное сраженіе и разбилъ ихъ на-голову. Лагерь филистимскій достался въ добычу евреямъ; въ немъ оказалось множество идоловъ, съ которыми филистимляне выходили на войну, въ надеждѣ на помощь боговъ, но которые при послѣднемъ бѣгствѣ принуждены были бросить. Давидъ приказалъ сжечь ихъ. Филистимляне прежде обыкновенно послѣ одного пораженія, имъ нанесеннаго, оставляли евреевъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ покоѣ. Но теперь они опасались евреевъ болѣе, чѣмъ когда-либо, потому что предвидѣли не только лишеніе преобладанія надъ ними, но и собственное униженіе и порабощеніе. Поэтому они немедленно снова собрались съ силами и сдѣлали вторженіе въ надеждѣ сломить въ самомъ началѣ возникающую силу евреевъ. Вторженіе это, по неожиданности ли его или вслѣдствіе ожесточенія и отчаянной рѣшимости врага, было столь грозное, что для Давида потребовалась особенная помощь Божія, чтобы нанести пораженіе филистимлянамъ. Согласно Божественному наставленію онъ долженъ былъ ударить на нихъ съ тыла; обходному же движенію Давида благопріятствовала туговая роща, на которую Богъ наслалъ, какъ можно предполагать, вѣтеръ, такъ что шумъ проходящаго чрезъ рощу войска не былъ слышенъ за шумомъ деревьевъ (1). Филистимляне снова были разбиты, и

(1) Выраженіе 2 Цар. 5, 24 «тогда пошелъ Господь передъ тобою» нѣтъ надобности понимать буквально, ни предполагать вмѣстѣ съ нѣкоторыми ангела, шедшаго по вершинамъ деревьевъ. Это есть образное выраженіе мысли: Господь послалъ помощь тебѣ.

Давидъ преслѣдовалъ ихъ до Газера, гдѣ кончаются уже горы и начинается низменность — исконное жилище филистимлянъ. Это были оборонительныя войны Давида, изъ которыхъ онъ вышелъ побѣдителемъ и могъ дать отдыхъ себѣ и народу, избавивъ его отъ притѣсненій извнѣ. Неизвѣстно, сколько времени продолжался этотъ отдыхъ, въ продолженіи котораго Давидъ занимался устройствомъ внутреннихъ мирныхъ дѣлъ, а также организаціей и подготовленіемъ военныхъ силъ для новой борьбы. Новая и славная борьба не замедлила послѣдовать. Теперь Давидъ повелъ уже наступательныя войны, побужденіемъ къ которымъ было враждебное настроеніе окрестныхъ народовъ, опасавшихся могущества евреевъ и могшихъ одновременно ударить на нихъ съ разныхъ сторонъ, если бы не были предупреждены Давидомъ, рѣшившимся доставить прочный миръ своему народу ослабленіемъ и поставленіемъ въ вассальную зависимость всѣхъ окрестныхъ народовъ. Первый его ударъ, какъ и слѣдовало ожидать, упалъ на филистимлянъ, потому что нельзя было ничего предпринимать на востокъ и на югъ, не сломивъ этихъ исконныхъ враговъ Израиля. Давидъ вторгнулся въ ихъ собственную страну и „взялъ Геѣъ и зависящіе отъ него города“ (¹). Это нужно понимать такъ, что Давидъ овладѣлъ не только Геѣомъ, ближайшимъ къ колѣну Іудину филистимскимъ городомъ, но и многими другими (если не всѣми) филистимскими городами, признававшими верховныя права Геѣскаго царя (²). Могуще-

(¹) 1 Пар. 18, 1.

(²) Пять главныхъ филистимскихъ городовъ — Газа, Азотъ, Аскалонъ, Геѣъ и Екронъ, составлявшіе во времена І. Навина федерацію безъ подчиненія одного другому и управлявшіеся «владѣльцами» עֲבֵדֵי, т. е., правителями, не имѣвшими титула и достоинства царя, І. Нав. 13, 3, позднѣе измѣнили очевидно свой политическій бытъ. Во времена Саула въ Геѣѣ уже названъ «царь» מֶלֶךְ Ахусъ, 1 Пар. 27, 2. Можетъ быть въ это именно время, когда съ усиленіемъ евреевъ начались оже-

ство филистимлянъ было сломлено, и они теперь не могли уже представлять силу, опасную для евреевъ. Затѣмъ Давидъ обратилъ свое оружіе противъ моавитянъ. Частнаго повода къ этой войнѣ не указано, и потому не совсѣмъ понятно, какъ возникла у Давида вражда съ моавитянами, у которыхъ нѣкогда онъ и его семейство нашли безопасный пріютъ. Равнины, можетъ быть на основаніи какого-нибудь преданія, полагаютъ, что моавитскій царь умертвилъ родственниковъ Давида по его уходѣ въ свою землю (¹). Гессъ дѣлаетъ вѣроятную догадку, что возникающее могущество Израиля побудило моавитянъ вступить въ опасный для евреевъ союзъ съ другими народами, не имѣвшими дружественныхъ чувствъ къ евреямъ, что подтверждается непосредственно за сямъ возникшею войною съ Адраазаромъ, царемъ Сувскимъ, и съ сиріянами (²). Моавитяне были побѣждены и подверглись жестокой участи: двѣ трети ихъ лишены жизни поголовнымъ избіеніемъ, при чемъ употребленъ былъ самый первобытный способъ выбора—кого убить, кого оставить въ живыхъ: всѣхъ плѣнныхъ положили на землю рядами и мѣряли ряды веревкою; двѣ веревки отдѣлялись на казнь, одна на пощаду (³). Та-

---

сточенныя войны, большею частію несчастливныя для филистимлянъ, владѣльцы филистимскихъ городовъ и согласились признать надъ собою главенство Геоскаго правителя, чтобы сосредоточить свои силы для борьбы съ еврейскими царями. На господство Геоса надъ другими филистимскими городами при Давидѣ кромѣ 1 Цар. 18, 1 указываетъ и Меегъ-Гаамма 2 Цар. 8, 1, потому что безъ сомнѣнія это есть названіе того же Геоса, что и 1 Цар. 18, 1. גֵּוֹסַיִם אֲרָצוֹת значить: господство, управленіе (собственно—узда) матери, т. е., первенствующаго города. *Dictionnaire hebr.—français par Sander et Trenel.*

(¹) *Israelit. Bibel.* s. 413.

(²) Указан. соч. т. 7, стр. 392.

(³) Какъ умерщвляли, не сказано. Неизвѣстно, на какомъ основаніи Eisenlohr утверждаетъ, что плѣнныхъ умерщвляли посредствомъ молотильныхъ сварядозъ. Указ. соч. стр. 253. Приводимыя имъ ссылки 2 Цар. 12, 31 и Прит. 20, 26, совсѣмъ не относятся къ дѣлу. М.п.

кое жестокое обращеніе имѣло характеръ кроваваго возмездія. Поэтому вѣроятно раввины и предположили, что Давидъ мстилъ моавитянамъ за избіеніе его родственниковъ; тѣмъ болѣе, что его ближайшіе родственники сошли со сцены съ тѣхъ поръ, какъ отправились въ землю моавитянъ, — ни объ одномъ изъ нихъ (кромѣ Ионаана, дяди Давидова) ⁽¹⁾ не упоминается въ числѣ приближенныхъ Давида-царя. Оставшіеся въ живыхъ моавитяне должны были платить дань Давиду. Въ очевидной связи съ этою войною произошла другая война съ болѣе отдаленными народами. Въ этой связи трудно было бы и понять движеніе Давида къ отдаленному Евфрату. Достаточно взглянуть на карту, чтобы видѣть, что берегъ Евфрата лежалъ внѣ сферы земель, на которыя Давидъ могъ бы устремиться для одного расширенія своихъ владѣній, не будучи вынужденъ какими-нибудь особенными причинами. Было бы странно углубиться до Евфрата съ завоевательными цѣлями, оставляя у себя въ тылу непокоренными аммонитянъ, Дамаскъ сирійскій и Имаѡъ на Оронтѣ. Принимая во вниманіе, что въ послѣдующую войну, съ аммонитянами, противъ Давида образовалась коалиція по всей сѣверовосточной окраинѣ ⁽²⁾, что и теперь сирійцы Дамаскскіе пришли на помощь къ врагу Давидову, что аммонитяне только потому вѣроятно удержались на мирной ногѣ, что царемъ у нихъ былъ еще Наасъ, дружественно расположенный къ Давиду ⁽³⁾, — мы должны думать, что и враждебное настроеніе моавитянъ, послужившее поводомъ для Давида къ войнѣ

ez объ измѣреніи веревкою говорить нѣчто совсѣмъ непонятное. «Илѣнныхъ, говорятъ онъ, клали на землю и измѣряли веревкою; кого веревка охватывала два раза, тѣхъ умерщвляли, кого одинъ разъ — тѣхъ щадили». Указ соч. стр. 89

⁽¹⁾ 1 Пар. 27, 32.

⁽²⁾ 2 Цар. 10.

⁽³⁾ 10, 2.

съ ними, находилось въ связи съ воинственнымъ движеніемъ на сѣверѣ, обѣщавшимъ для моавитянъ счастливый исходъ ихъ борьбы съ Давидомъ (¹). Воинственное движеніе, возбудившее надежды въ сосѣдяхъ Давида, произвелъ Адраазаръ, царь Сувскій. Положеніе его царства съ наибольшею вѣроятностію предполагаютъ между Оронтомъ и Евфратомъ, къ сѣверовостоку отъ Дамаска. Повидимому онъ усилился и началъ расширять свои владѣнія къ востоку и западу. Царь Имаѳа на Оронтѣ опасался за свое царство (²). Возникновеніе на сѣверѣ сильнаго царства, на которое уже теперь возлагали свои надежды восточные сосѣди Давида, не предвѣщало послѣдному ничего хорошаго. Поэтому онъ рѣшился уничтожить опасность съ этой стороны и предпринялъ отдаленный походъ. Походъ увѣнчался успѣхомъ. Взявъ у разбитаго врага въ плѣнъ 1700 всадниковъ, Давидъ уничтожилъ лошадей, чтобы ослабить военную силу у побѣжденнаго народа на случай будущей войны съ нимъ. Находя однако, что неудобно вести большія войны безъ конницы, онъ рѣшился завести ее и въ своемъ войскѣ, хотя не въ большомъ количествѣ, и потому оставилъ себѣ сто коней. (По закону не должно было дѣлать этого). У тѣлохранителей Адраазара онъ отобралъ золотые щиты, а въ городахъ нашелъ множество мѣди. Все это онъ отправилъ въ Иерусалимъ въ свою сокровищницу. вмѣстѣ съ Адраазаромъ Давидъ поразилъ и его союзниковъ, сиріянъ Дамаскскихъ. Дамаскъ былъ взятъ, и въ немъ оставлено охранное еврейское войско. Сирійцы сдѣлались данниками Давиду. Оой, царь Имаѳа на Оронтѣ, бывшій во враждебныхъ отношеніяхъ съ Адраазаромъ, обрадовался пораженію его Давидомъ и отправилъ къ послѣдному своего сына Юрама съ богатыми да-

(¹) Эта связь вѣроятно и заставила Eisenlohr'a предположить, что война 8, 3 и 10, 15—19—одна и таже война. Указан. соч. стр. 255.

(²) 2 Цар. 8, 10.

рами, состоявшими въ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ сосудахъ. Наряду съ вышеописанными войнами лѣтопись сообщаетъ еще о войнѣ съ идумеянами. По видимому она возникла въ то самое время, когда Давидъ съ Іоавомъ были заняты войною на сѣверѣ, потому что противъ идумеянъ былъ посланъ Авесса, братъ Іоавовъ ⁽¹⁾. Безъ сомнѣнія идумеяне хотѣли воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, когда силы Давида были отвлечены въ противоположную сторону, чтобы нанести поражение евреямъ. Но Авесса поразилъ ихъ въ числѣ 18000 въ соленой долинѣ (вѣроятно близъ Мертваго моря), поставилъ въ ихъ землѣ наблюдательный отрядъ и заставилъ платить дань Давиду. Горько показалось потомкамъ гордаго Исава быть въ подчиненіи у дѣтей Іакова, и они возмущались, устремились на немногочисленный наблюдательный отрядъ и истребили его. Тогда отправился противъ нихъ самъ Іоавъ и послѣ шестимѣсячной борьбы истребилъ всѣхъ идумеевъ, способныхъ носить оружіе. Спаслись только нѣсколько человекъ и убѣжали въ Египетъ, захвативъ съ собой маленькаго царскаго сына, Адера ⁽²⁾.

Послѣ этихъ войнъ, далеко кругомъ раздвинувшихъ господство евреевъ, обогатившихъ ихъ добычею и данями, сдѣлавшихъ ихъ государство однимъ изъ могущественнѣйшихъ въ тогдашнемъ мірѣ, наступило время покоя, продолжавшееся по крайней мѣрѣ до 20-го года царствованія Давида ⁽³⁾. Давидъ былъ на вершинѣ своего могущества и славы ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ 1 Цар. 18, 12, 13.

⁽²⁾ 3 Цар. 11, 15—17.

⁽³⁾ Война съ аммонитянами произошла около 20-го года царствованія Давида, потому что вскорѣ послѣ нея родился Соломонъ, имѣвшій въ годъ смерти Давида не менѣе 18 лѣтъ.

⁽⁴⁾ «И сдѣлалъ Давидъ себѣ имя», замѣчаетъ лѣтописецъ послѣ описанія войны Давида съ сиріянами и происходившей одновременно съ нею войны съ идумеянами. 2 Цар. 8, 13. Эйзендоръ говоритъ, что

Бросимъ теперь взглядъ на его домашнюю жизнь, на его дворъ, на его богатства и потомъ на тѣ распорядки, которыми онъ старался упрочить и возвысить свой тронъ, а также обезпечить благоденствие и безопаснасть государства. Утвердившись въ Иерусалимѣ, Давидъ построилъ себѣ приличный дворецъ, который хотя и не равнялся по великолѣпію съ позднѣйшимъ Соломоновымъ, но безъ сомнѣнія превосходилъ всѣ постройки, существовавшія до сихъ поръ у евреевъ,—самая скинія представлялась въ сравненіи съ нимъ плохимъ зданіемъ ⁽¹⁾. Онъ имѣлъ плоскую крышу, по обычаю востока, со всѣми приспособленіями для пріятнаго отдохновенія на открытомъ воздухѣ ⁽²⁾. Давидъ построилъ его при помощи своего союзника, тирскаго царя Хирама, который, оцѣнивъ сразу могущество Давида, поспѣшилъ вступить съ нимъ въ дружественныя сношенія и прислалъ ему кедроваго дерева, а также мастеровъ ⁽³⁾, потому что у финикіянь строительное искусство было въ цвѣтущемъ состояніи, между тѣмъ какъ у евреевъ его не могло еще быть. Неизбѣжную принадлежность царскаго двора на востокѣ составляютъ многочисленныя жены и кромѣ нихъ еще наложницы. Законъ Моисея положительно воспрещалъ еврейскому царю многоженство „чтобы не развратилось сердце его“ ⁽⁴⁾. Но это требованіе до такой степени превышало, такъ

Давидъ поставилъ *памятникъ* въ Иерусалимѣ. Указ. соч. ч. I, стр. 258. Но **צ** вездѣ въ Библии значить только: имя, слава, молва, воспоминаніе; и о Саулѣ, который, возвращаясь послѣ побѣды надъ амаликитянами, дѣйствительно поставилъ себѣ памятникъ, сказано не **צ** **שׂוּר**, какъ о Давидѣ, а **צ** **זִכָּרוֹ**. Выраженіе: «сдѣлалъ Давидъ себѣ имя» означаетъ только, что слава Давида послѣ описанныхъ выше войнъ гремѣла повсюду.

⁽¹⁾ 2 Цар. 7, 2.

⁽²⁾ 11, 2.

⁽³⁾ 5, 11.

⁽⁴⁾ Втор. 17, 17.

сказать, силы восточнаго человѣка, до того противорѣчило его привычкамъ и страстямъ, что Самуиль, перечисляя евреямъ возможные злоупотребленія царя, даже не упомянулъ объ его неизбѣжномъ многоженствѣ (онъ указалъ только на подневольныя работы дочерей ихъ при дворѣ царя), потому что чувствительный народъ не увидаль бы въ этомъ злоупотребленіи властію ничего отталкивающаго и позорнаго. И Давидъ при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своего ума и сердца оказался въ этомъ случаѣ сыномъ своего вѣка и своего народа. Во время своихъ скитаній при Саулѣ онъ имѣлъ уже двухъ женъ: Ахиноаму изреелитянку и Авигею кармелитянку. Последнюю онъ взялъ кромѣ указанной въ своемъ мѣстѣ причины, можетъ быть, и потому, что былъ косвенною причиною ея вдовства. Когда же Давидъ сдѣлался царемъ въ Хевронѣ, у него оказалось еще 4 жены: Мааха, дочь царя Гессурскаго ⁽¹⁾, взятая вѣроятно и по политическимъ соображеніямъ, такъ какъ Давидъ въ то время нуждался въ союзникахъ; затѣмъ — Аггива, Авитала и Эгла, неизвѣстнаго происхожденія ⁽²⁾. Сюда же онъ вытребовалъ себѣ, какъ мы видѣли, и Мелхолу ⁽³⁾. Наконецъ уже въ Іерусалимѣ, когда, сказано, — „уразумѣлъ Давидъ, что утвердилъ его Господь царемъ надъ Израилемъ и что возвысилъ царство его ради народа своего, Израиля, тогда взялъ Давидъ еще женъ и наложницъ въ Іерусалимѣ и родилъ еще сыновей и дочерей“ ⁽⁴⁾. Писатель кн. Царствъ указываетъ побужденіе къ многоженству, согласно съ господствовавшимъ тогда воззрѣніемъ, въ необходимости пышной и роскошной жизни для царя

⁽¹⁾ Гессуръ—небольшое царство въ Сиріи. 2 Цар. 15, 8. 1. Нав. 13, 11. Втор. 3, 14.

⁽²⁾ 2 Цар. 3, 2—5.

⁽³⁾ 3, 12. 13.

⁽⁴⁾ 5, 12. 13.

могущественнаго царства; потому что и нынѣ для восточнаго человѣка величайшій блескъ жизни заключается въ многочисленности женъ и въ громаднѣмъ количествѣ прижитыхъ съ ними дѣтей. Неизвѣстно, какой образъ жизни вели жены еврейскаго царя. Многоженство уничтожаетъ настоящія супружескія отношенія въ самомъ корнѣ; потому что хотя юридически обыкновенно и различаются жены отъ наложницъ, но по существу, коль скоро у человѣка болѣе одной жены и притомъ еще открытыя наложницы,—у него нѣтъ ни одной жены въ собственномъ смыслѣ, а одни, такъ сказать, наложницы. Отсюда недѣвѣріе къ ихъ цѣломудрію, котораго у нихъ и быть не можетъ, развѣ вынужденное внѣшними препятствіями. Хотя жены обыкновенныхъ евреевъ и не вели затворническую жизнь, напротивъ пользовались значительной свободой⁽¹⁾; однако при дворѣ должно было явиться въ первый разъ и затворничество, потому что женщины царя не должны были жить такъ, какъ обыкновенныя женщины⁽²⁾. Если подъ „евнухами“ 1 Пар. 28, 1 разумѣть евнуховъ въ собственномъ смыслѣ⁽³⁾, то возникновеніе затворничества еще при Давидѣ—внѣ всякаго сомнѣнія. Отъ многихъ женъ Давидъ имѣлъ много и дѣтей: у него было 17 сыновей (а по переводу 70-ти—30) и нѣсколько дочерей. Что у Давида была не одна Тамаръ, а нѣсколько дочерей, видно изъ выраженія: „и родились еще у Давида сыновья и дочери“⁽⁴⁾. Сыновья всѣ названы по именамъ, и старшіе съ обозначеніемъ именъ ихъ матерей⁽⁵⁾; изъ дочерей же названа одна Тамаръ.

(1) Суд. 13, 9; 21, 21. 1 Пар. 18, 6, 7; 25, 18... 4 Цар. 4, 22...

(2) 2 Цар. 20, 3; 3 Цар. 2, 17, 22.

(3) Слово עֲבָדִים иногда значить евнухъ, иногда вообще — придворный чиновникъ. Не всегда можно опредѣлить подлинное его значеніе въ томъ или другомъ мѣстѣ. Быт. 37, 36. Есв. 1, 10. Ис. 39, 7; 56, 3.

(4) 2 Цар. 5, 14.

(5) 3, 2—5; 5, 14—16.

Какъ дѣти царя, сыновья Давида занимали высокое положеніе: они поставляются на ряду съ высшими придворными и государственными сановниками и называются „коганимъ“. Слово это, переведенное въ русской библии свободно, съ сохраненіемъ уже переноснаго смысла ⁽¹⁾, значить собственно „священники“. Очевидно это былъ только почетный титулъ, обозначающій ихъ высокое, исключительное положеніе, потому что въ еократическомъ государствѣ съ словомъ „священникъ“ связывалось представленіе о лицѣ, стоящемъ выше обыкновенныхъ смертныхъ. Этотъ титулъ соотвѣтствовалъ титулу членовъ царской семьи въ нынѣшнее время: высочайшія особы, августѣйшіе, князья. Какъ послѣдніе — князья безъ княжествъ, такъ и дѣти Давида были священниками безъ алтаря. Писатель кн. Паралипоменонъ нашелъ слово „коганимъ“ слишкомъ изобразительнымъ и замѣнилъ его отвлеченнымъ „ришонимъ“ — главные, первенствующие ⁽²⁾. Подданные царя оказывали имъ знаки ува-

⁽¹⁾ 8. 18.

⁽²⁾ 1 Цар. 18, 17. Генгстенбергъ полагаетъ, что сыновья Давида названы священниками въ смыслѣ посредниковъ между нимъ и народомъ (очевидно по подобію посредничества настоящихъ священниковъ между Богомъ и народомъ), потому что они будто бы были первыми придворными чиновниками и черезъ нихъ подданные сносились съ царемъ. *Geschichte des Reiches Gottes*. 2 Bdg. 2 Häft. Berlin 1871. стр. 117. Ни откуда однако не видно, чтобы сыновья Давида занимали какія-либо должности и чтобы черезъ нихъ сношался народъ съ царемъ. Писатели рационалистическаго оттѣнка, полагающіе, что еврейское священство, какъ особое сословіе, произошло не при Моисеѣ, а когда-то гораздо позднѣе, наименованіе сыновей Давида священниками понимаютъ въ собственномъ смыслѣ и утверждаютъ, что и самъ Давидъ былъ священникомъ. Относительно 2 Цар. 8, 18, гдѣ говорится: «сыновья Давида были לויים» Лео, напр., замѣчаетъ: «это извѣстіе, что Давидъ (?) и его сыновья были священниками, не мирится конечно съ системою позднѣйшей іерархіи, которая заповѣдуетъ побивать камнями того, кто, не будучи потомкомъ Аарона, сталъ бы совершать священническія дѣйствія; посему (?) 1 кн. Паралипоменонъ 18, 17 въ параллельномъ мѣстѣ извѣстіе о сыновьяхъ Давида измѣняетъ и пишетъ: сыновья Да-

женія, такъ что, завидѣвъ царскаго сына, считали долгомъ подойти къ нему и поклониться (¹). Но официального участія въ дѣлахъ государственныхъ дѣти Давида не имѣли. Это обусловливалось между прочимъ все еще патріархальнымъ складомъ жизни и въ то время: дѣти при жизни отца не признавались правоспособными, и участіе ихъ въ дѣлахъ, подлежащихъ власти отца, казалось посягательствомъ на права послѣдняго. Сюда же нужно отнести и особенности восточнаго двора, какъ многоженство и многосыновство. Невозможно было распредѣлить роли между массою сыновей отъ разныхъ, даже разноплеменныхъ матерей, безъ того, чтобы не возникли между ними соперничество и распри, въ которыхъ приняла бы дѣятельное участіе и ихъ матери. Лучше, практичѣе было держать ихъ всѣхъ въ сторонѣ отъ дѣлъ; хотя и въ этомъ случаѣ праздность не обѣщала впереди ничего хорошаго. Всѣ сыновья жили при отцѣ и ѣли хлѣбъ за столомъ его (²). Но они имѣли отдѣльныя помѣщенія, вѣроятно расположенныя вокругъ главнаго зданія дворца, со всѣми необходимыми принадлежностями — пріемными и внутренними комнатами, съ прислугою, и проч. (³). Неизвѣстно, отличались ли чѣмъ-нибудь въ одеждѣ сыновья царя отъ прочихъ евреевъ; но о дочеряхъ замѣчено, что онѣ носили особыя разноцвѣтныя одежды, которыми

вида были первыми עֲדֹנָיִם при немъ. Указ. соч. стр. 148. Совершенно праздное разсужденіе; потому что писатель кн. Паралипоменонъ совсѣмъ не думалъ того, что думаютъ рационалисты, а просто образное выраженіе замѣнилъ отвлеченнымъ и такимъ образомъ показалъ, какъ нужно понимать 2 Цар. 8, 18. Онъ для насъ въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, вполне авторитетный комментаторъ, потому что и еврейскій языкъ, и исторію своего народа онъ безъ сомнѣнія зналъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ европейскихъ ученыхъ.

(¹) 2 Цар. 15, 5.

(²) 2 Цар. 9, 11.

(³) 13, 7. 9. 10. 17; 14, 24.

отличались отъ другихъ дѣвиць (¹). О сыновьяхъ же извѣстно, что они заводили себѣ богатый выѣздъ: колесницы, лошадей и скороходовъ (²). Питаясь за столомъ отца, они имѣли тѣмъ не менѣе отдѣльныя имущества, подаренныя конечно отцомъ, — стада животныхъ, поля и штатъ рабовъ для исполненія работъ (³). Имущества эти были до того значительны, что они могли устраивать праздники, на которые приглашались все братья и множество придворныхъ (⁴). Для наблюденія ли за ихъ благоповеденіемъ въ качествѣ воспитателя, или просто для практическаго руководства въ разныхъ обстоятельствахъ житейскихъ, къ нимъ приставлено было особое довѣренное лицо — вѣкій Іехіиль, сынъ Хахмоніевъ (⁵). Отецъ любилъ ихъ до слабости; но они не платили ему тѣмъ же (⁶). Тѣ, которые попали въ исторію, за исключеніемъ Соломона, заплатили отцу непріятностями или же самой черной неблагодарностью. Вообще семейная исторія Давида, сопровождавшаяся даже потрясеніями цѣлаго государства, показываетъ, что онъ былъ строго наказанъ за нарушеніе закона въ угоду языческому обычаю и нѣкоторымъ страстямъ, которыхъ былъ не чуждъ. Многоженство и происшедшее отсюда многосыновство, вмѣстѣ съ растлѣвающимъ нравы образомъ жизни при дворѣ въ праздности и вѣгѣ, причинили Давиду много огорченій и даже бѣдствій... Давидъ обладалъ значительнымъ богатствомъ, которое ему было необходимо, такъ какъ расходы его должны были быть громадны. Источникъ его — очевидно многочисленныя военныя добычи, изъ которыхъ

(¹) 13, 18.

(²) 15, 1. 3 Цар. 1, 5.

(³) 2 Цар. 13, 23; 14, 30.

(⁴) 13, 24, 27; 3 Цар. 1, 9.

(⁵) 1 Пар. 22, 32.

(⁶) 2 Цар. 13, 21; 3 Цар. 1, 6.

Давидъ бралъ себѣ долю (¹). Не говоря о драгоценностяхъ, которыя не приносили никакого дохода и не могли быть расходуемы, существенную часть его богатствъ составляли земли и стада. Часть земель засѣвалась хлѣбомъ, часть была подъ виноградниками и часть подъ садами маслинъ и смоковницъ. Для скота такъ же требовались обширныя пастбища. Такъ какъ земли, искони принадлежавшія евреямъ, не могли быть отчуждаемы (²), то надо полагать, что Давидъ владѣлъ землями, отнятыми у враговъ. Такъ напр., его масличные сады были вѣроятно въ долинѣ Сефельской (³), принадлежавшей филистимлянамъ, а пастбища для воловъ указаны въ долинѣ Шаронской (⁴), южная часть которой по уходѣ колѣна Данова на сѣверъ тоже вѣроятно принадлежала филистимлянамъ. Кромѣ воловъ и овецъ у Давида были стада верблюдовъ и ословъ. Для надзора надъ этими статьями имущества и управленія ими Давидъ назначилъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, которые повидимому входили въ составъ придворныхъ чиновниковъ, потому что перечисляются наряду съ такими лицами, какъ Хусій, Ахитофель, Авіаѳаръ и Іоавъ. Ихъ было 12, и распредѣлялись они такъ: 1-й надъ сокровищами, 2-й надъ хлѣбными запасами въ поляхъ и въ складахъ, 3-й управлялъ полевыми работами, 4-й надъ виноградниками, 5-й надъ запасами вина, 6-й надъ маслинами и смоковницами, 7-й надъ запасами масла, 8-й надъ крупнымъ рогатымъ скотомъ, 9-й тоже, на другомъ пастбищѣ, 10-й надъ верблюдами, 11-й надъ ослицами, 12-й надъ мелкимъ скотомъ (⁵). Сокровища, состоявшія изъ драгоцен-

---

(¹) 1 Цар. 30, 26.

(²) Лев. 25, 28. 31.

(³) 1 Пар. 27, 28. Сн. 1. Нав. 15, 33. 36.

(⁴) 1 Пар. 15, 29.

(⁵) 1 Пар. 27, 25—31.

ныхъ металловъ, а также изъ мѣди, Давидъ предназначалъ для будущаго храма. Но вообще богатство Давида не было поразительнымъ. Оно составилось само собой, и онъ не прибѣгалъ къ искусственнымъ (напр., къ торговлѣ), а тѣмъ болѣе къ насильственнымъ мѣрамъ для его скопленія.

Я. Вогородскій.

(Продолженіе будетъ)

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ УЧЕНІЯ НЕПРІЕМЛЮЩИХЪ СВЯЩЕНСТВА СТАРООБРЯДЦЕВЪ О ЦЕРКВИ И ТАИНСТВАХЪ (¹).

Глава 1.

Критическій разборъ ученія безпоповцевъ о Церкви.

Такъ какъ выраженіемъ *церковь* обозначаются въ Писаніи очень многіе предметы; то мы должны опредѣлить тотъ именно вопросъ, о которомъ будетъ наша рѣчь. Церковію именуется совокупность всѣхъ разумныхъ существъ, по различію существованія коихъ она именуется небесною и земною, торжествующею и воинствующею (²). „Тя неизреченно соединившаго съ небеснымъ, Христе, земная, и едину церковь совершившаго и ангеловъ и челоуѣковъ непрестанно величаемъ“ (³)! Посему и *Богъ*, по словамъ апостола, *положилъ возглавити всяческая о Христвѣ, яже на небеси и яже на земли* (⁴). Это есть наиболѣе широкое понятіе о церкви, въ коемъ живущіе на

(¹) См. іюн. кн.

(²) Церковь воинствующая совсѣмъ иное, чѣмъ церковь гонимая, какъ любятъ выражаться безпоповцы. См. ниже.

(³) Служба на 8 ноябр. св. ангеламъ, канонъ, пѣсль 9-я ст. 2-й.

(⁴) Ефес. 1, 10.

земли соединяются съ небожителями подъ единою Главою-Христомъ. Затѣмъ церковію называется общество живущихъ на землѣ православныхъ христіанъ извѣстной мѣстности, или города. Такъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ читаемъ: *бысть гоненіе на церковъ іерусалимскую*, т. е. „на вѣрующихъ во Христа гоненіе разумѣй“ (1). Въ этомъ смыслѣ встрѣчаются выраженія: „церковь Коринѳская, Азійская, Антиохійская, Солунская“ и т. д. (2). Въ этомъ же смыслѣ можно сказать: церковь греческая, російская, болгарская, и даже частнѣе: церковь московская, казанская и т. д.; отдѣльный приходъ также можетъ быть названъ церковію (3). Наконецъ, частный домъ какого-либо христіанина нарицается церковію (4). Затѣмъ церковію называются не всѣ христіане, а только лица стоящія во главѣ управленія церковію, или иначе іерархи церкви. Когда Спаситель говорилъ о высокому значенію церкви, что кто ее преслушаетъ, тотъ будетъ *яко язычникъ и мытарь*; то разумѣлъ церковныхъ управителей, или, какъ выражается блаж. Теофилактъ, предстоятелей церкви (5), или, по выраженію одной уважаемой старообрядцами книги, „наставниковъ церковныхъ и строителей“ (6). Иногда,

(1) Дѣян. апост. гл. 8, ст. 1. Кн. о вѣрѣ, л. 24.

(2) Посл. 1 Коринѳ. 1, 2. 16, 19. Дѣян. 13, 1. Солун. 1 посл. 1, 1.

(3) Больш. катих. гл. 25, л. 120.

(4) 1 Коринѳ. гл. 16, ст. 19.

(5) На Матѣ. зач. 76. Толкованіе блаж. Теофилакта архіепископа болгарскаго на четвероевангеліе извѣстно подъ именемъ «Благовѣстника». Благовѣстникъ въ первый разъ напечатанъ въ Москвѣ при п. Іосифѣ, въ 1649 г. Изданіе это послѣ незначительнаго исправленія перепечатано было въ 1698 г. и потомъ нѣсколько разъ въ 18 стол. Новый переводъ сдѣланъ при Казанской академіи, начиная съ 1855 по 1870 г. Блаж. Теофилактъ въ своихъ объясненіяхъ наиболѣе слѣдовалъ св. Златоусту и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ, можно сказать, его сократителемъ. Снес. въ данномъ случаѣ Злат. на еванг. отъ Матѣ. бес. 50.

(6) Большой катихизисъ, гл. 25, л. 220 обор. Бол. катихизисъ написанъ корецкимъ протоіереемъ Лаврентіемъ Зизаніемъ во время го-

наоборотъ, церковію называються пасомые, управляемые іерархією. Посему апостоль Павелъ говорилъ, что „Духъ Св. поставилъ *епископы пасты церковь Господа и Бога* (¹). Далѣе церковію именуется мѣста молитвенныхъ собраній христіанъ или церкви въ смыслѣ общества благочестивыхъ людей, а также нѣкоторыя свойства церкви и ея принадлежности. „Храмъ сирѣчь домъ молитвы церковь Божія нарицается“, говорится въ Большомъ катихизисѣ (л. 120). Посему и св. Златоустъ пишетъ: церковь не стѣны и покровъ, но *вера и житіе...* не стѣны церковныя, но *законы* церковныя (²). Въ смыслѣ храма или вмѣстилища Божія церковію называется каждый христіанинъ. *Вы есте церкви Бога жива*, писалъ апостоль къ коринѣянамъ (2-е посл. 6, 16), или, по иному чтенію, вы храмъ Бога жива (³). Въ этомъ смыслѣ и тѣло Христово именуется церковью, и тѣло христіанина также именуется церковію. *Раззорите церковь сію*, говорилъ Господь, *и трети денми воздвину ю* (Іоан. 2, 19); „церковь ношу тѣлесную“, поютъ всѣ вѣрующіе въ покаянной молитвѣ (⁴). Наконецъ церковію называется иногда даже общество людей нечестивыхъ: *вознесавидѣхъ церковь лукавнующихъ*, говоритъ въ одномъ мѣстѣ царь-пророкъ Да-

сподства уни въ западной Россіи; но напечатанъ былъ въ Москвѣ при патр. Филаретѣ, въ 1627 г.; впоследствии онъ былъ не одинъ разъ перепечатываемъ въ старообрядческихъ типографіяхъ. Наиболѣе распространенное изданіе гродненское 1783 г. О Большомъ катихизисѣ ст. въ Прав. Собес. за 1855 и 1856 гг.

(¹) Дѣян. гл. 20, ст. 28.

(²) Въ «Маргаритѣ» сл. 3, л. 319. Маргаритомъ называется собраніе избранныхъ словъ св. Златоуста, въ концѣ коихъ помѣщено и его житіе. Маргаритъ въ первый разъ напечатанъ въ Острогѣ въ 1596 г. Затѣмъ въ Москвѣ, при п. Юсифѣ въ 1644 г. и въ 1698 г. (См. у Баратаева. Хронол. росписъ слав. книгъ. С.-Петербург. 1861 г.).

(³) Бес. на 14 посл. Кіевъ. стр. 1283. 1-е Кор. 3 гл. 16 ст.

(⁴) «Покаянія отверзи ми двери»... по старымъ редакціямъ.

видъ (¹). При столь разнообразномъ значеніи слова „церковь“ безпоповцамъ не трудно злоупотреблять этимъ названіемъ; говоря объ одномъ предметѣ высказывать соображенія и приводить доказательства, относящіяся совсѣмъ къ другому. Какъ увидимъ далѣе, такъ они и поступаютъ. Вслѣдствіе сего, прежде чѣмъ приступить къ разбору ученія безпоповцевъ о церкви, необходимо съ возможною точностію опредѣлить самый предметъ. Наша рѣчь будетъ о церкви, такъ называемой символной, т. е. о исповѣдуемой въ символѣ вѣры единой, святой, соборной и апостольской церкви, — такъ какъ наша главная цѣль въ томъ и заключается, составляютъ ли безпоповцы эту церковь, и правильно ли о ней разумѣютъ.

Опредѣленіе понятія символной церкви находится въ „Большомъ катихизисѣ“, въ коемъ указываются и другія значенія этого слова. На вопросъ: „что есть церковь Божія“, — дается отвѣтъ: „церковь Божія есть собраніе вѣрныхъ Божіихъ, иже непоколебимую держатъ единую православную вѣру, и въ любви пребываютъ; облобызаютъ же ученіе евангельское непоколеблемое, иже суть достойны пріимати святыя и божественныя совершенныя тайны; и иже суть подъ единою главою Господемъ нашимъ Ісѣмъ Христомъ, а подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ отъ Него поставленныхъ“ (л. 121). Такимъ образомъ въ понятіе церкви Божіей входятъ три существенныя признака: а) содержаніе православной вѣры и принятіе евангельскаго ученія, б) существованіе въ ней тайнъ, и в) церковное управленіе или іерархія. Отсюда мы видимъ, что „символьная“ церковь отличается отъ всѣхъ поименованныхъ названій, въ двухъ отношеніяхъ. Въ первомъ, — что это не есть совокупность всѣхъ существъ разумныхъ — не-

---

(¹) Псал. 25, ст. 5. Многія изъ означенныхъ понятій слова «церковь» указываются въ «Большомъ катихизисѣ», л. 120.

бесныхъ и земныхъ, а есть только церковь земная; ибо церковь небесная ни таинъ, ни поставленной іерархіи не имѣетъ. Тамъ зрять Бога не якоже зеркаломъ въ гаданіи и ощущаютъ Его присутствіе не въ таинственныхъ дѣйствіяхъ, но лицомъ къ лицу⁽¹⁾; тамъ нѣтъ надобности и въ особенной церковной іерархіи, въ смыслѣ посредничества между Богомъ и небожителями; тамъ есть и *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ*⁽²⁾. Съ другой стороны понятіе „символьной“ церкви шире всѣхъ другихъ понятій о церкви: это не церковь извѣстной только мѣстности, не церковь управляющихъ или управляемыхъ въ отдѣльности, не церковь въ смыслѣ нѣкоторыхъ ея признаковъ, и тѣмъ болѣе не церковь въ смыслѣ отдѣльнаго только лица; — это совокупность всѣхъ живущихъ на землѣ православныхъ христіанъ съ таинствами и священствомъ. Какъ велико число этихъ таинствъ, въ данномъ опредѣленіи не упомянуто, но въ другомъ мѣстѣ тогоже „Катихизиса“ замѣчается: „вѣждь убо безъ всякаго сомнѣнія, яко въ церкви Божіей не двѣ точію тайны, но всесовершенно седмь“⁽³⁾. Значить, хотя изъ семи таинъ и не всѣ одинаково для каждаго христіанина потребны, но въ церкви должны существовать всѣ семь таинъ. Относительно лицъ богопоставленныхъ управляющихъ церковію, хотя и не говорится въ означенной книгѣ, кто это богопоставленныя управляющія лица, но въ „Благовѣстникѣ“ блаженнаго Теофилакта поясняется, что эти управители, которымъ поручены церкви, состоятъ изъ трехъ чиновъ — епископа, пресвитера и діакона⁽⁴⁾. Значеніе означенныхъ іерархическихъ лицъ въ церкви поясняютъ святые отцы церкви. „Епископъ Бога

(1) 1 Коринѣ. гл. 13, ст. 12.

(2) Тамъ же, гл. 15, ст. 28.

(3) Больш. катих. л. 311.

(4) Благов. Оеоф. болгарск. на еванг. отъ Лук. зач. 95.

Отда всѣхъ образъ есть: пресвитеры же яко сонмъ Божій, пишетъ св. Игнатій богоносець, и союзъ апостоловъ Христовыхъ. Безъ нихъ церковь нѣсть избранна, ниже собраніе святое, ниже сонмъ преподобныхъ“ (1).

Въ церковь Божию не только надлежитъ вѣрвать, но и принадлежать къ ней. „Какая намъ есть потреба поученія о соборной церкви?“ спрашивается въ Большомъ катихизисѣ. *Отвѣтъ*. Ся ради, яко да извѣстно вѣдуще ю, въ ней пребываемъ и спасени будемъ, зане кромѣ церкви Божія нигдѣже нѣсть спасенія. Якоже при потопѣ, вси, елицы съ Носемъ въ ковчезѣ не бяху, истопоша; тако и въ день судный, вси иже нынѣ въ церкви святѣй не будутъ, тѣи во езеро оное огненное ввержени будутъ.... Иже не пребываютъ въ сей соборнѣй церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ, и Духа Святаго сицевіи не имуть“ (2). Посему-то св. Златоустъ и замѣчаетъ: „удобнѣе солнцу угаснути, нежели церкви безъ вѣсти быти“ (3), т. е. она не можетъ быть неизвѣстною людямъ къ ней принадлежащимъ. Исповѣдуемая въ символѣ, Божія церковь, основана Христомъ на исповѣданіи Его апостоломъ Петромъ Сыномъ Божіимъ. *Ты еси Петръ*, сказалъ Христосъ, *и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адава не одолмятъ ей*. „Воздастъ Господь Петрови мзду велию, читаемъ въ Благовѣстникѣ, еже на немъ создати церковь свою. Понесе же бо исповѣда Его Сына Божія Петръ, глаголетъ, яко сіе исповѣданіе, еже исповѣда, *основаніе* хоцетъ быти вѣрующимъ“ (4). Такимъ образомъ исповѣданіе есть *основаніе* церкви, но не самая церковь. „Сіе исповѣданіе, еже испо-

(1) Игнат. Богов. посл. къ Тралліаномъ. Снес. св. Кипріяна посл. 27 и къ Флоренціан. св. Злат. въ Маргар. житіе, л. 154 обор. Сумеонъ Солуиск. кн. 1, гл. 156 и кн. 2, число 30.

(2) Больш. катих. л. 122.

(3) Маргар. л. 193, снес. Кипріяна сл. о церкви, л. 8.

(4) На Мате. зач. 67.

вѣда Петръ, повторяетъ и Большой катихизисъ, основаніе хочетъ быти вѣрующимъ“ (1). Основанную Христомъ церковь не одолѣють врата ада, т. е. церковь Божія всегда останется съ тѣми существенными признаками, которые мы уже видѣли, т. е. съ таинствами и іерархією. Посему блаж. Теофилактъ и въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „аще и тварь вся измѣнится, евангеліе же и церковь вѣрныхъ никогдаже“ (2). Вратами адовыми именуются по временамъ бывшіе гонители, еретики и грѣхи (3). Это значитъ, что положенное Христомъ существенное устройство церкви не будетъ разрушено внѣшними гонителями какими бы то ни было; еретики никогда не возобладають церковію Христовою, и грѣхи ея не коснутся, хотя члены ея и могутъ, какъ люди, быть грѣшными. Новаціане или „чистые“, которые учили, что церковь должна состоять только изъ „чистыхъ“, т. е. праведныхъ, считались еретиками (4). Чистота или святость церкви зависитъ не отъ святости ея членовъ, а отъ того, что святъ ея Глава-Христосъ. Неодолѣнность церкви, т. е. вѣчное состояніе ея въ томъ видѣ, какъ она устроена, съ особенною наглядностію изображаетъ св. Златоустъ, слова котораго приведены въ одной изданной при п. Іосифѣ книгѣ: „церкви ничтоже равно есть и никогдаже старѣеть; выше небесъ взыде; ни варвари, ни бѣси преодолѣють ей. Колици ратоваша на церковь, и ратовавшіе погибоша? Борима есть и не побѣждается... Ничтоже бо церкви крѣпчайше. Небесъ выспи есть, каменія твердѣйши есть, земли ширши есть; никогдаже старѣеть, но присно юнѣется. Сего ради твердое ея являя, тору ея наричетъ; непревратное, камень ея наричетъ; нетлѣнное, дѣву ея наричетъ; многоцѣнное, царицу ея

(1) Больш. катих. гл. 27. л. 128 обор.

(2) Благов. на ев. отъ Лук. зач. 107.

(3) — на Матѣ. зч. 67.

(4) 8 прав. 1-го всел. собора.

наричетъ; сродное еже къ Богу, дочь; многоплодное, тѣмами именъ ея наричетъ, яко да представитъ тоя благородіе.... Розги ея и листвіи ея не увядають; дрѣвеса ея листвія не отмиѣтають, не подлежатъ времени тлѣнія, зане благодать Св. Духа сія дѣйствуетъ“ (1). Свойства святости и вѣчной неодолимости принадлежатъ не частнымъ какимъ-либо церквамъ, но церкви вселенской (символьной), и относятся къ тѣмъ существеннымъ признакамъ, какіе указываются въ Католицизмѣ.

Но эта неодолимая церковь всегда есть церковь боримая, или иначе *воинствующая*, т. е. она постоянно борется съ гонителями, еретиками и грѣхами. Понятіе церкви воинствующей не есть понятіе церкви только гонимой во внѣшнемъ отношеніи; другими словами, это не значитъ, что церковь должна быть всегда преслѣдуема гоненіями. Напротивъ, во внѣшнемъ отношеніи она можетъ наслаждаться и полнымъ спокойствіемъ, и торжествовать надъ внѣшними вратами. Посему невозможно по внѣшнему только положенію церкви судить о ея благочестіи, какъ поступаютъ иногда наши раскольники, видящіе свидѣтельство своей правоты въ томъ, что ихъ подвергали внѣшнимъ преслѣдованіямъ. „Не та церковь истинная, говорятъ они, которая мучитъ, а та, которую мучатъ, забывъ слова апостола Павла: *аще же и страждетъ кто, не вѣнчается, аще не законно постраждетъ*“ (2). Дѣйствительно, если по означенному только признаку судить объ истинности церкви; то необходимо будетъ признать истинною церковью общества несомнѣнно еретическія, но преслѣдуемая со стороны правительства; напр. еретическое общество жи-

---

(1) Книга о вѣрѣ, л. 19 снес. л. 25. Книга о вѣрѣ составляетъ сборникъ разныхъ статей, подобно «Книгѣ Кирилловой», издана при п. Юсифѣ, въ 1648 году. Обширная статья объ этой книгѣ въ Черниг. епарх. вѣдом. за 1869 годъ.

(2) 2 къ Тимое. зач. 292. гл. 2, ст. 4.

довствующихъ XV—XVI в., а также и общества древнихъ еретиковъ, преслѣдуемыхъ православными греческими царями. Христова воинствующая церковь борима не только врагами внѣшними, но и внутренними, борима, такъ называемыми „вратами ада“, подъ коими разумѣются не только гонители, но и еретики, и грѣхи.

Изъ указанныхъ существенныхъ признаковъ и свойствъ Христовой вселенской церкви, которыхъ и безпоповцы прямо не дерзаютъ отвергать, само собою слѣдуетъ, что церковь не можетъ быть безъ священства. Тѣмъ не менѣе представители безпоповства создали доктрину о *церкви безсвященнословной*, т. е. ученіе о томъ, что Христова церковь можетъ быть и безъ священныхъ чиновъ и безъ нѣкоторыхъ таинствъ. Ради этой-то цѣли, они, какъ мы замѣтили раньше, частію измѣняютъ самое понятіе о церкви символьной, частію же пытаются доказать, что и въ этомъ смыслѣ понимаемая церковь можетъ оставаться безъ священства. Въ видахъ достиженія первой цѣли они утверждаютъ, что вѣчная, neodолѣнная Христова церковь заключается въ одномъ исповѣданіи правой вѣры, такъ что церковь можетъ состоять только изъ мірянъ право исповѣдующихъ вѣру Христову;—даже каждый христіанинъ можетъ составлять церковь; наконецъ церковь можетъ быть просто безнародная (1). Мы уже видѣли, что всѣ эти опредѣленія къ церкви исповѣдуемой въ символѣ не относятся, и признаковъ и свойствъ церкви вселенской не имѣютъ. Такъ исповѣданіе вѣры есть не церковь, а только основаніе церкви, и хотя св. Златоустъ и замѣчаетъ, что церковь есть вѣра и житіе; но это выраженіе не есть полное опредѣленіе церкви символьной, а только ука-

---

(1) См. о семъ въ «Пом. отв. Бесѣду съ Зыковымъ въ Сар. епарх. вѣд. 1882 г. №№ 1 и 2 Теорію Швецова о безнародной церкви въ нашихъ публичныхъ чтеніяхъ о поповствѣ. Казань 1882 г. Отчетъ о бесѣдахъ въ Казани, въ Прав. Собес. 1872 г. ч. III.

заніе на одинъ изъ существенныхъ признаковъ церкви, или, какъ говорятъ ученые, здѣсь обозначается содержимое вмѣсто содержащаго; ибо въ церкви Божіей заключается и вѣра правая и житіе спасительное. А что св. Златоустъ вовсе не высказываетъ здѣсь полнаго о церкви опредѣленія; это видно изъ того, что въ его писаніяхъ встрѣчаемъ и другія понятія, выражаемая такъ же словомъ „церковь“. „Церковь, говоритъ онъ, законы церковные“; это уже иное, чѣмъ вѣра и житіе; церковь называетъ онъ и храмъ церковный, когда увѣщаетъ христіанъ браться въ церкви (1); церковь называетъ и общество христіанъ, когда говоритъ: „церковь глаголю вѣрныхъ весь народъ“ (2), „церковь ничтоже бо ино есть, но развѣ нашими душами созданный домъ“ (3), и когда поучаетъ, что церковь безъ епископа не бываетъ (4). Наконецъ, церковь, замѣчаетъ онъ, „вѣрою ограждена“ (5), значитъ церковь не то же, что вѣра, а ограждена вѣрою. Такое же значеніе, — т. е. не полнаго опредѣленія символической церкви, а обозначеніе одного изъ существенныхъ ея признаковъ имѣютъ подобныя же выраженія, встрѣчаемыя и у другихъ писателей, которые, какъ и св. Златоустъ, хотять утвердить ту мысль, что церковь не есть внѣшніе храмы, или стѣны, и посему противопологаютъ этому чисто внѣшнему признаку одинъ изъ признаковъ внутреннихъ (6). Что же касается выраженія, что церковь составля-

(1) Маргаритъ, въ словѣ «предста царица», л. 537 об.

(2) Маргар. въ житіи св. Злат. л. 116.

(3) Бес. на 14 посл. на посл. къ Ефес. нрав. 10-е, стр. 1681. Приводится и въ «бесѣдахъ о священствѣ», изд. Львовское, 1614 г. стр. 358.

(4) Маргар. въ житіи св. Злат.

(5) Въ словѣ на пятидесятницу; см. въ Кн. о вѣрѣ, л. 19 об.

(6) Четъм. на 21 день генв.; слова Максима исповѣдника: «Христосъ Господь каволическою церковью нарече быти правое, спасенное исповѣданіе вѣры».

еть каждый христіанинъ, право исповѣдующій вѣру, такъ какъ, по апостолу, каждый есть церковь или храмъ Бога живаго, и тѣлеса наши суть храмъ живущаго въ насъ Духа (¹); то относительно этого слѣдуетъ замѣтить, что, съ одной стороны, каждый христіанинъ можетъ быть церковію Божіею или храмомъ Бога живаго, вмѣстилищемъ Св. Духа въ вѣдствіе сообщаемой въ таинствахъ благодати Св. Духа, а не самъ по себѣ. Такъ въ книгѣ извѣстной подъ именемъ „Златоустъ“, читаемъ: „да чисти и непорочни тѣло и кровь Христову отъ іереевъ воспріимемъ, на освѣщеніе душамъ и телѣсамъ нашимъ, и на оставленіе грѣховъ, и будемъ церковь Бога живаго“ (²). Съ другой стороны, эта церковь или храмъ, будучи вмѣстилищемъ Бога живаго, сама по себѣ есть и можетъ быть церковію грѣховною и во всякомъ случаѣ одолѣнною, значить не Христовою. Хорошо отвѣтилъ по этому поводу одинъ православный миссіонеръ на слова безпоповца, что такъ какъ апостоль глаголетъ: вы есте церкви Бога жива, то значить и безъ священства можетъ быть церковь соборная и апостольская: „соборная церковь несятою не бываетъ: наша же церковь, т. е. тѣлесный храмъ бываетъ и нечистъ, что свидѣтельствуютъ поемыя нами слова „*церковь пошу тѣлесную всю осквернену*“ (³).

Съ другой стороны, не имѣя возможности затенить и замаять прямую постановку вопроса, безпоповцы усиливаются доказывать свое положеніе о церкви безсвященнословной, т. е. что церковь Христова можетъ состоять изъ однихъ мірянъ, при двухъ, или не болѣе, какъ трехъ таинствахъ; священныхъ же лицъ можетъ лишиться. Поэтому, подлежащій обслѣдованію

(¹) 1 Коринт. гл. 6, ст. 19.

(²) Л 84 обор. Книга, подъ названіемъ „Златоустъ“ представляетъ собраніе поученій разныхъ проповѣдниковъ

(³) Изъ пѣсни: «Покаянія отверзи ми двери» по старой редакціи. См. собр. сочин. арх. Павла, ч. 1, стр. 531.

вопросъ и заключается въ подтвержденіи мысли о вѣчности священства въ Христовой вселенской церкви, и въ разборѣ приводимыхъ безпоповцами доказательствъ противнаго.

Изъ самаго понятія о неодолимости церкви вопросъ этотъ рѣшается уже отрицательно. Церковь „не постраждетъ измѣненія“, читаемъ въ Благовѣстникѣ, т. е. всегда останется въ такомъ видѣ, въ какомъ основана Христомъ Спасителемъ, съ своими существенными признаками. Но и помимо этого выводнаго заключенія есть несомнѣнныя доказательства, что священство въ церкви должно быть вѣчно, т. е. до втораго Христова пришествія. Въ подтвержденіе этого можно указать три весьма ясныхъ и сильныхъ свидѣтельства: а) блаж. Теофилактъ въ „Благовѣстникѣ“ такъ объясняетъ притчу Спасителя о десяти мнасахъ: *человѣкъ нѣкій добра роду иде на страну далече прияти себѣ царство и возвратитися. Призвавъ же десять рабовъ своихъ, даждь имъ десять мнасъ, и рече къ нимъ: куплю дните дондеже прииду.* Толкованіе. „Раби, имъ же церкви поручи. Десять глаголемъ быти совершеннаго ради церковнаго состоянія: ибо въ церкви чинъ совершенія имать, предстоящими украшеніе, и ни больше лѣпо быти, ни мнѣе; еже слова благодатію тріе сіи образи въ церкви, очищеніе, просвѣщеніе и совершеніе. Три сія дѣйства наслѣдуема чиновъ, *діакони* очищаютъ оглашеніемъ ученія; *пресвитери* просвѣщаютъ крещеніемъ; *архіереи* же священныя чины поставляютъ и совершаютъ, еже есть рукоположеніе. Видиши ли чины къ дѣйствамъ, ни вящши, ни мнѣе реку предстоящихъ.... *Дондеже прииду*, еже есть второе пришествіе“ (1). Такимъ образомъ Господь обѣщаль быть купли священства (въ трехъ чинахъ) до втораго Его пришествія. „Хощеши ли обѣтованій и прореченій

---

(1) На еванг. отъ Луки, зач. 95.

навыкнути силу, посянеть св. Златоустъ, и истину иже прежде сихъ и иже по сихъ? Зри ми пленицу злату сплетенную различно изъ начала. Рече имъ нѣкая о себѣ и о церквахъ и о будущихъ вещехъ, и глаголай чудодѣйствоваше. Убо отъ сбытія реченныхъ явлена суть и чудеса истинная, и будущая и обѣтованная. Но и явленѣйше будетъ глаголемое, на самыхъ сіе сотворю вещехъ явлено. Воскреси Лазаря единымъ своимъ глаголомъ и жива показа; рече паки: врата адова не одолѣютъ церкви.... Убо едино чудо о Лазари, прореченія же двѣ, ово убо здѣ показуемое, ово же въ будущемъ.... Истинствовавый въ прореченіи богоявленно, яко и въ прореченіи будущихъ истинствуется“ (1). Это значитъ, что Господь дающій церкви извѣстныя обѣтованія силенъ исполнить оныя, какъ и чудо сотворить; значитъ, обѣтованія божественныя имѣютъ значеніе положительныхъ свидѣтельствъ и удостовѣреній (2). Посему, заключаетъ тотъ же св. Златоустъ, кто исповѣдуетъ Христа быти Бога, а словамъ Его, яко словамъ Бога, долженствующимъ исполниться, не вѣруетъ, тотъ и еллиновъ горше есть (3). б) Въ Книгѣ о вѣрѣ объясняется въ такомъ же родѣ часть другой притчи Спасителя — о милосердомъ самарянѣ. „Господь не восхотѣ достойнѣе свое оставить на земли неустроено, отходя на

---

(1) Бес. на 14 посл. ап. Павла, 1 Коринѣ. нрав. 17, стр. 598. Бесѣды на 14 пославій изданы въ первый разъ въ Кіевѣ, въ 1623 г. Захарією Копыстенскимъ, который и въ великой Россіи считался «ревнителемъ и поборникомъ православія» (см. Кн. о вѣрѣ, л. 5). Новый переводъ сдѣланъ при Петерб. дух. академіи.

(2) И безпоповцы не осмѣливаются *прямо* отвергать такое значеніе обѣтованій; чтобы обойти ихъ, они, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, поступаютъ нѣсколько иначе. Только разъ, на устной бесѣдѣ защитникъ безпоповства дерзнулъ сказать: «пусть и общался Христосъ соблюсти церковь neodолѣнну: мало ли что общаютъ, да не все въ исполненіе приходитъ. И французъ общался побѣдить Пруссію, а вмѣсто того самъ въ плѣнъ попался» (Собр. соч. арх. Павла, ч. 2, стр. 425).

(3) Бес. на посл. къ Колосс. нрав. 2-е, стр. 2054.

небеса, но иземъ два сребренника даде гостинникомъ, се есть старый и новый завѣтъ. Кому же даль? Кто гостинницы? Апостоли, и по нихъ воспріемницы ихъ, пастыріе и учителяе, архієпископы и епископы, иже служителие суть величеству смотрѣнія (его), имже и спребывати даже до окончанія вѣка обѣтованіе сотвори“ (1). в) Третіе свидѣтельство, уже не въ формѣ только обѣтованія,—находится въ книгѣ Кирилловой, и составляетъ поясненіе словъ апостола Павла изъ посланія къ Евреямъ, о значеніи священства по чину Мельхиседекову. „Ааронъ въ своемъ іерействѣ поставленъ на время, и не возмогша іереи его во вѣки пребывати, смерть Ааронова имъ прекратила. Того ради Христось не по Ааронову временнаго, но по Мельхиседекову вѣчнаго чина прииде архіерей вѣчныхъ благъ, и якоже самъ никогда не умираеть, такоже іерейство его по чину Мельхиседекову не престаеть, якоже пишетъ: *ты еси іерей во вѣки по чину Мельхиседекову*. Престало тогда архіерейство Аароново яко временное, востало же Христово вѣчное, иже изъ мертвыхъ воставъ апостоловъ своихъ на се освяти хиротонією, еже есть рукоположеніемъ..... Апостоли паки епископовъ освятиша,.... а сіи паки поповъ“ (2).

По поводу этого свидѣтельства, въ существѣ дѣла очень яснаго и опредѣленнаго, безпоповцы высказываютъ слѣдующее замѣчаніе. Христось, какъ вѣч-

---

(1) Глава 7, л. 59.

(2) Кп. Кир. л. 77. «Кириллова книга» представляетъ, подобно «Книгѣ о вѣрѣ», сборникъ статей преимущественно полемическаго содержанія противъ латинъ, лютеранъ и армянъ. Названіе свое она получила отъ первой статьи, представляющей толкованіе 15 огласительнаго слова св. Кирилла іерусалимскаго, — составленное Стефаномъ Зизаніемъ, братомъ Лаврентія, написавшаго «Больш. катихизисъ». Изданъ этотъ сборникъ въ Москвѣ протопопомъ Роговымъ при п. Іосифѣ, въ 1644 году. Затѣмъ онъ былъ не разъ перепечатываемъ въ 18 в. въ старообрядческихъ типографіяхъ. Обширная статья о «Кир. кн.» Лилова въ Прав. Собес. за 1857 г. и отд. брошурой. Казань.

ный Первосвященникъ, дѣйствительно, никогда не умираетъ, и они сего Первосвященника имѣютъ на небесахъ; на землѣ же пребывающее священство Христово есть священство по чину Мельхиседекову, а Мельхиседекъ хиротоніи не имѣлъ, значитъ священство по чину Мельхиседекову есть священство не имущее хиротоніи (1). Но такое поясненіе носитъ слѣды явной натяжки. А именно: не только, сказано, что Христосъ никогда не умираетъ, но и Его священство также не престаетъ, и оно вѣчно. Какое же это священство? Вѣрно, что Мельхиседекъ не имѣлъ хиротоніи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы священство имѣ прообразованное и по его чину устроенное также не имѣло хиротоніи; ибо въ „святнописуемыхъ ино есть подобное, и ино неподобное“ (2). Прообразовательныя черты у Мельхиседека св. апостоль находятъ не въ этомъ, а въ другихъ сторонахъ (3). И на самомъ дѣлѣ, священство Христово по чину Мельхиседекову имѣло и должно имѣть хиротонію. Первое рукоположеніе было отъ самого Св. Духа въ день пятидесятницы. „Духъ же святой сошедъ, рукоположи апостолы всей вселеннѣй.... Начало убо отъ Спаса пріяша апостолы, конецъ же, сирѣчь совершеніе отъ Св. Духа“ (4). Затѣмъ апостолы рукоположили епископовъ, и такъ благодать Христова священства чрезъ рукоположеніе передается преимущественно отъ одного лица другому; это своего рода неугасимый жертвенный огонь, который въ

(1) См. наши бес. въ трехъ селахъ, въ Сборникѣ, стр. 224.

(2) Злат. бес. на 14 посл. стр. 2552. изъ бес. 12 на посл. къ Евреямъ.

(3) Посл. къ Евр. гл. 7.

(4) Толк. апост. л. 12. Толковый апостоль надобно отличать отъ бесѣдъ св. Златоуста на дѣян. и 14 посл. Толкованія въ немъ помѣщенные принадлежатъ разнымъ церковнымъ учителямъ, но преимущественно толкованіе св. Златоуста. Напечатанъ онъ единственный разъ въ типографіи Почаевской въ 1784 г. Акад. библ. № 2171.

ветхомъ завѣтѣ и служилъ прообразомъ благодати хиротоніи (¹). Посему и въ приведенномъ нами свидѣтельствѣ „Кирилловой книги“ прямо замѣчается о томъ, какого рода это священство по чину Мельхиседекову: Христосъ „апостоловъ своихъ освяти хиротонією; апостолы *епископовъ* освятиша, а сіи паки *поповъ*“.

За исключеніемъ приведеннаго замѣчанія, безповницы ничего не возражаютъ противъ ясности, подлинности и авторитетности указанныхъ нами свидѣтельствъ о вѣчномъ существованіи священства. Но проходя ихъ большею частію молчаніемъ, они стараются и въ своихъ сочиненіяхъ и въ устныхъ бесѣдахъ утвердить три мысли: первое, что во многихъ мѣстахъ священниковъ иногда, вслѣдствіе гоненій и другихъ причинъ, не было, а между тѣмъ жившіе въ оныхъ христіане несомнѣнно спасались; второе, что въ антихристово время и во всемъ мірѣ не будетъ священства; и третье, что священство въ церкви сугубое, т. е. и каждый христіанинъ есть священникъ, значитъ священство вѣчно. Прежде разсмотрѣнія каждаго изъ этихъ доказательствъ въ отдѣльности, если обратить вниманіе на совокупность оныхъ, то окажется, что всѣ они не только одно другое не поддерживаютъ и не усиливаютъ; но, напротивъ, ослабляютъ и исключаютъ, такъ что, если одно вѣрно, то остальные два уже не вѣрны, или, по меньшей мѣрѣ, вовсе не нужны. И дѣйствительно, если вѣрно то, что церковь Божія можетъ быть безъ священства потому, что и въ древнія времена многіе христіане оставались безъ священниковъ; то совершенно уже излишне доказывать, что въ послѣднее время нигдѣ священниковъ не обрящется, и тѣмъ болѣе совершенно странно толковать о священствѣ „сугубомъ“. Съ другой стороны, если несомнѣнно извѣстно, что

(¹) Амвросій Медиоланскій, о должностяхъ; кн. 3, гл. 18.

въ послѣднее время антихристъ истребитъ все священство; то первое соображеніе окажется несомнѣнно излишнимъ, а послѣднее необъяснимымъ, зачѣмъ оно потребовалось. Если же, наконецъ, вѣрно послѣднее; то зачѣмъ оказалось нужнымъ доказывать два первыхъ? Если священство въ церкви сугубо, т. е. каждый христіанинъ есть священникъ; то для чего еще усиливаться доказывать, что священство въ Христовой церкви и быть не должно, или отыскивать и приводить примѣры, что его не было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ? — Ясно, что всѣ три доказательства идутъ врозь, и при вѣрности одного изъ нихъ теряютъ силу остальные два; — очевидно, защитники безпоповства рассчитываютъ на удачу, что если окажется слабымъ то или другое доказательство; то, быть можетъ, можно заслониться третьимъ. Сейчас постараемся доказать, что всѣ три вида доказательствъ придуманныя, сочиненныя; и на дѣлѣ ни одно изъ нихъ не оказывается сколько нибудь твердымъ.

1) Въ „Поморскихъ отвѣтахъ“, въ „Мечѣ духовномъ“, въ „Стоглавѣ“ и въ отвѣтахъ Монины указываются нѣсколько однородныхъ и однозначущихъ фактовъ существованія христіанскихъ церквей безъ священства. Такъ „при апостолѣхъ въ Самаріи и Дамасцѣ и въ Ликаоніи безъ священниковъ святая церковь стояше“. „По апостолѣхъ въ прилучающихся гоненіяхъ колицы мѣста и гради безъ священниковъ обрѣтахуся?“ „По гонительныхъ же случаевъ, во время мира церковнаго, преподобніи отцы въ пустыняхъ поселившися: елици отшельницы, елици безмолвници, елици скитници бяху, не имущіи священниковъ, о нихъ же преп. Ефремъ Сирийскій глаголетъ: не законъ разоряють, не приѣмлюще священничество держати“ (1). „Погибе благочестіе, говорилъ мученикъ Галактіонъ Еписиміи: пресвитери и клирики иніи избіени суть,

(1) «Помор. отв.» отв. 404, л. 358—360. Снес. Мечъ духовный, л. 332 и дал.

нии въ пустыню бѣжаша“ (Четьмин. ноябр. 5). „Вездѣ печаль, плачь, въздыханіе, писалъ св. Василій Великій къ папѣ римскому, непрестанно безъ отцевъ во онѣмъ сиротствѣ учителей не стало“ (у Барон. лѣто 371. число 4-е) ⁽¹⁾. „Воззри въ древнія времена, восклицаетъ по сему поводу авторъ „Меча духовнаго“, „колицы православныя христіане въ гонительныя времена церковей видимыхъ не имяху, ниже священниковъ“ ⁽²⁾. Всѣ означенныя примѣры и свидѣтельства говорятъ только о мѣстномъ оскудѣніи священства, объ отсутствіи священниковъ въ частныхъ христіанскихъ обществахъ (церквахъ), а не о томъ, яко бы церковъ Христова вселенская оставалась когда нибудь безъ священства; въ противномъ случаѣ было бы невозможно и появленіе онаго. Доказательства эти могли бы имѣть значеніе въ томъ только случаѣ, если бы и у безпоповцевъ священники, хотя не повсюду, а гдѣ нибудь были. Дѣйствительно, непригодность этихъ доказательствъ настолько ясна и самимъ безпоповцамъ, что въ новѣйшихъ произведеніяхъ безпоповщинскихъ писателей о нихъ совершенно уже не упоминается, и только изрѣдка въ устныхъ бесѣдахъ ⁽³⁾ приходится слышать выраженіе увѣренности, что „благочестивое священство“ обрѣтается гдѣ нибудь въ мѣстахъ сокровенныхъ, что гдѣ нибудь, въ пустыняхъ и пещерахъ, существуетъ въ полнотѣ чиновъ соборная церковъ, хотя и неизвѣстно гдѣ; ибо во времена антихриста церковъ по Апокалипсису убѣжить въ пустыню, о чемъ свидѣлствуютъ также и св. Ефремъ и Ипполитъ папа римскій ⁽⁴⁾. Но мы

⁽¹⁾ «Стоглавъ», гл. 23, л. 48. Снес. «Отв Монины», отв. 8.

⁽²⁾ «Мечъ дух.» л. 332.

⁽³⁾ См. бес. о Павла въ Сборн. его сочиненій, ч. 1, стр. 181 и 286. Отчетъ о нашихъ бесѣдахъ въ Прав. Собес. за 1872 г. такъ же въ Сборникѣ бесѣдъ. Казань. 1877 г. стр. 126—128.

⁽⁴⁾ Толк. апок. Андрея Кесарійскаго, изданный 1623 г. въ Кіевѣ Захарією Копыстенскимъ, гл. 11, стр. 54.—Это первое изданіе толкова-

уже замѣчали, что въ истинную Христову неодолимую церковь, въ полнотѣ чиновъ и тайнствъ существующую, необходимо не только вѣровать, но и принадлежать къ ней ⁽¹⁾, а безпоповцы, не знающіе, гдѣ такая церковь находится, очевидно, къ ней не принадлежатъ, а составляютъ изъ себя общество безсвященнословное, значить не Христову церковь. Если церковь скрылась отъ нихъ куда-то, такъ не они стало быть тѣ истинные христіане, о которыхъ въ словахъ Ефрема и Ипполита сказано, что они избѣгутъ прелести антихриста и будутъ скрываться отъ него. Нѣтъ, не такъ, продолжаютъ они оправдываться, мы—*достояніе Божіе, мы дѣти* этой церкви; отъ насъ сокрылись лишь чины церковные. Несчастное дитя, незнающее своей матери! Вѣдь церковь для того и создана, чтобы устроить, какъ сказано въ „Книгѣ о вѣрѣ“, „достояніе“ Божіе. Ужели она забыла свое достояніе, скрылась отъ своихъ послѣдователей?—Это невозможно: „удобнѣе убо, пишетъ св. Златоустъ, солнцу угаснути, нежели церкви безъ вѣсти быти“ ⁽²⁾. „Церковь по всему земному кругу простираетъ свои лучи, пишетъ св. Кипріанъ, повсюду себѣ свой разливаетъ“ ⁽³⁾. Хорошо по этому поводу замѣчаетъ одинъ изъ православныхъ полемистовъ. „Церковь Христова не есть какой-нибудь отшельникъ своею точію спасеніе содѣвающій, скрываться ей въ пещерѣ невозможно: церковь и въ древнѣйшія времена не была безвѣстною, хотя и крылась отъ гонителей, однако всему міру вѣдомо было ея суще-

---

нія на апок. Андрея Кесарійскаго, — книга весьма уважаемая старообрядцами, преимущественно безпоповцами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ имя Спасителя напечатано *Иисусъ* стр. 81 и 97. Эти мѣста неволью заставляютъ старообрядцевъ умалять значеніе означеннаго изданія. См. наша бес. въ трехъ селахъ, въ Сборн. стр. 277.

⁽¹⁾ Больш. кат. л. 122.

⁽²⁾ Маргаритъ, л. 193.

⁽³⁾ Слово о церкви.

ествованіе“ (1). На этомъ разъясненіи мысль безпоповца останавливается, и далѣе они ничего не находятъ уже сказать въ свое оправданіе.

Что касается наконецъ словъ св. Ефрема о пустынникахъ, что они „не законъ раззоряютъ неприемлюще священничество держати“; то выраженіе это, дѣйствительно, находится въ III-мъ его словѣ; но наряду съ этимъ св. Ефремъ свидѣтельствуетъ о такихъ пустынникахъ, что они „не разлучаютъ себе отъ стада“, т. е. хотя и уходятъ въ пустыни и не держатъ при себѣ священниковъ; но отъ церкви со священствомъ не отлучаютъ себя, и имъ вѣдомо было, гдѣ обрѣтается церковь со священствомъ. Посему далѣе говорится и о честныхъ священникахъ, приносящихъ службу предъ св. трапезою (2). Значить и упоминаемые св. Ефремомъ пустынники вовсе не служатъ оправданіемъ для безсвященнословной церкви.

Всѣ указанная нами доказательства и дальнѣйшее развитіе оныхъ говорятъ совсѣмъ не о томъ, что требуется для оправданія старообрядческой безпоповщинской общины: къ понятію церкви соборной они совершенно не относятся. Вотъ почему и понадобились иного рода доказательства.

2) Приводимое въ оправданіе своего состоянія ученіе безпоповцевъ о всеобщемъ прекращеніи въ церкви священства опирается съ одной стороны на недовѣріе къ божественнымъ обѣтованіямъ и неправильномъ ихъ пониманіи, а съ другой на произвольномъ толкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ писанія.

а) Мы видѣли, насколько ясны и опредѣленны свидѣтельства о вѣчности въ Христовой церкви священства, — не говоря уже о томъ, что это же самое

(1) Собр. сочин. арх. Павла, ч. I, стр. 426.

(2) «Егда предстануть честнїи священницы св. трапезѣ службу принести» и проч. Слова св. Ефрема изд. въ Вильнѣ въ 1768 г. Акад. библ. № 1636, слово 111-е, л. 531. Приведеннаго мѣста мы еще будемъ имѣть случай касаться въ вопросѣ о таинствѣ св. причащенія.

видно изъ самаго понятія о вѣчности и неодолимости церкви. Но безпоповщинскіе писатели, будучи не въ силахъ придумать что-либо въ ослабленіе ясности и определенности означенныхъ свидѣтельствъ, прибѣгаютъ къ иному, весьма своеобразному приему. „О еже аще Христосъ нѣкимъ обрядомъ обѣща до скончанія вѣка пребывать, говоритъ авторъ „Меча духовнаго“, обаче не пребыша преступленія ради“. Развивая и доказывая эту мысль, защитникъ безпоповства поясняетъ, что подъ „нѣкими обрядами“ онъ разумѣетъ именно священство (1). „Многи обѣтованія Божія грѣхъ ради человѣческихъ не свершаются“, возглашаетъ составитель „Стоглава“ (2). Эта же мысль съ тѣми же самыми доказательствами высказывается и въ новѣйшихъ произведеніяхъ безпоповщинской письменности (3). Такимъ образомъ, божественныя обѣтованія о церкви, по мнѣнію безпоповцевъ, надобно понимать условно, т. е. они могутъ и не исполниться „преступленія ради“, „грѣхъ ради человѣческихъ“, что и осуществилось по отношенію къ обѣтованіямъ о вѣчности священства. Съ перваго же взгляда представляется такое положеніе совершенно произвольнымъ и страннымъ, такъ какъ обѣтованія высказаны Спасителемъ безусловно, и такъ какъ церковь Христова погрѣшать не можетъ, а есть сята и непорочна (4), человѣческія же грѣхи на святость церкви вліять не могутъ, да церковь и создана ради

(1) Мечъ дух. ч. 1, предѣлъ 3, гл. 29, л. 315.

(2) Стоглавъ, гл. 23.

(3) Возраженіе Батова на «Воззваніе» инока Павла. Листки изданныя въ Яссахъ инокомъ Іоасафомъ, подъ названіемъ «Письмо къ приемлющимъ безсвященнословные браки». См. въ сборн. сочин. архим. Павла 1879 г. ч. 2, стр. 66 и 129. Мысль объ условности божественныхъ обѣтованій раздѣляется и нѣкоторыми поповщинскими писателями, какъ оправданіе неимѣнія ими епископства въ теченіи 180 лѣтъ. См. тамъ же, бесѣду о Павла съ Семеномъ Семеновымъ, ч. 1, стр. 281.

(4) Ефес. гл. 5, ст. 27

спасенія людей *грѣшныхъ*, и посему было бы необъяснимымъ лишеніе церкви ея устройства вслѣдствіе грѣховъ ея членовъ, да, наконецъ, и несообразно было бы и съ Божественною правдою и любовію лишать сообщаемой при посредствѣ церкви благодати многихъ людей, положимъ, безпоповцевъ за грѣхи другихъ. Но такъ какъ соображенія эти могутъ, естественно, показаться неубѣдительными и, такъ сказать, косвенными; то необходимо разсмотримъ самыя основанія, на которыхъ утверждается ученіе безпоповцевъ объ условности божественныхъ обѣтованій, данныхъ церкви. Въ подтвержденіе означенной мысли защитники безпоповства указываютъ не мало примѣровъ изъ исторіи церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной, будто бы данныя Богомъ обѣтованія на самомъ дѣлѣ не исполнялись. Съ наибольшею тщательностію доказательства эти собраны въ „Мечѣ духовномъ“ и въ „Стоглавѣ“ (1). Такъ Богъ обѣщаль землю обѣтованную дати Аврааму и сѣмени его *во вѣки* (Быт. гл. 13 и Псал. 101). Онъ же установилъ обрѣзаніе *въ завітѣ вѣчнѣ* (Быт. гл. 17), день субботній и семь дней опрѣсночныхъ повелѣлъ *вѣчно* праздновать (Исх. гл. 11 и 17 Лев. гл. 23), Моисею Господь повелѣлъ, внеже бы Ааронъ и сынове его вжигали слей въ храмѣ свидѣнія *вѣчно* (Исх. гл. 27) и жречеству Ааронову обѣщано пребыть во вѣки (Числ. гл. 18). Къ сему обѣщаль Господь Богъ и въ храмѣ Соломоновѣ пребыть по вся дни и имени Его славиться тамъ во вѣки (2 Цар. гл. 9). Новѣйшіе безпоповщинскіе писатели упоминаютъ еще объ обѣтованіи вѣчной непреложности царства Израилева отъ рода Давидова (Псал. 88, ст. 36—37) (2). „Что убо, восклицаетъ авторъ „Меча“, пребысть ли сей завітѣ

(1) Новѣйшіе защитники безпоповства уступаютъ въ отношеніи къ количеству примѣровъ и свидѣтельствъ прежнимъ учителямъ.

(2) Возраженіе Батова на «Воззваніе» о. Павла; см. въ его сочиненіяхъ. ч. 2, стр. 66.

Господень во вѣки и пребываетъ ли? Никакоже. По-
неже сынове Израилевы недостойни себе сотвориша;
сего ради преложи Господь обѣщаніе свое; избра
себѣ новый израиль отъ языкъ..... премени сыновъ
Ааронихъ священство на иное, уставы бо священство
новое не по чину Ааронову, но по чину Мельхисе-
декову“. И о храмѣ Соломоновѣ „пребысть ли обѣ-
щаніе Господне непревратно? Никако. Егда бо весь
Израиль презрѣвъ заповѣди Божіи, уклонися въ раз-
вращенныя пути; егда царіе израильстіе сведошася
во идолопоклонство, егда священницы вознебрегоша
о преданіихъ божественныхъ, абіе воздвигну Господь
Навуходоносора, царя вавилонскаго, иже плѣни Іе-
русалимъ и храмъ и святая срятыхъ Соломономъ со-
зданный разруши, его же, многу времени мимошед-
шу, возобнови паки Зоровавель. Обаче по четырехъ
десяти лѣтѣхъ вознесенія Господня на небеса, Вес-
пасіанъ царь римскій разорилъ храмъ Соломономъ
созданный тако, яко ниже камень на камени оста-
ся ⁽¹⁾. „Въ плѣненіе вавилонское, замѣчаетъ соста-
витель „Стоглава“, вся сія обѣтованія и установле-
нія Божеская прекращена бяху за грѣхи людскія“ ⁽²⁾.
Наконецъ, обѣтованіе о царствѣ Давида также не
осуществилось уже при внуцѣ его Ровоамѣ (3 Цар.
гл. 12, ст. 19. 4 Цар. гл. 17, ст. 20, 21 и 23), и за-
тѣмъ царство Давида подверглося и окончательному
разоренію и порабощенію отъ иноплеменниковъ (Дан.
гл. 1, ст. 2. Лук. гл. 3, ст. 1) ⁽³⁾.

Но всѣ сіи обѣтованія, или давались условно, или
же, данныя безусловно, исполнились въ точности,—
съ одной стороны на тѣхъ предметахъ, которыхъ
они касались, а съ другой — на тѣхъ, которыхъ эти
предметы служили прообразомъ. И все это не не-

⁽¹⁾ Мечъ духовный, л. 316—319.

⁽²⁾ Стоглавъ, гл. 23, л. 42 обор.

⁽³⁾ Въ сборн. сочин. арх. Павла, ч. 2, стр. 66—67.

вѣдомо было и писателямъ богодухновеннымъ и отцамъ и учителямъ церкви; и все это они объяснили намъ въ своихъ писаніяхъ. И прежде всего, относительно вѣчнаго существованія іудейскаго храма, именно Соломономъ созданнаго и Навуходоносоромъ разрушеннаго, необходимо замѣтить, что обѣтованіе о семъ и дано было условно, — какъ впослѣдствіи было пояснено и однимъ изъ пророковъ. Вотъ что читаемъ въ указанномъ мѣстѣ изъ 3-й кн. Царствъ, гл. 9-я. *Рече къ нему (Соломону) Господь: услышахъ гласъ молитвы твоея и моленія твоего, иже молился еси предо Мною сотворити по всей молитвѣ твоей: и освятихъ храмъ сей, егоже созда, еже положити имя Мое ту во вѣки, и будутъ очи Мои ту и сердце Мое по вся дни. И ты аще ходиши предо Мною, якоже и ходи Давидъ отецъ твой въ преподобіи сердца и въ простотѣ, и еже творити по всему якоже заповѣдахъ ему, и повелѣній Моя и заповѣди Моя сохраниши и утвержу престолъ царствія твоего во Израили во вѣки: аще возвращающеся возвратитесь вы, и чада ваши отъ Мене, и не сохраните заповѣдей Моихъ, и повелѣній Моихъ, яже далъ естъ Моисей предъ всеми вами, и пойдутъ и поработаютъ богомъ другимъ, и поклонятся имъ, и изрину Израиль изъ земли, юже дахъ имъ: и храмъ сей, егоже освятихъ имени Моему отвергу отъ лица Моего, и будетъ Израиль во изриновеніе, и въ глаголаніе всѣмъ людемъ, и домъ высокій сей, всякъ иже приидеть въ оны ужаснется и возмается и речетъ чесо ради сотвори Господь тако земли сей и храму сему, и рекутъ понеже оставиша Господа Бога ихъ“* (1). — Въ подтвержденіе условности даннаго о созданномъ Соломономъ храмѣ обѣтованія, пророкъ Іеремія говоритъ отъ лица Господа. *Слово иже бысть къ Іереміи отъ Господа глаголющу: стани во вѣстьхъ дому Господня и проповѣждь ту слово то и глаголи...*

(1) 3 Царствъ, гл. 9, ст. 3—9.

Благосотворите пути ваша, и помысленія ваша, и обитаю съ вами на мѣсть томъ. Не хотите надѣяться въ словестяхъ живыхъ рекущи: храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень есть, яко аще благо речете пути ваша и помысленія ваша .... вселю васъ на мѣсть семъ отъ вѣка даже и до вѣка (¹). Посему и другой пророкъ предсказываетъ, что дни многи сядутъ сынове израилевы, не сущу царю, не сущей жертвѣ, не сущу жертвеннику (²). Такой же условный смыслъ имѣли обѣтованія объ обладаніи землею и вообще о земномъ благополучіи еврейскаго народа (Втор. гл. 28).

Что касается безусловныхъ обѣтованій, относящихся до разныхъ учрежденій ветхозавѣтной церкви, напр. обрѣзанія, священства Ааронова, празднованія извѣстныхъ дней (субботы и опрѣсночныхъ дней); то эти обѣтованія, касающіяся не временнаго благополучія народа, а церкви ветхозавѣтной, дѣйствительно исполнились на нихъ самихъ и продолжаютъ исполняться на предметахъ, коихъ всѣ ветхозавѣтныя учрежденія были сѣнію, прообразомъ (³). Дѣло въ

(¹) Иерем. гл. 7, ст. 1—7.

(²) Осія гл. 3, ст. 4.

(³) Относительно священства Ааронова прежніе безоповѣщанскіе писатели, частію же и новѣйшіе совопросники (см. «Стоглавъ» и бес. о. Павла съ Семеномъ Семеновымъ) замѣчаютъ, что, оно прекращалось и во времена существованія церкви ветхозавѣтной, именно въ продолженіе вавилонскаго плѣна. Въ подтвержденіе этого ссылаются на 3-ю гл. прор. Даніила, въ коей приводится ибѣнь трехъ отроковъ. Но въ этой ибѣсни говорится: *ибѣнь во время се князя, ни пророка, ни воедѣя, ни несожженія, ни жертвы, ни приношенія, ни кадила.* О прекращеніи же священства ничего не говорится. На самомъ дѣлѣ оно не прекращалось, да и прекратиться не могло, такъ какъ было преемственнымъ въ колѣнѣ Аароова. Изъ плѣна вавилонскаго возвратились священники и первосвященникъ Исусъ, сынъ Оседековъ; тоже было и послѣ плѣна Антихова (1 кн. Издры, гл. 2, ст. 36. Неемія гл. 3, ст. 39. 1 кн. Маккав. гл. 4, ст. 42); итакъ священство Аароново продолжалось непрерывно до Христова на землю прішествія.

томъ, что выраженіе *вѣкъ* имѣеть; по объясненію преп. Іосифа Волоцкаго, не точное обозначеніе времени. „Егда слышиши слово *вѣкъ*, пишетъ онъ, не мни яко извѣстно увѣдаеши число *вѣку*; ибо многа нареченія *вѣкъ* имать: *вѣкъ* бо наречется и коегождо человѣка животъ, и паки глаголетъ *рѣкъ* и все житіе настоящее, и паки прїидущій животъ безконечный, иже по воскресеніи, *вѣкъ* глаголетъ ⁽¹⁾. Въ планахъ домостроительства нашего спасенія *рѣкомъ* обозначается и все время приготовленія къ искупленію, т. е. время ветхаго завѣта; *вѣкомъ* именуется и время завѣта новаго, нарицаемое царствомъ благодати, все время существованія церкви воинствующей на землѣ; *рѣкомъ* же, какъ мы читали у преп. Іосифа, обозначается и безконечное существованіе церкви торжествующей на небесахъ, напр. въ словахъ: „вѣчно блаженство праведныхъ“. Когда мы живущіе въ новомъ завѣтѣ, или въ царствѣ благодатнаго домостроительства говоримъ, что то, или другое, напр. священство Христова, пребудетъ вѣчно; то этимъ выражаемъ, что оно продолжится именно до наступленія царства славы, т. е. до втораго Христова пришествія и вовсе не хотимъ сказать, чтобы оно пребыло и послѣ онаго въ церкви торжествующей, когда, по апостолу Христосъ предастъ царство Богу Отцу и будетъ *Богъ всяческая во всѣхъ* ⁽²⁾. Поэтому, когда и о предметахъ ветхаго завѣта говорится, что они пребудутъ во *вѣки* (т. е. вѣчно); то разумѣется существованіе оныхъ до наступленія царства Христова; ибо ветхій завѣтъ, какъ только сѣнь грядущихъ благъ и не могъ имѣть иного значенія и продолжаться далѣе Христова пришествія. *Законъ и ступица намъ бысть во Христа... Пришедшей же вѣрь уже не подъ ступицею есмь* ⁽³⁾; благо-

⁽¹⁾ Просвѣтитель слово 8. Казань. 1857 г. стр. 385.

⁽²⁾ 1 Кор. гл. 15, ст. 25.

⁽³⁾ Галаг. гл. 3, ст. 24—25.

дати пришедшей, преjde сѣнь законная (1). Поэтому-то и апостоль Павелъ называетъ время наступленія царства Христова кончиною лѣта. *Егда, пишетъ онъ, придетъ кончина лѣта, посла Богъ Сына своего, раждаемаго отъ жены* (2). Такимъ образомъ данныя безусловно обѣтованія, относящіяся къ ветхозавѣтной церкви, исполнились съ точностію, такъ какъ и священство и жертвы и праздники и обрѣзаніе какъ символъ, т. е. знакъ завѣта съ Богомъ, существовали, по выраженію пророка Даніила, *до Христа старѣйшины*, егда помазанъ былъ *Святый святыхъ* (3); и уже съ пришествіемъ Его прекратилась, какъ поясняетъ блаженный Феодоритъ, „бывшая по закону жертва“ и во святилищѣ настала „мерзость запустѣнія“ (4).

Съ другой же стороны, если выраженіе „во вѣки“—въ обѣтованіяхъ касающихся предметовъ ветхозавѣтныхъ — понимать рѣ болѣе широкомъ смыслѣ, т. е. подъ вѣчностію разумѣть все время, пока міръ существуетъ, значить до втораго Христова пришествія; то разсматриваемыя ветхозавѣтныя обѣтованія и доселѣ продолжаютъ исполняться, только на другихъ предметахъ. Ветхій завѣтъ, будучи сѣнію грядущихъ благъ, а не самымъ образомъ вещей (5), имѣлъ значеніе не самъ по себѣ, а потому, что указывалъ, предъизображалъ, служилъ прообразомъ иного, новаго, исполненнаго благодати и истины, завѣта. Естественно и необходимо, какъ тѣнь (сѣнь) вещей, онъ долженъ былъ прекратиться съ появленіемъ самыхъ вещей, тѣнію, отображеніемъ коихъ служилъ. Для чего надобна тѣнь, когда возсіяла истина? За чѣмъ нуженъ прообразъ, когда явилось прообразуемое? Ко-

(1) Церк. вѣсь; догматикъ 2-го гласа.

(2) Галат. гл. 4, ст. 4.

(3) Даніил. гл. 9, ст. 24—25.

(4) Толков. на Даніил. гл. 9, ст. 27.

(5) Посл. къ Евр. гл. 10, ст. 1

му понадобился бы придуманный свѣтильникъ съ искусственнымъ огнемъ, когда взопло Солнце? Отсюда ясно, что въ указанномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, вѣчность и не могла принадлежать предметамъ ветхозавѣтнымъ. Отъ этого совершенно вѣрно, соответственно событіямъ, и не вопреки божественнымъ обѣтованіямъ священство Аароново въ Кирилловой книгѣ названо *временнымъ*, и въ противоположеніе оному священство Христово *вѣчнымъ* (1). Но чтоже значать тогда эти обѣтованія о *вѣчномъ* существованіи предметовъ ветхозавѣтныхъ? Отвѣтъ на это даетъ намъ блаженный Августинъ, въ своемъ сочиненіи: „О градѣ Божіемъ“. „Усомниться кто-либо можетъ не безъ основанія, говорить онъ, и сказать: какъ можно вѣрить, что предреченное въ священныхъ книгахъ исполнится, если обѣщанное Богомъ: *домъ твой и домъ отца твоего прейдутъ предо Мною во вѣки* исполниться не могло? Ибо видимъ, что оное измѣнилось, и исполненія обѣщаннаго дому ожидать никакъ не можно: поелику то, что на мѣсто его вступило, иначе проповѣдуется вѣчнымъ. Сіе кто говоритъ, тотъ не воображаетъ и не разумѣетъ, что священство по чину Ааронову какъ тѣнь будущаго вѣчнаго священства установлено; и потому когда оному обѣщана вѣчность, то не тѣни обѣщается и образу, но прообразуемому и прознаменуемому“ (2). Такимъ образомъ, обѣтованія Божіи въ ветхомъ завѣтѣ изреченныя не только не ослабляютъ, но еще увеличиваютъ достовѣрность исполненія божественныхъ обѣтованій относящихся къ церкви Христовой, такъ какъ и въ ветхозавѣтныхъ обѣтованіяхъ имѣлась въ виду таже Христова церковь.

Кромѣ примѣровъ, заимствованныхъ изъ исторіи церкви ветхозавѣтной, защитники безпоповства при-

(1) Евр. кн. л. 77.

(2) «О градѣ Божіемъ», ч. 3, кн. 19, гл. 6.

волятъ и изъ исторіи церкви новозавѣтной доказательства, будто бы подтверждающія мысль объ условности Божественныхъ обѣтованій. „Таже и въ новой благодати, читаемъ въ „Стоглавѣ“, многая обѣтованія Спасителя грѣхъ ради нашихъ не исполняются. Многажды и святіи предрекоша быти вѣчно, и не пребыша“ (¹). Но эти „многая обѣтованія“, заключаются въ одномъ только примѣрѣ, касающемся церкви римской: Риму и епископу римскому обѣщано будто бы вѣчное пребываніе въ благочестіи, а между тѣмъ это благочестіе давно уже прекратилось. Но Спаситель, давшій обѣтованіе своей церкви пребыть вѣчно, не одолѣнною въ томъ видѣ, какъ оную основалъ, обѣщавъ вѣчно пребывать въ ней священству, обѣтованія эти далъ всей церкви, а не той, или другой части оной; напр. церкви римской, греческой, русской и проч. Церковь римская съ своимъ первосвященникомъ во главѣ, какъ преемникомъ первоверховнаго апостола Петра, исповѣданіе котораго Христа Сыномъ Божиимъ послужило основаніемъ церкви, — искони занимала первое мѣсто въ ряду другихъ частныхъ церквей, и папа римскій считался также первымъ между остальными патриархами. Но вѣчности, неодолѣнности, непогрѣшимости никогда не было обѣщано Риму, какъ одной изъ частей церкви вселенской. Ни Христось, ни апостолы ничего не говорили о вѣчномъ пребываніи благочестія въ Римѣ. И сами безпоповцы очень хорошо знаютъ, что въ священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ ничего подобнаго не находится; поэтому не безъ цѣли они и дѣлаютъ замѣчаніе, яко бы святые „предрекоша“ благочестію вѣчно быти въ Римѣ. По поводу такой оговорки, прежде всего необходимо замѣтить, что между обѣтованіями Христовыми и предреченіями святыхъ есть немалая разница; послѣднія во всякомъ случаѣ боже-

---

(¹) «Стоглавъ», гл. 23, л. 43 и 45 об. Снес. «Мечъ духъ», л. 319 об.

ственного значенія не имѣють. Посмотримъ же, какія это предреченія. Безпоповщинскіе писатели указываютъ во-первыхъ, на помѣщенную въ концѣ Кормчей книги грамоту царя Константина римскому папѣ Сильвестру. Изъ этой грамоты они приводятъ слѣдующія мѣста: „Святѣйшему и блаженнѣйшему отцу отцевъ поднебесныхъ, православному Сильвестру епископу и папѣ превъсожайшему, великаго града Рима, и всѣмъ сущимъ по немъ преемникомъ: святи-телемъ православнымъ, иже на сѣдалищи блаженнаго Петра: даже до скончанія вѣка сѣдящимъ. *Ниже:* и еще же и уставляюще узаконполагаемъ власть имѣти на изряднѣйшихъ четырехъ престолѣхъ. Константинопольскаго, глаголю, и Александрійскаго и Антиохійскаго и Іерусалимскаго, еще же и на всѣхъ иже по вселеннѣй Божіихъ церквей. *Ниже:* и тамо до скончанія вѣка и всегда поишутъ учителя, идѣже святое почиваетъ учителяво тѣло. *Ниже:* сія убо вся яже священнымъ нашимъ симъ писаніемъ, и инѣми Божественными суды повелѣна же и укрѣплена даже до скончанія міра: *Ниже:* аще ли же кто силою, или невѣріемъ, или гордостію преобидникъ будетъ о сихъ: вѣчными да объятъ будетъ осужденіи“ (1). Прежде всего можно замѣтить, что здѣсь не выражено прямого обѣтованія или пророчества, что Римъ до скончанія вѣка сохранитъ благочестіе. Прямая цѣль грамоты та, чтобы за епископами римскими укрѣпить на вѣчныя времена права и преимущества власти. Права эти заключаются въ томъ, что римскому епископу, какъ преемнику Петра сообщается власть надъ четырьмя патриархами — константинопольскимъ, александрійскимъ, антиохійскимъ и іерусалимскимъ, а равно и надъ всѣми церквами, иже по вселеннѣй. Въ грамотѣ онъ называется властелиномъ „надо всѣми архіереи и священники иже по всей вселеннѣй“. „Колику власть

(1) «Стоглавъ», гл. 23, л. 43 об. Слес. «Мечъ дух.» л. 321.

самый Спаситель нашъ Господь своему апостолу блаженному Петру подаде на небеси и на земли, явленно намъ той честный нашъ отецъ изложи... И рече ты еси Петръ камень вѣры: и на семь камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей. Разумѣйте сильнии и ушима сердечныма внушите, что благий Учитель и Владыка своему ученику совокупивъ рекъ: и дамъ ти ключи царствія небеснаго..... Блаженный Петръ яко викарій сирѣчь намѣстникъ является уставленъ на земли Сыну Божію“ (¹). При такой власти римскому епископу усвоется и право суда надъ всѣми епископами. „Утверженію христіанскія вѣры сего судомъ устроится: достойно бо главѣ начальство святаго имѣти закона..... Блаженнѣйшему отцу нашему Сильвестру соборному папѣ (?) предаемъ.... и всѣмъ иже по немъ бываемымъ святителемъ, и по всей вселеннѣй, идѣже православная наша вѣра обдержитъ, и владаніе и судъ держати имъ божественнымъ нашимъ и дѣльнымъ симъ законоположеніемъ: повелѣваемъ пребывати намѣстнику святѣй римской церкви“ (²). Узаконивъ право власти и суда надъ всѣми епископами, не исключая и изряднѣйшихъ четырехъ престоловъ, грамата возвышаетъ власть римскаго епископа и надъ царями. „Нами и нашимъ царствомъ мѣсто преимущее и властелина апостольскаго примуть давное имъ начальство; — власть большая и превысочайшая, неже еже имать наша кротость..... И якоже нашу на земли царскую власть, тако и его священную и святую церковь римскую уставити чтити со благоговѣніемъ, паче нежели нашего царства (л. 5—6)..... Идѣже величественно и гордо земнаго царя поработаша власти, тамо да поработаютъ и небеснаго царя властелиномъ“ (л. 6 об.). Поэтому, читаемъ далѣе, „и царскаго предсѣда-

(¹) Въ Кормчей, л. 5—6 въ послѣсловіи, съ особымъ счетомъ листовъ.

(²) Тамъ же, л. 6 и 9.

нія достоинство, и царскихъ коней утвареніе, и царскія скипетры, и вся знаменія; еще же и колѣсницы, и различныя царскія утвари, и вся же въ происхожденіе ихъ царскаго верха славы и силы... честнѣйшимъ мужемъ клирикомъ въ различныхъ чинѣхъ святѣй римской церкви работающихъ, оная высоты усвоеніе, и силы преизящество имѣти уставляемъ.... И тѣхъ клириковъ тоя святыя церкви кони прикровени одѣяніи бѣлѣйшаго зрака украшатися повелѣваемъ, и сіяти мимо ѣздящихъ обувеньми, сирѣчь бѣлѣйшими одѣяньи по ногамъ имущихъ: якоже сими и нашъ синклитъ одѣвается“ (л. 7—8). Мало того: „мы же, говорится отъ имени царя Константина, броды коня его (т. е. папы Сильвестра) своими руками держаще, чести ради блаженнаго Петра, конюшьскимъ саномъ ему себе дахомъ“. Наконецъ, „судихомъ нашему царству и его славу на восточныя страны переселитися... идѣже бо святительская власть и христіанскаго благочестія глава, небеснымъ царемъ уставлена бысть, недостойно есть тамо власть имѣти земному царю“ (л. 8—9). Вотъ сущность такъ называемой грамоты Константина папѣ Сильвестру, напечатанной въ концѣ Кормчей, — изъ которой безпоповцы и заимствуютъ вышеуказанныя выраженія въ доказательство неисполненія обѣтованій, или точнѣе „предреченій“ св. отцовъ. Изъ приведенныхъ нами выписокъ съ совершенною очевидностію усматривается, что означенная грамота не только не заключаетъ предреченія св. отцевъ, но имѣетъ прямо латинскій, папистическій характеръ. Не говоря о томъ, будто равноапостольный Константинъ, великій изображалъ изъ себя папскаго конюшаго, и основалъ Константинополь (Новый Римъ) по невозможности быть земному царю въ области, назначенной для Царя небеснаго, и управляемой Его намѣстникомъ—что исторически не достоверно,—мысли о викаріатствѣ апостола Петра, и происходящей отсюда власти и главенствѣ римскихъ папъ надъ церковію и государствомъ положительно противны и

опредѣленіямъ соборовъ и ученію православной церкви. Въ Книгѣ о вѣрѣ приводится не мало указаній и отеческихъ свидѣтельствъ противъ того, яко бы апостоль Петръ имѣлъ верховную власть надъ другими апостолами, и якобы на немъ церковь основана, и ему принадлежатъ Божественныя обѣтованія о неодолимости церкви. Глава 8-я *о власти апостоловъ* имѣетъ такое надписаніе: „свидѣтельства отъ Божественнаго писанія, яко равенство и власть вси апостоли едину имѣша“. Въ ней приводятся слѣд. слова изъ Толковаго апокалипсиса Андрея Кесарійскаго: *Сущее. И стѣна граду имущая основаній 12 и на нихъ имена 12 апостоловъ агничихъ.* Толкованіе. Основанія же стѣнъ блаженніи апостоли суть, на нихъ же Христова церковь основана бысть“ (1). Ниже. „На семь камени, не рече на Петръ, ибо не на чловѣцѣ, но на вѣрѣ Христосъ созда церковь свою... Петръ въ церкви есть, а не самъ есть церковию“ (2). Таже мысль развивается далѣе въ подробностяхъ. „Внимати потреба, яко ни Іаковъ, ниже Петръ безъ совѣта всея церкви, уставляти о обрѣзаніи державу. Святыи же Іоаннъ Златоустъ о святомъ Петрѣ глаголетъ. Зри убо его, яко по изволенію всѣхъ все творяше и ничесоже самовластіемъ дѣйствоваше... Святыи Павелъ въ лице сталъ Петру, яко съ языки ядыше; святыи же Петръ за благо воспріимаше глаголемая отъ Павла. Ей, аще бы межи всѣми главнѣйшимъ былъ св. Петръ, не дерзнулъ бы того св. Павелъ яко начальнѣйшему творити, и Петръ бы того не претерпѣлъ“ (3). А что апостоль Петръ полагается первымъ, то „не того дѣля, яко бы княземъ апостольскимъ, и удѣльной надъ апостолами господинъ. Зане они (евангелисты) инога князя церкви Христовы не

(1) Кн. о вѣрѣ, л. 60 об. Толков. апокл. изд. 1625 г. стр. 108.

(2) Кн. о вѣрѣ, л. 61 об.

(3) Тамъ же, л. 63.

знали, кромѣ самого Христа. Но полагають они Петра первымъ, „сихъ ради винъ, яко онъ претеплѣйшую ко Господу Іесу Христу любовь имѣлъ, во образъ церкви, и въ таинствѣ соединенія ея, отъ Христа Господа пріяти удостоенъ бысть, яко старшій всѣхъ апостоль лѣты. Ничесоже бо Христосъ Господь Петрови не обѣща, ни даде, но абіе во особіе его и всѣмъ ученикомъ обѣща“ (¹). Какъ апостоль Петръ не былъ княземъ и властелиномъ апостоловъ; такъ и римскій папа, преемникъ св. Петра, не могъ и не можетъ пользоваться верховною властію надъ всѣми епископами — не исключая и патріарховъ. Мысль эта довольно обстоятельно раскрывается въ той же Книгѣ о вѣрѣ, въ главѣ 20-й, въ коей доказывается, *яко епископъ ветхаго Рима .со властію своею ограниченъ есть.* Въ ней замѣчается, что какъ „Адамъ за превозношеніе изъ рая испаде; такожде и епископъ римскій восхотѣлъ всему міру начальствовати, и духовную и мірскую власть нуждею привлекаеть; сего ради отъ церковнаго небесе и отъ избранныхъ Божиихъ изгнанъ есть духовнымъ отлученіемъ“ (²). И дѣйствительно, совершенно ясныя правила соборовъ усвояють римскому епископу вовсе не такую власть, какая подтверждается въ граматѣ Константина. Правило 6-е перваго вселенскаго собора узаконяеть римскому епископу владѣть „сущими подъ Римомъ“; александрійскому же владѣть Египтомъ и Ливіею и Пентаполіею; а правиломъ 7-мъ и епископу елійскому, т. е. іерусалимскому усвояется власть патріаршая въ предѣлахъ Палестины. Правиломъ 3-мъ втораго вселенскаго собора и епископъ константинопольскій „причащается тогоже старѣйшинства и тояже чести, юже имать римскій епископъ; по правилу 28-му четвертаго вселенскаго собора „новаго Рима епископъ ветхо-

(¹) Кн. о вѣрѣ, л. 179.

(²) Тамъ же, л. 177 об.

му равночестенъ (¹). Ни царь Константинъ не могъ дать римскому епископу, ни папа Сильвестръ принять верховной надъ другими епископами власти, которая была опредѣленно ограничена еще правилами, бывшаго при Константинѣ, перваго вселенскаго собора, догматическія опредѣленія котораго выражены въ „граматѣ“ съ совершенною ясностію и опредѣленностію (²). Что же касается господства римскихъ епископовъ надъ царями; то усвояемая въ этомъ отношеніи „граматою“ власть, находится въ противорѣчій съ словами самого Спасителя: *воздадите Кесарева Кесареви; царство же Мое не отъ міра сего* (³). На основаніи всего сказаннаго, такъ называемую, грамату Константина папѣ Сильвестру нельзя признать подлинною; служба проводникомъ неправославныхъ, латинскихъ мыслей, она составлена въ болѣе позднее время, когда римскіе епископы задались мыслию о всемірномъ господствѣ надъ церковію и государствомъ. Въ первый разъ она получила широкое примѣненіе въ посланіи папы Льва IX (въ статгѣ „О римскомъ отпадснїи“ онъ называется Петромъ гугнивымъ) (⁴) къ патріарху Михаилу Керулларію, при

(¹) Въ Кормчей, л. 34, 86 и 105. Снес. 6-го всел. соб. прав. 36. л. 188—189.

(²) «Блаженный папа Сильвестръ возвѣщаетъ Троицу въ единцѣ и единицу въ Троицѣ. Три едино суть. Три убо лица, но една сила, и едино существо и едино Божество» (л. 2 и 5). Поэтому, хотя папа Левъ IX въ посланіи къ патріарху константинопольскому Михаилу Керулларію и увѣрялъ, что привилегіи были даны папѣ Сильвестру Константиномъ великимъ въ четвертый день по крещеніи, и что они были узаконены на первомъ вселенскомъ соборѣ, и затѣмъ подтверждались на слѣдующихъ вселенскихъ соборахъ (см. въ сочин. «Михаилъ Керулларій». Кіевъ 1854 г. стр. 50); но такое увѣреніе не можетъ заслуживать вѣроятія. Прочитанныя изъ граматы догматическія выраженія показываютъ происхождение оной послѣ никейскаго собора; въ правилахъ же соборныхъ мы видѣли совѣтъ иного рода подтвержденія.

(³) Марк. гл. 12, ст. 17; Іоан. гл. 18, ст. 36.

(⁴) См. въ Кормчей и въ Кирилловой книгѣ, л. 231 об.

которомъ совершилось окончательное отдѣленіе запада отъ восточной церкви ⁽¹⁾. Въ настоящее время подложность ея уже не подлежитъ сомнѣнію въ глазахъ людей ученыхъ ⁽²⁾, такъ какъ, помимо означенныхъ признаковъ подложности, въ ней встрѣчаются такія догматическія выраженія, которыя при Константинѣ не были еще разъяснены и утверждены соборами. Въ ней встрѣчаются такія выраженія, которыя получили употребленіе не ранѣе 3-го и 4-го вселенскихъ соборовъ, — касающіяся соединенія двухъ естествъ въ одномъ лицѣ Богочеловѣка. О лицѣ Христа-Спасителя говорится въ ней, что Онъ Богъ совершенъ и человѣкъ совершенъ; яко Божь чудеса совершая, и яко человѣкъ человѣческія страсти нося. Сего словами человѣка и Бога Слова разумѣваемъ, яко Богу истинну и человѣку истинну Тому быти“ (л. 206). Для людей же простыхъ лучшее доказательство подложности граматы Константиновой то, что она не соотвѣтствуетъ соборнымъ опредѣленіямъ и отеческимъ писаніямъ; и потому приводить изъ нея свои доказательства нашимъ ревнителямъ „древняго благочестія“ — просто не годится, ибо это—грамата исполненная латинскихъ заблужденій ⁽³⁾.

Далѣе, безпоповщинскіе писатели указываютъ два мѣста изъ книгъ богослужебныхъ въ подтвержденіе

(1) «Михаилъ Керулларій». Кіевъ, стр. 54 и дал.

(2) Гуссъ и Лютеръ, т. 2, стр. 4. Тр. к. д. ак. 1865 г. стр. 47. Христ. Чт. 1862 г. т. II, ст. о священствѣ, проф. Нильскаго.

(3) Какъ же попала она, спросятъ насъ, въ старопечатную Кормчую? Отвѣчаемъ. Она не вошла въ составъ самой Кормчей, а помѣщена въ концѣ оной, въ прибавленіи, подъ особымъ счетомъ листовъ, наряду съ извѣстной статьей «О римскомъ отпаденіи», находящейся и въ Кирилловой книгѣ; значить руководительнаго значенія — подобно правиламъ соборнымъ и отеческимъ — этой граматѣ не усвоили. Далѣе, въ граматѣ этой есть одинъ пунктъ, весьма важный по состоянію русской церкви въ XVI и XVII в. — это судныя и имущественныя права церкви. Вопросъ о судныхъ и имущественныхъ правахъ разсматривался на Стоглавомъ соборѣ, и составители «Стоглава» воспользовались извѣстною имъ

того, будто Риму обѣтовано было вѣчное благочестіе. Сочинитель „Меча“ приводитъ слѣд. мѣсто изъ службы св. апостолу Петру: „бысть Риму первый епископъ православному граду основаніе и столпъ, и церкви

мнимую грамотою Константина (гл. 60, стр. 271—272; 273—274), но въ измѣненномъ видѣ, примѣнительно ко всѣмъ патриаршимъ престоламъ и ко всему духовенству. Такое измѣненіе было сдѣлано въ Греціи. (См. о Кормчей книгѣ Розенкампфа изд. 1-е, стр. 238 въ примѣч.). Около времени патриаршества Никона вопросы эти снова заняли видное мѣсто. Въ «Уложеніи» Алексѣя Михайловича митрополиты, архіепископы, епископы, монастыри и все духовенство были подчинены вѣдѣнію монастырскаго приказа во всѣхъ искахъ и тяжбахъ. Еще прежде изданія «Уложенія» случалось, что воеводамъ поручался надзоръ за духовенствомъ и предоставлялась нѣкоторая власть надъ ними (Дополн. къ акт. истор. т. II, № 84, Акт. истор. т. III, № 223, Акт. археогр. эксл. т. II, № 115, т. III, № 130). Тогда же, по челобитью стольниковъ и стряпчихъ, было сдѣлано распоряженіе объ отобраніи у духовенства церквей, монастырей и вотчинъ приобрѣтенныхъ съ 1580 по 1648 г. (Сл. въ ст. п. Никона въ Трудъ Кіев. дух. акад. 1860 г. кн. II, стр. 143—144). По вступленіи на патриаршій престолъ Никонъ не могъ выносить такого порядка дѣлъ. Мнимая грамота Константина, естественно показалась ему подходящимъ документомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы подтвердить судныя и имущественныя права церкви. Въ ней, между прочимъ говорится: «земли и села и винограды, и езера и пошлыны сочатавшѣ даромъ церквамъ... и никакому мірскому сану смѣти прикоснутися церковнымъ пошлинамъ: Богомъ заклинаемъ и нашимъ повелѣніемъ утверждаемъ» (л. 7): «и всѣмъ, иже по немъ (т. е. Сильвестрѣ) бываемымъ святителемъ, и по всей вселеннѣй, идѣже православная наша вѣра обдержитъ, и владаніе и судъ держати имъ божественнымъ нашимъ и дѣльнымъ симъ законоположеніемъ... Аще ли кто силою, или невѣріемъ, или гордостію преобидчикъ будетъ о сихъ, вѣчными да обьятъ будетъ осужденіи» (л. 9—10). Вотъ разъясненіе появленія мнимой грамоты Константина въ концѣ Кормчей, вышедшей при п. Никонѣ. Предоставленіе исключительныхъ антиканоническихъ правъ епископу Рима не могло особенно смущать Никона, такъ какъ Москва считалась тогда третьимъ Римомъ. Вотъ вѣроятная причина, почему вслѣдъ за грамотою и помѣщена статья объ отпаденіи перваго Рима, т. е. Рима въ собственномъ смыслѣ. (О судьбѣ грамоты Константина въ Россіи см. ст. проф. Петрова въ Трудъ Кіев. дух. акад. 1865 г. т. III. (Кормчая книга имѣла два изданія; первое при Іосифѣ, и второе уже при Никонѣ; см. о семъ въ письмѣ къ А. С. Павлову проф. А. Э. Лаврова (нынѣ преосв. Алексѣя) стр. 29 и дал. 1876 г. отд. брш.).

божественное утверждение, и врата ада не одолѣютъ воистину ей Христось заповѣда“ (1). Ясно, что здѣсь совершенно ничего не говорится въ подтверждение вышеозначенной мысли, ибо сказано: врата ада не одолѣютъ ей, т. е. церкви, а не Рима. Составитель „Стоглава“ (2) этого мѣста не приводитъ; но указываетъ другое, изъ службы честному кресту на 7-й день мая. „Знаменіе се страшное великаго Бога видѣ, великій Константинъ, и слышаше глаголющу въ немъ *Icyc* (3), первѣе глаголавшу, царю христіанъ вѣрныхъ самодержавному: даже убо до втораго пришествія, сій твоему граду достояніе сохраняя, и пребудеть даже до скончанія“ (4). Но какому граду, и какое достояніе? — Градомъ Константина именуется скорѣе Константинополь, — второй, христіанскій Римъ. Словомъ, здѣсь также слишкомъ мало основанія заключать о пророчественномъ обѣщаніи вѣчнаго существованія благочестія въ Римѣ. — Такимъ образомъ въ указаніяхъ примѣровъ изъ исторіи церкви новозавѣтной нѣтъ ничего утверждающаго, яко бы „и въ новой благодати многая обѣтованія Спасителя грѣхъ ради нашихъ не исполняются“ (5). Находимъ совершенно излишнимъ говорить болѣе или менѣе подробно о томъ, что не исполняются вполнѣ обѣтованія спасенія людямъ получившимъ крещеніе и вкусившимъ тѣла и крови Христовы, а также обѣтованія 12 апостоламъ сидѣть на 12 престолахъ (Матѣ. зач. 79), — о чемъ также упоминается составителемъ „Стоглава“ (6). Обѣтованія перваго рода и высказаны условно. *Иже вѣру иматъ и крестится, спасенъ бу-*

(1) Служба на 30-е іюня, стихира первая на хвалитѣхъ, по старой редакціи.

(2) Стоглавъ, л. 48.

(3) Приводится по новой редакціи.

(4) Икосъ, см. послѣ 6-й пѣсни канона.

(5) «Стоглавъ» л. 43.

(6) «Стоглавъ», л. 43.

детъ, и иже не имать вѣры, осуждетъ будетъ (Марк. гл. 16, ст. 16). *Ядый и пійи недостойнъ судъ себѣ ястъ и пїетъ* (1 Кор. гл. 11, ст. 27). Что же касается послѣдняго обѣтованія, то ни откуда не видно, яко бы оно не исполнится. Примѣръ отверженнаго Іуды не подрываетъ значенія этого обѣтованія; ибо Іуда ниспалъ изъ среды апостольства и мѣсто его занялъ Матѳій (Дѣян. гл. 1, ст. 25—26). Изъ разсмотрѣннаго достаточно открывается, съ какими усиліями старались отыскивать безпоповщинскіе учителя сколько нибудь, *видимо только*, подходящія мѣста, доказывающія будто бы неисполненіе безусловныхъ божественныхъ обѣтованій.

Не довольствуясь означенными примѣрами,—изъ которыхъ многіе совершенно уже не упоминаются въ новѣйшихъ произведеніяхъ безпоповщинской письменности — защитники безпоповства приводятъ ⁽¹⁾ два прямыхъ свидѣтельства, подтверждающія будто бы мысль о томъ, что Божественныя обѣтованія, данныя Христовой церкви, находятся въ зависимости отъ дѣлъ человѣческихъ:—одно мѣсто изъ бесѣдъ св. Златоуста на 14 посл. ап. Павла, а другое мѣсто изъ Учительнаго евангелія. Оба свидѣтельства совершенно однозначущія. „Господь завѣща глаголя ученикомъ: се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Но сіе бываетъ егда мы хотимъ, пишеть св. Златоустъ, не бо всячески будетъ съ нами, егда себе далече творимъ“ ⁽²⁾. Мѣсто изъ Евангелія учительнаго читается такъ: „аще обѣщаю нѣкое благо, да не обезпечалитесь обѣщанія ради; аще бо недостойни явитесь, не приидетъ на васъ обѣщаніе Мое“ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ См. въ Мечѣ, въ Стоглавѣ, въ Листкахъ инокъ Іоасафа, (Сборн. сочин. арх. Павла, ч. 2, стр. 135).

⁽²⁾ На 2-е посл. къ Солун. бес. 5, стр. 2358. Сочинитель «Меча» выраженіе *ученикомъ* замѣнилъ *епископомъ*. См л. 315 обор.

⁽³⁾ Учит. еванг. нед. 2, слово 23, л. 131. Подъ именемъ учительнаго или воскреснаго толковаго евангелія разумѣется древнѣйшій

Но въ томъ и другомъ свидѣтельствѣ имѣются въ виду обѣщанныя блага частнымъ лицамъ, а не все-ленской церкви. Слова Господа: *се Азъ съ вами есмь*, если относить ко всей церкви, то они всегда исполняются, ибо и безпоповцы опровергать не будутъ, что Господь отъ церкви своей никогда не отступитъ; Глава не можетъ покинуть своего тѣла. Но если примѣнять это обѣщаніе къ частнымъ лицамъ, какъ дѣлаетъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ св. Златоустъ; то грѣхами своими мы можемъ далече творить себе отъ Господа.

Составитель „Стоглава“ приводитъ еще три свидѣтельства изъ книгъ: Никона Черногорца, Іосифа Волоколамскаго и изъ Малаго соборника,—что Господь, по грѣхамъ людей, не щадитъ „своя дома“, какъ и святаго ковчега не пощадѣ, „ниже святыхъ церквей, и пречистыхъ таинъ щадитъ, но въ запус-тѣніе предаетъ, потребляетъ святая своя отъ насъ или огнемъ, или ратными“⁽¹⁾. Но всѣ эти мѣста, говорящія о попускаемыхъ Богомъ наказаніяхъ, слишкомъ далеки отъ мысли о зависимости данныхъ св. церкви божественныхъ обѣтованій отъ нашихъ дѣлъ. Господь не щадитъ иногда своя дома, т. е. церковныхъ зданій, но предаетъ ихъ въ запус-тѣніе, чему и примѣровъ мы видимъ многое множество (храмъ св. Софіи въ Царьградѣ обращенъ въ мечеть); но это вовсе не то, что разрушеніе соборной Христовой церкви, или измѣненіе ея устройства.

сборникъ поученій на всѣ воскресные дни года, а также на важнѣйшіе праздники и дни святыхъ. Объясненія составлены главнымъ образомъ на основаніи св. Златоуста, а отчасти и Теофилакта Болгарскаго (см. въ послѣсловіи). Собраніе этихъ поученій принадлежитъ константинопольскому патриарху Филовею (см. въ опис. рук. Синод. библ. № 209); на славянскій языкъ переведено въ 1407 г. (въ опис. рук. Син. библ. II, 2, стр. 667); напечатано въ первый разъ въ Заблудовѣ въ 1569 г. въ Москвѣ имѣло три до-никоновскихъ изданія — въ 1629, 1637 и 1652 гг. (см. у Каратаева, Роспись слав. книгъ).

(1) Глава 23, л. 44.

Покончивъ неудачно съ попытками подорвать значеніе Божественныхъ о церкви обѣтованій, защитники безпоповства, усиливаются подѣскивать прямыя указанія Писанія относительно прекращенія въ Христовой церкви священства въ послѣднее, антихристово время. Подтвержденію этого положенія посвящена пѣлая глава въ „Стоглавѣ“; преимущественно же эта мысль развивается и утверждается въ сочиненіи Холина „о скрытіи священныхъ церковныхъ пастырей и безкровныя жертвы“. Тоже положеніе усиливаются доказать и новѣйшіе защитники безпоповства. Но всѣ свидѣтельства, приводимыя въ подтвержденіе означенной мысли, частію не говорятъ ничего относительно прекращенія новозавѣтнаго священства, частію же представляютъ простое измышленіе.

1) Природятъ (1) слѣд. слова изъ пророка Даніила (гл. 12, ст. 7): *яко во время, во времена и въ полвремени егда скончається разсыпаніе руки людей освященныхъ*, и изъ нихъ выводятъ мысль о окончаніи священства во времена антихриста. Но, не говоря уже о краткости времени антихриста опредѣляемыхъ тремя съ половиною годами (2), какимъ образомъ *окончаніе разсыпанія* людей освященныхъ можетъ давать мысль о прекращеніи ихъ? Не скорѣе ли выраженіе это означаетъ то, что прекратилось именно разсыпаніе, т. е. что прежде разсѣянные (разсыпанные) собрались вмѣстѣ. Затѣмъ, здѣсь и помину нѣтъ про новозавѣтное священство, и блаж. Теодоритъ, объясняя приведенное мѣсто, замѣчаетъ,

---

(1) Листки Іоасафа, см. въ собр. сочин. арх. Павла, ч. 2, стр. 135.

(2) Толков. блаж. Теодорита на прор. Даніила, гл. 7 и 12, Толков. апостоль, л. 659. Кирилл. кн. л. 48 об. и 52 об. Толковый апокал. Андрея Кесарійскаго сл. 11, стр. 55, сл. 12, стр. 59 по кievскому изданію 1625 г. Больш. катих. л. 102.

что три съ половиною года будетъ продолжаться разсѣяніе освященнаго народа ⁽¹⁾, т. е. евреевъ.

2) Приводятъ ⁽²⁾ два мѣста изъ Толковаго апокалипсиса Андрея Кесарійскаго (гл. 6 ст. 14, и гл. 16 ст. 20), въ коихъ говорится, что во времена антихриста *всяка гори и островъ отъ мѣстъ своихъ двинушася; всякій островъ побѣже и горы не обрѣтошася.* Въ толкованіи на эти мѣста объясняется, что горы образнѣ суть преизящніи церковнаго благочинія, острова суть церкви вѣрныхъ; они изъ мѣстъ своихъ побѣгнутъ, мѣсто изъ мѣста лжехриста ради измѣняюще, отъ востокъ побѣгнутъ на запады, отъ западъ на востоки; въ бѣгствахъ и въ горахъ и пещерахъ предпочтутъ пребываніе во градѣ ⁽³⁾. О бѣгствѣ людей благочестивыхъ и со освященными чинами въ гонительныя времена антихриста, дѣйствительно, говорится и въ другихъ мѣстахъ апокалипсиса (гл. 12) и въ другихъ книгахъ (слово Ипполита и Ефрема); но бѣгство совсѣмъ иное, чѣмъ прекращеніе; напротивъ тѣ, что прекратилось, бѣгать съ мѣста на мѣсто уже не можетъ; посему бѣгство священныхъ лицъ предполагается не прекращеніе оныхъ, а существованіе.

3) Приводятъ ⁽⁴⁾ два мѣста изъ слова Ипполита, помѣщеннаго въ великомъ Сборникѣ ⁽⁵⁾. Первое мѣсто заключаетъ толкованіе словъ пророка Исаіи: *оставлена будетъ дщи Сіоня яко стѣнъ въ виноградѣ и яко овощное хранилище въ вертоградѣ; и яко градъ обстоимъ.* „Не бо о іудеяхъ сіе слово пророчествова,

⁽¹⁾ Толков. на пр. Даніила. гл. 12, стр. 238.

⁽²⁾ «Книга о скрытіи церковн. пастырей» л. 3. «Стоглавъ» гл. 21, л. 36 об. и 37.

⁽³⁾ Толк. апок. л. 30 и 79.

⁽⁴⁾ Тамъ же и листки Іоасафа, см. въ Собр. сочин. арх. Павла, ч. 2, стр. 148.

⁽⁵⁾ Великимъ Сборникомъ именуется книга заключающая собраніе словъ и поученій разныхъ церковныхъ учителей на дни тріодныя, начиная съ недѣли мытаря и фарисея и кончая пятьдесятницею. Сборникъ напечатанъ при патр. Іосифѣ, въ 1647 году.

объясняется въ означенномъ словѣ, ниже о Сіонѣ градѣ, но о святѣй церкви“. Второе мѣсто заключаетъ слова пророка Осіи: *во дни оны наведетъ Господь вѣтръ жгущъ отъ пустыни на ны, и изсушитъ жилы ея, и опустошитъ источники ея, и вся тоя сосуды вождеденіи потребятъ, яко сопротивишася Богови, во оружїи надутъ, и подручники ея безвѣсти будутъ.* „Кій вѣтръ инъ жгущъ отъ пустыни?“, спрашиваетъ писатель слова, и отвѣчаетъ: „развѣ антихристъ хотяй явитися и изсохнуть жилы водамъ и плоди древеснїи въ лѣта его“. Въ томъ и другомъ мѣстѣ ветхозавѣтныя пророчества относятся къ состоянію церкви въ послѣднее; антихристово время. Известно, что это послѣднее время будетъ въ высокой степени тяжелое и печальное для церкви, подобно первому времени ея существованія (1), такъ что *еще бы не прекратилась днѣ оны, не бы спаслася всяка плотъ* (2). Но чтобы пострадало положенное Христомъ существенное устройство церкви, къ коему относится и церковная іерархія,—этого допустить нельзя, ибо „церковь не постраждетъ измѣненія“ (3). И въ разсматриваемыхъ мѣстахъ ясно и прямо ничего не говорится относительно всеобщаго прекращенія священства. Что значать образныя выраженія: „сѣнь въ виноградѣ, овощное хранилище въ вертоградѣ“; что слѣдуетъ разумѣть подъ словами „жилы, источники сосуды вождеденнїи, подручники“ писатель не объясняетъ намъ, а наводитъ своихъ толкованій мы права не имѣемъ (4).

---

(1) Начатокъ церкви съ концемъ согласуется, читаемъ въ «Книгѣ о вѣрѣ», гл. 20, л. 186 об.

(2) Матѣ. гл. 24, ст. 22.

(3) Благов. Лук. зач. 107.

(4) 6-го всел. соб. прав. 19-а. «Жилы и источники и сосуды церковныя, толкуютъ безпоповцы, писаніе именуеть епископы и учителя, а подручники ихъ священники и діаконы» (о скрыт. свящ. пастыр. л. 3). Но гдѣ писаніе именуеть, они указать не могутъ. Но если бы и нашлось гдѣ нибудь подобное уподобительное выраженіе; то переносить

Выраженіе же „градъ обстоимъ“, т. е. городъ осаждаемый не значитъ еще побѣжденный, одоленный; приложи сіе и къ состоянію церкви! Вслѣдствіе такой совершенной темноты, необходимо обратиться къ другимъ толкователямъ означенныхъ пророческихъ мѣстъ.

Первая глава пророка Исаіи имѣетъ такое надписаніе: *видѣніе, еже видѣ Исаія на Іудею и на Іерусалимъ*; и во всей главѣ, дѣйствительно, идетъ рѣчь о развращеніи іудеевъ и о наказаніи ихъ за то бѣдствіями отъ враговъ ихъ. Посему всѣ толковники, за исключеніемъ одного составителя Ипполитова слова, относятъ слова пророка *оставлена будетъ дщи Сіоня* и проч. не къ новозавѣтной церкви, а къ Іерусалиму и землѣ іудейской. Святый мученикъ Іустинъ философъ въ книгѣ: „Разговоръ съ Трифономъ іудеяниномъ“, обращаясь къ нему замѣчаетъ: „земля вапа опустошена, и яко овощное хранилище оставлена“ и указываетъ на означенное мѣсто пророка Исаіи, видя въ этомъ, такимъ образомъ исполненіе пророчества (1). Св. Ефремъ Сиринъ, приведя слова пророка, говоритъ: Іудея, по опустѣніи своемъ, подобна кущѣ въ обранномъ виноградникѣ, и овощному хранилищу въ вертоградѣ, въ которомъ плоды уже сняты“ (2). Блаж. Θεодоритъ объясняетъ слова пророка, что дщерь Сіоня Іерусалимъ нарицается: „сія дщерь цвѣтѣше прежде, егда виноградъ зрѣлъ имяше плодъ; обвивавшуся же плоду оста пуста аки куца въ виноградѣ“ (3).

оное съ одного мѣста на другое, какъ мы уже показывали, не слѣдуетъ. Кир. кн. л. 401 об.

(1) Сочин. св. мученика Іустина, въ русск. пер. С.-Петербур. 1797 г. стр. 63.

(2) Толков. Ефрема Сирина на пророчества Исаіи; см. Твор. св. отцевъ въ русск. пер. гл. 20. Москва, 1852 г. стр. 223.

(3) Это Θεодоритово толкованіе находится въ древней рукописи Соловецкой бібліотеки № 694, заключающей сводное толкованіе на пророковъ. (По кат. Акад. библ. № 802, л. 108 об. Также см. въ *Patrol. cursus compl. t. LXXXI, 223*).

Въ этомъ же смыслѣ объясняетъ слова пророка и блаженный Иеронимъ ⁽¹⁾. Слова пророка Осіи (гл. 13, ст. 15) о знойномъ вѣтрѣ изъ пустыни, блаж. Θεодоритъ толкуетъ слѣд. образомъ: *наведетъ Господь вѣтры зноенъ изъ пустыни на ны* и дал. Черезъ сіе даетъ разумѣть персидскаго царя Кира, который ополчился и разрушилъ Вавилонское царство, истребилъ весь царскій родъ, отнялъ способы къ самоуправству. Ихъ-то въ переносномъ смыслѣ называетъ Богъ источниками и жилами ⁽²⁾. „На вавилонянъ наведетъ вѣтръ знойный — Кира царя персидскаго, пишетъ и Θεофилактъ болгарскій. А упоминаетъ пророкъ о пустыни, дабы показать высшую силу и жестокость вѣтра. Ибо отъ мѣстъ безлѣсныхъ дуютъ сильнѣйшіе вѣтры. *И иссушитъ жилы его и опустошитъ источники его*, то есть истребитъ все царское племя и разрушитъ всѣ опоры и пособія власти, — отниметъ богатство и иныя царскія блага: ихъ въ переносномъ смыслѣ называетъ жилами и источниками“ ⁽³⁾. Такимъ образомъ весьма темное—относительно состоянія Христовой церкви—толкованіе пророческихъ мѣстъ составителя, помѣщеннаго въ Сборникѣ слова подъ именемъ Ипполитова, не раздѣляется другими отцами и учителями церкви, и стоитъ совершенно особнякомъ, какъ мнѣніе одного лишь писателя.

Наконецъ, принадлежитъ ли это мнѣніе—какъ и все слово помѣщенное въ Сборникѣ—св. Ипполиту папѣ римскому, жившему въ 3 вѣкѣ по Р. Хр.? Нѣсколько лѣтъ назадъ появилось изслѣдованіе „объ Ипполитовомъ словѣ“ московскаго ученаго археолога и одного изъ описателей рукописей Синодальной бібліотеки К. И. Невоструева. Въ бібліотекѣ москов-

⁽¹⁾ Толков. на Исаію. Кіевъ. 1862 г. стр. 17.

⁽²⁾ Твор. блаж. Θεодорита, т. 4-й, стр. 313. Москва. 1857 г. и въ рук. Солов. библи. № 694, л. 21.

⁽³⁾ Толкованіе блаж. Θεофилакта на пророковъ въ русскомъ переводѣ еще нѣтъ, см. въ *Patrol. cursus compl.* т. СХХVI, стр. 802.

скаго Чудова монастыря оказалась рукопись Ипполитова слова: *Сказаніе о Христосѣ и антихристѣ*, написанная уставомъ и относящаяся къ 12, или къ началу 13 вѣка. Слово это, при нѣкоторыхъ сходствахъ, имѣетъ и весьма много различія съ словомъ помѣщеннымъ въ Соборникѣ. Между тѣмъ изъ историческихъ свидѣтельствъ извѣстно, что св. Ипполитъ писалъ только одно слово объ антихристѣ⁽¹⁾. Спрашивается, которое же изъ имѣющихся двухъ словъ подлинное? Почтенный ученый весьма тщательно и убѣдительно доказываетъ, что найденная древняя рукопись составляетъ подлинное слово св. Ипполита, а помѣщенное въ Соборникѣ принадлежитъ кому-то другому. Съ одной стороны онъ раскрываетъ ту мысль, что изложеніе найденнаго слова — извѣстнаго и западнымъ ученымъ⁽²⁾ — вполне соотвѣтствуетъ времени и приемамъ св. Ипполита, что болѣе поздніе писатели, ссылаясь иногда на слово Ипполита объ антихристѣ, имѣли въ виду именно это слово, а не то, которое находится въ Соборникѣ. Такъ напр. Андрей Кесарійскій въ своемъ толкованіи на Апокалипсисъ, говоря, что имя антихриста не открыто, а подъ числомъ его имени 666-ти можно разумѣть много именъ, ссылается въ перечисленіи этихъ именъ на Ипполита. Между ними онъ указываетъ *σειτὰν* солнце отъ *σεινῶ* наляцаю, и *λατείνος* латинникъ⁽³⁾. Открываемъ Ипполитово слово въ Соборникѣ, и видимъ, что послѣдняго имени тамъ совсѣмъ не указывается; первое же хотя и указывается, но не со всею точностію и съ инымъ поясненіемъ; именно: „титинъ, еже есть пре-

(1) См. ученіе объ отцахъ церкви Филарета черниговскаго, а также и въ изслѣдованіи Невоструева, стр. 13—14.

(2) Оно было издано во французскомъ городѣ Реймсѣ ученымъ Марквардомъ Гудіемъ и издано въ Парижѣ на одномъ греческомъ языкѣ въ 1660 г. Слово же помѣщенное въ Соборникѣ также было издано на западѣ Пикомъ въ 1557 году. См. у Невоструева, стр. 14—16.

(3) Сл. 13, стр. 62. Кіевъ. 1625 г.

исподній бѣсъ“ (1). Въ тоже время тамъ указываются совсѣмъ другія имена, между прочимъ и такія, о которыхъ Андрей Кесарійскій упомянулъ отъ себя, и которыя, значить не Андреемъ заимствованы у сочинителя слова Ипполитова, а послѣднимъ взяты изъ толковаго Апокалипсиса. Таковы имена „злый вождь, агнецъ неправедный, древне-завистникъ“ (2). Беремъ найденную рукопись Ипполитова слова, и въ ней именно находимъ имена *Титанъ* и *Латиманикъ* (3). Съ другой стороны, въ помѣщенномъ въ Сборникѣ словѣ встрѣчаются такія выраженія, который не могъ употреблять св. Ипполитъ, жившій въ 3-мъ вѣкѣ по Р. Хр. „Церкви Божіи, говорится въ немъ (гл. 7), якоже простіи храми будутъ“; *церкви* по гречески обозначено словомъ *ναός*, что значить храмъ или домъ; значить, храмы или дома Божіи якоже простіи дома будутъ. Но въ то время, когда жилъ Ипполитъ дома Божіи и не имѣли особеннаго вида и устройства и не только не отличались по внѣшности отъ простыхъ домовъ, но еще болѣе того, мѣстами богослуженія были катакомбы и подземелья, скрытыя отъ взоровъ язычниковъ, гдѣ и совершались христіанскія тайнодѣйствія. Писатель, указывающій какъ на признакъ царствованія антихриста на разрушеніе храмовъ Божіихъ, естественно жилъ уже послѣ Ипполита, въ такое время, когда повсюду существовали христіанскіе храмы. Затѣмъ, въ той же главѣ упоминается о инокахъ, или буквально съ греческаго монахахъ, и при томъ черноризцахъ (иноци черноризци мірская вжелѣютъ), тогда какъ выраженій: „монахъ и черноризецъ“—заимствованныхъ очевидно отъ особой одежды, въ 3 в. тоже не существовало: подвижники, удалявшіеся въ пустыни, носили обыкновенную одежду и назывались

(1) Соборн. л. 131.

(2) Снес. Соборн. л. 131 и Толков. апок. стр. 62—63.

(3) У Невоструева, стр. 79.

не монахами, а аскетами, анахоретами, еремитами, т. е. подвижниками, отшельниками, пустынниками. Мы привели малую часть, наиболее очевидныхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ московскій издатель Ипполитова слова заключаетъ, что слово помѣщенное въ Соборникѣ принадлежитъ времени болѣе позднему, и написано подѣ вліяніемъ слова объ антихристѣ св. Ефрема Сирина, такъ какъ въ немъ находится весьма большое съ послѣднимъ сходство ⁽¹⁾; поводомъ же къ его составленію послужило явленіе Магомета и гоненія на христіанскую церковь, воздвигнутыя отъ магометанъ, — обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ христіане считали тогдашнее время послѣднимъ временемъ и въ Магометѣ видѣли послѣдняго антихриста ⁽²⁾.

Такимъ образомъ толкованіе приводимыхъ безпоповцами мѣстъ изъ пророковъ Исаіи и Осіи св. Ипполиту и не принадлежитъ. Въ подлинномъ же Ипполитовомъ словѣ о пророчествѣ Исаіи говорится слѣдующее: „оставлена имать быти дщи Сіюнова, аки куца въ виноградѣ, и аки оwoщехранительница въ градѣ, и аки градъ обступлень. Что убо не сбышались вся си? Не скончались вся си реченная отъ тебе? Не опустѣ ли имъ земля Іудова? Не пожгошались имъ стѣны ⁽³⁾? О пророчествѣ Осіи въ немъ совсѣмъ не упоминается. Но если бы кто изъ защитниковъ безпоповства, желая во что бы ни стало, по выраженію преп. Максима грека, „волю свою поставить“ ⁽⁴⁾, рѣшился пренебречь и изслѣдованіями ученыхъ, и ясными толкованіями многихъ отцевъ церкви, и основаться только на словѣ Ипполитовомъ, такъ какъ оно составлено писателемъ православнымъ, и

⁽¹⁾ Это мы еще увидимъ въ главѣ о таинствѣ св. причащенія.

⁽²⁾ Въ изслѣдованіи Невоструева §§ 7—15.

⁽³⁾ Тамъ же, стр. 43.

⁽⁴⁾ Кирил. кн. л. 401 обор.

сверхъ того, помѣщено въ книгѣ напечатанной при Іосифѣ патріархѣ; то такому можно вновь напомнить всю неясность означеннаго толкованія, изъ котораго ни мало не видно, чтобы писатель, относя мѣста Исаи и Осіи къ состоянію новозавѣтной церкви во времена антихриста, хотѣлъ выразить мысль о всеобщемъ прекращеніи Христова священства.

Новѣйшіе изыскатели возраженій противъ вѣчности священства, не видя у своихъ предшественниковъ ничего твердаго и яснаго, изошряются еще въ видѣ вопросовъ дѣлать намеки на прекращеніе священства, а иногда не стѣсняются прибѣгать къ измышленнымъ свидѣтельствамъ (1). Но въ противоположность предъявляемымъ безпоповцами, ничего не говорящимъ свидѣтельствамъ, въ дополненіе къ изложеннымъ, яснымъ свидѣтельствамъ Писанія о вѣчности Христова священства, — ослабить кои при всѣхъ усиліяхъ оказывается невозможнымъ — имѣется одно

---

(1) Безпоповщинскій учитель Батовъ изъ Тулы, возражая противъ «Воззванія» инока Павла, приводилъ слова пророка: *возсіяетъ во днѣхъ его правда и множество мира дондеже отнимется луна и спрашивалъ, что подъ словомъ отнятія луны разумѣть должно»* (вопр. пятый). Отецъ Павелъ привелъ нѣсколько толкованій, гдѣ поясняется, что отнятіе луны знаменуетъ міра скончаніе, егда солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего (Собр. его сочин. ч. 2, стр. 102). Инокъ Іоасафъ приводилъ слѣдующее толкованіе якобы св. Златоуста словъ евангельскихъ: *во время кончины солнце угаснетъ и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды съ небесе спадутъ, и тогда бѣство ваше да не будетъ зима.* «Послушай добрый послушникъ, что рече евангелистъ: солнце померкнетъ? Солнце у насъ, Христово имя, не будетъ право славиться. Луна бо не дастъ свѣта своего: луна второе свѣтило церкви Божія. На небеси бо солнце и луна; у насъ же Христосъ и церковь, сіи бо два свѣтила померкнутъ. Звѣзды же спадутъ съ небеси — именуется святители, и священники и діаконы, и вся учительныя люди: то бо суть звѣзды въ мірѣ, отпадутъ отъ истины, и не будетъ въ жертвенницѣхъ истиннаго приношенія и пѣнія и ученія праваго». Указывается бесѣда евангельская отъ Луки, гл. 54. Не трудно было справиться съ подлинными бесѣдами св. Златоуса, и сбличить вымыселъ, что о. Павелъ и сдѣлалъ, замѣтивъ, что этого мѣста нигдѣ въ твореніяхъ св. Златоуста не находится (ч. 2, стр. 150—151)

прямое, положительное указаніе, что *и во времена антихристовы священство не прекратится*. Указаніе это находится въ Толковомъ апокалипсисѣ Андрѣя Кесарійскаго, гдѣ говорится о бѣгствѣ жены въ пустыню (гл. 11). Въ словѣ св. Ефрема Сирина объ антихристѣ и въ словѣ, такъ наз., Ипполитовомъ говорится, что во время антихриста не всѣ примутъ печать его и подпадутъ его власти, что „*слышащій божественныя писанія и въ рукахъ твѣя имущій и въ мысли всегда поучающійся мнози прелести его убѣгнутъ... и въ горахъ и вертепахъ скрываются, и слезами и сокрушеніемъ сердца молятся челоуѣколюбивому Богу. И Той исторгнетъ ихъ мрежь его*“⁽¹⁾. Но кто—эти скрывшіеся въ пустыни отъ власти антихриста,—ни св. Ефремъ, ни писатель слова Ипполитова не говорятъ; безпоповцы же разумѣютъ, что это одни міряне, безъ священныхъ лицъ. Такое пониманіе, конечно, совершенно произвольное, но тѣмъ не менѣе и опровергнуть оное словами означенныхъ писателей нельзя. Но объ этомъ же бѣгствѣ въ пустыню церкви, т. е. людей благочестивыхъ, непріавшихъ печати антихриста говоритъ и толкователь Апокалипсиса, Андрей Кесарійскій, добавляя то, что оставлено безъ разъясненія въ означенныхъ двухъ писаніяхъ. Вотъ его слова. „*Сущее. И жена побѣже въ пустыню, идѣже иматъ мѣсто уготовано*. Толкованіе. „Егда (глаголетъ) дѣйствуя въ антихристѣ дѣволъ, имже на церковь ополчится, избраннїи сея и верховнѣйшіи, поплевавше гражданскія плищи и смятенія и мірскія сласти, въ пустыню всякія злобы, плодоносное же всякія добродѣтели жителство побѣгнутъ, по великому Меѳодію, и тамо борующихъ бѣсовъ и лукавыхъ челоуѣкъ прилоговъ избѣгать: достовѣрно же, яко и чувственная пустыня спасаетъ; въ горы и вертепы и пропасти земныя, навѣта ради

---

(1) Ефр. сл. 105, стр. 494. Соборн. л. 133.

отступника и лжехриста бѣгающе, якоже и прежде мученики“ (¹). Такимъ образомъ, понимая бѣгство въ пустыню и въ чувственномъ и духовномъ смыслѣ, и соединяя съ этимъ бѣгствомъ избѣжаніе отъ прелестей антихриста, Андрей Кесарійскій прямо говоритъ, что въ пустыню побѣгнуть и тамо прилоговъ избѣжать не только „избраннїи“, но и „верховнѣйшіи“, т. е. лица церковной іерархіи. Эти верховнѣйшіе даѣе называются изящными, избранными церковными учителями (²). Ясно, что спасавшаяся въ пустынѣ отъ антихриста жена, т. е. церковь будетъ состоять не изъ мірянъ только, но и изъ лицъ священныхъ, т. е. антихристъ не истребитъ священства Христова, и церковь никогда не будетъ пребывать безъ онаго. Таже мысль высказывается и въ подлинномъ Ипполитовомъ словѣ. Описывая гоненія антихриста на церковь, св. Ипполитъ такъ объясняетъ приведенныя имъ слова пророка Исаи: *горе корабельнымъ крыламъ земли* (18 гл. 1 ст.). „Крылья кораблей суть церкви, море же есть міръ, въ которомъ церковь, какъ корабль, обуреваются въ пучинѣ, но не погибаетъ: ибо имѣетъ съ собою опытнаго кормчаго — Христа..... Имѣетъ она и корабельщиковъ по правую и лѣвую сторону, какъ бы святыхъ *ангеловъ, которыми непрерывно содержится и охраняется церковь*“ (³). Ангелами еще въ Апокалипсисѣ называются предстоятели церквей (⁴); ими-то церковь непрерывно содержится и охраняется!

Мысль о вѣчности священства въ Христовой церкви такъ ясна, что и нѣкоторые изъ безпоповцевъ не только не отвергаютъ ее, но иногда, правда по соображеніямъ постороннимъ, и не разсчитавъ по-

(¹) Толк. апок. сл. 11, зач. 33, Кіевъ 1625. стр. 54.

(²) Тамъ же, зач. 35, стр. 58.

(³) У Невоструева, стр. 91—93.

(⁴) Апок. гл. 2 и 3.

слѣдствій своихъ словъ, прямо оную подтверждають. Въ этомъ смыслѣ выражаются составители „отвѣтовъ Мовина“ (1). Это же прямо выражаютъ иногда на устныхъ бесѣдахъ защитники безпоповства. „Это правда, говорилъ одинъ изъ такихъ, что священство видимое должно быть до скончанія вѣка; это мы давно знаемъ и исповѣдуемъ.... Мы уповаемъ получить спасеніе, потому что содержимъ нерушимо православныя догматы... Мы ищемъ церкви со священствомъ“ (2). „Мы бы рады пребывать въ церкви, да у насъ ее разорили“, откровенно заявлялъ другой (3). Еще яснѣе выражался объ этомъ одинъ казанскій еодостѣвецъ въ своемъ сочиненіи, написанномъ по вопросу о бракѣ. „Въ писаніи обѣщаніе положено видимому священству быти до кончины вѣка, а мы нынѣ проповѣдуемъ, что его уже нѣсть и сему обѣщанію о священствѣ не согласуемъ съ писаніемъ (4). Тоже говорилъ другой бракоборецъ въ письмѣ къ казанскому брачнику: „священство предано до скончанія міра“ (5).

Оказавшись такимъ образомъ совершенно безсильными отстоять свое ученіе о всеобщемъ прекращеніи священства, защитники безпоповства прибѣгаютъ къ третьему роду доказательствъ, заключающемуся въ томъ, что священство въ церкви сугубо. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили, что это доказательство—сравнительно довольно новое, въ первый разъ явившееся въ „Стоглавѣ“ и затѣмъ въ сочиненіи „О скрытіи церковныхъ пастырей“, и что значеніе его въ томъ заключается, чтобы можно было и безпо-

(1) Отв. 12; см выше, во введеніи, стр. 84.

(2) Наша бесѣда о вѣчности священства, см. въ Сборникѣ бесѣдъ и другихъ сочиненій. Казань. 1877 г. стр. 126—128.

(3) Бесѣды въ трехъ селахъ, см. въ Сборн. стр. 228.

(4) Рукоп. Акад. библ. № 1750, л. 67.

(5) Письмо въ Волчека, рук. нашей библ. л. 2. Съ этими свидѣтельствами мы познакомимся болѣе въ главѣ о бракѣ.

повцу сказать, что священство, дѣйствительно, вѣчно, и отъ сущихъ христіанъ оно не отстуетъ. Доказательства этой мысли заимствуются изъ посланія ап. Петра (зач. 58), Апокалипсиса (гл. 1 и 5), изъ толкованій на эти мѣста и изъ сочиненій послѣ-никоновскихъ, въ родѣ богословія Макаріева и Духовнаго Регламента (¹). Всѣ указанная свидѣтельства сами по себѣ совершенно вѣрны. Св. ап. Петръ пишетъ: *и сами яко каменіе живо зиждитесь въ храмъ духовенъ, святительство свято* (гл. 2, ст. 5). Въ Апокалипсисѣ читаемъ: *и сотвори насъ цари и священники Богу и Отцу своему* (гл. 1, ст. 6). „Священникъ тѣлу своему бываешь“ замѣчаетъ св. Златоустъ (Бес. апостол. стр. 363). Это священство неразрывно соединено съ самымъ званіемъ христіанина, и получается въ таинствѣ св. крещенія. О семъ поучаетъ „Толковый апостолъ“ (²). „Помазани быша въ древнихъ іереи, пророцы и цари. И мы нынѣ мажемся; да по всему будемъ цари, убо владѣюще надъ страстями, святители же, освящающе своя тѣлеса, по реченному: представите уды ваша жертву живу; пророцы же великимъ таинствамъ научаемы“. Ниже. „Въ крещеніи поставляемъ цари, іереи и пророцы; царіе всякое зло поправши и грѣхъ убивши, *іереи, егда себе жертвуемъ Богу* и егда жертвуемъ тѣло свое и убиваемъ сами себе, пророцы же егда о будущихъ научаемся“. Но при этомъ духовномъ священствѣ Христомъ установлено еще особое священство, которое сообщается въ таинствѣ хиротоніи, совершаемой епископомъ (³). Спрашивается: существуетъ ли разница между тѣмъ и другимъ священствомъ и можетъ ли священство духовное замѣнять священство таинственное? Каждый христіанинъ священникъ самъ се-

(¹) Стоглавъ, гл. 27. и «О скрыт. церк. наст.», л. 14—16.

(²) Л. 604.

(³) 1 Тимоф. 4, 14. 2 Тим. 1, 6. Бес. Злат. стр. 2473.

бѣ бываетъ,—священникъ, могущій приносить Богу жертвы духовныя, жертвующій себя Богу; „во крещеніе поставляемъ іереи, егда себе жертвуемъ Богу и егда жертвуемъ тѣло свое и убиваемъ сами себе“. Поставляемый въ тайнѣ хиротоніи священникъ не для себя самого получаетъ званіе священства, но ради того, что „Господь не восхотѣ достояніе свое оставить на земли неустроено, отходя на небеса“⁽¹⁾, —получаетъ „въ предстательство церкви“⁽²⁾. Священство духовное имѣетъ одинъ чинъ; священство таинственное три чина⁽³⁾. По своему служенію лица, получившія священство въ таинствѣ хиротоніи „выше ангель и архангелъ“, ибо и служеніе небесное исполняютъ. О семъ поучаетъ св. Златоустъ въ словахъ о священствѣ. „Священство убо совершается на земли; чинъ же небесныхъ иматъ вещей.... Самъ Параклитъ сіе устави вслѣдованіе: и еще пребываючи въ плоти, ангельскимъ увѣща мечтатися служеніемъ.... Живящій бо на земли, и на ней житіе провождающій, сими яже на небесѣхъ суть строити повелены быша, и власть пріяша, юже ни ангеломъ, ни архангеломъ даде Богъ: не бо къ онѣмъ речено бысть: елика аще свяжете на земли, будутъ связана и на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена и на небеси.... И яже аще содѣлаетъ долу іерей, сія Богъ горѣ извѣстна творить, и рабскій совѣтъ Владыка подтверждаетъ“⁽⁴⁾. При своей высотѣ служеніе это такъ необходимо, что безъ него и христіаниномъ быть не можно, т. е. безъ него не можетъ быть и духовнаго священства. „Не вѣси ли, что есть священникъ, говоритъ тотъ же св. Златоустъ, ангелъ Господень есть. Аще нерадиши о немъ, не о немъ

(1) Кн. о вѣрѣ, л. 59 об.

(2) Злат. Бес. на 2 посл. къ Тимоѳ. гл. 1, ст. 6, стр. 2540.

(3) Благов. на Лук. зач. 95.

(4) Св. Златоуста о священствѣ, сл. 3, гл. 3 и 4. Львовъ. 1614 г. стр. 54 и 27.

нерадиши, но о рукоположившемъ и Бозѣ... Аще бо тѣмъ ничто же Богъ дѣйствуетъ, ниже баню имаши, ниже тайнамъ причащаешися, убо *ни христіанинъ еси*“ (¹). „Безъ священства ни христіанинъ кто“, замѣчаетъ и Симеонъ Солунскій (²). Такимъ образомъ священство это совсѣмъ иного рода, чѣмъ священство духовное, и послѣднее никоимъ образомъ не можетъ замѣнить его. Обѣтованія вѣчно пребывать въ церкви даны, какъ мы видѣли, священству таинственному, въ трехъ чинахъ, даны архіепископамъ и епископамъ и поставляемымъ ими священникамъ или „попамъ“, какъ выражено въ книгѣ Кирилловой (³). Отсюда съ точною очевидностію открывается, что мысль о сугубомъ священствѣ совершенно напрасно приводится защитниками безпоповства. Эта мысль—въ томъ видѣ какъ мы ее разъяснили—сама по себѣ вѣрна; но рѣчь у насъ вовсе не объ этомъ. Притомъ, мысль о замѣненіи, или о равноправности священства духовнаго и таинственнаго, есть собственно мысль неправославная, протестантская, ибо протестанты отвергаютъ значеніе церковной іерархіи, какъ носительницы особыхъ благодатныхъ даровъ. Вотъ до чего договорились люди, хвалящіеся содержаніемъ православныхъ догматовъ, съ цѣлію оправдать свое положеніе, ничѣмъ не могущее быть оправданнымъ.

Такимъ образомъ остаются совершенно твердыми, на ясныхъ словахъ писанія основанными, слѣдующія положенія о церкви Христовой. Будучи собраніемъ вѣрующихъ, она должна имѣть всѣ семь таинъ и священство, и въ этомъ видѣ измѣненія не потерпѣть, оставшись вѣчно neodолѣнною вратами

(¹) Бес. на 2 посл. къ Тимоѣ. гл. 1, нрав. 2-е, стр. 2552.

(²) Отв. на вопр. 33 митр. пентапольскаго Гавріила; по рукоп. Акад. библ.

(³) Благов. на Лук. зач. 95, Кн. о вѣрѣ, л. 59 и Кир. кн. л. 77.

ада и неподлежащую „времени тлѣнія“ (1). Ученіе безпоповцевъ о церкви безсвященнословной въ Писаніи основаній не имѣеть. Значить, неимущее священства старообрядческое общество и на древнюю, благочестивую, до-никоновскую церковь не похоже, и Христовой церкви не составляетъ. Отсюда слѣдуетъ, что безпоповцы и спасенія надежды имѣть не могутъ. „Зане кромѣ церкви Божія нигдѣже нѣсть спасенія“. Безъ священства ни христіанинъ кто, говоритъ Симеонъ Солунскій.

Чувствуя полное безсиліе оправдать свое безсвященнословное состояніе, защитники безпоповства очень часто и очень много говорятъ о несообщеніи съ священниками церкви греко-россійской, желая тѣмъ оправдать себя. Оправданіе это уже выходитъ за предѣлы вопроса о томъ, составляютъ ли они сами Христову церковь; ибо иное дѣло оправдывать свое удаленіе отъ кого-нибудь, и иное доказывать истинность своего собственнаго положенія. Тѣмъ не менѣе, чтобы не оставить неразъясненными и эти основанія для удаленія отъ іерархіи, мы обратимъ вниманіе и на эти послѣдняго рода оправданія.

Люди простые, неначитанные очень часто ссылаются на личное недостоинство православныхъ пастырей, на ихъ жизнь, несоотвѣтствующую ихъ высокому служенію, и этимъ объясняютъ и оправдываютъ свое отъ нихъ удаленіе. „Мы рады бы каяться попу, да достойныхъ не видимъ“, говорятъ они (2). Сужденіе о томъ, будто нельзя найти достойныхъ священниковъ, слишкомъ строго и несправедливо; но не въ этомъ дѣло, а въ самомъ значеніи такого сужденія, какъ оправданія для удаленія отъ священства. — Безъ сомнѣнія, нравственное достоинство — добродѣтельная жизнь, ревностное исполненіе высокихъ па-

(1) Кн. о вѣрѣ, л. 19 об.

(2) Бесѣды наши въ трехъ селахъ; см. въ Сборникѣ, стр. 221.

стырскихъ обязанностей имѣеть весьма большое жизненное значеніе, какъ средство привлекать къ себѣ сердца людей, и въ глазахъ ихъ возвышать, такъ сказать, санъ свой. вмѣстѣ съ тѣмъ оно составляетъ и прямую нравственную обязанность священника. *Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. зач. 36); посему онъ долженъ заботиться о спасеніи пасомыхъ паче своего спасенія ⁽¹⁾. Но со стороны теоретической, т. е. догматической — если можно такъ выразиться — эта черта не имѣеть ровно никакого значенія, т. е. чистота и святость церкви не измѣряется достоинствомъ ея служителей, а равно и другихъ членовъ, и дѣйствительность совершаемыхъ таинъ также отъ этого ни мало не зависитъ. „Кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится“ ⁽²⁾; „аще священникъ золь есть Богъ зреть“ ⁽³⁾, а ты „не укоряй, бойся казней“; ибо „аще брата не подобаетъ осуждати, много паче учителя“ ⁽⁴⁾. Но и при недостойнствѣ священниковъ церковь остается все тою же церковію и тайны — тайнами, т. е. проводниками божественной благодати. И у еретиковъ и нечестивыхъ, какъ справедливо говорится въ „Книгѣ о вѣрѣ“, иногда большее обрѣтается воздержаніе, нежели у православныхъ христіанъ. „Кто же познати можетъ, кая бяше Христова церковь, откуда ю познати имамы? Не еже ли отъ святаго писанія“ ⁽⁵⁾. Тайны же, совершаемыя и недостойнымъ по жизни священникомъ, ни мало не утрачиваютъ силы и дѣйственности. Мысль эта раскрывается св. Златоустомъ и блаж. Теофилактомъ болгарскимъ. „Сія же глаголю, пишетъ св. Златоустъ, да никто изъ предстоящихъ житіе испытуй священническое, со-

(1) Бесѣды о священствѣ, стр. 317.

(2) Пѣснь въ чинѣ погребенія.

(3) Бес. о священствѣ, Львовъ, 1614 г. стр. 352.

(4) Бесѣды о священствѣ, стр. 454. и на 14 посл. стр. 2553.

(5) Глав. 24, л. 216.

блзнится о совершаемыхъ тайнахъ: ничтоже бо челоуѣкъ въ предстоящая вводитъ, но все Божія силы дѣло есть, и той есть тайноводяй“ (1). „Смотри же ми іерейскаго чина, яко божествененъ есть; объясняетъ блаж. Теофилактъ, Богу бо еже отпунати грѣхи; онѣмъ же се дадеся. Тако убо чтемъ я яко Бога, аще и *недостойни* суть. Чтò сїя? Божія бо дара суть слуги, и благодать дѣйствуетъ ими, якоже и осломъ Валаамлимъ“ (2). Недостойные священники были всегда, — и въ глубокой древности. Еще тотъ же св. Златоустъ замѣчаетъ, что если бы благодать искала вездѣ достоинства; то мы не имѣли бы ни крещенїя, ни тѣла Христова (3). Преп. Максимъ грекъ въ свое время горько жаловался на современныхъ русскихъ пастырей, что между ними нѣтъ Самуила великаго, нѣтъ ревнителей подобныхъ Іліи и Елисею, нѣтъ Іоанна Златоуста, избличавшаго сребролюбивую царицу Евдоксію (4). Ученикъ преп. Максима А. Курбскій высказываетъ жалобы на слабость высшихъ іерарховъ, называетъ ихъ потаковниками предъ гражданскою властію (5). Стоглавый соборъ даетъ понятъ о нѣкоторыхъ современныхъ ему священникахъ, что они и служатъ не по чину, и живутъ въ слабости, и о церкви Божіей небрегутъ, и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ не радятъ, и наложницъ держатъ (6).

Люди болѣе начитанные, учителя безпоповства обращаютъ вниманіе на другую сторону. Сочинитель „О скрытіи церковныхъ пастырей“ приводитъ слова св. Златоуста изъ бесѣдъ на 2-е посл. къ Тимоѳею (нравоученіе 2-е): „яко подобаетъ повиноватися учи-

(1) На 1-е посл. къ Коринѣ. бес. 8, стр. 602.

(2) Благов. на Матѣ. зач. 76 и Іоан. зач. 65.

(3) На 1-е посл. къ Коринѣ. бес. 8.

(4) Сочин. Максима грека ч. 2-я, стр. 336—337, ч. 3-я, стр. 155.

(5) Прав. Собес. 1863 г. ч. 2-я, стр. 564—566.

(6) Стоглавъ; гл. 34. Казань. стр. 141—146.

телемъ и священникомъ, и не судити ихъ еще и житіе имутъ укорное: еще же о вѣрѣ погрѣшаютъ, тогда не подобаетъ покаряться имъ, но отбѣгати и судити ихъ“ (1). Подобнаго рода возраженій безпоповщинскіе учителя стараются подыскивать не мало изъ отцевъ и учителей церкви. Такъ, ссылаются на слова тогоже отца: „лучше бо есть ни отъ единого водиму быти, нежели отъ злаго водиму быти... Что убо рече, егда золь будетъ, не повинемся ли? Золь, како глаголешни? Еще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся не точію еще челоуѣкъ бы быль, но еще и ангель съ небесе шедый“ (2). Приводятъ слова преподобнаго Максима исповѣдника, сказанныя имъ къ еретикамъ единовольникамъ: „еще и вся вселенная начнетъ съ оными причащатися, азъ единъ непричащуся“ (3). Въ дополненіе къ этимъ наставленіямъ, выставляютъ на видъ похвалу, какой удостоились въ свое время непринявшіе уніи съ латинствомъ въ юго-западной Россіи. Мелетій, патріархъ александрійскій въ своемъ посланіи, помѣщенномъ въ „Кирилловой книгѣ“ похваляетъ ихъ за отлученіе отъ „злыхъ пастырей“ (т. е. вступившихъ въ унію) и именуетъ ихъ земными ангелами. Въ посланіи аѳонскихъ отцевъ къ бѣлорусцамъ, помѣщенномъ въ той же книгѣ, читается: „пастыри отступиша и заблудиша, яко и намъ не мощно ся безъ нихъ сохранить. Но нѣсть тако, нѣсть; можно бо быти безъ нихъ. Занеже Богъ ихъ изъ церкви изгналъ и обезчестилъ, понеже недостойнѣ тыя престолы содержать“... Лучше бо вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, до церкви ходити и православія хранити, нежели со владыками и со епископами и попами не отъ Бога званными у церкви быти и тою ругатися и право-

(1) О скрыт. церк. пастырей, гл. 2-я, л. 8.

(2) Тамъ же, л. 8 об.

(3) См. въ Сборн. сочин. арх. Павла, ч. 1, стр. 249.

славіе попірати“. Посему, продолжаютъ они слова св. Аѳанасія великаго, заимствованныя изъ книги Никона черногорца, „шествующіи непрелестный и живоносный путь, оно убо да извержемъ, не чувственное, но умное; сирѣчь аще епископъ или пресвитеръ, суще очи церковныя, неподобнѣ живутъ и соблазняютъ люди, подобаетъ изверещи ихъ, уне бо есть имъ безъ нихъ собиратися въ храмъ молитвенный, нежели съ ними воврещися, яко же со Анною и Каіафою въ геенну огненную“ (1). Въ этомъ же смыслѣ разсуждаетъ одинъ изъ новѣйшихъ проповѣдниковъ безоповства (2), „если будутъ десныя уды соблазнительны, и соль обуялая, то непременно долженъ таковую соль изсыпать, и соблазнительныя уды отсѣкать, и получишь животъ вѣчный, а если не отсѣчешь, то пойдешь въ геенну, якоже о семъ глаголетъ Христосъ сице: *вы есте соль земли; аще же соль обуяетъ, чимъ осолится, ничтоже будетъ къ тому, точію да изсыпана будетъ вонъ, и попіраема чловѣки* (Матѳ. зач. 10). И еще въ другомъ мѣстѣ глаголетъ тако: *и аще соблазняетъ тя рука твоя, отсѣцы ю; добръе ти есть бѣднику въ животъ внити, неже объ руку имущу внити въ геенну, во огонь неугасающій. И аще око твое соблазняетъ тя, исткни е; добръе ти есть со единъмъ окомъ внити въ царствіе Божіе, неже двѣ оцъ имущу, ввержену быти въ геенну огненную. Идѣже червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ* (Марк. зач. 42). Итакъ, по симъ словамъ евангельскимъ, каждый чловѣкъ, желающій получить животъ вѣчный, долженъ обязательно соблазни-

(1) Всѣ означенныя свидѣтельства приводятся въ книгѣ о скрытіи церковныхъ пастырей, гл. 2, л. 9—11.

(2) Нѣкто Зыковъ, извѣстный по своимъ бесѣдамъ съ арх. Павломъ и саратовскими миссіонерами и бывшій одно время предметомъ удивленія нѣкоторыхъ частныхъ корреспондентовъ по поводу его начитанности и сильныхъ возраженій, на самомъ же дѣлѣ происходившаго отъ невѣрной передачи его бесѣдъ.

тельные уды отсѣкать и обуялую соль изсыпать, и чрезъ таковыя предписанныя евангеліемъ средства получить животъ вѣчный“ (1). Проще говоря, безпоповецъ объясняетъ, что соль священства, какъ обуялая, изсыпана, соблазнительныя члены церкви, заключающіеся въ лицахъ іерархическихъ (око и рука) отсѣчены; заповѣдь евангельская тѣмъ исполнена, и они безпоповцы надѣются получить спасеніе съ тѣломъ и въ тѣлѣ (церкви), если можно такъ выразиться, искалѣченномъ. И такое странное разсужденіе есть какъ бы послѣднее слово безпоповства.

Всѣ приведенныя нами обширныя выписки, найденныя у безпоповщинскихъ учителей и начетчиковъ въ существѣ дѣла говорятъ слишкомъ мало въ оправданіе безпоповства, и каждая въ отдѣльности, какъ сейчасъ увидимъ, подробнаго разбора не заслуживаютъ. Въ нихъ заключаются слѣдующія мысли: 1) нужно удаляться священниковъ еретиковъ; но чего-либо противнаго этой мысли никто и не думаетъ доказывать. Правда, съ перваго взгляда представляется мысль эта имѣющею значеніе дѣйствительнаго оправданія удаленія безпоповцевъ отъ священниковъ церкви греко-россійской, которые, по ихъ понятію, суть еретики (2). Но при разсужденіи о церкви вопросъ ставится не о священникахъ церкви греко-россійской, т. е. почему безпоповцы отъ нихъ удаляются,—а гораздо шире, почему они не имѣютъ вовсе священни-

(1) См. брош. «Замѣчанія арх. Павла на сдѣланное Зыковымъ описаніе ихъ бесѣды. Москва. 1880 г. стр. 17—18.

(2) Стоять примѣчанія, что и эта мысль, т. е. о ересяхъ церкви великороссійской доказывается безпоповцами съ большимъ трудомъ и натяжками. На вопросъ: какія ереси, т. е. ученіе, противное установленнымъ на вселенскихъ соборахъ догматамъ содержитъ церковь россійская, они указываютъ на мнимыя обрядовыя новшества, неправильно дѣлая опредѣленіе ереси, какъ «нарушеніе отеческихъ преданій» (Мечъ дух. л. 137), а не какъ содержаніе иной, чуждой вѣры (1-е прав. Вас. вел.). Нѣкоторые же иногда прямо отказывались указать какія-либо ереси. Собр. соч. арх. Павла, ч. 1, стр. 60.

ковъ, т. е. не имѣя ихъ, могутъ ли составлять церковь Христову? Посему мысль объ удаленіи отъ священниковъ-еретиковъ имѣла бы въ томъ только случаѣ должную силу, если бы было доказано, что всѣ іерархическія лица могутъ уклониться въ ересь, другими словами, что благочестивая Христова церковь можетъ остаться безъ священства, а этого, какъ мы видѣли, безпоповцы доказать не могутъ. Отъ этого, 2) и выраженія, что „лучше ни отъ кого не водитися, нежели отъ злаго водиму быти“, что „лучше быть безъ владыкъ и безъ поповъ“, „мощно быти безъ пастырей“ относятся только къ тѣмъ или другимъ частнымъ вѣрующимъ, а вовсе не къ церкви вселенской. И дѣйствительно, выраженіе св. Златоуста касается частныхъ священныхъ лицъ, а послѣднія слова писаны были православнымъ, не пожелавшимъ вступить въ унію съ латинствомъ, а отнюдь не ко всѣмъ вѣрующимъ. И православная русская югозападная церковь, лишившаяся лицъ іерархическихъ, названа въ одномъ изъ посланій п. Мелегія церковію слѣпотствующею, тѣломъ безъ очей, которая только съ поставленіемъ для нея православныхъ пастырей прозрѣла (1). Притомъ, выраженіе это можно обратить и противъ безпоповцевъ, которые имѣютъ же, и при отсутствіи лицъ священныхъ, своихъ „водителей“, а злы ли они, или добры, пусть они о семъ сами поразмыслятъ; Писаніе же говоритъ не въ ихъ пользу. Слова же Максима исповѣдника не говорятъ того, чтобы *вся вселенная* уклонилась въ еретичество, чего и сами безпоповцы допустить не могутъ, а составляютъ условное засвидѣтельствованіе своей вѣрности православной истинѣ. Азъ не причащуся съ единовольниками, говоритъ преподобный, но не говоритъ, что нигдѣ не причастится, вѣря обѣтованіямъ Господнимъ, что церкви врата ада не одолѣютъ, и что она никогда не останется безъ священства и безъ

(1) Кн. о вѣрѣ, л. 213.

жертвы Христовой. Мое, на примѣръ, выраженіе: „я не буду дѣлать того-то, хотя бы всѣ стали“ вовсе не означаетъ какого-либо предсказанія, что, дѣйствительно, всѣ будутъ такъ дѣлать, а выражаетъ только стойкость моихъ личныхъ убѣжденій и непоколебимость принятыхъ мною правилъ. Посему-то когда и апостолъ Павелъ пишетъ: *аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ паче нежели прїяхомъ*, вовсе не хочетъ сказать, чтобы ангелъ съ неба, или кто-либо изъ св. апостоловъ сталъ дѣйствительно благовѣствовать иное. 3) Что касается, наконецъ разсужденій по поводу словъ Спасителя о соли обуялой и членахъ соблазняющихъ; то эти слова безпоповцы понимаютъ превратно съ нѣсколькихъ сторонъ. Они этими средствами надѣются получить животъ вѣчный. Но Спаситель не сказалъ: изсыпь обуялую соль, и спасешься; отсѣки соблазняющіе члены, и получишь животъ вѣчный; т. е. не поставилъ это средствами нашего освященія и спасенія; эти средства совсѣмъ иныя—содержаніе вѣры правой, принадлежность церкви Христовой, въ тайнахъ которой сообщается благодать, т. е. сила Божественная, и исполненіе христіанскихъ заповѣдей. Отсѣченіе же соблазновъ есть средство къ сохраненію этихъ требованій; само по себѣ оно духа всыненія и духа благодати не подастъ; ее подають таинства церкви. Съ другой стороны отсѣченіе соблазнающихъ удовъ вовсе не означаетъ отсѣченіе, или удаленіе отъ іерархіи, а удаленіе вообще отъ близкихъ намъ людей, поражающихъ соблазны. Сіе объясняетъ блаженный Теофилактъ болгарскій. „Аще нога, аще рука, аще ли око буди соблажня тя, сирѣчь: аще и отъ своихъ кто, аще и по плоти ближній, еже соблажня и запиная еже ко спасенію, отсѣцы ѿ, сирѣчь отверзися еже къ нему любви и свойства“ (1). Объ іерархическихъ лицахъ

(1) Благов. на Марк. зач. 42, л. 55—56.

здѣсь нѣтъ и помину. Съ третьей стороны солию Господь, дѣйствительно, называетъ апостоловъ и вообще церковныхъ учителей, учениемъ и обличениемъ осоляющихъ согнатиѣ, да не плодятъ черви безконечныя (¹). Посему Спаситель и заповѣдуетъ имѣть соль въ себѣ и всякъ даръ и жертвы осолять солию. Имѣютъ ли эту соль безпоповцы? И осоляется ли ихъ даръ и жертва? Если соль обуяетъ, отвѣчаютъ они словами Спасителя,—т. е. учитель аще розмердится, (слова Благовѣстн. на Матѣ. зач. 109), — она изсыпана будетъ вонъ и попираема челоуѣки. Но опять не сказалъ Спаситель, что когда-нибудь *вся* соль обуяетъ и будетъ изсыпана, но аще обуяетъ, и при томъ не вся. Это же, а не иное что заповѣдуетъ и св. Аѳанасій, когда говоритъ: „аще епископъ, или пресвитеръ неподобнѣ живутъ и соблажняють люди, подобаеъ извреци ихъ, т. е. обуялюю соль изсыпать. Но кто же можетъ это сдѣлать? Могутъ ли когда-либо міряне извергать епископа или священника? Права этого имъ нигдѣ не дано. По правиламъ церковнымъ власть извергать епископа принадлежитъ собору епископовъ, не менѣе двѣнадцати, а извергать пресвитера могутъ не менѣе шести епископовъ. Объ этомъ ясно говоритъ 12-е правило Карѳагенскаго собора. „Епископа въ нѣкоей винѣ суща, аще не весь соборъ области тоя, обаче дванадцать епископъ да судять, пресвитера же шесть, и діакона триѣ“ (²). Если бы когда-нибудь соль обуяла вся; то не кому было бы оную и изсыпать, или, что тоже, неподобнѣ живущихъ епископовъ извергнуть. Значитъ, когда Спаситель говорилъ объ изсыпаніи соли, и св. Аѳанасій объ изверженіи епископовъ, то ясно, что въ ихъ словахъ не можетъ быть ни малѣйшаго предположенія объ изверженіи всего священства, т. е. о его конечномъ оскудѣніи и прекращеніи.

(¹) Благ. на Матѣ. зач. 10-е снес. на Марк. зач. 42-е.

(²) Въ Кормчей, л. 122 об.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли, такъ называемыя, и косвенныя доказательства въ оправданіе безпоповства. Все они могли бы имѣть свою силу при церковной полнотѣ, какъ оправданіе для удаленія отъ священниковъ церкви, — какъ обыкновенно выражаются старообрядцы, — великороссійской. Но такъ какъ церковной полноты они не имѣютъ и оправдать себя въ неимѣніи оной отъ Писанія не могутъ; то означенныя свидѣтельства не относятся къ дѣлу, т. е. ими защитники безпоповства не могутъ подтвердить, что они составляютъ истинную Христову церковь. Можно сказать, что слабость своихъ доказательствъ сознаютъ и сами безпоповцы, почему чувствуя безсиліе оправдать себя оными, они очень часто, особенно на устныхъ бесѣдахъ, точно забываютъ, а болѣе намѣренно оставляютъ правильное понятіе о церкви, и постоянно возвращаются къ повторенію того, что церковь — вѣра и житіе, что она есть правое вѣры исцеленіе. Вотъ причина, по которой мы въ началѣ довольно долго останавливались на опредѣленіи понятія о вселенской Христовой церкви, о чемъ наша рѣчь. Итакъ, не составляя истинной Христовой церкви, безпоповцы, какъ мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, не могутъ имѣть спасенія надежды; въ частности они не имѣютъ спасительныхъ таинъ, не имѣютъ плодотворной молитвы и дѣлъ спасительныхъ, лишаются даже истиннаго мученичества. — Это люди, подобныя тѣмъ, которые во время потопа не были въ Ноевомъ ковчегѣ, и потонули. Это люди, далеко не похожіе на благочестивыхъ людей первыхъ пяти Россійскихъ патріарховъ. Въ одной изъ книгъ, при п. Филаретѣ напечатанныхъ, еретики обозначаются такими признаками, которые очень близко подходятъ къ безпоповцамъ. Вотъ что читаемъ въ „Большомъ катихизисѣ“. *Вопросъ.* Почему познавати еретики? *Отвѣтъ.* Дѣль ради сихъ, аще не имѣютъ истиннаго пристанища, рекше святыя апостольскія церкви. Аще не призываемы входятъ въ

чинъ учительства, и учать не тако, аще ино нѣкое новое ученіе предлагаютъ, егоже отцы наша не предаша намъ..... Аще противляются ученію церкви Христовы, яже есть утверженіе и столпъ правды и истины. Плодъ же житія ихъ и нрава, отпаденіе отъ вѣры, и отлученіе отъ соборныя и апостольскія церкви. Прѣніе между ими, имена ихъ отъ ихъ учителей новыхъ. По всему писанію сему познавати еретики“ (1). Не о безпоповцахъ нашихъ была та рѣчь; но не трудно примѣтить, какъ подходящи къ нимъ тѣ признаки, по коимъ слѣдуетъ „познавати еретики“. И во-первыхъ, они не имѣютъ пристанища святой церкви, во-вторыхъ, и въ чинъ учительства они допускаютъ людей не призванныхъ и никѣмъ не поставленныхъ, — каковы, такъ называемые, наставники, отцы, совершители нѣкоторыхъ таинъ и богослуженія, — и учать они о церкви не тако, якоже отцы наша предаша намъ, а вводятъ новое ученіе о церкви безсвященнословной; и, наконецъ, исторія ихъ преисполнена взаимныхъ раздоровъ; и называются они именами своихъ новыхъ учителей: — одни даниловцами, другіе ѡдосѣвцами, третіе филипповцами, четвертые аароновцами, пятые аристовцами (2). Не будемъ упоминать о другихъ болѣе частныхъ наименованія ихъ по живымъ еще лицамъ, дабы не оскорбить ихъ.

Н. Иваковскій.

---

(1) Бол. катих. л. 21—22.

(2) Аароновщина существуетъ въ архангельской губерніи, аристовщина въ Петербургѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ИЗВѢСТІЙ ПЕТРОВСКОЙ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ И ЛѢСНОЙ АКАДЕМІИ.

Извѣстія Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи выходятъ три раза въ годъ—въ мартѣ, іюлѣ и ноябрѣ—въ объемѣ не менѣе 30 листовъ въ годъ.

Они состоятъ изъ трехъ отдѣловъ: официальнаго, неофициальнаго и объявленій.

Въ составъ перваго входятъ:

а) Журналы засѣданій Совѣта, волеяніи или въ извлеченіи, и нѣкоторые изъ журналовъ засѣданій Хозяйственнаго Комитета, имѣющіе особенное значеніе для учебной или ученой дѣятельности членовъ Совѣта;

б) Годичный отчетъ о состояніи Академіи;

в) Труды комиссій, назначаемыхъ Совѣтомъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ;

г) Отчеты по командировкамъ членовъ Совѣта и другихъ лицъ, служащихъ въ Академіи;

д) Отчеты о занятіяхъ стипендіатовъ высшаго оклада;

е) Отчеты объ экскурсіяхъ, ежегодно совершаемыхъ со студентами, профессорами и преподавателями Академіи;

ж) Каталоги бібліотеки и кабинетовъ и описанія различныхъ учрежденій, состоящихъ при Академіи;

з) Годичный хозяйственный планъ Академической Фермы;

и) Программы, по которымъ читаются различные предметы въ Академіи;

і) Списки студентовъ.

Неофициальный отдѣлъ состоитъ изъ

а) Трудовъ профессоровъ, преподавателей и студентовъ Академіи, а также и другихъ лицъ, передаваемыхъ въ редакцію съ рекомендаціей профессора или преподавателя;

б) Диссертаций, удостоенныхъ награды медалями или признанныхъ удовлетворительными для полученія степени кандидата по одному изъ отдѣловъ Петровской Академіи и представляющихъ научный интересъ, и

в) Результатовъ работъ, выполненныхъ профессорами, преподавателями и студентами Академіи въ Химической Лабораторіи, на Опытномъ Полѣ, въ Лѣсной Дачѣ, Огородѣ, Питомникахъ и т. п., а также при различныхъ Кабинетахъ.

II

Цена въ годъ за три книжки 4 рубля съ пересылкою; для студентовъ же высшихъ учебныхъ заведеній—2 рубля и для членовъ Леснаго Общества—3 рубл.

Подписка принимается въ Ганцельрѣи Петровской Академіи, въ типографіи М. Н. Лаврова и !.°, въ московскихъ книжныхъ магазинахъ: А. А. Васильева въ Москвѣ (Страстной бульваръ, д. гр. Мусина Пушкина) и П. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова) и въ конторахъ объявленій: г-жи Печковской (Петровскія линіи, Москва) и А. Метцль (Петровка, д. Солодовникова, Москва).

Редакторы *А. П. Шилкинъ.*
М. К. Турскій.

2.

Вышла въ свѣтъ **новая книга** «Образцы Русской церковной проповѣди XIX в.» (съ планами для импровизацій, съ программой и образчиками виѣбогослужебныхъ собесѣдованій и съ правилами современнаго намъ церковнаго проповѣдничества въ Русской церкви). VI + 731 + V страницъ самаго убористаго шрифта. Цена 2 р. 70 коп., съ пересылкою 3 рубля.

Въ книгѣ помѣщено 112 образцовъ Русской проповѣди XIX в., вполнѣ представляющихъ современную намъ церковную проповѣдь какъ со стороны формы (Слово, Бесѣда, Рѣчь, Катихизическое и Краткое поученіе), такъ и со стороны содержанія не только общехристіанскаго, но и публицистическаго, касающагося современныхъ вопросовъ. Эти лучшіе образцы наглядно покажутъ современнымъ проповѣдникамъ, *о чемъ* (предметы) и *какъ* (форма, духъ и языкъ) они должны проповѣдывать. Для ознакомленія съ церковною проповѣдью а) въ древней христ. цѣркви на востокѣ и западѣ и б) въ церкви Русской изданы уже слѣд. книги:

1) *Святоотеческая Христоматія*, съ біографич. свѣдѣніями о св. отцахъ проповѣдникахъ и съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ (57 проповѣдей 18 проповѣдниковъ греческой и латинской церкви II—VII в.). Цена 1 р. 50 коп. съ перес.

2) *Историческая Христоматія* для изученія русской церковной проповѣди съ общей характеристикой періодовъ ея, съ біографическими свѣдѣніями о замѣчательнѣйшихъ (36) проповѣдникахъ русскихъ (XI—XIX в.) и съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ (103 проповѣдей).

Учебный комитетъ при св. Синодѣ призналъ обѣ книги *весьма полезными* при историч. и практич. изученія проповѣдничества и 2-ю удостоилъ *преміи* В. М. Макарія.

Съ требованіями обращаться въ г. Кіевъ, преподавателю семинаріи, свящ. М. Ноторжинскому.

Объ книгахъ вмѣстѣ (900 стр. убористой печати) 3 р. 50 коп. Выписывающіе *всѣ три книги вмѣстѣ* платятъ 6 р. съ пересылкою.

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

ПЛАТОНЪ ЛЕВШИНЪ, КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ.

Въ догматической области вольнодумство русскихъ людей обнаружилось прежде всего тѣмъ, что они, усвоивъ философскій принципъ, по которому разумъ человѣческой есть высшій критерій истины, старались истину догматическаго христіанскаго ученія провѣрить собственнымъ разумомъ: вѣру они считали совершенно противною и даже унизительною для человѣческаго разума. „Въ нынѣшнія просвѣщенные времена, говоритъ Щербатовъ, когда всѣ чудеса измѣряютъ мѣриломъ здраваго разсудка и истиннаго любомудрія, имъ никто не повѣритъ“. Подобнымъ образомъ выражается о чудесахъ и Болтинъ. „Если вѣрить, говоритъ онъ, чудесамъ вродѣ того, напр., чтобы могъ получить зрѣніе тотъ, у кого глазныя яблоки исторгнуты, то не остается ни малыя свободы разуму къ разсужденію; все будетъ возможнымъ и естественнымъ и не будетъ различія между глаза и зуба, который выдернувъ можно на мѣсто его новый вставить“⁽¹⁾. Разсѣвая заблужденія современниковъ въ отношеніи къ догматамъ, Платонъ прежде всего старается убѣдить слушателей, что эти догматы непостижимы

⁽¹⁾ Щербатовъ и Болтинъ — р. историкки 18 вѣка. Тр. Кіев. ак. 68 г. I. 439.

для ограниченнаго ума человѣческаго и что поэтому таинъ вѣры испытывать не должно. Такую мысль онъ развиваетъ въ словѣ на день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы ⁽¹⁾. Указывая въ началѣ слова на смиренный отвѣтъ Дѣвы Маріи ангелу (се раба Господня буди мнѣ по глаголу твоему), проповѣдникъ говоритъ: „сей примѣръ достоинъ подражанія“, — и далѣе развиваетъ ту мысль, что при недостаточности и ограниченности нашего понятія нельзя постигнуть всего. „Общее есть прямо просвѣщенныхъ людей мнѣніе, что человѣкъ чѣмъ больше узнаетъ, тѣмъ болѣе открывается ему, сколь онъ мало знаетъ“. Затѣмъ Платонъ обращаетъ вниманіе слушателей на явленія видимой природы, дерзновеніе проникнуть въ таинственность которыхъ нѣкогда изблещилъ самъ Богъ (приводитъ мѣсто изъ 38 — 39 гл. кн. Іова). „Если же не понимаемъ мы и того, продолжаетъ проповѣдникъ, что подвержено чувствамъ нашимъ: что сказать о предметахъ вѣры, каковы суть Великій Богъ, судьбы Его, наше упованіе до вѣчности простирающееся? Доводя, такимъ образомъ, слушателей до убѣжденія въ необходимости вѣры, Платонъ раскрываетъ полную несостоятельность человѣческаго ума въ дѣлѣ постиженія таинъ вѣры. Если и можетъ привести къ чему мудрствованіе о такихъ вещахъ, такъ только къ безконечнымъ толкамъ и раздорамъ: „ибо мысль человѣческая недостаточно основательна и непонятна. Почему если дать ей волю, одному покажется то, другому иное. Сколько будетъ головъ, столько и различныхъ мнѣній. Итакъ, не хотя ты одной вѣры соблюдать, долженъ будешь принять или безчисленныя вѣры или никакой. Я, де, не могу понять: такъ научи насъ лучшему вѣрованію. Ты осмѣливаешься новые намъ изъяснять догматы. Но се вкупѣ съ тобой другой таковой же дерзновенный предлагаетъ намъ

(1) Т. V, 193—201 стр.

иное; третій другое: и всякъ одно другому противное. Къ которой же намъ пристать сторонѣ? О, дерзнове- ние само себя посрамляющее! Я, де, не могу понять. Подлинно такъ: вѣра, еслибъ ума твоего сосудцемъ была измѣряема, величество ея было бъ уничтожено. Она есть та, которая составляетъ превосходнѣйшее дѣйствиѣ самая премудрости Божія. Почему не толь- ко не удивительно, что ты ее совершенно не пони- маешь, но тѣмъ болѣе она почтенна и священна“. Непонятная въ существѣ вѣра по Платону, можетъ быть понятна по плодамъ своимъ — по дѣйствию, ка- кое она производитъ на человѣка. „Я, де, непони- маю. Но по крайней мѣрѣ понимаешь то, что ни къ чему худому она не руководствуетъ: по крайней мѣ- рѣ, все вѣры ученіе внушаетъ тебѣ любовь къ Богу, къ ближнему и хранить честность нравовъ. Нынѣ празднуемое воплощеніе Сына Божія есть неости- жимо; по крайней мѣрѣ то понятно, что доказываетъ оно любовь Божію къ намъ, что толико снисходитъ Онъ къ человѣческому роду, что толико печется о спасеніи нашемъ. А сіе заставляетъ признавать тебѣ предъ нимъ себя грѣшникомъ, искать средствъ къ очи- щенію и взаимною къ нему горѣть любовію. Сіе не понятно ли? Но со всѣмъ тѣмъ, я, де, непонимаю. Подлинно непонимаешь. Ибо мысль твоя помрачена страстями, сердце развратно и душа разслаблена; а въ таковую душу Духъ премудрости не входитъ“. От- сюда естественно слѣдствіе, что къ воспріятію свя- щенныхъ предметовъ вѣры потребны не предубѣжден- ный умъ, чистое сердце, къ просвѣщенію которыхъ добродѣтелью и призываетъ Платонъ своихъ слуша- телей.

Убѣждая современниковъ не испытывать „тайны вѣры“, проповѣдникъ всетаки допускаетъ возмож- ность объясненія догматовъ съ извѣстной точки зрѣ- нія, какъ, напримѣръ, въ приведенномъ выше словѣ— объясняетъ догматъ воплощенія. Подобнымъ образомъ поступаетъ онъ и въ отношеніи къ другимъ догматамъ

христіанскимъ, уясненіе которыхъ вызывалось потребностями времени.

Французскіе философы, основываясь на томъ, что у нихъ есть разумъ, отвергли одинъ за другимъ всѣ догматы христіанскіе. Для Вольтера, на примѣръ, не существовало ни откровеній, ни вѣры ⁽¹⁾, ни благодати ⁽²⁾, ни грѣха ⁽³⁾, ни искупленія ⁽⁴⁾; если безсмертіе души человѣческой Вольтеръ и допускалъ, то относительно загробнаго существованія имѣлъ идеи очень смутныя и неопредѣленныя и во всякомъ случаѣ несогласныя съ церковнымъ вѣроученіемъ ⁽⁵⁾. Однако Вольтеръ не отвергалъ бытія Божія. „Мы осуждаемъ атеизмъ“, говоритъ онъ въ одномъ изъ сочиненій. „Никакой предлогъ, говоритъ онъ въ разборѣ атеизма, не можетъ оправдать атеизма“ ⁽⁶⁾..... Впрочемъ, Богъ Вольтера, не имѣющій никакого промыслительнаго отношенія къ міру,—ни болѣе ни менѣе, какъ метафизическое понятіе о послѣдней причинѣ. Другіе философы, какъ Кондильякъ и Гельвецій, авторъ *Systeme de la nature*, — думали, что вовсе нѣтъ Бога, а есть только матерія, обнимающая собою все сущее; отвергали они и безсмертіе души, утверждая, что всѣ живыя существа отъ человѣка до скота — умираютъ и разлагаются по однимъ законамъ.—Также, конечно, разсуждали о догматахъ вѣры и русскіе вольнодумцы, вмѣнявшіе себѣ въ стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія. Были между русскими вольнодумцами и такіе грѣховодники, по выраженію Фонъ-Визина, которые отвергали бытіе Вышняго Существа, а слѣдовательно и такіе, которые, слѣдуя ма-

(1) Геттнеръ, т. II, 132.

(2) Переписка Екатер. съ Вольт. ч. II, 156.

(3) «Вольтеровы заблужденія» соч. Абб. Нопота, ч. II, стр. 87.

(4) Геттнеръ, т. II, 134.

(5) Тр. Кіев. ак. 68 г. I въ ст. г. Терновскаго.

(6) Геттнеръ, т. II, стр. 144.

теріалістическому ученію Гельвеція, отрицали и безсмертіе души. Въ послѣднемъ убѣждаетъ насъ извѣстное стихотвореніе Державина „на смерть князя Мещерскаго“. Смерть этого вельможи „сына роскоши, прохладъ и нѣтъ“ наводитъ Державина на тяжелыя и грустныя думы о ничтожествѣ человѣка и заставляеть усумниться даже въ безсмертіи души...

„Сынъ роскоши, прохладъ и нѣтъ, (говорить Держ.
въ этомъ стихотвор.)

Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвымъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ опъ?—опъ тамъ.—Гдѣ тамъ? незнаемъ.
Мы только плачемъ и рыдаемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ“ (1)!

Этотъ же духъ сомнѣнія заставилъ Державина съ сожалѣніемъ смотрѣть на судьбу человѣка, по поводу смерти Кутузова:

„Вотъ генія блестящій вѣкъ! (говорить поэтъ)
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ, когда вся цѣль его—могила,
А сущность — горсть одна земли“ (2)!

Проповѣдникъ не оставляетъ ни одного догмата безъ надлежащаго разъясненія, безъ возможнаго доказательства съ своей стороны: такъ что слова его въ данномъ случаѣ представляютъ краткую догматику, отвѣчавшую вполнѣ религіознымъ потребностямъ современнаго общества. Въ словахъ своихъ онъ говоритъ о вѣрѣ, о благодати, о промыслѣ,—предопредѣленіи и искупленіи, о безсмертіи души и загробной жизни. Оправдываетъ, далѣе, каноническія постановленія церкви, которыя отвергались вольнодумцами, какъ, напримѣръ, относительно поста, обрядоваго богослуженія вообще и проч.

(1) Истор. рус. литер. Караулова, 470 стр.

(2) Тр. Кіев. ак. 62 г. т. II, стр. 60.

Излагать здѣсь всѣ догматическія слова, по нашему мнѣнію, нѣтъ необходимости; всѣ ихъ можно свести къ тремъ категоріямъ, если рассматривать по способамъ раскрытія въ нихъ истинъ христіанскаго вѣроученія. Первые изъ нихъ тѣ, въ которыхъ проповѣдникъ раскрываетъ христіанское вѣроученіе только съ положительной стороны—и тѣмъ самымъ какъ бы изобличаетъ предъ слушателями заблужденія современныхъ вольнодумцевъ; вторыя полемическія (подобныя приведенному нами выше на день Благовѣщенія), въ которыхъ Платонъ имѣетъ дѣло исключительно съ ложными мнѣніями вольнодумцевъ и опровергаетъ ихъ; но большая часть словъ имѣетъ характеръ смѣшанный: обыкновенно, излагая положительное христіанское вѣроученіе, проповѣдникъ припоминаетъ какое нибудь мнѣніе вольнодумцевъ — и, рѣшивъ его, обращается снова къ положительному раскрытію христіанскаго вѣроученія. Указывая общій предметъ содержанія словъ, мы остановимся лишь на тѣхъ, которыя можно назвать типическими по отношенію ко всѣмъ остальнымъ.

Въ словѣ на день Воздвиженія ⁽¹⁾ проповѣдникъ указываетъ признаки Творческаго разума въ мірѣ и человѣкѣ. „Куда ни обратимъ мы очи свои, говоритъ онъ, вездѣ найдемъ слѣды и знаменія любви Божія къ намъ. Человѣкъ въ дикости и невѣжествѣ воспитанный не умѣетъ узнавать красоты тварей и мудрости ихъ созданія и дѣйствій. Взираетъ онъ на нихъ очами не любопытными: не прилагаетъ къ нимъ своего вниманія и удивленіемъ не восхищается. Онъ смотритъ на солнце и понимаетъ оно, какъ нѣкоторый небольшой свѣтлый шаръ, а болѣе ничего. Смотритъ на звѣзды и онѣя можетъ быть почитаетъ нѣкоторыми малыми небесными скважинами. . . . Другой, излишне высокоумдрствующій, не возмогши проникнуть въ глубочайшую связь тварей, все то приписываетъ слу-

(1) Т. VI, 337.

чаю, что они сами собой какимъ то неизвѣстнымъ образомъ стали: и потому въ нихъ ни порядка, ни устройства, ни слѣдовъ безконечной премудрости не усматриваетъ“. Очевидно, проповѣдникъ разумѣтъ здѣсь матеріалистическія мнѣнія, бывшія въ ходу между современниками... „Воззримъ ли на солнце? говоритъ онъ далѣе: находимъ въ немъ величайшее безконечнаго разума произведеніе. Находимъ, что оно непомѣрныя величины тѣло пламенѣющее, удивительнымъ сіяніемъ блистающее, всѣ твари въ непонятномъ отдаленіи освѣщаетъ и согрѣваетъ не иначе, какъ въ самой близости разженная печь. Однако такъ мѣрно повѣшено и устроено, что хотя окружено со всѣхъ сторонъ вещами къ нему приближенными: но ни одной изъ нихъ дѣйствіемъ презлѣнаго пламени своего не сожигаетъ и не повреждаетъ. Всякая тварь ожидаетъ восхода сего благодѣтельнаго свѣтила, радостнымъ восторгомъ восхищается и проч.“... Подобнымъ образомъ Платонъ указываетъ слѣды Божественной премудрости въ устройствѣ другихъ небесныхъ свѣтилъ—въ самой землѣ съ ея обитателями и наконецъ — въ человѣкѣ. „Почто мы странствуемъ, спрашиваетъ проповѣдникъ, такъ сказать, по чужимъ странамъ? Воззримъ на самихъ себя. Древніе любознѣдцы называли человѣка микрокосмомъ, т. е. малымъ міромъ.... Да и Давидъ, когда размышлялъ о премудрости высочайшей, а въ тоже время и о самомъ себѣ, въ нѣкоторомъ восторгѣ къ Богу возопилъ: *удивися твой разумъ изъ мене*, т. е., что я, де, въ самомъ себѣ нахожу слѣды и дѣла безмѣрнаго разума твоего“. Далѣе проповѣдникъ ссылается на естествоиспытателей, которые въ тѣлосложеніи человѣка „находятъ премудрость, ихъ понятіе въ удивленіе и ужасъ приводящую и признаютъ, что сего одного довольно къ увѣренію cadaго, что есть Творецъ міра премудрый и промыслитель милостивый“... — Въ цѣломъ составѣ своихъ словъ проповѣдникъ не довольствуется только этимъ, космологическимъ (какъ его называютъ) дока-

зательствомъ бытія Божія. Въ словѣ на недѣлю о Закхѣѣ⁽¹⁾ онъ говоритъ, что одного видимаго міра, который онъ называетъ *зерцаломъ тварей*, недостаточно для познанія Бога.... Начало этого слова представляетъ резюме вышеизложеннаго и заключается недоумѣніемъ проповѣдника, „чтобъ были такіе уроды, которые отвергая бытіе Божіе, притомъ отъ собственной совѣсти и отъ всѣхъ вещей обличасмы не были.... При семь случаѣ, продолжаетъ проповѣдникъ, пришло мнѣ на мысль оное апостольское слово: *суетъ тварь повинуся волею*. Какую онъ здѣсь разумѣетъ суету? Суета тварей есть употребленіе твари во зло. Язычество на примѣръ, вмѣсто того, чтобъ смотря на солнце и пр. доходить до мысли о Богѣ, обоготворяетъ его.... Злодѣй употребляетъ воздухъ, чтобъ удушить кого, огонь—чтобы сжечь, воду—чтобъ утопить, желѣзо—чтобъ убить неповиннаго.... „Благословенныя земли произращенія сдѣлались случаемъ обжорства и піанства, красота тѣла поводомъ къ безчестной похоти, золото возбужденіемъ къ лихоимству и сребролюбію, честь къ гордости и презорству—разумъ на изобрѣтеніе хитростей и проч. Итакъ, развращеніемъ нашимъ пресвѣтлое тварей зеркало помрачилось; дѣлъ Божіихъ книга сдѣлалась намъ училищемъ всякаго зла: міръ, вмѣсто того, чтобъ быть руководителемъ къ истинѣ и къ источнику ея Богу, сдѣлался полнымъ соблазновъ“.... Настоитъ нужда, такимъ образомъ, въ болѣе вѣрномъ зеркалѣ для познанія Бога: „это *зерцало*—вѣра, откровеніе, вѣрою пріемлемое. Въ этомъ зеркалѣ мы видимъ наши недостатки и сколь далеко отстоимъ мы отъ того конца, для котораго созданы“... Но недостаточно и этого зеркала для совершеннаго понятія о Богѣ—по слову апостола, что здѣсь мы *вѣрою ходимъ, а не видимъ*. Третіе въ свое время откроется намъ — *зерцало*

---

(1) Т. I, 249.

славы, въ которомъ мы, по апостолу, *узримъ Бога лицомъ къ лицу*, а по ученію Іоаннову *узримъ Его, якоже есть*“....

Въ приведенныхъ двухъ словахъ проповѣдникъ, какъ видимъ, раскрываетъ христіанское ученіе о бытіи Божіемъ съ *положительной стороны*; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣетъ въ виду и отрицательную сторону: на это мы находимъ указанія даже въ самыхъ словахъ. — Подобнымъ образомъ Платонъ приводитъ своихъ слушателей къ признанію благодати, дѣйствующей въ человѣкѣ. Христіанское ученіе о благодати подвергалось насмѣшкамъ со стороны философовъ, которые считали ее вовсе ненужною въ томъ случаѣ, когда у человѣка есть разсудокъ. „Петръ пустыльникъ, пишетъ Вольтеръ императрицѣ (¹), былъ также сумасбродомъ какъ и я; но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Правда, онъ былъ монахъ — благодать Божія была на немъ, а я совершенно лишенься: по крайней мѣрѣ, у меня есть разсудокъ“.

Въ словѣ на день св. Алексія (²) проповѣдникъ старается доказать необходимость благодатнаго просвѣщенія для человѣка... Вначалѣ онъ припоминаетъ слова Спасителя апостоламъ: „вы есте свѣтъ міру“ и ставитъ далѣе вопросъ: „какой это свѣтъ, когда мы знаемъ, что для міра видимаго есть свѣтъ солнечный“? Путемъ долгихъ соображеній проповѣдникъ находитъ, что этотъ свѣтъ—благодать, просвѣщающая міръ разумныхъ тварей. Соображенія его можно представить въ слѣдующемъ видѣ: для вещей міра видимаго, неодушевленнаго достаточно одного свѣта солнечнаго, но для одушевленныхъ, а тѣмъ болѣе для человѣка, одареннаго разумомъ и волею, этого свѣта недостаточно. Солнце освѣщаетъ одну поверхность тѣлъ,—не можетъ освѣтить внутренность, тѣмъ болѣе нашу душу. И мы не можемъ съ помо-

(¹) Переп. Екат. съ Вольтер. ч. I, 33.

(²) Т XII, 257.

щю одного солнца узнать, что есть тѣло: видимъ только ихъ форму, окраску..., а потому одного свѣта солнечнаго недостаточно для познанія и тѣлеснаго міра; долженъ быть другой свѣтъ—и какъ различны стороны вещей—внѣшняя и внутренняя, которыя составляютъ два міра: — видимый и невидимый, такъ долженъ быть различенъ и свѣтъ, освѣщающій эти два міра; при этомъ, свѣтъ міра невидимаго долженъ быть превосходитѣе солнца. Этотъ свѣтъ Богъ (прежде всего): въ Немъ свѣтъ сіяющій отъ вѣчности, никакого подобія этому свѣту въ мірѣ видимомъ нѣтъ. Этотъ свѣтъ—источникъ всякаго свѣта; отъ него возсіялъ въ человѣкѣ разумъ; это — второй свѣтъ, но свѣтъ гораздо слабѣйшій, хотя и превосходитѣйшій свѣта солнечнаго: разумъ познаетъ и внутренность вещей—и нашу душу; онъ же познаетъ и самое солнце: а потому, если солнце освѣщаетъ тѣло человѣка, то еще болѣе самое солнце освѣщается разумомъ человѣческимъ. Но разумъ человѣческій помрачается: подобно какъ солнце закрывается иногда облаками, такъ разумъ страстями, которыя удерживаютъ человека въ невѣжествѣ. Солнечный свѣтъ не поможетъ выйти человѣку изъ этого помраченія, нуженъ свѣтъ Божественный, который никогда не помрачается: этотъ свѣтъ—благодать Божія, принесенная на землю Спасителемъ, переданная апостоламъ, которые проповѣдали ее міру. Этотъ свѣтъ разумѣлъ Спаситель, когда говорилъ апостоламъ: „вы есте свѣтъ міру“. Въ заключеніе словъ проповѣдникъ указываетъ примѣръ благодати, дѣйствующей въ угодникѣ Божіемъ, св. Алексіѣ, „тѣло котораго нетлѣніемъ почтено“.

Слова, указанная нами едвали не исключительныя, гдѣ Платонъ говоритъ о бытіи Божіемъ, о благодати (¹). Фактъ этотъ можно объяснить тѣмъ, 1) что

(¹) Можно указать еще развѣ на два слова: это на Рождество Христово (IV т. 186), и слово на нед. 7-ю по пятидесятницѣ (т. XVII, 305), въ которыхъ проповѣдникъ говоритъ о вѣрѣ вообще...

Вольтеръ, которому поклонялись русскіе вольнодумцы, не отвергалъ бытія Божія; 2) отрицаніе этихъ догматовъ не соотвѣтствовало практическимъ цѣлямъ русскихъ вольнодумцевъ: мысли ихъ были направлены главнымъ образомъ къ опроверженію тѣхъ догматовъ, признаніе которыхъ должно было стѣснять ихъ въ практической жизни, обуздывать ихъ чувственныя стремленія. Отрицаніе Бога, какъ Творца міра, конечно, не говорило въ пользу того, что можно жить такъ, какъ хочется. Большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ догматъ о Промыслѣ, подвергавшійся со стороны вольнодумцевъ разнымъ возраженіямъ, которыя очень часто вызывали проповѣдника къ ихъ опроверженію и разъясненію самаго догмата. Мы имѣемъ цѣлый рядъ проповѣдей, въ которыхъ Платонъ всесторонне раскрываетъ догматъ о Промыслѣ, сообразно тѣмъ возраженіямъ, которые были въ ходу у русскихъ вольнодумцевъ. — Деистическое ученіе о Промыслѣ въ царствованіе Екатерины распространилось во всей широтѣ вольтеровскаго отрицанія и пользовалось у современниковъ непосредственнымъ приложеніемъ къ жизни. Даже такіе люди, какъ Фонъ-Визинъ, увѣряющій въ своей автобіографіи, что сердце его всегда съ благоговѣніемъ почитало Господа, увлеченъ былъ духомъ времени къ тому, чтобы написать извѣстное „посланіе къ слугамъ“, въ которомъ видно скептическое отношеніе къ вѣрѣ въ промыслъ Божій и въ божественное міроуправленіе. Авторъ здѣсь разговариваетъ съ своими слугами и спрашиваетъ у нихъ, зачѣмъ созданъ свѣтъ.... Характеристиченъ отвѣтъ третьяго слуги—Петрушки:

„Я мысль мою скажу (отвѣчаетъ онъ)
 Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребяческа игрушка.
 Создатель твари всей, Себѣ на похвалу,
 Пустить изволилъ насъ, какъ куколь по столу.
 Иные рѣзвятся, хохочуть, скачуть, пляшуть,
 Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачуть.

Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаютъ того ни умный, ни дуракъ“ (1).

Это остроумное, но легкомысленное стихотвореніе пользогалось въ свое время большимъ вниманіемъ общества. „Намъ извѣстны, замѣчаетъ г. Терновскій (2), нѣкоторые старожилы, знавшіе наизусть эти стихи, какъ мы знаемъ лучшіе басни Крылова“. Такое усердное легкомысліе въ отношеніи къ христіанскому ученію о Промыслѣ со стороны современниковъ вполне понятно. Отрицаніе Промысла, какъ нельзя болѣе соответствовало ихъ практическимъ цѣлямъ: если человѣку самимъ Творцемъ назначено блуждать въ природѣ, какъ блуждаетъ „кукла по столу“, стало бытъ онъ можетъ вполне, не стѣняясь никакими правилами, слѣдовать своему естественному расположенію, какъ и все въ природѣ течетъ по законамъ естественнымъ. — Сообразно широтѣ отрицанія этого догмата для практической жизни, большинство своихъ догматическихъ проповѣдей Платонъ посвящаетъ раскрытію догмата о Промыслѣ. Въ отношеніи къ способу раскрытія эти слова имѣютъ характеръ въ большей части случаевъ *смѣшанный*.

Въ словѣ на день Казанской иконы Божіей Матери (3) проповѣдникъ показываетъ несостоятельность деистическаго ученія объ отношеніи Бога къ міру. „Нѣкоторые надмѣнные, но неосновательные умы думаютъ (говоритъ онъ), что, когда Богъ создалъ міръ и всемъ въ немъ содержимымъ вещамъ положилъ свои законы, по коимъ они свои теченія и дѣйствія совершать должны, то уже, по ихъ мнѣнію, болѣе въ дѣла и устройство міра Богъ не входитъ; а предоставилъ міръ самому себѣ, дабы онъ единственно текъ по даннымъ ему единожды отъ него законамъ. И сіи, де, законы

(1) Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1852 г. стр. 729.

(2) Труд. Кіев. ак. 1868 г. т. 1. 443.

(3) Т. XI, 61.

вѣчны и никакъ перемѣнены быть не могутъ и не должны“. — Въ опроверженіе этого ученія проповѣдникъ становится на точку зрѣнія деистовъ, признающихъ Бога, какъ Творца. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что каждая вещь и весь вообще міръ свои получилъ отъ премудраго Зиждителя законы—и сіи законы сами твари перемѣнить не могутъ, а должны по онымъ свое установленное теченіе совершать.... Но чтобъ тѣ законы не могли быть перемѣнены законодатель“,—это противно понятію о Богѣ личномъ, какъ Существоѣ свободномъ. Богъ полагалъ таковыя законы сообразно своей вѣчной волѣ и они неизмѣнными пребываютъ дотолѣ, пока хочетъ этого Его воля святая и совершенная. Богъ, въ силу своей вѣчной воли, сказалъ: да будетъ свѣтъ—и произошелъ свѣтъ; если въ силу той же воли онъ благоволилъ бы сказать: да не будетъ свѣта—и не будетъ свѣта... Далѣе проповѣдникъ рѣшаетъ возраженіе: не противно ли „измѣнять Богу положенные имъ законы“ Его премудрости. Да; было бы противно, еслибъ Богъ положилъ законы, чтобъ они пребывали всегда неизмѣнными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово: но то, что намъ кажется перемѣною—предъ Богомъ есть „прекрасное теченіе вѣчнаго порядка“.... Это проповѣдникъ выясняетъ изъ понятія о вѣчной, неизмѣнной Божественной волѣ. Та воля, которая произвела міръ, дѣйствуетъ и понынѣ—и, „по высокому мнѣнію богослововъ можно утвердить, говоритъ Платонъ, что та минута, въ которую всѣ твари изъ ничего созданы—та минута и доселѣ продолжается и всякую минуту всѣ твари и доселѣ какъ бы изъ ничего производятся“. При такомъ положеніи, очевидно, никакая тварь не можетъ быть и дѣйствовать безъ Бога: „еслибъ на одну минуту не было воли Божіей тварямъ дѣйствія свои продолжать, тогчасъ всѣ ихъ дѣйствія остановились бы; да и сами твари въ ничто бы обратились... Отвращу тебѣ лице вся возмзутся и въ персть свою обратятся“. Заключивъ словами псалмо-

пѣвца свое высокое разсужденіе о промыслѣ Божіемъ, проповѣдникъ прилагаетъ его далѣе къ жизни, къ непонятнымъ съ перваго взгляда ея явленіямъ. „Изъ этого глубокаго и священнаго источника воли, говорятъ онъ,—и премудрости Божіей проистекають всѣ въ свѣтѣ перемѣны. Гдѣ были цвѣтушіе грады и государства, тамъ со ужасомъ находимъ одну страшную пустыню. А напротивъ, гдѣ были мѣста дикія и пустыя, тамъ съ удивленіемъ усматриваемъ процвѣтшіе красные грады и знаменитыя селенія. Одинъ народъ уменьшается и истребляется: другой возстаетъ и возвышается. Мы слабые землеродные на сіе смотримъ и то удивляемся, то ропщемъ, то все случаю приписываемъ. Но не такъ оно есть. Все то производится по опредѣленіямъ тайнаго совѣта Божія“.... Въ другомъ словѣ, указывая различіе между языческимъ и христіанскимъ понятіемъ о судьбѣ, проповѣдникъ говоритъ: „судьбу или рокъ мы (христіане) беремъ за приключеніе, котораго причины ни премудрѣйшіи, ни любопытнѣйшіи найти не могутъ, хотя у Бога есть тому причина довольнѣйшая и справедливѣйшая, которая всегда отъ свободной Его власти зависѣла и зависитъ: и мы бы оную усмотрѣли, если бы на высшій степень совершенно были возведены или бы открыта намъ была вѣчная судьба Его книга“.... Таковыя приключенія, напримѣръ: превращеніе городовъ, государствъ и народовъ, паденіе перваго человека и въ немъ осужденіе рода человѣческаго, мучительное и наглое зло въ мірѣ дѣйствіе, благопоспѣшество развратныхъ людей, а презрительное и иногда страдательное состояніе мужей добродѣтельныхъ и пр. под.“. При усматриваніи такихъ случаевъ проповѣдникъ совѣтуетъ не быть излишне любопытными, и какъ-то въ нынѣшнія времена, продолжаетъ онъ, и самымъ дѣломъ открывается не мало такихъ любопытствомъ подстрекаемыхъ людей, которые отваживаются дерзостною рукою открывать вещи, судьбами

Божіими покриття и которыя благоговѣйнымъ молчаніемъ почитаемы быть должны“ (1).

Ближайшимъ фактическимъ основаніемъ, по которому сперва французскіе философы, а потомъ и русскіе вольнодумцы—отрицали присутствіе Божественной разумной воли въ управленіи міромъ, были именно такія, необъяснимыя съ точки зрѣнія конечнаго человѣческаго разума—явленія въ мірѣ, на какія указываетъ Платонъ (въ приведенномъ сейчасъ словѣ). Извѣстно, что и Вольтеръ утвердился въ отрицаніи Божественнаго промысла послѣ Лиссабонскаго землетрясенія. По Вольтеру, если признать Бога „управителемъ міра, то надо признать его могущественнымъ, но насильственнымъ властителемъ, которому нѣтъ дѣла до тысячи человѣческихъ жизней, когда ихъ требуютъ его произвольныя цѣли (2). Очевидно, Вольтеръ не видитъ въ мірѣ благой воли Промыслителя и склоняется къ пессимистическому взгляду на жизнь. Такой взглядъ, насколько можно замѣтить, приводится и въ посланіи Фонъ-Визина къ слугамъ:

„Незнаю, говоритъ первый слуга, незнаю я того,
Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ и для чего:
Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами
И вѣкъ работать намъ руками и ногами...

Извозчикъ, лошади, карета, хомуты (говоритъ другой)
И все, мнѣ кажется, на свѣтъ суеты.
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ скудость
Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость“...

Подобныя сѣтованія, конечно, справедливы по отношенію къ современному состоянію общества и его нравовъ; но видно, что сѣтованія эти не безъ преувеличеній, и слѣдовательно въ основѣ ихъ лежитъ не правда дѣйствительности, а скорѣе мечтательное рас-

(1) Т. III, 242.

(2) Тр. Кіев. ак. 68 г. I, 455 стр.

положеніе, навѣянное французскими энциклопедистами, каковъ Вольтеръ и въ особенности Жанъ Жакъ Руссо. Выходя изъ ложныхъ основаній, Фонтъ-Визинъ приходитъ къ непозволительному обобщенію:

„Что дурень здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ,
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ“.

Этотъ мрачный взглядъ на жизнь, сдѣлавшійся достояніемъ поклонниковъ французской философіи, — взглядъ, въ которомъ ясно слышалось невѣріе или по крайней мѣрѣ — ропотъ на благой промыслъ Божій, нашель опроверженіе въ словахъ нашего проповѣдника. Имѣя его въ виду, проповѣдникъ, когда обличаетъ современниковъ въ излишнемъ пристрастіи „къ міру сему лукавому“, — обыкновенно оговаривается.... Такъ, напр., въ словѣ на нед. о Закхѣѣ (¹), назвавъ міръ училищемъ всякаго зла, проповѣдникъ говоритъ: „не должно думать, акибъ міръ самъ чрезъ себя худъ былъ; нѣтъ: онъ есть дѣло рукъ премудраго художника. Но мы благое Божіе сами себѣ обратили во вредъ: врачевство спасительное, которое намъ дано въ животь, то употребили себѣ въ смерть, да явится сколь силенъ грѣхъ, благимъ мнѣ содвѣяла смерть“. Дѣйствующее въ мірѣ зло проповѣдникъ сводитъ къ двумъ конечнымъ причинамъ, изъ которыхъ первая, это—грѣхъ человѣка, а вторая — правосудіе Божіе наказующее этотъ грѣхъ.

Въ словѣ на день Казанскія иконы Божія Матери (²) въ виду смущенія современниковъ различными бѣдствіями, которыя приводятъ ихъ къ ропоту на промыслъ Божій, проповѣдникъ задается цѣлію открыть, что бѣдствія и несчастія служатъ къ пользѣ нашей: „сіе, говоритъ онъ, должно научить насъ терпѣнію и благодушію, столь нужнымъ для спокойствія нашего добродѣтелямъ“. Намѣреваясь выяснитъ неоснова-

(¹) Т. I, 255.

(²) Т. XII, 353—363.

тельность смущенія, проповѣдникъ дѣлитъ бѣдствія на два рода: 1) естественныя и 2) бѣдствія изъ свойства нравовъ нашихъ. „Бѣдствія изъ естественнаго порядка, говоритъ онъ, суть такіе случаи, которые бываютъ не по нашему желанію. Напримѣръ, мы бы желали ведра: а напротивъ, бываетъ ненастье. Мы бы желали, чтобъ всегда наслаждаться благораствореніемъ весны: но вмѣсто того наступаетъ жестокая и досадная зима“... Это—бѣдствія мнимыя, выдуманная самимъ человѣкомъ изъ разныхъ побужденій, основа которыхъ находится въ самолюбіи; это самолюбіе и производитъ въ насъ скуку, досаду, роптаніе.... „Почто, человѣче! восклицаетъ проповѣдникъ, столь высокоумрствуешь, что желаешь мыслить... дабы и самыя премудрыя Божескія законы зависѣли отъ твоей непостоянной воли. Бойся и страшись. Ничѣмъ бы Вышній не могъ тебя наказать ужаснѣе, какъ еслибъ всему попустилъ быть на волѣ твоей... Тѣ случаи, которые бываютъ не по нашему желанію и которые мы иногда называемъ бѣдствіями, суть бѣдствія токмо по нашему мечтанію и потому они суть бѣдствія только мнимыя, а въ самой вещи суть порядокъ, суть настоящее наше и общее благо“... Призвавъ далѣе своихъ слушателей покоряться „порядку Божественнаго закона“, проповѣдникъ переходитъ къ разсмотрѣнію бѣдствій втораго порядка, — вытекающихъ изъ свойства нравовъ нашихъ: бѣдствія эти онъ дѣлитъ, въ свою очередь, на два рода: стороннія и внутреннія. „Стороннія, — кои намъ приключаются отъ другихъ; но такъ, что или мы сами подали къ тому случай и причину; или безъ всякой отъ насъ къ тому поданной причины и случая“. Эти послѣднія, — не прямыя бѣдствія, а только мнимыя. „Положимъ, говоритъ проповѣдникъ, что ты бѣденъ и всѣхъ тѣлесныхъ выгодъ лишень; но когда ты невинень, — можетъ ли тебя какое смутить безпокойство? Дерзнетъ ли кто изъ безразсудныхъ почестъ тебя несчастливимъ? Неронъ и Иродъ пируютъ и веселятся:

Иоаннъ и Павелъ въ темницѣ и усѣкаются. Но кто не только изъ христіанъ, но и изъ прѣсвѣщенныхъ естественно, пожелаетъ, чтобъ Иоаннъ былъ на мѣстѣ Ирода, а Павелъ на мѣстѣ Нерона?..... Но тѣ бѣдствія, коимъ „мы сами подали причину и случай, суть прямыя бѣдствія и несчастія наши, хотябъ они были и наружныя.... Не въ лишеніи твоего имѣнія, или чести, или въ поврежденіи тѣла, состоитъ прямое бѣдствіе твое: но въ томъ, что другому ты нанесъ обиду; чрезъ сіе уже ты причинилъ себѣ величайшее бѣдствіе, хотябъ отъ обиженнаго и ничего тебѣ не воспослѣдовало. Ибо нарушилъ Божій законъ, разстроилъ ты естественный порядокъ души, лишилъ себя удовольствія совѣсти и благодати Божія. Вотъ прямое бѣдствіе! пусть бы въ семъ положеніи весь міръ тебя ублажалъ; но когда Богъ тобою раздраженъ, когда ты самъ на себя возсталъ, то какое уже есть твое счастье? Погубилъ-ли ты уже и совѣсть, что она тебя не угрызаетъ и ни мало не беспокоитъ; тѣмъ ужаснѣе твое состояніе. Ты уже не человѣкъ: ты нѣчто преобратившееся въ чудовище нечувственное и изъ порядка вещей изверженное. Итакъ, прямыя бѣдствія суть душевныя и внутреннія. Они суть грѣхи и беззаконія. Они суть не только сами въ себѣ истинныя бѣдствія; но они же и всѣ другія бѣдствія причиняютъ. Изжени изъ міра беззаконія и пороки; не будетъ неправды и злодѣянія; а потому и бѣдствій наружныхъ“. Въ этихъ самыхъ бѣдствіяхъ проповѣдникъ видитъ, однако, „благодѣтельное и милостивое дѣйствіе промысла Божія“: бѣдствія эти ни что иное, какъ наказаніе Божіе за наши грѣхи и, если „мы понесемъ ихъ терпѣливо и чрезъ то восчувствуемъ во грѣхѣхъ раскаяніе“, то они проходятъ вмѣстѣ съ грѣхомъ. „Почему сего токмо да боимся и страшимся несчастія, заключаетъ проповѣдникъ,—то и другія бѣдствія насъ прейдутъ. Ежели же бы Богъ по неиспытаннымъ судьбамъ своимъ и благоволилъ ими посѣтить насъ; то Онъ же намъ и *пріблѣжище и*

сила, помощникъ въ скорбныхъ обрѣтшихъ ны зло“. Разсѣвая, такимъ образомъ, пессимистическій взглядъ современниковъ на жизнь, проповѣдникъ старается привести слушателей къ признанію дѣйствующаго въ мірѣ Божественнаго правосудія. Исключительно эту цѣль онъ преслѣдуетъ въ другомъ словѣ на день же Казанской иконы Божіей Матери (¹). „Случавшіеся смертоносныя язвы, говоритъ онъ въ этомъ словѣ, — внутреннія возмущенія, внѣшнія брани, огненные воспаленія, наводненія, скудное собраніе жатвы и прочая подобная—суть удары, коими Божія судьба толкаетъ насъ да пробудимся отъ сна, въ коемъ лежимъ яко разслабленные“. Эта мысль проходитъ у проповѣдника чрезъ все слово, и въ развитіи ея онъ старается согласить научныя философскія воззрѣнія на этотъ предметъ (на эти явленія т. е.) съ откровеннымъ ученіемъ. „Всѣ несчастливныя приключенія, говорятъ мудрецы вѣка сего, бываютъ по случаю: такъ они бываютъ натурально. Натурально, де, отъ дождей или отъ жаровъ быть недороду; натурально, де, отъ нерадѣнія зажечь сухое зданіе и съ помощію вѣтра оному разлиться. Да; приключенія эти бываютъ натурально, — соглашается проповѣдникъ; никто изъ прямо просвѣщенныхъ въ томъ не спорить, но кто природы или естества вещей учредитель? Кто распорядитель союза его? Кто распорядитель средствъ, чтобъ они прямо достигали до своего конца? Кто, если не Богъ, который *вся управляетъ числомъ, вѣсомъ и мѣрою*. Въ семъ-то наипаче открывается и премудрость и промыслъ Его, что Онъ хранитъ и уставленный собою естественный порядокъ и оной же самой, безъ нарушенія его располагаетъ къ нашему наказанію и исправленію. Отъ естественныхъ причинъ выходятъ возмущенія въ народахъ: но они же самыя суть вмѣстѣ развратныхъ нравовъ и слѣдствія

(¹) Т. IV, 134—142.

и наказанія. По естественнымъ причинамъ роскошь приводитъ въ скудость, въ болѣзни и разслабленіе: но они же самыя суть слѣдствія и наказанія роскошныя жизни. Богъ есть премудръ и праведенъ; знаетъ сохранить установленный порядокъ и силенъ наказывать преступника".—Проповѣдникъ старается, такимъ образомъ, примирить естественныя слѣдствія порока съ откровеннымъ ученіемъ о наказаніи за грѣхъ: „дерзнулъ, говоритъ онъ, нѣкогда Авраамъ спросить Бога: *погубиши ли Ты, Господи, праведнаго съ нечестивымъ и будетъ ли праведникъ яко нечестивый? Никакъ: Судія всей земли не сотвориши ли суда?* Эти слова, продолжаетъ проповѣдникъ, суть великой важности. Они означаютъ, что разстроенная жизнь есть то одно мѣсто, на которое падаютъ стрѣлы гнѣва Божія. Всякъ тенетами своихъ пороковъ себя связываетъ. Для этого нѣтъ нужды Богу дѣлать чудеса. Довольно, что Онъ весь свѣтъ и всѣ въ немъ дѣла такъ связалъ, что малѣйшее сей премудрой связи нарушеніе уже и влечетъ за собою бѣдственныя слѣдствія для того, который бы дерзнулъ сію связь нарушить". Это проповѣдникъ доказываетъ примѣрами, подобно какъ въ приведенномъ выше словѣ. „Напримѣръ: ты отважился обидѣть другаго, польстясь на какой либо прибытокъ: ты симъ случаемъ разорвалъ ту связь, которую Богъ учредилъ, чтобъ тебѣ желать и другому того, чего желаешь себѣ. Сія дерзостно тобою разорванная премудрая связь не можетъ такъ остаться, чтобъ не вышли изъ того для тебя вредныя слѣдствія и проч... Нельзя, поистинѣ нельзя, чтобъ когда нибудь, рано ли, поздно ли, внезапно не срѣтили тебя несчастливая неправедной поступки слѣдствія...., ибо въ словѣ Божіемъ находимъ мы и сіе страшное изреченіе, что правосудіе Вышняго нерѣдко наказаніе должное отцамъ переносить на дѣтей, *до третьяго и четвертаго рода. О, Судяй всей земли, не сотвориши ли суда?* Да и что самыя дѣти развратныхъ отцевъ и родъ ихъ нерѣдко несутъ от-

мщеніе Божіе: сіе видимъ мы въ исторіяхъ больше, нежели надобно.... Что мы сказали для примѣру объ обидѣ другихъ, тоже надобно разумѣть и о всякой разстроенной поступкѣ: тоже говорю—о лжѣ, о клеветѣ, о невоздержаніи, о пїанствѣ, о сладострастіи, о роскопи, о нерадѣнїи, о лѣности, о предательствѣ, о ласкательствѣ, о невѣрїи и безбожїи и о прочихъ порокахъ. Всѣ они разрушаютъ порядокъ Богомъ установленный. Но съ малѣйшимъ же его нарушеніемъ премудрый промысль связалъ вмѣстѣ отомщеніе и наказаніе: что дотолѣ никакъ не можетъ отмѣниться, доколѣ Богъ правосуденъ есть и управляетъ свѣтомъ. И потому всѣ приключающіяся намъ несчастія ни что иное суть, какъ слѣдствія нашихъ преступленій и горькіе плоды лестныхъ для насъ пороковъ“. За этимъ выводомъ непосредственно слѣдуетъ увѣщаніе слушателямъ—покаяться, если кто по слабости былъ обманутъ чувствами: таковой „да возметъ, говоритъ проповѣдникъ, здравое разсужденіе; да возметъ въ помощь святость закона; да признаетъ свою виновность; да покается и да проситъ прощенія отъ имѣющаго власть на земли отпущати грѣхи“. — „Но вотъ, продолжаетъ проповѣдникъ, намъ въ семь святомъ дѣлѣ препятствіе дѣлаетъ мудрованіе вѣка сего. Да въ чемъ, говорятъ, каются? Всѣ приключенія несчастливья бываютъ натурально: мы натуры теченіе перемѣнить не можемъ“.... Это возраженіе натуралистовъ падаетъ, конечно, отъ предъидущаго разсужденія проповѣдника и ему остается только пожалѣть, что просвѣщеніе, которое должно быть источникомъ истины, столь бѣдно превращается и бываетъ причиною развратности болѣе, нежели самое невѣжество.... ‘О, вы, восклицаетъ проповѣдникъ, которые таковыми мудрованіями сами себя лишаете спасительнаго врачевства! Бойтесь, чтобъ не отяготило васъ оное пророческое слово: *Господи! очи Твои зрятъ на вѣру ихъ, сколь она слаба: билъ еси ихъ и не поболѣша: сокрушилъ еси ихъ, и не восхотѣша прїяти*

наказанія. Въ заключеніи проповѣдникъ обращается еще разъ къ слушателямъ и увѣщеваетъ ихъ „признать свою болѣзнь, чтобъ получить исцѣленія благодать“.

Какъ возраженіе, противъ дѣйствующаго въ мірѣ правосудія Божія, которымъ проповѣдникъ старался объяснить „различныя бывающія въ мірѣ несчастія“ вольнодумцы поставляли то, что часто виновные остаются ненаказанными, между тѣмъ какъ невинные страдаютъ.—Что касается перваго возраженія, то оно со стороны проповѣдника вызываетъ лишь замѣчаніе, что рѣшить его трудно, для сего, говоритъ онъ, надобно знать и родъ преступленія и намѣреніе его, и раскаяніе преступника или ожесточеніе....; тѣмъ не менѣ проповѣдникъ старается устранить это возраженіе чрезъ раскрытіе положительнаго ученія о томъ, что Богъ наказываетъ виновныхъ (¹). Со вторымъ возраженіемъ, что страдаютъ невинные, проповѣдникъ также соглашается неохотно; онъ все сводитъ къ первопричинѣ—грѣху. Нѣкоторыя сомнѣнія, какъ на примѣръ, „почему бы подвержены были различнымъ и иногда мучительнымъ болѣзнями и самые младенцы, кои кажутся быть неповинными, — у него находятъ объясненія вродѣ слѣдующаго: и сіе сумнѣніе не иначе рѣшить можно, какъ во-первыхъ тѣмъ, что мы всѣ въ беззаконіяхъ зачинаемся и во грѣхахъ рождаемся“. Приваравливаясь къ натуралистическимъ представленіямъ, — онъ продолжаетъ: „испорченная въ родителяхъ кровь и разстроенное тѣло, сообщившись младенческому тѣлу, можетъ и въ младенчествѣ причинить болѣзнь. А почему неповинные младенцы за родительскіе грѣхи подвергаются наказанію, сіе надлежитъ отнести къ непостижимымъ, впрочемъ праведнымъ, судьбамъ Божиимъ. Довольно для насъ, что мы сами изъ всегданшняго опыта сіе усматриваемъ, что

(¹) Сл. на д. Каз. иконы Бож. Мат. т. VI, 346, 354.

дѣти многіе по рожденіи болѣзнями страдаютъ, такъ какъ видимъ, что праведный Богъ попускаетъ дѣтямъ впасть въ бѣдность и нищету, проживъ безпутно то имѣніе, которое родители неправедно стяжали. Когда же самый опытъ сіе оправдываетъ, то посмѣемъ ли осуждать Божій порядокъ, что аки бы Онъ что-либо творилъ или попускалъ неправедно? Молчи, повинуйся и терпи съ благодареніемъ, и симъ, или облегчишь свое наказаніе, или еще стяжешь и животъ вѣчный; а чрезъ то довольно вознаградить Онъ твое страданіе и безроптательное терпѣніе“. Изъ этого надо исключить тѣ случаи, когда Богъ подвергаетъ кого-либо несчастію не по гнѣву, а по любви къ нему: *егоже любитъ Господь, наказуетъ*. „Сіе случилось на Іовѣ, сіе открылось на ономъ слѣпцѣ, о коемъ Спаситель сказалъ: *ни онъ согрѣши, ни родители его, яко слѣпъ родися: но да явятся дѣла Божія о немъ*. Проповѣдникъ объясняетъ это примѣромъ—царя, который, видя сына своего „крѣпка тѣломъ и мужественна духомъ, послалъ его на сраженіе съ непріятелемъ, дабы онъ, побѣдивъ его, прославилъ себя и восторжествовалъ; а чрезъ то бы и свое имя знаменитымъ вездѣ учинилъ и оказался бы достойнымъ быть царскаго престола наслѣдникомъ; а притомъ и родителю доставилъ бы удовольствіе и радость, и избраніе свое оправдалъ бы“. Сіе точно открылъ Богъ на Іовѣ и на слѣпцѣ евангельскомъ. Тоже видимъ мы и сами на многихъ“ (1)....

Подобнымъ образомъ проповѣдникъ рѣшаетъ возраженіе, какое дѣлали современники противъ христіанскаго ученія о предопредѣленіи, именно: къ чему Богъ создалъ человѣка, когда предвидѣлъ его паденіе и дальнѣйшую бѣдственную судьбу? — Въ словѣ на день Рождества Христова (2) проповѣдникъ гово-

(1) Сл. на недѣл. 10 по пятидесятницѣ, т. XX, 246—256.

(2) Т. XIX, 160

рить, что отъ невѣденія судебъ Божіихъ происходитъ, что человѣки по уму ослѣпленные, однако любопытные и дерзостные, отваживаются мыслить и говорить: почто Богъ создалъ Адама такимъ, чтобъ онъ согрѣшить могъ? Почто Онъ его не предохранилъ, или, такъ сказать, не удержалъ отъ паденія? Почто попустилъ ему въ таковое впасть несчастіе, да въ сію же пропасть опровергнуть и весь родъ человѣческій? Не лучше ли бы было его и не созидать, нежели созидать такимъ? „Проповѣдникъ въ паденіи Адама видитъ слѣды премудраго Божественнаго промысленія о человѣкѣ: до паденія человѣкъ былъ чистымъ, непорочнымъ и проч., но эта чистота и непорочность—были Божіи, а не его,—все было даръ, а не собственная заслуга. Было приобрѣтеніе, но не было побѣды. Между тѣмъ—и по человѣческому разсужденію приобрѣтенное собственными силами выше тѣхъ качествъ, которыми обладалъ человѣкъ до паденія—и побѣда открылась ему, по благому Божественному опредѣленію, послѣ паденія. „Открылся ему трудъ, открылся подвигъ, говоритъ проповѣдникъ, открылося усиліе,—борьба и проч.“. И награда за заслуги назначена лучшая: „вмѣсто рая тлѣннаго—рай на небесахъ, пребываніе вѣчное съ самимъ собою и проч.“. Правда, трудна для человѣка эта борьба; но Богъ не оставилъ его безпомощнымъ въ семь случаѣ... Проповѣдникъ остававливается на раскрытіи нравственнаго значенія, какое имѣло пришествіе Спасителя въ міръ. „Не можетъ изобрѣтенъ быть, говоритъ онъ, лучшій и высочайшій способъ, чтобъ насъ боящихся ободрить, недоумѣвающихъ вразумить, ослабѣвающихъ подкрѣпить, низлагаемыхъ возставить и наконецъ вкупѣ съ нами совершить побѣду. Помощь крѣпкая, сильная, надежная и тѣмъ дѣйствительнѣе, что Онъ самъ предстоитъ намъ въ образѣ человѣка“. Указавъ, далѣе, на заслуги Богочеловѣка для нашего спасенія, проповѣдникъ приходитъ къ тому конечному выводу, что мы приобрѣли несравненно болѣе, чѣмъ

потеряли, и увѣщиваетъ слушателей не роптать на промысль Божій, а благодарить Бога.

Современники Платона, однако, неудовлетворились этимъ; проникнутые пессимизмомъ они находились, что возразить и въ данномъ случаѣ: „нѣкоторые не увѣрены, говоритъ проповѣдникъ ⁽¹⁾—или непонимаютъ, чтобы рожденіемъ Іисуса Христа прибыло человѣческому роду; ибо, де, какъ міръ отъ начала своего созданія стоялъ до пришествія Христова, таковъ и нынѣ есть по пришествіи Его. Засталъ Онъ людей ядущихъ и піющихъ..., таковы они и нынѣ суть. Засталъ Онъ людей грѣшныхъ, не перемѣнили они и доселѣ нравовъ своихъ“... Мы не будемъ приводить здѣсь этого слова: само по себѣ оно не представляетъ ничего особеннаго. Но указанное возраженіе важно для насъ, такъ какъ въ связи съ нимъ стояло отрицаніе вольнодумцами самаго факта искупленія; обосновываясь на томъ, что грѣхъ не исчезъ съ лица земли съ пришествіемъ Спасителя, они естественно приходили къ тому выводу, что и искупленія отъ грѣха не было ⁽²⁾. Этому много способствовало и мнѣніе Вольтера о Іисусѣ Христѣ, котораго онъ считалъ простымъ человѣкомъ: по словамъ его, это—„маленькій Іудей“, который сдѣлался Богомъ лишь съ IV вѣка (съ никейскаго собора), а дотолѣ владычествовалъ на престолѣ одинъ Богъ Отецъ ⁽³⁾. Камнемъ преткновенія къ признанію искупленія для Вольтера, главнымъ образомъ служить тотъ пунктъ въ христіанскомъ ученіи объ этомъ предметѣ, что Богъ явился во плоти: это по Вольтеру безуміе. Въ своихъ аксіомахъ онъ говоритъ: „неразумно вѣрить въ Бога, который странствуетъ, говорить, дѣлается человѣкомъ, какъ человѣкъ умираетъ

⁽¹⁾ Въ сл. на день Р. Хр. т. V, 133—142.

⁽²⁾ Съ подобнымъ возраженіемъ встрѣчаемся въ словахъ другаго современнаго проповѣдника, Амвросія Подобѣдова (ум. въ 1818 г.). См. Собр. словъ, ч. I, 46—53 стр.

⁽³⁾ Перец. Екатер. съ Вольтеромъ, ч. II, 133 стр.

на крестѣ“ (¹). Надо полагать, это мнѣніе Вольтера было въ большемъ ходу у русскихъ вольнодумцевъ, такъ какъ проповѣдникъ въ своихъ словахъ объ искупленіи обращаетъ на него особенное вниманіе и старается показать его несостоятельность. И самый характеръ этихъ словъ его, поэтому—*полемическій* (²).

Слово на день Рождества Христова (³) проповѣдникъ начинаетъ изложеніемъ христіанскаго ученія о воплощеніи: „вѣра христіанская, говоритъ онъ, научаетъ насъ, что Величайшій и Непостижимый Богъ въ едино время явился на земли въ нашемъ видѣ, родился, жительствовавалъ съ нами, понесъ всѣ нужды намъ свойственныя, а наконецъ и умеръ—и естество наше тлѣнное и ничтожное осталось на вѣки съ Божествомъ въ соединеніи неразлучномъ. Вѣдаю, что сіе превосходитъ понятіе наше: вѣдаю же и то, что нѣкоторые или излишне надѣясь на свой разумъ, или ограничивая своимъ умомъ всемогущую силу, или непонимая величества благодати Божія, или нечувствуя дѣйствія любви Его въ сердцѣ своемъ,—всему тому не вѣрятъ и вымысломъ человѣческаго ума почитаютъ. Но для чего не вѣрить? Для того, де, что я того непонимаю. Да развѣ Богъ не иное что можетъ творить, какъ только что понимаетъ человѣкъ?... „Въ такой полемической формѣ проповѣдникъ доказываетъ, что отъ непониманія вещи, нельзя заключать къ ея небытію.... „О, сколь многія и великія и въ самомъ естественномъ порядкѣ дѣла и таинства должны погибнуть, если имъ и быть нельзя, коли ихъ мы непонимаемъ!... Воззримъ на солнце. Сіе огненное тѣло тысящу кратъ есть больше всяя земли. Понимаетъ ли мысль наша, какъ сіе огромнѣйшее тѣло чрезъ толико вѣковъ доселѣ горитъ и не сгораетъ? Имѣетъ ли

(¹) Труд. Кіев. ак. 1868 г. ч. I, 457.

(²) См. X т. 254; ср. XII, 407; XIX, 97; I, 150.

(³) 1781 г. т. X, 254.

сей солнечный огонь что ни есть для своего питанія? Ежели не имѣть: то какъ по нашему понятію можетъ какое-либо тѣло горѣть безъ питанія? Ежели имѣть: то, горя оно черезъ толико вѣковъ, откуда столько питанія имѣть, ибо по нашему разсужденію всего міра громада къ питанію его была бы недовольна; или давно бы уже вся истребилась? Понимаетъ ли одно сіе мысль наша? Почему же мы не отвергаемъ солнца, когда непонимаемъ сущности этого явленія: да еслибъ и отвергли, то подвергли бъ себя осмѣянію и не имѣющими ни чувствъ, ни смысла почитены бы были.... Но скажетъ ктонибудь изъ невѣрующихъ: не нужно, де, или непристойно, чтобъ толикаго величества Богъ до такого сошелъ униженія, дабы облекчися въ наше тлѣнное и ничтожное естество, понесъ бы всѣ тѣ немощи, которыя намъ смертнымъ свойственны. — Не нужно, или непристойно! горько восклицаетъ проповѣдникъ: „если не нужно, то сіе паки утвердить ни что иное есть, какъ хотѣтъ намъ входить въ таинство дѣлъ Божіихъ и полагать предѣлы безконечной премудрости Его: аки бы она не иное что должна предпринять, какъ что нашъ слабый разумъ почитаетъ за нужное... Что до втораго, аки бы то было непристойно, то почему“? Проповѣдникъ указываетъ далѣе на философовъ, которые признаютъ Бога присущимъ міру вообще и въ частности каждой вещи: „и невѣрующіе, говоритъ онъ, не опровергаютъ того, что Богъ вездѣ есть и вся исполняетъ“: онъ существомъ своимъ проникаетъ внутренность всякой вещи и наполняетъ ее такъ, что не остается ни малѣйшаго ни въ какой вещи мѣста, изъ коего существо Божественное было бы исключено и потому оно со всякою вещію тѣснѣйшимъ и неразлучнымъ соединено есть союзомъ“.... Отсюда проповѣдникъ съ смѣлостію заключаетъ къ возможности соединенія божественной природы съ человѣческою. „Можетъ быть, спрашиваетъ далѣе проповѣдникъ, непристойно то, что наши нужды Онъ понесъ и самую

смерть претерпѣлъ? Но это мы относимъ до человѣчества, которое и въ соединеніи съ Божествомъ въ человѣческихъ свойствахъ своихъ осталось неизмѣннымъ, а не относимъ до Божества "... „Ежели и можетъ, говоритъ онъ въ другомъ словѣ (¹), къ чемунибудь стремиться тщетное любопытство наше, то развѣ къ этому, для чего Богъ благоволилъ открыть намъ любовь свою такимъ образомъ, а не другимъ?“ „Но такое любопытство заключало бы тотъ смыслъ: для чего Богъ столько любитъ родъ человѣческій, что принятіемъ плоти нашей снисходитъ къ намъ—и ежели такія мысли происходятъ отъ сего ужаснаго расположенія, что аки бы или оное милосердіе Божіе для рода человѣческаго было не нужно, или, что аки бы оно должно быть другимъ образомъ, какъ человѣку думается, а не такимъ, какимъ Богъ благоизобрѣлъ: таковыя мысли не могутъ быть, развѣ твари суетмудренныя, ожесточенныя и погибельныя. О, человѣкъ, восклицаетъ проповѣдникъ: какимъ образомъ можетъ тебя возставить Божественный промыслъ, когда дерзаешь ты и самое Его къ тебѣ осуждать снисхожденіе? Можетъ ли порицаемъ быть врачъ, когда для исцѣленія твоея смертной язвы—терпитъ зловоніе и для сохраненія твоея жизни, жизнь свою въ опасность передаетъ? Можетъ ли попрекаемъ быть тотъ челоуѣколюбивый мужъ, который для извлеченія тебя впадшаго въ яму—во оную снисходитъ, презрѣвъ всѣ трудности и опасности“. Мы должны лишь удивляться любви Божіей и платить за эту любовь искреннею преданностію Богу и покорностію Его святой волѣ.

Такой же полемическій характеръ имѣютъ и слова Платона о безсмертіи (²). Мы остановимся на одномъ словѣ, которое отличается отъ другихъ своимъ

(¹) Т. XII, 409.

(²) См. т. XX, 19 стр. 326; IV, 355; V, 251 и др.

строго-полемическимъ характеромъ. Это слово на день Вознесенія, сказанное въ 1803 г. Проповѣдникъ въ началѣ говоритъ о томъ, какъ должно быть утѣшительно ученіе о безсмертіи для истиннаго христіанина, который свое жилище полагаетъ на небесахъ. „Но не столь оно желательно, говоритъ проповѣдникъ, а паче отвратительно для человѣка къ землѣ приверженнаго“. Почему? Возможно ли, удивляется проповѣдникъ, чтобъ идти противу общаго мнѣнія, идти противу самого себя, то есть, не желать себѣ наилучшаго счастія, а ограничивать себя краткостію сей жизни и осуждать самого себя къ невозвратному тлѣнію и къ потерянію всего здѣшняго чрезъ смерть, которая каждый часъ грозитъ его посѣчь? Возможно ли, чтобъ такое мнѣніе могъ человѣкъ себѣ присвоить, не имѣя весьма сильныхъ и убѣдительныхъ къ тому резоновъ? Послушаемъ мы ихъ.... Истинный христіанинъ! возъмѣй терпѣніе выслушать сихъ вольнодумческаго ума мудрыхъ и чудесныхъ резоновъ; и что нибудь на нихъ возовѣтствуй и, коли можешь, возрази; и ежели счастливо его мудрованіе опровергнешь, приобрѣтешь себѣ славу, а ему доставишь счастіе, выведши его изъ заблужденія“. Такимъ образомъ дальнѣйшее содержаніе слова излагается въ формѣ спора между вольнодумцемъ и христіаниномъ. „Вотъ вольнодумца мудрые резоны!“ продолжаетъ проповѣдникъ. „Онъ говоритъ (т. е. вольнодумецъ): мы такъ же родимся, какъ и всѣ животныя; почему такъ же и умремъ. Христіанинъ на то отвѣтствуетъ: видимое наше по тѣлу рожденіе есть конечно сходственно съ рожденіемъ прочихъ животныхъ; но по душѣ, оживляющей тѣло, есть величайшее различіе. Она вдохновенна отъ Бога; она есть, яко нѣкій потокъ, проистекшій изъ источника Божества; въ ней сіяетъ образъ Божій и подобіе; а потому, какъ симъ, такъ и безсмертіемъ, должна быть Ему подобна, каковаго великаго преимущества прочія животныя не удостоены. Вольнодумецъ настоитъ: въ насъ души нѣтъ, а только одна плоть и

кровь ; одно тѣло, въ такой отъ природы порядокъ устроенное, что можетъ и мыслить и чувствовать: когда же сей порядокъ, какъ одежда, отъ времени изветшаетъ или отъ случая издерется, то и все тѣло, а съ нимъ и весь человѣкъ, яко въ одномъ только тѣлѣ состоящій, разрушится и исчезнетъ. Христіанинъ на сіе отвѣтствуетъ; я тебя, души въ человѣкѣ непризнающаго, имѣлъ бы право назвать бездушнымъ, еслибъ не зналъ, что ты сіе почтешь себѣ порицаніемъ и безчестіемъ. Но оставя сіе, хочу знать, кто тебѣ открылъ сіе таинство и чрезъ какую удивительную мудрость усмотрѣлъ ты, что все дѣйствія въ человѣкѣ происходятъ отъ единого тѣла, въ порядкѣ отъ природы приведеннаго? Посмотримъ мы вкупѣ съ тобою на человѣка и на дѣйствія его. Я вижу, что тѣло есть ограниченно, но дѣйствія человѣческаго размышленія, разумѣнія, знанія, мудрости, суть не ограниченны. Человѣческій умъ испытуетъ свойства всѣхъ тварей, проникаетъ во глубину внутренности ихъ, которая никакому дѣйствию чувствъ совсѣмъ неприступна. Восходитъ на небеса и выше ихъ и смѣло изслѣдываетъ превыспренняя. Никакое разстояніе мѣсть, никакая высота, ни глубина, никакая внутренность, никакая сокровенность, ни мало не препятствуетъ человѣческому уму производить свои испытанія, разсужденія, заключенія, положенія, и все сіе дѣлаетъ онъ не иначе, какъ бы то видѣлъ своими очами, конечно не тѣлесными. Какъ все сіе тѣлу, самымъ малымъ кругомъ воздуха и мѣстнаго положенія совершенно ограниченному, какъ все сіе тѣлу присвоить возможно? Да не только таковыя выше тѣла безконечно простирающіяся испытанія и знанія тѣлу приписать невозможно: но ниже самыя дѣйствія чувствъ, яко—то видѣть, или слышать и прочее. Мы видимъ очами, и слышимъ ухомъ: но что есть само по себѣ око, что есть ухо? Есть одна часть тѣла или, просто сказать, кусокъ мяса? Сей кусокъ самъ собою видѣть, самъ собою слышать никакъ не можетъ, такъ

какъ и другая по всему подобная часть того же тѣла, яко—то рука или нога. А чтобъ око видѣло и ухо слышало, потребенъ въ тѣлѣ духъ животворящій и самодвижительный, который бы органы ока и уха, съ различнымъ ихъ мудрымъ устроениемъ, приводилъ въ движеніе и дѣйствіе. Итакъ око видитъ и ухо слышитъ; или справедливѣе сказать, не око видитъ и не ухо слышитъ, но душа, чрезъ орудія ока или уха, видитъ и слышитъ. Орудія, безъ дѣйствующаго ими, ничего не дѣйствуютъ, такъ какъ всѣ музыки орудія, безъ управляющаго ими человѣка, молчатъ и ничѣмъ отъ всякаго другаго дерева или металла не различествуютъ. Око и ухо безъ души ни видѣть, ни слышать не могутъ. И хотя также и душа, когда разстроятся сіи орудія, чувственно чрезъ нихъ не видитъ и не слышитъ: но мыслию и умомъ безпрепятственно и тогда все видитъ и слышитъ. — Тоже и о прочихъ дѣйствіяхъ чувствъ сказать истина велитъ. Сходственно съ симъ весьма глубоко мудрствуетъ святой пророкъ и царь: *насажденъ ухо не слышитъ ли, или создавъ око, не смотритъ ли; учай человека разуму, не обличитъ ли?* Сіи слова хотя прямо доказываютъ то, что когда ты человѣкъ и видишь и слышишь и разумѣешь: кольми паче Тотъ все видитъ и слышитъ и все знаетъ, который сими дарованіями человѣка снабдилъ. Но сіи же слова и ту заключаютъ въ себѣ силу, что когда Богъ все видитъ и все слышитъ, то конечно не чрезъ око и не чрезъ ухо, но яко Духъ вездѣсущій, животворящій и нетлѣнный; то подобно и человѣку давъ око и ухо, вліялъ въ него духъ отъ Духа своего животворящаго и нетлѣннаго, который бы чрезъ око и ухо, яко чрезъ своя орудія, и видѣлъ и слышалъ. Изъ всего сего видимъ, что таковыя дѣйствія человѣка никакъ единому тѣлу присвоить не можно. А ясно и свободно можемъ и должны утвердить, что есть въ человѣкѣ душа, духъ нетлѣнный и неразрушаемый, яко отъ вѣчнаго, безсмертнаго Духа приистекшій и съ нимъ сходствен-

ный, яко носящій Ею образъ. На сіе, незнаю, что еще вольнодумецъ изобрѣтетъ сказать. Вѣроятно, вызовется онъ, что всякъ можетъ разсуждать посвоему: и имѣя острый оборотъ разума, можетъ и ложь представить, яко истину и тѣмъ и себя и другихъ въ заблужденіе привести. На сіе христіанинъ отвѣтствуетъ: конечно, всякъ можетъ разсуждать посвоему; но никто не можетъ до таковаго безумія дойти, чтобъ всякое разсужденіе почитать сумнительнымъ и никакова ни въ чемъ не оставалось бы различія между лежею и истиною. Ежели наше разсужденіе было бы сумнительно и нетвердо, то почему же бы трое было не таково? Но наше о безсмертіи души и о будущей жизни разсужденіе, сверхъ оныхъ видимыхъ доказательствъ, утверждаютъ богодухновенные всѣхъ вѣковъ мужи, утверждаетъ самъ Богъ словомъ своимъ, и Божественнымъ откровеніемъ своимъ. Но на сіе тотчасъ вольнодумецъ отзывается: да почему, де, вы увѣрены, что почитаемое вами словомъ Божіимъ, есть слово Божіе, и что предавшіе сіе мнѣніе были мужи богодухновенные? На сіе христіанинъ отвѣтствуетъ, что увѣренія сего онъ ему объяснить не можетъ. Ибо оно сокровенно въ душѣ и запечатлѣно въ совѣсти, при свидѣтельствѣ единого Бога. А говоря съ нимъ, яко съ человѣкомъ ничему не вѣрующимъ, долженъ ему и отвѣтствовать почеловѣчески. Ты не вѣруешь слову Божію и мужамъ богодухновеннымъ, предавшимъ оное: дозвожь же и намъ не вѣрить твоимъ мудрецамъ, называющимъ себя философами. Почеловѣчески говоря, теперъ обѣ стороны стали равны: и только то пагубное изъ сего выходитъ слѣдствіе, что и мы равно остаемся въ неизвѣстности. Но когда посмотримъ безпристрастно на обѣ стороны, видимъ, что съ нашей стороны всѣ вѣка, всѣ народы, всѣ просвѣщеннѣйшихъ мужей ученія и писанія и преданія, да и таковыхъ мужей, кои истину сію утвердили примѣрно святостію житія, а нѣкоторыя даже вѣру сію запечатлѣли кровію своею. А съ вашей

стороны, нѣкоторая малая толпа, гордо и дерзновенно называющая себя философи и коихъ мудрованія тѣмъ меньше вѣроятны, что и они сами надмѣнны самолюбіемъ и честолюбіемъ, жадны къ корысти; хитроушной души и всѣхъ страстей послѣдователи, безъ угрызенія совѣсти: какъ то недавно въ одной странѣ всѣмъ доказаль страшный и несчастливый переворотъ. И такъ кто же, сколько нибудь имѣя просвѣщенія и честности, не пристанеть паче къ нашей достовѣрнѣйшей сторонѣ, нежели къ оной суемудренной и безчеловѣчной?...

Подъ „страшнымъ и несчастливымъ переворотомъ“ проповѣдникъ безъ сомнѣнія разуметь французскую революцію 1792 г., которая навела тогда ужасъ на всю Европу. Проповѣдникъ изъ скромности умалчиваетъ о слѣдствіяхъ, какія влекло за собою отрицаніе безсмертія души въ жизни его соотечественниковъ, хотя безъ сомнѣнія ихъ-то и имѣеть въ виду главнымъ образомъ.

Думая, что жизнь есть мимолетный даръ ⁽¹⁾, которымъ надо пользоваться, пока есть время, вельможные русскіе люди не стыдились пользоваться для достиженія своихъ цѣлей „всеми безчестнѣйшими средствами, нисколько не думая о добродѣтели, нисколько не воздерживаясь отъ пороковъ, всегда пріятныхъ чувствамъ“ ⁽²⁾. А такъ какъ высшее дворянское общество жило тогда на счетъ низшаго класса общества, то порочность перваго слишкомъ бѣдственно

---

(1) Вспомнимъ здѣсь извѣстное стихотвореніе Державина:

Сей день иль завтра умереть (говорить поэтъ)
 Перфильевъ, должно намъ, конечно;
 Зачѣмъ же плакать и скорбѣть,
 Что мертвый другъ жилъ не вѣчно?...
*Жизнь есть небесъ мгновенный даръ,
 Устрой ее себѣ къ покою!...*

(2) Амвросій Подобѣдовъ, въ словѣ о «безсмертіи души», ч. II, стр. 73.

отразилась на послѣднемъ. Удовлетворяя своимъ стра-
 стямъ, „помѣщики безъ всякой нужды и милосердія
 мучили крестьянъ, отнимали у нихъ все то, что имъ
 попадалось въ глаза и чрезъ то приводили въ неска-
 занную бѣдность, отъ которой они никакъ не въ со-
 стояніи избавиться“ (1). Этимъ вполне объясняется
 строгость и рѣзкость обличенія, котораго нельзя не
 замѣтить въ приведенномъ словѣ Платона о безсмер-
 тии души.

А. Надежинъ.

(Продолженіе будетъ)

---

(1) Свидѣтельство современника Полѣнова, смотр. соч. Незеленова
 «И. Ив. Новиковъ», стр. 71.

БОГОСЛУЖЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ЗА ПЕРВЫЕ ПЯТЬ ВѢКОВЪ.

Анализъ чина нашей древней литургіи, сдѣланный г. Одинцовымъ отличается большею обстоятельностью и полнотою, чѣмъ все другія разсмотрѣнные нами чинопослѣдованія. Справедливость требуетъ замѣтить, что изложеніе особенностей въ чинѣ литургіи до XVI вѣка едвали не лучшая часть въ сочиненіи г. Одинцова. Впрочемъ, это и неудивительно. Еще раньше появленія труда его уже извѣстна была въ нашей литературѣ брошюра іеромонаха Филарета: „Чинъ литургіи св. Іоанна Златоуста по изложенію старопечатныхъ, новоисправленныхъ и древлеписменныхъ служебниковъ“, которой пользовался нашъ авторъ и въ которой съ необычнымъ усердіемъ выбраны все, даже мелкія особенности этого чина. Слѣдовательно, было бы неизвинительно, если бы и здѣсь нашъ авторъ оказался поверхностнымъ, какъ это было прежде, а слѣдовательно, едвали даже и можно ставить ему въ заслугу полноту анализа. Анализъ былъ сдѣланъ раньше, оставалось подыскать объясненія для всехъ тѣхъ особенностей, какія отмѣчены были Филаретомъ, трудъ этотъ принялъ на себя г. Одинцовъ, но выполнилъ его далеко не безупречно. Сказать лучше, что эти-то объясненія особенностей древне-русскаго чина литургіи составляютъ слабую сторону разбираемой части его книги.

Обозрѣвая особенности въ древнемъ чинѣ нашей литургіи, г. Одинцовъ обратилъ прежде всего свое вниманіе на изложеніе входныхъ молитвъ, положенныхъ читать священнику предъ началомъ литургіи. Такъ называемыя входныя молитвы неизвѣстны были до XIV вѣка. Но и въ это время молитвы эти, по словамъ нашего автора, составляли въ богослужбной практикѣ церкви русской еще исключеніе изъ общаго установившагося въ предшествовавшіе вѣка порядка — читать предъ началомъ литургіи молитвы, какъ за себя, такъ и за входящихъ въ церковь и за живыхъ и за умершихъ. Пока извѣстны только два памятника, въ которыхъ „входное“ приближается по своему составу къ „входному“, что подъ нимъ обыкновенно разумѣютъ въ наше время. По одному памятнику священникъ при входѣ въ храмъ читаетъ: „Радуйся двере Божія“ и „Непроходимая двере, тайно знаменана“, у царскихъ дверей „Пречистому Твоему образу“, а входя въ алтарь — псалмы: 14, 22, Трисвятое, Отче нашъ, „Помилуй насъ Господи“ слава и нынѣ „Милосердія источникъ“ и тропари дневнаго святаго и храма. За этимъ непосредственно слѣдовало умовеніе рукъ съ пѣніемъ 50 псалма и чтеніе пяти молитвъ, которыя были еще извѣстны въ богослужбной практикѣ нашей церкви въ XII вѣкѣ (стр. 116). Молитвы эти слѣдующія: 1) „Владыко Господи, Боже вседержителю, не хотяй смерти грѣшникомъ“, 2) „Владыко Господи, Боже, нынѣ хотяща приступити къ страшнѣй Ти и чуднѣй тайнѣ“, 3) „Молю Тя Господи, Боже нашъ, нынѣ хотяща приступити“, 4) молитва „за входящія въ церковь“: „Благодѣтелю всѣхъ и твари всяческой Содѣтелю“ и 5) „молитва за живыя и за мертвыя“: „Господи Боже истинный, услышавый на вся уповающая на Тя“ (Опис. огд. III, I, 1, 2). По другому памятнику священникъ предъ литургіею читалъ молитвы: „Пречистому Твоему образу“, „Непроходимая двере“, псалмы: 14, 22, 50, Трисвятое, „Отче нашъ“, „Помилуй насъ Господи“,

„Господи низпосли руку Твою“ и „Владыко Господи, Боже вседержителю, не хотай смерти грѣшникомъ“. Къ указаннымъ выше молитвамъ XII вѣка, въ XIV вѣкѣ присоединилась еще молитва „Боже вседержителю, великоименитый Господи“ и молитва Святому Духу „Царю небесный“, при чемъ священникъ три раза кланялся предъ престоломъ (стр. 115, 116). Разнообразіе въ изложеніи входнаго въ памятникахъ XV вѣка значительно возросло. Нашему автору пришлось прибѣгнуть уже къ систематизации этого разнообразія, чтобы хотя нѣсколько разобраться въ немъ. Онъ нашелъ, что при всемъ своемъ разнообразіи, списки входныхъ молитвъ могутъ быть сведены къ четыремъ основнымъ редакціямъ. Послѣдняя и самая распространенная редакція входнаго изложена у нашего автора въ такомъ видѣ: „на пути въ церковь священникъ читалъ: „Гласъ радости“, „Проліяша стопы моя“, псалмы: „Господи кто обитаетъ въ житницѣ Твоемъ“ и „Господь пасеть мя“, при входѣ въ храмъ— „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, „Достойно есть“, слава и нынѣ „Господи помилуй“ дважды, „Господи благослови. За молитвы Пречистыя Твоея Матери (аще есть храмъ или праздникъ Богородицы) честнаго и славнаго ея, имя рекъ, силою честнаго и животворящаго креста и святаго ангела хранителя моего и святыхъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“. Послѣ этого, ставъ передъ царскими дверями и, возложивъ на себя епитрахиль, священникъ читаетъ: „Радуйся двере Божія“, „Подъ Твою милость“, Господи отыми отъ мене беззаконія моя“, „Непроходимая двере“—и кланяется какъ предъ царскими дверями, такъ и къ сторонамъ правой и лѣвой. При поклонѣ къ правой сторонѣ читаетъ: слава—„Входяй въ домъ Твой“ и нынѣ „Бога изъ Тебя воплощшагося“; при поклонѣ къ лѣвой сторонѣ: „Господи, устнѣ мои отверзи на мольбу“, „Пречистому Твоему образу“ и „О Тебѣ радуется“; если недѣля, то тропарь воскресень и Благовѣщенію, потомъ тро-

пари храма, Златоуста и дневнаго святаго. Также, цѣлуя образъ Спасовъ на правой сторонѣ, священникъ молится: „Господи Иисусе Христе, иже симъ образомъ явлься“, цѣлуя на лѣвой сторонѣ образъ Пресвятыя Богородицы: „Пресвятая Богородице не забуди людей своихъ“, цѣлуя же на царскихъ вратахъ образъ Благовѣщенія Богородицы, читаетъ тропарь Благовѣщенія. Послѣ этого цѣлуетъ и всѣ другія иконы, читая тропари и кондаки тѣхъ святыхъ, которые на нихъ изображены. Входя къ жертвеннику, священникъ произноситъ молитву: „Господи низпосли руку Твою“, а вошедши и ставши предъ престоломъ, читаетъ молитвы: „Владыко, Господи вседержителю, не хотяй смерти грѣшника“, Господи, Боже нашъ, единъ благъ и челоуѣколюбецъ“, Господи Боже нашъ, Сыне и Слове Бога живаго“, „Господь премилостивый да ущедрить тя“ и наконецъ молитву надъ виномъ: „Господи Боже нашъ, благій и челоуѣколюбче призри на вино се“ (стр. 197). Остальные списки входнаго представляютъ ни больше ни меньше, какъ варианты сейчасъ приведеннаго; въ однихъ—молитвы эти имѣютъ иной распорядокъ, въ другихъ—число ихъ далеко не достигаетъ указаннаго сейчасъ списка и т. д. Но помимо всего этого извѣстно очень много такихъ памятниковъ за періодъ времени съ XIV по XVI вѣкъ, въ которыхъ входное состоитъ изъ одной только молитвы: „Господи низпосли руку Твою“ (Филаретъ „Чинъ литург. Іоанна Златоуста стр. 19). Такое разнообразіе списковъ не могло не вызвать нашего автора на рѣшеніе такихъ вопросовъ: какимъ образомъ совершилось это наслоеніе входнаго? Гдѣ причина этому? Отвѣчая на нихъ онъ пишетъ: „принимая во вниманіе то, что въ нашихъ служебникахъ мы находимъ всѣ ступени увеличенія числа молитвъ, положенныхъ для чтенія священнику предъ литургіею, можно съ вѣроятностію думать, что указанный составъ ихъ постепенно образовался въ Россіи, хотя сами онѣ несомнѣнно грече-

скаго происхожденія. Русское происхожденіе этой части литургіи подтверждается до нѣкоторой степени тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ редакціи молитвъ, положенныхъ для чтенія священнику предъ литургіею, начиная отъ самой краткой и кончая самой обширной, мы находимъ въ служебникахъ, принадлежащихъ почти къ одному вѣку (стр. 198). Съ своей стороны мы не беремъ на себя смѣлость утверждать, что такой составъ входнаго имѣетъ для себя оригиналь въ практикѣ греческой церкви, но есть нѣкоторыя данныя, которыя даютъ намъ право думать, что если не вполне, то, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части наше входное греческаго происхожденія или же древне-славянскаго. Въ одномъ изъ криптоферратскихъ списковъ (IX в.) чина литургіи мы находимъ слѣдующія молитвы, имѣющія поразительное тожество съ молитвами нашего входнаго: *Εὐχὴ, ἣν λέγει ὁ ἱερεὺς πρὸ τοῦ εἰσελθεῖν τὸ ἱερόν ὅπου λειτουργεῖ. «Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν ἐξαπόστειλον τὴν χεῖρα σου ἐξ ὑψοῦς κατοικητηρίου σου»* и *εὐχὴ, ἣν λέγει ὁ ἱερεὺς, ὅταν εἰσβαίνει. «Εἰσελεύσομαι εἰς τὸν οἶκόν σου»* (1). Извѣстные уже намъ глаголическіе листки славянскаго служебника, описанные И. И. Срезневскимъ, содержатъ въ себѣ слѣдующія молитвы входнаго: „егда хотяща въ церковь внити“, „Господи вниду въ храмъ Твой, поклонюся къ церкви святѣй Твоей“, 107 псаломъ до конца тако рци: „Готово сердце мое Боже“ и молитва цѣлуяште крестъ: „Господи Иисусе Христе, Спасе нашъ, иже ны крестнымъ мученіемъ“ (2). На этомъ обрывается изложеніе входнаго въ этомъ весьма цѣнномъ во многихъ отношеніяхъ памятникѣ глубокой древности. Можно однако думать, что въ дальнѣйшемъ своемъ послѣдованіи

(1) *Ευχολογ.* Coar. pag. 104.

(2) Записки Импер. Ак. Наук. т. 4, кн. 1, 1863 г. стр. 23; Извѣст. Импер. археол. общ. т. 4, вып. 6, 1863 г. стр. 491; Труд. Кіев дух. ак. 1877. кн. 10, стр. 101.

глаголическій служебникъ содержалъ и другіе тропари нашего входнаго при цѣлованіи иныхъ иконъ. То, между прочимъ, обстоятельство, что молитвы входнаго въ глаголическомъ служебникѣ имѣютъ сходство съ нашими только въ написаніяхъ и въ началахъ, но въ своемъ продолженіи и окончаніи представляютъ значительную разницу отъ этихъ послѣднихъ не должно насъ смущать; для насъ достаточно и того, что мы можемъ сказать, что входное юго-славянскихъ памятниковъ излагается почти такъ же, какъ и въ нашихъ старинныхъ славяно-русскихъ памятникахъ. Въ *Ευχολογιον*-ѣ венеціанскаго изданія находится входное, всѣ тропари котораго нашли себѣ мѣсто въ нашемъ настоящемъ входномъ и которые были въ памятникахъ XV вѣка (¹). Но представленные нами списки входнаго въ церквахъ греческой и юго-славянскихъ далеко не исчерпываютъ и половины того количества тропарей и кондаковъ, какое мы видѣли въ нашихъ служебникахъ XV в., тѣмъ не менѣе мы не теряемъ надежды и даже въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ видѣть памятники древне-греческаго богослуженія, въ которыхъ прочтемъ и тропари, и кондаки, и молитвы нашего входнаго. Мы разумѣемъ обѣщанный трудъ преосвященнаго Порфирія Успенскаго „Богослуженіе въ греческой церкви“. Преосвященный Порфирій долго и много путешествовалъ по востоку, съ небывалымъ усердіемъ знакомился съ сокровищами восточныхъ библиотекъ и, по всей вѣроятности, собралъ очень много любопытнаго и для исторіи нашего православнаго богослуженія. Наша надежда крѣпнетъ на томъ основаніи, что въ своихъ „Запискахъ синайскаго богомольца“, описывая библиотеку этого монастыря и рассматривая ея „илитаріи“, онъ напалъ на одинъ рѣдкій очень илитарій X вѣка, въ которомъ нашелъ

(¹) *Ευχολογ.* Edit. Venet. 1856. а. 7; *Ευχολ.* Goar. pag 87.

входные тропари и кондаки (¹). Мы весьма сожалѣемъ, что нашъ почтенный археологъ ориенталистъ не перечислилъ ихъ въ этихъ же „запискахъ“, но мы увѣрены, что эти тропари и кондаки войдутъ въ обѣщанный имъ трудъ. Мы имѣемъ смутную надежду видѣть здѣсь входные тропари въ томъ количествѣ и въ такомъ же расположеніи, въ какомъ они находятся въ нашихъ служебникахъ разсматриваемаго времени. Эта надежда имѣетъ для себя основаніе въ изданной г. Новиковымъ въ его „Древней россійской вивліоѣкѣ“ граматѣ, въ которой всѣ эти тропари надписываются именемъ Германа, епископа константинопольскаго (²): „О святыхъ и пречистыхъ иконахъ Германа, патріарха Константина града“. Что же касается тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ входное состоитъ всего только изъ одной молитвы: „Господи низпосли руку Твою“, то такихъ памятниковъ много и въ практикѣ церкви греческой (³). Въ одномъ изъ греческихъ памятниковъ дѣлается замѣчаніе, что эта молитва читалась трижды: (*λέγουσιν ταύτην ἐκ τριτοῦ*) (⁴). Молитва за входящія въ церковь имѣется въ Барбериновскомъ спискѣ литургіи съ надписью: „*εὐχή τῆς εἰσόδου*“ (⁵). Для всѣхъ остальныхъ молитвъ можно подыскать оригиналы въ памятникахъ греческой церкви. Нѣкоторые изъ нихъ входятъ въ составъ чина покаянія, нѣкоторые стоятъ наряду съ молитвами предъ св. причащеніемъ, а нѣкоторые имѣются просто между молитвами на различные случаи. Поэтому вопросъ о происхожденіи нашего входнаго рѣшати окончательно не время, его только можно

(¹) Труды Кіевск. дух. акад. т. I, 1873 г. стр. 416.

(²) Древн. Вивліоѣ. 1790 г. ч. XIV, стр. 253.

(³) *Тулм.* рки. м. Синод. библи № 381, л. 24, 196; *Еυχолог.* Гоар. pag. 94; Служеб. Евѣим. Тырновскаго (Гласник серпск. ученог. друшт. 1869 г. кн. 8, стр. 289).

(⁴) *Еυχол.* Гоар. pag. 94.

(⁵) *Ibid.* pag. 98.

предрѣшать при настоящемъ изученіи богослужбныхъ памятниковъ другихъ единовѣрныхъ церквей и предрѣшать въ томъ смыслѣ, что если не вполнѣ, то въ большей своей части, наше входное имѣетъ своимъ оригиналомъ памятники греческой церкви или церквей юго-славянскихъ.

Весьма странно нашъ авторъ объясняетъ происхожденіе словъ: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Савваоѡ“, которыя въ памятникахъ XV вѣка положено было читать діакону, при возложеніи на плечо ораря. Сказавши, что эта особенность „не имѣла для себя основаній въ богослужбной практикѣ церкви греческой“, г. Одинцовъ прибавляетъ, что „своимъ происхожденіемъ она обязана, можетъ быть, тому, что на самомъ орарѣ, какъ знаменующемъ ангельскія крылья, вышивались иногда указанные слова. Весьма возможно предположить, что въ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ имѣлся орарь съ указанною особенностію, положено было и діакону произносить указанные слова“ (стр. 200). Мы уже не говоримъ о томъ, что въ данномъ случаѣ практика нашей церкви представляла положительное тожество съ богослужбной практикой церкви болгарской ⁽¹⁾, не упоминаемъ о томъ, что въ греческой церковной практикѣ были въ употребленіи орари съ надписью: „*Άγιος, ἅγιος, ἅγιος*“ ⁽²⁾, — мы останавливаемся только на самомъ объясненіи г. Одинцова, потому что изъ него можно сдѣлать весьма любопытныя заключенія. Съ точно такимъ же, напр., правомъ и на томъ же самомъ основаніи можно заключать, что „символь вѣры“ стали читать при богослуженіи потому, что слова его вышиты на поляхъ саккоса митрополита Фотія ⁽³⁾, или еще лучше—мо-

(1) Служебн. Евѡнїя Тырновскаго (Гласн. 8 кн. стр. 290).

(2) *Ευχολογ.* Гоар. pag. 147.

(3) Указатель для обзор. Москов. патриаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и библиотекъ арх. Саввы 1855 г. стр. 33.

литва: „*οἱ ἱερεῖς σου Κύριε ἐνδύσονται δικαιοσύνην*“... потому явилась въ греческихъ служебникахъ съ указаніемъ читать ее священнику, при возложеніи фелони, а епископу при возложеніи на себя саккоса, что на одномъ изъ цареградскихъ саккосовъ вокругъ ворта по атласу питы золотомъ греческія слова этой молитвы (¹). Эта одна несообразность. Другая заключается въ томъ, что слова: „Святъ, Святъ, Святъ“ читались только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣлись орари съ этою надписью. Пользуясь этимъ объясненіемъ нашего автора, можно, на примѣръ, сказать, что въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ читались діакономъ эти слова, потому что намъ извѣстно, что въ ризницѣ этого собора имѣется подобный орарь (²), но о московскомъ Успенскомъ соборѣ или Чудовомъ монастырѣ мы этого не можемъ сказать, потому что нѣтъ никакихъ извѣстій о существованіи подобныхъ орарей въ ризницахъ этихъ древнихъ московскихъ святынь, хотя всѣ эти храмы находятся другъ отъ друга на разстояніи десяти или пятнадцати шаговъ. Очевидно, представленное нашимъ авторомъ объясненіе не выдерживаетъ и слабой критики. А явилось оно въ слѣдствіе незнакомства его съ служебникомъ Евѣимія Тырновскаго, въ которомъ тѣже слова читаетъ діаконовъ при возложеніи ораря. Слѣдовательно, не потому стали читать „Святъ, Святъ, Святъ“ при возложеніи ораря, что на немъ нашиты они, но потому сталишивать ихъ на орари, что въ служебникѣ они положены для чтенія при этомъ дѣйстви.

Сображенія относительно молитвы: „Емше Иисуса связавше“, положенной для чтенія при возложеніи епитрахилиа (стр. 129), мы признаемъ правительными, но его объясненіе появленія въ служебникахъ словъ:

(¹) Указатель для обозр. Москов. патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и библ. арх. Саввы 1855 г. стр. 42.

(²) О. Лебедевъ «Московскій каедр. Архангел. соборъ» 1880 г. стр. 317.

„Десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе мя“, которыя священникъ читаль при возложеніи поручи на правую руку тѣмъ обстоятельствомъ, что „писецъ, руководствуясь чисто механической ассоціаціей, замѣнилъ слова, которыя должно было произносить священнику, словами псалма 117, ст. 15“ (стр. 202), мы считаемъ положительно невѣрнымъ. Слова эти явились въ нашей богослужебной практикѣ потому, что они тоже назначеніе исполняли въ практикѣ церквей греческой ⁽¹⁾ и болгарской ⁽²⁾ и отсюда перенесены были въ наши служебники.

Умовеніе рукъ діакономъ, послѣ облаченія и при началѣ совершенія проскомидіи, отдѣльно отъ священника — не есть произвольный переносъ указаннаго дѣйствія писцомъ съ одного мѣста на другое, — какъ говоритъ г. Одинцовъ (стр. 201), а прямое подражаніе практикѣ сербской церкви ⁽³⁾.

Проскомидія совершалась до конца XV вѣка, согласно съ практикою греческой церкви, и діаконами, но послѣ совершенія, впрочемъ, ея священникомъ (стр. 203). Однако практика—совершать проскомидію діакону послѣ священника — выработалась уже въ XIV вѣкѣ (стр. 117), но до этого времени въ XII (стр. 60) и XIII вв. напр. ⁽⁴⁾ діаконовъ могъ совершать проскомидію и одинъ безъ священника. Можно думать, что и оставленъ былъ этотъ обычай опять-таки подъ вліяніемъ практики церкви константинопольской. Въ *Ευχολογιον*-ѣ, напр. XVI в., мы читаемъ такую замѣтку: *Ἰστέον ὅτι ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ οὐχ οὕτω γίνεται, ἀλλ' ὁ διάκονος διδῶσι τῷ ἱερεί τὴν προσφορὰν, καὶ μνημονεύαντος τοῦ διακόνου κατὰ νοῦν, ὧν*

(1) *Тулн.* ркп. м. Спн. библ. № 381, л. 24, 196.

(2) Гласн. српск. ученог. друшт. 1869, кн. 8, стр. 290.

(3) Венец. изд. Служ. 1519, 1554, 1570 гг. л. 4 об.; Служ. Угро-Валах. собр. Севаст. XVI в. № 25, л. 9.

(4) Ист. библ. т. VI, стр. 134.

ἔχει ζώντων καὶ τεθνεώτων, ὁ ἱερεὺς αἶρει τὰς μερίδας (¹).

Число просфоръ, употреблявшихся на проскомидіи, на пространствѣ первыхъ пяти вѣковъ, не было вполне опредѣленно. По нѣкоторымъ памятникамъ литургію можно было служить въ крайнемъ случаѣ на одной просфорѣ (стр. 59), по другимъ на трехъ (стр. 60, 118, 205), четырехъ (стр. 118), на пяти (стр. 118, 205), на шести и наконецъ на семи просфорахъ (стр. 205). Такая неустойчивость указаній относительно числа просфоръ на проскомидіи въ нашихъ богослужебныхъ памятникахъ зависѣла отъ того, что и практика греческой церкви не отличалась развѣ навсегда установившимся обычаемъ въ этомъ отношеніи, а смотря по обстоятельствамъ подвергалась тоже колебаніямъ. Хартофилаксъ, константинопольской церкви, жившій въ концѣ XI вѣка, на предложенный ему вопросъ: „можно ли служить литургію съ одной просфорой“, отвѣчалъ: „если нѣтъ памяти святаго, или (поминовенія) умершаго, то нѣтъ никакого препятствія“ (²). Въ случаѣ крайней нужды практика греческой церкви допускала совершеніе литургіи и на простомъ хлѣбѣ, но по совершеніи надъ нимъ нѣкоторыхъ обрядовъ. На вопросъ Арсенія (Суханова) къ патріарху александрійскому Іоанникію въ 1652 году: „аще въ пустынѣ просфоры не будетъ, можно ль, порѣзавъ простой хлѣбъ въ части и надъ тѣмъ служить“, этотъ послѣдній отвѣчалъ: „мощно, вырѣзавъ изъ хлѣба часть и назнаменовавъ крестъ, и надписавъ ІС ХС, и надъ тѣмъ служить“ (³). Во второмъ криптоферратскомъ спискѣ литургіи Іоанна Златоуста находимъ указаніе только на двѣ просфоры.

(¹) *Ευχολογ.* 1566 г. л. 9 об.

(²) *Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων... Ράλλη καὶ Πότλη* 1855. *Αθήνησι*, т. V, pag. 369.

(³) *Проскинитарій Арсенія Суханова* 1870 г. стр. 50.

Изъ первой вынимался Агнецъ, а надъ второй просфорой, которую священникъ возвышалъ верхними пальцами, онъ читалъ тѣже слова, что нынѣ положено читать при вынутіи частицъ изъ остальныхъ просфоръ. За этой же просфорой, по указанному списку, священникъ поминаетъ (*μνημονεύει*) ктиторовъ, благодѣателей (*ἐντεταλαμένων*), а затѣмъ по порядку живыхъ и умершихъ ⁽¹⁾. Ясное и раздѣльное указаніе на три просфоры находимъ въ третьемъ криптоферратскомъ спискѣ этой литургіи. За второй просфорой по этому списку, священникъ читалъ: „молитвами Господи, Богородицы родившей Тебя, Приснодѣвы Маріи, всѣхъ святыхъ силъ безплотныхъ, честнаго пророка Предтечи и Крестителя Іоанна, и святыхъ славныхъ апостолъ и святаго Николая, котораго и память совершаемъ, помилуй и спаси насъ. На третьей просфорѣ (*τρίτη αναφορά*) поминались имена царей, отца духовнаго и всѣхъ преждеотшедшихъ отцевъ и всѣхъ во Христѣ братій нашихъ“ ⁽²⁾. Столь же ясное указаніе и на четверичное число просфоръ мы находимъ въ одномъ изъ типиковъ XV в. м. Синодальной библіотеки. Дѣйствія и слова надъ первыми тремя просфорами почти не представляютъ никакой разницы отъ нынѣшней практики, а за четвертой просфорой (*δ' προσφορά*) поминали архіепископа, игумена, отца духовнаго, плодоносящихъ, добродѣлающихъ, царя, воинство и палаты его, здѣсь живущихъ и повсюду православныхъ, живыхъ и умершихъ ⁽³⁾. Менѣе ясное указаніе на четверичное число просфоръ находимъ въ одномъ изъ списковъ, помѣщенныхъ Гоаромъ въ его *Ευχολογιον*-ѣ. За четвертой просфорой (*ἑτέρα προσφορά*) по этому списку поминаются тѣже лица, что и по списку синодаль-

(1) *Ευχολογ.* Goar. pag. 100, 101.

(2) *Ibid.* pag. 104.

(3) *Тулм.* ркп. м. Сив. библ. № 384, л. 25, 26, 196, 197.

ному (1). Прямое повелѣніе имѣть при богослуженіи пять просфоръ содержится въ Номоканонѣ при требникѣ. „На святой проскомидіи божественныя литургіи пять просфоръ да имаши“ (*Εἰς τῆς προσκομιδῆν τῆς θείας λειτουργίας πέντε προσφορὰς θέλεις να ἔχεις*). Здѣсь и указано кого нужно поминать за каждой изъ этихъ просфоръ. „Первая за Господскій хлѣбъ, читаемъ мы далѣе, вторая—Пресвятая Богородица,—третья за святыхъ,—четвертая за живыхъ человекъ, ихже хоцещи поминати, пятая за усопшихъ, едино прямо, единому особно, каждо чиномъ своимъ (якоже въ служебникахъ указано и изображено имаши)“ (2). И дѣйствительно въ большинствѣ служебниковъ греческой церкви мы находимъ указанія именно на пять просфоръ, но по однимъ спискамъ ихъ порядокъ поминовенія былъ тотъ же, что и въ указанномъ сейчасъ мѣстѣ Номоканона (3), а по другимъ на четвертой просфорѣ (здѣсь она называется: *τρίτη σφραγίς*) поминаетъ епископа, пресвитеровъ, діаконовъ и весь священный чинъ, игумена и братію и живыхъ вообще по имени, а на пятой просфорѣ (*ἑτέρα προσφορὰ*) ктиторовъ, епископа рукоположившаго и всѣхъ, кого хотѣлъ священникъ изъ умершихъ (4). Обычай употреблять на проскомидіи *семь просфоръ* извѣстенъ былъ въ Греціи, а затѣмъ и у насъ на Руси въ XI вѣкѣ. Указаніе на него мы находимъ уже въ извѣстномъ намъ студійскомъ уставѣ патріарха константинопольскаго Алексѣя. „Проскуры убо повсѣгда, якоже рекохомъ, да бывають, читаемъ мы въ этомъ уставѣ въ главѣ о литургіяхъ“, *шесть убо малыхъ едина же братіи болши*, яже и възношеніе наричется за ны — живыя же и отъ житія ошѣдъ-

(1) *Ευχολογ.* Goar. pag. 95.

(2) Номокан. при Больш. требн. А. С. Павлова, стр. 203.

(3) *Ευχολογ.* Goar. pag. 62.

(4) *Ευχολογ.* Edit. Venèt. 1566, л. 10; *Ευχολογ.* Goar. pag. 89. Conf. Служеб. Венец. изд. 1519, 1554 гг.

шихъ ('). Въ уставѣ императрицы Ирины, супруги Алексѣя Комнена († 1118), для женскаго монастыря ею самой основаннаго относительно числа просфоръ на литургіи замѣчается: ежедневно да приносится на божественной литургіи *семь хлебовъ*: одинъ Господскій, другой обрадованной Госпожи нашей и Богородицы, другой святаго дня, иной за искупленіе и оставленіе грѣховъ державнаго моего царя, и моихъ (сродниковъ), иной за усопшихъ менахинъ, другой за усопшихъ родителей и прочихъ сродниковъ нашихъ, иной о живыхъ дѣтяхъ, зятяхъ и прочихъ сродникахъ нашихъ (²). Отсюда ясно, что семипросфоріе явилось въ нашей богослужбной практикѣ не въ XV вѣкѣ, какъ говоритъ г. Одинцовъ (стр. 206), а извѣстно было еще даже въ XI в. и вышло не изъ подъ пера русскаго благочестиваго писца — монаха (Ibid.), какъ смѣло утверждаетъ нашъ авторъ, но имѣло за себя основаніе въ практикѣ церкви греческой.

Въ нашихъ служебникахъ относительно поминovenія, при вынутіи частицъ изъ просфоръ, дѣлается множество разнообразныхъ указаній на подобіе тѣхъ, которые мы видѣли въ памятникахъ греческой церкви. По словамъ Нифонта, епископа новгородскаго XII в. заупокойную литургію всегда служить на трехъ просфорахъ: „одна великая отъ нея отдѣляй Агнецъ, здѣсь мертвыи не поминается, а тѣ двѣ заупокой“ (стр. 60). Три просфоры въ XIV в. употреблялось тогда.

(¹) Устав. ркп. м. Синод. библ. № 330, л. 228 об.

(²) Migu. Patrol. Cours. complet. t. 127, pag. 1036. Καθ' ἐνάστην δὲ ἡμέραν ἐν τῇ θείᾳ λειτουργίᾳ ἑπτὰ ἄρτοι προσενεχθήσονται, εἰς Δεσποτικὸς, ἕτερος τῆς κεχαριτωμένης ἡμῶν Δεσποτῆς καὶ Θεοτόκου, ἕτερος τοῦ κατὰ τὴν ἡμέραν ἀγίου, ἄλλος ὑπὲρ λύτρωσι καὶ ἀφέσεως τῶν ἁμαρτιῶν τοῦ τε κρατίστου, μου βασιλέως καὶ ἐμοῦ, ἕτερος ὑπὲρ τῶν κεκοιμημένων μοναχῶν, ἄλλος ὑπὲρ τῶν κεκοιμημένων γονέων καὶ λοιπῶν συγγενῶν ἡμῶν καὶ ἕτερος ὑπὲρ τῶν ζώντων παιδῶν καὶ γαμβρῶν καὶ λοιπῶν συγγενῶν ἡμῶν.

когда литургія совершалась за болящаго (стр. 119). „При совершеніи проскомидіи на трехъ просфорахъ въ XV вѣкѣ, на послѣдней изъ нихъ поминались святые, живые и умершіе. Частицы изъ нея вынимались крестомъ (отчего и самая просфора называлась *крестовою*); на верхней частицѣ поминались святые, на нижней епископство и весь священническій чинъ, на частицѣ съ правой стороны цари, бояре, игумень, если литургія совершалась въ монастырѣ, и всѣ живые; на частицѣ съ лѣвой стороны—умершіе“ (стр. 207). Въ XIV вѣкѣ „при четырехъ просфорахъ, изъ второй просфоры вынималась частица въ честь дневнаго святаго, изъ третьей—за живыхъ, изъ четвертой—за умершихъ“ (стр. 118). Въ тѣхъ служебникахъ, въ которыхъ число просфоръ достигаетъ пяти, изъ второй просфоры вынимается часть въ честь Богородицы, изъ третьей—въ честь святыхъ, изъ четвертой—за живыхъ и изъ пятой—за умершихъ (стр. 95, 118, 205). Въ памятникахъ съ шестиричнымъ числомъ просфоръ: „на четвертой просфорѣ—поминается епископство и весь священническій и діаконскій чинъ, на пятой—князья, игумень и всѣ живые, а на шестой—всѣ усопшіе“ (стр. 206). При совершеніи проскомидіи на семи просфорахъ, первая назначалась для Агнца, изъ второй вынималась частица въ честь Богородицы, изъ третьей—въ честь святыхъ, изъ четвертой—за епископа и весь священническій чинъ, изъ пятой—за царей, изъ шестой—за игумена и всѣхъ живыхъ, изъ седьмой—за усопшихъ (*ibid.*).

Вынутіе Агнца совершалось, по памятникамъ XIII вѣка, съ произнесеніемъ тѣхъ же словъ, которыя говорятся при этомъ и въ настоящее время, но съ тѣмъ отличіемъ, что предъ тѣмъ, какъ рѣзать просфору, священникъ читалъ молитву: „Славию Тя, Господи, яко сподобилъ мя еси пріятію святому тѣлу“, послѣ которой, крестя просфору копіемъ, священникъ говоритъ: „Воспомянание творимъ Господа нашего Иисуса Христа на тайнѣй Его вечери во имя Отца и

Сына“... При положеніи Агнца священникъ говорилъ: „Полагается Агнецъ Божій вземлай грѣхи всего міра нынѣ и присно“. Вливая вино и воду въ чашу, священникъ произносилъ: „Соединеніе Святаго Духа“. Затѣмъ, показывая на чашу: „Единъ отъ воинъ ребра Ему прободенъ... и видѣвъ, и свидѣтельствова и истинно есть свидѣтельство его, яко тріе суть свидѣтельствующіе: духъ, кровь и вода—тріе во едино суть Отецъ, Сынъ и Св. Духъ нынѣ и присно“ (стр. 94, 95). Въ XIV в. приготовленіе Агнца почти не отличалось ничѣмъ отъ того порядка, какой былъ въ прошломъ вѣкѣ. Разница въ томъ, что молитва: „Славлю Тя, Господи“ замѣнилась молитвою: „Пріими, Отче небесный, жертву сію“ (стр. 119). Въ XV вѣкѣ измѣнилось нѣсколько только начало проскомидіи, а все остальное осталось безъ измѣненій. На пути къ жертвеннику, по памятникамъ этого вѣка, священникъ читалъ: „Стопы моя направи по словеси Твоему“. Предъ трапезою кланялся трижды съ словами: „Боже, очисти мя грѣшнаго“ и трижды цѣловалъ ее. Послѣ этого священникъ просилъ прощенія: „Отцы святіи и братія, простите мя и благословите“. Діаконъ начиналъ: „Благослови, владыко“, священникъ: „Благословенъ Богъ нашъ“ и читалось: „Царю небесный“ и „Искупилъ ны есть отъ клятвы законныя“. Но господствующая практика была такая, что проскомидія начиналась также, какъ и нынѣ,—словами: „Въ воспоминаніе Господа нашего Иисуса Христа“ (стр. 204, 205). За очень немногими исключеніями всѣ отмѣченныя особенности богослужбной практики древне-русской церкви находятъ для себя оправданіе въ практикѣ греческой церкви ⁽¹⁾ и церковей югославянскихъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ *Тулж.* ркп. моск. Синод. библ. № 381, л. 25, 196, 197; *Еухол.* Goar pag. 100, 101, 104.

⁽²⁾ *Служб.* Евфим. Тырновскаго (Гласн. стр. 290, 291).

Частицу въ честь Богородицы вынимали изъ второй просфоры и полагали, согласно съ практикою греческой церкви, то по правую сторону Агнца, то по лѣвую безъ произнесенія словъ, положенныхъ при этомъ дѣйствии нынѣ (стр. 209).

О частицахъ изъ третьей просфоры авторъ говоритъ нѣсколько неопредѣленно. „Что касается другихъ частицъ, пишетъ онъ въ своей книгѣ, то въ нѣкоторыхъ служебникахъ частицы въ честь святыхъ предписывается полагать ниже частицы въ честь Богородицы“ (ibid.). Очевидно, авторъ склоненъ думать, что частицъ изъ этой просфоры вынималось столько, сколько и нынѣ, а поэтому и не считаетъ нужнымъ дѣлать какія нибудь на этотъ счетъ оговорки. Подобное мнѣніе высказывалось и раньше нашего автора нѣкоторыми другими лицами ⁽¹⁾, но соображенія, представленныя по этому поводу, лишены всякаго основанія. И практика греческой церкви (*καὶ οὕτως αἱ ῥων τὴν μερίδα τίθησιν αὐτὴν ὑπὸ κάτω ἐν τῷ ἀριστερῷ μέρει*) ⁽²⁾ и практика болгарской церкви (и тако вземъ часть полагаетъ и ту отъ лѣвья страны святаго Агнца, по долѣ же прочая поставляетъ части) ⁽³⁾ высказываются положительно за то, что изъ третьей просфоры вынималась только *одна часть*, которая полагалась на одной и той же сторонѣ съ частицею въ честь Богородицы.

При поставленіи звѣздицы на дискось въ богослужебной практикѣ XV в. вошло въ обычай, кромѣ словъ: „И пришедши звѣзда“, читать еще: „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася“. Покровеніе сосудовъ совершалось съ тѣми же молитвами, что и нынѣ (стр. 210). Но въ памятникахъ XIII вѣка, при покровеніи

⁽¹⁾ Игуменъ Варлаамъ Чернявскій «Объ измѣненіяхъ въ чинѣ литургій», стр. 147—176; Филаретъ «Чинъ литургіи св. Іоанна Златустаго, стр. 46—50.

⁽²⁾ *Ευχολογ.* Соог. pag. 62.

⁽³⁾ *Гласник.* стр. 291.

дискоса, читается молитва: „Господь воцарися въ лѣпоту облечеса“, при покровеніи сосуда: „Дому Твоему подобаеть святыня“. Третьяго покровца въ это время не было въ практикѣ, а поэтому и нѣтъ словъ для произнесенія при этомъ дѣйствиі (стр. 95). Въ XIV вѣкѣ явился и третій покровецъ, по возложеніи котораго на сосуды читался уже указанный стихъ: „Дому Твоему подобаеть святыня“, а при покровеніи сосуда стали читать: „Облечеса Господь въ силу и препоясашеса (стр. 121), который въ предшествующемъ вѣкѣ соединялся со стихомъ: „Господь воцарися“ и произносился при покровеніи первымъ воздухомъ (Служебн. ркп. Солов. библ. № 1016, л. 9). „Между греческими списками литургіи Златоуста, извѣстными намъ, пишетъ г. Одинцовъ послѣ обзорнія указанныхъ сейчасъ особенностей, мы не находимъ такого, который бы могъ служить для нашихъ служебниковъ оригиналомъ въ этомъ отношеніи (стр. 201). Отсутствіе этой особенности (т. е. чтенія словъ: „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася“) въ извѣстныхъ намъ древнихъ греческихъ спискахъ литургіи и исключительность ея въ русскихъ служебникахъ заставляютъ насъ признать ее чисто русскаго происхожденія (стр. 211). Во всемъ этомъ нѣтъ слова правды. Если авторъ смотрѣлъ въ греческія списки этой литургіи, то смотрѣлъ очень невнимательно. Мы можемъ указать ему въ данномъ случаѣ, какъ на оригиналь для нашихъ служебниковъ, второй криптоферратскій списокъ литургіи Іоанна Златоуста, гдѣ онъ можетъ найти всѣ эти особенности. Потомъ священникъ кадитъ воздухи, читаемъ мы въ этомъ списокѣ, и покрываетъ святые дары, говоря: „Господь воцарися въ лѣпоту облечеса“. И потомъ кадитъ другой воздухъ, говоря: „Ибо утверди вселенную“. И если есть звѣздца (*αβτεροίχον*) священникъ ставитъ ее на дискосѣ, говоря: „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ“ и т. д. попорядку (1). Въ одномъ изъ извѣстныхъ

(1) *Ευχολογ. Coar. pag. 401.*

намъ списковъ чина литургіи XV в. слова: „*Τῶ λο-
γω τοῦ Κυρίου*“ находятся наряду съ нынѣ поло-
женными при этомъ дѣйстви: „*Καὶ ἐλθὼν ὁ ἀστὴρ
ἔσθη ἐπάνω*“ (1). Подобный списокъ имѣется и въ
Ευχολογιον-ѣ Гоара (2).

Окончаніе проскомидіи не представляетъ особен-
ныхъ разностей по памятникамъ первыхъ пяти вѣ-
ковъ, если не считать какъ особенность замѣчаніе
памятниковъ XV вѣка. „Таже іерей, отворивъ святая
врата, творить часомъ отпустъ“. Объясненіе проис-
хожденія этой особенности, сдѣланное нашимъ авто-
ромъ, который признаетъ появленіе ея въ Россіи (стр.
211), столь же неосновательно, какъ и нѣкоторыя
другія его попытки въ этомъ родѣ. Въ служебникѣ
XV вѣка севастьяновскаго собранія дѣлается отно-
сительно отпуста слѣдующее замѣчаніе: „*Καὶ ποιεῖ
ἀπόλυσιν ἔριπροβθεν τῶν ἁγίων θυρῶν*“ (3).

А. Дмитриевскій

(1) *Тулк.* рки. м. Сип. библ. № 381, л. 26, 198.

(2) *Ευχολογ.* Goar. pag. 95.

(3) *Ibid.* рки. 1449 г. сообр. Севаст. № 473, л. 119.

ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕ-БОЛГАРСКОЙ ПРОПОВѢДНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

БЕСѢДЫ ЕПИСКОПА КОНСТАНТИНА (1).

Во святю недѣлю пасхы. сказаніе Іоана Златоуц-
таго. евангелие, иже отъ Іоана, глава. ā. (2).

Вопрошеніе. Что ради
инии евангелисти отъ смо-
тренія начаша. и сесь вмѣ-
лѣ посемь начать рекъ.
„и Слово плоть бысть“, а
држгое все мимо тече. за-
чатіе рождество воспитѣ-
ніе. възъраствніе. абие о
присносщнѣмъ рождествѣ
намъ бесѣдуетъ.

Отвѣтъ. Понеже држзии
евангелисти. и отъ плот-

*Ἐρώτησις. Τίνος ἕνεκα
τῶν ἄλλων Εὐαγγελιστῶν
ἀπὸ τῆς οἰκονομίας ἀρξα-
μένων, τοῦτο μὲν ἐν βρα-
χεὶ μετὰ ταῦτα ἠνίξαστο
εἰπὼν, „καὶ ὁ Λόγος σὰρξ
ἐγένετο“, τὰ δὲ ἄλλα πάν-
τα παραδραμῶν, τὴν σύλ-
ληψιν, τὸν τόκον, τὴν ἀνα-
τροφὴν, τὴν αὐξήσιν, εὐθέ-
ως περὶ τῆς αἰδίου γεννή-
σεως ἡμῖν διαλέγεται;*

*Ἀπόκρισις. Ἐπειδὴ οἱ
ἄλλοι Εὐαγγελισταὶ τὸ*

---

(1) См. март. кн., ст. «Константинъ епископъ болгарскій и его
Учительное Евангеліе».

(2) Печатается по ркни. Соловецкой библ. № 374 (158), л. 221 об.;
и № 365 (1051), л. 211 об. Греческій текстъ см. у Крамера Cat.
Gr. pat. in N. T. Oxonii. 1844, t. II, стр. 178—189.

ныхъ словеса бесѣдоваша. страхъ бо бѣ многъ низжлѣжащимъ. ничтоже выше человѣкъ помыслити. о единочадѣмъ Сынѣ Божию. сего ради она мимотекъти отъ естествования приснощцаго творить повѣсть. Подобаеть же и се смотри. яко ни сѣи на высокое слово ся вергъ о смотрѣнни вероди. ни они о семъ потщашася превѣчнаго оумолчаша. и зѣло подобно. единъ бѣ Духъ движаи душа всѣхъ.

Почто рече „искони“. понеже вѣсть яко человѣцы старѣишинъствовати начатокъ чтжтъ, сирѣчь Бога Отца же оставль. а о Сынѣ бесѣдждеть. зане бѣ онъ всѣмъ явѣ. аще не яко Отець. но яко Богъ, а единочадъи не бѣ явленъ. а еже „бѣ“ ничтоже ино есть. но еже бысть присно явѣ и безъ свидѣнѣи быти. Слова

πλείον ἐν τοῖς κατὰ βάρκα διατριψαντες λόγοις, δέος ἦν πολλοὺς χαμαιπετεῖς ὄντας, μηδὲν ὑψηλότερον τῶν ἀνθρώποις προσόντων ἐννοῆσαι περὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ διὰ τοῦτο ἐκεῖνα παραδραμῶν ἀπὸ τῆς ὑπάρξεως τῆς αἰδίου ποιεῖται τὴν διήγησιν. Χρῆ δὲ καὶ τοῦτο γινώσκειν ὅτι οὔτε οὗτος πρὸς τὸν ὑψηλότερον ἑαυτὸν λόγον ἀφείς τῆς οἰκονομίας ἠμέλησε, οὔτε ἐκεῖνοι περὶ τὴν ταύτης ἐβπουδαχότες διήγησιν, τὴν πρὸ αἰῶνων ἐσίγησαν ὑπαρξεν καὶ μάλα εἰκότως ἐν γὰρ ἦν Πνεῦμα τὸ κινοῦν τὰς ἀπόντων ψυχὰς.

Τι δέποτε δὲ τὸν Πατέρα ἀφείς περὶ τοῦ Υἱοῦ διαλέγεται; ἐπειδὴ ἐκεῖνος μὲν δῆλος ἦν ἅπασι, εἰ καὶ μὴ ὡς Πατὴρ, ἀλλ' ὡς Θεός. ὁ δὲ μονογενὴς ἠγνοεῖτο... Τὸ δὲ „ἦν“ οὐδὲν ἕτερον ἔστιν ἀλλ' ἡ τοῦ εἶναι ἀεὶ δηλωτικὸν καὶ ἀπειρώς εἶναι. Λόγον δὲ αὐτὸν ἐκάλεσεν, ἵνα μὴ παθητὴν αὐτοῦ τὴν γένε-

же ꙗ нарече. да не странно рождество его мнимъ. еще же и зане возвѣстилъ намъ Отца. многа же сѣтъ словеса Божия, но ни единъ отъ нихъ словесъ Богъ. но та вся словеса пророчества повелѣнія. се же Слово сѣщество етеръ изъ самого ишедшее изъ Отца безъ страсти. что се Бога и Бога рекъ. ибо „Богъ бѣ рече Слово“, не являетъ намъ посрѣди божества его. зане не меншии Богъ Сынъ. рече же знаемое истааго его божества. и присносоущее симъ словомъ „искони бѣ“. соприсносѣщее же показана намъ симъ „се бе (т. е. сей бѣ) искони оу Бога“. сирѣчь не мни рече естество Отче старѣе сѣще. не бо бѣ николиже Отець безъ Сына. аще ли кто глаголетъ. то како есть Сынъ не оунее сѣ Отца. еже бо отъ кого есть нжжда есть послѣди же быти отъ него же бждеть. се

δὲν ὑπολόβωμεν· ἔστι δὲ καὶ διὰ τὸ ἀπαγγεῖλαι ἡμῖν τὰ τοῦ Πνεύματος... πολλοὶ γὰρ οἱ τοῦ Θεοῦ λόγοι, ἀλλ' οὐδεὶς ἐχείνων τῶν λόγων Θεός· ἀλλ' ἐχείνοι μὲν ἅπαντες προφητεῖαι καὶ προβήματα, οὗτος δὲ ὁ Λόγος οὐσία τις ἐνυπόστατος ἐξ αὐτοῦ προελθοῦσα ἀπαθῶς τοῦ Πατρὸς. εἰπὼν οὖν ὅτι καὶ „Θεὸς ἦν ὁ Λόγος“, οὐκ ἐμφαίνει τί μέσον τῆς θεότητος ταύτης, ἐπειδὴ οὐχ ἦττον Θεὸς ὁ Υἱός· εἶπεν οὖν τὸ γνωριστικὸν τῆς γνησίας αὐτοῦ θεότητος καὶ τὸ αἰδιον, διὰ τοῦ „ἐν ἀρχῇ ἦν.“ τὸ δὲ συναἰδιον ἐνέφηνεν ἡμῖν διὰ τοῦ „οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν Θεόν.“ τουτέστι μὴ νομίσης πρεσβυτέραν εἶναι, φησί, τὴν ὑπαρξιν τοῦ Πατρὸς· οὐ γὰρ ἦν ἔρημος ποτε τοῦ Λόγου· εἰ δὲ λέγοι τις, καὶ πῶς ἔστιν Υἱὸν ὄντα μὴ νεώτερον εἶναι τοῦ Πατρὸς· τὸ γὰρ ἔκ τινος ὄν ἀνάγκη πᾶν ὑπέρτερον εἶναι τοῦ ἐξ οὗ ἔστιν, ἐχείνο ἐροῦμεν, ἄρα τὸ ἀπαύ-

речемъ оубо сияние слнеч-
но. отъ самого естества
слнечнаго исходя. еда по-
слѣ же боудще речемъ
солнечнаго естества. ника-
коже. исповѣсть же и се
ослѣплены очима. не яви-
бояся коли безъ сияния
солнце се и отъ сего и не по-
слѣже его. такоже о Отцы
и о Сынѣ да не мнимъ,
паче же болшими и бого-
лѣпно. сего ради бо и Па-
велъ сице и нарече.

И понеже и Моуси мен-
шую часть отъ твари при-
имъ, ничтоже изрече намъ
о невидимыхъ силахъ. во-
истиннѣ евангелистъ еди-
нѣмъ краткымъ словомъ.
все се приимъ рече „вся
тѣмъ быша и безъ негоже
не бысть ничтоже еже
бысть“. сирѣчь бывшихъ
тѣхъ. или видимо естъ или
размно. ничтоже безъ си-
лы Христовы бысть. не по-
добаетъ бо конечнаго ре-
чения поставити в „ничто-

γασμα τοῦ ἡλίου ἐξ αὐ-
τῆς ἐκπηδῶν τῆς τοῦ ἡλίου
φύσεως, μὴ ὕστερον εἶναι
φαίημεν τῆς ἡλιακῆς ἀκτί-
νος; οὐδαμῶς ἀνάγκη γὰρ
ὁμολογῆσαι τοῦτο καὶ τὸν
τὰς αἰσθήσεις πεπρωμέ-
νον· οὐδὲ γὰρ χωρὶς ἀπαν-
γασματος ἡλίου ἐφάνη πο-
τέ· ἴδου καὶ ἐξ αὐτοῦ καὶ
οὐχ ὕστερον αὐτοῦ οὕτω
καὶ ἐπὶ τοῦ Πατρὸς καὶ
τοῦ Υἱοῦ νοῦσῶμεν, μᾶλ-
λον δὲ· καὶ μειζόνως καὶ
θεοπροεπῶς· διὰ γὰρ τοῦτο
καὶ ὁ Παῦλος αὐτὸν οὕ-
τως ἐκάλεσεν.

Ἐπειδὴ ὁ Μωϋσῆς ἐλά-
χιστον μέρος τὴν κτίσεως
ἀπολαβὼν, οὐδὲν ἡμῖν περὶ
τῶν ἀρράτων διελέχθη δυ-
νάμεων, εἰκότως ὁ Εὐαγγε-
λιστῆς ἐν βραχεῖ ῥήματι
ὅλα περιλαβὼν φησὶ· „παν-
τα δι' αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ
χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ
ἐν, ὃ γέγονε“, τουτέστι,
τῶν γενησῶν, καὶ ὁρατὸν ἢ,
καὶ νοητὸν, οὐδὲν χωρὶς τῆς
τοῦ Χριστοῦ δυνάμεως
εἰς τὸ εἶναι παρήχθη· οὐ
γὰρ δὴ τὴν τελείαν στυγ-
μὴν εἰς τὸ „οὐδὲ ἐν“ ἐπι-

же“. якоже еретицы, они бо сице рѣша. „еже бысть внемъ животъ бѣ“. хотяще глаголати Духа Святаго тварь.

Рекъ о сътвореніи приложить. о промышленности слова. да никтоже да не невѣржетъ. како толика и таковая тѣмъ быша, прирече „яко внемъ животъ бѣ“. рекше яко о немъ живѣтъ вся, и о немъ промышленяемъ есть. и о немъ воистиннѣ речеса, „яко о немъ живемъ и движемся есмы“. „и животъ бѣ свѣтъ челоуѣкомъ“. не сице бѣ свѣтъ чювственъ. но разжмень душа просвѣщая. и не рече же свѣтъ июдѣмъ, но „всѣмъ челоуѣкомъ“. не иудеи бо токмо но и еллини всии вразжмъ приидоша.

θρήσωμεν κατὰ τοὺς αἰρετικούς. ἐκεῖνοι γὰρ οὕτω φασὶν, „ὁ γέγονεν ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν“, βουλόμενοι τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον κτίσμα λέγειν.

Εἰπὼν περὶ τῆς δημιουργίας, ἐπάγει καὶ τὸν περὶ τῆς προνοίας λόγον. ἵνα γὰρ μηδεὶς ἀπιστῆ, πῶς τὰ τοσαῦτα καὶ τηλικαῦτα δι' αὐτοῦ γέγονεν, ἐπήγαγεν, „ὅτι ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν“, τουτέστιν, ὅτι ἐν αὐτῷ ζῆ τὰ πάντα, καὶ ἐν αὐτῷ προνοεῖται, καὶ ὅπερ περὶ τοῦ Πατρὸς εἴρηται, καὶ περὶ αὐτοῦ κυρίως ἂν λέγοιτο, „ὅτι ἐν αὐτῷ ζῶμεν, καὶ κινούμεθα, καὶ ἐσμὲν“. Τὸ δὲ ἐπαγόμενον, „καὶ ἡ ζωὴ ἦν τὸ φῶς τῶν ἀνθρώπων“, οὐ τοιοῦτον αἰσθητὸν φῶς ἦν, ἀλλὰ νοητὸν, τὴν ψυχὴν φωτίζων αὐτήν. καὶ οὐκ εἶπε, τὸ φῶς τῶν Ἰουδαίων, ἀλλὰ καθόλου „τῶν ἀνθρώπων“ οὐδὲ γὰρ Ἰουδαῖοι μόνον, ἀλλὰ καὶ Ἕλληνες πρὸς ταύτην ἔλθον τὴν γνώσιν.

Сияетъже свѣтъ сеи раз-
жмень во тмѣ. томъж (т. е.
тѣму) же глаголетъ или
смерть или лестъ, проповѣ-
дании бо посреди лести
всѣя. и во смерти же бывъ
самъ тако ей оудолѣ, яко
и дрѣжимыя исперва воз-
веде. и тма же его не по-
стиже. яко ни смерть емъ
оудолѣ ни лестъ. есть бо
неоудолѣемъ и не вмѣ-
щаетъ же ся внехотящихъ
душахъ просвѣтитися. не
бѣдою бо ни нждею при-
водитъ ны Богъ, но волею
и хотѣниемъ.

Весѣдовавъ снами оугод-
но о Божии Словеси. по
пѣти и по чиноу предходя.
ко Иоанъ проповѣдникъ
Словеси грядеть. слышаще
яко отъ Бога посланъ бысть.
не мнимъ ничтоже человеѣче
сѣше реченныхъ. не своя
бо но пославшаго и вся
глаголетъ, тѣмъ ангелъ на-
речеться. агтелово бо изво-
ление еже ничтоже свое

Φαίνει δὲ τὸ φῶς τὸ νοη-
τὸν τοῦτο ἐν τῇ σκοτίᾳ·
σκοτίαν λέγει ἢ τὸν θάνα-
τον ἢ τὴν πλάνην· τὸ γὰρ
κρίσμα μεταξὺ τῆς πλά-
νης ἔλαμψε, καὶ ἐν τῷ θά-
νάτῳ δὲ γενόμενος αὐτὸς
οὕτως αὐτοῦ περιεγέμετο,
ὡς καὶ τοὺς ἤδη προκατε-
χομένους ἀναγαγεῖν. Ἡ
σκοτία δὲ αὐτὸ οὐ κατέ-
λαβεν, ἐπειδὴ οὔτε ὁ θά-
νατος αὐτοῦ περιεγέμετο,
οὔτε ἡ πλάνη· ἔστι γὰρ
ἀκαταγώνιστος. οὐκ ἐμφι-
λοχωρεῖ δὲ ταῖς μὲν βουλο-
μέναις φωτισθῆναι ψυχαῖς·
οὐδὲ γὰρ ἀνάγκη καὶ βία,
ἀλλὰ βουλήσει καὶ γνώμη
προβάγεται ἡμῖν ὁ Θεός.

Μαλεχθεῖς ἡμῖν συμέ-
τρως περὶ τοῦ Θεοῦ λό-
γου, ὁδῶ καὶ τάξει προβαί-
νων ἐπὶ τὸν τοῦ Λόγου
κρίσμα τὸν Ἰωάννην ἔρχε-
ται. Ἀκούοντες δὲ ὅτι πα-
ρὰ Θεοῦ ἀπεστάλη, μηδὲν
λοιπὸν ἀνθρώπινον νομί-
σωμεν εἶναι τῶν λεγομέ-
νων· οὐ γὰρ τὰ αὐτοῦ, ἀλ-
λὰ τοῦ πέμψαντος ἅπαντα
φθέγγεται, διὸ καὶ ἀγγέ-
λος προεγγόρευται· ἀγγέ-

рещи. а еже „бысть“ не пришествія бытійская являетъ. но истиннаго по-сольства. еже бо „бысть посланъ“. посланъ есть.

Да послжшествуетъ о свѣте. не да извѣститъ естество Сына Божия, или да приложить слово къ чести. нъ за грядщее. да вси вѣржють имъ съ причто-племенницы. самъ бо Богъ сын и Сынъ. присно Божии Сынъ и естества блаженаго и нетлѣюща. не требжетъ послуха. понеже хошетъ спасенію многихъ. сего ради втоликое смиреніе сниде, яко и человѣкъ послжствовати о немъ. почто рече „не бѣ то свѣт. но да послжшествуетъ о свѣтѣ“. занеже многажды оу насъ вящши бждетъ послжхъ опослжшествжемаго. да никтоже о Іоанѣ се мнить. лжаквное се непщевание восторгая. сице рече.

λου δὲ ἀρετῇ τὸ μηδὲν ἴδιον εἰπεῖν. τὸ δὲ „ἐγένετο“ ἐνταῦθα οὐ τῆς εἰς τὸ εἶναι παρόδου δηλωτικόν, ἀλλὰ τῆς ἀποστολῆς ἐστὶν αὐτῆς. τὸ γὰρ „ἐγένετο ἀπεσταλμένος“ ἀντὶ τοῦ ἀπεστάλη εἶρηται.

Τὸ δὲ „ἵνα μαρτυρήσῃ περὶ τοῦ φωτός“, οὐχ ὡς ἀξιόπιστον τοῦ Νου τοῦ Θεοῦ τὴν φύσιν ποιήσων, ἢ ἵνα τῷ δεσπότῃ προσθῆ εἰς ἀξίας λόγον, ἀλλὰ διὰ τὸ ἐπαγόμενον, ἵνα πάντες πιστεύσωσι δι' αὐτοῦ, τουτέστι οἱ ομοφυλοὶ, αὐτὸς γὰρ Θεὸς ὢν καὶ Θεοῦ γνήσιος Υἱός, καὶ τῆς οὐσίας τῆς ἀκηρότου καὶ μακαρίας, οὐ δεῖται τοῦ μαρτυρήσοντος. ἐπειδὴ δὲ τῆς σωτηρίας αὐτῆ μέλει τῆς τῶν πολλῶν, τοῦτου χάριν εἰς τοῦτο κατέβη ταπεινότητος, ὡς καὶ ἀνθρώπῳ τὴν μαρτυρίαν ἐπιτρέψαι τὴν ἑαυτοῦ. Μὰ τί εἶπεν „οὐχ ἦν ἐκεῖνος τὸ φῶς, ἀλλ' ἵνα μαρτυρήσῃ περὶ τοῦ φωτός“; ὡς τὰ πολλὰ τὰ ῥήματα, μείζων ὁ μαρτυρῶν

Возводя нашъ оумъ на безначалное естество рече. „бѣ свѣтъ истинныи. иже просвѣщаетъ всякого челоуѣка вмиръ грядуща“. и аще всякого челоуѣка просвѣщаетъ, како не просвѣщени осташа толико. свое емж оубо бѣ пришедшж вся просвѣтити. аще ли етери очима совѣсти си волею сомжаша. и не хотѣша прияти лжча свѣта. не естествомъ свѣта мрачение тѣмъ. но злобою воля лишайющихся спасения. „вмиръ бѣ“. не яко мирж слѣтень. сего ради прирече „и миръ тѣмъ бысть“. всяко бо и волею и неволею понжжденъ бждетъ всякъ челоуѣкъ, аще и противень бждетъ славѣ Божии. прежде дѣлъ исповѣсть творца. „и миръ его не позна“. миръ глаголетъ сжщая люди. и

τοῦ μαρτυρουμένου, ἵνα μή τις καὶ ἐπὶ τοῦ Ἰωάννου τοῦτο νομίσῃ, τὴν πονηρὰν ταύτην ὑποψίαν ἀναιροῦν τοῦτό φησι...

Ἀνάγων δὲ πάλιν τὴν ἐννοίαν ἡμῶν πρὸς τὴν ἐπέκεινα πάσης ἀρχῆς ὑπαρξιν, τὴν οὐδαμοῦ λήγουσαν οὐδὲ ἰσταμένην, ἔφη· «ἦν τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν, ὃ φωτίζει πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον». καὶ εἰ πάντα ἄνθρωπον φωτίζει, πῶς ἀφώτιστοι μεμενήκασι σοσοῦτοι· τὸ μὲν εἰς αὐτὸν ἦχον πάντας ἔλαθε φωτίζει, εἰ δὲ τινες ἦχοντες τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς διανοίας μύσαντες, οὐκ ἠθέλησαν παραδέξασθαι τοῦ φωτός τὰς ἀκτῖνας, οὐ παρὰ τὴν τοῦ φωτός φύσιν ἢ σκότῃσις ἐκείνη, ἀλλὰ παρὰ τὴν κακουργίαν τῶν ἐχοντῶν ὀποσπεροίντων ἑαυτοὺς τῆς σωτηρίας... «Ἐν τῷ κόσμῳ ἦν», οὐχ ὡς τοῦ κόσμου σύγχρονος· διὰ γὰρ τοῦτο ἐπήγαγε, «καὶ ὁ κόσμος δι' αὐτοῦ ἐγένετο». πάντως γὰρ ἐκὼν καὶ ἄκων ἀναγκασθῆσεται πᾶς ἄν-

пригвожденныя сему житию, и земная мждрствящюици. а држзи Божии вси познаша и. не по плотнѣмъ пришествии его токмо но прежде; якоже Авраамъ, и Моуси и Давидъ, и прежде бывшии Самоила пророцы. якоже Петръ рече.

„Во своя си прииде и свои его не прияша“. или о июдѣхъ глаголетъ, яко същцимъ людемъ персянъ, или о всѣхъ челоуѣцѣхъ сътвореныхъ имъ, челоуѣколюбець бо снъ Богъ. нжжею бо ни единогоже но самоволно вся влечеть ксебѣ, тѣмже и пришедша его ови пріаша, ови же ни. во своя си прииде, не своя потребности ради, Богъ бо есть

ἄθρωπος, καὶ πολέμιος τῆς δόξης τοῦ Θεοῦ ἔστι, πρὸ τῶν ἔργων ὁμολογῆσαι τὸν ποιητὴν. Τὸ δὲ „ὁ κόσμος αὐτὸν οὐκ ἔγνω“, κόσμος ἐνταῦθα τὸ δημῶδες πλῆθος φησι, τὸν χυδαῖον καὶ παραχάδη λαόν, τὸν τῷ κόσμῳ προσβλημένον καὶ τὰ τοῦ κόσμου φρονοῦντα. οἱ γὰρ τοῦ Θεοῦ φίλοι πάντες αὐτὸν ἔγνωσαν, οὐ μετὰ τὴν ἐν σαρκὶ αὐτοῦ μόνην παρουσίαν, ἀλλὰ καὶ πρὸ ταύτης, ὡς ὁ Ἀβραὰμ καὶ ὁ Μωϋσῆς καὶ ὁ Δαβὶδ, καὶ πάντες οἱ ἀπὸ τοῦ Σαμουὴλ προφηῆται, ὡς ὁ Πέτρος φησί...

Τὸ δὲ, „εἰς τὰ ἴδια ἦλθε, καὶ οἱ ἴδιοι αὐτὸν οὐ παρέλαβον“, ἣ περὶ τῶν Ἰουδαίων λέγει ὡς λαὸν ὄντα περιούσιον, ἣ καὶ περὶ τῶν ἀνθρώπων τῶν ὑπ' αὐτοῦ γεγεννημένων φιλάνθρωπος γὰρ ἂν ὁ Θεός, βία μὲν οὐδένα, πειθοῖ δὲ πάντας ἔλκει πρὸς αὐτόν διὸ καὶ ἐλθόντα αὐτόν, οἱ μὲν ἔλαβον, οἱ δὲ οὐκ ἔλαβον εἰς τὰ ἴδια ἦλθεν οὐ τῆς αὐτοῦ χρείας ἔνεκεν, ἀνε-

не требжяи, но благодѣти ради своихъ. откъждж же прииде сыи вездѣ и все исполняяи, и кое истоще- ва мѣсто, содръжа вся. мѣ- ста оубо ни единого не оставль. сходяи же къ намъ се сътвори, и явися намъ внашоу плоть облѣкъ- ся. явлене же се и схоже- ние пришествие наричетъ. и внеиже и жидове вси его нерачиша прияти. чтоже есть „еликоже ихъ прияти“ сирѣчь, или раби, или сво- бодни, или еллини, или варвари, или немудрии, или мудрии, или жены, или мѣжи, или дѣти, или старцы, или богати, или оубозии, или князи, или грѣбии, вси тойже чести сподобишася. вѣра бо и благодать Дѣховная, мир- ное оставление отъимши во единъ образъ потвори вся церкви. не рече же яко сътвори я чада Богж, но „дасть имъ область.“ яв- ляя яко длѣжни есмы, много тщание показати, да

δέες γὰρ τὸ θεῖον, ἀλλὰ τῆς τῶν ἰδίων εὐεργεσίας χά- ριν. Πόθεν δὲ ἤλθεν ὁ τὰ πάντα πληρῶν καὶ παντα- χοῦ παρῶν; ποῖον κενώσας τόπον ὁ πάντα συνέχων; τόπον μὲν οὐδένα ἤμειψε, πῶς γάρ; τῇ δὲ πρὸς ἡμᾶς συγκαταβάσει τοῦτο εἰρ- γάβατο, καὶ ἑαυτὸν ἐφα- νέρωσεν ἡμῖν, τὴν ἡμετέ- ραν ὑποδύς βάρκα. Τὴν φανέρωσιν οὖν ταύτην καὶ κατὰβαθιν ἐλευσιν καλεῖ, εἰ καὶ Ἰουδαῖοι αὐτὸν παραλαβεῖν πάντες οὐκ ἐθέλησαν... Τὸ δὲ „ὅσοι ἐλα- βον αὐτὸν“, τουτέστι, καὶ δοῦλοι, καὶ ἐλεύθεροι, καὶ Ἕλληνες, καὶ βάρβαροι, καὶ ἄσοφοι, καὶ σοφοί, καὶ γυ- ναῖκες, καὶ ἄνδρες, καὶ παῖ- δες, καὶ πρεσβύται, καὶ πλούσιοι, καὶ πένητες, καὶ ἄρχοντες, καὶ ἰδιῶται, πάν- τες τῆς αὐτῆς ἀξιοῦνται τιμῆς ἢ γὰρ πίβτις καὶ ἢ τοῦ Πνεύματος χάρις τὴν κοσμικὴν ἀνωμαλίαν περιελούσα, εἰς μίαν ἅπαν- τας ἔπλασε μορφήν, καὶ εἰς ἓνα ἀπετύπωσε χαρακ- τῆρα, τὸν βασιλικόν.. Οὐκ

оусыненіе крещенное цѣло и невредно съхранимъ. помянъ же плотныя болѣзни рекъ „иже не отъ крови“ и прочая. да съпримѣрше малое и смиренное пръваго сирѣчь плотнаго родства на высокое и благородное втораго благодатнаго, еже есть отъ Бога родитися, великъ разжъ о немъ примемъ. и достойно даръ рожденаго. тѣмже и винъ неизреченнѣи сеи чести полагаеть глаголя „и Слово плоть бысть“. и зракъ рабиіи пріятъ владыка, чада Богъ быхомъ.

εἶπε δὲ, ὅτι ἐποίησεν ἀντιστοιχίας τέκνα Θεοῦ, ἀλλ' ἔδωκεν αὐτοῖς ἐξουσίαν, δεικνύς ὅτι πολλῆς δεῖ τῆς σπουδῆς ὥστε τὴν ἐν τῷ βαπτίσματι τῆς υἰοθεσίας ἡμῖν ἐντυπωθεῖσαν εἰκόνα ὀλόκληρον ἡμῖν διατηρηῆσαι καὶ ἀνεπαφον... Ἀνεμνήσε δὲ τῶν σαρκικῶν ὠδίνων, εἰπὼν, „οἱ οὐκ ἐξ αἱμάτων“, καὶ τὰ ἐξῆς, ἵνα συγχρίναντες τὸ εὐτελές καὶ ταπεινὸν τοῦ προτέρου, ἤγουν τὸ σαρκικοῦ τόκου, πρὸς τὸ ὑψηλὸν καὶ εὐγενές τοῦ δευτέρου τοῦ διὰ τῆς χάριτος, ὕπερ ἐστὶν ἐκ Θεοῦ γεννηθῆναι, μεγάλην τινα ἔννοιαν περὶ αὐτοῦ λάβωμεν, καὶ τῆς τοῦ γεγενηκότος δωρεᾶς ἀξίαν διὸ καὶ τὴν αἰτίαν τῆς ἀφράστου ταύτης τιμῆς τίθησι λέγων, „καὶ ὁ Λόγος σὰρξ ἐγένετο“, τουτέστι, διὰ ταύτην τὴν ὑπόθεσιν τοῦ γενέσθαι σάρκα τὸν λόγον, καὶ τὴν τοῦ δούλου μορφὴν λαβεῖν τὸν δεσπότην, τέκνα Θεοῦ γεγόναμεν.

„Бысть же Слово плоть“. не естество же его припадшъ

„Γέγονε δὲ ὁ Λόγος σὰρξ“, οὐ τῆς οὐσίας αὐτοῦ με-

въ плоть. се бо помышля-
ти послѣдняя его есть бес-
честия. но пребывая еже
есть. и тако зракъ раба
приятъ. „бысть“ же рече
еретическая затыкая оу-
ста глаголюща, яко привидѣ-
нїе етерѡ бѣ смотренѣя,
а не плоти истинныя вос-
прїятїе. что есть еже „всели-
ся вны“. вселшееся не то
же есть вселшееся, но ино
во иномъ вселится. сирѣчь
Богъ Слово въплотися. и
совокъплися плоти. ино же
по естествомъ глаголемъ. со-
вокъплениемъ и снїтиемъ
единъ есть Богъ Слово и
плоть. не слитїю бывшую. ни
потребленїю сжществомъ.
а совокъплению етерѣмъ не-
издреченнѣмъ. якоже самъ ис-
повѣсть. „И видѣхомъ сла-
вѣ его“. со воспитѣннѣмъ
тѣломъ намъ являетъ. аще
бо лица Моисеова не стер-
пѣша иже вто время про-
славлена быти. како бо-
жественнаго и свѣтъ не-
пристѣпимыи самимъ выш-
нимъ силамъ. мы же прѣст-

ταπτώσεως εἰς σάρκα, τὸ
γὰρ ἐννοεῖν τοῦτο τῆς ἐβ-
χάτης ἀβεβείας ἐστίν, ἀλλὰ
μένοντα ὅπερ ἐστίν. Οὕτω
τὴν τοῦ δούλου μορφὴν
ἔλαβεν „ἐγένετο“ δὲ εἶπε, τὰ
τῶν αἰρετικῶν ἐμφοράτων
βρόματα, τῶν λεγόντων
ὅτι φαντασία τις ἦν ἡ οἰ-
κονομία, οὐ βαρὸς ἀληθι-
νῆς ἀνάληψις. Τί ἐστι τὸ,
„ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν“, τὸ σκη-
νοῦν οὐ ταυτὸν ἂν εἴη τῆ
σκηνηῆ, ἀλλ' ἕτερον ἐν ἐπέ-
ρω σκηνοῖ, τουτέστιν, ὁ
Θεὸς Λόγος ἐσαρκώθη καὶ
ἠνώθη σαρκί. ἕτερον δὲ κατ'
οὐσίαν φημέν. τῆ γὰρ ἐνώ-
σει καὶ τῆ συναφείᾳ εἷς ἐσ-
τίν ὁ Θεὸς Λόγος καὶ ἡ
σὰρξ. οὐ συγχύσεως γενο-
μένης, οὐδὲ ἀφανισμοῦ τῶν
οὐσιῶν, ἀλλ' ἐνώσεώς τινος
ἀρρήτου καὶ ἀφράστου,
καὶ ἦν μόνος οἶδεν αὐτός.
„Καὶ ἐθεαβάμεθα τὴν δό-
ξαν αὐτοῦ“. Διὰ τοῦ συν-
τρόφου σώματος ἡμῖν δη-
λονότι. Εἰ γὰρ τὸ πρόσω-
πον Μωϋσέως οὐχ ὑπέ-
μειναν οἱ κατ' ἐκείνον τὸν
καιρὸν δοξασθὲν ἰδεῖν, πῶς
θεόπητα γυμνῆν καὶ φῶς

ни и земни како возмогли быхомъ сътрыпѣти. и понеже мнози отъ пророкъ прославлени быша. ихже единъ есть Моуси. оуди-вишажеса ангели челоуѣкы явльшеса. и хержвимъ и серафимъ многою славою явися пророкъ. отъ всѣхъ сихъ отводя ны евангелистъ на томъ блазѣмъ поставляетъ на врьсѣ глаголя. „славъ яко единочадаго отъ Отца, исполнь благодати и истинны“. истиннъ царю единочадаго Отрока Отца, сами Господа всѣхъ видѣхомъ славъ.

А еже „яко“ не подобию есть. ни притчи но извѣствованию. и глаголаше видѣхомъ славъ якоже подобаше. и лѣтъ бѣ имѣти единочадомъ и соприснощщнъ Сынъ всецарю Богъ. ктожъ бѣ слава си. яко съ областию подобною царю и владыцѣ вся тво-

ἀπρόβιτον καὶ αὐταῖς ταῖς ἄνω δυνάμεσιν, ἡμεῖς οἱ πῆλινοι καὶ γηγενεῖς ἠδυνήθημεν ἂν ἐνεργεῖν. Καὶ ἐπειδὴ πολλοὶ τῶν προφητῶν ἐδοξάσθησαν, ὧν εἰς οὗτος αὐτός ἐστι Μωϋσῆς· ἐθαυμάσθησαν δὲ καὶ Ἄγγελοι παρὰ ἀνθρώποις φανέντες, καὶ τὰ Χερουβείμ δὲ καὶ τὰ Σεραφεῖμ μετὰ πολλῆς δόξης ὡφθη τῷ προφήτῃ πάντων τούτων ἀπάγων ἡμᾶς ὁ Εὐαγγελιστῆς, πρὸς αὐτὴν τῶν ἀγαθῶν ἡμᾶς ἰσθησι κορυφὴν, λέγων, „δόξαν ὡς μονογενοῦς παρὰ Πατρὸς πλήρης χάριτος καὶ ἀληθείας“. αὐτὴν φησι τοῦ βασιλέως, τοῦ γνήσιου μονογενοῦς Παιδὸς τοῦ Πατρὸς, αὐτοῦ τοῦ πάντων Κυρίου τὴν δόξαν ἐθεαβάμεθα.

Τὸ δὲ „ὡς“ ἐνταῦθα οὐχ ὁμοιωθεὶς ἐστίν, οὐδὲ παραβολῆς, ἀλλὰ βεβαιώσεως, καὶ ἀναμφισβήτητου διορισμοῦ, ὡς θανεῖ ἔλεγεν, ἐθεαβάμεθα δόξαν, οἷαν ἔπρεπε καὶ εἰκὸς ἦν ἔχειν μονογενῆ καὶ γνήσιον ὄντα Υἱὸν τοῦ παμβασιλέως Θεοῦ. Τίς δὲ ἦν αὕτη ἡ δόξα; ὅτι μετ' ἔξου-

ряще. а не яко аггели и пророцы повелѣваеми. самъ благодати и истинны исполнь сыи, и инѣмъ подавая ю.

Что ради многажды евангелистъ Иоаново приносить послѣшество. якоже и здѣ рече. „Иоанъ послѣшествуетъ о немъ“. не просто но и зѣло смыслено. понеже много имяхъ чюдо мѣжа сего вси юдеи. имже Иосиѡвъ за оумертвие его. градъ иудѣискъ бранию погибнѣти помышляше. и словеса долга похвалы о немъ творяше. сего ради тѣмъ хотя иудѣя посрамити. часто воспоминаеть имъ послѣшество предтеча. не тѣмъся рабомъ владыкѣхъ достойна вѣрна сътворити. но младенцемъ иудѣомъ немощи смотря.

σίας βασιλεῖ καὶ δεσπότῃ προεπούθης πάντα ἐποίη, καὶ οὐχ ὡς ἄγγελοι καὶ προφηταὶ προεσταττόμενοι, αὐτοχάρις καὶ ἀλήθεια ὑπάρχων πεπληρωμένῃ, καὶ ἄλλοις ταύτην χορηγῶν.

Τίνος ἔνεκεν πολλάκις ὁ Εὐαγγελιστὴς τὴν Ἰωάννου περιφέρει μαρτυρίαν, ὥσπερ καὶ ἐνταῦθά φησιν, „Ἰωάννης μαρτυρεῖ περὶ αὐτοῦ“; οὐχ ἀπλῶς, ἀλλὰ καὶ σφόδρα συνετῶς· ἐπεὶ γὰρ πολλοὶ τὸ θαῦμα εἶχον τοῦ ἀνδρός τούτου πάντες οἱ Ἰουδαῖοι, ὥστε καὶ τὸν Ἰωσὴπον διὰ τὴν τούτου τελευτήν τὴν τῶν Ἰουδαίων πόλιν ἀφανισθῆναι πολέμῳ λογιζέσθαι, καὶ μακροῦς περὶ αὐτοῦ λόγους ἐγκωμίων ποιεῖσθαι· τούτου χάριν ἀπ’ αὐτοῦ τοὺς Ἰουδαίους ἐντρέψαι βουλόμενος, συνεχῶς αὐτοὺς ἀμιμνήσκει τῆς τοῦ προδρόμου μαρτυρίας· οὐ τὸν δεσπότην ἀπὸ τοῦ δούλου ποιῆσαι ἀξιόπιστον σπεύδων, ἀλλὰ τῆς τῶν νηπιαζόντων Ἰουδαίων ἀσθενεί-

А еже „возопи“ глаголя. дръзновение его являетъ, яко безо всякого сжмѣнїя. пришествіе Сына Божїя проповѣдаше.

А еже рече „се есть сгоже рѣхъ“ показатъ. яко и прежде явленїа Христова проповѣда и сеже творяше. да благоприятно будетъ послѣдїе его. а еже „гряды во слѣдъ мене“. се есть проповѣда по мнѣ. а еже „предомною бысть“. сирѣчь свѣтлѣе и честнѣе. а еже „старѣе мене бѣ“. яко не отъ котораго спѣянїа старѣиша мене сжца. послѣди сътворимъ быти. но присно старѣе бѣ. аще и послѣди прииде. „и отъ исполненїа же его мы вси восприяхомъ“. яко неприятеи имать даръ. но и самъ источникъ и корень есть всѣмъ благымъ. самъ животъ самъ свѣтъ самъ истинна. не себе съдръжа богатство. но и всѣмъ преисточая, во источанїи пребываетъ полнъ.

ας βυγκαταβαίνων. Τὸ δὲ, „ἐκράγε“, λέγει, τὴν παρορθίαν αὐτοῦ δηλοῖ, καὶ ὅτι χωρὶς ὑποβολῆς ἀπάσης τὴν παρουσίαν τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ἐκήρυσσε. Διὰ δὲ τοῦ εἰπεῖν, ὅτι „οὗτος ἐστὶν ὃν εἶπον“, ἰδείκνυσιν, ὅτι καὶ πρὶν φανῆναι τὸν Χριστὸν, ἀνεκήρυσεν αὐτόν τοῦτο δὲ ἐποιεῖ ἵνα εὐπαράδεκτον ἡμῖν γένηται. Τὸ δὲ „ὁ ὀπίσω μου ἐρχόμενος“ σημαίνει, ὁ μετ' ἐμὲ κηρύττον, οὐχ ὁ μετ' ἐμὲ γενόμενος. Τὸ „ἐμπροσθέν μου γέγονε“, τουτέστι, λαμπρότερος, ἐντιμότερος. Τὸ δὲ „πρώτος μου ἦν“, ὅτι οὐχ ἔχ. τινος προκοπῆς πρῶτον μὲν ὄντα. ὀπίσω πεποιθήκεν εἶναι, ἀλλ' αἰεὶ πρῶτος ἦν, εἰ καὶ ὑστερος παραγίνεται. „Ἐκ τοῦ πληρώματος δὲ αὐτοῦ ἡμεῖς πάντες ἐλάβομεν“, ὅτι οὐ μεδεκτήν ἔχει τὴν δωρεάν, ἀλλ' αὐτοπηγὴ καὶ αὐτορίζα πάντων ἐστὶ τῶν ἀγαθῶν, αὐτοζωή καὶ αὐτοφῶς καὶ αὐτοαληθεία· οὐχ ἐν ἑαυτῷ συνέχων τὸν πλοῦτον, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς ἄλλους ἅπαντας ὑπερχλί-

За коую благодать толикж
 благодать восприяхомъ. за
 ветхж новж. ибо благодатию
 иудѣи прияти быша тогда.
 якоже писано есть „якоже
 бо не оумножитися вамъ.
 но отъ отца избрахъ васъ“.
 и мы пакы благодатию
 спасени быхомъ но не та-
 коже но болшими. за даръ
 Дѣховныи и за дръзнове-
 ние бывшее съ мирениемъ.
 а еже прияти законж бла-
 годати бѣ. якоже прирѣ-
 цаеть. яко „законъ Моисе-
 омъ данъ бысть“. аще бо
 образъ бѣ законъ тѣ. но
 милостыню являетъ Божию
 и щедроты. яко „знаны со-
 твори пжти своя Моисію“.
 якоже рече Давидъ. яко
 „благодать и истинна Іс
 Хмъ бысть“. яко болша
 блага намъ внесе, явѣ есть.
 онъ бо слжжителъ сы. мен-
 шихъ вещии слжга. се же
 владыка и царь и царевь.
 Сынъ. лжчна многихъ при-
 несе намъ. сыи присно съ от-

ζων αὐτόν, καὶ μετὰ τὸ
 ὑπερκλύσαι μένων πλήρης.
 Ἀντὶ ποίας χάριτος ποί-
 αν χάριν ἐλάβομεν; ἀντὶ
 τῆς πάλαι τὴν καινὴν καὶ
 γὰρ χάριτι καὶ Ἰουδαῖοι
 προσεδέχθησαν τότε, ὡς
 γέγραπται, ὅτι „οὐ διὰ τὸ
 πολυπληθεῖς ὑμᾶς, ἀλλὰ
 διὰ τοὺς πατέρας ὑμῶν
 ἐξελεξάμην“. καὶ ἡμεῖς πάλιν
 χάριτι ἐσώθημεν, ἀλλ’
 οὐχ ὁμοίως, ἀλλὰ μειζό-
 νως διὰ τὴν τοῦ Πνεύμα-
 τος δωρεάν, καὶ διὰ τὴν
 ἀπὸ τῆς καταλλαγῆς γενο-
 μένην παρορησίαν. Καὶ τὸ
 λαβεῖν δὲ τὸν νόμον, χά-
 ριτος ἦν, καθὼς ἐπάγει,
 ὅτι „ὁ νόμος διὰ Μωϋσέως
 ἐδόθη.“ εἰ γὰρ καὶ τύπος
 ἦν ὁ νόμος ἐκεῖνος, ἀλλ’
 οὖν ἐλεημοσύνην ἐμφαίνει
 Θεοῦ καὶ οἰκτιρισμοὺς, ὅτι
 „ἐγνώρισε τὰς ὁδοὺς αὐτοῦ
 τῷ Μωϋσεῖ“, καθὼς φησιν
 ὁ Δαβὶδ. Ὅτι δὲ „ἡ χάρις
 καὶ ἡ ἀληθεία διὰ Ἰησοῦ
 Χριστοῦ ἐγένετο“, καὶ ὅτι
 τοῦτο μειζόνα ὑμῖν ἐκό-
 μιθεν ἀγαθὰ, δῆλον ἐκεῖ-
 νος μὲν γὰρ ὑπηρετῆς ὢν
 ταπεινοτέρων γέγονε πρα-
 γμάτων διάκονος οὗτος

цемъ, емаже слава и честь, и поклоняние достонитъ Уы-
нж и пресвятомж животво-
рящемж Джхж, отъ всего
дыханіа и нынѣ и присно
и вѣкы вѣкомъ аминь.

δὲ δεβπότης καὶ βαβιλέως
καὶ βαβιλέως Υἱός, τὰ πολ-
λῶ κρείττονα ἤγαγεν ἡμῖν,
συνῶν ἀεὶ τῷ Πατρὶ.

Того^ж. Златоустаго. съказаниѣ. ѿ евангѣлиа. ѿ Ма^о.
(8, 5—13). Бесѣда 12-я (Син. ркпс. лл. 66 об.—68) (1).

Холюбци. Гѣ нашъ и Бѣ Іу Хѣ рече. иже оубо
постыдиться менѣ и моихъ словесъ. постыжоуся сего
и азъ прѣдъ Оцѣмъ мѣимъ. тѣмъже сице тяжько и
люто слово слышаще. не можемъ постыдѣтися улѣкъ.
ни таланта съкрыемъ ижеже приахомъ ижеже онъ
рабъ. нъ подадимъ прѣвѣ. творяще независтно. ни
скждно словеса Гнѣ. и вѣрж покажимъ. примышеи
благодѣтъ. ижеже сътъникъ съ. да хвалж приемемъ
ѿ общаго Ба. прѣдъ англы и чловеки. и разумѣ-
имъ прилежно. како съказаетъ стѣи съ стѣль (2) въ се
мѣсто. глѣтъ бо сице. съказан напемому неразоумью.

Прокажены оубо съшьдъ-
шоу Ісови съ горы. при-
ступи къ нему. а сътъни-
коу вѣлѣзъшоу въ Каперь-
наумъ. чѣсо ради. ни съ

‘Ο μὲν λεπρός καταβά-
τι ἀπὸ τοῦ ὄρους προ-
σῆλθεν. ὁ δὲ ἐκατόνταρχος,
οὕτως εἰσελθόντι εἰς Κα-
περναοῦμ. τίνος ἔνεχεν οὐ-
τε οὗτος οὔτε ἐκεῖνος εἰς

(1) Начиная съ сей бесѣды славянскій текстъ печатается по сино-
дальной рукописи XIII в. (Опис... II, 2, № 163). Порядковый счетъ
бесѣдъ указывается по Описанію сей рукописи Горскаго и Невоструева.

(2) Т. е. св. Іоаннъ Златоустъ.

ни онъ на гороу не възидоста. не за оунъниѣ оубо. обою вѣра тепла. нъ да не пресѣчете оучительства. не принесе бо недоужьнаго къ Христови. зане велью вѣроу имѣаше. вѣдѣаше бо вѣстиноу. яко повелѣниѣ довлѣеть тѣкъмо. на вѣстаніе лежащъ. и Господъ же сего ради егоже прѣвѣ. инѣде никъдеже. не сътворилъ съде творить. въезде бо послѣдоумъ. воли молящихъ. съде же самъ обѣщавається. прити въ храминоу. и исцѣлти немощнаго. се же творить. да оувѣмъ доброволение сътъниче. аще бо сего не бы обѣщаль. нъ реклъ. иди исцѣлѣ отрокъ ти. ничъсоже отъ нихъ видѣли быхомъ. убо бо рече сътъникъ. „нѣсмъ довольнъ. да подъ кровъ мои вѣнидеши. нъ рци словомъ тѣкъмо. исцѣлѣеть отрокъ мой“. да оуслышимъ хотящеи Ха приати. и да рѣвноуемъ. и съ толицѣмъ

τὸ ὄρος ἀνέβησαν; οὐκ διὰ ῥάθυμίαν· καὶ γὰρ ἀμφοτέρων ἡ πίστις θερμὴ, ἀλλῶς τε μὴ ἐκκόπαι τὴν διδασκαλίαν. οὐκ ἦγαγε δὲ τὸν ἀσθενοῦντα πρὸς τὸν Χριστόν· διὰ τὸ μεγάλην αὐτὸν ἔχειν πίστιν· ἦδει γὰρ σαφῶς ὅτι καὶ ἐπιταυμα ἀρχεῖ μόνον εἰς τὴν ἀνάστασιν τοῦ κειμένου· καὶ ὁ Κύριος δὲ διὰ τοῦτο ὅπερ μηδαμοῦ πρότερον ἐποίησεν, ἐνταῦθα ποιεῖ, πανταχοῦ ἐπόμενος τῇ προαιρέσει τῶν ἰκετεούντων ἐνταῦθα αὐτὸς ἐπαγγέλλεται παραγενέσθαι εἰς τὴν οἰκίαν, καὶ θεραπεῦσαι τὸν ἀσθενοῦντα· ποιεῖ δὲ τοῦτο, ἵνα μάθωμεν τὴν ἀρετὴν τοῦ ἑκατοντάρχου. εἰ γὰρ μὴ τοῦτο ἐπηγγείλατο, ἀλλ' εἶπεν, ἕπαγε, ἰάθη ὁ παῖς σου, οὐδὲν ἂν τούτων ἔγνωμεν· τί γὰρ φησιν ὁ ἑκατόνταρχος; „οὐκ εἰμὶ ἰκανός“ καὶ τὰ ἐξῆς· ἀκούσωμεν ὅσοι τὸν Χριστὸν μέλλομεν ὑποδέχεσθαι, καὶ ζηλώσωμεν, καὶ μετὰ τὸ σαύτης σπουδῆς δεξώμεθα·

тышаниемъ приемемъ. ибо егда нища приемемъ. алчуща и нага. того приихомъ и питѣхомъ.

Въпросъ. Поуто же дивися вѣрѣ его. при толицѣ народѣ. и лоууша его быти. всего множества иудейска издрече. и даниемъ црѣствиа ѹтеть. възлѣганне еже на патриарсѣхъ дад.

Отвѣтъ. Да и друугымъ подражанне дасть. да рвьнууютъ емоу и наказани боудемъ. сиче вѣровати. тѣмъже по вѣрѣ его исцѣлѣ отрокъ. отъ тогоже часа. подобаатъ же вѣдѣти яко тѣжде есть поминаемыи Лоукою. а поминаемыи Иоаномъ инѣде.

καὶ γὰρ ὅταν πάντα ὑποδεξώμεθα πεινῶντα καὶ γυμνὸν, ἐκείνον καὶ ὑπεδεξάμεθα καὶ ἐθροέψαμεν διὰ τί δὲ ἐθαύμασεν αὐτοῦ τὴν πίστιν ἐπὶ τοῦ τοβοῦτου πλῆθους, καὶ κρείττονα εἶναι αὐτὸν παντὸς τοῦ πλῆθους τῶν Ἰουδαίων ἀπεφήσατο, καὶ τὰς τῆς βασιλείας δώσει τιμὰς, τὴν ἐν τοῖς κόλποις τῶν πατριαρχῶν ἀνάκλιβιν διδοῦς; ἵνα καὶ τοῖς ἄλλοις ὑπόδειγμα δώσῃ, ὥστε αὐτὸν ζηλοῦν, καὶ παιδευθῶμεν πιστεῦναι οὕτως· ὅθεν καὶ κατὰ τὴν πίστιν αὐτοῦ, ἰσθῆ ὁ πᾶς ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκείνης. Χοῖ δὲ γινώσκειν, ὅτι αὐτὸς ἐστὶν ὁ παρὰ τῷ Λουκᾷ μνημονευόμενος· ὁ δὲ παρὰ τῷ Ἰωάννης ἕτερος (1).

Се слышавъше братие. и съмотряще. яко не соумняся пристоупилъ стѣжникъ съ. потѣщимъся и мы несоуменьно. вѣроу свою показати. нъ всею силою своею хранимъся. да ны съхранить и на боудоущее съблюдетъ. егда правдныи соудии сядеть соудя всемоу миру. и въздадъ комоуждо по дѣломъ ѹго. ѹмоуже слава ѹсть. покланяниѣ съ святымъ Дхмъ нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

(1) Cramer. Cat. Gr. Patr. in N. Test., t. 4, p. 58.

О ПРИѢЗДѢ ВЪ КАЗАНЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕН-
СТВА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ПАЛЛАДІЯ
АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО.

Назначенный Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 21-го августа 1882 года на Казанскую архіепископскую кафедру—Высокопреосвященнѣйшій Палладій Архіепископъ казанскій и свѣяжскій, бывший дотолѣ Архіепископъ рязанскій, прибылъ въ Казань въ 8-мь часовъ вечера 13-го настоящаго октября.

Встрѣча Его Высокопреосвященству была слѣлана самая сочувственная. На парходную пристань для этого отправились высшіе представители мѣстной администраціи—Преосвященный Кирилль, Епископъ чебоксарскій, Викарій Казанской епархіи, и Начальникъ губерніи, Генераль-Маіоръ Леонидъ Ивановичъ Черкасовъ. Духовенство же градское и множество горожанъ собрались въ Кафедральномъ соборѣ, гдѣ и ожидали прибытія новаго Владыки въ самомъ нетерпѣливомъ и вмѣстѣ радостномъ настроеніи. Заранѣе всѣмъ въ городѣ было извѣстно, что Высокопреосвященнѣйшій Палладій—изъ воспитанниковъ здѣшной духовной академіи, и что онъ слѣдовательно вступаетъ въ здѣшній край, какъ родной человекъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ духовнымъ нуждамъ этого края. Въ добавокъ всѣмъ стало извѣстно, какія прекрасныя воспоминанія о своемъ истинно отеческомъ управленіи оставлялъ по себѣ новый Владыка въ тѣхъ епархіяхъ (вологодской, тамбовской и рязанской), ко-

торыя преемственно ввѣряемы были Его управленію. Липь только торжественный звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ города Казани возвѣстилъ прїѣздъ Владыки, какъ все почетнѣйшее духовенство казанское въ свѣтлыхъ облаченіяхъ вышло на встрѣчу Владыкѣ къ самымъ дверямъ собора. Ровно въ половинѣ 9-го часа вечера вступилъ въ этотъ соборъ новый Владыка. По облаченіи Его въ святительскую мантию, и по пропѣтіи хоромъ пѣвчихъ „Достойно есть“, старѣйшій изъ здѣшняго духовенства, каедральный о. Протоіерей Викторъ Вишневскій привѣтствовалъ Его Высокопреосвященство слѣдующею рѣчью: „Богодарованный Архипастыръ нашъ! Изъ самостоятельныхъ архіерейскихъ каедръ, наша Казанская есть уже четвертая, на которую Архіерей будущихъ благъ посаждаетъ Тебя быть служителемъ Его у язычниковъ, въ виду того, что въ нашей епархіи еще не мало невѣрующихъ, у коихъ Богъ вѣка сего ослѣпилъ умы такъ, что для нихъ не возсіялъ еще, свѣтящій здѣсь уже четвертое столѣтіе, свѣтъ славнаго благовѣствованія о Христѣ (2 Кор. IV. 4); а Ты, по данной Тебѣ отъ Бога благодати, силенъ и наставляешь въ здоровомъ ученіи, и противящихся обличать (Тит. I. 3).

Убѣждаясь, что Ты идешь къ намъ съ полнымъ благословіемъ благовѣствованія Христова, срѣтаемъ Тебя въ радости Духа Святаго, съ теплою молитвою, чтобы слово Господне, благовѣстіе котораго здѣсь Тебѣ ввѣряется, распространялось и славилось и у насъ, какъ оно славилось рѣ прежнихъ мѣстахъ Твоего служенія“ (2 Сол. II. 1); Тебѣ же Господь да предстанетъ и укрѣпитъ Тебя, дабы чрезъ Тебя подтвердилось благовѣстіе, и оное услышали всѣ здѣшніе язычники (2 Тим. IV. 17).—Затѣмъ, послѣ того, какъ Владыка приложился въ олтарѣ ко св. кресту и Евангелію, а также къ мѣстнымъ св. иконамъ и къ мощамъ св. Гурія, совершена была обычная литія, закончившаяся провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и все-

му Царствующему дому, Св. Правительствующему Синоду и Высокопреосвященнѣйшему Палладію, Архіепископу казанскому и свѣяжскому съ богохранимою Его паствою. По пропѣтіи многолѣтія Владыка обратилъ къ предстоящимъ съ привѣтственнымъ словомъ ⁽¹⁾.

Слово Владыки было выслушано всѣми съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и оставило въ сердцахъ слушателей неизгладимыя и самыя отрадныя впечатлѣнія. Послѣ отпуска Владыка очень долго благословлялъ народъ, которымъ переполненъ былъ обширный Каѳедральный соборъ, изъ среды котораго всѣмъ такъ желательно было удостоиться получить благословеніе отъ новаго Владыки. По прибытіи въ архіерейскій домъ, Владыкѣ представились и принесли поздравленія со вступленіемъ Его на Казанскую каѳедру Преосвященный Кирилль, Епископъ чебоксарскій, Викарій Казанской епархіи, оо. Ректоры Казанской духовной академіи и семинаріи, оо. Члены и Секретарь духовной консисторіи и соборное духовенство со старостою. При этомъ каѳедральный о. Протоіерей Викторъ Вишневскій поднесъ Его Высокопреосвященству икону св. Гурія, украшенную позлащенною ризою и произнесъ при этомъ слѣдующую краткую рѣчь: „Отъ престольнаго храма Твоего по святому обычаю, приносимъ Тебѣ св. икону казанскаго святителя Гурія, котораго Пастыреначальникъ Христосъ поставилъ перваго къ совершенію, въ здѣшней области, святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова (Еф. IV. 11). Прими ее, въ знаменіе молитвъ, отъ соработниковъ Твоихъ, у Бога, какъ Отцу свѣтовъ, отъ котораго свыше низходитъ всякое даяніе доброе и всякъ даръ совершенный (Іак. I. 16), дабы Онъ по богатству своему въ славу, исполнялъ всякую нужду Твою, Исусомъ Христомъ (Фил. IV. 12); такъ и святому первосвятителю на-

(1) См. стр. 191.

шему, дабы онъ, своими молитвами, пособствовалъ Тебѣ въ упованіи на Бога нашего, подобно ему, съ радостію совершать у насъ служеніе, которое привялъ отъ Господа Иисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божіей“ (Дѣян. XX. 24). Соборнымъ старостою, казанскимъ купцомъ Аѳ. М. Музуровымъ, по русскому обычаю, поднесены были хлѣбъ-соль съ серебряною вызолоченною солонкою, сдѣланною въ русскомъ стилѣ. Владыка всѣхъ благодарилъ за привѣтствіе въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ; многихъ изъ присутствующихъ узнавалъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Отвѣчая о. Протоіерею на его привѣтствіе, онъ высказалъ между прочимъ, что будетъ молиться угоднику Божію первосвятителю казанскому Гурію, чтобы онъ своими молитвами помогъ ему совершить ко благу здѣшняго края тотъ подвигъ святительскаго служенія, который возложенъ на него Провидѣніемъ.— Секретарь консисторіи, представляя Ёго Высокопреосвященству, сказалъ: „я считаю для себя и Казанской епархіи величайшимъ счастіемъ то обстоятельство, что Господь привелъ меня дожить до того времени, когда одинъ изъ питомцевъ общей нашей *almae matris*, т. е. здѣшней академіи, сдѣлался іерархомъ Казанской епархіи“. Да; отвѣчалъ Владыка: „по милости Божіей я первый изъ воспитанниковъ здѣшней академіи сдѣлался преемникомъ первосвятителя Гурія въ его апостольскомъ служеніи. Да поможетъ намъ Господь продолжить это служеніе ко благу здѣшняго края“. И мы вѣруемъ и надѣмся, что настоящее вступленіе на кафедру первосвятителя Гурія новаго Владыки, и именно изъ воспитанниковъ здѣшней академіи, встрѣченное съ такимъ восторгомъ, послужитъ ко всеобщему благу.

Р Ѣ Ч Ъ

ПРИ ВСТУПЛЕНИИ ВЪ УПРАВЛЕНІЕ КАЗАНСКОЮ ПАСТВОЮ.

—

Послѣ немаловременнаго пастырскаго служенія въ другихъ паствахъ, преемственно вѣряемыхъ духовному моему водительство, среди соучастія въ дѣлахъ святѣйшаго правительствующаго собора всероссійской церкви, — всѣмъ управляющая и все устрояющая десница Всевышняго Промысла, чрезъ соизволеніе Благочестивѣйшаго Монарха нашего, сердце Коего въ руцѣ Божіей, и чрезъ избраніе Богопоставленнаго высшаго священноначалія, указала мнѣ новый жребій пастырства въ странѣ сей, знаменитой въ лѣтописяхъ отечественныхъ, служащей средоточіемъ жизни и дѣятельности для многихъ окрестныхъ областей и разливающей свѣтъ вѣры и истиннаго просвѣщенія до самыхъ отдаленныхъ сѣверовосточныхъ окраинъ обширнаго отечества нашего.

Съ тою же благоговѣйною преданностію указанію свыше, которая руководила мною въ неожиданныхъ перемѣнахъ жизни моеи до сего времени, пріемлю новую судьбу мою, новое сіе назначеніе. Да будетъ всегда и во всемъ всесвятая, премудрая и благая воля

Главы церкви, Господа Иисуса Христа, который Самъ благоволилъ именовать Себя *путемъ* (Иоан. 14, 6) и *дверью овцамъ двора* (Иоан. 10, 7) великаго благодатнаго дома своего.

Не чуждъ и не безъизвѣстенъ мнѣ градъ сей;—неудивительно, что настоящія знаменательныя для меня минуты я принимаю особенно близко къ сердцу. Тридцать лѣтъ тому назадъ я довершилъ и окончилъ въ здѣшнемъ высшемъ святилищѣ духовной науки свое образованіе; а теперь, по преполовеніи дней моихъ, Промыслъ Божій судилъ моему недостоинству стать здѣсь во главѣ пастырства и учительства, чтобы быть мнѣ, — страшусь сказать, — главнымъ руководителемъ вашимъ на великомъ и многотрудномъ пути спасенія.

Вспоминаю судьбы прошедшія церкви Казанской и, въ благоговѣннѣи къ путямъ Промысла, поучаюсь. Предо мною насажденіе рукъ равноапостольныхъ отцевъ нашихъ, Богомъ прославленныхъ свѣтильниковъ страны сея, св. Гурія, Варсонофія и Германа, водрузившихъ здѣсь крестъ Христовъ, низложившихъ прелесть магометанскую и насадившихъ вѣру истинную. Предо мною — духовная плодоносная нива Христова, воздѣланная трудами и орошенная потомъ такихъ *искусныхъ и непостыдныхъ дѣлателей* (2 Тим. 2, 15), каковы были подвизавшіеся здѣсь приснопамятные святители — Амвросій, Филаретъ, Григорій, Антоній. Да послужатъ же мнѣ образцемъ истиннаго пастырскаго служенія великія и поучительныя дѣянія прославившихъ себя высокими духовными совершенствами предшественниковъ моихъ.

По достоподражаемому примѣру ихъ, и я, смиренный пастырь, пришелъ къ тебѣ Богомъ дарованная мнѣ паства Казанская, съ посохомъ пастыря, отца и учителя, на дѣло и дѣланіе свое, *да не послужатъ мнѣ, но послужити* (Матѳ. 20, 28) по мѣрѣ моихъ силъ и дарованій, *да право правлю слово истины* (2 Тим. 2, 15), да проповѣдаю во градѣ семъ и прочихъ градахъ и весяхъ страны сей, *скажу вамъ волю Бо-*

жю (Дѣян. 20, 27), возвѣщая спасеніе, назидая души ваши ученіемъ вѣры, надежды и любви, преподавая вамъ миръ и благодать.

О, если бы Господь благословилъ своимъ пре- небеснымъ благословеніемъ пастырское мое служеніе здѣсь и даровалъ мнѣ быть пастыремъ по сердцу паствы, также и сердца пасомыхъ обратилъ къ новому пастырю! *Кто бо пастырю упованіе, или радость, или вѣнецъ похваленія* (1 Сол. 2, 19)? Не паства ли вѣрующая и вѣру свою свидѣтельствующая добрыми дѣлами, любовію и преданностію своему архипастырю? Къ утѣшенію моему, нѣкоторый признакъ сего я усматриваю въ этомъ сочувственномъ приѣмѣ, оказанномъ мнѣ, въ этой общей предупредительности. Чувствую сердцемъ моимъ, что въ семъ случаѣ движетъ вами добрый духъ русскаго православнаго народа, преданнаго св. вѣрѣ и церкви, повинующагося законному пастырству и священноначалію, почитающаго санъ святительскій. Это благое начало да будетъ залогомъ приискренней любви и единенія между пастыремъ и пасомыми и на будущее время. Да устроится, укрѣпится и возрастетъ между вами и мною столь необходимый духовный союзъ и взаимное довѣріе; это—великая нравственная сила, которая много добраго можетъ сдѣлать и въ дѣлахъ вѣры, и въ нравахъ народа, и въ быту гражданскомъ; она облегчитъ намъ исполненіе и нашихъ взаимныхъ отношеній къ истинной пользѣ нашей, а — наиначе къ спасенію душъ нашихъ.

Но силы одного пастыря, предоставленнаго только самому себѣ. недостаточны! Вы, братіе-сослужители, содѣйствуйте мнѣ, въ дѣлахъ пастырства, вашимъ сотрудничествомъ и помощію, *разумнѣе разумѣвая души пасомыхъ* (Притч. 27, 23); будьте живою связью, соединяющею главнаго пастыря съ паствою. *Внимая, по апостолу, себѣ* (Дѣян. 20, 28), *пасите* духовное стадо не нуждею, но волею и по Бозѣ (1 Пет. 5, 2); да являетесь себя истинными провозвѣстниками вѣры и

благочестія, словомъ и примѣромъ, въ тѣхъ, хотя необширныхъ, кругахъ, въ которыхъ вы поставлены среди общества и народа, чтобы пастырское бремя мое было, если не легкимъ, то, по крайней мѣрѣ, удобоносимымъ и не подавляющимъ силы мои, и чтобы служеніе наше было *непостыдно предъ Богомъ* (2 Тим. 2, 15), *полезно человѣкомъ и добро* (Тит. 3, 8), *да вси достигаютъ въ соединеніе въры* (Еф. 4, 13) и, твердо, неуклонно держась Божественной истины, съ упованіемъ идутъ въ пристанище вѣчнаго спасенія.

При послѣднихъ словахъ, къ утѣшительнымъ мыслямъ примѣшивается и сильная скорбь: есть *въ странѣ сей и ны овцы, яже не суть отъ двора сего* (Іоан. 10, 16), люди блуждающіе по распутіямъ лжи и разныхъ суетвѣрій, влающеся и скитающеся великимъ вѣтромъ ученія, *во лжи чловѣчестій, въ коварствѣ козней льщенія* (Еф. 4, 14), слушающіе самозванныхъ учителей, не входящихъ дверьми, но прелазящихъ инудѣ (Іоан. 10, 1). Есть здѣсь упорные и изувѣрные послѣдователи магометанскаго лжевѣрія и даже сѣдящіе еще во тьмѣ и сѣни смертнѣй, во мракѣ грубаго идолопоклонства. О, если бы слово Евангелія, чрезъ мое смиреніе, достигло слуха и этихъ ослѣпленныхъ и погибельныхъ людей и, проникнувъ въ сердца ихъ, смягчило ожесточеніе, ослабило предубѣжденіе, просвѣтило духовную слѣпоту ихъ и — привело во дворъ овчій дома Господня, въ нѣдра св. церкви Христовой!

Премилосердый Владыко Господи! Да пребудетъ выну благодать Твоя и милость на странѣ сей и людяхъ Твоихъ сихъ, да являеши присноздѣсь вѣдущимъ Тя *знаменія Твоя во благо* (Псал. 85, 17) и *вся силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3). Еще молю Тя, Всеблагій Господи, обрати сердца и веищущихъ Тебе, прельщенныхъ и заблуждающихъ. — Заступнице усердная, Мати Господа Бога Вышняго, всемогущая Покровительница и Заступница страны сей! буди мнѣ Помощницею и Споручницею служенія моего! — Святителие Христовы и Чудотворцы Гуріе, Вар-

сонофіе и Германе, вспомошествоуйте недостойному премнику вашему богопріятными молитвами предъ Господомъ. Наипаче же ты, первосвятителю церкви Казанскія, почивающій здѣсь въ благоуханіи св. нетлѣнныхъ мощей, Святителю Гуріе, первый благовѣститель евангельской истины въ предѣлахъ сихъ и присный молитвенникъ нашъ, не престай выну ходатайствовать о мнѣ предъ престоломъ Божественной благодати. *Да будетъ духъ, иже бѣ въ тебѣ*, не дерзаю сказать, *сугубъ*, но по крайней мѣрѣ дѣйственъ во мнѣ (4 Царст. 11, 9).

Съ миромъ и любовію, заповѣданными намъ (Матѹ. 10, 12) Самимъ небеснымъ Пастыреначальникомъ пришелъ я дверьми во дворъ богохранимыя паствы сея. апостольскимъ привѣтствіемъ мира и благодати и привѣтствую васъ, возлюбленные братіе. *Благодать и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (Рим. 1, 7) Казанской паствѣ, пастырямъ и пасомымъ въ ихъ неразрывномъ духовномъ союзѣ между собою. Миръ и благословіе Господне граду сему и прочимъ градамъ и всеямъ паствы нашей. Миръ и Божія помощь всемъ благимъ дѣятелямъ на разныхъ поприщахъ, въ усердномъ и честномъ исполненіи ими обязанностей своего званія. Да почіетъ миръ Христовъ въ семействахъ вашихъ и сердцахъ ващихъ, а съ нимъ и Божіе благословіе, созидающее дома и ихъ благосостояніе, особенно же устрояющее спасеніе душъ. *Миръ Божій, превосходящій всякъ умъ, да блюдетъ сердца ваша и разумнїя ваша о Христвъ Иисусъ* (Фил. 4, 7). Миръ всемъ и отъ всѣхъ буди!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога Отца и причастіе Святаго Духа да будетъ со всеми вами.

СЛОВО

ПРИ ПЕРВОМЪ СЛУЖЕНІИ ПО ВСТУПЛЕНІИ ВЪ УПРАВЛЕНІЕ КАЗАНСКОЮ ПАСТВОЮ (¹).

---

*Отче святой! Святи ихъ во истину:
слово Твое истина есть (Іоан. 17, 11. 17).*

Молитвою горячею въ сердцѣ и устахъ къ Богу *Отцу святовъ, отъ Него же исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ* (Іак. 1, 17), начинаю первое мое слово къ вамъ, людіе. Божіимъ промысломъ ввѣренные духовному водительство моему.

Утѣшительно и знаменательно было первое наше срѣтеніе въ семъ престольномъ храмѣ паствы, когда вы воочію свидѣтельствовали свою предупредительность, свое искреннее расположеніе пастырю, грядущему къ вамъ во имя Господне, когда и новый пастырь привѣтствовалъ насъ апостольскимъ привѣтствіемъ мира, любви и благодати, преподавъ вамъ и Божіе благословеніе. Это благое начало да будетъ залогомъ любви и единенія между пастыремъ и паствою и на будущее время. Молю небеснаго Пастыреначальника, да даруетъ мнѣ быть пастыремъ по сердцу паствы и сердца пасомыхъ обратитъ къ новому пастырю. Да услышитъ Господь это пламенное молитвенное желаніе сердца моего.

(¹) Прованесено въ Кафедральномъ соборѣ 17 октября 1882 г.

Нынѣ совершилъ я здѣсь и божественную литургію, принесши первую безкровную жертву о спасеніи и благоденствіи вашемъ, благочестивыхъ обитателей града сего и всѣхъ Богомъ вѣранныхъ моему водителству душъ. Нынѣ Господь полагаетъ начало пастырскаго моего служенія церкви Казанской; нынѣ молитвеннымъ общеніемъ и принесенною мною въ таинствѣ евхаристіи святѣйшею жертвою запечатлѣнъ союзъ пастыря съ пасомыми; нынѣ приѣмлю я на стражу свою души ваши, соблюдая ихъ *во имя Твое, Отче святой, да ни одна отъ нихъ погибнетъ* (Іоан. 17, 12). Нынѣ же, по долгу пастыря и учителя, я вступаю въ духовное общеніе съ вами и словомъ благовѣстія.

Примѣчаю общее усердіе, съ которымъ вы, братіе, ждете отъ новаго пастыря начатковъ слова, вижу вашу готовность принять отъ меня сѣмя Божественнаго ученія. Но слово человѣческое, не окриляемое духомъ благодати, быраетъ мертвою и бездѣйственно; оно развлекаетъ, но не назидаетъ, не проникаетъ въ глубину сердца. *Ты Самъ, Господи, даждь гласу моему гласъ силы* (Псал. 67, 34), *да приѣмлющіе слово благовѣстія приѣмлютъ не аки слово человѣческое, но, якоже есть воистинну слово Божіе, еже и дѣйствуется въ васъ впрующихъ* (1 Сол. 1, 13).

Всѣ вы, возлюбленные братіе, по милости Божіей, рождены и воспитаны въ св. вѣрѣ Христовой; *всѣ вы, скажу словами апостола, званія небснаго причастицы, — сынове свѣта есте и сынове дне* (1 Сол. 5, 5). А потому первое мое слово къ вамъ—о такомъ предметѣ, который особенно близокъ и необходимъ вѣрующимъ во Христа, *чадамъ свѣта, долженствующимъ ходить во всякой благостынѣ, и правдѣ, и истинѣ, — именно объ освященіи Божественною истинною нашего ума, нашего сердца и всей нашей дѣятельности.* Такъ, еще самъ Христосъ Спаситель, *во днехъ плоти своея* (Евр. 5, 7), предвидя тѣ бѣды и опасности, сомнѣнія и колебанія, какія испытываютъ

ученики Его, оставленные въ мірѣ, и какія они увидятъ окрестъ себя, молился о нихъ Отцу небесному: *Отче святой! Святи ихъ во истину Твою: слово Твое истина есть.* И не объ апостолахъ только молился Господь, но и о *вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Него* (Іоан. 17, 20), молился и о всѣхъ насъ.

Въ словахъ Іисуса Христа подъ истинною разумѣется Божественное Откровеніе, данное человѣку для его спасенія, — вся истина, возвѣщенная свыше, во всѣхъ ея образахъ и чистѣйшемъ ея видѣ; въ частности же — св. вѣра Христова съ ея ученіемъ, спасительными таинствами и нравственными правилами. — Отъ полноты сердца желаю, чтобы вы, братіе, проникались и освящались этою Божественною истинною и прежде и паче всего утверждали ее въ умахъ и сердцахъ своихъ. Вѣра Христова, вѣра въ Господа Спасителя нашего, *какъ единого ходатая Бога и человекъ* (1 Тим. 2, 5), вѣра въ св. Евангеліе Его, въ благодатныя таинства, есть основаніе нашей духовной жизни и необходимое условіе къ наслѣдію царства небснаго. *Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истинного Бога и Его же послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 1, 3), — говорил Начальникъ и Совершитель нашего спасенія. Такъ учить заповѣдалъ Онъ и продолжателямъ своего великаго дѣла — апостоламъ, которые въ посланіяхъ своихъ подробно изъяснили необходимость вѣры, говоря, *что праведный отъ вѣры живъ будетъ* (Рим. 1, 17), *что всѣ мы спасаемся чрезъ вѣру и сіе не отъ насъ, но Божій даръ* (Еф. 2, 8). *А безъ вѣры невозможно угодитъ Богу* (Евр. 11, 5); безъ вѣры христіанинъ — не христіанинъ, онъ носитъ одно только имя безъ силы и значенія. Правая же вѣра Христова, проповѣданная апостолами, утвержденная св. соборами, во всей чистотѣ и непрерываемой истинѣ сохраняется и преподается единою, святою, соборною и апостольскою церковію, т. е. церковію православною, которая и есть, по ученію апостольскому, *столтъ и утвержде-*

ніе истинны (1 Тим. 3, 15). Итакъ, братіе, просвѣщайте умы свои и освящайте сердца исповѣданіемъ св. церкви православной, вѣрной хранительницы истины Христовой, удаляясь отъ всякихъ уклоненій, сомнѣній и колебаній, и твердо соединяясь тождествомъ святыхъ убѣжденій облагодатствованнаго ума и чаяній христіанскаго сердца. Не я только, но и св. апостоль, проповѣдникъ Христовой истины, молю васъ о семъ: *молю вы, братіе, именемъ Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, да будете утверждены въ томъ же разумнѣи и въ той же мысли* (1 Кор. 1, 10). Соединяясь другъ съ другомъ единою вселенскою истиною православной вѣры, мы, какъ часть цѣлаго состава церкви, будемъ въ союзѣ со всѣми вѣрующими, разсѣянными по всей вселенной, и съ Самимъ Господомъ—Главою церкви. О такомъ единеніи Онъ Самъ молилъ Отца небеснаго: *да вси едино будемъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21).

Но вѣра истинная есть вѣра благоплодная, исполненная дѣлъ чистой и искренней любви къ Богу и ближнимъ, дѣлъ правды, благочестія, милосердія и всякой добродѣтели. Добрыя дѣла составляютъ необходимое проявленіе вѣры, подобно тому, какъ *древо доброе естественно творитъ плоды добры* (Матѣ. 7, 17); и та вѣра, которая не проявляется въ соотвѣтственныхъ дѣлахъ, не есть дѣйствительная, живая: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть*, по выраженію апостола (Іак. 3, 26). Такимъ образомъ, истина Христова, освящая ваши умы и сердца, да выражается и во всей вашей нравственной жизни, во всемъ вашемъ поведеніи, во всѣхъ видахъ вашей дѣятельности.

И прежде всего да проникается наша общественная дѣятельность истинною благоговѣнною любовію и преданностію къ Державному Благоустроителю и Верховному Вождю отечества — Благочестивѣйшему Монарху нашему, Великому Государю Императору Александру Александровичу. Будучи вѣрноподанны-

ми Царя своего, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ преданными и полезными сынами отечества, на томъ мѣстѣ, гдѣ каждый изъ насъ поставленъ Промысломъ Божиимъ. И эта истина, которая сіяетъ намъ съ высоты престола, да освящаетъ всѣ наши дѣла на пользу общую. — Да святится истина и правда въ высшихъ членахъ общества, призванныхъ устроить общее благо просвѣщеннымъ умомъ, добрымъ примѣромъ и властію. Да руководятся истиною начальствующіе въ вѣрности закону и долгу, подчиненные—въ уваженіи власти и должномъ исполненіи своихъ обязанностей; судящіе—да творятъ судъ въ истинѣ и правдѣ; *пасущіе стадо Божіе* (1 Петр. 5, 2) да ревнуютъ истинно о спасеніи душъ вѣрующихъ, пасомые да водятся истиною въ послушаніи пастырямъ; продающіе и куплю дѣющіе истинствуйте въ правдѣ и честности, трудящіеся и дѣлающіе—въ успѣхъ благаго дѣланія и въ обильномъ плодѣ труда праведнаго. И тѣмъ усерднѣе мы должны желать истины и проникаться ею, тѣмъ пламеннѣе молить Господа объ освяченіи насъ ею, что въ наши дни шатанія умовъ и распушенности нравовъ, чувствуется и возбуждаетъ справедливыя жалобы ослабленіе, а по мѣстамъ и совершенное исчезновеніе добрыхъ нравственныхъ свойствъ прежняго времени—правды, честности и искренности. Да святятся же истиною всѣ общественные дѣятели, чтобы быть *достойными званія, въ неже призваны* (Еф. 4, 1).

И вы, самоотверженные труженики науки, воздѣлывающіе неизмѣримое поле знаній и образующіе слугъ отечества въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ дѣятельности, и—вообще всѣ наставники и воспитатели юношества, имѣйте въ умѣ и сердцѣ Того, Который есть источная *Истина* (Іоан. 14, 6), *въ Которомъ суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол. 2, 3), *Который, открывая эти сокровища, независтно даетъ ищущему мудрость, какъ нѣкоторый лучъ и отблескъ своей премудрости, и отъ лица Ко-*

того исходитъ познаніе и разумъ (Притч. 2, 6). Да освящаетъ истина Христова вашъ умъ и согрѣваетъ ваше сердце,—и вы и ваши святилища науки, которыми славится градъ нашъ, и ваши слушатели,—всѣ вы станете дѣйствительнымъ средоточіемъ, изъ котораго будетъ распространяться истинное просвѣщеніе не только на страну Казанскую, но и на болѣе отдаленныя области отечества нашего, куда десница Божія приведетъ вашихъ слушателей.

Братіе - христіане! да будетъ истина Христова руководительницею и въ частной вашей жизни, въ обычныхъ дѣлахъ житейскихъ, въ правильномъ, свойственномъ христіанамъ, образѣ вашей жизни. Да святится истина въ мудрой благопопечительной любви родителей къ дѣтямъ, въ полномъ повиновеніи и почтеніи дѣтей къ родителямъ; да ревнуютъ родители объ истинномъ воспитаніи дѣтей своихъ въ свѣтъ вѣры и нравственныхъ правилъ, а дѣти съ усердіемъ и любовію да приѣмлютъ этотъ свѣтъ истины и озаряютъ имъ умы и сердца свои. Да пребываетъ истина въ искренней, нелицемѣрной любви супружеской и христіанскомъ цѣломудріи и да престанетъ среди васъ неразумное и неполезное препровожденіе времени, соединенное съ вредомъ душевнымъ и тѣлеснымъ; да уничтожится также роскошь, расточительность, невоздержаніе и пресыщеніе удовольствіями плоти, оскверняющее душу и тѣло.

Такъ, да святятся, проникаются и воодушевляются истиною всѣ и каждый въ своей жизни и дѣятельности для общаго и частнаго своего блага и счастья.—*Большіе* и я, смиренный пастырь вашъ, *не имамъ радости, да слышу и вижу чада моя во истиннъ ходяща* (3 Іоан. 1, 4). *Кто бо намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленія? не вы ли* (1 Сол. 2, 19),— Богомъ ввѣренная мнѣ паства?

Далѣе говорю съ глубокою печалію сердца. Паства Казанская, ввѣренная моему пастырскому управленію, волнуется не только бурю житейскихъ тре-

волненій, но и пагубнымъ вѣтромъ ложныхъ ученій противоцерковныхъ и противохристіанскихъ; есть здѣсь *и ины овцы, яже не суть отъ двора сего* (Іоан. 10, 16). Разумѣю, прежде всего, отдѣляющихся отъ единости вѣры (Іуд. 19), которые не слушаютъ единой святой, соборной и апостольской церкви, самимъ Богомъ поставленной учительницею и руководительницею въ дѣлѣ спасенія нашего (1 Тим. 3, 15), не признають законнаго паствырства и не повинуются ему, но избирають себѣ самозванныхъ учителей, *растлennyхъ умомъ и не искусныхъ въ вѣрѣ* (2 Тим. 3, 8). Уклонившись отъ истины Божіей къ неправдѣ, они въ самопрельщеніи гордыни *оставили источникъ воды живой и ископали себѣ кладенцы сокрушенныя, яже не возмогутъ содержати воды* (Іер. 2, 13), и отъ того *влаютъ и скитаются всякимъ вѣтромъ ученія во лжи чловчестей, въ коварствѣ козней льщенія* (Еф. 4, 14). Дѣйствуя, въ духѣ любви Христовой, словомъ убѣжденія въ отношеніи къ этимъ заблуждающимъ братіямъ нашимъ, будемъ также усердно молить Господа, да вседѣйствующая и спасительная Его благодать коснется сердце ихъ, откроетъ имъ слѣпотствующія очи, просвѣтитъ умы ихъ и приведетъ ихъ въ познаніе истины св. православной церкви и въ соединеніе съ нею.

Есть въ странѣ сей послѣдователи ложнаго ученія Магомета, граждане одного съ нами отечества, но отдѣляющіеся отъ насъ языкомъ, преданіями, вѣрою. Любви христіанской, объемлющей не только присныхъ въ вѣрѣ, но и всѣхъ людей, сродно и вполне естественно попеченіе и о томъ, чтобы истина Христова проникала и въ мрачныя сердца поклонниковъ луны и привела ихъ къ познанію Сына Божія. Не подавая ни въ чемъ повода къ нареканіямъ или соблазну, въ нравахъ своихъ и во всемъ своемъ поведеніи выражая торжество святой Христовой истины, руководящей нами, мы будемъ имѣть упованіе, что свѣтъ добрыхъ дѣлъ нашихъ просвѣтится предъ

заблуждающими, и они прославят Отца нашего, иже есть на небесахъ (Матѣ. 5, 16). Благія и добрыя дѣла составляютъ непререкаемое свидѣтельство правоты и святости исповѣдуемой нами вѣры и могутъ оказать и на естественнаго необлагодатствованнаго человѣка неотразимое вліяніе въ пользу св. истины.

Есть также въ странѣ сей изъ инородческихъ племенъ люди, стоящіе на самой низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія, доселѣ еще держащіеся первобытнаго язычества. Хотя число ихъ незначительно и они старательно скрываютъ свои нелѣпныя суевѣрія и странныя обычаи; но пастырь церкви не можетъ не болѣзновать духомъ, видя гибель столькихъ душъ. — Поревнуемъ, братіе, ревностію Вожіею, да возсіяетъ на сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй спасительный свѣтъ Христовъ и да обратятся они отъ области сатанины къ Богу истинному.

Если для людей добра нужно напоминаніе о добрѣ, для ревности по вѣрѣ — свидѣтельство вѣры, для христіанской любви — дѣло любви; то я указываю вамъ, братіе, и самый способъ, для всѣхъ доступный, чтобы вы имѣли возможность, не оставляя дѣлъ своего званія, участвовать въ апостольскомъ дѣлѣ распространенія святой истины среди прельщенныхъ, не право вѣрующихъ и омраченныхъ смысломъ. У насъ учреждено духовно-просвѣтительное братство, украшенное именемъ перваго провозвѣстника Христовой истины въ предѣлахъ сихъ — св. Гурія. Оно имѣетъ цѣлію — проповѣданіе Евангелія, распространеніе истины среди лжевѣрующихъ и невѣрующихъ, приготовленіе миссіонеровъ, устройство и поддержаніе среди инородческаго населенія св. храмовъ и училищъ. Участвуя въ этомъ просвѣтительномъ братствѣ своимъ сотрудничествомъ, добрыми совѣтами, пожертвованіями, всѣмъ, чѣмъ кто можетъ, вы будете содѣйствовать распространенію и утвержденію истины Христовой среди невѣдущихъ ея.

Отче святыи! Призри съ высоты Своея на люди Твоя сии и по предстательству Заступницы усердныя рода христіанскаго, по ходатайству присныхъ молитвенниковъ нашихъ святителей и чудотворцевъ Гурія, Варсонофія и Германа, — сохраняя ихъ въ мирѣ и благоденствіи отъ всѣхъ золъ, бѣдъ и скорбей, отъ лжевѣрія и невѣрія, отъ ересей и раскола, святы ихъ во истину Твою, да не только они твердо и неуклонно пребываютъ въ ней, но и возрастаютъ и утверждаютъ въ ней крѣпче и крѣпче и преизбыточествуютъ паче и паче, такъ чтобы во всей нашей жизни явно выражалась истина Твоя, а отъ насъ и чрезъ насъ проникала и къ самымъ невѣрующимъ, прельщеннымъ и заблуждающимъ, да и тѣи съ нами славятъ пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

БОРЬБА ПАПЫ БОНИФАЦІЯ VIII СЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ КОРОЛЕМЪ ФИЛИППОМЪ IV КРАСИВЫМЪ.

Къ исторіи происхожденія такъ называемаго 70-лѣтняго вавилоискаго плѣна и послѣдовавшей за тѣмъ великой охивмы въ папствѣ (¹).

Пр. В—ко, М-е г—ри и М-я г—ни!

Предметомъ для настоящей бесѣды я избралъ борьбу папы Бонифація VIII съ Французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ. Время отъ Бонифація VIII до реформаціи, обыкновенно, причисляется историками къ переходному времени и съ этой стороны оно возбуждаетъ особенный интересъ. Одни изъ историковъ, протестантскіе и, по современной терминологіи, либеральные, видятъ здѣсь зарожденіе тѣхъ лучей свѣта, которые, расширившись и совокупясь во едино, такъ ярко впослѣдствіи заблистали въ реформаціи и теперь еще продолжаютъ яко бы благодатно сіять въ современной культурѣ. Другіе же, по преимуществу, католическіе, ультрамонтанскіе историки усматриваютъ здѣсь начало всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ „измовъ“, которые такъ страшатъ и волнуютъ настоящее время. Такъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ католическихъ богослововъ—историковъ характеризуетъ это время такимъ образомъ.—Періодъ этотъ, говоритъ онъ, „показываетъ намъ 1) *унидокъ папской власти*. Вслѣдствіе борьбы съ императорствомъ, напослѣдокъ глубоко поврежденнымъ по винѣ его представителей, глубоко повреждено было также

(¹) Рѣчь ординарнаго профессора *Ө. Курганова* на торжественномъ собраніи Казанской духовной академіи 8 ноября 1882 г.

и папство и принуждено примкнуть къ Франціи, которая, по причинѣ давнихъ дружескихъ отношеній къ Римскому престолу, предъявила очень высокія требованія; папы всячески стали зависимы отъ Французской политики, отъ чего произошло перенесеніе ихъ сѣдалища въ Авиньонъ. Стремленія—съ одной стороны освободиться отъ этого ига посредствомъ возвращенія въ Римъ, съ другой—укрѣпить приобрѣтенныя для Франціи выгоды—повели къ величайшему 40-лѣтнему расколу. Но это еще болѣе ослабило вліяніе и авторитетъ апостольскаго престола, и въ нѣдрахъ самой церкви родило всяческую оппозицію, новыя ученія о ея устройствѣ и реформаторскія попытки, которыя, при возбужденіи умовъ безъ ясно сознанной цѣли и твердыхъ основаній, болѣе разрушали ее, чѣмъ создали. И на престолѣ Петра не возсѣдали болѣе столь многіе величайшіе и благородные мужи, какъ прежде; при постоянно видоизмѣняющихся отношеніяхъ не всѣ папы могли правильно понимать свое положеніе и потребности своего времени; нѣкоторые изъ нихъ были недостойны своего званія; ихъ слабостію воспользовалась церковная оппозиція, подобно тому, какъ политическая-демократическая оппозиція всегда пользуется слабыми сторонами монархіи. Уваженіе къ авторитету, съ стимъ также и свободное послушаніе, исчезали болѣе и болѣе; какъ епископы хотѣли повелѣвать папою, точно такимъ же образомъ священники—епископами, вслѣдъ затѣмъ міряне—священниками. Ослабленіе церкви въ центрѣ повело къ ослабленію ея на всѣхъ пунктахъ периферіи. Этотъ періодъ показываетъ намъ 2) *усиленіе свѣтскаго, церкви враждебнаго, понятія о государствѣ*, усиленіе государственныхъ вторженій въ церковную область. Короли болѣе и болѣе освобождались отъ водительства церкви; усвоивъ Гибеллиновскую идею о государствѣ, они считали себя выросшими изъ сл опекуинства; примѣръ Филиппа IV нашель подражаніе и такъ образовалась постоянно увеличивающаяся пропасть между духовною и свѣт-

скою властію. Церковь должна болѣе не распоряжаться земнымъ царствомъ, а подчиняться ему; были еще толки о равноправіи, но рука уже занесена на полное подчиненіе церкви, которое не удалось тотчасъ, но могло сдѣлать успѣхи. Пересталъ болѣе быть третейскимъ судьей князей папа, — споры ихъ началъ рѣшать одинъ только мечъ; изсякло сознание единства и семейной связи христіанскихъ народовъ, — начали пріобрѣтать постоянно увеличивающуюся почву національное соребнованіе и эгоизмъ; политика совершенно отдѣлилась отъ морали и религіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и земному царству грозили новыя опасности. Въ Германіи императорская власть была сильно ослаблена, территоріальные князья были одушевлены только своекорыстіемъ; во Франціи монархія сдѣлалась невозможною, но также нашла обузданіе своего высокомерія въ Англіи, которая опять сама истощалась во внутреннихъ войнахъ. Интересъ лица повсюду восталъ интересу цѣлаго, вмѣсто единства обнаружилось раздробленіе, вмѣсто по правдѣ и мирно живущихъ другъ подлѣ друга цеховъ — только враждующія между собою партіи. Государство начало увеличивать элементы, которые ему самому грозили погибелью. Ибо этотъ періодъ показываетъ намъ 3) *дерзкое высокомеріе*, быстро овладѣвшее разнузданными умами послѣ ослабленія авторитета, — *стремленіе къ революціи*, являвшееся повсюду, если преобладающія власти приходили въ смущеніе, а также не соответствовали предъявляемымъ требованіямъ; на мѣсто общаго духа выступилъ эгоистическій духъ лица, на мѣсто высшихъ идеаловъ — грубая матеріальная выгода и страсть къ пріобрѣтенію. Благодаря новымъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, равно какъ и классическому изученію, которое связано съ возбужденіемъ и возрастаніемъ языческаго духа и болѣе и болѣе становится общимъ достояніемъ, вторгся грубѣйшій матеріализмъ, помогающійся только земныхъ сокровищъ, знающій лишь страсть къ наслажденіямъ, забывшій небо. Въ этомъ

заключается 4) *всѣческое вырожденіе и потомъ опять расширеніе научныхъ произведеній*: вырожденіе, потому что старая схоластика, вслѣдствіе погони за тонкостями и нововведеніями, ниспустилась съ своей прежней высоты, богословіе и юриспруденція окаменѣли; ибо много было богослововъ, которые духовную работу Тома Аквинскаго скорѣе затемняли, чѣмъ развивали; многочисленны были правовѣды, которые не могли уберечься отъ путаницы правовыхъ понятій; *расширеніе*, потому что прибавились историческая критика, изученіе филологіи и опытныхъ наукъ, и классическое изученіе дало формѣ высшее совершенство. Но только представители вновь выдвинутыхъ областей знанія, всячески предавшись вліянію *новыхъ лжеученій*, изъ которыхъ нѣкоторыя принимали религію только за покровъ для политическихъ нововведеній, слишкомъ отдѣлились отъ преданія и церковнаго авторитета, старались оправдать отказъ должнаго повиновенія начальству. Даже 5) *ересь* носить *гораздо больше общій характеръ*, чѣмъ прежде, дѣйствуетъ сильнѣе; въ то время какъ церковь въ бывшихъ доселѣ сектахъ не имѣла еще равныхъ себѣ по роду противниковъ, образовались новыя секты, которыя напали не только на отдѣльные догматы, но на совокупность ихъ въ корнѣ; которыя пользовались въ защиту своего отрицанія истинными и мнимыми злоупотребленіями церковной жизни; которыя питали недовольство и дурачили массы девизомъ: „реформа церкви во главѣ и членахъ“. Такимъ образомъ мало по малу все стало шатко, все поставлено въ вопросъ; выдвинулся индивидуализмъ, слѣдствіе—возмущенія и войны. Ложныя системы объ ограниченіи духовной власти какъ и свѣтской, объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей какъ и тѣлесныхъ старались найти свое осуществленіе въ жизни; отдѣльныя искры соединились и скоро занялось отъ нихъ яркое пламя“.

Черты періода схвачены правильно; съ ними согласится и всякій протестантскій историкъ. Разница лишь въ томъ, что то, что для паписта составляетъ

предметъ плача и воздыханій, протестанта лишь радуется и восхищается, и наоборотъ—всякія пожеланія и вождельнія паписта только претягъ протестанту и составляютъ предметъ всяческихъ отрещиваній. Гдѣ же правда? Въ чемъ суть дѣла? Для того, чтобы дать почувать эту правду, вовсе не слѣдуетъ описывать весь указанный здѣсь періодъ, что въ рѣчи, по моему мнѣнію, сдѣлать даже и невозможно, можетъ повести лишь къ общимъ фразамъ и широкимъ слововыраженіямъ. Описание отдѣльнаго явленія, отражающаго въ себѣ идею цѣлаго, можетъ ясно показать и самое цѣлое.

Папство по основной своей идеѣ представляетъ обнаруженіе и развитіе языческаго государственнo-жреческаго понятія о власти. По возрѣнію язычниковъ государство обладало безусловною властію надъ личностію подданнаго; предписанія его непреложны, законоположенія священны. Правда, по идеѣ, государство было вѣстникомъ и истолкователемъ воли божества, вслѣдствіе чего всѣ языческія государства носятъ жреческій характеръ, имѣютъ въ большей или меньшей степени форму теократіи; но такъ какъ эта воля божества въ дѣйствительности никому не была извѣстна и неоткрыта, то, понятно, государство замѣстило ее собою; оно само стало божествомъ. Римляне и выразили это возрѣніе въ культѣ императоровъ. Такимъ образомъ государство стало религіею *надъ* религіей въ собственномъ смыслѣ. Понятно, что при такомъ возрѣніи на государство не можетъ быть и рѣчи о той *духовной* свободѣ, которая дарована Христомъ, проповѣдана апостолами и при которой одной только и можетъ быть истинное служеніе Богу духомъ и истиною.

Начало первенства въ средѣ архіереевъ христіанской церкви покоится на политическомъ значеніи городовъ, въ которыхъ кто изъ нихъ возсѣдаетъ. Объ этомъ, какъ нельзя болѣе ясно, свидѣтельствуетъ намъ вселенское сознаніе древней единой церкви, выразившееся въ соборныхъ правилахъ. 28 правило IV все-

ленскаго собора гласить такимъ образомъ: „престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: *πο-ελληκυ το βυλξ царствующій градъ (τῶ θρόνω τῆς προεβρυτέρας Ῥώμης, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πόλιν ἐκείνην οἱ Πατέρες εὐχότως ἀποδεδόχασι τὰ προεβεία)*. Слѣдую тому же побужденію и сто пятьдесятъ Боголюбезнѣйшіе Епископы, предоставили равныя преимущества Святѣйшему Престолу новаго Рима, праведно расудивъ, да градъ получившій честь быти градомъ Царя и Сугклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ второй по немъ“. Дѣлая это постановленіе, отцы оговорились, что они дѣлають его „во всемъ послѣдую опредѣленіямъ св. Отцъ“ и „постановляють тожде самое“, что установили и эти послѣдніе. Эта мысль о распредѣленіи преимуществъ между іерархами, сообразно политическому значенію занимаемыхъ ими городовъ, выражена также и въ апостольскихъ правилахъ, и въ опредѣленіяхъ другихъ соборовъ (см. 34 пр. апостол.; 9 пр. Ант. соб.; 36 прав. Трулл. соб.). При томъ всѣ эти постановленія, какъ видно изъ самаго текста ихъ, имѣють не сакраментальный характеръ, не характеръ таинства священства, а чисто каноническій, установленный для лучшаго и болѣе безошибочнаго отправленія юрисдикціи въ судѣ и управленіи.

Римскіе первосвященники отклонили отъ себя мысль отцевъ церкви о распредѣленіи „преимуществъ“ (*προεβεία*) между іерархами христіанской церкви сообразно политическому значенію занимаемыхъ ими городовъ: такія преимущества ограниченны и имѣють условный характеръ. Вопреки мысли отцевъ и смысла соборныхъ опредѣленій, римскіе первосвященники восхитили себѣ власть неограниченную и безусловную, простирающуюся, по смыслу ихъ претензій, на всю христіанскую церковь,—власть, по основнымъ своимъ чертамъ, такого же характера, какъ и власть языческихъ государей-первосвященниковъ. Но само собою

понятно, что ни сами они, ни ихъ послѣдователи никогда не обнаруживали той мысли, что власть римскихъ первосвященниковъ въ томъ видѣ, какъ они сами характеризуютъ ее и стараются проявлять, унаслѣдована ими отъ языческаго Рима; напротивъ, они всячески стараются отклонить отъ себя эту мысль и возможно гуще затушевать ее. Въ основу своихъ претензій на безусловную, неограниченную власть въ Церкви они кладутъ слѣдующее мѣсто Писанія: Ты Петръ, и на семь камнѣ Я создамъ церковь мою, и врата ада не одолѣютъ Ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на земли, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ (Мѡ. 16, 18, 19). Чтобы понять истинный смыслъ этого мѣста Писанія, нужно разсматривать его въ контекстѣ. Выше сказано: „Пришедши въ страны Кесаріи Филипповой, Иисусъ спрашивалъ учениковъ Своихъ: за кого люди почитаютъ Меня, Сина человѣческаго? Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремию, или за одного изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ, отвѣчая, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго. Тогда Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ. И Я говорю тебѣ: ты Петръ и пр. (Стих. 13—18). Смыслъ всего этого мѣста Писанія, очевидно, таковъ: Апостолъ Петръ *исповѣдалъ* Иисуса *Христомъ, Сыномъ Бога живаго*. Иисусъ одобрилъ это исповѣданіе Петра, какъ совершенно правильное, — ибо Онъ во истину Сынъ Божій, — и назвалъ его за это блаженнымъ (*μακάριος*). Блаженнымъ Петръ потому сталъ чрезъ это исповѣданіе, что произнесъ его не по внушанію плоти и крови, сущихъ въ немъ, какъ въ человѣкѣ, и присущихъ каждому человѣку, — той плоти и крови, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ судить узко, пристрастно и превратно, — а по откры-

венію отъ Отца небеснаго, Который сообщаетъ свои откровенія людямъ только добрымъ, по истинѣ блаженнымъ (*μακάριος*). Но Христось не только ублажилъ Петра за это исповѣданіе: Онъ сдѣлалъ нѣчто еще большее. Когда Петръ произнесъ исповѣданіе: „Ты Христось, Сынъ Бога живаго“, то онъ произнесъ его не за себя только, но и за остальныхъ учениковъ Христовыхъ, ибо Спаситель ко всѣмъ имъ обратилъ вопросъ: „вы за кого считаете меня?“ и молчаливое ихъ согласіе съ исповѣданіемъ Петра показывало, что и они такого же мнѣнія объ Иисусѣ, какъ Петръ. Такимъ образомъ и они въ такой же мѣрѣ могутъ быть названы блаженными, какъ и Петръ. Слѣдовательно, называя Петра блаженнымъ за произнесенное имъ исповѣданіе, Христось еще не отмѣтилъ Петра. Словами: „блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ“, Онъ какъ бы только подтвердилъ исповѣданіе Петрово. Между тѣмъ Петръ, произнося исповѣданіе, выдѣлился изъ ряда другихъ апостоловъ своею ревностію. Спаситель не оставилъ безъ вниманія и этой черты, но въ вѣчное воспоминаніе Петрова исповѣданія переименовалъ его собственное имя, вмѣсто Симона назвалъ его однимъ изъ свойствъ этого самого исповѣданія—Петромъ, т. е. камнемъ, знаменующимъ непоколебимую твердость исповѣданія имени Христова въ человѣческомъ родѣ, его вѣковѣчность въ сознаніи послѣдняго. Спаситель какъ бы такъ говорилъ Петру: „Ты исповѣдалъ меня Христомъ, Сыномъ Бога живаго; хорошо ты сдѣлалъ и правильно твое исповѣданіе, которое тебѣ открылъ Отецъ мой, сущій на небесахъ. Вотъ и Я за это ублажаю тебя: въ вѣчное воспоминаніе твоего исповѣданія, Я называю тебя именемъ отъ твоего собственнаго исповѣданія, которое ты произнесъ, — я называю тебя Петромъ. А сколь цѣнно и важно то, отъ чего взято даруемое теперь тебѣ имя, такъ знай, что на немъ, на этомъ камнѣ (*ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρᾳ*), отъ котораго и твое имя Петръ (*Πέτρος*), я создамъ церковь, которую и врата адовы не одолѣютъ. Такимъ

образомъ не Петръ та скала, на которой Христось обѣщанъ создать церковь свою, а Сынъ Божій и исповѣданіе сего имени въ родѣ человѣческомъ, т. е. Самъ Иисусъ Христось, привившій къ Себѣ искупленный Имъ родъ человѣческой. Дальнѣйшее за тѣмъ обѣтованіе о связывающихъ и разрѣшающихъ ключахъ находится въ прямой связи со всею предыдущею рѣчью. Получивъ въ лицѣ Петра отвѣтъ отъ апостоловъ, что они признаютъ его Сыномъ Бога живаго, Спаситель воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова и снова раскрыть имъ характеръ своего ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ той церкви, которую Онъ имѣетъ основать, и того способа, который слѣдуетъ практиковать въ этой церкви, чтобы ввести людей въ царство небесное. Въ данномъ случаѣ рѣчь обращена къ одному Петру, такъ какъ онъ одинъ за всѣхъ произнесъ исповѣданіе Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго; но очевидно, что, опредѣляя его одного положеніе въ церкви и къ церкви, Спаситель вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялъ положеніе и остальныхъ учениковъ своихъ, такъ какъ и они вѣдъ въ лицѣ Петра исповѣдали Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго. Каково же это положеніе ихъ въ церкви? Дамъ тебѣ ключи царства небеснаго и пр. Здѣсь прежде всего обращаетъ вниманіе слово: „дамъ“. Форма будущаго времени этого слова показываетъ, что Спаситель только обѣщанъ даровать Петру ключи, но еще не далъ ихъ. Слѣдовательно видѣть здѣсь врученіе Петру власти въ церкви по меньшей мѣрѣ преждевременно. Это врученіе ключей только еще обѣщано, но пока не исполнено. Въ данномъ случаѣ изъ текста рѣчи, разсматриваемаго въ связи съ контекстомъ, можно усмотрѣть только характеръ этихъ ключей, т. е. то, когда и какъ слѣдуетъ связывать и когда и какъ разрѣшать. Такъ какъ исповѣданіе Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго, открывается не плотію и кровію, которыя въ человѣкѣ, а Самимъ Отцемъ небеснымъ; такъ какъ, далѣе, и приращеніе къ церкви, имѣющей въ основаніи Самого

Иисуса Христа, возможно лишь чрезъ воспріятіе откровенія Отца небеснаго о имени Его едиnorodнаго Сына, и такъ какъ, наконецъ, самое обѣтованіе ключей обусловлено именно этимъ исповѣданіемъ Сына Божія; то, очевидно, и примѣненіе этихъ ключей должно зависѣть не отъ того, какъ явить плоть и кровь, которая въ человѣкѣ, а все отъ того же откровенія Отца, сущаго на небесахъ, Который являетъ вѣрующимъ и Своего Сына, иначе гозоря, ключи даны для того, чтобы связывать, что слѣдуетъ связывать, и разрѣшать что именно слѣдуетъ разрѣшать. Такимъ образомъ характеръ этой церкви, построенной на Самомъ Иисусѣ Христѣ, есть по преимуществу духовный и ключи, обѣщанные ея учителямъ и правителямъ, тоже будутъ имѣть только духовный характеръ; они будутъ лишь свидѣтельствомъ о правдѣ Христовой или неправдѣ людской въ средѣ членовъ церкви. Что подъ камнемъ, на которомъ Христосъ обѣщаль создать церковь свою, слѣдуетъ разумѣть не самого Петра, а его исповѣданіе Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго, открытое ему Отцемъ небеснымъ,—исповѣданіе, которое въ лицѣ Петра произнесли и прочіе апостолы, которое, по смерти Петра и остальныхъ учениковъ Христовыхъ, будутъ произносить ихъ преемники и преемники преемниковъ въ союзѣ съ вѣрующими до скончанія вѣка,—это несомнѣнно открывается и изъ послѣдующей рѣчи Спасителя. „Съ того времени, повѣствуетъ Евангелистъ, Иисусъ началъ открывать ученикамъ своимъ, что ему должно идти въ Иерусалимъ, и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть. И отозвавъ Его, Петръ началъ прекословить Ему: Будь милостивъ къ Себѣ Господи; да не будетъ этого съ Тобою. Онъ же, обратившись, сказалъ Петру: отойди отъ Меня, сатана; ты мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое. (Мѡ. 16, 21—23). Только-что давъ понятіе ученикамъ своимъ о характерѣ и сущности цер-

кви, которую Онъ имѣеть создать на исповѣданіи людьми Его Божественнаго имени (открываемаго имъ Отцемъ небеснымъ), Спаситель началъ теперь открывать родъ и способъ, посредствомъ которыхъ Онъ создастъ эту церковь. Вполнѣ согласные съ сущностію и характеромъ только-что обѣтованной церкви, эти родъ и способъ основанія ея, однакожь, показались ученикамъ его соблазнительными. И въ самомъ дѣлѣ, думали они, какъ возможно Сыну Божію, который только-что призналъ Себя таковымъ. пострадать и умереть, быть вмѣнену съ беззаконниками? Это несообразно и съ достоинствомъ Сына Божія, да и соблазнительно для людей. Такъ не возможно не только увѣковѣчить, но даже положить и начало той церкви, о которой только что говорилъ Христосъ. Съ точки зрѣнія людской, человѣческой это не мыслимо. Петръ, отличающійся отъ всѣхъ пламенною ревностію, и поспѣшилъ выдвинуть эту человѣческую точку зрѣнія. Не отъ себя только, а опять отъ лица всѣхъ учениковъ (мыслившихъ съ Нимъ одинаково) онъ началъ прекословить Учителю: „Будь милостивъ къ Себѣ, Господи; да не будетъ этого съ Тобою“. Вотъ это прекословіе — уже не откровеніе Отца небеснаго, а откровеніе плоти и крови, сущихъ въ Петрѣ, какъ и во всякомъ другомъ человѣкѣ, и оно, какъ таковое, заслуживаетъ не ублаженія (*μακάριος*) и не похвалы (*Πέτρος*), а порицанія; за эту человѣческую думу Петръ получилъ названіе: сатана. Его прекословіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ такого названія, что въ немъ высказывается не столько забота объ Учителѣ (хотя бы и человѣческая), сколько о себѣ, о тѣхъ ключахъ и связанномъ съ ними его положеніи въ церкви, которые онъ понималъ плотски, человѣчески, совершенно въ противоположномъ смыслѣ духу устрояемой Христомъ церкви. И вслѣдъ за этимъ, обратившись уже ко всѣмъ ученикамъ своимъ, — ибо вѣдъ и они мыслили подобно Петру и что сказано доселѣ Петру, въ одинаковой мѣрѣ относится и ко всѣмъ имъ, — Спаситель сталъ имъ еще

яснѣ и прямѣ раскрывать духовный характеръ своей церкви, противоположный характеру мірскихъ царствъ, и духовный способъ спасенія душъ, совершенно противоположный тому способу, который доселѣ считался единственно возможнымъ, да еще и считается таковымъ людьми. Такимъ образомъ, и изъ продолженія рѣчи Спасителя явствуетъ, что Онъ говоритъ о Себѣ и о исповѣданіи Его людьми Сыномъ Божиимъ, какъ незыблемомъ основаніи церкви, а не о Петрѣ, какъ бы слѣдовало, если подъ камнемъ, на которомъ будетъ воздвигнута церковь, разумѣть его; что Петръ самъ по себѣ лишь на столько участвуетъ въ основаніи церкви, на сколько и остальные ученики Христовы, на сколько будутъ участвовать ихъ преемники и послѣдователи,—исповѣданіемъ Иисуса Христомъ, Сыномъ Бога живаго; но что на Петрѣ, какъ лицѣ, челоуѣкѣ, даже и не мыслимо построить такое вѣковѣчное зданіе, какъ церковь, ибо въ немъ возможны не только откровенія Отца Небеснаго, но и откровенія плоти и крови, за которыя онъ заслужилъ названіе сатаны. — Римскіе первосвященники даютъ иной смыслъ этому мѣсту Писанія. Слова Спасителя: „Ты Петръ“ и пр. они выхватываютъ внѣ связи съ предыдущею и послѣдующею рѣчью и толкуютъ такъ, что здѣсь Онъ *далъ* Петру власть надъ всею церковію; что эта власть его безусловна, всеобъемлюща; что остальные апостолы получили свою апостольскую и священническую власть уже не отъ Самого Христа непосредственно, а отъ Петра; что на этой власти покоится все зданіе церкви, ея ученіе или догматы вѣры и ея единство; что, слѣдовательно, безъ нея церковь безспорно рушилась бы. Такое искаженіе рѣчи Спасителя и преувеличеніе правъ апостола Петра потребовалось Римскимъ первосвященникамъ вовсе не изъ какого либо пристрастія къ личности апостола Петра, — такого пристрастія не требовалось ни съ какой стороны, — а единственно изъ непомѣрнаго пристрастія къ самимъ себѣ, къ своей собственной вла-

сти. Безспорною и всѣми признаваемою была истина, что они наслѣдники апостола Петра и преемники его власти. Но это наслѣдство ничѣмъ бы ни отличило и не возвысило ихъ сравнительно съ прочими епископами, если оставить его въ его настоящемъ видѣ; въ интересахъ собственной власти слѣдуетъ раздуть его до неимовѣрныхъ предѣловъ, и вотъ Римскіе первосвященники совершили первый подлогъ, истолковавъ означеннымъ образомъ, вопреки тексту Писанія и толкованіямъ Отцевъ, указанное мѣсто Евангелія. За этимъ первымъ подлогомъ послѣдовала масса другихъ подлоговъ, разоблаченіе которыхъ въ настоящее время составляетъ обширную многотомную литературу. Всѣ они внушаютъ своимъ читателямъ на разные лады одну мысль, что власть папы, унаслѣдованная ими отъ Петра, безусловна и рѣшительна, простирается на всю вселенскую церковь. Дѣйствіе ихъ должно было быть тѣмъ сильнѣе, что они въ качествѣ каноническихъ сборниковъ и разныхъ обязательныхъ декретовъ божественнаго характера получили оффиціальное значеніе. Варварство запада могло лишь содѣйствовать распространенію и укорененію идей этихъ подлоговъ. Кромѣ того еще и папы въ буквальномъ смыслѣ ежечастно повторяютъ свой подлогъ въ издаваемыхъ ими разныхъ граматахъ и буллахъ и стараются всѣмъ внушить его какъ непреложную, Самимъ Христомъ изрѣченную истину (¹). Такимъ образомъ твердо укоренилось среди папистовъ положеніе: *L'égglise c'est pape. Plenitudo potestatis sedis apostolicae* устранила

(¹) Эту теорію о своей власти папы расписываютъ не только тѣмъ, которые вѣруютъ въ нихъ, но и всѣмъ, справедливо отвергающимъ ихъ власть, 6 янв. 1848 г. папа Пій IX расписалъ эту теорію въ своемъ посланіи къ Восточн. патріархамъ, но получилъ должный отвѣтъ, въ которомъ для характеристики папства въ отличіе отъ православія замѣчательны, по моему мнѣнію, слѣдующія слова: «Папа, говорятъ патріархи, не апостольскимъ исповѣданіемъ своимъ украшаетъ свой престолъ, но апостольскимъ престоломъ старается подтвердить свое достоинство, достоинствомъ же подтвердить свое исповѣданіе», тогда какъ Отцы церкви, исторія и вселенскіе соборы «поучаютъ насъ, чтобы мы не по престолу

съ земли власть даже Самого Бога. Папство стало культомъ надъ всѣми другими культурами.

Трагичны послѣдствія такого папскаго культа. Прежде всего ученіе о неограниченной власти папы уничтожаетъ ту духовную свободу въ человѣкѣ и вмѣстѣ все духовное его существо, которыя возрождены въ немъ Спасителемъ міра. Въ самомъ дѣлѣ, какой могутъ имѣть смыслъ подобныя изрѣченія Писанія: Призванный въ Господѣ есть свободный Господа. Вы искуплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами человѣковъ (1 Кор. 7, 22. 23), Духовный (человѣкъ) судить о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ (1 Кор. 2, 15). Къ свободѣ призваны вы, братія (Гал. 5, 13). Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными (Іоанн. 8, 32). Законъ положенъ не для праведника (1 Тим. 1, 9). Должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ (Дѣян. 5, 29; 4, 19). Изслѣдуйте Писанія; ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную (Іоанн. 5, 39) и пр. и пр., если все должно умолкать предъ папскимъ рѣшеніемъ, опредѣленіемъ, запрещеніемъ и т. д.? Насколько власть ключей, дарованная Спасителемъ Петру и остальнымъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ—и ихъ преемникамъ, понимаемая въ ея истинномъ, духовномъ смыслѣ, укрѣпляетъ и ограждаетъ духовную свободу человѣка, просвѣщаетъ и исцѣляетъ его умъ и совѣсть, вообще необходима для его спасенія, въ такой же мѣрѣ, наоборотъ, папское всевластіе уничтожаетъ все это, поглощаетъ и свободу, и совѣсть, и самый человѣческій разумъ. Увѣровавшій въ папство сдѣлался полнымъ рабомъ его, отрехшимся отъ всѣхъ нравственныхъ принциповъ человѣка. Умалчиваю о матеріальномъ гнетѣ, какой ввело папство надъ подчинившимися его игу вѣрующими. Виды его весьма многочисленны и разнообразны.

судилъ о православіи, но о самомъ престолѣ и сидящемъ на престолѣ— по Божественнымъ Писаніямъ, по соборнымъ уставамъ и опредѣленіямъ, и по вѣрѣ, всѣмъ проповѣданной, т. е. по православію непрерывнаго ученія.

Вторымъ слѣдствіемъ неограниченной власти папъ явилось порабощеніе государства. Въ сущности вся исторія папства, и даже до настоящаго времени, представляетъ одну сплошную борьбу его съ государствомъ изъ за власти. Сущность ученія папъ объ отношеніи своей власти къ государственной заключается въ слѣдующемъ. Апостоль Петръ получилъ отъ Іисуса Христа власть не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и во временныхъ, свѣтскихъ, и все это по наслѣдству передалъ папѣ. По возрѣнію Григорія VII Гильдебранда, осуществленіе царства Божія на землѣ возможно лишь тогда, когда вся земная жизнь, свѣтская и духовная, будетъ подчинена „намѣстнику Бога“, т. е. папѣ. Всѣ христіанскіе народы, по его мнѣнію, должны составлять одну семью, которая чтитъ папу, какъ всеобщую верховную главу на мѣсто Христа. Поэтому послушаніе государей папѣ Григорій понималъ въ смыслѣ вассальномъ. Для лучшаго выясненія своихъ возрѣній на отношеніе папской власти къ свѣтскимъ государямъ онъ приравнивалъ власть папы къ солнцу, а власть государей—къ лунѣ, свѣтящей заимствованнымъ отъ солнца свѣтомъ. Чтобы сильнѣе выставить превосходство священства предъ царствомъ онъ утверждалъ даже такіа мысли: „духовная власть установлена Богомъ, напротивъ свѣтскія власти произошли отъ людей, даже отъ такихъ, которые не знали Бога, и поэтому только справедливо, что послѣднія подчиняются первой. Кто не знаетъ, что короли и герцоги ведутъ свое начало отъ такихъ, которые, не имѣя познанія о Богѣ, захватили господство надъ себѣ подобными, по наущенію діавола, гордостію, грабежемъ, вѣроломствомъ, убійствами и всякаго рода пороками?“ Отъ государей онъ требовалъ такой присяги: „съ этого часа я обѣщаюсь быть вѣрнымъ апостолу Петру и его намѣстнику, теперешнему папѣ, и что онъ мнѣ предпишетъ подѣ формулой *per veram obedientiam*, исполню точно... Также я съ Божіей помощію буду надлежаще чтить и поддерживать св. Петра, и во всякое время, повсюду, гдѣ я встрѣчусь съ папой, обѣщаюсь служить св. Петру и

ему (*per manus meas miles S. Petri et illius efficiar*).

Иннокентій III относительно правъ своего престола на участіе въ выборахъ императоровъ утверждалъ, что „это дѣло принадлежитъ апостольскому престолу *principaliter* и *finaliter*; *principaliter*, потому что имъ перенесено императорское достоинство съ Востока на Западъ; *finaliter*, потому что онъ даруетъ императорское достоинство“, и согласно этой теоріи повелъ себя въ дѣлѣ спора Филиппа Швабскаго съ Оттономъ IV изъ партіи Вельфовъ, рѣшивъ споръ въ пользу Оттона, которому онъ вручилъ императорскую корону. Когда же противъ такого вмѣшательства папы въ дѣла имперіи воспротестовали не только сторонники Филиппа (Гибеллины), но даже многіе изъ партіи Вельфовъ, то Иннокентій III поспѣшилъ имъ разъяснить свое право въ декреталии *Venerabilem* такимъ образомъ: „Онъ, говоритъ здѣсь папа, ни малѣйше не думалъ нарушать право Нѣмецкихъ князей избирать короля, который послѣ долженъ быть императоромъ, ибо онъ знаетъ, что это принадлежитъ имъ съ давнихъ временъ и главнымъ образомъ благодаря содѣйствію апостольскаго престола, который перенесъ Римское императорство съ Грековъ на Германцевъ. Но также и князья должны признать, что папѣ слѣдуетъ испытывать лице, избранное въ король и предназначенное въ императоры, потому что вѣдь онъ имѣетъ помазывать, посвящать и короновать это лице. Испытаніе всецѣло принадлежитъ тому же, кому принадлежитъ и рукоположеніе (напр. при посвященіи священниковъ); иначе вѣдь было бы возможно, что папа обязывался бы посвящать и короновать какогонибудь святотатца, или отлученнаго, или еретика, или язычника, въ случаѣ, если князья изберутъ такого. А его легатъ не выступилъ въ качествѣ избирателя, ибо вѣдь онъ въ дѣйствительности никого не выбралъ и не подстрекалъ выбирать кѣго либо; но онъ также велъ себя и не какъ судья (*cognitor*), потому что *quo ad factum* не утверждалъ или отвергалъ ни выборъ Оттона,

ни выборъ Филиппа, а исполнилъ должность провозвѣстника (*denunciatoris*) и объявилъ (*denunciavit*) лице герцога Швабскаго недостойнымъ, а лице короля Оттона достойнымъ носить императорскую корону, не въ разсужденіи къ избирателямъ, а по причинѣ личныхъ качествъ избранныхъ. А что въ возбудившемъ расколѣ выборѣ папа, послѣ увѣщаній къ согласію и долгихъ ожиданій, долженъ наконецъ обратить свое благоволеніе къ какой нибудь сторонѣ, особенно когда отъ него требуютъ помазанія и пр.,—оба противника, и Филиппъ, и Оттонъ, не однократно высказывали это желаніе,—то это очевидно *ex jure et exemplo*. Ибо, если князья, не смотря на всѣ увѣщанія, не могутъ соединиться, то отсюда еще не слѣдуетъ, что это должно наносить ущербъ апостольскому престолу, который нуждается въ адвокатѣ и защитникѣ (*probatio ex jure*). Такъ уже и прежде также папа рѣшилъ споръ между Лотаремъ и Конрадомъ III въ пользу перваго“ (*probatio ex exemplo*). Изъ этого отвѣта прежде всего каждый легко можетъ видѣть, что Иннокентій III обладалъ способностію придумывать юридическія кляузы. Онъ охотно отрекается отъ роли избирателя или даже судіи. А затѣмъ сущность дѣла остается таже, онъ хочетъ разыгрывать роль денунціатора въ провозглашеніи императоровъ. Это принадлежитъ ему и *ex jure* и *ex exemplo*, и князья должны съ этимъ согласиться, если войдутъ въ суть его аргументаціи, а не войдти, по его мнѣнію, нельзя. Итакъ безусловное ихъ подчиненіе волѣ папы при выборѣ императора требуется и правомъ и примѣрами прошлаго.

Кромѣ права рѣшать выборъ государей, Иннокентій III старался обосновать и право папъ вмѣшиваться во всѣ внутреннія и международныя ихъ отношенія. Оправдывая свое вмѣшательство въ распрю Французскаго короля Филиппа Августа съ Англійскимъ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ, онъ писалъ ко всѣмъ епископамъ Франціи въ 1204 году, что „онъ никоимъ образомъ не желаетъ ослаблять юрисдикцію

Французскаго короля (надъ его вассалами) и думаль судить не de feudo, а только de peccato. Никому не должно быть не извѣстно, что къ должности папы относится право порицать каждаго христіанина за смертный грѣхъ и, если нужно, наказывать, даже королей. А въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о грѣхѣ, именно о вопросѣ: нарушена ли клятва мира и договора, или нѣтъ. Поэтому на аббата Каземаріо (папскаго легата во Франціи) возложено порученіе побудить короля къ заключенію новаго мирнаго договора съ Іоанномъ или къ вѣрному храненію прежняго; въ случаѣ же, если это не будетъ достигнуто, то пусть король дозволить по крайней мѣрѣ изслѣдовать аббату купно съ архіепископомъ Буржскимъ, основательны ли жалобы Англійскаго короля противъ него, или нѣтъ“. Въ точно такомъ же смыслѣ папа писалъ также и къ самому аббату Каземаріо. Такимъ образомъ, изъ этихъ писемъ Иннокентія съ несомнѣнностію должно явствовать, что папа имѣетъ право вмѣшиваться во всѣ внутреннія и внѣшнія отношенія государствъ, такъ какъ нельзя найти ни правительства безъ ошибокъ, ни стоящихъ во главѣ ихъ правителей безъ грѣха.

Иннокентій III твердо держалъ теорію Григорія Гильдебранда о двухъ небесныхъ свѣтилахъ, какъ точно выражающую отношенія двухъ властей, церковной и гражданской, равно и другую теорію о двухъ мечахъ, построенную папами на случайномъ фактѣ, передаваемомъ евангелистомъ Лукою (22, 38) и не имѣющемъ никакого отношенія къ разсматриваемому вопросу. Папа Григорій IX кратко высказываетъ эту теорію въ письмѣ къ Константинопольскому патріарху Герману II отъ 18 мая 1233 г. такимъ образомъ: церковь получила отъ Христа два меча, матеріальный и духовный, но только сама она носитъ послѣдній мечъ, тогда какъ первымъ управляетъ по ея мановенію воинъ. Это мановеніе папъ всегда направлялось къ тому, чтобы возбуждать однихъ князей, признающихъ ихъ власть, противъ другихъ, которые почему

либо отвергали ихъ власть или поступали не совсѣмъ по ихъ мановенію. Григорій IX былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ возбудителей войнъ въ этомъ смыслѣ. Между массою его зажигательныхъ писемъ есть не мало такихъ, въ которыхъ онъ, подь обѣщаніемъ полного отпущенія всякихъ грѣховъ, возбуждалъ западныхъ схизматическихъ государей къ непрерывной войнѣ противъ православныхъ Болгаръ и Грековъ и къ ихъ совершенному истребленію. Императоръ Фридрихъ II, которому этотъ папа всячески внушалъ и доказывалъ, при указаніи на *donatio Constantini*, что короли и императоры безусловно обязаны повиноваться апостольскому престолу, тогда какъ самъ этотъ престолъ никѣмъ судимъ быть не можетъ, находился подь отлученіемъ почти во все время его понтификатствования за то главнымъ образомъ, что не воевалъ противъ невѣрныхъ и даже заключалъ съ ними договоры.

Въ іюнѣ 1245 г. Иннокентій IV собралъ въ Лионѣ соборъ, считаемый папистами XIII всел. соборомъ. На третьемъ засѣданіи этого собора, состоявшемся въ іюль мѣсяцѣ, папа съ полною соборною торжественностію возобновилъ отлученіе на Фридриха II въ такой формѣ: „По причинѣ этихъ и многихъ другихъ беззаконій, и послѣ зрѣлаго обсужденія съ нашими братьями и святымъ соборомъ, мы, какъ намѣстникъ Христа на землѣ, объявляемъ упомянутаго князя, какъ связаннаго его грѣхами, лишеннымъ отъ Бога всякой его чести и достоинства, и возвыщаемъ это и низлагаемъ его настоящею сентенціей. Всѣхъ, которые дали ему присягу вѣрности, мы разрѣшаемъ отъ нея на всегда и, въ силу апостольскаго авторитета, воспрещаемъ всякому подь страхомъ отлученія, впредь слушаться его какъ императора и короля. Обладающіе правомъ избирать новаго императора пусть изберутъ другаго“. „Эти и многія другія беззаконія“, за которыя Фридрихъ отлученъ отъ церкви и лишенъ императорскаго достоинства, суть слѣдующія: а) онъ велъ войны и заключалъ договоры по своему собствен-

ному усмотрѣнію, а не по указанію папы; б) совершилъ святотатство—наказывалъ провинившихся епископовъ и клириковъ своего государства; в) заподозрѣвъ въ ереси. Что онъ еретикъ, въ доказательство этого папа выставилъ слѣдующіе пункты: Фридрихъ пренебрегалъ отлученіемъ и интердиктомъ, заключилъ дружбу съ Сарацинами, обмѣнялся съ ними подарками, терпимо относится къ ихъ обряду, по Сарацинскому обычаю поставилъ евнуховъ блюстителями своихъ женъ, по договору съ султаномъ въ Иерусалимѣ уступилъ ему тамошній храмъ Божій для превращенія въ мечеть, недавно совершенно дружественно и торжественно принялъ пословъ Египетскаго султана, послѣ того какъ этотъ послѣдній страшно опустошилъ св. Землю, злоупотреблялъ Сарацинами для угнетенія христіанъ, выдалъ дочь свою за Никейскаго императора Ватація, этого врага церкви... Таковы безспорные признаки уклоненія Фридриха въ ересь! Въ сущности этотъ третій пунктъ тождественъ съ первымъ: Фридрихъ виновенъ предъ папствомъ въ томъ, почему онъ не велъ, по требованію папъ, кровавой борьбы съ Сарацинами и другими завзятыми врагами папства, а заключилъ съ ними выгодные для обѣихъ сторонъ мирные договоры. Наконецъ д) четвертая вина Фридриха, за которую онъ отлученъ отъ церкви и лишенъ императорства, состоитъ въ томъ, что онъ якобы нарушилъ ленныя права папы въ Сициліи, леннымъ господиномъ которой считалъ себя и Фридрихъ. Одного этого постановленія собора, который паписты святотатственно присоединили къ разряду вселенскихъ, достаточно, чтобы видѣть, сколь высококомѣрный и деспотическій характеръ приняло папство!...

Но паписты находятъ возможнымъ оправдывать всю изложенную доселѣ теорію отношеній церковной власти къ гражданской, равно и папъ поступавшихъ по этой теоріи. Такъ, тотъ же самый современный католическій богословъ - историкъ, слова котораго я привелъ въ началѣ, относительно этого пункта раз-

суждасть такимъ образомъ.—„Послушаніе относительно свѣтской власти не безусловно; въ случаѣ нарушенія послушанія въ отношеніи къ Богу обязательно должно быть признаваемо и то, что на ряду съ свѣтской властію установлено Богомъ и духовное начальство и оно въ равной мѣрѣ имѣетъ право требовать послушанія, что духовной власти подчиняются и короли, какъ христіане, и, какъ овцы Христовы, отданы для пасенія св. Петру. Кто оспариваетъ, что онъ можетъ быть связанъ церковною властію, тотъ долженъ оспаривать также и то, что можетъ быть разрѣшенъ ею; кто оспариваетъ это, отдѣляется отъ Христа. Христіанскіе князья не могутъ быть изъяты отъ (юрисдикціи) высшей церковной власти, которая можетъ открывать имъ врата неба и запираеть. Амвросій употребилъ церковную власть противъ императора Θεодосія, Григорій II противъ Льва III, Захарія разрѣшилъ отъ клятвы относительно Хильдерика, Григорій великій угрожалъ презрительнымъ церковнымъ санкціямъ потерю ихъ власти. Кто презираетъ апостоловъ, тотъ презираетъ Самого Христа (Лук. 10, 16). Когда дѣло идетъ о клятвѣ, которая обязываетъ къ чему либо противорѣчащему Божественнымъ законамъ, то она теряетъ свою силу. Теперь, если преступные князья въ такой же мѣрѣ могутъ подпадать церковному отлученію, сужденіе о которомъ принадлежитъ папѣ, какъ и другіе вѣрующіе; то и они также должны подчиняться церковно-и-государственно-правовымъ его послѣдствіямъ; отлученный отъ церкви князь не можетъ оставаться владыкою христіанскаго народа, а этотъ не можетъ быть принужденъ къ общенію съ нимъ. Такъ какъ сужденіе о продолжающейся обязательности клятвы не можетъ быть предоставлено произволу отдѣльнаго лица, такъ какъ церковь въ силу своей власти вязать и разрѣшать можетъ и должна знать также и объѣтомъ при соблюденіи извѣстныхъ церемоній, и такъ какъ такое рѣшеніе безпорно принадлежитъ главѣ церкви: то папы имѣли полное право объявлять, что клятва вѣрности, принесенная королямъ, по причинѣ

ихъ упорнаго пребыванія въ церковномъ отлученіи, перестаетъ быть обязательною. Клятва вѣрности, принесенная человѣку, получаетъ свою обязательную силу отъ той клятвы вѣрности, которою мы состоимъ должными Богу; клятва, принесенная человѣку говорить только: по силѣ вѣрности, которою я состою должнымъ Богу, и на сколько она не будетъ нарушена, я хочу быть вѣрнымъ также и тебѣ, и въ случаѣ столкновенія обязанностей, высшая относительно Бога имѣетъ преимущество предъ нисшей относительно человѣка“.

Неопытный читатель обольстится этою діалектической аргументаціей ультрамонтанина и найдетъ ее правильной. Таковою она и представляется съ формальной стороны. Но при внимательномъ чтеніи здѣсь открывается подтасовка понятій, логика замѣнена софистикой. Вѣрно положеніе, что клятва, даваемая подданными государю, находится въ зависимости отъ клятвы, которою они состоятъ должными Богу и въ случаѣ столкновенія обязанностей, высшая клятва относительно Бога должна имѣть преимущество предъ нисшей относительно человѣка: „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“, заповѣдали Апостолы (Дѣян. 5, 29; 4. 19). Но папистъ въ первыхъ же строкахъ своего разсужденія дѣлаетъ подлогъ: „въ случаѣ нарушенія послушанія въ отношеніи къ Богу, говоритъ онъ, обязательно должно быть признаваемо и то, что на ряду съ свѣтской властію установлено Богомъ и духовное начальство“ и пр. Подлогъ здѣсь состоитъ въ томъ, что растяжимому слову: „духовное начальство“ придано значеніе *всей* вселенской церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины; т. е. „духовное начальство“ приравнено къ истинѣ, къ самой правдѣ Божіей. А такъ какъ у папистовъ все духовное начальство заключается въ папѣ, то онъ - то здѣсь и втиснуть на мѣсто вселенской Христовой Церкви, которой, какъ столпу и утвержденію истины, слѣдуетъ оказывать по заповѣди апостоловъ, безусловное повиновеніе. Поэтому на приведенное положеніе паписта слѣдуетъ отвѣтить: во-

все не то слѣдуетъ обязательно принимать во вниманіе въ случаѣ столкновенія свѣтскихъ и духовныхъ должностныхъ лицъ, что на ряду съ свѣтской властію установлено Богомъ и духовное начальство, которому мы обязаны также повиновеніемъ, — въ этомъ пока никто не сомнѣвается, — а то обязательно должно быть хранимо, по прямой заповѣди Апостоловъ, что Божіе. Это — то отождествленіе Божьяго съ духовнымъ начальствомъ, которое у папистовъ все концептрируется въ лицѣ папы, т. е. отождествленіе Божьяго и даже Бога съ папою, и составляетъ тотъ адъ, который въ лицѣ папства и по сіе время ведетъ ожесточенную борьбу съ истинною Христовой церковію и съ доброй человѣческой совѣстію. Всѣ средніе вѣка преисполнены того явленія, что папы налагали и на государей и на ихъ подданныхъ самыя несправедливыя отлученія. Сознаніе правды и добрая совѣсть побуждали лицъ, обладающихъ ими, не повиноваться папѣ, и слушаться своихъ государей; демонское прельщеніе, будто велѣнія папы тождественны съ велѣніями самого Божества, должно было заставлятъ ихъ ослушаться государей и повиноваться папѣ. Отсюда страшныя мученія совѣсти людей правдивыхъ и совѣстливыхъ и полная разнузданность людей наживы, эгоистовъ и мошенниковъ. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ разительнѣе всего и открывается, въ какой мѣрѣ безграничная власть папы подавляетъ совѣсть, духовную свободу и самый разумъ челоѣка. Указанная подтасовка понятій проходитъ во всемъ разбираемомъ разсужденіи паписта. Само собою понятно, что и его указанія на примѣры Амвросія и т. д., если лишить ихъ этой подтасовки и разобрать съ истинно-церковной точки зрѣнія, окажутся совсѣмъ не въ пользу папства. — Кто презираетъ апостоловъ, говоритъ авторъ, тотъ презираетъ Самого Христа. Правда: но когда? — Когда они проповѣдуютъ ученіе Христово. Въ противномъ случаѣ вотъ что говоритъ апостоль Павелъ: „если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣтствовали вамъ, да будетъ анафема (Гал.

1, 8). — „Князья, подверженные отлученію, должны подчиняться церковно-и-государственно-правовымъ его послѣдствіямъ“. Здѣсь прежде всего авторъ - папистъ отождествилъ церковь съ папою, которому онъ приписалъ исключительное право произносить судъ объ отлученіи, но судъ котораго можетъ быть весьма не справедливъ и, слѣдов., ни для кого не обязательенъ. Изъ-за этого-то именно всегда и происходили споры. За тѣмъ, церковно-правовое слѣдствіе отлученія слѣдуетъ отличать отъ государственно - правоваго слѣдствія отлученія. Первое чисто духовное, опредѣляется духовными лицами и налагается ими. Въ предѣлахъ этого-то права и поступилъ св. Амвросій по отношенію къ Θεодосію. Государственно - правовое слѣдствіе отлученія устанавливается лицами государственными, слѣдовательно, прежде всего самими государями, и всегда зависитъ отъ того, на сколько они съ одной стороны считаютъ справедливыми то или другое отлученіе, а съ другой — на сколько, по ихъ разсужденію, та или другая мѣра будетъ полезна государству и благу его подданныхъ. Опредѣлять же государственно-правовое слѣдствіе отлученія духовнымъ лицамъ совсѣмъ не подобаетъ. — „Сужденіе о продолжающейся обязательности клятвы (т. е. подданныхъ въ отношенію къ государю) безспорно принадлежитъ главѣ церкви“. Совсѣмъ не принадлежитъ, и подобное утвержденіе могло произойти только отъ смѣшенія или даже отождествленія права, которымъ живетъ и руководится въ своихъ дѣйствіяхъ государство, съ Богопочтеніемъ и догматами вѣры, составляющими душу церкви. Въ опредѣленіи, что такое право, юристы еще не пришли къ полному соглашенію. Однакожъ, по моему мнѣнію, наиболѣе справедливо воззрѣніе тѣхъ юристовъ, которые опредѣляютъ его „какъ совокупность условій, поставленныхъ свободно волею человѣка, для достиженія разумныхъ цѣлей жизни, или, короче, какъ совокупность условій разумной, т. е. нравственно-доброй жизни, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и человѣческихъ обществъ“. Теперь не трудно понять, какимъ обра-

зомъ клятва, приносимая подданнымъ государю, опредѣляется его клятвою, которою онъ состоитъ должнымъ Богу. Легко уразумѣть и то, гдѣ кончается повиновеніе государю и въ какихъ размѣрахъ. Если, напр., церковь осудить какое нибудь ложное ученіе, какъ вредное и гибельное для истиннаго Богопочтенія, а государь будетъ требовать принятія и исповѣданія этого ученія, какъ истиннаго, то, понятно, подданный и вмѣстѣ сынъ церкви обязанъ отказать государю въ повиновеніи относительно этого пункта, но только относительно этого, а не другихъ сторонъ жизни: право, регулирующее жизнь, остается въ силѣ. Такимъ образомъ, съ раскрываемой точки зрѣнія, судъ церкви простирается только на догматы вѣры и разныя стороны Богопочтенія и въ случаѣ посягательства государей на эти стороны церковной жизни рѣчь можетъ быть не о судѣ церковной власти „о продолжающейся обязательности клятвы“, — ибо съ этой стороны представители церковной власти и всѣ, слѣдующія ихъ велѣніямъ, явятся бунтовщиками и потому справедливо подвергнутся карѣ законовъ, — а о продолжающемся неповиновеніи гражданскимъ властямъ въ дѣлѣ Богопочтенія, преслѣдуемаго ими, — неповиновеніи, окончаніе котораго исполнѣ зависитъ отъ самихъ гражданскихъ властей, вслѣдствіе того ли, что они сами примутъ гонимую ими сторону Богопочтенія, или потому, что съ своей точки зрѣнія о государственной пользѣ, и ей найдутъ возможнымъ предоставить государственную свободу. Непобѣдимость и несокрушимость Христовой церкви въ томъ именно и состоитъ, что проповѣдуемое ею Богопочтеніе и ученіе вѣры ни въ какомъ случаѣ не могутъ находиться въ противорѣчьи съ государственнымъ правомъ, коль скоро это послѣднее стоитъ на высотѣ своей идеи. Клятва, которою подданные обязываются государству, не можетъ очутиться во враждѣ съ клятвою, которой они состоять должными Богу, доколѣ управители того и другаго учрежденія, церкви и государства, слѣдуютъ по пути правды. Такимъ образомъ, союзъ церкви и госу-

дарства свободный и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый, потому что онъ естественный ⁽¹⁾. Все это, очевидно, находится въ прямомъ противорѣчій съ претензіями и практикою папъ, которые всецѣло предалися мірскимъ, эго-

(1) Эту-то именно сторону связи церкви съ государствомъ и раскрывали отцы и апологеты христіанства, когда раскрывали предъ правительствомъ несправедливость его гоненій, воздвигаемыхъ на христіанъ, или когда самими христіанамъ разъясняли, что значить свободное подчиненіе государственнымъ властямъ. «Что въ тѣлѣ душа, — писалъ неизвестный авторъ къ Диогниту, относящійся еще ко временамъ мужей апостольскихъ, — то въ мірѣ христіане. Душа распространена по всѣмъ членамъ тѣла, и христіане по всѣмъ городамъ міра. Душа хоть и обитаетъ въ тѣлѣ, но не тѣлесна, и христіане живутъ въ мірѣ, но не суть отъ міра (Сн. Іоанн. 6, 14. 14. 16). Душа, будучи невидима, помѣщается въ видимомъ тѣлѣ; такъ и христіане, находясь въ мірѣ, видимы, но Богочтеніе ихъ остается невидимо. Плоть ненавидитъ душу и воюетъ противъ нея, ни чѣмъ не будучи обижена, потому, что душа запрещаетъ ей предаваться удовольствіямъ: такъ и міръ ненавидитъ христіанъ, отъ которыхъ онъ не терпитъ никакой обиды, — за то, что они вооружаются противъ его удовольствій. Душа любитъ плоть свою и члены, не смотря на то, что они ненавидятъ ее, и христіане любятъ тѣхъ, которые ихъ ненавидятъ. Душа заключена въ тѣлѣ, но сама содержитъ тѣло; такъ и христіане, заключенные въ мірѣ, какъ бы въ темницѣ, сами сохраняютъ міръ. Безсмертная душа обитаетъ въ смертномъ жилищѣ; такъ и христіане обитаютъ, какъ пришельцы, въ тлѣнномъ мірѣ, ожидая нетлѣнія на небесахъ. Душа, претерпѣвая голодъ и жажду, становится лучшею; и христіане, будучи наказываемы, каждый день болѣе умножаются. Такъ славно ихъ положеніе, въ которое Богъ опредѣлилъ ихъ и отъ котораго имъ отказаться нельзя». — Объясняя заповѣдь апостола Петра: будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа, какъ свободные (1 Петра 2, 13—16), Отцы Христовой Церкви разсуждаютъ такимъ образомъ — «Подчиняйтесь всякому начальству ради Господа, какъ свободные», т. е. не изъ страха, наводимаго на васъ гражданскою властію, потому что подчиняющіеся такимъ образомъ подходятъ подъ разрядъ рабовъ и оказываютъ подчиненіе, какъ рабы, опасаясь съ одной стороны наказаній владыкъ, а съ другой — каръ законовъ и во всякомъ случаѣ возбуждаемые къ подчиненію страхомъ. Подчиняющійся же ради Господа, какъ подчиняющійся Господнимъ заповѣдямъ, свободенъ отъ всякаго низкаго страха, свободенъ даже отъ подозрѣнія подвергнуться какому нибудь наказанію, которое бы служило ему побужденіемъ къ подчиненію. Облагороживая свою душу любовью къ Господу и соблюдениемъ заповѣдей, онъ такимъ образомъ и оказываетъ покорное повиновеніе человѣческому начальству. Но, чтобы кто либо не сказалъ: какимъ образомъ мы, которыхъ Христосъ явилъ свободными отъ тиранніи діаво-

истическимъ, языческимъ интересамъ, которые они преслѣдовали съ энергіей, достойной лучшаго дѣла, и если они никогда не достигали осуществленія своихъ

ловъ, искупивъ насъ своею честною кровію, и которые поэтому сдѣлались свободными, снова должны подчиняться мірскимъ властямъ?— Апостолъ прибавилъ: «будьте покорны, какъ свободные», т. е. подчиняйтесь добровольно, сознательно, по произволенію. Ибо, подобно тому, какъ послушаніе рабовъ—и вынужденное и непроизвольное, такъ точно послушаніе свободныхъ и непринужденное и свободное. Итакъ, когда мы добровольно подчиняемся Господнимъ законамъ, мы этимъ болѣе укрѣпляемъ свободу, представляемъ и являемъ себя достойными дара ея. Ибо мы оказываемъ честь владыкѣ, когда радостно исполняемъ законы,—свидѣтельствуемъ, что мы приняли его даръ и удивляемся его великодушію; поэтому-то и оказываемъ даятелю сего дара неизрѣченное почтеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, не спасительно ли сохранять порядокъ въ государствѣ добровольнымъ послушаніемъ и воздавать предержавшимъ властямъ по достоинству? Ибо, какъ по справедливости во всемъ являются достойными Богомъ дарованной свободы тѣ, которые обладаютъ душами, свободными отъ всякаго безпорядка и смятенія, такъ, напротивъ провозглашающіе свободу дерзко и нагло, съ обнаруженіемъ превратныхъ мыслей и въ сопровожденіи безпорядковъ, и поэтому разрушающіе порядокъ своимъ мятежничествомъ, суть рабы неразумныхъ страстей, рабы безпорядка и смятеній, взмѣнники свободы и поэтому недостойны ея. Свобода для таковыхъ лицъ служитъ только широю ихъ лукавства и наглости. Нравоученіе, вытекающее изъ разсматриваемой заповѣди Апостола есть то, чтобы быть послушными законамъ и сохранять порядокъ во всѣхъ обстоятельствахъ общественной жизни, «насколько это не наноситъ вреда Божественной любви и вѣрѣ», и чтобы быть снисходительными къ тѣмъ, которымъ ввѣрено управленіе и примѣненіе законовъ, и не презирать ихъ, хотя бы ихъ противорѣчіе истинѣ и побуждало насъ отказываться имъ въ почтеніи. «Для чего же это? — Для того, во-первыхъ, чтобы и сами разномыслящіе въ нечестіи, при видѣ нашего благомыслія, благороднаго и покорнаго образа поведенія, были пристыжены нашею жизнію и правачи; чтобы наше неповиновеніе имъ въ дѣлахъ религіозныхъ считали не упорствомъ, не свойствомъ ума непокорнаго, а дѣломъ любви къ слову Божію, къ Божественной любви и дѣйствію; чтобы трогаемые нашимъ кроткимъ и волюнѣ пристойнымъ образомъ нашего поведенія, могли также, если бы только захотѣли, взглянуть на неизрѣченную красоту нашей религіи, и чтобы, наконецъ, преисполнившись къ ней любовью, возымѣли отвращеніе къ демонскому и идольскому служенію и промѣняли бы его на сообщество и любовь невѣсты Христовой - Церкви». «А во вторыхъ, если хочешь знать, и для того, чтобы приверженцы языческаго культа, гонящіе, преслѣдующіе и наказывающіе вѣрныхъ, не могли

претензій во всей ихъ широтѣ, то причина этого заключается въ самой природѣ вещей, именно въ томъ, что какъ бы ни пригнетали человѣка, сколько бы ни затирали его свободу, разумъ и совѣсть, сколько бы ни толковали ему, чтобы онъ и не думалъ „смѣть свое сужденіе имѣть“, все-таки онъ останется человѣкомъ, — сохранить свободу, разумъ и совѣсть, и всегда будетъ дерзать свое сужденіе имѣть. Въ крайней нуждѣ короли и князья соглашались на требованія папъ, давали имъ присягу на безусловное послушаніе, такъ, какъ они хотѣли; но какъ только утверждались на престолѣ, тотчасъ же начинали поступать по своему, сообразно тому, какъ они понимали свои интересы и нужды государства.

Осуществленію папскихъ претензій, хотя бы и не въ томъ видѣ, какъ они того желали, содѣйствовало прежде всего, при общемъ ложномъ убѣжденіи въ Божественномъ происхожденіи неограниченной власти папы, слабое развитіе государственной власти въ средѣ пока еще дикихъ и мало культивированныхъ народовъ Запада, господство началъ феодализма. Германская имперія представляла въ государственномъ смыслѣ чрезвычайно разношерстную и весьма мало сплоченную единицу. Всякій разъ какъ только папы вступали въ борьбу съ непослушными имъ императорами, они тотчасъ же старались указать полунезависимымъ князьямъ такіе ихъ интересы, которые совершенно противны императорскимъ, и наоборотъ — въ дѣйствіяхъ императора отыскивали такія стороны, которыя якобы крайне были опасны свободѣ князей. Движенія совѣсти,

ни относить свое гоненіе къ другимъ какимъ-нибудь причинамъ, кромѣ единой причины — самой религіи христіанской, ни привлекать въ суды, какъ бунтовщиковъ и нарушителей общественного порядка, и чтобы не имѣли никакого основанія принуждать насъ къ воздаянію Божескаго почета веществу в тварь. — Какъ все это непохоже на доктрину и практику папъ, низлагающихъ королей за то, что оны заключаютъ мирные договоры, выдаютъ своихъ дочерей и т. д. не такъ, какъ хотятъ папы!..

которая, естественно, возбуждалась у совѣстивыхъ князей, успокоивали своею властію, которую они богохульно называли апостольскою. Такимъ образомъ, внутренняя смута готова; императоры были поставляемы въ затрудненіе и, если дорожили своею властію, вынуждались подчиняться. Не помогала внутренняя смута, папы старались присоединить къ ней еще внѣшнія затрудненія, возбуждали противъ императоровъ иностранныя государства. *Divide et impera* было душею политики папъ. Этимъ путемъ они держали въ уздѣхъ всѣ, признававшія ихъ власть государства Запада. Родъ Гогенштауфеновъ, безспорно, одинъ изъ даровитѣйшихъ царствующихъ родовъ Германіи. Но какова же его участь? Въ лицѣ послѣдняго отпрыска своего, Конрадина, онъ, благодаря очерченной политикѣ папъ, окончилъ свое царствованіе на эшафотѣ (29 окт. 1268 г.). Не сломивъ окончательно Фридриха II, папы раздавили его потомковъ.—Затѣмъ могущественнымъ средствомъ къ осуществленію папскихъ претензій было введенное папами безбрачіе клира, надѣленнаго громадными помѣстьями. Безбрачіе клира, поставленнаго въ зависимость отъ центральной власти въ Римѣ, дѣлало его безнаціональнымъ. Выше всякихъ интересовъ онъ, естественно, ставилъ и долженъ былъ ставить интересы своей корпораціи. Для него не существовало государства; онъ самъ былъ единымъ всемірнымъ государствомъ во многихъ государствахъ. Уже по самой организаціи своей онъ представлялъ силу (да и теперь представляетъ), которая являлась тѣмъ страшнѣе, чѣмъ большее вліяніе оказывала на умы. Но съ этою, такъ сказать, духовною силою связывалась еще матеріальнѣе: многіе епископы были чистѣйшими владѣтельными князьями. Въ Германіи они и были таковыми, такъ и назывались владѣтельными духовными князьями и, какъ таковыя, пользовались всѣми правами владѣтельныхъ князей въ имперіи. Къ тому же нужно еще прибавить, что какъ епископіи, такъ и разныя каноникаты во всѣхъ государствахъ Западной Европы

въ изобиліи были замѣщаемы Италіянцами и находились подъ постояннымъ надзоромъ всюду сновавшихъ папскихъ легатовъ. Кромѣ клира не менѣе, если только еще не болѣе, организованную силу представляли монашескіе ордена, которые хотя и находились нерѣдко въ распрѣ между собою, но все въ совокупности ревностно служили папѣ и состояли отъ него въ полной зависимости. По данному знаку изъ Рима все эти организованныя силы выставляли такія затрудненія государственной власти, предъ которыми она невольно должна была отступать.

Но Немезида занесла свою руку и на папство, и чувствительно отомстила ему за несчастный родъ Гогенштауфеновъ.

Со времени утверженія въ Сициліи Французскаго владычества въ лицѣ Карла Анжуйскаго (съ 1266 г.), стало усиливаться вліяніе Французовъ и въ конклавѣ кардиналовъ. Наиболѣе замѣтнымъ образомъ вліяніе это отражалось на выборахъ новаго папы. Уже по смерти Климента IV (въ ноябр. 1268 г.) выборы папы продолжались почти цѣлыхъ три года (2 года и 8 мѣсяцевъ). Для устраненія всякаго посторонняго вліянія въ конклавѣ, а также и для устраненія беспорядковъ, неизбѣжныхъ при борьбѣ партій, новый папа Григорій X (избр. 1 сент. 1271 г., посвященный же и коронованный 27 март. 1272 г.) издалъ декретъ о выборахъ (на Ліонск. соб. 1274 г.), по которому кардиналы должны быть запираемы въ конклавѣ до выбора новаго папы, при чемъ, по истеченіи трехъ или пяти дней, имъ слѣдовало постоянно уменьшать пищу, такъ что наконецъ они могли получать только хлѣбъ, вино и воду. Вслѣдствіе этого послѣдующіе три выбора папъ совершились быстро. Но папа Іоаннъ XXI отмѣнилъ декретъ Григорій X о конклавѣ, какъ жестокій и при томъ исторгнутый вопреки волѣ кардиналовъ. Результатомъ этой отмѣны было то, что, по смерти Іо-

анна XXI (16 мая 1277 г.), выборы папы продолжались болѣе шести мѣсяцевъ; избранъ былъ Римлянинъ изъ дома Орсини (25 ноябр.), назвавшійся въ папствѣ Николаемъ III. Со времени слѣдующаго папы, Мартина IV, выборы котораго продолжались ровно шесть мѣсяцевъ (съ 22 авг. 1280 г. по 22 февр. 1281 г.), начала царить въ Римской куріи „спеціально-французская политика“. Мартинъ IV, до восшествія на папскій престолъ Симонъ Брие, былъ родомъ Французъ, безусловно преданъ Карлу Анжуйскому и, благодаря главнымъ образомъ его вліянію, достигъ папскаго трона. Неудивительно поэтому, что онъ, во все продолженіе своего понтификатствованія, употреблялъ страшныя отлученія и интердикты „апостольскаго престола“ исключительно на защиту Французскихъ интересовъ; естественно также и то, что такое пристрастное отношеніе къ Французамъ не могло не обратить на себя вниманія остальныхъ государей папской Европы и не ослабить между ними вліянія папъ. Слѣдующіе папы: Гонорій IV (съ апр. 1285 по апр. 1287 г.) и Николай IV (избранный послѣ долгой борьбы въ 1288 г.), хотя не оказывали такой услужливости Французамъ, какъ Мартинъ IV, тѣмъ не менѣе и они не вполне освободились отъ Французскаго вліянія, не смотря на избіеніе Французовъ въ Сициліи (въ март. 1282 г.—Сицил. вечерня) и не смотря на послѣдовавшее за тѣмъ пораженіе Карла Анжуйскаго Петромъ Аррагонскимъ, плѣненіе старшаго его сына, по имени тоже Карла, и смерть его самого (7 янв. 1284 г.). Николай IV даже содѣйствовалъ освобожденію Карла II Анжуйскаго изъ плѣна и утвержденію его въ Неаполѣ на престолѣ неаполитанскаго королевства (въ 1289 г.). Это возвращеніе власти въ Италіи Анжуйскому дому снова усилило вліяніе Французовъ въ Римской куріи и не замедлило дать себя почувствовать Италианской партіи куріаловъ.

Послѣ смерти Николая IV (4 апрѣл. 1292 г.) Италианская и Французская партіи въ конклавѣ кар-

диваловъ противостали другъ другу съ крайней ожесточенностію и напряженностію и выборы продолжались ровно два года и три мѣсяца. Собственно Французскихъ кардиналовъ было только двое изъ двѣнадцати; остальные же всѣ были Италіянцы (6-ть изъ Рима и 4 изъ друг. мѣстъ Италіи). Но сила и вліяніе Французовъ увеличивались отъ того, что среди самихъ Италіянцевъ съ-издавна боролись двѣ знатныя и сильныя фамиліи: Орсини и Колонновъ. Понятно, что интересъ ихъ заставлялъ попеременно примыкать къ Французамъ, хотя въ сущности всѣ Италіянцы должны были не терпѣть и дѣйствительно не терпѣли иностранцевъ въ составѣ куріи, такъ какъ папская власть по преимуществу передавалась почти исключительно членамъ однихъ и тѣхъ же знатнѣйшихъ Римскихъ и Италіянскихъ фамилій; легаты, разсылаемые папами во всѣ концы міра, были большею частію изъ Италіянцевъ: даже большинство архіепископій, епископій и болѣе богатыхъ аббатствъ, каноникатовъ и приходовъ замѣщалось, какъ сказано, Италіянцами. Въ настоящій разъ одною партіей заправлялъ кардиналъ Маттео (Matteo, Matheus, Матвѣй) Россо Орсини (Rubeus Orsinus) съ своимъ племянникомъ Наполеономъ Орсини, тогда какъ другою партіей руководилъ кардиналъ - діаконъ Іаковъ Колонна съ молодымъ племянникомъ своимъ, кардиналомъ Петромъ Колонною. Современный Флорентинскій историкъ, Іоаннъ Виллани, показываетъ, что Маттео Россо старался выдвинуть кандидата, угоднаго Неаполитанскому королю Карлу II. Если это правда, то подобный фарсъ со стороны Орсини — не болѣе, какъ военная хитрость, потому что въ другихъ случаяхъ Колонны являются сторонниками Французовъ. Каждая изъ борющихся партій пускала въ ходъ всякія средства, чтобы одержать побѣду надъ противною партіей. Наряду съ интригами всякаго рода, въ которыхъ и вообще Италіянцы изощрились, а Италіянскіе кардиналы, можно сказать, достигли даже верха искусства,

вспыхивали еще кровавые драки, кончавшіяся смертію нѣкоторыхъ изъ членовъ борющихся партій. Чтобы придти къ какому нибудь соглашенію, кардиналы перемѣщали конклавъ съ одного мѣста на другое. Но ссоры только увеличивались и дѣла ухудшались. Для ускоренія выборовъ, Неаполитанскій король Карль Анжуйскій думаль-было произвести давленіе на кардиналовъ, но получилъ энергическій отпоръ со стороны кардинала Бенедикта Гаетана (Gaetanus, Gaetano, Cajetanus, Gansani), будущаго папы Бонифація VIII. Даже дошло до колкостей и Карль порѣшилъ уклониться отъ прямаго вліянія на кардиналовъ. Наконецъ, въ іюль 1294 г. обѣ борющіяся партіи остановились на одномъ малоизвѣстномъ и неопытномъ въ дѣлахъ правленія пустынникѣ Петрѣ, подвизавшемся на горѣ Мурроне, что въ Абруцѣ, въ одной изъ сѣверныхъ частей Неаполитанскаго королевства: 5 іюля Петръ Мурроне провозглашенъ папою и немедленно извѣщенъ объ этомъ чрезъ депутацію. Онъ назвался Целестиномъ V и 29 августа тогоже года посвященъ и коронованъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждая изъ враждующихъ партій, избирая малоопытнаго Целестина, думала впоследствии заправлять имъ. И дѣйствительно, какъ только Целестинъ изъявилъ свое согласіе быть папою, приверженцы Италіанской партіи тотчасъ же начали склонять его переселиться въ Римъ, гдѣ они, дѣйствуя на его благочестіе, легче могли овладѣть имъ. Но Анжуйская или Французская партія взяла перевѣсъ: Целестинъ сначала переселился въ Аквилею, а потомъ, въ концѣ октября, въ Неаполь, гдѣ и поселился въ Castel nuovo при морѣ. Разъ предавшись вліянію Французской партіи, онъ и дѣйствовать сталъ исключительно въ интересахъ Французовъ. 18 сентября онъ назначилъ 12 кардиналовъ, между которыми 7 было Французовъ. Въ то же самое время онъ возобновилъ декретъ Григорія X о конклавѣ. Разсматриваемыя въ связи, оба эти событія не могли

не произвести неприятнаго впечатлѣнія на Италіянцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ Целестинъ назначилъ архіепископомъ Ліона сына Неаполитанскаго короля, которому едва исполнился 21 годъ. Равнымъ образомъ, и другіе приходы и бенефиціи, равно какъ разныя привилегіи и диспенсаціи началъ щедрою рукою раздавать по указанію Анжуйцевъ, такъ что недовольные его правленіемъ стали говорить, что много онъ сдѣлалъ „отъ полноты власти“, но еще болѣе „отъ полноты глупости“. Наконецъ, по переселеніи въ Неаполь, онъ окончательно отстранился отъ дѣлъ правленія и все передалъ въ руки своихъ любимцевъ. Это уже переполнило мѣру терпѣнія недовольныхъ имъ кардиналовъ, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ самихъ онъ настойчиво требовалъ строгаго образа жизни. Начали думать о его низложеніи. Но какъ это сдѣлать?—вотъ вопросъ, крайне опасный и неразрѣшимый съ точки зрѣнія папскаго права. Тѣмъ не менѣе интересы Италіянской партіи требовали немедленнаго его рѣшенія. Вслѣдствіе интригъ, какія были пущены въ ходъ, и разныхъ извѣстій относительно этого предмета, современному историку трудно прослѣдить, какъ въ дѣйствительности все это было. Сообразно общему ходу событій, все это дѣло въ наиболѣе вѣроятномъ видѣ представляется такимъ образомъ. Сначала недовольные Целестиномъ дали понять ему, что онъ рѣшительно не способенъ къ управленію и что любимцы его обманываютъ. Убѣдить его въ этомъ было не особенно трудно. Теперь, когда у него родилось сильное сомнѣніе относительно себя, какъ правительственнаго лица, разъ онъ, самъ ли собою, или, что вѣроятнѣе, его натолкнули на то другіе, прочиталъ въ одномъ юридическомъ сборникѣ, что прелать по уважительнымъ причинамъ можетъ отказать отъ своей должности съ согласія своего начальника, и, примѣняя къ себѣ, началъ помышлять, нельзя ли и ему отречься отъ папства. Всѣ данныя говорятъ за то, что Целестина *навелъ* на эту послѣднюю мысль, тѣмъ

болѣе, что сборникъ, въ которомъ онъ прочиталъ означенное положеніе, по извѣстіямъ, составленъ имъ самимъ, и, слѣдовательно, мысль о возможности отречья *папъ* поставлять въ зависимость отъ случайнаго прочтенія въ сборникѣ правила, - устанавлиющаго условія отреченія *епископовъ*, когда это правило должно было быть извѣстно Целестину, какъ составителю сборника, и безъ случайнаго прочтенія, по моему мнѣнію, рѣшительно невозможно; въ такой же мѣрѣ легко она могла придти ему въ голову и безъ этого случайнаго прочтенія, если бы онъ дѣйствительно самъ додумался до этой мысли. Т. о. *наведеніе* на отреченіе является наиболѣе вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, только Целестинъ сообщил свое сомнѣніе и другимъ, между прочимъ и кардиналу Бенедикту Гаetanу, какъ лучшему знатоку каноническаго права. По увѣренію Эгидія Колонны или Римскаго, Гаetanъ будто бы отсовѣтывалъ Целестину отречься. Но въ дѣйствительности безспоренъ тотъ фактъ, что онъ присовѣтовалъ Целестину, прежде чѣмъ этотъ отречется, предварительно изготovitъ и объявить постановленіе, что папа можетъ отречься, какъ подобное уже и сдѣлалъ папа Климентъ I еще во времена апостольскія. Вотъ это указаніе на Климента,—а не то правило объ отреченіи епископовъ, съ которыми папа, по теоріи папистовъ, никакъ не можетъ быть поставленъ на одну доску, — одно только и могло навести Целестина на мысль объ отреченіи, тогда какъ разбираемое правило о епископахъ могло лишь задать эту мысль, если бы она и родилась, ибо кто же начальникъ надъ папою? Слухъ о намѣреніи Целестина отречься скоро распространился по городу, естественно и между Анжуйцами. Начались противодѣйствія на Целестина, просьбы не оставлять престолъ, разъясненія, что и сдѣлать-то это не возможно. Распространилась и крѣпко держалась молва, что Гаetanъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Целестина, ночью въ отверстіе его жилища воглашалъ ему

черезъ рупоръ, какъ бы это говорилъ самъ Христосъ: какая польза человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?.. Паписты имѣютъ всѣ побужденія къ тому, чтобы относить это и другія, подобныя этому, сказанія въ область басней. Равнымъ образомъ и протестантскіе историки, чтобы показаться безпристрастными, болѣе склоняются отнести этого рода общую молву, занесенную въ лѣтописи, тоже къ разряду выдумокъ. Тѣмъ не менѣе я, не страшась показаться крайне пристрастнымъ, осмѣливаюсь въ интересѣ правды придать этой молвѣ значеніе дѣйствительности, и вотъ почему. Целестинъ, въ своей формулѣ отреченія между многими причинами, побудившими его отречься, привелъ между прочимъ свое *maloznanie* (*defectus scientiae*). Это сознаніе Целестина, конечно, прежде всего говорить въ пользу той, высказанной мною выше мысли, что онъ не самъ напалъ на мысль отречься, а его навели на это. Но затѣмъ изъ этого его сознанія вытекаетъ еще и то слѣдствіе, что онъ, сознавая свое невѣжество и некомпетентность въ данномъ случаѣ, тѣмъ самымъ вынуждался вполне предаться внушеніямъ своихъ совѣтниковъ. Гаеганъ, какъ видѣли, выставилъ ему сильнѣйшія, съ своей точки зрѣнія, доказательства *за* возможность отреченія папы. Но, конечно, не дремала и противная партія, нежелавшая отреченія Целестина, — и она съ своей стороны выставила Целестину свои резоны, которые, какъ увидимъ, отличаются еще большею вѣскостію, чѣмъ резоны защитниковъ отреченія. Понятно, что Целестинъ, какъ человѣкъ малосвѣдущій, но настроенный благочестиво, не могъ положиться въ столь важномъ вопросѣ на доказательства отъ *знанія*, которое можно повернуть и въ ту и въ другую сторону; доказательство отъ *вѣры*, *откровеніе* самого *Бога* оставалось единственнымъ средствомъ дать рѣшеніе колеблющейся волѣ. Гаеганъ и употребилъ его въ формѣ устрашительныхъ возгласеній, якобы отъ лица самого

Бога, чрезъ рупоръ въ ночное время. Примѣръ Тимоѳея Элура, употребившаго подобный же пріемъ для своего возвышенія въ патриархи, могъ служить въ этомъ случаѣ Гаetanу отличнѣмъ указаніемъ. Послѣ такихъ угрожающихъ откровеній со стороны, какъ думалъ Целестинъ, самого Бога, онъ уже пересталъ колебаться. 13 декабря 1294 года онъ призвалъ кардиналовъ на собраніе и прочиталъ имъ уже изготовленный документъ, содержащій причины его отреченія и распоряженіе о новомъ выборѣ папы. При этомъ онъ воспретилъ всякое себѣ противорѣчіе. Тогда первый кардиналъ-діаконъ, исполнявшій должность оратора за своихъ товарищей, предложилъ по крайней мѣрѣ одну только просьбу, чтобы Целестинъ объявилъ еще особой конституціей, что папа можетъ отречься и свящ. collegія можетъ принять его отреченіе. (Итакъ, въ средѣ кардиналовъ до послѣдняго момента было сомнѣніе, можетъ ли *papa* отречься). На эту просьбу кардиналовъ Целестинъ тотчасъ же передалъ имъ требуемый декретъ, заранѣе сочиненный Бенедиктомъ Гаetanомъ, и кардиналы приняли его отреченіе. Целестинъ скинулъ съ себя всѣ папскія и епископскія инсигнії и одежды и удалился изъ залы въ монашеской рясѣ.

Спустя 10 дней послѣ отреченія Целестина кардиналы собрались по уставу Григорія X, на конклавъ въ Неаполѣ, въ Castel nuovo, гдѣ отречеся прежній папа, и уже на слѣдующій день, 24 дек. 1294 г., былъ избранъ въ папы кардиналъ-пресвитеръ Сильвестръ Бенедиктъ Гаetanъ, назвавшійся по избраніи Бонифаціемъ VIII. Конечно декретъ Григорія X, опредѣляющій порядокъ выборовъ папы, содѣйствовалъ ускоренію этихъ выборовъ, но выборъ Гаетана совершился слишкомъ быстро, чтобы это могло зависѣть отъ декрета Григорія. Такимъ образомъ, мысль, что все дѣло подстроено заранѣе, является въ данномъ случаѣ самою естественною мыслию. Послѣдующія увѣренія Бонифація, адресованныя къ Французскому королю Филип-

пу, будто онъ искони любилъ Французскую націю, и тогда еще, когда былъ кардиналомъ, и получилъ даже за это отъ своихъ собратій упрекъ въ пристрастіи къ ней, конечно, не могутъ быть отнесены къ тому времени, когда онъ, противодѣйствуя Французамъ, разсорился съ Карломъ II Анжуйскимъ, а должны быть отнесены къ какому нибудь другому времени и, по соображеніи обстоятельствъ, невольно наводятъ на мысль, не было ли это прикидываніе дружбы съ его стороны къ Французамъ при отреченіи Целестина и выборѣ въ папы его самого?...

Не буду дѣлать его характеристики, полагая, что лучшею характеристикой послужатъ его собственные слова и дѣла. Для настоящаго раза замѣчу только, что онъ былъ уменъ и ловокъ, и хотя замѣченъ въ беспорядочной жизни и даже въ ереси, но это было потушено и скрыто. По отцу родомъ изъ Испаніи, по матери онъ состоялъ въ родствѣ съ знаменитѣйшими папами: Иннокентіемъ III, Григоріемъ IX и Александромъ IV. Достигнувъ папскаго трона указаннымъ образомъ, онъ имѣлъ всякое намѣреніе идти по стопамъ своихъ великихъ предковъ—папъ, знаніе каноническаго права съ точки зрѣнія папской идеи настроивало его на этотъ ладъ, сознаніе избытка духовныхъ силъ въ себѣ толкало его на путь, прежнихъ папъ. Но обстоятельства сложились другія.

Немедленно послѣ своего избранія, Бонифацій отмѣнилъ всѣ пожалованія бенефицій своего предшественника, казавшіяся вредными для Римской церкви и послужившія причиною низложенія послѣдняго,—затѣмъ изъ Неаполя переселился въ Римъ и 16 янв. 1295 г. былъ посвященъ и коронованъ. На слѣдующій день, 17 янв., онъ издалъ первую свою энциклику (*Gloriosus et mirabilis*), извѣщающую католическій міръ о вступленіи его на престолъ. Послѣ очень длиннаго и крайне напыщеннаго приступа, въ которомъ восхваляется несокрушимость церкви среди всяческихъ гоненій, бурь, невзгодъ, непогодъ и напора волнъ, въ

словахъ высокопарныхъ и надутыхъ, Бонифацій рассказываетъ исторію своего возвышенія на папскій тронъ. „Когда Римская церковь, говоритъ онъ здѣсь, стала по истинѣ вакантною, потому что возлюбленный сынъ братъ (*filius frater*) Петръ изъ Мурроны оставилъ престоль свободно и добровольно, самъ учинилъ отреченіе предъ достопочтенными братьями епископами и возлюбленными сынами нашими пресвитерами и діаконами кардиналами, сколько ихъ тогда было, по причинамъ совершенно разумнымъ и законнымъ, и потому, что сказанные кардиналы допустили оное отреченіе, какъ совершенно законное, дѣянїями перрыхъ первосвященниковъ и конституціей весьма ясно показываемое, и при томъ же присовокупили еще нарочито высказанное согласіе (*expressus assensus*); то, весьма тщательно обсудивъ, сколь много вреда принесетъ съ собою продолжительное вдовство (*vacatio*) помянутой церкви, оные кардиналы“ собрались (23 дек.) на конклавъ и на слѣдующій же день избрали его, Бонифація, возложивъ на него апостольское иго, и онъ, чтобы „не показаться противящимся волѣ Божіей“ и „отказомъ своего согласія не обратитъ согласныя сердца избирателей къ разногласію“, принялъ это иго. Во внимательномъ и интересующемся дѣлами церкви читателѣ эта энкликлика папы могла только возбудить сомнѣніе, но не успокоить. Общія и дутыя фразы громко звучали, что отреченіе Целестина учинено законно и правильно, по уважительнымъ причинамъ и предъ кардиналами; что, какъ такъое, оно и принято послѣдними и затѣмъ законно канонически совершенъ выборъ новаго папы, и что потому церковь попрежнему стоитъ твердо и непоколебимо; злорады, бури, непогоды и напоры, повидимому, страшныхъ волнъ разбиваются о нее въ прахъ и лишь во-очію являютъ ея крѣпость. Невольно рождался вопросъ, дѣйствительно ли эти волны подняты на церковь извнѣ, такъ что онѣ и впрямь не могутъ быть для нея опасны? Скорѣе, не

коренится ли ихъ причина внутри церкви? Можетъ ли отречься папа? Имѣютъ ли право кардиналы принять это отреченіе? Отсюда, законенъ ли новый папа? Не исторгнуто ли самое основаніе изъ-подъ зданія церкви?

Почитатели добродѣтелей Целестина, равно и тѣ лица, которыя по другимъ какимъ нибудь причинамъ были недовольны его удаленіемъ, начали громко утверждать, что „папа не можетъ отречься“ и что слѣдовательно царствующій теперь папа незаконенъ. Бонифацій понималъ всю силу этого лозунга своихъ противниковъ и потому, чтобы пресѣчь возможность дать ему, помимо крика, еще реальное значеніе воздѣйствіемъ на Целестина взять назадъ свое отреченіе и снова объявить себя папою, повелѣлъ держать его въ заключеніи вблизи себя. Целестинъ нѣсколько разъ бѣгалъ изъ своего невольнаго заключенія, скрывался въ малоизвѣстныхъ и трудно-доступныхъ мѣстахъ, но всеюду проникающая молва разглашала о его чудесахъ, его отыскивали и приводили къ Бонифацію. Наконецъ онъ задумалъ-было бѣжать въ Грецію и уже сѣлъ на судно, но противный вѣтеръ прибилъ это судно назадъ къ берегу; Целестинъ былъ узнанъ, схваченъ и снова приведенъ къ Бонифацію. Тогда послѣдній повелѣлъ заключить его въ нарочно построенной для этого кельѣ въ замкѣ Фумонѣ при Ананьи и приставилъ къ нему крѣпкую стражу. Его стали содержать, какъ тюремника, да и обходились съ нимъ, какъ съ тюремникомъ. Такъ онъ прожилъ здѣсь 9-ть мѣсяцевъ. Въ пятидесятницу 1296 г., послѣ совершенія литургіи, онъ почувствовалъ боль въ правомъ боку. Вечеромъ въ слѣдующую субботу, 19 мая 1296 г., его не стало. Этотъ родъ болѣзни и смерти Целестина, естественно, наводитъ на мысль, что онъ былъ отравленъ медленнымъ ядомъ. Его почитатели—современники были твердо убѣждены, что онъ умеръ не своею смертію. Его монастырскіе братья, названные по его имени Целестинцами, показывали въ сво-

ей капеллѣ въ Colle-madio его черепъ съ четырехъ-угольною раною надъ правымъ ухомъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, ударилъ его молотомъ одинъ изъ его служителей. Такимъ образомъ Бонифацій наконецъ отдѣлался отъ своего противника, но съ его смертію дѣло не могло еще считаться оконченнымъ.

Во главѣ кардиналовъ, оспаривавшихъ возможность отреченія папы отъ своей должности, когда только еще обсуждался вопросъ объ отреченіи Целестина, стояли кардиналь-діаконъ Іаковъ Колонна и его племянникъ Петръ Колонна. Мы видѣли, что Целестинъ разрѣшилъ этотъ вопросъ, послѣ мучительныхъ колебаній, единственно только своею волею, воспротививъ кардиналамъ, на послѣднемъ своемъ засѣданіи съ ними, дѣлать ему какія бы ни было возраженія. Кардиналы тогда покорились этой волѣ; послѣдовало отреченіе, послѣдовалъ за тѣмъ и выборъ. Но вопросъ: можетъ ли отречься папа? и законна ли его воля въ этомъ случаѣ, какъ сама въ себѣ, такъ и по совокупности тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ послѣдовало ея рѣшеніе? — все-таки оставался вопросомъ. Пока былъ живъ Целестинъ и пока онъ твердо стоялъ на своемъ рѣшеніи, Колонны хранили молчаніе и не возбуждали официально этого вопроса. Такова папско-римская вѣра, что при ней въ подобныхъ случаяхъ возможно лишь недоумѣнное молчаніе. Возбужденіе его произошло послѣ смерти Целестина и, не къ чести Колонновъ, по мотивамъ, чисто матеріальнымъ. Колонны были одною изъ могущественныхъ княжескихъ фамилій въ Италіи, имѣли многихъ приверженныхъ и зависимыхъ кліентовъ, кромѣ домовъ въ Римѣ владѣли еще многими укрѣпленными городами, замками и помѣстьями. Въ средѣ этой — то многочисленной и могущественной фамиліи возникли имущественные споры, въ которые вмѣшался и Бонифацій. Дѣйствія его явно клонились не въ пользу кардиналовъ, въ дальнѣйшемъ спорѣ онъ даже занялъ своими войсками нѣкоторые города и зам-

ки, которыми фактически владѣли кардиналы Колонны. Нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ Бонифація за-таеннаго желанія ослабить этихъ кардиналовъ материально, чтобы тѣмъ самымъ и каноническую ихъ угрозу сдѣлать навсегда для себя безвредною. Колонны окончательно разсердились на папу, удалились отъ его двора и начали утверждать, что Бонифацій избранъ незаконно. 4 мая 1297 года они были потребованы папой къ отвѣту; но, вмѣсто того чтобы явиться, они обнародовали (10 числа тогоже мѣсяца мая) адресованную на имя папы и коллегіи кардиналовъ записку, въ которой въ 13 положеніяхъ доказывали, что отреченіе Целестина недѣйствительно, недѣйствителенъ и выборъ Бонифація. 1) Папское достоинство, говорили они, даровано Богомъ, а что далъ высшій, то уже не можетъ быть отнято нисшимъ. 2) Никто не можетъ отнять духовную власть у другаго, если онъ самъ не далъ оную ему. 3) Дозволять отреченіе епископамъ принадлежитъ только папѣ, какъ намѣстнику Христову, поэтому увольненіе отъ высшаго достоинства, папскаго, не можетъ послѣдовать отъ болѣе нисшаго, чѣмъ папа. 4) Высшая власть, которая творитъ, не можетъ быть отнята нисшими, созданными властями. 5) Ни папа, ни совокупность тварей не могутъ сдѣлать, чтобы епископъ не былъ епископомъ, тѣмъ менѣе, чтобы папа не былъ папою. 6) Папа есть папа по Божественному закону, а не по закону какой нибудь твари или всѣхъ тварей, поэтому онъ и не можетъ быть уволенъ отъ своей должности никакою тварію. 7) Никто не можетъ отмѣнять (tol-lere) чьего либо вотума (обѣта) или разрѣшить отъ него, кромѣ того, кто стоитъ выше онаго. Но теперь папство есть высшій вотумъ, ибо папа фактически далъ обѣтъ (vovet) предъ самимъ Богомъ; такимъ образомъ только Богъ можетъ разрѣшить его отъ его вотума. 8) Никто не можетъ разрѣшать самого себя. А если должно имѣть силу отреченіе, то оказывается, что можно разрѣшать и самого себя. 9) Обязан-

ности, которыя имѣеть папа, могутъ быть отняты отъ него только высшею властію, а таковую имѣеть одинъ Богъ. 10 и 11) Священство Христово (*sacerdotium Christi*), по ученію Апостола, вѣчно; это относится также и къ священству Его намѣстника; оно должно продолжаться, пока онъ живетъ. 12) Отреченіе Целестина недѣйствительно также и потому, что при этомъ обнаружилось много обмана и хитрости. 13) Даже, если бы само это отреченіе было и дѣйствительно, все-таки послѣ случилось многое такое, что сдѣлало слѣдовавшій потомъ выборъ недѣйствительнымъ. — На основаніи всего этого Колонны потребовали, для раскрытія истины, созванія всеобщаго собора. Если, говорили они, соборъ признаетъ дѣйствительность отреченія и одобритъ новый выборъ, то и мы смиренно подчинимся этому рѣшенію. Но если такое отреченіе и пр. будетъ отвергнуто соборомъ, то слѣдуетъ канонически озаботиться о законномъ женихѣ церкви. Колонны повелѣли прибить эту записку къ дверямъ Римскихъ церквей и даже положить ее на престолъ въ церкви св. Петра.

Всѣ эти 13-ть положеній Колонновъ, очевидно, сводятся только на два главныхъ положенія: а) что отреченіе отъ власти можетъ быть произведено лишь съ согласія другой высшей власти, отъ которой лице, желающее сложить съ себя власть, получило оную, и б) что обстоятельства, при которыхъ совершались отреченіе одного папы и выборъ другаго были таковы, какіе совсѣмъ не должны бы быть при законномъ совершеніи того и другаго. Правда, въ первомъ пунктѣ они не отличили *ordo sacramentalis*, или хиротонію епископа, какъ таинства, отъ епископской юрисдикціи, какъ правительственной сферы дѣятельности епископовъ. Но такое различіе не требовалось въ данномъ случаѣ ни свойствомъ Римскаго ученія о власти папъ, ни свойствомъ отреченія, какъ каноническаго акта. Напротивъ сила ихъ возраженій покоится на томъ папистическомъ началѣ, что никакое отреченіе

епископа не можетъ быть совершенно безъ вѣдѣнія папы, какъ высшей власти въ церкви, и что самъ папа, какъ высшая власть въ церкви, никѣмъ судимъ быть не можетъ, ибо нисшее не судить высшее. Это положеніе со всею рѣзкостью высказалъ папа Николай I въ письмахъ къ императору Михаилу III и патр. Фотію по поводу отреченія Игнатія, это положеніе высказывали и другіе папы, оно же занесено и въ каноническіе сборники Римской церкви. Сила аргументаціи Колонновъ всего яснѣе открывается изъ слабости критики, какую могли придумать противъ нея паписты. Такой критикѣ подвергли положенія Колонновъ Петръ Палуданъ (Petr. Paludanus) и Іоаннъ Андр., юрисконсультъ Болоньскій. Палуданъ допускаетъ, что папа можетъ отречься отъ папства и, отречьшись, перестать быть папою, но не иначе какъ „если кардиналы примутъ“ его отреченіе. Для доказательства этой мысли онъ отличаетъ въ папѣ двѣ власти: *potestas characteris sacerdotalis et episcopalis* и *potestas papalis*, иначе — *potestas dignitatis*. Власть священническаго и епископскаго характера есть *claves ordinis*, ключи рукоположенія, „которые, говоритъ онъ, отпечатлѣваются на костяхъ (рукополагаемаго) и за ними слѣдуютъ: откуда характеръ священническаго и епископскаго рукоположенія, какъ и характеръ таинства крещенія, неизгладимъ (*indelebilis*) въ душѣ; откуда, если воскреснетъ епископъ или священникъ, онъ будетъ истиннымъ епископомъ и священникомъ, могущимъ совершать евхаристію, рукополагать и мвропомазывать также, какъ и прежде. Откуда—оная власть дается не престолу и не положенію, а лицу; ибо, когда умираетъ намѣстникъ или епископъ, то наслѣдникъ не наслѣдуетъ ему въ рукоположеніи, но необходимо долженъ быть рукоположенъ. Но папская власть дана папству, а не лицу; откуда слѣдуетъ, что она получается не чрезъ личное посвященіе, но по тому самому, что кто либо избранъ, принимаетъ на себя и имѣетъ оную власть, всегда пребывающую

на самомъ престолѣ (*semper remanet in ipsa sede*), который не умираетъ. Но быть на престолѣ есть дѣло человѣческое и свободное, зависящее отъ воли избирающихъ и принимающихъ, и поелику ничто такъ не естественно, какъ быть разрѣшаему такимъ же порядкомъ, какъ и связанъ, вслѣдствіе того всѣ обязательства, которыя возлагаются однимъ согласіемъ, по взаимному согласію и отмѣняются, и кромѣ того еще отмѣняются самымъ дѣломъ (*re existente integra*). Отсюда слѣдуетъ, что узы обязательства между папствомъ и церковію налагаются вслѣдствіе одного согласія, противоположнымъ согласіемъ разрѣшаются; вслѣдствіе отреченія, принятаго кардиналами, папа прекращаетъ свое сидѣніе на престолѣ и теряетъ власть, преемственно пребывающую на престолѣ (*quae remanet in sede ex ipsamet successione*), чего не можетъ быть сказано о ключахъ рукоположенія (*de clavibus ordinis*), потому что они всегда слѣдуютъ за лицомъ и никакому положенію (должности) не даются“. Право, почему кардиналы могутъ принимать отреченіе отъ папы, Палуданъ обосновываетъ такимъ образомъ: „въ принятіи папства два права: одно право—его собственное, которое онъ снискиваетъ, другое право принадлежитъ церкви, которой онъ даетъ обязательства; но всякому свойственно отказываться отъ своего права во всемъ томъ, въ чемъ онъ не обязывался другому. Если же кто письменно, хотя бы только разъ, обязался,—онъ не можетъ освободиться по произволу. Итакъ папа, хотя съ одной стороны и можетъ отречься отъ папства въ томъ, что его право; но поелику онъ разъ далъ обязательство церкви, то съ этой стороны онъ не можетъ отречься, кромѣ того случая, *если согласятся на это кардиналы* (*nisi de assensu cardinalium*), представляющіе лице церкви (*vicem ecclesiae*) во всемъ, что касается папы; ибо папа принятіемъ (папства) обязался управлять церковію, за исключеніемъ того лишь случая, когда церковь возметъ у него обязательство назадъ. Слѣдова-

тельно съ этой стороны папа самъ по себѣ не можетъ отречься, но съ согласія кардиналовъ можетъ“. Еще Палуданъ думаетъ обосновать свою мысль сравненіемъ епископской власти съ таинствомъ брака. Таинствомъ бракъ становится тогда, когда соблюдено два условія: взаимное согласіе брачующихся и тайнодѣйственные слова священника. Съ выполненіемъ этихъ условій бракъ становится таинствомъ, неразрѣшимыми узами. Взаимное же согласіе брачующихся, безъ тайнодѣйственныхъ словъ священника, не есть таинство, оно только сговоръ (*sponsalia*). „Обязательство между каждымъ епископомъ и его церковію, говоритъ Палуданъ, болѣе походить на сговоръ (*sponsalia*), чѣмъ на супружество. Откуда слѣдуетъ, что папская власть, смотря по тому, какъ она присутствуетъ въ Римскомъ сѣдалищѣ (*in sede Romana*), имѣетъ Божественное, а не человѣческое основаніе, и посему никогда не разрушается; но смотря по тому, какъ она присутствуетъ въ лицѣ, которое возсѣдаетъ на ономъ тронѣ только вслѣдствіе человѣческаго согласія, имѣетъ двоякое основаніе, именно — самаго человѣка и его согласіе, что разруσιμο. Откуда слѣдуетъ, что, когда разрушится что-либо изъ онаго, то разрушается власть не сама въ себѣ, но въ этомъ лицѣ, въ которомъ она была по случаю, именно потому, что оно возсѣдало на престолѣ“.

Райнальдъ назвалъ это разсужденіе превосходнымъ (*egregius*), тогда какъ положенія Колонновъ—околесицами (*ambagibus*). Съ этимъ соглашаются и современныя знаменитости изъ папистовъ. Но что прежде всего представляется на здравый человѣчскій смыслъ, послѣ прочтенія аргументацій Палудана, такъ это — ихъ схоластическая дѣланность на предвзятую мысль, и, какъ таковая дѣланность, они блещутъ всѣми нелѣпостями и не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Разбирать эту аргументацію не стоитъ. Сдѣлаю только немногія указанія. а) Существуетъ и отъятіе *claves ordinis*, ибо епископы и священники быва-

ють низлагаемы. b) Такъ отдѣлять папскую власть отъ власти *ordinis* или *sacerdotalis*, какъ отдѣляетъ Палуданъ, невозможно, ибо папская власть, по учению папистовъ, служить источникомъ всякой іерархической власти, а бездушная каѳедра безъ лица рукополагать не можетъ; да при томъ и характеръ власти этой бездушной каѳедры не *sacerdotalis ordinis*, а другой, именно *dignitatis*; слѣд., чего въ ней нѣтъ, того и дать она не можетъ. Избранный въ папы діаконъ становится *папою* съ момента его избранія; но чтобы онъ съ этого же момента могъ рукополагать епископовъ, священниковъ и т. д., до собственнаго рукоположенія во епископы, этого не стануть утверждать самые завзятые паписты. c) Граматы папъ и рѣшенія папскихъ соборовъ опредѣляютъ власть папъ относительно лица—*Romani Pontificis*, хотя бы мыслимаго и *ex cathedra*, но не каѳедры, какъ бездушнаго сѣдалища безъ лица. Представленіе Палудана о Римской каѳедрѣ похоже на какой-то отвлеченный языческій фетишь. d) Власть прикрѣпленная къ каѳедрѣ болѣе подлежитъ разрушенію, чѣмъ власть прикрѣпленная къ лицу. Въ послѣднемъ видѣ и существуютъ искони всѣ власти въ человѣческомъ родѣ: нѣтъ лица облеченнаго властію—нѣтъ и власти. Римъ можетъ провалиться или быть стертъ съ лица земли вмѣстѣ и съ папской каѳедрой, но епископская власть еще не уничтожится чрезъ это. e) Право кардиналовъ принимать или не принимать отреченіе папы, естественно, поставяетъ ихъ выше папы, связано съ правомъ судить его, что противорѣчитъ положенію и папѣ, и папистовъ, что папа никѣмъ судимъ быть не можетъ, и пр. и пр. Въ примѣненіи къ отреченію Целестина аргументація Палудана теряетъ всякую силу отъ того, что онъ ставитъ отреченіе въ зависимость отъ согласія, слѣдов., отъ воли *кардиналовъ*, тогда какъ Целестинъ *своею волею воспретилъ* несогласнымъ съ нимъ кардиналамъ всякое обнаруженіе *ихъ* воли.

Иоаннъ Волоньскій разсматриваетъ вопросъ объ отреченіи папы съ четырехъ сторонъ: а) со стороны отреченія *папы*; б) со стороны *папства*, отъ котораго дѣлается отреченіе; в) со стороны самаго *отреченія*, и д) со стороны конечной причины. Во второмъ и третьемъ пунктахъ онъ разсуждаетъ одинаково съ Палуданомъ и потому ихъ можно оставить безъ разсмотрѣнія. Въ первомъ пунктѣ онъ построитъ такой силлогизмъ — „Папѣ не менѣе, какъ и всякому другому человѣку, должна быть предоставлена свобода въ томъ, что относится ко спасенію (*salus*), и въ томъ, посредствомъ чего онъ можетъ уклониться отъ вреда для спасенія, да и еще настолько болѣе, насколько отъ его спасенія, какъ главы, зависитъ спасеніе (*salus*) всѣхъ членовъ и вселенской церкви“. Четвертый пунктъ въ сущности сходенъ съ первымъ. „Если бы, разсуждаетъ онъ здѣсь, недалекій или глупый (человѣкъ) не могъ отречься, то неизбѣжно послѣдовало бы зло для общаго дѣла и чѣмъ высшій іерархъ, какъ папа, печется объ общемъ благѣ, тѣмъ должно послѣдовать и большее зло. Также, было бы поступлено вопреки любви, если бы бесполезно предсѣдательствующій, во вредъ и замѣшательство церкви и въ ущербъ своей собственной души, не могъ отречься отъ того, что установлено любовію“. — Итакъ, что же изъ этого разсужденія слѣдуетъ? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что свобода и частнаго человѣка въ дѣлѣ попеченія о своемъ благополучіи и здоровьи не безгранична, но его фантазіи въ этомъ случаѣ регулируются законами, преступая которые онъ становится виновнымъ предъ обществомъ и установленною властію. А за тѣмъ, относительно должностныхъ лицъ слѣдуетъ помнить, что никто не можетъ имѣть никакой власти, если она не будетъ дана ему свыше: *како проповѣдятъ, аще не послани будутъ* (Римл. 10, 15)? Никто самъ собою не пріемлетъ чести; и Христосъ не Самъ себѣ присвоилъ славу быть Первосвященникомъ (Евр. 5, 4. 5). Отсюда обратнымъ путемъ слѣдуетъ, что ни-

кто самъ собою не можетъ и сложить съ себя возложенной чести: иначе наступилъ бы адъ въ мірѣ, если бы произволу каждаго предоставлено было слагать съ себя служебныя обязанности. Это одно. Съ другой стороны, произвольное сложение должности было бы явнымъ оскорбленіемъ того, кто возложилъ ее: тогда уполномоченный поставилъ бы себя судьей того, отъ кого онъ получилъ полномочіе. Наконецъ, явилась бы какая-то безмыслица, что папа *insufficiens* и *ineptus* въ тоже самое время былъ бы *sufficiens* и *aptus* судить о своей *insufficiencia*, если сужденіе объ его отреченіи предоставить только его произволу. Такимъ образомъ, для того, чтобы отстоять случившійся фактъ отреченія папы, паписты поставляютъ въ необходимость отречься отъ папства и стать на православную каноническую точку зрѣнія. Ложно то основное положеніе папства, что папа есть высшая власть въ мірѣ, источникъ всякой другой власти; онъ можетъ отречься, а это необходимо предполагаетъ иную, высшую его власть. Безсовѣстно лгали и всё эти Николаи, Григоріи и пр. и пр., когда утверждали, что Римскій первосвященникъ судить всѣхъ, тогда какъ самъ судимъ быть никѣмъ не можетъ; нѣтъ, можетъ быть судимъ, хотя бы и въ томъ только случаѣ, когда захочетъ отречься. Такъ критика положеній Колонновъ только утверждаетъ ихъ! Дальнѣйшее разсужденіе Юанна Болоньскаго, отличающее въ папской власти двѣ стороны: лице носящее власть, подлежащее разрушенію, и самую власть, которая божественна и по этому не разрушима, къ дѣлу не относится; ибо тоже самое въ одинаковой мѣрѣ приложимо и ко всякой другой власти, не только духовной, но и гражданской.

Въ тотъ же самый день, когда Колонны прибили къ вратамъ Римскихъ церквей означенныя свои положенія (10 мая), Бонифацій издалъ противъ нихъ буллу (*In excelso throno*), въ которой старался показать несправедливость ихъ поступка, кардиналовъ обоихъ лишалъ ихъ духовныхъ достоинствъ и бенефицій, пле-

мянниковъ кардинала Иакова, Иоанна и Одона Колонновъ, исключилъ отъ всякихъ духовныхъ достоинствъ вмѣстѣ со всѣми ихъ потомками, даже до четвертаго рода, а самимъ кардиналамъ Иакову и Петру повелѣвалъ въ теченіе 10 дней явиться предъ апостольскій престолъ и покориться. Кардиналы, понятно, не явились. Тогда Бонифацій 23 мая того же года, издалъ новую противъ нихъ буллу (*Lapis abscissus*), въ которой показываетъ, что оба кардиналы Колонны въ началѣ признавали его папою, участвовали въ его посвященіи и коронаціи, въ теченіе почти трехъ лѣтъ оказывали ему должное почтеніе, сослужили съ нимъ въ литургіи, участвовали въ его засѣданіяхъ и подписывали его документы. Въ слѣдъ за этимъ утверждаетъ и возобновляетъ наказанія, наложенныя на Колонновъ, обоихъ кардиналовъ—Иакова и Петра, вмѣстѣ съ братьями послѣдняго—Иоанномъ, Одономъ, Агапитомъ, Стефаномъ и Иаковомъ, прозваннымъ Сциаррою, объявилъ навсегда лишеными всѣхъ церковныхъ и наслѣдственныхъ имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, также всѣхъ городовъ, бароній и замковъ и пр. Они должны быть безславными и неспособными когда либо достигнуть церковнаго или свѣтскаго достоинства. Всякій городъ, который приметъ ихъ, подлежитъ интердикту. Въ отвѣтъ на эту буллу кардиналы обнародовали съ своей стороны защитительную записку *Intendite* (теперь потерянную) и обратились ко всѣмъ королямъ, князьямъ и митрополитамъ христіанства съ обвиненіями Бонифація въ ереси, схизмѣ и опустошеніи церквей и съ просьбою созвать всеобщій соборъ для суда надъ ними. Къ Французскому же королю отправили нарочитыхъ пословъ для личнаго доклада ему о преступленіяхъ Бонифація. Такимъ образомъ мѣры ихъ были тоже сильны и рѣшительны, агитація принимала широкіе размѣры. Бонифацій для безопасности удалился въ хорошо укрѣпленное Орвіето, преданнаго ему Ландульфа Колонну уполномочилъ (4 сент. 1297 г.) на войну противъ своихъ братьевъ и племянниковъ, и на-

конецъ, въ декабрѣ 1297 г., повелѣлъ проповѣдывать противъ нихъ крестовый походъ, обѣщая каждому, кто приметъ въ немъ участіе, такую же милость, какъ и за походъ въ св. землю. Результатомъ всего этого было то, что кардиналы и ихъ союзники потеряли свои крѣпости и разбѣжались въ разныя стороны, большею частію къ Французскому королю Филиппу. Сціарра Колонна попался въ плѣнъ къ морскимъ разбойникамъ и, какъ рабъ, прикованъ ими къ лавкѣ гребцовъ. Всѣ имуществва побѣжденныхъ отданы были частію Ландульффу Колоннѣ, частію Орсини и частію родственникамъ самого Вонифація.

Развитіе государственной власти во Франціи шло инымъ путемъ, чѣмъ въ Германіи, съ императорами которой такъ успѣшно боролись папы. Умные Французскіе короли обладали замѣчательнымъ практическимъ смысломъ и устремили свою государственную дѣятельность на то, чтобы округлить свои владѣнія, привести вассаловъ къ безусловной себѣ покорности и владѣнія ихъ присоединить къ своимъ владѣніямъ. Средствомъ для этого они избрали союзъ съ общинами, народомъ, которому они успѣли внушить мысль, что короли суть справедливѣйшіе судьи и могущественнѣйшіе его защитники противъ наглаго притѣсненія богатыхъ и сильныхъ. Результатомъ такой ихъ политики было то, что власть ихъ достигла къ рассматриваемому времени замѣчательной силы и единства. „Царствованіе Филиппа Красиваго, съ котораго, если угодно, начинается XIV вѣкъ, представляетъ эпоху, когда *община* появляется въ національныхъ собраніяхъ подъ именемъ *средняго сословія* (*tiers-état*). *Община*, или народъ, дѣлала успѣхи послѣ Людовика великаго при помощи королевства, которое узрѣло въ ней могущественное средство для ослабленія барскаго (*seigneuriale*) феодализма, уравнивавшего власть его. По мѣрѣ того, какъ возрастало среднее сословіе, власть сеньоровъ клонилась къ упадку, и королевство, которое стало господствовать надъ тѣмъ и

другими, пошло быстрыми шагами къ деспотизму, т. е. къ верховенству надъ обоими классами, нейтрализуя одинъ посредствомъ другаго. Въ царствованіе Филиппа Красиваго община сдѣлалась уже страшною для дворянства, и королевство, побѣдоносное въ отношеніи обоихъ враждебныхъ (другъ другу) классовъ и по тому самому независимое, отдѣлалось отъ опекуинства того самаго апостольскаго престола, который во всѣ средніе вѣка былъ посредникомъ (*arbitre*) противорѣчивыхъ претензій соперничающихъ державъ, т. е. вассаловъ и королей, спорившихъ изъ-за господства“ (*Guettée*). Филиппъ IV Красивый, пародируя извѣстный девизъ Римской каѳедры: *Plenitudo potestatis sedis apostolicae*, любилъ выражаться о своей власти: *la plénitude de notre puissance royale*. Унаслѣдовавъ по смерти отца своего Филиппа III королевство (въ 1286 г.), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовалъ и его и всѣхъ прежнихъ великихъ своихъ предковъ политику — округленіе и увеличеніе своихъ владѣній чрезъ покореніе своей власти вассаловъ и присоединеніе ихъ владѣній къ своимъ владѣніямъ. Этого пока достаточно для характеристики его, какъ правителя; дальнѣйшій его правительственный и нравственный образъ яснѣе обрисуетъ изъ его собственныхъ рѣчей и дѣяній.

Англійскіе короли, по причинѣ своихъ владѣній во Франціи, находились въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Французскимъ королямъ, и эти-то отношенія постоянно подавали поводъ къ столкновеніямъ и войнамъ между одинаково сильными народами. Одно изъ таковыхъ столкновеній между Французскими и Англійскими войсками произошло весною 1293 года. Король Филиппъ воспользовался этимъ случаемъ и овладѣлъ всею Гасконіей. Эдуардъ I, король Англійскій, увидѣвъ въ этомъ нарушеніе своихъ правъ, взялся за оружіе и вступилъ въ союзъ съ Фландрскимъ графомъ Гвидономъ (*Guido*) и Нѣмецкимъ королемъ Адольфомъ Нассаускимъ. Такимъ образомъ между Фран-

цій и Англіей, заручившюся союзниками, открылась война. Для покрытія издержекъ на эту войну и съ цѣлю облегчить тягости народа, неизбѣжныя при всякой войнѣ, Филиппъ нашель себя вынужденнымъ обратиться къ доходамъ духовенства, которое владѣло громадною поземельною собственностію. Сложилось убѣжденіе, что. духовенство обязано удѣлять часть своихъ доходовъ на потребности государства не только съ такихъ имѣній, по которымъ оно стояло въ вассальныхъ отношеніяхъ къ государству, но и отъ имуществъ церковныхъ въ собственномъ смыслѣ. Справедливость этого всеобщаго признанія призналъ и соборъ 1179 г. (въ 19 своемъ правилѣ). Это же самое подтвердилъ и папа Иннокентій III на Латеранскомъ соборѣ 1215 г. (с. 46, *de tall. a cler. non exig.*), съ тою лишь подробностію, чтобы клиръ и епископы давали эти пособія добровольно и при томъ по совѣщанію (*consulant*) съ папою. Въ такомъ же духѣ издавали свои опредѣленія о пособіяхъ клира государству и слѣдующіе папы (Александръ IV): такія пособія допустимы, лишь бы они были добровольными (*donata gratuita*) и давались по предварительному согласію съ папою. Когда Филиппъ потребовалъ отъ духовенства пособія на государственныя потребности, то повсюду начали составляться соборы, которые постановили рѣшенія въ смыслѣ указанныхъ папскихъ опредѣленій ⁽¹⁾. Кромѣ того, король извлекалъ еще до-

---

(1) Сохранились опредѣленія одного такого собора, составленіе котораго предполагаютъ въ провинціи Буржской. Рѣшили, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ взимаема была десятина со всѣхъ церковныхъ бенедикцій провинціи на слѣдующихъ условіяхъ: а) должно дожидаться относительно этого пункта мѣтнія папы, дабы в малѣйшая отсрочка не подала повода къ нареканію; б) взиманіе это не имѣть мѣста въ томъ случаѣ, если предъ нимъ будетъ заключенъ миръ; в) налогъ этотъ отмѣняется и въ томъ случаѣ, если епископы найдутъ себя вынужденными назначить подобный налогъ на болѣе существенную нужду; д) не будетъ взимаема никакая другая субсидія, ни вассалами, ни самимъ королемъ, и е) пусть король объявитъ особою жалованною грамотой, что онъ взимаетъ

ходы изъ имущества духовенства по такъ называемому праву регалій, или праву сполій (*jus spoli*). Это право состояло въ томъ, что король бралъ себѣ доходы съ имущества и бенефицій, становившихся вакантными вслѣдствіе смерти (или перемѣщенія) ихъ владѣтелей, до самаго пожалованія ихъ новымъ лицамъ. Легко понять, что ни тотъ, ни другой родъ взиманія налоговъ съ церковныхъ имущества въ пользу государства не былъ пріятенъ ни духовенству, ни папамъ.

Бонифацій VIII принялъ папскую власть съ твердымъ намѣреніемъ положить предѣлы Французскому вліянію при Римскомъ дворѣ и обуздать Французскую гордость въ самомъ ея корнѣ. Уже въ первой извѣстительной своей энцикликѣ, отъ 17 янв. 1295 г., въ экземплярѣ, посланномъ къ Филиппу Красивому, онъ присоединилъ къ тексту буллы нарочитое увѣщаніе къ королю—управлять своимъ народомъ кротко и справедливо, почитать церковь и ея служителей и идти по стопамъ своихъ великихъ предшественниковъ. Король, по увѣренію папы, можетъ исполнѣ ему довѣриться, ибо онъ любитъ короля съ давняго времени,—можетъ обращаться къ нему, какъ по своимъ личнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ государства. Онъ, папа, насколько угодно Богу, будетъ наилучше сообразоваться со всѣми требованіями короля. Очевидно, это было только введеніемъ къ полному плану Бонифація—вмѣшаться въ распрю Филиппа съ Англійскимъ королемъ и его союзниками, и явить себя здѣсь ихъ судьбою и владыкою, котораго они должны слушаться. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года (1295) онъ отправилъ къ обоимъ королямъ двухъ кардиналовъ, обоихъ французскаго происхожденія—Симона по фамиліи Вольё (*Beaulieu*) и Берарда (брата бу-

масть эту десятину, не нарушая свободы церкви, подъ именемъ свободного дара. Король согласился на эти опредѣленія и объявилъ, что десятина, взятая имъ впередъ, не будетъ взыскиваема имъ вновь.

душаго папы Климента V) съ широкимъ полномочіемъ разрѣшать всякіе договоры и союзы, которые могутъ служить препятствіемъ дѣлу мира. Кардиналь Симонъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на Филиппа въ духѣ полномочій Бонифація, напротивъ, началъ уговаривать его (конечно тайнымъ образомъ, въ частной, дружеской бесѣдѣ) придти на помощь церкви и спасти ее отъ самого Бонифація, котораго онъ изображалъ, какъ еретика, не вѣрующаго въ воскресеніе Христова и въ рожденіе Его отъ Дѣвы, который и предшественника своего побудилъ къ отреченію лишь посредствомъ обмана. Между тѣмъ Бонифацій отправилъ къ Французскому и Англійскому королямъ новыя обширнѣйшія письма, въ которыхъ всячески старался выставить себя ихъ благодѣтелемъ и миротворцемъ, а въ маѣ (23) того же года отправилъ легатовъ съ письмами точно такого же содержанія и къ Нѣмецкому королю Адольфу Нассаусскому. Англійскій и Нѣмецкій короли согласились войдти въ мирныя предложенія Бонифація; но Филиппъ выставилъ затрудненія и все рушилось. Такимъ образомъ война продолжалась и при томъ съ успѣхомъ для Франціи. Съ этимъ вмѣстѣ продолжалось и взиманіе десятины съ духовенства, какъ во Франціи, такъ и въ Англии, и очень можетъ быть, что она постепенно была даже увеличиваема. Тогда Бонифацій, вспомнивъ Григорія VII, Иннокентія III, и т. д., вздумалъ устрашить непокорныхъ королей громами Ватикана. 25 февр. 1296 г. онъ издалъ извѣстную буллу *Clericis laicos*. Содержаніе ея таково. „Что міряне враги клириковъ, объ этомъ въ высокой степени свидѣтельствуетъ древность, а также учитъ и настоящее время. Міряне не обращаютъ вниманія на то, что имъ воспрещена всякая власть надъ клириками, церковными лицами и имуществами. Они налагаютъ тяжелое бремя на прелатовъ, церкви и церковныхъ лицъ монашескаго чина и бѣлаго духовенства, вымучиваютъ отъ нихъ половину десятины или другую часть ихъ церковныхъ до-

ходовъ и имуществомъ, и всякимъ образомъ стараются подчинить ихъ своей власти и господству. Къ сожалѣнію, нѣкоторые прелаты и церковныя лица изъ страха предъ свѣтскимъ величествомъ спокойно дозволяютъ совершать таковое. Чтобы отвратить подобнаго рода злоупотребленія мы, съ согласія кардиналовъ, опредѣляемъ въ апостольскомъ авторитетѣ: всѣ прелаты и церковныя лица, монахи и бѣлое духовенство, которые безъ согласія апостольскаго престола платили или обѣщали (платить) подати, поборы, десятины или полдесятины, или сотую часть, или какую бы то ни было долю отъ своихъ доходовъ или доходовъ ихъ церквей подъ какимъ бы то ни было названіемъ: помощи, займа, дара или субсидіи и т. д., мірянамъ, равно также всякимъ императорамъ, королямъ, князьямъ, баронамъ, чиновникамъ и префектамъ городовъ и пр., которые налагаютъ такія подати, требуютъ и принимаютъ или налагаютъ запрещеніе на вносимые въ церкви вклады церквей и церковныхъ лицъ (какъ напр, динарій Петра и пр.), или помогаютъ этому, — всѣ сіи *eo ipso* подпадаютъ отлученію. Общины, которыя погрѣшили въ этомъ, мы подвергаемъ интердикту и повелѣваемъ прелатамъ и всѣмъ церковнымъ лицамъ, подъ страхомъ низложенія, чтобы они, безъ нарочито испрошеннаго соизволенія на то апостольскаго престола (*sine expressa licentia sedis apostolicae*), отнюдь не подчинялись такимъ налогамъ и не платили ихъ, даже подъ предлогомъ, что они ранѣе, предъ обнародованіемъ этого эдикта, уже дали относящееся къ этому обѣщаніе. Если же, однако, они будутъ платить и міряне станутъ принимать ихъ взносы, то и тѣ и другіе *ipso facto* подпадаютъ отлученію. Отъ такого отлученія и интердикта никто не можетъ разрѣшить безъ согласія апостольскаго престола, кромѣ смертнаго случая (*in articulo mortis*), потому что мы отнюдь не можемъ болѣе терпѣть такого ужаснаго злоупотребленія свѣтской власти. Дѣйствию этого эдикта не мо-

жетъ воспрепятствовать также и никакая привиллегія, которая когда либо была дана какому нибудь королю“ и пр. (т. е. что онъ никогда не можетъ быть отлученъ).

Съ какой стороны ни разсматривать эту буллу, нигдѣ нельзя въ ней усмотрѣть и капли христіанскаго духа. Правда, міръ ненавидитъ то, что не отъ міра; справедливость и честность въ праведномъ чловѣкѣ за частую подвергаются жестокимъ преслѣдованіямъ, злостнымъ клеветамъ и насмѣшкамъ. Но объ этой ли ненависти идетъ рѣчь въ буллѣ? Ни чуть; она наполнена разсчетами о пошлинахъ, податяхъ, налогахъ, т. е. разсчетами чисто карманнаго свойства. Далѣе, было бы весьма неискорбно, если бы *всѣ* міряне *всѣхъ* вѣковъ и времянь, какъ увѣряеть булла, были враждебны клирикамъ; но это, очевидно, неправда, и ее Бонифацій выдвинулъ въ настоящій разъ для того, чтобы тѣмъ сильнѣе побудить клиръ къ сопротивленію королямъ и такимъ образомъ заставить послѣднихъ покориться. Затѣмъ, Бонифацій не отличаетъ духовныхъ леновъ отъ церковныхъ имуществъ въ собственномъ смыслѣ. Запрещая епископамъ платить подать государству и въ качествѣ государственныхъ ленниковъ, Бонифацій впадаетъ здѣсь въ два прегрѣшенія: а) возбуждаеть епископовъ, какъ ленниковъ государства, къ бунту противъ своего законнаго государя, и б) сюзереномъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, духовныхъ леновъ чужихъ государствъ объявляетъ себя. Потому, относительно и собственно церковныхъ имуществъ отступилъ отъ опредѣленій своихъ предшественниковъ: *consultatio* прежнихъ папъ превратилъ въ *expressa licentia sedis apostolicae*. Наконецъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и въ томъ, что безъ разбора подвергъ отлученію не только простыхъ мірянъ, но и самихъ императоровъ, королей, князей и пр. По всѣмъ этимъ причинамъ булла его должна была встрѣтить жесточайшее сопротивленіе со стороны государей, со знающихъ свое достоинство.

Легаты папы поспѣшили разнести ее по странамъ, въ которыя она предназначена. Когда она была принесена во Францію, — Французское духовенство воспользовалось ею и стало отказывать королю въ пособіяхъ, не смотря на то, что онъ нуждался въ нихъ до крайней степени ⁽¹⁾ Такимъ образомъ, съ этой стороны Бонифацій достигъ своей цѣли, но и то только отчасти, а не всецѣло. Нѣкоторые епископы считали себя, согласно древнему праву, самостоятельными распорядителями церковныхъ имуществъ и потому, естественно, оказали сопротивленіе этому требованію папы, лишившему ихъ всякой самостоятельности. Король съ своей стороны придумалъ нанести рану Римской куріи въ самое сердце. Въ августѣ онъ издалъ одинъ за другимъ два декрета. Первымъ (отъ 17 авг. 1296 г.), подѣ страхомъ тяжкихъ наказаній, воспре-

---

(1) Беренгаръ, бывшій епископомъ Безьерскимъ въ 1296 г., рассказывалъ послѣ, когда уже онъ былъ кардиналъ-епископомъ Тускулумскимъ: «Въ началѣ войны между Франціей и Англіей (веснокъ 1296 г.) и въ началѣ Бонифаціева понтификатствования Французскій король послалъ двухъ магистровъ на собравшійся въ Безьерѣ провинціальный Нарбонскій соборъ потребовать субсидій, именно — десятину на 4-ре года, за что должны быть сохранены за церквами и церковными лицами нѣкоторыя льготы. Однакожъ Нарбонскій архіепископъ и другіе присутствовавшіе на соборѣ прелаты думали, что льготы, какъ ихъ предлагаетъ король, въ нѣкоторыхъ пунктахъ слишкомъ слабы, а требуемая субсидія слишкомъ велика, и послали къ королю двухъ епископовъ Каркассонскаго Петра и Безьерскаго — меня, Беренгара, съ порученіемъ предложить ему двухъ или-трехлѣтнюю десятину Нарбонской провинціи, если онъ окажется снисходительнымъ относительно льготъ. Мы были уже на пути у Лиможа, когда насъ догналъ посылъ архіепископа съ копіей пришедшей между тѣмъ буллы Clericis laicos. Въ то же время архіепископъ повелѣлъ намъ сказать, что теперь мы не должны обіщать королю никакой десятины. Такъ какъ король находился тогда близко на охотѣ, то мы пошли къ нему и рассказали, что случилось. Онъ утѣрился въ своей благосклонности относительно желаемыхъ льготъ и просилъ доставить ему субсидіи, въ которыхъ онъ очень нуждался, если это можетъ случиться безъ нарушенія папской конституціи. Мы возразили, что это невозможно и онъ съ миромъ отпустилъ насъ».

шлось вывозить за границу, безъ особеннаго на то королевскаго разрѣшенія, всякое золото и серебро — въ монетахъ и не въ монетахъ, также какіе бы то ни было драгоценные камни, жизненные припасы, лошадей, оружіе и пр. для того, какъ сказано въ декретѣ, чтобы врагъ не богатѣлъ, а страна не бѣднѣла. Вторымъ декретомъ изгонялись изъ Франціи всѣ *иностраницы*. Разсматриваемые сами въ себѣ, оба эти декрета такого свойства, что право изданія ихъ государственною властію не можетъ быть оспариваемо ни съ какой стороны; оба вытекаютъ изъ сферы государственной юрисдикціи и церковной сферы не касаются. А между тѣмъ противъ церкви, т. е. папскихъ интересовъ оба они главнымъ образомъ и направлены. Первый заграждалъ потокъ богатствъ, текущихъ изъ Франціи въ Римскую курію, второй грубо выпроваживалъ изъ Франціи разныхъ папскихъ легатовъ, нунціевъ, сборщиковъ денегъ, равно какъ и всѣхъ тѣхъ Итальянцевъ, которымъ папы раздали церковныя бенефиціи во Франціи.

Эти цѣли короля, конечно, не могли остаться неизвѣстными въ Римѣ. Положеніе, принятое имъ, было крайне опасно для папской камеры; опасно оно было и для самой власти папы, когда непосредственные органы его были изъ страны удаляемы. Но какъ быть? Сфера права, въ которую вступилъ король, повидимому, должна была оградить его отъ возможныхъ нападений со стороны Рима и заградить уста панамъ. Бонифаций не затруднился этимъ и 25 сент. 1296 г. издалъ буллу *Ineffabilis*, которая гласила слѣдующее: „Между другими дарами церковь получила отъ своего Жениха въ особенности даръ свободы, такъ что она имѣетъ власть надъ народами, какъ мать надъ своими дѣтьми, и, какъ мать и владычица, всѣми должна быть почитаема съ дѣтскимъ почтеніемъ. Поэтому кто можетъ не страшиться оскорблять ее и обижать?... И если кто нарушаетъ церковную свободу, то какой щитъ можетъ защитить его, такъ чтобы онъ не былъ раз-

бить молотомъ небесной силы и не превратился въ прахъ и пепель? Ради своего спасенія, внемли, о сынъ мой, голосу отца твоего! Твой собственный интересъ обязываетъ тебя выслушать со вниманіемъ слѣдующее.—Къ нашему величайшему изумленію мы недавно услышали, что ты, руководимый, какъ мы знаемъ, худыми совѣтниками, издалъ установленіе, которое, хотя буквальный смыслъ его прямо и не говоритъ объ этомъ, однакожь, по намѣренію твоихъ совѣтниковъ—о, если бы не было также и твое собственное намѣреніе!—должно напасть на церковную свободу и уничтожить ее, безславно и опасно для тебя, и стѣснительно для твоихъ подданныхъ и для другихъ, которые доселѣ жили во Франціи. Поелику теперь дѣло отца состоитъ въ томъ, чтобы составлять рѣшенія для сыновей, дѣло добраго пастыря — призывать заблудшихъ овецъ, дѣло любящаго друга — давать спасительный совѣтъ, дѣло того, кто предсѣдательствуетъ на престолѣ справедливости воинствующей церкви, удалять отъ своихъ подчиненныхъ не только всякое зло, но также и всякій видъ зла; то мы, какъ занимающіе, не смотря на наше недостоинство, мѣсто Верховнаго Пастыря І. Христа, и какъ особенно искренно любящіе тебя, да и любившіе еще прежде, когда мы стояли еще ниже, хотимъ теперь искренно, какъ отецъ, пастырь, другъ и пр., исполнить наши обязанности въ отношеніи тебя... Душа столь великаго короля не должна бы слѣдовать совѣтамъ безбожныхъ, и несправедливо и безбожно воспрепятствовать всѣмъ иностранцамъ, посредствомъ столь чрезвычайнаго нововведенія, имѣть мѣсто жительства въ своемъ государствѣ, вести въ немъ торговлю и пр., чрезъ что въ высокой степени терпятъ убытокъ не только они, но также и твои подданные. Однакожь твои подданные уже и безъ того такъ обременены тягостями, что любовь ихъ къ тебѣ начинаетъ охлаждать. Но кто потерялъ сердца своихъ подданныхъ, тотъ потерялъ многое. Иногда у свѣтскихъ князей бываетъ

такой обычай, или худой обычай—воспрепятствовать вывозу предметовъ изъ своей страны въ чужія страны. Но такъ общё формулированное распоряженіе, какъ твое, касается собственныхъ твоихъ подданныхъ и всѣхъ иностранныхъ народовъ... Если при этомъ господствовало намѣреніе распространить это распоряженіе также на насъ и на нашихъ братьевъ—прелатовъ, церковныхъ лицъ и церкви, на наши и ихъ доходы, то было бы не только неблагоуразумно, но даже безумно—простираеть дерзкія руки на вещи, надъ которыми ты и всѣ свѣтскіе князья не имѣете никакой власти. Да, ты подпадаешь за это отлученію *promulgati canonis* (т. е. конечно, *Clericis laicos*). Твои благочестивые предки избѣгали подобнаго, а также и ты долженъ избѣгать этого, особенно теперь, когда мы такъ ревностно заботились защищать твою честь и честь твоего государства и отклонить отъ него всякій вредъ (намекъ на то, что будто онъ, папа, воспрепятствовалъ совокупному нападенію Англіи, Германіи и пр. на Францію). По истинѣ, за все, что мы сдѣлали для тебя и твоихъ предковъ, ты не оказалъ намъ и церкви никакой должной благодарности. За добро ты воздалъ зломъ, за сладость горечью. Посмотри на Римское, Англійское и Испанское государства, которыя окружаютъ тебя со всѣхъ сторонъ и ты узнаешь, что теперь не время оскорблять церковь такимъ образомъ. Ты не сомнѣвайся, что уже одно отъятіе нашей и церковной помощи и благосклонности такъ ослабитъ тебя и твою державу, что ты не сможешь противостать нападеніямъ. Когда же сдѣлаешь насъ и оную церковь своими главными противниками, то огорченіе (*sarcina*) наше и оной церкви, и иныхъ вышепоименованныхъ (державъ) возрастетъ до такой степени, что рамена твои изнемогутъ подъ ея тяжестью... Вспомни, какъ непривѣтливо явилъ ты себя относительно насъ, когда мы занялись канонизаціей твоего дѣда Людовика... Въ случаѣ, если поводомъ къ твоему распоряженію послужило наше распоряженіе,

которое мы недавно сдѣлали въ интересѣ церковной свободы (Clericis laicos), то это вполнѣ неосновательно, ибо оно содержитъ только то, что уже утверждено другими каноническими постановленіями, и прибавляетъ только наказанія на преступниковъ. Мы не установили въ немъ рѣзко (praecise), чтобы прелаты и клирики не давали никакихъ денежныхъ вспомоствованій для защиты тебя и государства, но только потребовали, чтобы такое вспомоствованіе случилось не безъ нашего соизволенія, потому что мы узнали, что твои чиновники во имя твоего авторитета возлагали на церкви и церковныхъ лицъ невыносимыя тяжести, и устранились такого образа ихъ дѣйствій и на будущее время. Но ты не имѣешь права на таковыя подати, и такое злоупотребленіе власти должно быть, по божественному и человѣческому праву, отвергнуто въ тебѣ и во всякомъ свѣтскомъ князѣ... Но, если наступитъ величайшая государственная нужда,—отъ чего да хранить Богъ,—то апостольскій престоль не только дозволить прелатамъ и церковнымъ лицамъ давать тебѣ такія пособія и окажетъ свое содѣйствіе, но онъ даже простретъ руки на чаши, кресты и свящ. сосуды, прежде чѣмъ допуститъ вредъ, даже самый малѣйшій, этому славному государству, столь любимому апостольскимъ престоломъ. И теперь вспомни, возлюбленный сынъ, какъ много королей враждуетъ противъ тебя и твоего государства. Не жалуется ли Римскій король, что ты овладѣлъ нѣкоторыми городами и мѣстностями, которые принадлежатъ его государству, въ особенности графствомъ Бургундскимъ, которое, какъ извѣстно, составляетъ лень имперіи? Не утверждаетъ ли подобное король Англійскій относительно нѣкоторыхъ частей Гасконіи? Короли эти готовы принять въ этомъ дѣлѣ приговоръ права (stare juri). Можетъ ли апостольскій престоль отказать въ рѣшеніи? Такъ какъ они утверждаютъ, что ты въ этомъ дѣлѣ *грѣшишь* (peccare) противъ нихъ, то нѣтъ сомнѣнія (non est dubium), что при-

говоръ относительно этого принадлежитъ оному престолу.... Какова же будетъ твоя участь, если ты, чего да не будетъ, грубо оскорбишь этотъ престолъ и сдѣлаешь его помощникомъ твоихъ враговъ? Мы и наши братья готовы претерпѣть за церковную свободу не только преслѣдованія, лишенія и ссылку, но даже и смерть. Нѣкоторые, какъ мы узнали, утверждаютъ, что прелаты и церковныя лица твоего государства теперь не несутъ и той службы, не платятъ и тѣхъ податей, къ которымъ они обязаны по причинѣ леновъ. Они болѣе не даютъ своему королю ни одного меча, не приводятъ къ нему ни одного коня. Это есть коварное изъясненіе нашего распоряженія, какъ мы уже устно объяснили нѣкоторымъ изъ твоихъ пословъ и лицъ довѣренныхъ.“ Въ заключеніе дѣлаетъ настоятельную увѣщаніе, чтобы король пришелъ въ себя, преклонилъ свое ухо къ дальнѣйшимъ разъясненіямъ епископа Вивьерскаго, на котораго возложено порученіе передать ему эту грамоту, а не вынуждалъ бы папу приступить къ другимъ рѣшительнымъ мѣрамъ (*minus usitata remedia*).

Какъ чувствительно Филиппъ задѣлъ своими эдиктами интересы папской куріи, можно видѣть изъ того, что на слѣдующій же день Бонифацій отправилъ къ нему новую грамоту (*Excidat*) точно такого же содержания. Дожь обѣихъ этихъ грамотъ, напускное благоволеніе, источающее крокодиловы слезы, безсильныя угрозы, казуистическое подведеніе королевскихъ эдиктовъ подъ грѣхъ нарушенія церковной свободы, влекущій за собою отлученіе, — все это обличало лишь безсильную злобу папы и то, какъ Римская курія чувствительна къ своимъ матеріальнымъ интересамъ. Смягченіе *Clericis laicos* могло только убѣдить короля продолжать настаивать въ суровомъ проведеніи своихъ эдиктовъ. На папскія грамоты изложеннаго содержания онъ отвѣтилъ новымъ эдиктомъ (*Antequam*), гласящимъ слѣдующее: „Искони Французскому королю принадлежало право издавать распоряженія для огражденія се-

бя отъ нападеній враговъ. Поэтому также и настоящій король воспретилъ вывозить изъ государства безъ его вѣдѣнїя лошадей, оружія, серебро, и пр. Онъ имѣлъ пѣлю знать вывозъ и качества этихъ предметовъ. Но онъ не воспрещалъ такого вывоза ни клирикамъ, ни другимъ, если его извѣщали о причинахъ онаго. Удивительно, что возлюбленный сынъ папы, король Англійскій, дозволилъ себѣ величайшія наслїя противъ церквей и клириковъ и—остался свободенъ отъ угрозы отлученїя. Церковь существуетъ не только изъ духовныхъ, но и изъ мірянъ, и послѣдніе также, какъ и тѣ, искуплены Христомъ отъ рабства грѣха. Конечно, есть особыя свободы и имущества, которыми владѣютъ служители Церкви; но папа раздалъ оныя имъ только съ согласїя свѣтскихъ князей, и поэтому послѣдніе отнюдь не должны встрѣчать препятствїя принимать необходимыя средства для защиты своихъ государствъ. Денежныя вспомошествованїя, взимаемыя съ тѣхъ, которые не могутъ сами защищать себя, и употребляемыя на содержанїе тѣхъ, которые охраняютъ ихъ безопасность отъ враждебныхъ нападенїй, нельзя назвать насильственными вымогательствами, но только справедливыми субсидїями. Стыдно намѣтнику Христову воспрещать платать подать кесарю и угрожать тѣмъ изъ духовенства, которые только слѣдуютъ Христу и Апостоламъ. Воспрещать духовнымъ (дѣлать государству) такія пособїя въ то время, когда имъ позволено расточить свои деньги на друзей или шутовъ или одежды, на пиришества или другїя мірскїя суетности ко вреду бѣдныхъ, противно естественному праву. Король чтитъ церковь и ея служителей, но онъ не страшится людскихъ угрозъ, особенно несправедливыхъ“. Въ заключенїе показано, что Филиппъ имѣетъ свои права какъ относительно Англійскаго, такъ и Нѣмецко-Римскаго королей.

Новѣйшіе изслѣдователи спора Вонифація съ Филиппомъ, основываясь на томъ, что на подлинникѣ этого эдикта сдѣлана надпись: *est totum notabilissi-*

mum licet non sit opus perfectum, и что нѣтъ ни одного экземпляра этого эдикта въ Римскихъ архивахъ, думаютъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ онъ составлялъ только проэктъ эдикта, который остался невыполненнымъ и не отосланъ къ папѣ. Охотно присоединяемся къ этому мнѣнію, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, текстъ приведеннаго эдикта во всѣхъ пунктахъ и выраженіяхъ обличаетъ только проэктированную форму, но отнюдь еще не вполне обработанную. Тѣмъ не менѣе содержаніе его весьма важно: онъ обнаруживаетъ взглядъ правительства, освѣщающій его образъ дѣйствій. Изъ него видно, что борьба, завязавшаяся *in re*, поведена параллельно и *in jure*, и, нельзя не сознаться, что сила аргументацій короля и его чиновниковъ стоитъ безмѣрно выше, чѣмъ возрѣнія и аргументаціи папы и его куріи.

Но, если этотъ эдиктъ, изъ какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей, не былъ посланъ въ Римъ, то, наоборотъ, всѣ данныя говорятъ въ пользу того предположенія, что содержаніе его такъ или иначе было сообщено подданнымъ королевства. Народъ и дворянство горячо объявили себя за короля и стали смотрѣть на клириковъ и монаховъ, какъ на злѣйшихъ внутреннихъ враговъ государства. Положеніе эдикта, что имущества предназначены на дѣла благотворительности и для общаго блага вѣрующіихъ, а не на пиршества прелатовъ и клириковъ, не для содержанія шутовъ у нихъ и т. д., въ виду безпорядочной жизни духовенства, получало въ глазахъ всѣхъ неотразимую силу убѣдительности. Отношеніе мірянъ къ клирикамъ и монахамъ обострилось по мѣрѣ того-какъ гдѣ исполнялась папская булла (*Clericis laicos*) ⁽¹⁾ и въ какой степени снова начали увеличи-

---

⁽¹⁾ Цисцерцинскіе монахи были одними изъ ревностныхъ защитниковъ буллы и издали даже протестъ противъ короля и епископовъ, принявшихъ его сторону.

ваться вѣшнія затрудненія Франціи. Фландрскій графъ Гвидонъ, взятый Филиппомъ въ плѣнъ въ 1295 г., но потомъ освобожденный имъ лишь подъ условіемъ не вступать въ союзъ съ Англійскимъ королемъ, не смотря на это, однакожь, снова вступилъ въ союзъ съ послѣднимъ и велѣдъ за этимъ (въ дек. 1296 г. и янв. 1297) оба они условились съ Нѣмецкимъ королемъ Адольфомъ, герцогомъ Брабантскимъ и другими сообща напасть на Францію. Опасность предстояла ей великая. Понятно, что и положеніе ея духовенства среди народа могло въ слѣдствіе этого только ухудшиться. Оно стало невыносимымъ. Тогда Реймскій епископъ Петръ Барбе вмѣстѣ съ суффраганами и аббатами своей области представили папѣ, посредствомъ особаго къ нему посланія, сколь неблагопріятное впечатлѣніе вызвала во всей Франціи, даже въ нисшихъ ея сословіяхъ, булла Clericis laicos и какъ именно теперь парламентъ призываетъ всѣхъ безъ различія Французовъ къ защитѣ короны и отечества. Они прибавили при этомъ, что имъ и всему духовенству Франціи невозможно и существовать безъ защиты короля, и просили папу обратить вниманіе на ихъ обязанности и взвѣсить, какъ важно, посредствомъ согласія съ королемъ, охранять Галликанскую церковь въ ея вольностяхъ и покоѣ. Особая депутація должна была устно доложить папѣ, какъ необходима отмѣна буллы Clericis laicos.

Послѣ этого Бонифацій издалъ рядъ буллъ, которыми совершенно отмѣнилъ значеніе Clericis laicos и даже даровалъ королю Филиппу послабленія сравнительно съ постановленіями прежнихъ папъ о церковныхъ имуществвахъ. 7 февр. 1297 г. онъ подписалъ два письма къ королю, изъ которыхъ въ одномъ, *Exiit purer*, онъ говоритъ: „Недавно ты издалъ эдиктъ, которымъ воспретилъ вывозъ золота и пр. Если этимъ была положена только преграда поддержкѣ враговъ, то относительно этого можно пройти молчаніемъ; но все общее пониманіе декрета заслуживаетъ открытаго

порицанія, особенно, если ты терпишь изъясненіе, что онъ простирается также на церкви и церковныхъ лицъ, о которыхъ дѣлать распоряженія ты не имѣешь никакого права. За сіе, говорю это съ прискорбіемъ, ты долженъ быть подвергнутъ отлученію. Мы уже писали тебѣ объ этомъ,... но ты не долженъ думать, что наше установленіе имѣетъ столь тѣсный, суровый и скудный смыслъ, какъ ненадлежаще изъясняютъ нѣкоторые изъ твоихъ совѣтниковъ. Поэтому, возлюбленнѣйшій между моими сыновьями, окажи церкви должное почтеніе и исправь нарочито или молча, что въ разсматриваемомъ дѣлѣ доселѣ сдѣлано ошибочнаго тобою или твоими чиновниками. Если ты самъ не воспрепятствуешь ненабожностію, — церковь охотно поможетъ тебѣ субсидіями“. Еще большими уступками дышетъ второе письмо: *Romana mater ecclesia*. „Римская церковь, сказано здѣсь, никому не желаетъ вредить... Ты жалуешься, что нашу буллу у тебя отняты субсидіи клира на предстоящую войну. Такъ какъ теперь дѣло автора и изъяснять свои слова, то мы объявляемъ для безопасности твоей и твоихъ преемниковъ: если какой нибудь прелатъ или иной клирикъ твоего государства захочетъ добровольно, безъ всякаго принужденія, дать тебѣ подарокъ или заемъ, то наша булла не препятствуетъ этому, даже и въ томъ случаѣ, *если дворцовое и дружественное приглашеніе (curialis requisito, et amica) предварительно выйдетъ отъ тебя или твоихъ чиновниковъ*. Кроме того, само собою понятно, что булла не простирается также и на тѣ предметы, которые прелаты обязаны давать отъ леновъ и регалій, находящихся у нихъ во владѣніи. Равно мало она простирается на женатыхъ клириковъ и такихъ, которые вступили въ клиръ только для вида, чтобы уклониться отъ податей; равно также не простирается на необходимые случаи, когда въ *regiculum in mora* апостольскій престолъ не можетъ быть спрашиваемъ“. Спустя нѣсколько дней, въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ,

онъ далъ отвѣтъ и Французскимъ прелатамъ. Здѣсь онъ прежде всего сожалѣетъ о томъ, что Фландрскій графъ отпалъ отъ союза съ Франціей, что теперь снова грозитъ войною. Потомъ онъ хвалитъ Французскихъ прелатовъ за то, что они хотятъ поддержать въ этой нуждѣ своего короля и просятъ папу о соизволеніи на это. Такая помощь въ нуждѣ отнюдь не исключается буллою Clericis laicos; для блага Французскаго государства онъ готовъ пожертвовать даже владѣніями Римской церкви и своею собственною жизнію. Только пособія Французскаго клира должны быть добровольными.—Наконецъ, въ позднѣйшей буллѣ отъ 31 іюля 1297 г. (Etsi de statu), относительно periculum in mora Бонифацій говоритъ, что „рѣшеніе о томъ, существуетъ ли такая крайняя нужда, принадлежитъ настоящему и всякому будущему королю, который въ 20-лѣтнемъ возрастѣ. Въ случаѣ же его малолѣтства, о существованіи крайней нужды имѣють рѣшать чины“. Не довольствуясь этими письмами, Бонифацій издалъ еще нѣсколько писемъ, имѣющихъ цѣлю успокоить Филиппа. За одно лишь онъ угрожалъ въ нихъ отлученіемъ, если король удержитъ во Франціи деньги, собранныя для св. Земли. Послѣ этого, наконецъ, и Филиппъ отменилъ свои эдикты, воспрепятствующіе вывозу за границу золота, оружія, драгоценностей и пр. и пребыванію иностранцевъ во Франціи. И Бонифацій съ своей стороны оказалъ любезность Филиппу: совершилъ, наконецъ, такъ давно подготовляемую (въ течен. 24 лѣтъ) канонизацію Людовика IX (11 август. 1297 г.), хотя при этомъ многіе говорили, что было бы гораздо лучше, если бы эту канонизацію совершилъ какой нибудь другой папа, а не Бонифацій, запятанный многими преступленіями.

Примирившись такимъ образомъ съ Филиппомъ, очевидно, съ явнымъ ущербомъ для себя и своей власти, Бонифацій могъ наконецъ выступить и третейскимъ судьей въ спорѣ Французскаго короля съ Ан-

гійскимъ и союзниками послѣдняго. Графъ Гвидонъ, худо поддерживаемый союзниками, потерялъ почти всю Фландрію, которая почти вся перешла въ руки Филиппа. Французскій и Англійскій короли начали мирные между собою переговоры, и 6 янв. 1298 г. между ними состоялось перемиріе. Послѣ этого оба короля согласились принять посредничество Бонифація въ заключеніи мира, но не какъ папы, а какъ частнаго человѣка Бенедикта Гаетана. Бонифацій составилъ свой приговоръ, какъ частный человѣкъ Бенедиктъ Гаетанъ, но обнародовалъ его въ консисторіи (27 іюня) и, слѣдовательно, какъ папа. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что и Французскій король подчиняется суду его, какъ папы. Но Филиппъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство; скорѣе онъ остался недоволенъ содержаніемъ приговора, такъ какъ Бонифацій возстановлялъ владѣнія въ прежнемъ видѣ, а это не согласовалось съ завоеваніями, сдѣланными Франціей. Менѣе всего обращено вниманія на графа Гвидона; онъ напомнилъ-было Бонифацію о своихъ правахъ и договорахъ, нарушенныхъ третейскимъ приговоромъ папы, но Бонифацій отвѣтилъ ему, что его частные договоры отнюдь не должны препятствовать миру между великими державами.

Миръ, заключенный Бонифаціемъ съ Филиппомъ IV, на въ какомъ случаѣ не могъ назваться прочнымъ. По существу своему онъ находился въ прямомъ противорѣчій съ тенденціями Римской куріи, по обстоятельствамъ происхожденія былъ вынужденъ. Построенный на такихъ хрупкихъ началахъ, онъ необходимо долженъ былъ рушиться при дальнѣйшемъ развитіи событій, которыя, понятно, не могли слагаться благоприятно, коль скоро выходили изъ худыхъ основаній.—Не смотря на миръ съ Англіей, Филиппъ продолжилъ войну противъ Гвидона и велъ ее до тѣхъ поръ, пока не присоединилъ Фландрію къ своимъ владѣніямъ въ качествѣ упраздненнаго лена. Расходы на эту войну, равно какъ и на другія государ-

ственные потребности, Филиппъ покрывалъ между прочимъ и доходами съ церковныхъ имуществъ, ко взиманію которыхъ онъ, помимо всякихъ другихъ соображеній, считалъ себя вполне уполномоченнымъ еще послѣдними папскими буллами. Со стороны папски мыслящихъ членовъ клира не замедлили послѣдовать въ курію жалобы на „крайнія насилія короля и его чиновниковъ“: для папски мыслящаго клира не существовало ни отечества въ собственномъ смыслѣ, ни нуждъ его; отечествомъ для него были самыя имуществва, которыми онъ владѣлъ, и хорошіе доходы, получаемые съ нихъ. Бонифацій и его братья-кардиналы съ чувствомъ выслушивали жалобы, приносимыя недовольными Французскими клириками, и преисполнялись негодованіемъ какъ на самого короля, такъ и на его чиновниковъ. Кромѣ того, Филиппъ возбуждалъ въ Бонифаціѣ негодованіе на себя еще потому, что онъ сталъ оказывать покровительство врагамъ послѣдняго и внимать всѣмъ ихъ на него навѣтамъ. Уже въ концѣ лѣта 1297 г. гонимые Бонифаціемъ Колонны послали вѣстника къ Филиппу съ порученіемъ доложить ему, что Бонифацій узурпаторъ и при томъ еретикъ. Послѣ, когда Колонны, скрываясь отъ преслѣдованій Бонифація, сами прибыли во Францію, они могли только подтвердить показанія своего вѣстника. Юридическія и фактическія основанія, представленныя ими, были поразительны. Филиппъ оказалъ имъ самый дружественный пріемъ и, когда узналъ о жалкой участи Сціарры-Колонны, поспѣшилъ выкупить его у разбойниковъ. Послѣ того Сціарра сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ратоборцевъ за Филиппа противъ Бонифація. Обвиненія Бонифація въ узурпаціи, въ ереси и гнусныхъ порокахъ слѣдовали и отъ весьма многихъ другихъ лицъ, заслуживающихъ полного довѣрія и по своему высокому положенію, и по своимъ отношеніямъ къ Бонифацію. Его обвиняли предъ Филиппомъ многіе кардиналы, которыхъ Бонифацій посылалъ во Францію въ каче-

ствѣ своихъ легатовъ. Я уже упоминалъ о кардиналѣ Симонѣ. Другой кардиналъ, тоже родомъ Французъ, знаменитый ученый своего времени Ле-Муанъ, возвелъ предъ Филиппомъ на Бонифація такія же обвиненія, какъ и другіе его обвинители. Французскій посланникъ въ Римѣ при папскомъ дворѣ (аббатъ Сень - Медарда Петръ) доносилъ своему правительству, что Бонифацій не считаетъ блудодѣяніе и педерастію даже и за грѣхъ. Все это, конечно, если не во всѣхъ подробностяхъ, то, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ своихъ, оставалось не безызвѣстнымъ въ Римѣ. Такимъ образомъ горячаго матеріала собралось достаточно; нужна была только искра, чтобы занялся пожаръ (¹).

Въ 1301 году Бонифацій послалъ во Францію, въ качествѣ своего нунція, епископа Памьерскаго, Бернарда Сессе (Saisset), съ порученіемъ увѣщевать короля къ крестовому походу въ вознагражденіе за тѣ десятины, которыя онъ бралъ и еще продолжаетъ брать съ церкви. вмѣстѣ съ этимъ поручено было ему убѣдить короля прекратить свои поборы съ церковныхъ имуществъ. Всѣ обстоятельства дѣла располагаютъ въ пользу того мнѣнія, что выборъ Сессе въ качествѣ посланника къ Филиппу сдѣланъ преднамѣренно, какъ бы изъ желанія или вызвать послѣдняго на борьбу, или заставить его смириться. Сессе былъ крайне непріятенъ королю съиздавна, когда онъ еще

(¹) Опускаю дѣла Нѣмекія, какъ не особенно вліявшія на описываемый ходъ событій. Въ борьбу съ королемъ Адольфомъ Нассаускимъ вступилъ Альбрехтъ Австрійскій. 2 іюля 1298 г. они сразились; Адольфъ былъ убитъ и Альбрехтъ вмѣсто него избранъ въ короли. Бонифацій не хотѣлъ признать его королемъ. Филиппъ заключилъ съ нимъ дружественный и родственныи союзъ. Это конечно было непріятно Бонифацію. Послѣ, когда Альбрехтъ побѣдилъ возставшихъ противъ него князей, призналъ его королемъ и Бонифацій (30 апр. 1303 г.). Въ благодарность Альбрехтъ присягнулъ Римской церкви и призналъ верховныя права папы не только въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ свѣтскихъ. Это не могло быть пріятно Филиппу.

былъ аббатомъ въ Памьерѣ и когда онъ, вопреки волѣ короля, не хотѣлъ уступить господство надъ Памьеромъ графу Фуа, которому Филиппъ отдалъ во власть Памьеръ. Самое возвышеніе этого города на степень епископіи и назначеніе на нес не другаго кого-нибудь, а именно Бернарда Сессе, едѣлано Бонифаціемъ, безъ вѣдѣнія Филиппа, съ явною противъ него преднамѣренностію. Теперь, гордый полномочіями папы, Сессе повелъ себя крайне надмѣнно и началъ открыто и свободно высказываться противъ всѣхъ дѣйствій короля. Когда онъ, по окончаніи своей миссіи, возвратился въ Памьеръ, за нимъ учредили тайный надзоръ. Узнавъ объ этомъ Бернардъ хотѣлъ - было бѣжать въ Римъ, но его схватили (ночью 12 іюля 1301 г.), прислугу отъ него отдѣлили, бумаги отобрали и самого его привезли въ Парижъ. 24 октября король созвалъ государственный совѣтъ въ Сенли (Senlis), при чемъ главнымъ обвинителемъ Бернарда выступилъ довѣренный совѣтникъ и ближайшій слуга короля, рыцарь Петръ Флоттъ, а также епископъ Тулузскій и нѣкоторые другіе, враждебные ему, епископы. Обвиняли его а) въ поношеніи имени короля, котораго онъ считалъ неистиннымъ потомкомъ Карла великаго и къ управленію совершенно негоднымъ, въ доказательство чего ссылался даже на Людовика св. (IX), который будто бы говаривалъ, что внукъ его погубитъ государство; б) въ возбужденіи къ бунту Тулузской провинціи, и с) въ отрицаніи за королемъ права на Памьеръ. Государственный совѣтъ рѣшилъ-было тотчасъ же принять строгія мѣры противъ Бернарда, но онъ протестовалъ противъ компетенціи Совѣта въ его дѣлѣ. Король рѣшилъ дать знать объ этомъ папѣ, а самого его повелѣлъ передать подъ арестъ архіепископу Нарбоннскому.

Одни изъ ученыхъ думаютъ, что король дѣйствительно послалъ посла къ Бонифацію по дѣлу Сессе, именно—своего совѣтника, ловкаго юриста и адвоката Петра Флотта, который будто бы смѣло и сильно

обвинялъ Сессе и требовалъ его осужденія; но другіе, напротивъ, полагаютъ, что король никого не посылалъ къ Бонифацію. Какъ бы то ни было, только папа, извѣстившись обо всемъ ходѣ дѣла, рѣшился защитить своего клеветника и сильнѣйшимъ образомъ показать свою власть, которую онъ считалъ давно оскорбляемой. Прежде всего въ буллѣ *Salvator mundi*, помѣченной 4 дек. 1301 г., онъ снова отмѣнилъ всѣ тѣ уступки, которыя дарованы имъ Французскому королю для защиты государства въ объяснительныхъ буллахъ на буллу *Clericis laicos*, но которыя теперь, по причинѣ наступившаго мира и практикуемыхъ чиновниками злоупотребленій, становятся совершенно излишними. На слѣдующій день, 5 декабря, онъ издалъ цѣлый рядъ писемъ и буллъ. Отъ короля онъ потребовалъ немедленнаго освобожденія епископа Сессе вмѣстѣ съ возвращеніемъ конфискованныхъ его имуществъ; тогоже немедленнаго освобожденія Сессе изъ - подъ ареста онъ потребовалъ и отъ архіепископа Нарбоннскаго, даже въ томъ случаѣ, если бы распоряженіе короля было противоположнаго свойства. Въ письмѣ ко всѣмъ епископамъ, соборнымъ капитуламъ, докторамъ богословія и магистрамъ каноническаго и гражданскаго права во Франціи онъ писалъ отъ тогоже числа, что „ему также хорошо стало извѣстно, какъ и имъ, что король Филиппъ и его чиновники всячески угнетаютъ, наносятъ ущербъ и жестоко обращаются съ прелатами, перквами и церковными лицами, а также съ дворянствомъ, общинами и народомъ. Поэтому онъ, по соглашенію съ кардиналами, рѣшился призвать къ себѣ представителей Франціи, и теперь повелѣваетъ явиться къ нему къ ближайшему 1 ноябр. (1302 г.) лично—всѣмъ епископамъ, докторамъ и магистрамъ, чрезъ уполномоченныхъ — капитуламъ. Такъ какъ они очень преданы королю и имъ любимы, то онъ и хочетъ выслушать ихъ совѣтъ и потомъ рѣшить и опредѣлить, что окажется полезнымъ къ чести Божіей и церкви, къ со-

храненію церковной свободы, *къ реформѣ короля и государства*, къ устраненію доселѣшнихъ злоупотребленій и къ доброму управленію“. Въ заключеніе письма замѣчаетъ, что онъ одновременно и короля приглашаетъ явиться лично или чрезъ представителя.— Подобныя же письма были отпращены къ аббатамъ: Ситосскому, Ключьисскому, Премонстранскому, Сень-Денисскому и Мармонтьерскому. Не забылъ папа опредѣлить также и форму, какъ отдѣльныя лица должны извинять свою неявку. Дома дозволено остаться лишь нѣкоторымъ Парижскимъ докторамъ и магистрамъ для того, чтобы обученіе юношества не прекращалось.

Тѣмъ же 5 декабря помѣчена и знаменитая булла: *Ausculta fili*. Содержаніе ея таково (1): „Внемли, возлюбленный сынъ, предписаніямъ отца, преклони ухо сердца твоего къ ученію учителя, который замѣняетъ лице Того, Кто одинъ есть Учитель и Господь. Прими также увѣщаніе св. матери, церкви, возжелай и озаботься точно исполнить оное, и ты съ сокрупеннымъ сердцемъ обратишься къ Богу, отъ котораго ты удалился по нерадѣнію или сбитый съ пути худымъ совѣтомъ, и ты благоговѣнно начнешь сообразоваться съ своими и нашими предписаніями. Такимъ образомъ къ тебѣ обращается рѣчь наша, тебѣ дается познать отеческую любовь нашу, тебѣ предлагаются сладкіе сосцы матери. Возрожденный крещеніемъ,.... ты вступилъ въ ковчегъ истиннаго Ноя, въ котораго никто не спасется, именно въ католическую церковь, эту единую невѣсту Христову, въ которой намѣстникъ Христа и наслѣдникъ Петра обладаетъ приматствомъ. Такъ какъ ему преданы ключи царства небеснаго, то онъ назначенъ Богомъ судьей живыхъ и мертвыхъ, и задача его состоитъ въ томъ,

---

(1) Въ послѣдствіи Климентъ V повелѣлъ выскоблить въ ней не-пріятныя мѣста для Филиппа. Здѣсь предлагается ея содержаніе по полному ея тексту.

чтобы, сидя на тронѣ суда, разгонять все злое. Глава этой невѣсты есть Римскій папа, у нея нѣтъ многихъ головъ, какъ бы у нѣкоего чудовища, потому что въ ней нѣтъ скверны или порока и пр. Я хочу открыть тебѣ, сынъ мой, почему я вынужденъ сказать это. Богъ, не взирая на наши ничтожныя заслуги, посадилъ насъ выше царей и царствъ и возложилъ на насъ иго апостольскаго рабства, дабы въ его имя и по его указанію исторгать, разрушать, строить и насаждать, колеблющееся укрѣплять, больное исцѣлять, потерянное возвращать, и пр. Такимъ образомъ, возлюбленный сынъ, никому не позволяй внушать тебѣ, что ты не имѣешь никакого начальника и не подчиненъ высшему іерарху церковной іерархіи. Кто думаетъ это, тотъ глупъ; кто упорно утверждаетъ это, тотъ не вѣрующій и не принадлежитъ къ стаду добраго пастыря. Хотя мы заботимся о спасеніи всѣхъ королей и князей, однакожъ въ отношеніи тебя мы тѣмъ рачительнѣе исполняли долгъ нашего служенія, чѣмъ отечественнѣе мы въ нашихъ различныхъ положеніяхъ любили тебя и твоихъ предковъ, твой домъ и твое царство. Мы не можемъ и не должны иначе, какъ ясно показать тебѣ все то, посредствомъ чего ты оскорбляешь очи Божественной справедливости, огорчаешь насъ, обременяешь своихъ подданныхъ, наносишь вредъ церквамъ, духовенству и мірянамъ, раздражаешь различными тягостями пэровъ, графовъ, бароновъ и другихъ благородныхъ, общины и народъ государства. Мы уже доселѣ неоднократно съ любовію увѣщевали тебя къ исправленію,... но, къ сожалѣнію мы видимъ, что ты пріумножилъ грѣхи и сдѣлалъ ихъ обычаемъ. Къ примѣру: хотя то, что папа владѣетъ высшею и главнѣйшею властію надъ упраздненными церковными достоинствами, персонатами, бенефиціями, каноникатами и пребендами, составляетъ совершенно ясное и доказанное право, тобою же пожалованіе ихъ отнюдь нельзя считать возможнымъ и никто, безъ соизволенія

апостольскаго престола на основаніи твоего только пожалованія, не могъ получать такія мѣста, однако ты до послѣдняго времени не дозволялъ выполнять канонически предпринимаемыя замѣщенія мѣстъ и оспориваешь, чтобы они предшествовали твоимъ мнимымъ пожалованіямъ. Ты играешь роль судьи въ собственномъ дѣлѣ, ты въ одно и тоже время истецъ и судья, ты пренебрегаешь жаловаться предъ надлежащимъ судьею или предъ нами, если даже обвиняемый—лице духовное. Также ты не допускаешь, чтобы кто либо жаловался на оскорбленія и насилія, которыя исходили отъ тебя или твоихъ чиновниковъ, и несправедливымъ образомъ простираешь свои жадныя руки на церковныя имущества; ты привлекаешь къ своему суду прелатовъ и духовныхъ лицъ по дѣламъ личнымъ и изъ-за имущества и правъ, которыя они не отъ тебя получили; ты обезпокоиваешь и облагаешь ихъ десятиною, хотя міряне никакой не имѣютъ власти надъ духовными. Ты не дозволяешь употреблять духовный мечъ противъ угнетателей духовенства и препятствуешь духовнымъ начальникамъ проявлять свою юрисдикцію въ церквахъ и монастыряхъ, принятыхъ тобою подъ свою *guardia* или *custodia*. Ліонскую церковь, которая даже не принадлежитъ къ твоему государству и привилегіи которой мы, какъ бывшій ея каноникъ, очень хорошо знаемъ, ты привелъ угнетеніями въ такую бѣдность, что она не можетъ снова поправиться. Доходы упраздненныхъ кафедральныхъ церквей, на которые ты предъ-являешь претензію въ силу такъ называемаго права регалій, ты собираешь въ чрезвычайномъ количествѣ. Что ты долженъ охранять, ты грабишь, пастыри сдѣлались волками и пр. Духовныя лица, и даже не только такія, которыя живутъ въ твоёмъ государствѣ, но также и проѣзжающія черезъ него и иностранныя, не должны вывозить изъ Франціи свою движимую собственность. Умалчиваю объ ухудшеніи монеты и о другихъ обремененіяхъ подданныхъ. До насъ до-

пли многія жалобы относительно этого, и эти дѣла извѣстны всему міру. Церкви Франціи, которыя доселѣ процвѣтали въ свободѣ и спокойствіи, теперь, какъ свидѣтельствуешь ихъ вопль отъ невыносимаго преслѣдованія, обременены податями. Тебѣ извѣстно, что мы часто обращались по этимъ дѣламъ къ Богу и къ тебѣ самому, въ надеждѣ, что ты исправишься; но ты, какъ глухая ехидна, ожесточилъ свои уши. Послѣ всего этого мы теперь съ правомъ могли бы взять противъ тебя оружіе, колчанъ и лукъ, но мы, однакожъ, восхотѣли предварительно показать тебѣ это, съ тѣмъ чтобы ты, внявъ лучшему совѣту, избѣжалъ карательнаго приговора.... Но, чтобы чрезъ долгое молчаніе самому не сдѣлаться участникомъ въ твоей винѣ, и чтобы Богъ не потребовалъ отъ насъ твоей души и ввѣренная намъ апостольскимъ служеніемъ охрана твоего достоянія (*custodia tui*) не подверглась поврежденію, мы, по отеческой любви, послѣ тщательнаго совѣщанія съ нашими братьями, рѣшили призвать къ намъ къ 1 ноября Французскихъ епископовъ, аббатовъ — Ситосскаго, Ключнесскаго, Премонстранскаго, Сень-Денисскаго и Мармонтьерскаго, также капитулы кафедральныхъ церквей твоего государства и магистровъ богословія и обоихъ правъ съ нѣкоторыми другими церковными лицами родомъ изъ Франціи, для того, чтобы мы могли съ ними, какъ отнюдь не находящимися у тебя въ подозрѣніи, скорѣе же лично пріятными и любезными тебѣ и твоему царству, совершенно зрѣло, безъ всякой поспѣшности, совѣщаться о поименованныхъ и другихъ дѣлахъ и опредѣлить, *что полезно къ устраненію злоупотребленій и къ исцѣленію и доброму управленію государства.* Итакъ, если ты находишь, что здѣсь рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ, касающихся тебя, то ты можешь присутствовать на упомянутомъ собраніи лично или чрезъ получившаго точную инструкцію уполномоченнаго; но собраніе состоится и обсужденіе на немъ послѣдуетъ, если даже

ты не явишься и никого не приплешь.... Нѣкоторые говорятъ въ твоё извиненіе, что все это падаетъ не на тебя, а на твоихъ худыхъ совѣтниковъ. Но въ точномъ смыслѣ нельзя извинить того, что ты имѣешь столь худыхъ совѣтниковъ. Они суть ложные пророки, которые совѣтуютъ тебѣ ложное и глупое; они пожираютъ подданныхъ государства и пчелы изготовляютъ медъ для нихъ, а не для тебя; они суть тѣ потаенныя двери, которыми служители Вила (Belі, указаніе на прозваніе Филиппа—Bel) тайно уносили приносимыя царемъ жертвы (Дан. гл. 14); это они грабятъ подъ твоею тѣнью твоё и другихъ имущество и подъ видомъ справедливости угнетаютъ подданныхъ и церкви..... Но, чтобы ты не подумалъ, будто мы какъ бы забыли св. Землю, напоминаемъ тебѣ, мой сынъ, что твои предки, по стопамъ которыхъ ты долженъ шествовать, жертвовали нѣкогда жизнью и имуществомъ на пользу св. Земли, которая теперь, во время твоего правленія, потеряна частію вслѣдствіе завоеваній, сдѣланныхъ Сарацинами, частію вслѣдствіе равнодушія христіанъ, твоего (въ особенности) и остальныхъ королей.... Иерусалимъ вопіетъ къ Сыну Божію, повѣстуетъ о своемъ бѣдствіи и призываетъ о помощи. Итакъ, если ты сынъ Божій, то вземли этой скорби. На помощь оной странѣ пришли Татары, язычники и другіе невѣрные ⁽¹⁾, а не искупленные кровію Христовою“ и т. д.

Спустя немного Бонифацій еще разъ обсуждалъ эту буллу въ консисторіи и только въ началѣ слѣдующаго года вручилъ ее Нарбоннскому архидіакону Іакову Норману для передачи королю Филиппу и его правительству. Когда 10 февр. 1302 г. Іаковъ получилъ аудіенцію у короля и прочиталъ ему эту буллу въ присутствіи немногихъ свидѣтелей, то братъ ко-

(1) Въ 1299 г. Сирія была завоевана Татарами, ханъ которыхъ являлъ себя благосклоннымъ къ христіанамъ.

роля, графъ Артуа, вырвалъ ее у него изъ рукъ и бросилъ въ огонь. Этимъ былъ поданъ знакъ къ борьбѣ. Такъ какъ копію съ этой буллы Іаковъ вручилъ еще высшему клиру Франціи, то конфискована была и она, дабы такимъ образомъ совершенно изъять ее изъ обращенія въ народѣ. Что *Ausculta fili* представляетъ обвинительный актъ противъ короля и его правительства,—это очевидно для каждаго. Масса лицемѣрно-благочестивыхъ словъ и quasi сердечныхъ благожеланій легко могла скрыть отъ недалновидныхъ властолюбіе и алчность самой Римской куріи и возбудить Французовъ главнѣйшимъ образомъ противъ короля и его правительства, которые въ отношеніи къ нимъ такъ жестоки. Нужно было лишить буллу густаго покрова ея лицемѣрныхъ словъ и благожеланій и показать народу претензіи Рима въ ихъ грубой наготѣ. Правительство и сдѣлало это въ своей буллѣ, сочиненной имъ отъ имени папы и яко бы только что присланной къ нему. Булла эта (*Deum time*) гласила: „Вонифацій епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, Филиппу королю Франковъ.—Бога бойся и заповѣди Его храни. Мы желаемъ, чтобы ты зналъ, что ты подчиненъ намъ въ духовныхъ и мірскихъ предметахъ. Ты никакого не имѣешь права раздавать бенефиціи и пребенды, и если когда ты опекаешь (*custodiam habes*) нѣкоторыя вакантныя мѣста, то доходы ихъ ты долженъ сохранять для ихъ ближайшихъ владѣтелей; если же которыя изъ нихъ ты уже раздалъ, то мы опредѣляемъ пожалованіе такого рода недействительнымъ и, насколько оно совершилось *de facto*, отмѣняемъ. Думающихъ же иначе считаемъ еретиками“. Что эта булла подложна, сочинена самимъ правительствомъ, а не папою,—это несомнѣнно открывается изъ ея грубой наготы, отсутствія въ ней всякихъ лицемѣрно-благочестивыхъ пожеланій, безъ чего не обходится никакая папская грамота, а также категорично засвидѣтельствовано самимъ Вонифаціемъ и его кардиналами. Впечатлѣніе, произведенное ею на

народъ, было сильное, крайне неблагоприятное для папы и его духовенства, котораго міряне стали избѣгать, какъ чумы, и весьма благоприятное для правительства, правоспособности и самостоятельности котораго задумалъ угрожать папа.

Кромѣ *Ausculat filii*, архидіаконъ Іаковъ принесъ еще другое письмо, *Secundum divina*, въ которомъ Вонифацій угрожалъ Филиппу отлученіемъ, если онъ еще долѣе будетъ держать епископа Памьерскаго подъ арестомъ. Филиппъ передалъ Сессе папскому нунцію и повелѣлъ имъ обоимъ немедленно же, въ теченіе нѣсколькихъ дней, оставить предѣлы своего государства и затѣмъ никогда уже болѣе въ него не возвращаться.

Не довольствуясь обнародованіемъ грубо-дерзкой мнимо-папской буллы, король поспѣшилъ обнародовать и свой отвѣтъ, который онъ яко бы уже отослалъ къ папѣ. Этотъ мнимый отвѣтъ (*Sciat maxima tua fatuitas*) составленъ совершенно по шаблону подложной буллы (*Deum time*). Онъ гласилъ: „Филиппъ, милостію Божіею король Франковъ, Вонифацію, *выдающему себя* за верховнаго первосвященника, малаго или никакого здравія. — Пусть знаетъ твоя величайшая глупость, что мы во временныхъ дѣлахъ никому не подчинены, пожалованіе вакантныхъ пребендъ и церквей принадлежитъ намъ по праву регалій (*jure regio*), доходы ихъ становятся нашими доходами, пожалованія, сдѣланныя нами доселѣ и впредь могутъ быть, имѣли силу въ прошедшемъ и будутъ имѣть силу въ будущемъ, и владѣтелей ихъ будемъ мужественно защищать противъ всѣхъ. Думающихъ же иначе считаемъ глупыми и безумными“. — Очевидно этотъ отвѣтъ рассчитанъ исключительно на возбужденіе національнаго чувства Французовъ. Каждый Французъ, читая его, могъ только преисполняться удивленія къ храбрости своего короля и самъ становился храбрымъ. „Вотъ-де, какъ мы этого страшнаго папу, котораго трепещетъ вся Европа и который, какъ

пѣшками, помыкаетъ королями другихъ государствъ! Мы—не то! Мы?!..“ и при этомъ кулакъ невольно сжимался, рука хваталась за мечъ, грудь вздымалась..... Но что этотъ отвѣтъ не былъ отсылаемъ къ папѣ, это несомнѣнно явствуетъ изъ того, что онъ былъ отвѣтомъ на *подложную буллу* и при томъ противорѣчилъ всякимъ дипломатическимъ формамъ. Какъ булла *Deum time*, такъ и отвѣтъ на нее стали извѣстны въ Римѣ другимъ путемъ, по частному доносу папскихъ приспѣшниковъ. Очень можетъ быть, что Французское правительство не только не мѣшало этимъ тайнымъ доносамъ, но даже негласно содѣйствовало имъ.

Когда такимъ образомъ умы надлежащимъ образомъ были подготовлены, король созвалъ (10 апр. 1302 г.) въ Парижской церкви Богоматери (*Notre-Dame*) Національное собраніе, въ которое, кромѣ дворянства и духовенства, приглашено было также и *третье сословіе*. Уже необычайный составъ Собранія показывалъ, что дѣло, которое будетъ предложено на его обсужденіе, чрезвычайной важности. Третье сословіе было приглашено въ первый разъ на обсужденіе дѣлъ государства, и на него-то король возлагалъ особенное упованіе. Правительство выступило здѣсь не столько въ качествѣ обвиняемаго, сколько обвинителя, не столько защищалось, сколько нападало, или лучше—оно напало на папство, защищаясь. Обвинителемъ Бонифація выступилъ хранитель государственной печати Петръ Флоттъ. Онъ объявилъ Собранію, что папа не только Французскую церковь подавилъ тяжелыми налогами, но даже старается подчинить своей власти и самого короля въ его дѣлахъ временныхъ, хочетъ сдѣлаться еще свѣтскимъ владыкою всей Франціи. Поэтому король проситъ собраніе, какъ другъ, и приказываетъ, какъ государь, помочь ему своимъ совѣтомъ въ этомъ дѣлѣ. Послѣ этой рѣчи, дворянство удалилось для тайнаго совѣщанія и спустя немного объявило рѣшеніе, что, для защиты

короля, свободы и правъ отечества, оно готово жертвовать своею кровію и имуществомъ. Точно такое же рѣшеніе вынесло и третье сословіе. Духовенство, прежде чѣмъ подать мнѣніе, потребовало-было долгой отсрочки на размышленіе; но ему объявлено было, что всякій, кто держится другаго взгляда, чѣмъ король, долженъ быть считаемъ врагомъ государства, и что долгаго времени на обсужденіе въ данномъ случаѣ и не требуется: такъ все очевидно. Равнымъ образомъ ему отказано было и въ другой его просьбѣ—позволить идти въ Римъ, согласно папскому требованію, на совѣщаніе, конечно, о настоящемъ положеніи дѣлъ во Франціи. Въместо этого собраніе приняло рѣшеніе отправить въ Римъ письма: клиръ—къ папѣ, остальные два сословія—къ кардиналамъ, каждое отъ себя отдѣльно.

Клиръ смиренно излагаетъ въ своемъ письмѣ къ папѣ самый ходъ событій и свое тяжелое положеніе, чтобы тѣмъ сколько нибудь оправдать себя отъ упрека, почему онъ не выступилъ горячо въ защиту папскихъ интересовъ. Съ этой стороны письмо его замѣчательно; оно знакомитъ насъ со всѣмъ ходомъ дѣла. „Не безъ глубокой скорби и не безъ горькихъ слезъ, гласитъ посланіе клира, мы вынуждены доложить вашему святѣйшеству, что нашъ всесвѣтлѣйшій князь и государь Филиппъ, *милостію Божіею король Франковъ*, послѣ того какъ онъ выслушалъ докладъ вашего нунція, прочиталъ запечатанныя апостольскія письма и сообщилъ ихъ содержаніе нѣкоторымъ немногимъ изъ своей свиты, въ высшей степени изумившись вмѣстѣ съ ними онымъ и обезпокоившись, онъ тотчасъ же послѣ того призвалъ къ себѣ и остальныхъ отсутствующихъ бароновъ и насъ, архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ и пр. Когда мы вмѣстѣ съ баронами, экономами, синдиками и прокураторами городовъ и пр. тотчасъ же собрались 10 апр. въ присутствіи короля въ церкви св. Маріи, то онъ (черезъ Петра Флотта) сообщилъ намъ, будто бы утвержда-

емо было тѣмъ архидіакономъ и въ вашихъ письмахъ, что онъ подчиненъ вамъ относительно своего государства и въ дѣлахъ временныхъ (temporaliter) и государство получилъ отъ васъ, тогда какъ доселѣ всеобщее было убѣжденіе, что онъ и его предшественники приняли свое царство отъ одного Бога. И такими новыми и жителями сего государства никогда не слыханными словами вы еще не удовольствовались: чтобы также и фактически провести ихъ, вы призываете къ себѣ всѣхъ прелатовъ его государства и магистровъ богословія и пр. съ цѣлію исправить злоупотребленія и изгладить обиды и поврежденія, которыя король и его чиновники причиняли и причиняютъ прелатамъ, церквамъ, церковнымъ лицамъ, а также дворянству, общинамъ и народу. Вслѣдствіе этого государство лишится по-истинѣ своего драгоценнаго сокровища и щита, именно — мудрости прелатовъ и пр. и подвергнется опасности величайшаго бѣдствія. Король сътуетъ на это и еще онъ сътуетъ на непоимѣрныя тяготы, которыя были причиняемы и постоянно причиняются ему, государству и Галликанской церкви вами и Римскою церковію, особенно въ ваши времена, посредствомъ резервацій, произвольной раздачи епископій и другихъ выдающихся мѣстъ иностранцамъ и иногда подозрительнымъ (которые никогда не живутъ въ резиденціи, лишаютъ бѣдныхъ ихъ имущества, опускаютъ Богослуженіе, чѣмъ убиваютъ охоту къ постройкѣ новыхъ зданій и т. д.), — посредствомъ новыхъ податей, требуемыхъ отъ церквей,.... и посредствомъ вредныхъ нововведеній, чрезъ что измѣняется положеніе церкви, — сътуетъ и на то, что вы отняли у высшихъ прелатовъ право давать коадьюторовъ своимъ суффраганъ-епископамъ. Такого лишенія его правъ въ государствѣ, такого явнаго оскорбленія его и государственной чести онъ не хочетъ и не можетъ сносить долѣе. Далѣе, онъ увѣряетъ, что во временныхъ дѣлахъ онъ не имѣетъ никакого начальника, какъ не имѣли также

никакого такого начальника и его предки, и что, по суду авторитетнейших и ученнейших лиц, дѣло его правое. Онъ потребовалъ отъ всѣхъ насъ, прелатовъ и бароновъ и пр., оказать ему дѣятельную поддержку въ охраненіи древней свободы и чести государства и пр., именно также и въ отношеніи тягостей, причиняемыхъ его чиновниками церквамъ и церковнымъ лицамъ,—тягостей, устраненіе которыхъ онъ уже самъ рѣшилъ предъ прибытіемъ того архидiakона. И это было бы уже приведено въ исполненіе, если бы король не хотѣлъ избѣжать вида, что это случилось какъ бы изъ послушанія къ вамъ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что для блага страны онъ готовъ отдать не только все свое имущество, но также свое собственное лице и своихъ дѣтей, и по этой самой причинѣ, что рѣчь шла объ общемъ дѣлѣ, въ которомъ каждый участвуетъ и обязанъ участвовать, онъ потребовалъ и отъ cadaго изъ насъ рѣшительнаго, скорого и точнаго отвѣта. Послѣ этого бароны удалились для совѣщанія, но тотчасъ же снова возвратились съ объявленіемъ, что они готовы поддерживать короля въ его добрыхъ предпріятіяхъ имуществомъ и кровію. Теперь и до насъ дошла очередь подать свое мнѣніе. Мы потребовали долгой отсрочки и въ длинной рѣчи и рядомъ аргументовъ представили королю и почтеннѣйшимъ баронамъ, что вы навѣрное не имѣли цѣлю нападать на свободу и честь государства и пр. и что узы согласія между Римскою церковію и Французскими королями должны быть сохранены. Но когда долгій срокъ былъ отвергнутъ и было объявлено, что всякій, кто держится иного взгляда, долженъ быть считаемъ врагомъ государства...., то мы не безъ величайшаго стѣсненія и смущенія отвѣтили, что мы будемъ поддерживать короля въ защитѣ его лица, его семейства, его собственности и свободы совѣтомъ и дѣломъ, насколько мы клятвенно обязались быть вѣрными, какъ владѣтели герцогствъ, графствъ и леновъ и пр. Въ тоже время

мы смиренно просили короля позволить намъ, согласно папскому требованію, отправиться въ Римъ, но въ этомъ было намъ отказано.... Поелику теперь уже произошелъ величайшій расколъ между клириками и мірянами, послѣдніе всѣ избѣгаютъ общенія съ первыми и считаютъ ихъ за измѣнниковъ величеству, то мы просимъ ваше святѣйшество позаботиться о томъ, чтобы древнее согласіе и любовь между церковію, королемъ и государствомъ были сохраняемы и Галликанская церковь, чрезъ отмѣну эдикта, призывающаго насъ въ Римъ, оставалась бы въ мирѣ и покоѣ“.

Иной языкъ чувствуется въ письмѣ дворянства къ кардиналамъ. „Вы знаете, писало оно, что Римская Церковь и Французское государство съ давнихъ временъ были согласны между собою, знаете и то, какъ много Французское дворянство сдѣлало и пожертвовало на пользу христіанской вѣры. И чтобы это согласіе не было возмущено злою волею и враждебностію того, кто въ настоящее время сидитъ на престолѣ церковнаго правительства, мы сами извѣщаемъ васъ о худыхъ и оскорбительныхъ нововведеніяхъ, которыя онъ предпринялъ противъ очень любимаго и благоговѣйно почитаемаго господина нашего Филиппа, *Вожією милостію короля Франціи*, и противъ всего королевства.... Мы отнюдь не хотимъ и не можемъ потерпѣть этого. Между прочимъ королю чрезъ нунція и (папское) письмо было сказано, что онъ, который вмѣстѣ съ жителями государства всегда подчинялся въ мірскихъ дѣлахъ одному только Богу, долженъ подчиняться тому (Бонифацію) также и во временныхъ дѣлахъ, и что отъ него получилъ это государство. Далѣе Бонифацій призываетъ къ себѣ прелатовъ и докторовъ и пр. Франціи, чтобы уничтожить чинимыя королемъ и его чиновниками угнетенія прелатамъ и церквамъ, дворянству и народу, и исправить ошибки. хотя мы желали поправленія не отъ него, а только отъ нашего короля. Къ тому же отъѣздъ столь многихъ пре-

латовъ и пр. очень вреденъ для государства и отнимаетъ у него драгоценнѣйшее сокровище — мудрость мудрыхъ. Понесетъ ущербъ также и церковная жизнь и совершеніе таинствъ. Тотъ, который возсѣдаетъ теперь на престолѣ церковнаго правительства, совершенно произвольно раздавалъ и теперь также продолжаетъ ежедневно раздавать архіепископства и епископства и другія высшія бенефиціи королевства, и даже за огромнѣйшія суммы, которыя потомъ ложатся на народъ, и раздаетъ онъ эти мѣста лицамъ неизвѣстнымъ, иногда подозрительнымъ, даже дѣтямъ, которыя не могутъ получать никакой церковной бенефиціи и не имѣютъ никакой резиденціи. И этого ему не довольно; онъ хочетъ присвоить себѣ пожалованіе и тѣхъ бенефицій, которыя учреждены королемъ и нашими предками и которыя искони принадлежали королю и нашимъ предкамъ, чтобы тѣмъ лучше имѣть возможность обременять ихъ податями. Мы не можемъ и не хотимъ терпѣть этихъ вещей, и если бы мы захотѣли этого, то не потерпятъ король и народъ. Такія вещи не угодны ни Богу, ни добрымъ людямъ и исходятъ развѣ только отъ антихриста. Хотя онъ и говоритъ въ своихъ письмахъ, что онъ сдѣлалъ это съ согласія кардиналовъ, но мы иначе не можемъ подумать, какъ что это не угодно вамъ и что вы не давали своего согласія на эти нововведенія, величайшія заблужденія и глупѣйшія предпріятія. Поэтому мы настоятельно просимъ каждого изъ васъ. — такъ какъ вы имѣете участіе въ управленіи церкви, — посодѣйствовать привести къ доброму концу это, такъ легкомысленно и беспорядочно начатое дѣло, для того, чтобы любовь между церковію и королевствомъ сохранялась и увеличивалась и чтобы стало возможно предпринять крестовый походъ“. Къ этому письму приложили свою печать всѣ высшіе дворяне, напередъ — наслѣдный принцъ Людовикъ. — Въ такомъ же родѣ написано было письмо и третьяго сословія.

Такимъ образомъ Французское національное собраніе всѣхъ трехъ сословій, къ которому король обратился въ настоящихъ затруднительныхъ своихъ обстоятельствахъ за совѣтомъ и помощію, вмѣсто обвиненія правительства короля, за которымъ оно не отрицало ошибокъ и погрѣшностей, взвело страшныя обвиненія на управленіе самого папы, которое во всѣхъ отношеніяхъ является хуже королевскаго; которое истощаетъ и давитъ Францію своими многообразными и крайне тяжелыми поборами; которое въ этомъ отношеніи по справедливости должно быть названо грабительскимъ управленіемъ; которое, наконецъ, убиваетъ самый религіозный духъ Французовъ, отнимаетъ у нихъ всякую охоту къ созданію новыхъ религіозныхъ учрежденій. Ультрамонтане, по справедливости, видятъ здѣсь, съ своей точки зрѣнія, начало *революціонныхъ движеній* противъ папства. И дѣйствительно, теперь въ лицѣ Франціи въ первый разъ такъ рѣшительно противосталь здравый смыслъ человѣчества мрачному губительному гению папства. Точекъ былъ данъ, нужно ждать его отраженій. Нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ правительства короля Филиппа и Національнаго собранія отчасти также и вліянія внутреннихъ Колонновъ и другихъ духовныхъ лицъ высокаго и низкаго званія, сомнѣвавшихся въ законности понтификатствованія Бонифація и ищущихъ опоры для своихъ противодѣйствій во Франціи. Въ письмѣ дворянства замѣчательно то, что Бонифацій ни-разу не названъ первосвященникомъ и папою. Всѣ три письма отосланы въ Римъ по назначенію. Въ тоже самое время король возобновилъ свои прежніе эдикты, воспрепятствующіе пребыванію иностранцамъ во Франціи и вывозъ за границу золота, серебра, драгоценностей и пр. Всѣ дороги, проходы и гавани заняты были вооруженною стражей, чтобы такимъ образомъ пресѣчь у прелатовъ и клириковъ всякую возможность идти на предписанный въ Римѣ соборъ, если бы ктонибудь изъ нихъ вздумалъ послушаться приказанія папы.

Прелатамъ и клирикамъ Франціи отвѣтилъ самъ папа, дворянству и гражданамъ—кардиналы. Письмо папы исполнено порицаній и укоровъ Французскому духовенству, затруднительное положеніе его среди раздраженныхъ мірянъ не принято во вниманіе. „Слова сумазбродной дочери (*Verba delirantis filiae*), возражалъ папа Французскимъ прелатамъ и клирикамъ, какъ они ни оскорбительны для материнскихъ пожеланій, сколь ни загрязнены безмѣрнымъ преувеличеніемъ, при всемъ томъ не могутъ осквернить чистоту благочестивой матери и превратить материнскую любовь въ ненависть.... Правда все благочестивые недавно возмущены были словами, которыя, подъ предлогомъ утѣшенія, были написаны отъ имени нашей возлюбленной дочери, Галликанской церкви, въ поношеніе ея безпорочной матери.... Составители этихъ словъ хотѣли изъ покоящихся на лжи разсужденій Парижскаго парламента извлечь заключеніе, что они, по причинѣ опасности для ихъ имуществъ и жизни, не могутъ послѣдовать приглашенію въ Римъ. Апостольскому престолу хорошо извѣстно, что случилось въ томъ собраніи и что говорили, въ особенности Петръ Флоттъ этотъ кривой тѣлесно (*semividens*) и совершенно слѣпой духовно, и нѣкоторые другіе, которые хотѣли склонить на ложный путь нашего возлюбленного сына, короля Франціи Филиппа. Церковь оплакиваетъ это въ высокой степени и изыскиваетъ средство для его испѣленія и гавань отъ кораблекрушенія такого величества. Но вы, о братья, кажется, возлагаете свою надежду на земное и, изъ страха временной потери и предъ земными судіями, отбросили иго Христово. Въ томъ собраніи было говорено много высокомѣрнаго, злобнаго и схизматическаго, что вамъ слѣдовало бы отвергнуть и, ужь конечно, не выслушивать и повторять (въ своемъ письмѣ ко мнѣ). Но къ вашему извиненію служить нѣкоторымъ образомъ поспѣшность, съ какою тѣ клеветники изливали свой ядъ, говоря другъ за другомъ безъ перерыва. Посредствомъ мороченій они

злбно хотѣли отдѣлить васъ отъ единства церкви и, какъ участниковъ своей превратности, натравить васъ на насъ. Но они напрасно трудятся, если хотятъ воздвигнуть иной тронъ противъ викарія Христова. Подобно какъ первый Люциферъ былъ низвергнутъ, точно такимъ образомъ будетъ низвергнутъ и второй. Ибо не выставляютъ ли они двухъ принциповъ, когда они утверждаютъ, что временное не должно подчиняться духовному? Въ переводѣ на простую рѣчь съ точно опредѣленнымъ содержаніемъ всѣ эти широкія лицемерныя вѣщанія папы, очевидно, сводятся на голое бездоказательное отрицаніе всѣмъ извѣстнаго факта—худости папскаго правленія и на призваніе Французскаго духовенства къ бунту противъ своего правительсва по самымъ незаконнымъ, эгоистическимъ, Римско-папскимъ побужденіямъ.

Кардиналы возразили Французскому дворянству въ своемъ письмѣ къ нему отъ 26 іюня: „Содержаніе вашего письма насъ очень опечалило. Напѣ святѣйшій отецъ и владыка Бонифацій, Божіимъ промысленіемъ верховный первосвященникъ свят. Римской и вселенской церкви (упрекъ дворянству, которое не удостоило Бонифація имени первосвященника) и мы сами охотно и твердо соблюдаемъ союзъ единодушія, искони установившійся между Римомъ и Французскими королями. Но врагъ - человекъ посѣялъ плевелы. Вамъ слѣдуетъ то принять, какъ совершенно несомнѣнное, что нашъ владыка папа никогда не писалъ королю, будто онъ долженъ подчиняться тому относительно государства и *temporaliter* и получилъ сіе отъ него (какъ ленъ). И осторожный Нарбонскій архидіаконъ, магистръ Іаковъ, увѣряетъ также, что онъ ни устно, ни письменно ни чего подобнаго не открывалъ королю. Поэтому все то, что Петръ Флоттъ доложилъ королю, прелатамъ и вамъ, покоится на ложномъ основаніи, и все зданіе, возведенное на немъ, распадается. Папа призвалъ прелатовъ и докторовъ и пр. для того, чтобы съ ними, какъ не находящимися у короля въ подозрѣніи, скорѣе же такими лицами, которыя и имъ

любимы и любятъ его, имѣть возможность зрѣлѣе обсудить, что слѣдуетъ предпринять. Не ново также и то, что папа предписываетъ соборы и даже не только частныя, но и вселенскіе. Но именно во вниманіе къ королю и государству онъ на этотъ разъ уклонился отъ созванія вселенскаго собора, потому что между епископами чужихъ государствъ легко могли бы найдтись и такіе, которые менѣе любили Французскаго короля. Если бы вы и прелаты видѣли посланіе (*Ausculta*), которое тотъ архидіаконъ передалъ королю и если бы вы надлежащимъ образомъ взвѣсили оное то возблагодарили бы Бога и папу за отеческое попеченіе и материнскую ласковость, которыя онъ оказывалъ и оказываеъ, чтобы осчастливить короля и государство и уничтожить тягости, возложенныя на прелатовъ, церкви, монастыри и частію также на васъ и народъ. Если папа обременялъ Галликанскую церковь, то это случалось отъ того, что онъ предоставлялъ королю на многія лѣта десятины церковныхъ доходовъ, и мѣста при каждой каѳедральной и коллегіальной церкви раздавалъ способнымъ лицамъ. Также онъ раздавалъ нѣкоторыя достоинства и бенефиціи, но всегда обращая вниманіе на короля, прелатовъ и нѣкоторыхъ изъ васъ. Онъ раздавалъ многія и огромныя диспенсаціи (разрѣшенія), которыя хорошо извѣстны королю и вамъ (т. е., конечно, потому, что дарованы ему и вамъ), но онъ пожалъ за это только неблагодарность. Ни одинъ человѣкъ, находящійся въ здоровомъ умѣ, не можетъ сомнѣваться, что Римскій папа есть первый (*Primas*) и верховный первосвященникъ, и можетъ за грѣхи привлекать къ отчету каждаго человѣка. На сколько мы помнимъ, папа не замѣстилъ Италіянцемъ никакой каѳедральной церкви въ государствѣ (Французскомъ), кромѣ церквей въ Буржѣ и Артуа, и для этого онъ избралъ лицъ, которыя не находились у короля въ подозрѣніи, которыя были знамениты и всѣмъ извѣстны ученостію. Другія каѳедральныя церкви онъ замѣщалъ мужами родомъ изъ Франціи и отнюдь неподозрительными королю. Онъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ его предше-

ственниковъ, заботился о бѣдныхъ клирикахъ. При немъ могли повыситься магистры богословія, которымъ онъ раздавалъ каноникаты и пребенды при Парижскихъ церквахъ. Изъ лицъ, опредѣленныхъ имъ на церковныя мѣста, приходится сто Французовъ на одного лишь иностранца. Сверхъ того, мы должны также сказать, что и неприлично и несправедливо было не назвать въ вашемъ письмѣ святѣйшаго отца и владыку нашего папою, но, съ устраненіемъ должнаго почтенія, клеймить его непристойными словами“.

Спустя нѣсколько времени (въ авг. 1302 г.) Французскіе послы были приглашены въ засѣданіе консисторіи. Кардиналь - епископъ Портскій, открывшій засѣданіе рѣчью, послѣ длиннаго ея введенія сказалъ, обращаясь къ Французамъ: „То правда, что къ папѣ были принесены многія жалобы на злоупотребленія во Французскомъ королевствѣ и на несоблюденіе церковной свободы. Вѣрно также и то, что дружеское письмо (Ausculta) издано было по согласному рѣшенію папы и кардиналовъ, ибо вы (Французскіе послы) должны знать, что въ коллегіи не существуетъ никакого различія мнѣній между папою и братьями. Также и то письмо не тотчасъ же отослано было, но многократно было предлагаемо консисторіи, прочитываемо и тщательно взвѣшено, и оно полно любви. Оно содержитъ слова любящаго Отца; его сладкими материнскими словами король былъ увѣщиваемъ отмѣнить одно и исправить другое. Нѣкоторые утверждаютъ, что въ этомъ письмѣ проводится мысль, будто король обязанъ считать свое государство за дарованное церковію. Клянусь Богомъ, всякое негодованіе должно нѣмѣть при этомъ ибо въ томъ письмѣ не заключалось подобной мысли, не было также и высказываемо по порученію папы и кардиналовъ (т. е. устно архидіакономъ); что король получилъ свое государство отъ какого бы то ни было человѣка. Говорятъ еще о другомъ письмѣ, которое было послано королю (Deum time). Но я не знаю, откуда вышло это письмо. Кардиналами оно не

было посылаемо, и я твердо увѣренъ, что оно вышло также и не отъ папы. То письмо, которое послали папа и братья, было полно любви, и если оно содержало нѣкоторыя строгія отеческія слова, которыя, быть можетъ, показались королю жесткими, однакожь они имѣли цѣлю только его улучшение и его собственное спасеніе. Лично короля я считаю добрымъ и католическимъ государемъ, но я боюсь, что онъ имѣетъ худыхъ совѣтниковъ, какъ Аввесалломъ Ахитофела (2 Царствъ 16, 21 и пр.). Мы разсмотрѣли, на что жаловался король Французскій. Если прелаты были приглашены въ Римъ для совѣщаній о нѣкоторыхъ дѣлахъ, то вѣдь приглашены не чужестранцы и противники, а его собственные люди и близкіе ему, которые любятъ его честь и честь государства, какъ свой глазъ, да и остаться тамъ они должны не вѣчно, но по окончаніи занятій опять возвратились бы домой. Также не имѣетъ онъ причинъ жаловаться и на раздачу бенефицій въ его государствѣ, ибо слѣдуетъ отличать двѣ вещи: право патронатства съ представленіемъ и пожалованіе съ опредѣленіемъ къ мѣсту для пользованія. Пожалованіе бенефиціи никогда не можетъ принадлежать міранину. Но, можетъ быть, скажутъ, что здѣсь король имѣетъ еще болѣе правъ. Я не знаю этого, но я утверждаю, что ему не можетъ принадлежать здѣсь что либо большее, чѣмъ *ministerialiter* (т. е. насколько даровалъ ему папа, какъ своему управителю или *vicarius*). Говорятъ: онъ имѣетъ за собою давность; но если онъ могъ раздавать бенефиціи по собственному полномочію, тогда для чего онъ просилъ у церкви привилегіи относительно этого? У короля есть свой духовникъ. По какому авторитету и по чьему полномочію онъ разрѣшаетъ короля? Конечно, папы, отъ котораго всѣ епископы и пр. получили свою власть и которымъ они приняты *in partem sollicitudinis*. Я, можетъ быть, изрекъ величайшую глупость (*magnam fatuitatem*,—этимъ кардиналь, очевидно, хочетъ показать, что *Sciat maxima tua fatuitas*

ему хорошо известна), но это мое убеждение и я хочу защищать его против всего свѣта; я готовъ жертвовать жизнью въ доказательство того, что папа, какъ викарій Петра, имѣетъ всякую власть, ибо Христосъ, который однакожъ Господь всего, передалъ свою власть Петру и его наслѣдникамъ. Кто говоритъ противное, тотъ еретикъ. Это можно показать изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и изъ установлений св. отцевъ. Но, проходя все это, я приведу только одно: во всемъ мірѣ одинъ Всевышній, въ одномъ домѣ одинъ только отецъ семейства, на одномъ кораблѣ одинъ только кормчій, въ одномъ тѣлѣ одна только глава, иначе цѣлое было бы чудовищемъ. Въ ковчегѣ Ноевомъ былъ одинъ только кормчій—Ной, и тѣ, которые были съ нимъ, спаслись, другіе погибли. Точно также и въ церкви, которая есть карабль Христовъ и Петровъ, только одинъ кормчій и одна глава, повелѣній котораго должно слушаться, и онъ называется владыкою всего временнаго и духовнаго, потому что онъ, какъ сказано, имѣетъ всякую власть. Далѣе, не можетъ король жаловаться и на то, что иностранцы опредѣлены на церк. мѣста въ его государствѣ. Не ново также и то, что церковь предоставляетъ себѣ раздачу нѣкоторыхъ мѣстъ, потому что вѣдь она обладаетъ *plenitudo potestatis in spiritualibus*. За него (папу) и за свободу церкви всѣ кардиналы пожертвуютъ жизнью. Далѣе никто не долженъ сомнѣваться, что папа имѣетъ также судить и обо всемъ временномъ *ratione peccati*. Стоитъ и это описать: Богъ создалъ два свѣтила, великое и малое. Этимъ обозначены двѣ юрисдикціи. Духовную юрисдикцію *principaliter* имѣетъ папа, потому что она передана Христомъ Петру и его наслѣдникамъ. *Jurisdictio temporalis* имѣютъ императоры и короли, но и папѣ слѣдуетъ знать и судить обо всемъ временномъ, на сколько дѣло идетъ о грѣхѣ (*ratione peccati*). Нужно отличать, кому временная юрисдикція принадлежитъ *de jure*, и кому—*ad usum et executionem*. *De jure* она принадлежитъ папѣ, какъ викарію Христа и

Петра, и кто отрицаетъ это, тотъ наталкивается на членъ вѣры, что Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ. Но *quantum ad usum et executionem* временная юрисдикція ему не принадлежитъ, почему Христосъ сказалъ Петру: вложи мечъ твой. Такимъ образомъ король Франковъ не имѣетъ никакого права жаловаться“.

Вслѣдъ за кардиналь-епископомъ Портскимъ началъ говорить самъ папа. „Мѣсто Писанія: что Богъ сочелъ, человекъ да не разлучаетъ, можно приложить также и къ отношенію Французской церкви къ Французскимъ королямъ. Эта связь началась съ крещенія Клодвига. Тогда Ремигій сказалъ къ королю: „держишься церкви, ибо пока ты дѣлаешь это, будешь счастливъ вмѣстѣ съ государствомъ“. Мы знаемъ, какъ много пользы принесла эта связь государству. Во времена великаго Филиппа (Августа) доходы короля не простирались и до 18,000 ливровъ, а теперь, по причинѣ благоволенія церкви, онъ получаетъ ихъ болѣе 40,000. Такимъ образомъ, что Богъ сочелъ, человекъ да не разлучаетъ. Мы употребляемъ здѣсь выраженіе *человѣкъ* въ библейскомъ смыслѣ, какъ *врагъ - человекъ* (*inimicus homo*), т. е. въ смыслѣ сатаны или сатанинскаго человека. И этотъ-то человекъ есть Ахитофель, Петръ Флоттъ и пр. Его союзники — графъ Артуа, некогда нашъ другъ, и графъ Сенъ-Поль. Оный Петръ Флоттъ искажилъ наше письмо; свое письмо мы обсуждали вмѣстѣ съ кардиналами и въ присутствіи королевскихъ пословъ, и не тотчасъ же его отослали, такъ какъ они (послы) замѣтили, что напередъ будетъ написано къ намъ; Петръ Флоттъ сообщалъ его въ искаженномъ видѣ или же—совершенно ложное. Такъ какъ наше-то именно письмо онъ и не обнаруговалъ, то мы не знаемъ, искажилъ ли онъ самый текстъ, или же вложилъ въ него ложный смыслъ, будто бы мы требовали отъ короля, что онъ долженъ считать свое государство, какъ нашъ ленъ. Въ теченіи 40 лѣтъ мы наловчились въ правѣ; такимъ образомъ кто мо-

жетъ повѣрить, что такая глупость (*fatuitas*) сидитъ въ нашей головѣ. Мы не ждали затрогивать юрисдикцію короля, но и король также мало можетъ отрицать, какъ и всякій другой христіанинъ, что онъ подчиненъ намъ *ratione peccati*. Относительно пожалованія бенефицій мы уже часто говорили посламъ короля, что мы готовы оказать ему въ этомъ дѣлѣ возможную милость, чтобы онъ могъ *licite* дѣлать то, что доселѣ онъ дѣлалъ *illicite*; ибо извѣстно, что пожалованіе бенефицій не можетъ принадлежать никакому мірянину безъ нашего молчаливаго или нарочито выраженнаго согласія. Мы дозволили королю назначать одного каноника въ каждую церковь королевства, а раздачу пребендъ въ Парижскихъ церквахъ мы хотѣли совсѣмъ ему предоставить подъ условіемъ, чтобы онъ опредѣлялъ на нихъ только магистровъ богословія, или докторовъ каноническаго и гражданскаго права, или иначе ученыхъ людей, а не непотовъ того или этого.... но ни король, ни прелать (разумѣется, Парижскій) не давали бенефицію какому нибудь магистру богословія, а непотамъ и другимъ, которые малополезны. Это всѣмъ извѣстно. Если захотятъ утверждать, что мы ошибаемся, то кардиналы могутъ быть судіями между мною и королемъ, или онъ можетъ прислать не имѣющихъ вражды ни къ той, ни къ другой сторонѣ бароновъ, какъ напр., герцога Бургундскаго и графа Бретаньскаго и подобныхъ, и они пусть покажутъ, въ чемъ мы погрѣшили или кого либо обременили. Мы готовы къ уступкѣ. Мы не хотимъ отвѣчать глупцу по его глупости, но, насколько зависитъ отъ насъ, имѣть съ королемъ миръ, потому что мы всегда любили Францію. Пока я былъ еще кардиналомъ, я мыслилъ по-французски (*Gallicus*), что мнѣ мои Римскіе собратья часто ставили въ упрекъ. Также и въ теперешнемъ нашемъ положеніи мы очень любили короля и оказывали ему много услужливостей. Безъ насъ онъ едва ли бы вступилъ болѣе на тронъ. Когда Англичане и Нѣмцы и почти всѣ его могущественные ленники и

сосѣди поднялись противъ него, то чрезъ кого онъ тогда восторжествовалъ? Чрезъ насъ, которые считались его противниками. По истинѣ мы любили его болѣе, чѣмъ родной его отецъ. Но если онъ не придетъ въ себя, мы будемъ отвѣчать ему по его глупости. Мы знаемъ тайны государства! Мы знаемъ, какъ Нѣмцы и жители Лангедока и Бургундіи любятъ Французовъ! Наши предшественники низложили (?) трехъ Французскихъ королей, и хотя мы поступаемъ не подобно нашимъ предшественникамъ, однакожъ, если настанетъ необходимость, и мы также, хотя и со скорбію, какъ раба (*garçio, garçon*) низложимъ короля Филиппа, который болѣе повиненъ, чѣмъ всѣ тѣ. Что касается призыва прелатовъ въ Римъ, то мы не отмѣняемъ его, напротивъ возобновляемъ и утверждаемъ его. Мы могли бы призвать всѣхъ епископовъ міра, но мы захотѣли привлечь только туземныхъ и преданныхъ королю, потому что мы слышали, что его государство находится въ самомъ величайшемъ пренебреженіи изъ всѣхъ государствъ міра. Поелику оно больно отъ подошвы до макушки, то мы объявляемъ, что тѣ, которые не придутъ, будутъ низложены. Поутру вы (депутаты Французскихъ прелатовъ) вторично можете явиться предъ нами и кардиналами въ консисторіи для приѣма писемъ, и мы тогда охотно выслушаемъ, если вы еще что имѣете сказать“.

На непредвзятаго читателя, дорожащаго здравымъ человѣческимъ смысломъ, всѣ эти разсужденія кардиналовъ и самаго Бонифація производятъ какое-то недоумѣнное впечатлѣніе. Затрудняешься, какъ назвать этотъ образъ разсужденій?! И Бонифацій и его кардиналы категорично и съ негодованіемъ, какъ нелѣпѣйшую выдумку злобныхъ людей, этихъ Ахитофеловъ—орудій сатаны, *отвергаютъ* ясно выраженное ими прежде положеніе, что папа имѣетъ верховную власть и надъ королями, такъ что имѣетъ право призвать его подданныхъ къ себѣ и обсудить съ ними, что слѣдуетъ предпринять для реформы его собственной особы

и его государства, и вслѣдъ за тѣмъ снова и усиленно, какъ догматъ вѣры, *доказываютъ*, что король получилъ временную юрисдикцію только *quantum ad usum et executionem*, разумѣется по указанію папы; что *de jure*, — слѣдовательно въ полномъ смыслѣ по праву, отъ котораго зависитъ право и ниспихъ властей, предназначенныхъ *ad usum et executionem* ввѣренной ими юрисдикціи, — она принадлежитъ папѣ; что послѣдній *ratione peccati* имѣетъ право обсуждать мѣры къ улучшенію дѣлъ всякаго государства и къ исправленію самихъ королей, и что, въ случаѣ неисправленія, онъ можетъ низлагать ихъ, какъ рабовъ. Вся ихъ аргументація — по истинѣ *ratio sophismatum*, затѣмняющая умъ простяковъ и облегаящая густымъ туманомъ эгоистическія цѣли людей міра. Но, конечно, трудно было ожидать, чтобы правительство короля Филиппа прельстилось этою сифистикой.

Посредническая попытка герцога Бургундскаго, котораго такъ восхвалилъ Бонифацій въ своей рѣчи, кончилась полною неудачей. Кардиналы не соглашались ни на какія уступки. Они отвѣтили посредникамъ: „пока король упорно остается въ своей превратности и не оказываетъ никакого раскаянія, папа не можетъ явить ему никакой милости. Но если король *сознается*, что онъ былъ склоненъ худыми совѣтами, и исправить свои погрѣшности, папа на вѣрное будетъ въ отношеніи къ нему крайне милостивъ“. Это значило, что „мы у *васъ* — де заварили кутерьму; *вамъ* ее и расхлебывать. А мы спокойны въ своемъ далекѣ. Уступая вамъ, мы теряемъ не только у васъ, но можемъ потерять и у другихъ народовъ, мы разомъ проигрываемъ то, что выиграли вѣками и что содержится у другихъ народовъ; вступая съ вами въ борьбу изъ за права, мы *отрицаемъ* его за вами и этимъ самымъ укрѣпляемъ за собою; разстроивая внутреннее состояніе *вашего* государства, мы, быть можетъ, нѣсколько и теряемъ чрезъ это у *васъ* вліянія, тѣмъ не менѣе мы все-таки ничего не теряемъ, мы являемся рыцаря-

ми права, несправедливо гонимыми. Худой примѣръ для другихъ устраняется“.

Надежды кардиналовъ и папы на внутреннія замѣшательства и затрудненія Франціи, повидимому начали осуществляться. Французское войско, посланное для завоеванія Фландріи, было разбито на голову, при чемъ потеряли жизнь и главные враги папы—Петръ Флоттъ и графъ Артуа (11 іюля 1302 г.). Бонифацій, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ ободрить Фландрцевъ и побудить ихъ къ дальнѣйшему сопротивленію. Въ то же самое время онъ убѣдительно призывалъ и Англійскаго короля взяться за оружіе противъ Франціи. Многіе Французскіе епископы (4 архіеп. и 35 еписк.), нѣкоторые аббаты (6) и многіе доктора и магистры, не смотря на запрещеніе короля, все-таки отправились на соборъ въ Римъ, какъ то приказалъ имъ папа. 30 окт. 1302 г. Бонифацій открылъ съ ними соборъ, результатомъ совѣщаній котораго были двѣ буллы: въ одной изъ нихъ папа налагалъ отлученіе и анаѹему на всѣхъ, которые будутъ препятствовать путешествію какого бы то ни было вѣрующаго ко „св. престолу“. Вторая булла, извѣстная *Unam sanctam*, посвящена исключительно изложенію папской теоріи объ отношеніи церковной власти къ гражданской. Содержаніе ея таково: „Мы твердо вѣруемъ и безхитростно исповѣдуемъ *единую*, святую, католическую и апостольскую церковь. Въ ней нѣтъ никакого спасенія и никакого отпущенія грѣховъ, какъ говоритъ свят. Женихъ въ Пѣсни Пѣсней: Единая голубица моя, и пр. (6, 8). Эта единая церковь имѣетъ одну только главу, а не двѣ, какъ чудовище, и когда Христосъ сказалъ Петру: *паси овцы моя*, то онъ передалъ ему всѣхъ, а не нѣкоторыхъ только. Такимъ образомъ, если *Греки* и другіе утверждаютъ, что они не подчинены Петру (?) и его наслѣдникамъ, то этимъ они исповѣдуютъ, что они не принадлежатъ къ овцамъ Христовымъ, ибо одинъ только есть пастырь и одна овчарня. Что во власти этого пастыря два меча, духовный

и свѣтскій, этому учитъ насъ Евангеліе. Ибо, когда Апостолы сказали: *смотри здѣсь два меча* (Лук. 22, 38), именно въ церкви, то Господь не возразилъ: много этого, но: довольно этого. По истинѣ, кто отрицаетъ, что также и свѣтскій мечъ находится во власти Петра, тотъ мало обращаетъ вниманія на слова Господа: *вложи мечъ твой въ ножны* (Мѡ. 26, 52). Оба меча во власти церкви, духовный и свѣтскій; но этотъ долженъ быть употребляемъ въ защиту церкви, а тотъ церковію (*sed is quidem pro ccelesia, ille vero ab ecclesia exercendus*); одинъ священствомъ; а другой царями и воинами, но по волѣ священника и пока онъ терпитъ (*ad nutum et patientiam sacerdotis*). Но одинъ мечъ долженъ быть выше другаго и свѣтскій авторитетъ обязанъ подчиняться духовной власти. Апостоль говоритъ (Римл. 13, 1): нѣтъ власти не отъ Бога, тѣ же власти, которыя отъ Бога, устроены правильнымъ образомъ (*quae autem a Deo sunt, ordinata sunt*); но они не были бы устроены правильнымъ образомъ, если бы одинъ мечъ не былъ ниже другаго и если бы нисшее не было влекомо горѣ высшимъ. Ибо божественный законъ, по блаж. Діонисію (Ареопагиту), въ томъ именно и состоитъ, что нисшее возводится къ высшему чрезъ среднее. Итакъ, по всемірному порядку, ничто не равно другому, но нисшее приводится въ порядокъ чрезъ среднее, среднее чрезъ высшее.... (Божественная) истина свидѣтельствуетъ, что духовная власть имѣетъ учреждать временную (*instituire*) и судить ее (*judicare*), если она не хороша: вотъ что провѣщало о церкви и церковной власти пророчество Іереміи: я поставилъ тебя нынѣ надъ народами и царствами (1, 10). Итакъ, если совращается съ пути временная (*terrena*) власть, то она должна быть судима духовною; а если совращается съ пути нисшая духовная власть, она судится своею высшею, а высшая можетъ быть судима однимъ только Богомъ, но не человѣкомъ, какъ свидѣтельствуетъ Апостоль: духовный человѣкъ судитъ обо всемъ, а о немъ судить никто не

можетъ (1 Кор. 2, 15). А это значить, что она я власть, хотя она дана человѣку и на практикѣ примѣняется человѣкомъ, однакожь не человѣческая, а божественная, по сему слову Самого Господа Петру: что ты свяжешь на землѣ и пр. (Мѡ. 16, 19). Кто сопротивляется этой власти, тотъ, какъ Манихей, принимаетъ два принципа и есть еретикъ. По истинѣ подчиняться Римскому первосвященнику всесовершенно необходимо всякой человѣческой твари для своего спасенія! *Сіе мы объявляемъ, изрѣкаемъ и опредѣляемъ*“.

. Эта булла, которая не заключаетъ въ себѣ ничего, что многократно не говорили бы и не повторяли папы и что также и въ настоящее время считается папистами исповѣданіемъ своей вѣры, показываетъ яснѣе всякихъ многотомныхъ диссертацій, какой деспотическій, всякую духовную и телѣсную свободу уничтожающій, подлинно-языческій характеръ приняло папство. Все дѣло состоитъ въ той именно подтасовкѣ понятій, о которой я сказалъ въ началѣ: на мѣсто *духовной* власти, дарованной Христомъ Петру и остальнымъ Апостоламъ за исповѣданіе Его Сыномъ Божиимъ, открытое имъ Отцомъ небеснымъ, папы и ихъ послѣдователи поставили чисто матеріальную и потому черство-деспотическую власть. Единство духа, вѣры и любви замѣнили единствомъ формальной власти, все и всѣхъ поглощающей. Въмѣсто водимаго духомъ Христовымъ человѣка, о которомъ говоритъ Апостоль, слѣдовательно человѣка слѣдующаго истинѣ и духовно свободнаго, который по этому самому и можетъ обо всемъ судить, тогда какъ самъ судимъ быть не можетъ, они принимаютъ всякаго человѣка, лишь бы только онъ одѣтъ былъ въ папскія туфли, рясу и тіару, такъ что, по этому представленію, всякій пьяница, всякій развратникъ, всякій безбожникъ и при всѣхъ этихъ свойствахъ еще недалекій по уму человѣкъ, какъ только будетъ облеченъ въ папскія одежды и инсигнии, тотчасъ же становится все судящимъ и ни отъ кого судимымъ духовнымъ чело-

вѣкомъ, — фундаментомъ, на которомъ зиждется зданіе міра, — основнымъ закономъ, отъ котораго исходятъ и которымъ поддерживаются порядокъ и стройность въ мірѣ, — тѣмъ херувимомъ или серафимомъ, чрезъ которыхъ получаютъ божественное просвѣщеніе нисшія духовныя силы. Положеніе буллы, что папа въ своихъ дѣйствіяхъ можетъ быть судимъ однимъ только Богомъ, находится въ прямомъ противорѣчій съ отреченіемъ Целестина V и со всѣмъ тѣмъ, что при этомъ говорено и учинено было. Приравненіе противниковъ излагаемой папской теоріи къ Грекамъ имѣетъ особый смыслъ. Средневѣковые папы употребляли всѣ усилія и средства, чтобы возможно отвратительнѣе представить дѣятелей Православной церкви предъ лицомъ Западныхъ народовъ; ненависть и отвращеніе къ дѣятелямъ Восточной церкви сами собою приводили къ ненависти и отвращенію также къ ея ученію и ея учрежденіямъ. Поэтому приравненіе средневѣковаго паписта къ Грекамъ должно было быть для него самымъ жестокимъ оскорбленіемъ. Со стороны папъ это была *ultima ratio* справедливости ихъ теорій.

Но попрекъ Греками былъ слишкомъ ничтоженъ въ сравненіи съ чудовищностію тѣхъ возрѣній, которыя проведены въ буллѣ. Король Филиппъ повелѣлъ своимъ сторонникамъ написать на нее опроверженіе тотчасъ же, какъ только она была получена во Франціи. Имущества всѣхъ епископовъ, аббатовъ, магистровъ и докторовъ, которые вопреки его волѣ отправились въ Римъ по зову папы, онъ повелѣлъ своимъ чиновникамъ „взять на сохраненіе“, для того, какъ онъ говорилъ, „чтобы во время ихъ отсутствія не потерпѣли оныя какого нибудь ущерба“. Въ концѣ года (1302) онъ послалъ къ Бонифацію своего канцлера, епископа Оксерскаго Петра Морнэ, и еще нѣсколько свѣтскихъ вельможъ, съ порученіемъ извѣстить онаго, что онъ болѣе не признаетъ его третейскимъ судьей въ своемъ спорѣ съ Фландріей и Англіей. вмѣстѣ съ этимъ на Морнэ возложено было

и другое порученіе — развить взгляды короля относительно взаимныхъ уступокъ и примиренія. Братъ короля, Карль Валуа, поддерживалъ эти мирныя переговоры и выражалъ надежду на возможность заключенія мира.

Хотя намѣреніе короля заключить миръ съ папою не совсѣмъ согласовалось съ послѣднимъ его рѣшеніемъ отказать папѣ быть третейскимъ судьей, тѣмъ не менѣе Бонифацій, сообразуясь съ ходомъ событій, который не такъ шель, какъ бы ему желалось, принялъ предложеніе короля и рѣшился заговорить о мирѣ. Съ этою цѣлію онъ отправилъ въ Парижъ любимаго здѣсь Француза изъ Амьеня кардинала Ле-Муана, чтобы предложить чрезъ него королю Филиппу разрѣшеніе отъ отлученія, въ которое онъ впалъ *ipso facto* вслѣдствіе запрещенія путешествій въ Римъ, и тѣ условія, на которыхъ, по мнѣнію папы, можетъ состояться миръ. Условія эти суть слѣдующія: 1) изданныя королемъ или его чиновниками воспрещенія идти на соборъ въ Римъ должны быть отмѣнены вмѣстѣ со всѣми конфискаціями имуществъ и пр., произведенными по этому случаю. 2) Должно быть признано преимущественное право папы на раздачу бенефицій и никто другой раздавать ихъ не можетъ, ибо раздача ихъ можетъ быть производима только съ нарочитаго или молчаливаго согласія папы. 3) Король обязывается объявить, что папа можетъ, безъ чьего бы то ни было дозволенія, посылать нунція во всякую страну. 4) Управление церковными имуществами и доходами принадлежитъ духовенству, а высшее управленіе и распоряженіе ими принадлежитъ папѣ; онъ, безъ чьего бы то ни было дозволенія, можетъ потребовать съ нихъ сотину или десятину и пр., какъ ему покажется лучше. 5) Никакой князь, вообще никакой мірянинъ, не долженъ обременять какимъ нибудь цензомъ церковныя имущества и права, и привлекать церковныхъ лицъ къ своему суду и арестовывать ихъ, хотя бы и по дѣ-

ламъ леннымъ. 6) Такъ какъ Филиппъ не препятствовалъ сожженію, въ своемъ присутствіи и въ присутствіи многихъ другихъ, буллы и письма съ изображеніями Апостоловъ Петра и Павла, то онъ обязывается доказать чрезъ уполномоченнаго предъ папою свою невинность, или понести наказаніе. 7) Король не долженъ злоупотреблять правомъ регалій при охраненіи упразднившихся кафедраловъ, не долженъ позволять выручать лѣса и пр., и излишекъ доходовъ обязуется сохранять будущему епископу. 8) Духовная власть должна быть возвращена прелатамъ и пр. 9) Король дважды измѣнялъ монету, ко вреду церкви, духовенства и мірянъ. Онъ обязанъ озаботиться возстановленіемъ и исправленіемъ ея. 10) Равнымъ образомъ должно послѣдовать улучшеніе и въ остальныхъ пунктахъ, которые поименованы въ письмѣ, принесенномъ нотаріемъ Іаковомъ Норманомъ. 11) Городъ Ліонъ не принадлежитъ Франціи и господинъ его — не король, а архіепископъ. 12) Если король не допуститъ улучшенія въ сказанныхъ пунктахъ въ теченіе срока, который обезпеченъ его братомъ, Карломъ (Валуа), и его послами, то папа поступитъ *spiritualiter et temporaliter*.

Король немедленно повелѣлъ изготовить отвѣтъ на эти требованія папы. 1) Онъ воспретилъ путешествіе въ Римъ не изъ недостатка вниманія къ церкви и также не однимъ только духовнымъ лицамъ, а по причинѣ возмущенія Фламандцевъ и для того, чтобы противодѣйствовать заговорамъ, которые образовались въ государствѣ. 2) Относительно раздачи приходоу онъ пользовался только тѣми правами, которыя практиковали также Людовикъ св. и другіе его предки. 3) Онъ никогда не воспретитъ входъ во Францію какому бы то ни было папскому легату, который не будетъ у него въ подозрѣніи. 4) Относительно управленія церковныхъ имуществъ и доходовъ онъ сообразовался съ правомъ и обычаемъ. 5) Духовныхъ лицъ онъ не привлекалъ къ суду за исключеніемъ случаевъ

дозволенныхъ и уже его предками практиковавшихся.

6) Что касается сожженной буллы, то она была уничтожена по предложенію Лаонскихъ судей съ тою цѣлю, чтобы ихъ болѣе не беспокоили изъ-за нея (Филиппъ, очевидно, намѣренно говоритъ о другой буллѣ, а не о той, которую разумѣетъ Бонифацій).

7) Въ отправленіи права регалій король слѣдуетъ лишь примѣру св. Людовика и другихъ своихъ предковъ. Если его чиновники заходили слишкомъ далеко, то онъ уже журилъ ихъ за это и въ будущемъ окажетъ помощь.

8) Духовенству онъ не препятствуетъ отправлять свою юрисдикцію по праву и обычаю.

9) Монету король измѣнялъ для того, чтобы имѣть возможность защищать страну, и, *по просьбѣ подданныхъ*, уже принялъ мѣры, чтобы устранивъ все жалобы относительно этого.

10) Кому чрезъ королевскаго чиновника оказана несправедливость, тотъ будетъ удовлетворенъ.

11) Король сожалѣетъ о тягостяхъ Ліонской церкви, постигшихъ ее вслѣдствіе ея спора съ городомъ. Но архіепископъ ея самъ виноватъ, если его постигли слѣдствія его отказа въ ленной присягѣ (Ліонскій архіепископъ считалъ Ліонъ принадлежащимъ Нѣмецко-Римской имперіи и претендовалъ на званіе императорскаго викарія и соединенную съ этимъ званіемъ власть. Напротивъ графы Ліонскіе изъ дома Гюгез признавали Ліонъ леномъ Франціи и противъ негодныхъ распоряженій архіепископа обратились за помощію къ Французскому королю, который, понятно, принялъ ихъ сторону. Бонифацій же, къ которому въ свою очередь обратился архіепископъ, рѣшилъ споръ въ пользу архіепископа и противъ короля. Граждане Ліона объявили себя противъ Бонифація за короля. *Inde ira*).

12) Король желалъ сохранить свое согласіе съ церковію, но и папа могъ бы помыслить объ этомъ и не позволять себѣ никакихъ нападеній. Если онъ будетъ недоволенъ этимъ отвѣтомъ, то король хочетъ судиться по взгляду герцоговъ Бургундскаго и Бре-

таньскаго, которыхъ вѣдь самъ папа предложилъ, какъ посредниковъ.

Этотъ отвѣтъ короля производитъ на непредвзятаго читателя болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ требованія папы. Правда въ нѣкоторыхъ пунктахъ (напр. 6) король представляется будто непонимающимъ языкъ своего противника, но вообще отвѣтъ его дышетъ умѣренностію и вращается въ сферѣ права, безспорно относящагося къ юрисдикціи короля, между тѣмъ какъ условія Бонифація выступаютъ изъ сферы юрисдикціи *первосвященника христіанской церкви*; они касаются интересовъ преимущественно мірскихъ, карманныхъ, эгоистическихъ и при томъ выражены, сравнительно съ королевскимъ отвѣтомъ, заносчиво, требовательно, деспотически. Но отвѣтъ короля не могъ понравиться Бонифацію потому, что онъ отклонялъ въ сущности все притязанія папы. Бонифацій и выразилъ это въ своихъ письмахъ къ Карлу Валуа и епископу Оксерскому, гдѣ онъ говоритъ, что предложенія короля противорѣчатъ истинѣ и справедливости и даже несогласны съ тѣми обѣщаніями, которыя дали ему при своемъ отъѣздѣ изъ Рима принцъ и епископъ Оксерскій. Въ то же самое время онъ поручилъ своему кардиналь-легату Ле-Муану объявить королю, что въ случаѣ, если онъ не исправитъ свои отвѣты, противъ него будетъ поступлено *spiritualiter et temporaliter*, т. е. что король будетъ отлученъ отъ церкви, клирикамъ подъ страхомъ отлученія и низложенія будетъ воспрещено совершать для него таинства и литургію и, какъ слѣдствіе всего этого, король будетъ лишенъ короны и подданные его будутъ разрѣшены отъ клятвы вѣрности. Духовнику короля, доминиканцу Николаю, было повелѣно чрезъ того же кардинала Ле-Муана немедленно явиться въ Римъ, для того, чтобы дать здѣсь отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ духовника короля, и сообразно тому быть третируему „апостольскимъ престоломъ“. Такъ самая исповѣдь обращена у папъ въ орудіе самой низкой политики!

Король Филиппъ съ своей стороны готовился нанести смертельный ударъ своему противнику. Примиреніе съ Бонифаціемъ, очевидно, было не возможно; одно отраженіе нападений со стороны Рима и подавленіе возмущеній, какія здѣсь и тамъ могли являться вслѣдствіе папскихъ возбуждательныхъ писемъ, было бесполезно и вело лишь къ безплодному истощенію въ средствахъ и къ утомленію. Лучшій способъ заставить молчаѣвъ' противника—напасть на его собственное больное мѣсто и здѣсь поразить его. Для такого нападенія все содѣйствовало Филиппу. Я уже выше замѣтилъ, какія тяжелыя обвиненія взвели на Бонифація, какъ Колонны, такъ и многія другія лица. И самъ кардиналъ Ле-Муанъ, вмѣсто того, чтобы сильнѣйшимъ образомъ дѣйствовать въ пользу папы, какъ это свойственно ультрамонтанамъ, въ настоящій-то именно разъ и распускалъ противъ него слухи, что онъ еретикъ, и призывалъ короля Филиппа освободить отъ него католическую церковь. По мѣрѣ развитія борьбы, обвиненія противъ Бонифація приведены въ систему, и король Филиппъ, разыгрывая роль защитника церкви, рѣшился теперь выступить съ обвиненіемъ противъ него и требованіемъ суда.

12 марта 1303 года онъ созвалъ въ Луврѣ чрезвычайное собраніе государственнаго Совѣта, гдѣ кромѣ вольможъ засѣдали и многіе прелаты. Хранитель государственной печати со времени смерти Флотта, Вильгельмъ Ногаретъ, обратился къ королю съ очень патетическою рѣчью, въ которой умолялъ его, какъ Богомъ поставленнаго и клятвою обязавшагося покровителя церкви, защитить ее противъ выскочки и ложнаго папы, вора и разбойника, еретика и симониста, собрать прелатовъ и бароновъ и вмѣстѣ съ ними содѣйствовать созванію всеобщаго собора. Предъ этимъ соборомъ Ногаретъ обѣщался привести впослѣдствіи и доказательства своихъ обвиненій противъ Бонифація, чтобы такимъ образомъ онъ, какъ недостойный, былъ осужденъ соборомъ и затѣмъ былъ избранъ кардиналами другой, истинный пастырь.

Спустя мѣсяць послѣ этого, 13 апр. 1303 г., Бонифацій снова написалъ своему кардиналь-легату во Франціи, что онъ отлучить короля отъ церкви, если этотъ не исправится. Не довольствуясь этимъ онъ въ тотъ же самый день изготовилъ еще двѣ буллы, въ которыхъ объявилъ, что король безъ всякаго сомнѣнія подвергнется отлученію, которое коснется всѣхъ, препятствующихъ путешествію въ Римъ, и приказывалъ Французскимъ епископамъ явиться въ Римъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Обѣ эти буллы были вручены для доставленія по назначенію Констанцскому архидіакону Бенефракту. Но Филиппъ повелѣлъ арестовать его въ Труа и отнять у него всѣ бумаги, какія у него находились. Послѣ этого кардиналь-легатъ счелъ за лучшее бѣжать изъ Франціи. Въ отвѣтъ на это Бонифацій издалъ 31 мая еще буллу, въ которой призывалъ всѣхъ жителей Ліона, Тарантази (Tarantaise), Эмбрюна, Безансона, Э, Арля, Вьенны, Бургундіи, Лотарингіи, Дофинэ и Прованса, сбросить съ себя цѣпи вассальства, которыя они на себя наложили,—иначе говоря, онъ призывалъ ихъ къ бунту противъ своего государя (1).

---

(1) Припомнимъ, что именно въ это самое время (30 апр. 1303 г.) Бонифацій призналъ Альбрехта, котораго онъ, какъ убійцу своего государя, уорно отказывался признать, Имѣцкимъ королемъ подъ условіемъ полнаго подчиненія церкви и защиты ея противъ враговъ (см. выше стр. 275 прим.). Послѣ этого Альбрехтъ, въ своемъ письмѣ къ Бонифацію отъ 17 іюля 1303 г., «исповѣдалъ, что онъ обязанъ папѣ и церкви величайшей благодарностію и что *апостольскій престолъ* далъ право извѣстнымъ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ избирать Римскаго короля и потомъ императора; также и остальные всѣ короли и императоры должны отъ этого престола получать *temporalis gladii potestas*». Кромѣ того онъ присягнулъ быть вѣрнымъ и послушнымъ папѣ и помогать ему при возстановленіи его владѣній. Въ другомъ документѣ, помѣченномъ тѣмъ же числомъ, онъ обязался бороться противъ враговъ церкви, каковымъ врагомъ ея въ данную минуту мыслился, съ точки зрѣнія папы, по преимуществу Филиппъ Красивый. Очень можетъ быть также, что Бонифацій приказалъ своимъ слугамъ проповѣдовать крестовый походъ противъ Филиппа, но эта проповѣдь не нашла теперь отклика.

Не прежде чѣмъ эта послѣдняя булла отъ 31 мая сдѣлалась извѣстною Филиппу, онъ согласно рѣшенію чрезвычайнаго собранія государственнаго Совѣта отъ 12 марта, собралъ, 13 іюня 1303 г., въ Луврѣ еще болѣе торжественное собраніе, состоящее изъ 30 прелатовъ и соотвѣтствующаго числа бароновъ и знаменитѣйшихъ юристовъ. Здѣсь рыцарь Вильгельмъ Плазіанъ или Дю-Плесси прочиталъ формальную обвинительную записку противъ Бонифація, который вопреки права завладѣлъ св. престоломъ и запятналъ его многими преступленіями. При этомъ Плазіанъ клялся св. Евангеліемъ въ томъ, что онъ говоритъ одну только истину, изъявлялъ готовность доказать всѣ свои показанія и заклиналъ короля, какъ защитника вѣры и церкви, содѣйствовать созванію всеобщаго собора. Относительно послѣдняго своего желанія онъ потребовалъ согласія также и отъ присутствовавшихъ на собраніи епископовъ. Такъ какъ дѣло, возбужденное Плазіаномъ, являлось выходящимъ изъ ряда другихъ дѣлъ, для папистовъ въ полномъ смыслѣ необыкновеннымъ, то епископы исходатайствовали себѣ срокъ для болѣе зрѣлаго размышленія. Но уже на слѣдующій день состоялось второе засѣданіе Собранія и теперь Плазіанъ предложилъ его вниманію не менѣе 29 обвинительныхъ пунктовъ противъ Бонифація. Но всѣ ихъ безъ погрѣшности можно свести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) онъ жестоко обходился съ своимъ предшественникомъ Целестиномъ V; знаменитыхъ ученыхъ мужей и монаховъ, защищавшихъ Целестина и утверждавшихъ, что папа не можетъ отречься, онъ подвергалъ жестокимъ наказаніямъ и заключалъ въ тюрьмы; 2) онъ еретикъ, не вѣруетъ въ безсмертіе души и загробную жизнь; не допускаетъ пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа, почему не оказываетъ евхаристіи должнаго почтенія; отвергаетъ посты; подвергаетъ анаѳемѣ, какъ еретиковъ, всѣхъ тѣхъ, которые отвергаютъ, что Францу-

зы должны подчиняться Нѣмецкому королю и папѣ; утверждаетъ, что папа даже не можетъ быть симонистомъ; 3) онъ предается волшебству, имѣетъ частнаго демона, занимается гаданіями; 4) онъ предается крайнему разврату, блудъ считаетъ такимъ же малымъ грѣхомъ, какъ потираніе рукъ (*fornicatio* не болѣе, какъ *fricatio*) и, не довольствуясь женщинами, занимается еще педерастіей; 5) духовными должностями и разнаго рода разрѣшеніями торгуетъ, какъ товаромъ, и даже не считаетъ это грѣхомъ; 6) крайне жестоко обходится съ кардиналами, клириками и монахами, многихъ изъ нихъ сѣкъ даже до смерти и принуждаетъ ихъ къ нарушенію исповѣдной тайны; о доминиканцахъ и миноритахъ онъ говаривалъ, что они лицемѣры и составляютъ несчастіе для міра, — вообще, онъ всегда и крайне поноситъ духовныхъ; 7) многихъ дворянъ лишалъ тайнства въ смертной опасности; 8) питаетъ глубокую ненависть и презрѣніе къ Французамъ и Французскому королю; онъ не стыдился утверждать, что желаетъ лучше быть собакою или осломъ, чѣмъ Французомъ, и что онъ готовъ погубить всю церковь, все христіанство и даже весь міръ, лишь бы только смирить Французскую гордость. Онъ грозился даже истребить всѣхъ Французовъ. Съ этою цѣлію онъ возбуждалъ противъ Франціи королей: Англійскаго, Сицилійскаго и Германскаго. Наконецъ, 9) онъ вообще является врагомъ мира между христіанами и тѣмъ, которые желали заключить миръ, онъ говаривалъ, что этого не должно быть, даже если бы Самъ Сынъ Божій и св. Петръ сошли на землю и потребовали мира. Вообще, онъ ищетъ не спасенія душъ, а ихъ погибели. По окончаніи доклада обвинительнаго акта, Плазіанъ объявилъ, что онъ предъявляетъ эти обвиненія противъ Бонифація отнюдь не изъ какой нибудь спеціальной противъ него ненависти, а единственно изъ ревности по вѣрѣ и изъ преданности къ церкви и св. престолу, и что онъ всякую минуту готовъ доказать ихъ истинность предъ всеобщимъ соборомъ, созванія ко-

торого онъ также, какъ Ногаретъ, всемѣрно желаетъ. Послѣ этого обратился съ рѣчью къ собранію самъ король. Онъ объявилъ, что совѣсть побуждаетъ его озаботиться созваніемъ всеобщаго собора и что онъ надѣется присутствовать на этомъ соборѣ лично, затѣмъ потребовалъ отъ присутствующихъ здѣсь епископовъ, чтобы и они также оказали ему въ этомъ свое содѣйствіе, и вслѣдъ за этимъ, дабы оградить себя отъ возможныхъ нападеній со стороны Бонифація, апеллировалъ къ будущему всеобщему собору и будущему истинному папѣ, и ко всѣмъ, къ кому можно апеллировать. Съ этимъ рѣшеніемъ короля тотчасъ же согласилось дворянство, согласился также и клиръ. Послѣдній объявилъ: „мы, архіепископы..., епископы..., и аббаты..., послѣ того, что мы слышали, считаемъ созваніе всеобщаго собора полезнымъ и совершенно необходимымъ, для того, чтобы, какъ мы желаемъ, невинность Бонифація сдѣлалась ясною. или чтобы соборъ^е произнесъ судъ о взведенныхъ противъ него обвиненіяхъ. Поэтому, не вредя почтительности въ отношеніи къ св. Римской церкви, мы готовы по силамъ содѣйствовать созванію и собранію всеобщаго собора, и въ случаѣ, если Бонифацію захочетъ выступить противъ насъ съ отлученіемъ, низложеніемъ и т. п., мы напередъ апеллируемъ ко всеобщему собору и будущему законному папѣ. Всѣхъ архіепископовъ и епископовъ, подписавшихся подъ этимъ адресомъ было 26, и затѣмъ еще нѣсколько аббатовъ. 24 іюня король повелѣлъ прочитать это рѣшеніе чрезвычайнаго государственнаго Собранія также и народу въ саду своего Луврскаго дворца. Затѣмъ онъ сталъ требовать согласія на свое рѣшеніе отъ епископовъ, не присутствовавшихъ на Собраніи, отъ университетовъ, капитуловъ, монастырей, городовъ, провинцій. Въ теченіе августа и сентября король получилъ свыше 700 адресовъ, въ которыхъ изъяслялось полное согласіе съ его рѣшеніемъ. Были и не соглашавшіеся; но такихъ или заключали въ

тюрьмы, или же, если они были иностранцы, изгоняли изъ страны. Во всякомъ случаѣ, несогласныхъ объявляли измѣнниками отечества. Вслѣдъ за тѣмъ Филиппъ разослалъ письма къ королямъ и князьямъ Европы, а также и къ самимъ кардиналамъ, приглашая всѣхъ ихъ собраться на всеобщій соборъ, который онъ рѣшился созвать изъ любви къ вѣрѣ и для блага церкви.

Католическіе писатели съ особенною ядовитостію указываютъ здѣсь на то, что король заключалъ несогласныхъ въ тюрьмы и вообще чинилъ надъ ними насилія; ergo, хотятъ они сказать этимъ, его дѣло неправое. Едва ли такъ. Если насиліе, или принужденіе кого либо къ чему нибудь служитъ несомнѣннымъ признакомъ неправоты принуждающаго и невинности претерпѣвающаго насиліе, то папская курія должна быть признана самымъ незаконнымъ учрежденіемъ, какое только знаетъ міръ; ибо она не только бичевала и ввергала въ тюрьмы непослушныхъ ей, но еще и сожигала ихъ и подвергала ужаснѣйшимъ пыткамъ, какія только могла изобрѣсть извращенная фантазія не знающаго состраданія чловѣка. Сила не въ томъ, что король чинилъ насилія. Они окажутся вполнѣ законными, если справедливо самое дѣло. Съ этой стороны король не уязвимъ. Если даже допустить, что обвиненія, взведенныя на Бонифація, всѣ сплошь — клевета, — и въ такомъ случаѣ право на сторонѣ короля и его правительства. Клевета или нѣтъ—эти обвиненія?—во всякомъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса, по общепризнанному, естественному чловѣческому праву, должно принадлежать суду, каковымъ для высшаго іерарха служитъ соборъ. Но клевета ли—всѣ эти обвиненія? Вопросъ этотъ самъ собою выяснится изъ дальнѣйшаго разсказа; теперь же довольно замѣтить, что и король Филиппъ и обвинители Бонифація сильно уповали на доказательность своихъ обвиненій, когда рѣшились перенести дѣло на судъ всеобщаго собора, на кото-

ромъ должны были присутствовать совершенно независимые отъ нихъ короли и князья и епископы другихъ странъ. Все это, конечно, говорить въ пользу короля и его правительства, пожелавшихъ собора. Но здѣсь наталкиваешься на догматъ всѣхъ догматовъ въ папствѣ: облеченный въ папскія одежды и инсигнii, хотя бы самъ по себѣ былъ безбожникъ, еретикъ, развратникъ, воръ и пр., есть все-таки папа и по этому самому никѣмъ судимъ быть не можетъ, ни даже вселенскимъ соборомъ. Да, въ этомъ догматѣ истинный трагизмъ и комизмъ папства! Но въ этомъ же и все его зло. Мнѣніе ультрамонтанъ, что Французскіе епископы, согласившіеся на предложеніе короля относительно созванія всеобщаго собора, явились по этому самому трусами и подлыми, и стремились къ схизмѣ, никакъ не можетъ быть переварено здравымъ человѣческимъ смысломъ, съ точки зрѣнія котораго они хотѣли быть въ этомъ случаѣ только совѣстливыми и справедливыми (Снес. 1 Петр. 3, 15).

Когда Бонифацій, переселившійся между тѣмъ изъ Рима въ свой отечественный городъ Ананьи, узналъ о рѣшеніяхъ Французскаго парламента, онъ поспѣшилъ клятвенно завѣрить въ консисторіи, что взведенныя на него обвиненія совершенно несправедливы. 15 августа 1303 г. онъ издалъ рядъ буллъ, которыя должны были, по его мнѣнію, все вывести въ свѣтъ и обнаружить злобу его враговъ. Булла *Nuper ad audientiam* направлена главнымъ образомъ противъ короля, который презрѣлъ спасительныя увѣщанія папы, не только не подчинился, какъ императоръ Θεодосій, церковному покаянію, но даже, чтобы отмстить ему, Бонифацію, принялся за хуленія и теперь требуетъ собора, *который однакожь можетъ быть созванъ однимъ только папою*. Бонифацій грозилъ, что будутъ приняты противъ короля и его участниковъ строгія мѣры, если они не исправятся. Въ тоже время онъ объявлялъ взведенныя на него обвиненія за хулы, говоря: „кто когда либо слышалъ, что мы за-

пятнаны ересью“ (1). Обвиненія короля не имѣютъ силы и потому, что они предъявлены имъ послѣ того, какъ апостольскій престоль обратился къ нему съ строгими порицаніями и укоризнами, тогда какъ прежде, когда апостольскій престоль былъ милостивъ къ нему, онъ признавалъ царствующаго папу и благочестивымъ и православнымъ (2). Наконецъ, если дать ходъ соблазнительному дѣлу, поднятому Франціей, авторитетъ апостольскаго престола будетъ поколебленъ (3). Въ остальныхъ буллахъ Бонифаціи лишаетъ Французскихъ докторовъ богословія и обоихъ правъ *venia docendi*, такъ какъ они, по его мнѣнію, возвращены королемъ Филиппомъ и потому, какъ зараженные, не могутъ отправлять свою учительскую должность до тѣхъ поръ, пока король не исправится и не принесетъ удовлетвореніе апостольскому престолу; предоставляетъ себѣ исключительное право замѣщенія упразддившихся Французскихъ бенефицій, и это для того, чтобы они не могли быть замѣщены измѣнниками (т. е. папѣ); объявляетъ (въ буллѣ: *Rem non novam*), что приглашенія явиться къ апостольскому престолу получаютъ свою правовую силу отъ того уже, что они были прибиты къ церковнымъ дверямъ на мѣстѣ куріи, вслѣдствіе чего всякая конфи-

(1) Подобнымъ же образомъ возражалъ и императоръ Фридрихъ II, когда Лионскій соборъ (1245 г.) осудилъ его за ересь; но никто изъ папскихъ историковъ не придаетъ никакой цѣны этому возраженію. Не придаютъ ему цѣны и папы.

(2) Упрекъ этотъ имѣетъ силу, но только съ формальной, кажущейся стороны. Развѣ сами папы даютъ и отнимаютъ свои милости не сообразно тому, какъ ихъ бьютъ *по карману* короли? Увы! жестокая правда! Съ другой стороны, ходъ событій указываетъ, что обвиненія противъ Бонифаціи накоплялись постепенно; слѣдовательно, прежде предварительнаго обслѣдованія ихъ они и не могли быть предъявлены.

(3) Весьма странный взглядъ на авторитетъ! Авторитетъ разрушается неправдами лицъ, стоящихъ въ авторитетѣ. По видимому позорная смерть Христа Спасителя только вознесла Его авторитетъ: *Тѣмъ же и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, и пр* (Филипп. 2, 9—11).

скація папскихъ буллъ, учиняемая Филиппомъ, становится недѣйствительной; Герарда (Gerardus, Girard), архіепископа Никозійскаго, что на о. Кипрѣ, низложилъ, какъ бунтовщика, перваго примкнувшаго къ королевскимъ аппеляціямъ ко всеобщему собору и ставшаго во главѣ остальныхъ Французскихъ прелатовъ, принявшихъ аппеляціи короля. Если посмотрѣть со стороны на эти распоряженія Бонифація, то, дѣйствительно, судъ противъ папы становится невозможнымъ: вселенскій соборъ не можетъ быть и созванъ кѣмъ либо другимъ, кромѣ папы, а самъ онъ, на вѣрное, не наложитъ на себя рукъ; всякое предпріятіе ниспихъ властей, самое справедливое, но только невыгодное для матеріальныхъ интересовъ апостольскаго престола, обидное для гордости папы, стѣсняющее произволь его страстей и его властолюбіе, тотчасъ же отменяется имъ, какъ якобы источникомъ власти. Такимъ образомъ чудовищное положеніе: *summum jus—summa injuria*, становится въ папствѣ источникомъ всякаго права, основнымъ закономъ, на которомъ покоятся всѣ остальные законы.

Многіе источники извѣщаютъ, что Бонифацій предлагалъ теперь Французскую корону Нѣмецкому королю Альбрехту, подобно тому, какъ нѣкогда точно такимъ же образомъ поступилъ Иннокентій III относительно Англійской короны, — предлагалъ, конечно, съ такимъ невыполнимымъ для Нѣмецкой имперіи условіемъ, если Альбрехтъ изгонитъ беззаконника—Филиппа. Наконецъ, къ 8 сентября Бонифацій изготовилъ еще буллу, *Super Petri solio*, въ которой въ страшныхъ торжественныхъ выраженіяхъ изрекаетъ анаѣму на Филиппа, и подданныхъ его разрѣшаетъ отъ присяги. Но Филиппъ предупредилъ; папскому—*summum jus summa injuria* онъ противопоставилъ: *ibi jus ubi vis*.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1303 г., т. е. ровно за два мѣсяца до чрезвычайнаго Собранія Французскихъ чиновъ въ іюнь, Ногаретъ отправился въ Италію съ

порученіемъ отъ короля, какъ въ послѣдствіи удостовѣрено, извѣститъ Бонифація о рѣшеніяхъ Французскаго правительства, духовенства, и народа и потребовать отъ него согласія на исполненіе этихъ рѣшеній. Очень можетъ быть, что наряду съ этимъ порученіемъ дано было Ногарету еще другое порученіе—въ случаѣ нужды (каковая нужда наиболѣе представлялась вѣроятною) овладѣть Бонифаціемъ съ тѣмъ, чтобы его силою заставить или отмѣнить всѣ послѣднія буллы, неблагопріятныя для Французскаго двора, или принудить его къ отреченію, или же, если онъ не согласится ни на то, ни на другое, привести его во Францію. Безъ труда Ногаретъ собралъ вокругъ себя отрядъ недовольныхъ Бонифаціемъ, которыхъ онъ и вооружилъ приличнымъ случаю образомъ. Сциарра Колонна былъ неизмѣннымъ спутникомъ и самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Ногарета. На разсвѣтѣ 7 сентября весь вооруженный отрядъ явился предъ воротами Ананьи, которыя тотчасъ же были имъ отворены по заранѣе условленному знаку. Съ знаменемъ Римской церкви и при восклицаніи: „да здравствуетъ король Франціи, долей Бонифація“, отрядъ вступилъ въ Ананьи. Всѣ кардиналы Бонифація разбѣжались, за исключеніемъ только двухъ: Остійскаго епископа Николая Бокказини (въ послѣдствіи Бенедикта XI) и Сабинскаго Петра. Вечеромъ заняли папскій дворецъ, при чемъ все папское имущество было разграблено, такъ что не уцѣлѣли даже самые архивы. Чтò затѣмъ учинено съ самимъ папою,—извѣстія о томъ различны. По показанію однихъ, будто бы заговорщики учинили надъ Бонифаціемъ крайнія насилія, при чемъ самъ онъ будто бы велъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, тогда какъ Ногаретъ увѣрялъ въ послѣдствіи наисильнѣйшимъ образомъ, что надъ Бонифаціемъ не было учинено никакого насилія. Изъ всѣхъ извѣстій за достовѣрное, кажется, нужно принять лишь то, что Ногаретъ, какъ причину ареста Бонифація, объявилъ ему: „твой выборъ оспаривается; ты самъ за-

подозрѣнъ въ ереси; поэтому созывается соборъ для рѣшенія“. Эта рѣчь, влагаемая въ уста Ногарета, согласуется какъ съ рѣшеніемъ Французскаго правительства, такъ и съ показаніями самого Ногарета, которыя онъ далъ въ послѣдствіи. Два дня морили голодомъ Бонифація, чтобы принудить его или къ отреченію, или къ отмѣнѣ буллъ, изданныхъ противъ Французскаго правительства. Но на третій день жители города Ананьи, вѣроятно, подстрекаемые сторонниками Бонифація, возстали за него и съ крикомъ: „да здравствуетъ папа, смерть измѣнникамъ!“ бросились на Французовъ и наемниковъ Ногарета. Завязалась кровавая драка. Ногареть и Сціарра Колонна бѣжали, Французы прогнаны и Бонифацій получилъ свободу. Послѣ этого онъ возвратился въ Римъ, но и здѣсь встрѣтилъ сильнаго врага себѣ въ могущественномъ Орсини (Маттео), племянникъ котораго, Наполеонъ Орсини, отступилъ отъ Бонифація еще въ Ананьи и примкнулъ къ сторонѣ его враговъ. Потрясенный всѣми этими событіями, онъ впалъ въ горячку и 11 окт. 1303 г. умеръ. Въ послѣдствіи враги его распустили молву, что онъ умеръ въ безуміи и съ отчаянія пожиралъ самого себя; но, по рассказамъ его сторонниковъ, онъ умеръ спокойной и достойною смертію. Равно также намекъ на трагическую кончину Бонифація заключается и въ слѣдующемъ пророчествѣ, изрѣченномъ про него будто бы его предшественникомъ Целестиномъ V: *Ascendisti ut vulpes, regnabis ut leo, morieris ut canis*. Если даже считать это пророчество выдумкой, чтò всего вѣроятнѣе, все-таки нельзя не видѣть въ немъ сознанія современниковъ о всемъ времени понтификатствованія Бонифація. Данте помѣстилъ Бонифація въ Адъ и назвалъ его „владыкою новыхъ фарисеевъ“.

Спустя 11 дней послѣ смерти Бонифація, на мѣсто его единогласно былъ избранъ (22 окт. 1303 г.),

кардиналь-епископъ Николай Бокказини, назвавшійся въ папствѣ Бенедиктомъ XI. Ничто не предвѣщало, чтобы король Филиппъ, его правительство, Колонны и др. отказались отъ борьбы съ Бонифаціемъ даже и послѣ его смерти. Къ этому побуждалъ ихъ и матеріальный, и духовный интересъ. Бонифацій былъ живъ для нихъ въ своихъ, враждебныхъ имъ, постановленіяхъ. Это одно; съ другой стороны требовалось дать печать законности своей борьбѣ противъ него. Все это новый папа понималъ отлично и потому немедленно, по своемъ восшествіи на престолъ, издалъ эдиктъ, которымъ отмѣнялъ карательныя сентенціи своего предшественника противъ Колонновъ; только не были имъ возвращены тѣ ихъ имущества, которыя находились уже въ другихъ рукахъ; равно также кардиналы Іаковъ и Петръ не были пока еще допущены въ составъ коллегіи. — Король Филиппъ отправилъ къ новому папѣ посольство съ письмами, въ которыхъ съ одной стороны поздравлялъ его съ восшествіемъ на папскій тронъ, а съ другой, и главнымъ образомъ, потребовалъ отъ него созванія всеобщаго собора для суда надъ Бонифаціемъ и отмѣны его опредѣленій, вредныхъ для Франціи и Французской церкви. Бенедиктъ, какъ только получилъ королевскія письма, тотчасъ же, въ присутствіи пословъ, отмѣнилъ всѣ отлучительныя сентенціи, которымъ подпалъ Филиппъ по какимъ бы то ни было причинамъ, и успѣшилъ сообщить объ этомъ въ дружескомъ письмѣ къ королю отъ 2 апр. 1304 г. Здѣсь онъ говоритъ въ началѣ, что онъ хочетъ упредить короля сладостію благословенія и затѣмъ трактуетъ сообразно притчѣ о потерянной овцѣ; ибо какъ не вознести на свои рамена столь благородную и словесную овцу?! Никто не долженъ порицать *episcopus urbis et orbis* за такое смиреніе. Въ заключеніе онъ просилъ короля вѣрить своему отцу, папѣ, и подумать хорошенько о томъ, что Іудейскій царь Іоасъ до тѣхъ поръ только и управлялъ счастливо и славно, пока слѣдовалъ совѣту первосвя-

ценника Юдая (4 Царств. гл. XII). Къ требованію всеобщаго собора, который долженъ судить его предшественника, онъ отнесся весьма сомнительно. Въ консисторіи онъ объявилъ кардиналамъ, что рѣшеніе объ этомъ дѣлѣ онъ предоставляетъ единственно себѣ.

Этотъ отвѣтъ папы, само собою понятно, не могъ удовлетворить Филиппа. Бенедиктъ, прощая, трактуетъ его, какъ заблудшую овцу, слѣдовательно считаетъ и самого Бонифація законнымъ и православнымъ папою, и всѣ распоряженія его правильными. Но Филиппъ считалъ себя отнюдь не заблудшею овцею, а, наоборотъ, защитникомъ и спасителемъ церкви отъ тирана, еретика и расхитителя словесныхъ овецъ. Ему нужно было не это произвольное и—потому—безсмысленное прощеніе въ несуществующемъ преступленіи, а осужденіе Бонифація; тогда не только его невинность, но даже положительныя его заслуги для церкви обнаружатся сами собою. Очень естественно, что Бенедиктъ не желалъ суда надъ Бонифаціемъ на всеобщемъ соборѣ; это противорѣчило теоріи папства и въ сущности равносильно было съ его стороны наложенію рукъ на себя. Но Филиппъ видѣлъ во всеобщемъ соборѣ единственное средство юридически и нравственно оправдаться предъ міромъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Бонифація. Такимъ образомъ ультрамонтанское начало, о неподсудности папъ какому бы то ни было собору, какъ лицъ, стоящихъ выше всякихъ соборовъ, стало здѣсь въ прямой конфликтъ съ выдвинутымъ Галликанскимъ началомъ о подчиненности папъ соборамъ, какъ высшимъ ихъ судилищамъ. Отъ этого интересъ борьбы изъ-за Бонифація лишь возрастаетъ.

Послѣ уклончиваго отвѣта Бенедикта XI относительно созванія всеобщаго собора для суда надъ Бонифаціемъ, Французскіе послы въ Римѣ стали дѣйствовать отдѣльно на кардиналовъ и достигли, наконецъ, того, что семеро изъ нихъ обѣщались содѣйствовать созванію такого собора. Въ тоже самое вре-

мя во Франціи явилась адресованная на имя короля записка, которая приглашала его защитить свободу и верховенство государства отъ нападеній умершаго папы, объявить его *еретикомъ* и достигнуть осужденія его, какъ *еретика*. Одновременно съ этою просьбою, въ ней, на основаніи св. Писанія, проводилась мысль, что царство и священство, согласно волѣ Божіей, должны быть раздѣлены и всегда существовали раздѣльно. „Богъ далъ прародителямъ и ихъ потомкамъ господство надъ міромъ (Втор. 1, 36), и они въ теченіе 3000 (2000!) лѣтъ были владыками, прежде чѣмъ Богъ далъ перваго священника, который въ то же время былъ и царемъ, именно Мелхиседека; но и онъ не былъ царемъ всего міра. Послѣ его смерти опять въ теченіи 600 лѣтъ не было никакого священника, пока Богъ не опредѣлилъ Моисея въ князя, а Аарона во священника своего народа. И когда Моисей умеръ, онъ передалъ княжескую свою власть не брату своему Аарону, а Иисусу (Навину). Когда потомъ земля была раздѣлена между 12-ю колѣнами, то колѣно священниковъ и левитовъ не получило никакого удѣла, а только десятину и пр., и когда Израиль потребовалъ царя, то Самуиль далъ ему въ цари, по Божьему указанію, не первосвященника, а Саула. Также и Верховный Первосвященникъ Новаго Завѣта, Христосъ, не имѣлъ ни какой свѣтской власти и не требовалъ, чтобы Иродъ и Пилать слушались Его, скорѣе повелѣлъ давать кесарю то, что кесарево. Равнымъ образомъ, ни Петръ, ни Павелъ и ни кто либо изъ ихъ преемниковъ не искали свѣтской власти, за исключеніемъ той, какую далъ церкви Константинъ великій (Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду грамоту о Константиновомъ дарѣ, которую онъ считаетъ за подлинную). *Бонифацій* былъ *первый* (?), который хотѣлъ распространить власть вязать и разрѣшать также и на временныя дѣла“. (Эта послѣдняя неправда сдѣлана, очевидно, для вящаго усиленія вины Бонифація).

Какъ еще ни наивна эта записка, но тѣмъ не менѣе она можетъ быть названа знаменіемъ времени и была чрезвычайно смѣлымъ шагомъ противъ всеподавляющаго папства. Филиппъ продолжалъ настаивать на созваніи всеобщаго собора для осужденія Бонифатія. По мѣрѣ того, какъ эти требованія короля о созваніи собора становились настойчивѣе, постепенно дѣлался уступчивѣе и Бенедиктъ, пока наконецъ рядомъ буллъ не отмѣнилъ, сначала по очередно одно за другимъ, а за тѣмъ и *en bloc* (огуломъ) всѣ опредѣленія своего предшественника, оскорбительныя для короля и вредныя для Франціи и Французской церкви.—значительно смягчилъ самую буллу *Clericis laicos* и даже даровалъ Франціи новыя привилегіи. вмѣстѣ съ этимъ онъ простилъ и всѣхъ тѣхъ Французовъ, которые участвовали въ арестованіи Бонифатія въ Ананьи, за исключеніемъ одного лишь Ногарета. 7 іюня Бенедиктъ издалъ эдиктъ, которымъ повелѣвалъ всѣмъ беззаконникамъ явиться къ нему на судъ ко дню Петра и Павла; но при поимянномъ перечисленіи этихъ беззаконниковъ оказались одни лишь Италіянцы, а изъ Французовъ—одинъ Ногаретъ. Беззаконники не явились. Бенедиктъ готовился наложить на нихъ анаѣму, но спустя нѣсколько дней (вѣроятно, 7 іюля) померъ. Смерть его была такъ быстра и неожиданна, что ее приписали отравленію.

Выборы новаго папы продолжались 11-ть мѣсяцевъ. Италіянская и Французская партіи въ коллегіи кардиналовъ снова противостали другъ другу съ ожесточеніемъ. Пущены были въ ходъ всевозможныя интриги: политическіе виды перемѣшались съ фамиліными интересами Италіянскихъ кардиналовъ; за тѣмъ, самые фамиліные интересы перекрещивались уже съ личными желаніями и видами того или другаго кардинала. Положеніе, въ какое попало папство, было крайне опасное и вопросъ, какого избрать папу—суроворѣшительнаго или мягкаго, уступчиваго, представлялся вопросомъ неразрѣшимой трудности. При томъ весь-

ма многимъ кардиналамъ хотѣлось самимъ надѣть на себя тиару. Борьба между Орсини и Колоннами, хотя послѣдніе и не находились между кардиналами, замѣтно давала себя знать и на этихъ выборахъ. Наконецъ, послѣ всевозможныхъ интригъ и взаимныхъ обмановъ, избранъ былъ (5 іюня 1305 г.) Бордосскій архіепископъ, родомъ Французъ, Вергранъ де Готъ, назвавшійся въ папствѣ Климентомъ V. Кардиналы, извѣщая его о выборѣ, попросили-было его отправиться въ Римъ, чтобы здѣсь короноваться и отсюда, по примѣру предшественниковъ, управлять церковію. Но Климентъ имъ повелѣлъ явиться въ Лионъ, гдѣ онъ намѣренъ короноваться, и кардиналы съ грустію должны были отправиться въ *Вавилонскій плынь*. 14 ноября совершилось коронованіе папы. Во время совершенія коронаціонной процессіи обрушилась одна старая стѣна, такъ что нѣсколько человѣкъ было задавлено ею. Самъ папа упалъ съ лошади, при чемъ тиара съ его головы упала и изъ нея потерянь одинъ драгоценный камень. Этотъ несчастный случай не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Уже въ самомъ Лионѣ, непосредственно послѣ коронованія Климента, Филиппъ настоятельно потребовалъ отъ него учрежденія суда для выслушанія обвиненій противъ Бонифація. Съ тѣми же самыми просьбами и требованіями обратились къ нему братъ короля графъ Людовикъ Эврѣ, графы Сень-Поль и Дрѣ и рыцарь Плазіанъ. Понятно, что эти требованія оказались также крайне непріятными для Климента, какъ они были непріятны и для предшественника его, Бенедикта XI. Судить и осудить Бонифація значило судить и осудить папство, это значило судить и осудить самихъ себя, что равносильно самоубійству. Климентъ старался затянуть дѣло и между тѣмъ удовлетворить требователей другимъ какимъ нибудь образомъ. Съ этою цѣлію онъ успѣшилъ возобновить всѣ разрѣшенія, которыя дарованы были его предшественникомъ Бенедиктомъ XI, и даже усилилъ ихъ: такъ онъ объявилъ короля

сполнит невиннымъ, тогда какъ Бенедиктъ, какъ видѣли, далъ ему разрѣшеніе въ такомъ родѣ, что при этомъ предполагалась на немъ вина. 15 декабря онъ назначилъ десять новыхъ кардиналовъ и между ними девять было Французовъ; обоихъ Колонновъ, Иакова и Петра, снова принялъ въ коллегію кардиналовъ; предоставилъ Филиппу на пять лѣтъ десятины отъ церковныхъ доходовъ во Франціи; смягчилъ эдиктъ Бонифація относительно приглашеній въ Римъ (*Rem non novam*) и совершенно отмѣнилъ буллу *Clericis laicos*. Но относительно буллы *Unam sanctam* объявилъ въ бреве *Meruit* (отъ 1 февр. 1306 г.), что она не наноситъ никакого вреда Франціи, ея королю и подданнымъ послѣдняго и что ею не возлагается на нихъ никакого подчиненія Римской церкви. Такое категоричное удостовѣреніе бреве *Meruit*, очевидно, находится въ прямомъ противорѣчій съ содержаніемъ и текстомъ *Unam sanctam*, но папа не смущался этимъ; утверждая завѣдаемую ложь, онъ достигалъ двухъ практическихъ цѣлей: успокаивалъ Французскаго короля и сохранялъ ученіе о политическихъ претензіяхъ Римской церкви. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій въ угоду Французскаго короля и Французовъ.

Въ маѣ 1307 г. Филиппъ въ другой разъ встрѣтился съ Климентомъ въ Пуатьерѣ и снова настоятельно потребовалъ отъ него образованія суда надъ Бонифаціемъ по предъявленнымъ обвинительнымъ на него пунктамъ. Климентъ началъ просить, умолять его, чтобы отказался отъ суда надъ „земнымъ намѣстникомъ Бога“ и предоставилъ все дѣло въ руки его, Климента. Король согласился было на его просьбу, и уже Климентъ изготавилъ было въ этомъ смыслѣ буллу (отъ 1 іюня 1307 г.), въ которой расточилъ самыя широкія отпущенія и разрѣшенія всѣмъ королевскимъ сторонникамъ, къ какой бы націи они ни принадлежали, даже самому Ногарету; но король снова возобновилъ свои требованія суда, и эта булла Климента осталась

лишь проэктомъ, не была обнародована. Какъ ни тяжело было, но наконецъ Климентъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить требованіямъ короля, образовать судъ надъ Бонифаціемъ и выслушать его обвинителей. Новыя затѣжки, какія онъ чинилъ, чтобы только какъ нибудь замѣять дѣло, служили лишь поводомъ къ предъявленію новыхъ требованій относительно образованія суда надъ Бонифаціемъ. Наконецъ, послѣ всевозможныхъ увертокъ, онъ издалъ 13 сент. 1309 г. пригласительную буллу къ обвинителямъ. Она гласила слѣдующее: „Съ того самаго времени, какъ мы, при содѣйствіи Божественнаго милосердія, вознесены на вершину верховнаго апостольства, возлюбленнѣйшій во Христѣ сынъ нашъ, знаменитый, какъ мы думаемъ и какъ онъ самъ показываетъ, ревностію король Франковъ Филиппъ, воспламенившись благоговѣніемъ къ православной вѣрѣ и полагая, что онъ премного окажетъ помощи церкви, настоятельно потребовалъ отъ насъ, въ первый разъ—когда мы съ своею куріей находились въ Лионѣ и потомъ—въ Пуатьерѣ, равно также настойчиво домогаются и возлюбленнѣйшіе сыны, благородные мужи графы: сынъ славной памяти короля Франковъ Филиппа Людовикъ Эврѣ, Гвидонъ Сенъ Поль и Иоаннъ Дрѣ, также рыцарь Вильгельмъ Плазіанъ, чтобы мы, преклонивъ благосклонный слухъ къ онымъ именно благороднымъ (*quod ipsis videlicet nobilibus*), удостоверяющимъ, что они желаютъ изложить еретическое преступленіе противъ нашего предшественника, папы Бонифація VIII, который, по ихъ словамъ, впалъ въ пропасть еретической пагубы, имѣютъ достаточныя основанія для доказательства онаго и желаютъ все сіе предложить намъ, потщились вступитъ на путь суда для принятія такимъ образомъ доказательствъ и для осужденія памяти сего почившаго“ (папы). Далѣе Климентъ увѣряетъ, что Бонифацій происходитъ отъ православныхъ родителей и изъ правовѣрной страны, большую часть своей жизни провелъ въ Римской куріи, былъ обле-

каемъ неоднократно легатствами, издавалъ разныя распоряженія въ интересъ вѣры и къ чести Божіей, всегда являлъ доказательства католичности своей религіи въ совершеніи литургіи, въ проповѣдяхъ и другихъ добрыхъ дѣлахъ, имѣлъ общеніе съ знаменитыми мужами всѣхъ странъ какъ предъ своимъ возведеніемъ на св. престолъ, такъ и послѣ,—вообще, по его, Климента, твердому убѣжденію, обвиненія, взводимыя на Бонифація, неосновательны. Но, такъ какъ дѣло идетъ о самомъ страшномъ и отвратительнѣйшемъ изъ всѣхъ преступленій—ереси, то онъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ короля и чтобы не показаться небрежающимъ о святѣйшей Римской церкви, матери всѣхъ вѣрующихъ во Христа и учительницѣ, всѣмъ предписывающей норму католической вѣры, захотѣлъ выслушать обвинителей онаго. Явиться имъ повелѣлъ въ Авиньонъ, куда онъ между тѣмъ и самъ переселился (въ началѣ 1309), къ понедѣльнику послѣ втораго великопостнаго воскресенія.

Въ Парижѣ имѣли основаніе быть недовольными этою пригласительной грамотой и въ послѣдствіи обвинители Бонифація навели на нее жестокую критику. Для настоящаго раза достаточно замѣтить, что въ грамотѣ сказано, будто и король на ряду съ другими желалъ быть выслушаннымъ въ качествѣ обвинителя Бонифація и требовалъ его осужденія. Если первую мысль, по казуистическому толкованію словъ буллы: *ipsis videlicet nobilibus*, и можно еще отвергнуть, то вторую, что король желаетъ осужденія Бонифація, никакой казуистикой нельзя вычеркнуть изъ разсматриваемой грамоты. Тѣмъ не менѣе Климентъ нашелъ возможнымъ удостовѣрить короля въ своемъ письмѣ къ нему отъ 2 февр. 1310 г., что въ его пригласительной грамотѣ отъ 13 сент. 1309 г. нѣтъ и намека на то, будто король принадлежитъ къ партіи, желаетъ осужденія Бонифація и, какъ обвинитель, приглашается къ показанію обвиненій; всѣ эти мысли вложены въ его грамоту кривотолками.

16 марта 1310 г. Климентъ, наконецъ, положилъ начало процессу противъ Бонифація въ открытой консисторіи въ присутствіи кардиналовъ, многихъ клириковъ и мірянъ. Отъ Французскаго короля явилось пять пословъ: одинъ клирикъ и четверо мірянъ, между которыми находились Ногаретъ и Плазіанъ. Явились и защитники Бонифація, числомъ 12, изъ которыхъ двое были его племянники. Прежде всего прочитали приглашительную буллу отъ 13 сент. 1309 г., послѣ чего Ногаретъ произнесъ рѣчь, содержаніе которой онъ обѣщалъ передать также и письменно. Затѣмъ началъ говорить одинъ изъ защитниковъ Бонифація; онъ воспротестовалъ противъ всякаго дальнѣйшаго движенія процесса, кромѣ лишь того, что сообразно требованіямъ права, конечно, съ ультрамонтанской точки зрѣнія. Папа велѣлъ имъ письменно изготovitъ къ ближайшей пятницѣ то, что они, каждая сторона, имѣли бы сказать въ пользу своего дѣла, и для приѣма ихъ записокъ назначилъ двухъ кардиналовъ.

Въ назначенный срокъ (20 март.) обѣ тяжущіяся стороны вручили кардиналамъ составленныя ими записки, защитники Бонифація—одну, въ которой кратко повторили свой протестъ, выраженный ими устно, Французскіе же послы—три записки вмѣстѣ съ спискомъ тѣхъ кардиналовъ, которые, какъ пристрастные, по ихъ мнѣнію, должны быть исключены отъ участія въ судопроизводствѣ. Двѣ первыя изъ этихъ записокъ были не что иное, какъ жалобы Ногарета (отъ 12 март. 1303 г.) и Плазіана (отъ 13 іюня того же года), подданныя ими на Бонифація Французскому государстvenному Собранію. Третья записка представляла критику на приглашительный эдиктъ Климента V отъ 13 сент. 1309 года. Ногаретъ и Плазіанъ объявили, что этотъ эдиктъ вреденъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для *negotium fidei* (что по тогдашнимъ понятіямъ равносильно было *auto da fé*), которое они начали противъ Бонифація еще при его жизни. Поэтому они протестуютъ противъ этого эдикта и объ-

являютъ, что они явились на судъ не вслѣдствіе его требованія, а добровольно, чтобы возобновить свои обвиненія противъ Бонифація. Далѣе, эдиктъ этотъ оказывается оскорбительнымъ также и для короля и его государства, для приглашенныхъ въ немъ графовъ и для всѣхъ тѣхъ, которыхъ касается это *negotium fidei*, и въ тоже время онъ страдаетъ многими погрѣшностями, потому что папа при его изданіи явно находится въ *errore facti*. Поэтому они требуютъ его отмѣны въ двойномъ свойствѣ, и какъ королевскіе послы, и какъ частныя лица. Если это случится, то и они также готовы доказать, что Бонифацій — выскочка, т. е. занялъ папскій престолъ при жизни законнаго папы, вопреки правиламъ церкви, еретикъ и порочнѣйшій челоуѣкъ. При этомъ они какъ частныя лица, присоукупили просьбу—поскорѣе выслушать показанія престарѣлыхъ свидѣтелей, а имена ихъ умолчать, чтобы они не подверглись ни какому преслѣдованію. Также справедливость требуетъ, чтобы устранены были отъ всякаго участія въ совѣщаніяхъ и переговорахъ тѣ изъ кардиналовъ, которые явно пристрастны въ этомъ дѣлѣ. Именно, многіе изъ нихъ преслѣдовали Ногарета, когда онъ пребывалъ въ Италіи, отняли тамъ у него деньги и удерживали покойнаго Бенедикта начать слѣдствіе противъ Бонифація. Однакожъ, изъ почтенія къ папѣ и св. коллегіи имена этихъ кардиналовъ не должны быть открываемы, если не станетъ для этого крайней нужды. Чтобы надлежащимъ образомъ оріентировать папу, Французскіе послы тотчасъ же сдѣлали обзоръ хода событій отъ выбора Бонифація до настоящаго часа, и потомъ перешли къ спеціальному разбору папскаго приглашительнаго декрета. Во первыхъ, думали они, онъ долженъ бы быть лично врученъ приглашаемымъ, а не только быть прибитъ въ Авиньонѣ. Но также онъ страдаетъ и матеріальными недостатками. Въ немъ, какъ предметъ слѣдствія, обозначено *одно* только обвиненіе противъ Бонифація, именно, что онъ умеръ въ ереси, — тогда какъ

въ дѣйствительности противъ него подняты *многія* обвиненія. Всѣ эти обвиненія умолчаны въ эдиктѣ, и напротивъ, ко вреду ихъ (обвинителей) Бонифацію расточена всякая похвала. Въ эдиктѣ сказано, что графы Эврѣ, Сень-Поль и Дрѣ и рыцарь Плазіанъ будто бы утверждали въ присутствіи папы, что Бонифацій *умеръ* какъ еретикъ. Это не такъ было, потому что обвиненія въ ереси выставлены были еще при жизни Бонифація, что естественно ведетъ за собою величайшее различіе въ доказательствахъ. Плазіанъ многократно переговарилъ съ папою объ этомъ дѣлѣ, но никогда не утверждалъ, что Бонифацій умеръ въ ереси, также какъ никогда онъ не требовалъ и осужденія его памяти. Далѣе, въ этомъ эдиктѣ графы Эврѣ и пр. поставлены совершенно на одну линію съ Плазіаномъ; но первые только объявили, что они *убѣждены* въ истинѣ обвиненій противъ Бонифація, но для *доказательства* оныхъ не они предлагали себя, а только онъ, Плазіанъ. Въ эдиктѣ сказано, что также и король требовалъ отъ папы не только выслушать обвинителей, но еще по формѣ права предать анаѣемъ память Бонифація. Это несправедливо и взваливаетъ на короля тяжкую неправду. Наконецъ, совершенно неизвѣстно упоминаемое въ эдиктѣ приглашеніе явиться на судъ къ Сртѣнію 1309 года. Послѣ этого Французскіе послы потребовали, чтобы имъ сообщены были имена защитниковъ Бонифація и чтобы эти не были допускаемы къ защитѣ до тѣхъ поръ, пока не выслушаютъ вполнѣ ихъ, обвинителей, и вслѣдъ за этимъ, предложивъ прежнія свои обвинительныя записки противъ Бонифація (отъ 12 март. и 13 іюня 1303 г.), Ногаретъ и Плазіанъ предъявили еще отдѣльныя свои предложенія, которыя они изъявили готовность доказать противъ Бонифація во всякое время, какъ только будетъ отмѣненъ разбираемый пригласительный эдиктъ. Равно также они протестовали и противъ изданнаго Бенедиктомъ XI приглашенія Ногарета и другихъ явиться къ нему на судъ въ Римъ и объявили, что

этотъ папа находился въ заблужденіи, обвиняя Ногарета въ личномъ оскорбленіи Бонифація и въ расхищеніи церковныхъ сокровищъ. Напротивъ, Ногаретъ защитилъ Бонифація и его племянниковъ отъ оскорбленія и, пожалуй, умерщвленія ихъ другими, и по мѣрѣ силъ охранялъ церковныя сокровища. Въ доказательство этого Ногаретъ дѣлаетъ обзоръ событій съ того момента, когда Франція потребовала всеобщаго собора, и освѣщаетъ происшествіе въ Ананьи въ такомъ смыслѣ, что онъ и его союзники только сообщили Бонифацію предложеніе короля о созваніи собора, а отнюдь не нападали на его лице. Бонифацій потомъ, на полной свободѣ, открыто разрѣшилъ ихъ отъ всякаго отлученія, хотя въ дѣйствительности они не попадали никакой такой сентенціи. Они дѣлали только то, что составляло право и было необходимо; поэтому рассматриваемое распоряженіе Бенедикта XI относительно ихъ должно быть отмѣнено и только то въ немъ должно остаться въ силѣ, что относится къ дѣйствительнымъ виновникамъ грабежа въ Ананьи.

Послѣ этого произошло еще семь открытыхъ засѣданій консисторіи (27 марта; 10, 11 и 25 апрѣля; 8, 11 и 13 мая, т. е. всего съ первымъ—8); обѣ тяжущіяся стороны истощались въ юридическихъ кляузахъ и отрицали другъ за другомъ право участія въ поднятомъ судебномъ процессѣ; дѣло затягивалось и папа только радовался. Французскіе послы требовали, чтобы онъ поспѣшилъ выслушать по крайней мѣрѣ престарѣлыхъ свидѣтелей, которымъ грозитъ опасность близкой смерти. Какъ, повидимому, ни резонно это требованіе, но Климентъ не вынялъ ему. Напротивъ, онъ все еще надѣялся замять дѣло. 23 мая того же 1310 г. онъ отправилъ къ Карлу Валуа очень горячее письмо, въ которомъ умолялъ его склонить короля, своего брата, предоставить слѣдствіе о Бонифаціи только ему, папѣ, и отозвать обвинителей, какъ это онъ уже обѣщалъ прежде. Но Филиппъ не только не склонился на это требованіе папы, но еще пожаловался

ему (3 июля), что учрежденіе комиссіи для выслушанія какъ престарѣлыхъ, такъ и вдали живущихъ свидѣтелей отодвинуто въ такую даль, что нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей уже умерли, другіе утрашены или даже плѣнены и умерщвлены друзьями Бонифація. Папа отвѣтилъ на эту жалобу короля письмомъ отъ 23 августа, въ которомъ старался показать неосновательность и преувеличеніе королевскихъ обвиненій. Относительно выслушанія свидѣтелей онъ замѣтилъ, что онъ уже учредилъ двѣ комиссіи: одну, состоящую изъ трехъ кардиналовъ родомъ изъ Франціи для выслушанія свидѣтелей, находящихся при куріи въ Авиньонѣ, и другую для выслушанія свидѣтелей, живущихъ въ Римѣ, Тусціи, Кампаніи, Ломбардіи и другихъ мѣстахъ Италіи. Но едва ли эти комиссіи учреждены не послѣ полученія жалобы короля и только помѣчены заднимъ числомъ. По крайней мѣрѣ такъ заставляютъ думать обстоятельства происшествій и самая помѣта образованія этихъ комиссій. Такъ образованіе Италіанской комиссіи помѣчено 28 іюня 1310 года, что, очевидно, отстоитъ весьма недалеко отъ 3 июля, времени жалобы короля. Это соображеніе подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ буллѣ объ учрежденіи Италіанской комиссіи папа засвидѣтельствовалъ, что еще отнюдь не рѣшено, слѣдуетъ ли выслушивать обвинителей или защитниковъ Бонифація, или даже никого изъ нихъ.

Наконецъ, въ теченіи августа и сентября, послѣ долгихъ и настойчивыхъ требованій, обѣ комиссіи, и Французская и Италіанская, начали производить выслушаніе свидѣтельскихъ показаній. Французская комиссія выслушала четырнадцать свидѣтелей, между которыми на половину были священники, аббаты, монахи, епископы. Предъ показаніемъ всѣ свидѣтели принесли торжественную присягу, что они будутъ говорить одну только правду и что они никѣмъ не подкуплены, ни утрашены. За тѣмъ всѣ 14-ть свидѣтелей единогласно (лишь въ разныхъ словахъ и выра-

женіяхъ) показали, что они собственными ушами слышали, какъ Бонифацій отвергалъ Божество Иисуса Христа, считалъ Его простымъ человекомъ, но лишь умнымъ и *magnus hurocista*, рожденіе Его отъ Дѣвы — смѣшнымъ, отвергалъ Троицу въ Божествѣ, загробную жизнь, безсмертіе души, рай и адъ, и пресуществленіе гостій. При этомъ нѣкоторые показали, что онъ всѣ три религіи: іудейскую, христіанскую и магометанскую одинаково признавалъ за изобрѣтеніе челоувѣческое (Подобное же обвиненіе прежде взводили на императора Фридриха II. Видно, такой взглядъ на религіи былъ очень распространенъ у тогдашнихъ рационалистовъ). Кромѣ того, пятеро изъ этихъ свидѣтелей (3. 9. 12. 13 и 14) показали, что они собственными ушами слышали, какъ Бонифацій отвергалъ существованіе плотскаго грѣха, утверждая, что „наслаждаться женщинами и мальчиками составляетъ столь же малый грѣхъ, какъ потирать руки“.

Итальянская комиссія выслушала 23 свидѣтеля, духовныхъ и мірянъ. Показанія ихъ немногорѣчивы, но болѣе разнообразны. Девятнадцать изъ нихъ показали, что Бонифацій высказывалъ тѣже самыя еретическія мысли, которыя извѣстны намъ и изъ показаній свидѣтелей предъ Французкой комиссіей. Шестеро объявили, что Бонифацій приносилъ жертвы демонамъ, имѣлъ съ ними общеніе и занимался некромантіей. Четверо утверждали, что онъ изрѣкалъ богохульства. Семь свидѣтелей удостовѣрили, что онъ предавался плотскому грѣху въ разнообразныхъ его видахъ, и съ женщинами естественнымъ и противоестественнымъ образомъ, и съ мальчиками. Показанія, или лучше—признанія ихъ въ этомъ отношеніи поразительны и до того циничны, что говорить о нихъ въ публичной рѣчи невозможно.

Между тѣмъ какъ производились эти выслушанія свидѣтелей, папа въ свою очередь продолжилъ держать открытыя засѣданія консисторіи для выслушанія обоихъ тяжущихся сторонъ: обвинителей и защитниковъ Бонифація. Но дѣло не подвигалось впе-

редь ни на шагъ: по прежнему объ спорюція стороны изошрялись лишь въ юридическихъ кляузахъ и по прежнему Климентъ только и заботился о томъ, какъ бы затянуть дѣло, не переставая въ тоже время умолять Филиппа отозвать обвинителей и ввѣрить рѣшеніе поднятаго вопроса лишь ему одному. Видя, что дѣло дѣйствительно затягивается въ безконечность, король, наконецъ, рѣшился склониться на мольбу папы—предоставить судъ надъ Бонифаціемъ только ему одному, тѣмъ болѣе, что и Климентъ съ своей стороны обѣщался, въ угоду короля, осудить Тамплиеровъ, судъ надъ которыми поднять Филиппомъ одновременно съ процессомъ противъ Бонифація. Въ февралѣ 1311 года король отправилъ къ Клименту обширное посланіе слѣдующаго содержанія: „Не смотря на то, что о Бонифаціи были распространены многіе худые слухи, именно, что онъ вошелъ въ овчарню не дверьми, я все-таки чтить его, какъ отца; но, когда дошли до моего слуха новыя жестокія обвиненія, и когда обвинители захотѣли доказать свои обвиненія предъ всеобщимъ соборомъ, то я, ради спасенія церкви, рѣшился приложить стараніе къ созванію такого собора. Тотчасъ же я послалъ-было къ Бонифацію посольство, именно—рыцаря Ногарета, этого поборника католической вѣры и единства церкви, съ порученіемъ извѣстить его объ оныхъ обвиненіяхъ и потребовать созванія собора. Но Бонифацій не только старался арестовать этихъ пословъ въ разныхъ мѣстахъ, но даже и уничтожить ихъ. Когда же Ногаретъ наконецъ долженъ былъ лично явиться къ Бонифацію, чтобы передать ему королевское извѣстіе, то, изъ страха за свою жизнь, онъ окружилъ себя людьми вооруженными, но строго внушилъ имъ не налагать руку на недозволенное. Поелику, однакожь, Бонифацій и въ отечественномъ своемъ городѣ былъ ненавидимъ въ такой же мѣрѣ, какъ и повсюду, то къ Ногарету примкнули многіе такіе, которые теперь вопреки его волѣ учинили разныя безчинства, и учинили бы еще болѣе, если бы онъ по си-

ламъ не противосталь имъ. Послѣ смерти Бонифація я просилъ объ изслѣдованіи взведенныхъ противъ него обвиненій папу Бенедикта и возобновиль эту просьбу у папы Климента уже въ Лионѣ и потомъ во второй разъ въ Пуатьерѣ. Этотъ папа, озабоченный другими дѣлами, именно—попеченіемъ о св. Землѣ и мирнымъ посредствомъ между Франціей и Англіей, равно также печальнымъ дѣломъ Тамплиеровъ, хотя и не могъ заняться тѣмъ дѣломъ тотчасъ же, однакожь въ возможнѣйшей скорости положилъ начало и выслушалъ многихъ свидѣтелей. Рѣчами и противорѣчіями защитниковъ и обвинителей Бонифація дѣло затянуто, и многіе того мнѣнія, что оно скорѣе и легче можетъ быть покончено, если будетъ предоставлено папѣ, *которому оно принадлежитъ принципиально*. Правда, теперь устранены нѣкоторыя препятствія для болѣе быстрого хода дѣла, но папу и короля сильно озабочиваетъ о Христѣ другое важнѣйшее дѣло—Тамплиеровъ, которое хотя и хорошо начато, но еще не доведено до конца; оба эти дѣла, относительно Тамплиеровъ и Бонифація, папа надѣется покончить счастливо, во славу Божію и церкви, если истина предварительно будетъ обслѣдована на предстоящемъ соборѣ. Поелику теперь папа избѣгаетъ доселѣшняго ненавистнаго хода процесса (противъ Бонифація) и желаетъ поступать въ этомъ дѣлѣ безъ многорѣчія формальныхъ обвиненій на основаніи лишь собственной служебной обязанности, то и я также хочу теперь, согласно многократнымъ его просьбамъ, вполне предоставить ему оное дѣло, покончить ли онъ его на соборѣ, или иначе какимъ нибудь образомъ“. Сообразно этому королевскому рѣшенію, и графы Эврѣ, Сень-Поль и пр. написали къ папѣ отъ 14 февр. 1311 г., что они, во вниманіе къ величайшей ревности, которую онъ оказалъ противъ ереси, именно въ дѣлѣ Тамплиеровъ, предоставляютъ обвиненія противъ Бонифація и все веденіе процесса только ему одному, папѣ.

Такимъ образомъ Климентъ достигъ, наконецъ, своей цѣли: дѣло Бонифація было передано исключительно въ его руки. Не трудно было предвидѣть, что онъ постарается оправдать своего предшественника. Не было при этомъ основанія не опасаться и того, какъ бы обвинители Бонифація, поднявшіе процессъ противъ него, не были выставлены въ неблагопріятномъ свѣтѣ, дѣйствовавшими по злобѣ, враждѣ, изъ страсти мщенія. Слѣдовало обезопасить себя съ этой стороны, слѣдовало побудить папу спеціально объявить относительно ихъ, что въ процессѣ противъ Бонифація они дѣйствовали *bona fide*, изъ ревности къ вѣрѣ и для блага церкви. И дѣйствительно Климентъ, по настоянію короля, обязалъ многихъ кардиналовъ и другихъ клириковъ довести до его свѣдѣнія къ 14 апр. 1311 г., что они знаютъ о благихъ намѣреніяхъ короля и его союзниковъ въ дѣлѣ Бонифація. Показанія, сообщенныя кардиналами по этому запросу Климента, проливаютъ весьма много свѣта на все понтификатство Бонифація и съ этой стороны важны.

Бывшій духовникъ Филиппа, возведенный Климентомъ V въ достоинство кардинала, Николай, письменно показалъ слѣдующее: „Около 13 лѣтъ предъ симъ, когда король (лѣтомъ 1297 г.) стоялъ лагеремъ во Фландріи подлѣ города Лилля, къ нему пришли два доминиканца, посланные кардиналами Колоннами, и принесли письмо и документы такого содержанія, что Бонифацій выскочка и еретикъ и что король, какъ поборникъ вѣры, обязанъ озаботиться для раскрытія истины созваніемъ всеобщаго собора.... Король отвѣтилъ устно, что онъ займется этимъ дѣломъ; но его духовникъ Николай, отсвѣтывалъ ему вступаться въ оное, поелику обвиненія невѣроятны. Когда, спустя два мѣсяца, пришло извѣстіе о канонизаціи Людовика св.—нѣкоторые говорили: „радость была бы еще большая, если бы совершилъ такое дѣло другой папа, мужъ законно избранный и католическій“. По возвращеніи короля изъ Фландріи, дурные слухи о Бонифаціи уве-

личились. Письма, вѣстники и послы, возвратившіеся изъ куріи, принесли всякаго рода извѣстія. Одни говорили, что Бонифацій имѣетъ при себѣ дьяволенка; другіе утверждали, что онъ совершаетъ идолослуженіе, и блудодѣяніе и педерастію считаетъ за нѣчто безразличное. Спустя около года король сказалъ своему духовнику Николаю, будто многіе кардиналы писали ему, что Бонифацій отнюдь недобрый христіанинъ и тѣлу Господа не оказываетъ никакого почтенія. Однимъ изъ этихъ кардиналовъ былъ Іоаннъ ле-Муанъ; въ особенности же извѣстія всякаго рода, именно что Бонифацій не вѣритъ въ загробную жизнь и пр., приносилъ Эдесскій пріоръ, теперешній аббатъ Сень-Медарда, который былъ часто посылаемъ въ Римъ. Эти столь многочисленныя и отъ достовѣрныхъ мужей исходящія слухи нашли вѣру, хотя, быть можетъ, они были неосновательны, и возбудили въ королѣ и его подданныхъ добрую и справедливую ревность. Точно такую же ревность имѣли и графы Эврѣ и пр. и оба рыцаря (Ногаретъ и Плазіанъ)... Но что касается плѣненія Бонифація и дальнѣйшихъ при этомъ происшествій, то я думаю, что король вполне невиненъ въ этомъ".— Кардиналъ Наполеонъ Орсини писалъ въ своемъ показаніи, что онъ, хотя и не знаетъ точно, но *слышалъ*, будто бы кардиналы Симонъ (Больѣ) и Іоаннъ ле-Муанъ просили короля оказать помощь церкви противъ Бонифація; самъ же онъ говорилъ о величайшей опасности для церкви и о необходимости, чтобы Французскій король пришелъ къ ней на помощь, Карлу Валуа, когда онъ, призванный Бонифаціемъ, былъ въ Италіи. Въ подобномъ смыслѣ онъ писалъ также и къ самому королю. Въ заключеніе онъ удостовѣрялъ, что ревность Французскаго короля, графовъ Эврѣ и пр., и рыцарей Ногарета и Плазіана онъ признаетъ *благою*. Точно такое же удостовѣреніе далъ и кардиналъ-пресвитеръ Іоаннъ (ле-Муанъ), съ прибавленіемъ, что онъ, если онъ правильно помнитъ, самъ неоднократно говорилъ королю Филиппу и другимъ, что Бонифацій ере-

тикъ, и что тоже самое утверждали предъ королемъ кардиналь Симонъ (Болье) и многіе инквизиторы изъ ордена Миноритовъ.—Кардиналь Петръ Колонна сообщилъ, что какъ онъ самъ, такъ и его дядя Іаковъ Колонна призывали Французскаго короля на помощь церкви противъ Бонифація; что послѣдній былъ заподозрѣнъ въ ереси еще во время его кардинальства папою Целестиномъ V, и инквизиторъ въ Римской провинціи Леонардъ, уже составилъ-было объ этомъ протоколъ, но дѣло было затушено двумя кардиналами: Маттео Россо и Aquasparta; что и сами они, Колонны, слышали отъ него подозрительныя слова, и что, наконецъ, онъ весьма жестоко обходился съ своими противниками, которыхъ онъ заковывалъ въ цѣпи, ввергалъ въ тюрьмы, доводилъ до смерти и погребалъ въ нечистыхъ мѣстахъ. Кардиналь Іаковъ Колонна съ своей стороны подтвердилъ, что онъ сообщалъ Французскому королю какъ о незаконномъ возвышеніи Бонифація на папскій престолъ, такъ равно и о ходячихъ слухахъ относительно его постыдныхъ и противоестественныхъ распутствъ, его еретическихъ воззрѣній и его общенія съ демонами. Естественно поэтому, что и кардиналы Колонны признали ревность короля въ дѣлѣ противъ Бонифація благою и доброю.—Большее сравнительно съ другими подробностію отличается сообщеніе аббата Сенъ-Медарда, Петра. Онъ показалъ: „Палестринскій кардиналь Симонъ (Болье) объявилъ въ моемъ присутствіи королю, будто его увѣряли лица, заслуживающія полного довѣрія, что Бонифацій есть еретикъ и идолослужитель, не вѣритъ въ воскресеніе и рожденіе І. Христа отъ Дѣвы, вторгся въ овчарню, какъ воръ и разбойникъ, и кричалъ папѣ Целестину въ ночное время чрезъ рупоръ, какъ бы это говорилъ ему самъ Ангелъ, что, если онъ не отречется (отъ папскаго трона), то пойдетъ въ адъ. Уже Целестинъ хотѣлъ-было лишить его за ересь кардинальскаго достоинства, но Іаковъ Колонна и его друзья воспротивились этому. Когда потомъ я, въ ка-

чествѣ посла Французскаго короля, пришелъ въ томъ же году въ Римъ, то кардиналы Иаковъ и Петръ Колонны, Гугонъ Остійскій, Петръ Аквиланъ и Тома де Горреа (Окреа) разсказали мнѣ о Бонифаціи тоже самое, даже еще худшее, и просили меня доложить объ этомъ королю, чтобы онъ пришелъ на помощь церкви, что я тогда и исполнилъ. Король снова отослалъ меня въ Римъ съ порученіемъ осторожно и безъ огласки (*ca ute et secrete*) предостеречь папу относительно ходячихъ слуховъ, чтобы онъ исправился и предотвратилъ опасность отъ церкви. Но Бонифаціей обругалъ меня худымъ монахомъ и просилъ короля вѣрить не мнѣ, а Неаполитанскому королю Карлу, который въ скоромъ времени долженъ былъ прибыть во Францію. Послѣ того Французскій король послалъ къ Бонифацію Вильгельма Ногарета съ товарищами, чтобы они довели до его свѣдѣнія о ходячихъ жалобахъ и потребовали всеобщаго собора. Когда король услышалъ, что папа покушается на жизнь этихъ пословъ, то послалъ къ нимъ меня съ приказомъ взять ихъ порученіе на себя и, если бы и я не былъ допущенъ къ Бонифацію, обнародовать его въ городахъ Италіи. Я знаю, что король, графы Эврѣ, Сень-Поля и Дрѣ и рыцари Ногаретъ и Плазіанъ дѣйствовали руководимые вполне чистою ревностію.—Увѣренность въ совершенно чистой ревности короля и его союзниковъ въ ихъ процессѣ противъ Бонифаціи выразили также кардиналъ Ландульфъ, кардиналъ епископъ Тускулумскій Беренгаръ, епископъ Байссскій и нѣкоторые другіе клирики и міряне.

Опираясь на эти показанія, Климентъ объявилъ 27 апрѣля 1311 года, что король Филиппъ дѣйствовалъ безпристрастно въ отношеніи Бонифаціи, равно также и всѣ остальные его обвинители дѣйствовали *bona fide*. Послѣ отступленія обвинителей естественно должны были удалиться и его защитники. Все дѣло предоставлено было теперь папѣ, и онъ, чтобы показаться вполне безпристрастнымъ, поспѣшилъ

пригласить всякого, кто что либо имѣеть сказать за или противъ Бонифація, сообщить ему эти свои свѣдѣнія. Какъ бы въ отвѣтъ на это приглашеніе, въ Италіи продолжалось выслушиваніе свидѣтелей и въ теченіе слѣдующаго мѣсяца мая.

Того же 27 апрѣля 1311 г. Климентъ издалъ цѣлый рядъ обширныхъ буллъ относительно процесса противъ Бонифація. Важнѣйшая изъ нихъ есть *Reh gloriae*, адресованная на имя короля. Она начинается антибонифаціевымъ положеніемъ, что также и свѣтскія власти учреждены Богомъ и что Франція, какъ избранный народъ, занимаетъ почти тоже положеніе въ Новомъ Завѣтѣ, какое Израиль занималъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Послѣ этого вступленія слѣдуетъ историческій рассказъ. „Король Филиппъ объявилъ папѣ, что ему часто было сообщено высокими и авторитетными лицами, что Бонифацій вошелъ въ овчарню не дверьми и запятнанъ ересью, и что король для спасенія церкви, которой угрожала великая опасность какъ по причинѣ незаконнаго восшествія на престолъ Бонифація, такъ равно и по причинѣ его омерзительныхъ дѣяній и причиняемаго имъ соблазна, обязанъ озаботиться созваніемъ всеобщаго собора. Король, который лучше желалъ бы прикрыть стыдъ отца собственной мантией, наконецъ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ относительно собора, тѣмъ болѣе, что твердое убѣжденіе въ справедливости и неопровержимости тѣхъ обвиненій выразили также графы Эврѣ, Сень-Поль и Дрѣ, и другіе высоко-авторитетные мужи духовнаго и свѣтскаго званія. При этомъ король желалъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ему его собственная совѣсть (*sicut teste conscientia exoptabat*), чтобы невинность Бонифація обнаружилась; но если бы это не удалось, то, по устраненіи выскочки (*illegitimo*) и его беззаконій, церковь получила бы истиннаго пастыря. Король, по согласію съ своими прелатами, баронами, коллегіями, корпораціями и городами, а также и съ другими королями и князьями, предпринялъ это дѣло изъ ревности къ вѣрѣ и праву, въ интересѣ церкви и всего христіан-

скаго міра, и потребоваль уже отъ Бонифація и, послѣ его смерти, отъ папы Бенедикта, наконецъ и отъ насъ уже въ Лионѣ и неоднократно въ Пуатьерѣ, чтобы созванъ былъ соборъ для обслѣдованія этихъ обвиненій. Другіе, въ противоположность этому объявили себя готовыми защищать Бонифація и утверждали, что король потребоваль такого слѣдствія болѣе по злобѣ и ненависти, чѣмъ изъ любви къ вѣрѣ и изъ ревности къ праву; что обвиненія противъ Бонифація клеветническія; что король и нѣкоторые изъ обвинителей святотатственно плѣнили Бонифація, и что ко всему этому они еще смертельные его враги, такъ что ихъ обвиненія даже и не должны быть принимаемы. Но, со стороны короля и обвинителей, было доказано (посредствомъ точнаго изложенія историческаго хода событій) ихъ доброе и чистое намѣреніе въ этомъ дѣлѣ, и удостовѣрено, что король отнюдь не приказываль дѣлать какое бы то ни было нападеніе на лице и жилище папы и глубоко сожалѣеть, если Ногаретъ и другіе учинили что либо несправедливое. Взвѣсивая теперь, что строгое проведеніе этого дѣла очень вредно интересу св. Земли и, какъ уже показало начало, исполнено опасностей, папа увѣщеваль и просилъ короля, чтобы онъ, взявъ назадъ обвиненія, предоставилъ это дѣло единственно только ему, папѣ, и церкви. Но такъ какъ король, однакожъ, твердо стоялъ на своемъ требованіи (слѣдствія и суда надъ Бонифаціемъ), то папа съ осторожностію и безъ поспѣшности въ опредѣленный срокъ началъ процессъ и продолжилъ его. Не рѣшая о томъ, должны ли быть допущены обвинители или защитники, онъ прежде всего счелъ за необходимое изслѣдованіе о ревности и мотивахъ короля и обвинителей и теперь можетъ объявить, что всѣ они поступали изъ чистой ревности, по благимъ побужденіямъ. Ногаретъ увѣряль предъ папою и консисторіей наипредѣленѣйшимъ образомъ, что король поручилъ ему лишь сообщить Бонифацію взведенныя на него обвиненія вмѣстѣ съ требованіемъ всеобщаго собора, и

только преслѣдованія послѣдняго вынудили его явиться къ нему съ вооруженною свитой. Но Бонифацій, пренебрегши онимъ требованіемъ всеобщаго собора, умыслилъ худыя дѣла не только ко вреду Франціи, но и всей церкви, и погубилъ бы себя и церковь, если бы его, съ Божіей помощію, не предупредили. Итакъ, только изъ чистой ревности по Богѣ и вѣрѣ и для защиты церкви и отечества случилось все то, что онъ (Ногаретъ) и его спутники содѣлали въ Ананьи, и ими ничего не учинено несправедливаго. Грабежъ и всякія прочія несправедливости случились противъ ихъ воли. Поэтому папа объявляетъ теперь короля Филиппа вполне невиннымъ относительно плѣненія Бонифація, разграбленія сокровищъ и всѣхъ прочихъ дѣлъ, которыя тогда случились. Когда папа хотѣлъ далѣе вести процессъ противъ Бонифація, то защитники послѣдняго сдѣлали предложеніе отказаться отъ процесса и предоставить его единственно только ему, папѣ, чтобы онъ сдѣлалъ то, что требуется его должностію. Подобное, по просьбѣ папы, объявили также король и обвинители. Но, чтобы отъ этого не произошло имъ какогонибудь вреда, папа кассируетъ всѣ сентенціи, установленія, низложенія, наказанія, процессы, и пр., которые, какънибудь и по какимъ бы то ни было основаніямъ, даже по причинѣ происшествій въ Ананьи, были сдѣланы или изрѣчены къ вреду короля, его государства, его подданныхъ и союзниковъ, живы ли они или уже умерли, самимъ ли Бонифаціемъ со дня всѣхъ святыхъ 1300 г., или отъ имени его авторитета, или послѣ его смерти Бенедиктомъ. Только двѣ конституціи: *Unam sanctam* и *Rem non movam* должны оставаться въ силѣ съ сдѣланными уже въ нихъ измѣненіями. Равно также изглаждается всякое пятно безславія, которое отпечатлѣлось, за исключеніемъ лицъ нижепоименованныхъ, на королѣ или его слугахъ и приверженцахъ, по причинѣ какогонибудь оскорбленія Бонифація, или его арестованія, или разграбленія церковнаго сокровища,

или по причинѣ какого бы то ни было дѣйствія, которое при томъ арестованіи случилось, да и въ будущее время никто болѣе не можетъ быть привлеченъ изъ-за этого къ допросу. Но, чтобы сдѣлать относящіяся сюда сентенціи, конституціи, деклараціи, отмѣны привиллегій, отрѣшенія, отлученія, интердикты, лишенія и пр. совершенно безвредными, папа повелѣлъ уничтожить ихъ въ кодексахъ Римской церкви, равно какъ и всѣ прочіе экземпляры ихъ, у кого они находятся, должны быть, подъ страхомъ отлученія, уничтожены въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ⁽¹⁾. Но вышеозначенныя опредѣленія (освобожденія) не простираются на Вильгельма Ногарета, Райнальда Супино, Тому Мороло, Сиарру Колонну и другихъ, которые присутствовали при плѣненіи Бонифація и разграбленіи сокровищъ, а также на гражданъ Ананьи, относительно которыхъ будетъ опредѣлено, что слѣдуетъ, въ другой разъ“.

Такимъ образомъ, Ногаретъ и остальные непосредственные участники въ Ананьйскихъ событіяхъ, не смотря на доказанную ими чистую и благую свою ревность, все-таки на первый разъ не удостоились освобожденія отъ отлучительныхъ сентенцій предшествовавшихъ папъ; „пятно ихъ безславія“ пока еще представлялось неизладимымъ. Но уже въ другой буллѣ отъ того же самого числа (*Licet Guillelmus de Nogareto*) было объявлено: „Поелику Ногаретъ доказалъ свою невинность и удостовѣрилъ, что Бенедиктъ учинилъ ему несправедливость, то настоящій папа, по ходатайству Французскаго короля, разрѣшаетъ его *ad cautelam* отъ всѣхъ изданныхъ противъ него сентенцій, но также *ad cautelam* и налагаетъ на него эпитимію, именно, чтобы онъ принялъ участіе въ ближайшемъ крестовомъ походѣ и, если не сократитъ

⁽¹⁾ Не смотря на эту кассацію, все-таки сентенціи, конституціи и пр. Бонифація были сохранены потомству, какъ его приверженцами, такъ и противниками, и въ интересахъ совершенно противоположныхъ.

срокъ его эпитиміи настоящій папа или его преемникъ, обязывается и впредь постоянно служить на пользу св. Земли. До осуществленія же крестоваго похода обязанъ совершить извѣстныя полонничества (которыя точно обозначены въ буллѣ). Подобная же милость оказана и остальнымъ лицамъ, которыя исключены изъ общаго прощенія въ главной буллѣ; только расхитители церковнаго сокровища остались не прощенными.

16 октября 1311 г. былъ открытъ во Вьеннѣ соборъ, который паписты считаютъ XV вселенскимъ соборомъ. Было ли поднимаемо на этомъ соборѣ дѣло о Бонифаціи?—подлежитъ сомнѣнію; потому что Климентъ V ни словомъ не упомянулъ о немъ ни въ пригласительной буллѣ къ епископамъ, ни въ рѣчи, сказанной при открытіи засѣданій собора и перечисляющей предметы его занятій (предметы эти суть: а) дѣло Тамплиеровъ; б) помощь св. Землѣ, и с) реформа нравовъ и въ особенности клира), и потому, что о немъ умалчиваютъ многіе изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ ему писателей. На этомъ основаніи нѣкоторые изъ знаменитыхъ католическихъ историковъ (какъ, напр., Пагій, Боверь) положительно отвергаютъ, чтобы дѣло о Бонифаціи было подвергаемо обсужденію на соборѣ. Но съ другой стороны представляется и то, что это дѣло слишкомъ важно для католической церкви и слишкомъ взволновало умы, чтобы соборъ могъ пройти его молчаніемъ. Къ тому же нѣкоторые изъ современныхъ ему писателей положительно увѣряютъ, что оно и поднимаемо было на соборѣ, и соборъ произнесъ объ немъ свой судъ. Къ этимъ писателямъ относятся: уже упоминаемый Флорентинскій историкъ Іоаннъ Виллани, Францъ-Пипинъ Болоньскій и неизвѣстный авторъ одного Ватиканскаго манускрипта. Въ этомъ манускриптѣ помѣчено: *actum est (во Вьеннѣ) de statu militiae Templorum, de facto Bonifacii VIII etc.*; а Францъ-Пипинъ Болоньскій говоритъ: послы Французскаго короля предъявили - было на соборѣ требованіе, что-

бы трупъ Бонифація былъ вырытъ и сожженъ, какъ трупъ еретика. Обстоятельнѣе извѣстіе Виллани: „Соборъ объявилъ, что Бонифацій былъ православнымъ и отнюдь не былъ еретикомъ, какъ утверждалъ Французскій король. Его защитили юридическими и богословскими основаніями въ присутствіи короля и его совѣтниковъ три кардинала: Ричардъ Сіенскій, Жентиль де-Монтефіоръ и Іоаннъ де-Мурронъ (Намуръ); а два Каталонскихъ рыцаря, Карокчіо и Вильгельмъ д'Эболъ, вызывались мечемъ доказать его невинность. Французскій король и его союзники, видя свои планы обойденными, удовольствовались тѣмъ, что папа освободилъ короля въ одномъ декретѣ отъ всякой отвѣтственности относительно всего того, что онъ учинилъ противъ Бонифація и церкви“. На основаніи всего этого большинство историковъ полагаютъ, что Вьеннскій соборъ поднималъ дѣло о Бонифаціи и рѣшилъ его въ удовлетворительномъ для папства смыслѣ. Что касается меня лично, то я не могу примкнуть къ этому послѣднему мнѣнію и скорѣе думаю, что дѣло о Бонифаціи дѣйствительно не было разсматриваемо на соборѣ. Показанія Франца-Пипина Болоньскаго и Іоанна Виллани не выдерживаютъ критики. Требованіе, чтобы трупъ Бонифація былъ вырытъ и сожженъ, какъ трупъ еретика, никакъ не вытекаетъ изъ того, что выставили обвинители Бонифація въ своихъ обвинительныхъ противъ него актахъ и чего они домогались съ своимъ королемъ; напротивъ, это требованіе стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что и король и его союзники оправдывались даже въ намѣреніи нанести личное оскорбленіе Бонифацію и вопросъ этотъ, какъ видѣли, рѣшенъ Климентомъ въ этомъ именно смыслѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны—усиленное стремленіе оправдаться въ нанесеніи оскорбленія и потомъ новое оскорбительное требованіе — вырытъ трупъ папы и сжечь его, и это послѣ того, какъ вопросъ этотъ уже рѣшенъ!?! Немыслимо!.. Виллани и

вообще тенденціозный писатель, чтобы ему можно было вѣрить безъ всякихъ оговорокъ; въ данномъ же случаѣ его тенденція выступаетъ еще ярче. Весьма невѣроятно, чтобы предъ совѣтниками короля можно было защитить Бонифація одними *юридическими основаніями*; процессъ показалъ, что совѣтники короля не менѣе были ловки въ изобрѣтеніи юридическихъ основаній, чѣмъ и защитники Бонифація. Богословскія основанія тутъ не при чемъ: обвинители Бонифація выставили противъ него серію *фактовъ* преступнаго характера. Защитники его не опровергали эти факты противопоставленіемъ имъ другихъ фактовъ противоположнаго свойства; они просто лишь утверждали, что обвинители Бонифація недостойны вѣры. Но, отрицая такимъ образомъ, они тѣмъ не менѣе внутренно не могли не сознать силы обвиненія. Показаніе Виллани стоитъ въ противорѣчіи именно съ этою *фактической* силою обвиненія. Далѣе, второе его показаніе, будто два Каталонскихъ рыцаря вызвались мечемъ доказать невинность Бонифація и Французы, предполагается, отказались отъ этого требованія, слишкомъ рассчитано на тенденцію, что все де, взведенное на Бонифація, есть чистѣйшая клевета, продуктъ ненависти и злобы, такъ что и сами обвинители сознались въ этомъ, когда убоялись суда Божія, отказались рѣшить споръ оружіемъ.... Эта тенденція не только противорѣчитъ всему, доселѣ извѣстному ходу дѣла, но и положительно не совмѣстима съ Французскимъ понятіемъ о храбрости и чести. Такимъ образомъ, въ собственномъ смыслѣ нѣтъ историческихъ указаній на то, чтобы дѣло Бонифація было поднимаяемо и рѣшено на Вьеннскомъ соборѣ. Не имѣетъ силы и то соображеніе, что оно слишкомъ возбудило и взволновало всю Римскую церковь. Возбужденіе шло главнымъ образомъ отъ короля. Климентъ видѣлъ единственное средство потушить его въ томъ главнымъ образомъ, чтобы вырвать его изъ рукъ короля и взять въ свои руки. Поэтому,

съ его стороны было бы очень рискованнымъ шагомъ — снова поднимать его на соборѣ, который по самому мѣсту своего пребыванія не могъ быть независимъ отъ Французскаго короля. На основаніи всего этого, наиболѣе вѣроятнымъ представляется то, что Климентъ, разъ взявши въ руки это дѣло, постарался замять его, иначе сказать — рѣшилъ его въ пользу Бонифація, не рѣшая. Въ этомъ смыслѣ уже его конвокаціонная булла отъ 13 сент. 1309 г. можетъ быть названа рѣшеніемъ.

Римскіе писатели прилагаютъ всѣ старанія, чтобы какъ нибудь оправдать память Бонифація, и причисляютъ его къ разряду великихъ папъ, державшихъ высоко знамя папства. Съ этою цѣлю они относятъ всѣ обвиненія, взведенныя на Бонифація и характеризующія его, какъ еретика и развратника, въ область басней и злобныхъ выдумокъ. Никто, думается, не будетъ отрицать, что есть въ этихъ обвиненіяхъ преувеличенія; но... если сравнить ихъ съ тѣми обвиненіями и доказательствами на оныя, по которымъ были подвергаемы анаѳемѣ другія лица, не папы, то безъ малѣйшей погрѣшности и безъ всякаго преувеличенія слѣдуетъ сказать, что всякое другое лицо всенепремѣнно не только было бы подвергнуто торжественной анаѳемѣ, но еще самымъ торжественнымъ образомъ и сожжено было бы. Одновременно поднятое Филиппомъ дѣло Тамплиеровъ можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ этого.

Итакъ, что же? Какой отвѣтъ получается изъ этого разсказа? — Примѣнительно къ вопросамъ, поставленнымъ въ началѣ рѣчи, мнѣ представляется слѣдующее: 1) Безспорно, папство извратило характеръ церковной власти; оно употребляло эту власть не къ совершенію святыхъ, не на дѣло служенія, не для созиданія тѣла Христова (Еф. 4, 12), а на устрашеніе непокорныхъ его несправедливымъ требованіямъ,

на служеніе своимъ мірскимъ интересамъ, на деспотическое подчиненіе всѣхъ своей власти, къ разрушенію тѣла Христова — истинной церкви. Поэтому освобожденіе государства и лица отъ его деспотизма явилось естественнымъ слѣдствіемъ. 2) Безспорно, папство построило свое всевластіе на извращеніи прямого смысла Писанія, на разнаго рода вымыслахъ и подлогахъ, и выдало все это за подлинно церковное ученіе, воспитало въ такомъ образѣ мыслей цѣлыя народы. Раскрытіе этихъ подлоговъ, естественно, должно было привести къ полному отрицанію и самой власти, на нихъ покоящейся. Съ этой стороны протестантизмъ можетъ быть названъ прямымъ отпрыскомъ папства. Вина протестантовъ въ отрицаніи Богоучрежденной церковной іерархіи прямо падаетъ на папство; ибо оно прежде всего лишило церковную власть подлиннаго ея характера, какой она должна имѣть по ученію І. Христа и Апостоловъ; оно ввело подлоги для обоснованія своего всевластія; такимъ образомъ оно прежде всѣхъ отвергло истинную церковную іерархію. 3) Вѣра, безспорно, представляетъ великую силу, даже въ томъ случаѣ, если она и ложна, не соотвѣтствуетъ истинѣ. Доставляя вѣрующему тотъ или другой идеаль, она тѣмъ самымъ возбуждаетъ силы вѣрующаго, даетъ имъ энергію, укрѣпляетъ ихъ. Папство загрязнило вѣру Христову своими вымыслами, обезобразило ее своими схоластическими изворотами. Обнаруженіе этихъ вымысловъ, марающихъ вѣру, подорвало кредитъ и къ самой вѣрѣ. Культъ *знанія* явился прямымъ наслѣдникомъ обезображенной вѣры, которая безъ разсужденій вся цѣликомъ отнесена къ области суевѣрія. Разслабляющій рационализмъ замѣнилъ идеалы вѣры. Служителю вѣры и представителю Христовой власти противопоставленъ служитель знанія, представитель власти разума — литераторъ, профессоръ. Такимъ образомъ и съ этой стороны началомъ вины является опять-таки папство. 4) Когда такимъ образомъ пап-

ство утратило свой авторитетъ, какъ покоящійся на обманѣ и преслѣдующій деспотическо - эгоистическіе интересы, оно, понятно, и устранено было изъ совѣта державъ, на который оно предъявляло и продолжаетъ предъявлять право въ качествѣ выше всѣхъ ихъ стоящаго безпристрастнаго суди, ибо этого-то именно безпристрастія и не было въ папскомъ авторитетѣ. Виѣстѣ съ этимъ устраненъ и вообще авторитетъ церкви; ибо народы, признававшіе папство, давно потеряли изъ виду этотъ авторитетъ церкви; папство употребило всѣ мѣры, чтобы заслонить его собою. Такимъ образомъ религія и нравственность изгнаны изъ политики. Государство приняло языческій обликъ. Оно, какъ и папство, стало руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ соображеніями лишь разума о пользѣ для своей власти, о матеріальныхъ эгоистическихъ интересахъ и т. п., не пренебрегая при этомъ ни коварствомъ, ни насильемъ, ни обманомъ, когда это, по его соображеніямъ, нужно. На ряду съ интересомъ государства противосталь папству еще интересъ лица. Оно оскорбилось, что его столько вѣковъ обманнымъ образомъ держали въ рабствѣ, и увидѣло, что и оно на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ можетъ быть своего родѣ папою. Отсюда дерзкое высокоуміе, погоня за неосуществимымъ внѣшнимъ равенствомъ, стремленіе къ ниспроверженію существующихъ порядковъ, какъ построенныхъ на лжи и обманѣ, страсть къ революціямъ. Такъ отъятіе Апостольскаго характера отъ власти церкви, предназначенной къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, и введеніе на мѣсто ея иной, деспотической власти, построенной на лжи и обманахъ, роковымъ образомъ приводитъ къ крушенію, къ отрицанію всего Богомъ установленнаго порядка. Папство никакими усиліями не можетъ сбросить съ себя и этой вины. 5) Если оно еще и имѣетъ приверженцевъ среди возставшихъ противъ него народовъ, то причина этого заключается не во вла-

сти ключей, которыя такъ обезображены имъ, а въ томъ, что оно выставляетъ себя борцомъ за имя Христова и за уставы созданной Христомъ церкви. Видя кругомъ поруганіе этихъ уставовъ и имени Христа Спасителя, вѣрующіе Запада и хватаются, по привычкѣ, за папство, какъ за якорь спасенія, игнорируя всѣ его подлоги, ложь, и пр. Такимъ образомъ, не власть ключей, превращенная папами въ деспотизмъ, служить охраною церкви, а, наоборотъ, само папство пока еще держится исповѣданіемъ имени Христова. Но долго ли продолжится этотъ обманъ? Что папство покоится на лжи и обманѣ, что власть его деспотическаго характера, что оно прегрѣшало, впадало въ ересь, производило расколы, практиковало самую безнравственную жизнь и пр., и было за это судимо, — все это — непререкаемые факты исторіи и отрицать ихъ — значитъ еще болѣе унижать себя, окончательно погрязать во злѣ. Папство принесетъ благо и себѣ и всему міру, если, отбросивъ гордость, сознается въ своихъ многочисленныхъ прегрѣшеніяхъ, откажется отъ своей упрямой quasi—последовательности, которая въ сущности есть не болѣе, какъ отрицаніе самыхъ очевиднѣйшихъ истинъ и утвержденіе гордецомъ нелѣпицы, очиститъ себя отъ папистическихъ наростовъ, приметъ православіе католической Восточной церкви и, вмѣсто властолюбивой и коварной деспотицы, явится чистымъ и любящимъ членомъ въ братскомъ союзѣ церквей единой вселенской Церкви.

Ө. Кургановъ.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
СВЯЩЕННИКА БЪЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ ГР. НИК. ВДОВИНА,
И ЕГО ВОПРОСЫ ПАФНУТІЮ,
ИМЕНУЕМОМУ ЕПИСКОПОМЪ КАЗАНСКИМЪ И ВЯТСКИМЪ.

4-го октября, въ день святителя Гурія, совершилось присоединеніе къ православной церкви на началахъ единовѣрія старообрядческаго священника Вдовина, проживавшаго въ Чистополѣ, и исправлявшаго служеніе у послѣдователей австрійскаго священства, пріемлющихъ „Окружное посланіе“. Григорій Николаевъ Вдовинъ — крестьянинъ села Ишеева (тетюскаго уѣзда), лѣтъ 8 назадъ принадлежалъ къ числу противоокружниковъ, какъ и всѣ почти старообрядцы, въ той мѣстности находящіеся. Въ бытность нашу въ селѣ Ишеевѣ, въ 1876 г. онъ вступалъ въ бесѣду съ нами, въ которой мы, между прочимъ, вели рѣчь и о томъ, что противоокружники, исповѣдующіе царствованіе антихриста въ церкви греко - російской, ничѣмъ не могутъ оправдать пріема Амвросія въ сущемъ санѣ епископа, значить и происходящей отъ него іерархіи; потому что отъ антихриста священство принято быть не можетъ. Отсюда самъ собою слѣдовалъ выводъ, что попы противоокружниковъ должны снять свои ризы, и паства ихъ сдѣлаться безпоповцами. Эта ли бесѣда, или чтò другое были причиною, но годъ спустя мы случайно узнали, что Гри-

горій сдѣлался окружникомъ, и даже поставленъ во священника. Онъ поселился въ Чистополѣ у Ѳ. Г. М.... Его вліянію обязаны были и многіе изъ противо-окоужниковъ тетюшскаго уѣзда своимъ переходомъ въ „окоужники“, каковыхъ довольно много оказывается въ селѣ Бишевѣ. Въ своей наивности онъ вступалъ даже въ переписку съ православнымъ священникомъ села Шонгуты, убѣждая его вмѣстѣ бороться съ изувѣрными понятіями противоокоужниковъ. Въ сентябрѣ прошедшаго 1881 года мы были въ Чистополѣ. Одинъ изъ чистопольскихъ гражданъ, человекъ довольно видный и вліятельный, принадлежащій къ сектѣ безпоповцевъ рябиновскаго толка, въ настоящемъ мѣсяцѣ также присоединившійся къ церкви, выразилъ намъ свое разубѣжденіе въ началахъ безпоповства. Но такъ какъ его склоняли къ признанію австрійскаго священства, то онъ пожелалъ посредствомъ бесѣды въ его домѣ съ представителями онаго убѣдиться въ истинности или согласія старообрядцевъ, пріемлющихъ означенное священство, или въ правотѣ церкви греко-россійской. Согласно его желанію бесѣда была устроена. Со стороны старообрядческой были попечитель и священникъ Григорій Николаевъ. Съ нашей стороны предложенъ былъ только одинъ вопросъ: отъ лѣтъ п. Никона до м. Амвросія была ли у старообрядцевъ церковь neodолѣнная, значить Христова, съ 7-ю тайнами и трехчиннымъ священствомъ? Послѣ всевозможныхъ попытокъ и увертокъ отвѣтить на этотъ вопросъ не могли;—да, прибавимъ; на него и невозможно отвѣтить, а вопросъ, между тѣмъ, весьма важный, догматическій. Бесѣда закончилась публичнымъ заявленіемъ домохозяина, обращеннымъ къ представителямъ старообрядчества, что они опрагдать своей церкви не могутъ. На другой день въ частномъ свиданіи въ томъ же домѣ и Григорій Николаевъ созналъ тоже, и тогда же высказалъ мысль о присоединеніи къ прав. церкви. Цѣлый годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, и мысль

эта крѣпла все больше. За нѣсколько времени до присоединенія онъ подалъ нижепечатаемое заявленіе Пафнутію, именуемому епископомъ казанскимъ и вятскимъ, съ вопросами, на которые просилъ отвѣта; тѣ же вопросы передалъ онъ и старообрядческому попечителю въ Чистополь; но отвѣта, какъ и слѣдовало ожидать, ни отъ кого не получилъ.

Стѣбитъ вниманія это послѣднее обстоятельство. Подача вопросовъ при обращеніи изъ старообрядческихъ согласій въ прав. церковь, или разъясненіе побужденій къ такому обращенію, стало дѣломъ довольно обычнымъ со стороны людей начитанныхъ или пользовавшихся вліяніемъ. Начало этому положено въ 1865 г. при значительномъ движеніи въ пользу церкви, которое оставило немалый слѣдъ, и будетъ имѣть историческое значеніе. Тогда присоединявшіеся видные члены бѣлокриницкой іерархіи составили извѣстные 8 вопросовъ старообрядческому духовному совѣту. Почти одновременно инокъ Павелъ (прусскій), при своемъ обращеніи, составилъ „Воззваніе“, въ коемъ объявлялъ причины своего обращенія. По ихъ примѣру мы имѣемъ теперь не мало отпечатанныхъ вопросовъ, или рассказовъ о присоединеніи. По научному своему достоинству и интересу вопросы и рассказы эти неодинаковы конечно; но по мысли и намѣреніямъ во всѣхъ ихъ видно желаніе уяснить предъ бывшими единовѣрцами свой переходъ, и рызвать ихъ на отвѣтъ, или возраженія, — видно стремленіе къ взаимному обмѣну мыслей. Не видно ли въ этомъ стремленіи и того, что добрыя дѣла не боятся свѣта? Между тѣмъ съ противной стороны совершенно нѣтъ подобнаго желанія. Сначала мы еще видѣли отвѣты на 8 вопросовъ и возраженія на „Воззваніе“ о. Павла; и эти отвѣты и возраженія были снова разобраны; первые были опровергнуты о. Филаретомъ, послѣднія разобраны самимъ Павломъ. Но затѣмъ отвѣты старообрядцевъ совершенно прекратились. И на вопросы Григорія Николаева послѣдовалъ въ Чисто-

полѣ одинъ отвѣтъ: „онъ уже не нашъ; не ходите къ нему и не слушайте его“. И это мы слышимъ постоянно: „не ходите, не слушайте, и на бесѣды не ходите; можетъ дурная мысль зародиться“.—Словомъ, заправители раскола убѣждаютъ всячески своихъ послѣдователей удаляться отъ разъясненій и взаимнаго обмѣна мыслей. Что это, какъ не сознание собственнаго безсилія и безотвѣтности? И вотъ, въ то время, какъ уходящій изъ раскола высказываетъ открыто свои основанія, проситъ иногда отвѣта и успокоенія своей мятущейся совѣсти отъ своихъ бывшихъ руководителей и наставниковъ, и не получаетъ;—уходящій въ расколъ, наоборотъ, идетъ тайно, основаній своего уклоненія не объясняетъ, и о сомнѣнιάхъ своихъ не вопрошаетъ. Въ прежнее время секретность эту объясняли преслѣдованіями; но теперь эта отговорка теряетъ всякій смыслъ, да и прежде немного имѣла, такъ какъ законъ преслѣдовалъ и преслѣдуетъ совратителей, а не совращаемыхъ. И замѣчательное дѣло, какою разницею обставлено обращеніе къ церкви и возвращеніе въ расколъ одного и тогоже человѣка! Въ 1865 г. во главѣ обратившихся къ православнои церкви членовъ бѣлокриницкой іерархіи стоялъ именуемый епископомъ коломенскимъ Пафнутій. Присоединяясь къ церкви, въ поданныхъ старообрядческому духовному совѣту вопросахъ, онъ объяснялъ какъ нельзя лучше удовлетворительно свой переходъ. Видно было, что онъ дѣлаетъ это по убѣжденію. Въ согласіи старообрядцевъ, австрійскимъ священствомъ „окормляемомъ“, онъ, какъ и бывший безпоповщинскій инокъ Павелъ (прусскій), нашли такія стороны, которыя прежде другими не подмѣчались, и которыя въ самомъ корнѣ подрывали законность и спасительность этого священства;—это именно перерывъ преемственнаго ряда епископовъ у старообрядцевъ. Однимъ этимъ вопросомъ уничтожается все зданіе бѣлокриницкой іерархіи. Обратный печальный переходъ Пафнутія въ расколъ, совершившійся въ текущемъ

году, чуждъ какого бы то ни было объясненія; не сказавъ ни единого слова, онъ ушелъ туда, откуда и пришелъ. Для нѣкоторыхъ, очень немногихъ, уклоненіе его, быть можетъ, и не было неожиданностію; но для огромнаго большинства это уклоненіе представляло нѣчто совершенно необъяснимое. И такъ какъ имя Пафнутія, какъ Кремлевскаго оратора, было довольно популярно; то естественно посыпались вопросы людямъ близко его знавшимъ о причинахъ его совращенія; не обходили этими вопросами и насъ. Въ самомъ дѣлѣ, уклоненіе отъ церкви человѣка, носившаго имя православнаго миссіонера — фактъ поразительный. Со стороны раскольниковъ можно указать не мало случаевъ, что начетчикъ, миссіонеръ, собесѣдникъ очень упорный и, повидимому стойкій, начиналъ колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ, и кончалъ присоединеніемъ къ православной церкви; но со стороны дѣятелей православныхъ это случай небывалый. — И вотъ отчего бы Пафнутію не объяснить своего уклоненія? Между тѣмъ, вмѣсто него, другимъ приходится дѣлать объясненія.

Мы лично слишкомъ мало были знакомы съ Пафнутіемъ и точныхъ, положительныхъ объясненій дать, конечно, не можемъ. Правда, намъ не безъизвѣстны были его личныя неудовольствія и столкновенія по его печатнымъ трудамъ. Не доволенъ былъ онъ, вѣроятно, и нѣкоторыми распоряженіями власти. Но онъ, безъ сомнѣнія, самъ хорошо зналъ и знаетъ, что переносить эти раздраженныя чувства на церковь и не справедливо и совѣсти противно. Правда, наконецъ, что онъ, какъ передаютъ, былъ составителемъ одной книги въ оправданіе старообрядцевъ. Но во 1-хъ, мысли въ ней заключающіяся не его мысли, а принадлежація другому лицу, которое открыто не держитъ уходить изъ оградъ церкви. Во 2-хъ, эти мысли также выражаютъ болѣе всего раздраженіе и недовольство нѣкоторыми распоряженіями церковной власти, по одному частному вопросу, и ни мало не

говорять ни о заблужденіяхъ догматическихъ, ни объ отсутствіи преемственности іерархіи, или ея противозаконности въ какомъ либо отношеніи, т. е. о тѣхъ вопросахъ, при положительномъ рѣшеніи которыхъ только и возможно церковное отдѣленіе. Понятіе о православіи, или благочестіи церкви греко-россійской въ ней ни мало не поколеблено, — болѣе—о немъ и рѣчи нѣтъ; нѣтъ даже надлежащаго опредѣленія церкви вселенской съ ея неизмѣнными свойствами и признаками. Въ 3-хъ, въ этомъ сочиненіи нѣтъ ни слова защиты тѣхъ старообрядцевъ, которые, какъ отдѣльное согласіе, пріемлютъ бѣлокриницкую іерархію, а защищаются старообрядцы вообще. Но такая общая защита въ частности ни къ кому не относится, такъ какъ старообрядцы представляютъ слишкомъ много частныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое необходимо защищать посвоему, — начиная отъ единовѣрцевъ и кончая бѣгунами. Если Пафнутій хотѣлъ загородиться этой именно книгой; то онъ долженъ былъ бы писать не въ оправданіе старообрядцевъ вообще, а въ оправданіе „австрійскаго священства“. Итакъ въ предшествовавшей литературной дѣятельности его мы не находимъ ключа къ разъясненію его перехода изъ православной церкви въ согласіе старообрядцевъ пріемлющихъ „бѣлокриницкую іерархію“,—епископомъ которыхъ онъ нѣкогда состоялъ, и самъ добровольно промѣнялъ свое епископство на простое иночество сперва, а потомъ на іеромонашество церкви греко-россійской. То была его добрая воля, ни къмъ не стѣсняемая. Одинъ вопросъ по этому поводу напрашивается: кто же онъ теперь, по его собственному сознанію, — епископъ, или іеромонахъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ, конечно, не наше дѣло.

Когда Пафнутій обличалъ расколъ на Кремлевской площади, — чего раза два-три и мы были свидѣтелями, — въ немъ не было ничего неискренняго, напускнаго, скорѣе было много рѣзкости и мало снисхожденія къ заблуждающимъ, мало терпѣнія и вы-

носивости обидь, какими иногда щедро надѣляютъ апологеты раскола. Поэтому заранѣе обдуманнаго намѣренія злоупотреблять своимъ призваніемъ православнаго миссіонера, и вредить церкви въ немъ не могло быть. Но самолюбіе очень много сказывалось. Въ этомъ смыслѣ и дасть отвѣтъ его сотоварищъ по присоединенію къ православной церкви, іеромонахъ Филаретъ. „Пафнутій, сколько мы знаемъ, присоединился къ православной церкви по убѣжденію въ правотѣ ея. Таковое убѣжденіе свое онъ словомъ и дѣломъ засвидѣтельствовалъ предъ нами, соединившимися вокругъ него для совмѣстнаго вступленія въ св. церковь: онъ явился между нами главнымъ ревнителемъ этого дѣла, и столь горячимъ, что даже не сочувствовалъ нашему желанію присоединиться къ церкви на правилахъ единовѣрія, считая оное отображеніемъ раскола, и только ради насъ, составлявшихъ большинство, согласился это исполнить..... Въ первые годы своего присоединенія, на Кремлевскихъ сѣдахъ онъ сильно и съ очевидною искренностію защищалъ православіе и обличалъ неправду раскола.... О расколѣ онъ отзывался съ крайнею рѣзкостію“. Что же побудило его обратно уйти въ расколъ? спрашиваетъ о. Филаретъ, и объясняетъ это такъ: „причины сіи, по нашему крайнему разумѣнію, заключаются въ необузданномъ характерѣ Пафнутія, въ его неограниченномъ самолюбіи, въ чрезмѣрной гордости и властолюбіи..... Отношенія его ко всему обществу присоединившихся сдѣлались столь натянутыми, что и самъ онъ долженъ былъ удалиться изъ Никольскаго монастыря, которымъ управлялъ въ качествѣ настоятеля. Еще болѣе причинили ему зла эти несчастныя качества его характера, когда учреждено было, при его участіи, братство св. Петра митрополита, и онъ возмечталъ быть въ немъ не только главнымъ дѣятелемъ, но и распорядителемъ всѣхъ дѣлъ“. Но это ему не удалось: Братскій совѣтъ отдавалъ предпочтеніе мнѣніямъ другаго дѣятеля, — настоятеля

единоѣрческаго монастыря, о. Павла. „Это обстоятельство, рассказывает о. Филаретъ, до такой степени уязвило самолюбіе Пафнутія, что онъ, забывъ приличіе, письменно выразилъ секретарю Совѣта г. Субботину рѣзкіе упреки за то, что въ собраніяхъ Совѣта „воскуряютъ оиміаѡмъ“ о. Павлу. И когда на этотъ гласъ зависти не было обращено никакого вниманія, тогда онъ рѣшился совѣзмъ выйти изъ братства, и съ тѣхъ поръ сталъ открыто противодѣйствовать ему и словомъ и дѣломъ, а особенно пооружился противъ г. Субботина и о. Павла, которыхъ поносилъ всюду и предъ всѣми не стѣняясь въ выраженіяхъ.... Между тѣмъ, опытные въ подобныхъ случаяхъ раскольники, замѣтивъ неожиданный поворотъ въ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ Пафнутія, поспѣшили явиться къ нему для вещественнаго и словеснаго засвидѣтельствованія своей благодарности за его якобы „безпристрастные взгляды на гонимое старообрядчество“; посѣщенія ихъ становились все чаще и чаще, и Пафнутій, подъ вліяніемъ съ одной стороны постоянно усиливавшагося раздраженія противъ братства,... съ другой льстившихъ его самолюбію восхваленій отъ раскольниковъ все дальше и дальше увлекался въ направленіи враждебномъ для церкви и благопріятномъ для раскола, такъ что наконецъ сдѣлался открытымъ апологетомъ раскола, Верховскому вполне единомысленнымъ..... Итакъ, заключаеть о. Филаретъ, по нашему личному мнѣнію, Пафнутій возвратился въ расколъ не по убѣжденію въ правотѣ его, а подъ вліяніемъ своего несчастнаго характера... Гордымъ, властолюбивымъ, заносчивымъ, необузданнымъ характеромъ онъ отличался и въ расколѣ. Похристіански можно только жалѣть о немъ“ (1).

Нѣчто подобное о Пафнутіѣ передавалъ намъ и новообратившійся Григорій Николаевъ. Лѣтомъ 1881 г.

---

(1) Душепол. Чт. 1882 г. и отд. брош.

онъ посѣщаль его въ Чудовомъ монастырѣ, и замѣтилъ въ немъ удивительную для него приверженность къ старообрядчеству въ раскольническомъ смыслѣ словъ. Показывая ему древнюю святыню, и обративъ вниманіе на одну икону съ двуперстнымъ сложени-емъ, онъ произнесъ: „вотъ это имъ, вражьиѣмъ дѣтямъ, противно“! Раскольническаго срященника поразилъ этотъ отзывъ со стороны извѣстнаго миссіонера православной церкви; но ни слова не сказавъ ему, онъ попросилъ объясненія у извѣстнаго секретаря Антонія (Шутова) Онисима Швецова. „Поссорился съ Субботинимъ и Павломъ“, былъ отвѣтъ со стороны раскольническаго апологета. Вотъ, значитъ и разгадка рѣзкаго поношенія.

Въ заключеніи своей статейки о Филаретѣ замѣчаетъ, что его объясненіе есть, конечно, судъ по виѣшнему человѣку; а что касается внутренняго, то *кто вѣсть отъ чловѣка, яже во чловѣцѣхъ* (1 Кор. 2, 11)?

Съ своей стороны, повторивъ послѣднія слова св. апостола, мы—помимо знакомства съ характеромъ Пафнутія,—имѣемъ основаніе подтвердить то, что не убѣжденія, а нѣчто иное, постороннее, руководило имъ при такомъ „отчаянномъ, позорномъ поступкѣ“. Мы замѣтили уже, что Пафнутіѣ, вмѣстѣ съ Павломъ, Филаретомъ и др. въ корнѣ подорвали значеніе бѣлокриницкой іерархіи, или точнѣе—поповицискаго согласія. На ихъ запросы долго отвѣта не было; а затѣмъ данный отвѣтъ вполнѣ основательно былъ разобранъ и опровергнутъ Филаретомъ. Придуманная теорія о временномъ оскуднѣніи благодати хиротоніи, по подобію сокрытія ветхозавѣтнаго огня во время вавилонскаго плѣна оказалась совершенно непригодною. Отсутствія преемственнаго ряда епископовъ въ теченіе 180 лѣтъ—хотя случайные епископы и были—и неизбѣнія всѣхъ 7-ми таинъ ничто не могло оправдать. Пафнутіѣ очень хорошо понималь, и теперь конечно понимаетъ это, зналь и знаетъ, поэтому, что старо-

обрядчество, бѣлокриницкою іерархією управляемое, вѣчно neodолѣнной Христовой церкви не составляетъ. Поэтому-то онъ молчить, и говорить ему нечего; эту старообрядческую церковь онъ осудилъ своими устами. Сколько разъ, увѣрены мы, читалъ онъ предъ собравшеюся въ Кремль толпою слова изъ Большаго катихизиса и изъ Благовѣстника о церкви съ трехчиннымъ священствомъ и семью тайнами, и скрылся туда, гдѣ не было ни преемственности перваго, ни послѣднихъ. О немъ вѣрнѣе сказать, что онъ не перешелъ въ расколъ, а именно скрылся. И не боязнъ преслѣдованій заставляеть его скрываться, а просто стыдъ одинъ, стыдъ, что изъ-за ненависти къ людямъ онъ оставилъ церковь, ради временнаго, недостойнаго чувства пожертвовалъ своею вѣчною участію.

Мы долго распространились объ участи Пафнутія, чтобы противопоставить его постыдному молчанію слово человѣка, хотя, безъ сомнѣнія, не столь виднаго, но болѣе простосердечнаго и вѣрующаго, который причины своего обращенія къ православной церкви объясняетъ въ формѣ заявленія и вопросоръ бывшему своему епископу; именуется онъ епископомъ казанскимъ и вятскимъ. Но этотъ именуемый епископъ по чувству ли гордости или сомнѣнія въ своемъ благочестіи, или по признанію собственнаго безсилія, но не желаетъ дать отвѣтъ вопрошающему о словеси исповѣданія, по апостолу. Во всякомъ случаѣ причина молчанія уважительною быть не можетъ. Заявленіе мы печатаемъ въ томъ видѣ, какъ оно написано, исправивъ правописаніе и мѣстами неясность въ изложеніи.

Н. Ивановскій.

Заявленіе отъ чистоцольскаго священноіерейя Григорія о самовольномъ уклоненіи отъ должности пресвитерской, и о религіозномъ понятіи.

Преосвященнѣйшій владыка Пафнугій, уже самимъ вамъ извѣстно, что до сего времени я не имѣлъ смѣлости никому объявлять какъ лично, такъ же и письменно, то самое что лежитъ камнемъ претѣканія и соблазна на сердцѣ моемъ, и служить сомнѣніемъ, это такъ меня сильно тревожитъ, что я не имѣю спокойствія духу моему ни на одинъ часъ, посему-то самому нахожусь въ крайнемъ недоумѣніи, и это самое вынуждаетъ меня предъ вами раскрыть терзанія совѣсти моей, и что я въ своемъ сердцѣ чувствую, и при скудости ума моего понимаю, и то представляю на обсужденіе вашему преосвященству, если же что я пристрастно или ошибочно скажу, въ томъ изболчите меня, и я буду ожидать какъ полезнаго врачеванія, за что и принесу чистосердечное раскаяніе. Да не подумайте вы, владыка, что я изъ какихъ либо видовъ, или житейскихъ средствъ и интересовъ, или чести ради нѣкія, или чрезъ нѣкую злобу и неудовольствія, рѣшаюсь высказывать эту сущую правду; нѣтъ, но единственно отъ болѣзни и туги сердца, боясь какъ бы не подпасть бѣдственному жребію въ будущемъ и части неправославныхъ. А именно то, какъ по переходѣ моемъ изъ раздоро-противо-окружнической партіи въ окружники, я горячимъ былъ ревнителемъ и защитникомъ Окружнаго посланія, и даже до сего времени крѣпко за его стоялъ, потому что въ немъ статьи весьма полезны и чуть ли не всѣ справедливы, какъ объ антихристѣ, и о Іліи и Енохѣ, и проч. И я отъ Окружнаго посланія не только что не повредился, но больше еще утвердился, но дѣло еще не въ посланіи состоитъ.

По пріятіи же мнѣ на себя священническаго чина, какъ только пріѣхалъ я въ свою парохію и едва успѣлъ приняться за свое дѣло, то вскорѣ меня познакомилъ попечитель Ѳ. Г. М.—въ, съ людьми религіозными и хорошо начитанными во святомъ писаніи, но къ нашему обществу неприваждлежащими, и часто мнѣ приходилось имѣть съ этими людьми разсужденія о религіи, и много разъ мы ходили, съ Ѳ. Г. въ духовное училище на собесѣдованія, и входили мы въ горячія пренія съ миссіонерами, и въ

этомъ препирательствѣ противъ нихъ, наипаче же когда былъ у насъ въ Чистополь Н. И. г-пъ Ивановскій, тогда я не могъ выстоять въ своей правильности, потому отвѣты мои передъ ними оказывались слабы и безсильны, а совопросники мои мнѣ всегда объясняли такъ, что истинная церковь Христова по силѣ обѣтованія своего Звждителя должна пребыть вѣчно neodолѣнною со всѣмъ своимъ устройствомъ, съ трехчинною іерархією, и съ семью тайнами, каковою наше общество въ теченіи 180 лѣтъ быть не могло, ибо въ немъ, другопреемственная іерархія прекратилась, и совершенія седми таинствъ не существовало, и церковь наша такимъ образомъ была неполною, часть нѣкая отъ нея была одолѣнною вратами адowymi. Хотя я и тщился оправдывать нашу церковь гоненіемъ на старообрядцевъ отъ Никона, и этимъ уничтожили еретики хиротонію въ церкви христіанской (старообряд.); но вижу напротивъ, что священное писаніе такъ гласитъ: никакія люто-сти и гоненія и силы обѣтованія Спасителя нарушить не могутъ, что небо и земля пройдутъ, словеса же Господня не пройдутъ, ибо скорѣе солнцу лишится свѣта своего, нежели церкви въ чемъ либо пострадати въ коренномъ своемъ устройствѣ. Руководителямъ и строителямъ таинъ церковныхъ, Христосъ сказалъ: *куплю дѣйте дондеже прииду*, и если же они Его вѣрные рабы, пріемшіе таланты Господина своего, со усердіемъ исполняютъ волю Его, рукополагаютъ и просвѣщаютъ и оглашаютъ, это они творятъ дѣла спасительныя, порученныя имъ отъ Христа, и слѣдовательно они рабы Христовы, и должно понимать о нихъ такъ, что въ церкви Христовой находятся они, а не въ еретической. А у насъ у старообрядцевъ не такъ; по нашему эти рабы Христовы, коимъ дано десять мнась, и повелѣно куплю творить дондеже приидеть, не дожидаясь прихода Его, уклонились отъ воли Его, ибо главѣйшій отъ нихъ, которому поручено болѣе всѣхъ, уклонился отъ своего Господина подъ зависимость инаго, подъ власть вражію, (по вѣрованію старообрядцевъ) въ ересь или церковь еретическую, а еретики часть антихристовы и область діавольская: какъ могутъ они исполнять хотѣнія и волю Божию въ церкви Его? Въ настоящее же время мнѣ встрѣчается часто имѣть разговоръ съ людьми знающими о религіи. Когда насъ спрашиваютъ такъ: начто-де это у васъ у поповцевъ не исполнилось неложное обѣтованіе Божіе о

десяти мнасахъ на епископахъ? Мы тутъ встрѣчаемъ себѣ сильное затрудненіе, и при такомъ невыходномъ положеніи, наши нѣкоторые пачетчики не желаютъ сознаться въ томъ, что у насъ не было епископовъ 180 лѣтъ, а указать на епископовъ находившихся при нашей церкви не было возможности. При этомъ они уже умудряются, да и насъ научали (такъ говорили мнѣ нѣкоторые): никогда не признавайся что у насъ не было епископства, а нужно-де такъ говорить, епископовъ хотя не было у насъ, а епископство было непрерывно. Но я чрезъ это еще болѣе прихожу въ недоумѣніе, и размышляю самъ себѣ, какаѣ же тутъ можетъ послѣдовать разница, совершенно одно и тоже что епископъ, или епископство, развѣ то лишь разница, что епископъ одинъ самъ собой, а епископство не одинъ епископъ; въ числѣ сего могутъ быть пять или десять, но у насъ и единаго не было, не только что многихъ. Если же принять то въ правду, какъ нѣкоторые говорятъ старообрядцы, что епископство-де было у насъ, т. е. дѣло рукъ епископскихъ, на попахъ тогда у насъ бывшихъ была епископская хиротонія; но я смотрю во святомъ писаніи не такъ говорится, а иначе: на попахъ хиротонія называется чинъ священства, а не епископство, да и тотъ чинъ производился не въ нашей церкви, а въ гречко-россійской; гдѣ находился лично самъ собой епископъ, тамъ чрезъ руку его была хиротонія, были и послѣдніе два чина—пресвитеры и діаконы, которые должны быть подъ вѣденіемъ своего епископа, а не уклоняться отъ зависимости его, а наши бывшіе священники уклонялись, и тѣмъ попирали правила соборовъ, безъ воли ихъ священнодѣйствовали и въ ектеніяхъ ихъ не упоминали, за сіе будутъ они повинны правиламъ 31-му св апостолъ, 19-му второперваго собора, и проч.

Итакъ я, находясь около 20-ти лѣтъ въ обществѣ старообрядцевъ, слышался ихъ разнообразныхъ толкованій; и сколько есть въ старообрядческомъ мірѣ пачетчиковъ, столько и разныхъ понятій о Христовой церкви и о іерархіи. Но всѣ они со святымъ писаніемъ несогласны, а только одинъ другаго хотятъ перехитрить.

Но я вполне убѣдился, что невозможно нигдѣ получить спасенія, кромѣ восточныхъ гречко-россійскія церкви, по нижеслѣдующимъ примѣчаніямъ.

Примѣч. 1.

Церкви Христовой, неразрушеннѣй быти отъ неправомыслящихъ, и неодоленнѣй быти отъ самаго ада. (Номок. соборн. изложен. столг. о свят. судѣ. служба отцемъ октяб. 11, пѣснь 3. Псалт. толк. Θεодор. пс. 47, ст. 3).

Примѣч. 2.

Епископы и пресвитеры очи церкви именуются. (Благовѣст. отъ Матѳ. зач. 11-е, Лук. зач. 45, лист. 87). По словамъ св. Іоанна Златоуста, не колеблются у нея (у церкви) зубы, и не помрачаются у нея очи, какова бѣ юность ея, такая будетъ и старость ея. Безъ епископа церковь слѣпа яко тѣло безъ очей. (Кн. о вѣр. гл. 23, л. 213).

Примѣч. 3.

Намѣстникомъ апостольскимъ патриархомъ и епископомъ другъ отъ друга преемственно, чрезъ хиротонію пребывать въ Христовой церкви до скончанія вѣка. (Благ. Лук. зач. 95. Матѳ. зач. 116. Кирил. кн. л. 77. Кн. о вѣр. гл. 7, л. 59. гл. 20, л. 177. Псалт. толк. пс. 88, ст. 36. пс. 95, ст. 7).

Примѣч. 4.

Христова церковь имѣетъ власть, на то данную ей отъ Христа, что не только простыхъ людей наказуетъ, но и клириковъ и епископовъ еретиковъ на соборѣ вселенскомѣ по винамъ ихъ подѣ запрещенія влагати и отлучати, и писанія толковати, сама едина суще столпомъ и утвержденіемъ истины. (Мал. катих. 9-й артик. Кн. о вѣр. гл. 22, л. 196. Кн. Кир. л. 494—6. Больш. катих. л. 118. Инокъ Зинов. сл. 37, стр. 440).

Примѣч. 5.

Судія въ церкви превысшій есть вселенскій соборъ, и всѣ главнѣйшія дѣла церковныя ему подлежатъ. (О прав. вѣр. гл. 22, л. 201. гл. 28, л. 245).

Примѣч. 6.

Христовой церкви такъ свойственно поступать: епископовъ и пресвитеровъ и діаконовъ, впадшихъ въ согрѣшенія или въ ересь, подобаетъ ихъ изверещи сана, то есть

обнажить благодати, а не прежде суда и изслѣдованія церковнаго уклонятся отъ нихъ; да осуждени бывають соборомъ. (Благ. Матѳ. Марк. зач. 42, л. 56. Лук. зач. 77, л. 157. Ник. Черног. сл. 7. Просвѣтитель, сл. 12, стр. 522. Инок. Зинов. сл. 37, стр. 624. Стогл. гл. 55, 56, 64, 65. Кареаг. соб. прав. 12. Антиох. соб. пр. 4, 15, 20).

Примѣч. 7.

Церковь Христова Духомъ Святымъ начата и основана бѣ апостолы и есть и будетъ, купно вѣра купно же и церковь, отъ начала дней апостольскихъ даже и до нынѣ вѣра православная и церковь Христова всегда пребываетъ въ соединеніи неизмѣнно, во вся дни до скончанія вѣка. (Благ. Лук. зач. 107. Матѳ. зач. 67. Апост. толк. л. 790. Бес. на 14 посл. зач. 223; Кн. о вѣр. гл. 1, л. 10. Маргар. л. 192. Просвѣт. стр. 304—308. Кирил. кн. л. 17 и 92).

Примѣч. 8.

Вселенская Христова церковь не должна быть подъ зависимоścią отъ церкви еретической, по произведенію дѣлъ духовныхъ, подобаетъ ей быти самостоятельной, правымъ царскимъ путемъ, аще и весьма тѣснымъ, шествовати, ни на право, ни на лѣво съ пути не совращаяся, къ горнему Іерусалиму сыны своя препровождати: (Кн. о вѣр. гл. 2, л. 28).

Примѣч. 9.

Вселенская Христова церковь безъ епископа быть не можетъ, и никогда не была, а пресвитеры безъ воли епископской ничтоже могутъ творити. Кромѣ церкви спастися невозможно.

Еще при семъ прилагаю 9 вопросовъ вашему преосвященству о своемъ недоумѣніи.

Вопросъ 1.

Можетъ ли когда такъ обезсилена быть Христова церковь, и придти въ такое бѣдственное положеніе, чтобы она не только не рукополагала въ чинъ причетнической, но даже и рукоположенныхъ по винамъ ихъ не могла извергать сама, по своей помощи и по недостатку ея чиновъ?

Вопросъ 2.

Отъ лѣтъ патріарха Никона до митрополита Амвросія была ли у старообрядцевъ церковь Христова въ полномъ устройствѣ и безъ малѣйшаго умаленія, или часть нѣкая въ ней была одолѣна?

Вопросъ 3.

Если церковь старообрядческая до лѣтъ митр. Амвросія находилась въ немощи, умаленіи и оскудѣніи; то была ли она церковію neodолѣнною вратами ада, то есть Христовою?

Вопросъ 4.

Въ катихизисѣ пишется: вѣждь убо безъ всякаго сомнѣнія, яко въ церкви Божіей не двѣ точію тайны (это будто прямо противъ безпоповцевъ сказано), а всесовершенно седмь. Какъ же въ старообрядческой церкви было не болѣе, какъ шесть тайнъ?

Вопросъ 5.

Если церковь старообрядческая до лѣтъ митроп. Амвросія была умаленною, въ нѣкоей части одолѣнною и полуразрушенною; то была ли гдѣ церковь neodолѣнная, или нигдѣ не была?

Вопросъ 6.

Если нигдѣ не была; то какъ она вновь появилась? Явите сіе отъ писанія. Церковь основали не люди, а Христость, то могъ ли какой человѣкъ возсоздать ее, когда она была полуразрушена?

Вопросъ 7.

Если уничтожили еретики хиротонію въ церкви Христовой; то могли ли быть питаемы и старообрядцы своимъ священствомъ, или нѣтъ?

Вопросъ 8.

Святители Христовой церкви патріархи и митрополиты и епископы, которые были прежде Никона патріарха, егда видѣли людей непокоряющихся и противящихся имъ во благочестіи, наказывали ли ихъ за сіе казнями, чрезъ посредство царей и князей благочестивыхъ, или не было этого?

Вопросъ 9.

Нѣкоторые люди добродѣтельныя, и воздержно живутъ, постъ и милостыню творятъ, и пелищемърно въ себѣ страхъ Божій имѣютъ, и крестное знаменіе на себѣ истово полагаютъ; но не покоряются пастырямъ церковнымъ, и прекословятъ имъ, и не имѣютъ общенія съ пастырями, то будутъ ли они подлежать за сіе проклятію отъ церкви Христовой, и съ добродѣтелями своими, какъ вретещники съ воздержаніемъ, или не будутъ?

Вотъ въ чемъ мои великія сомнѣнія! Итакъ во ожиданіи остаюся вашего скорѣйшаго и правильнаго отвѣта, на сіи вопросы, равно же и примѣчанія.

Іерей *Григ. Н. Вдовинъ.*

Чистополь. 1882 г. сентяб. 3-го дня.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

Отъ Совѣта Казанской духовной академіи.

При Казанской духовной академіи состоитъ вакантною кафедрѣ англійскаго языка. Лица, желающія занять эту кафедру, обязаны представить въ Совѣтъ академіи не позже 1-го іюня 1883 года прошеніе съ приложеніемъ: 1) законнаго удостовѣренія о своей личности, 2) свидѣтельства объ удовлетворительномъ знаніи англійскаго языка и права на преподаваніе его въ учебныхъ заведеніяхъ, 3) сочиненій—печатныхъ, или рукописныхъ, если таковыя имѣются. Неизвѣстныя своими преподавательскими способностями лица обязываются, на основаніи § 49 Уст. православныхъ духовныхъ академій, прочесть предъ Совѣтомъ Казанской, или какой либо другой отечественно-православной духовной академіи двѣ пробныя лекціи; въ послѣднемъ случаѣ въ Совѣтъ Казанской академіи должно быть представлено отъ Совѣта той академіи, предъ которымъ будутъ прочтены пробныя лекціи, свидѣтельство объ удовлетворительности ихъ. По Высочайше утвержденному 24 октября 1876 г. положенію о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, должности лектора усвоенъ VIII классъ, окладъ пенсіи за 25-лѣтнюю службу опредѣленъ въ 300 руб. Годовое содержаніе лектора по штату Казанской академіи опредѣлено въ 600 рублей (480 жалованья и 120 р. столовыхъ).

Ректоръ академіи Протоіерей *А. Владимірскій.*

Секретарь *М. Соловьевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

на 1883 годъ

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общеизвестныя статьи, изслѣдованія, замѣтки, и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общеизвестныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія правоучительныя произведенія.

4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библиографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная мѣтопись*: ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подѣ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія и замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ **шесть рублей**; съ пересылкою за границу **восемь рублей**. Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургъ (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

3.

О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ

съ изящными рисунками, еженедѣльное изданіе,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

въ важныхъ случаяхъ выходить, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю.

Сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія, въ сжатомъ, удобномъ для чтенія видѣ. — Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы, преимущественно историческіе, и стихотворенія. Кромѣ того въ «Газетѣ А. Гатцука» помѣщаются статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также **Критика, Библиографія и МОДЫ** съ рисунками. — Газета даетъ въ текстѣ до 400 художественно-исполненныхъ рисунковъ.

Въ Газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники: (Ө. И. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, П. И. Костомаровъ, Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Ольга Н., А. Н. Плещеевъ, и др.).

Въ теченіе 1883 и 1884 г. въ «Газетѣ», какъ въ текстѣ, такъ и отдѣльными рисунками, въ видѣ премій, будетъ помѣщаться рядъ худо-

Годъ 9-й.

Годъ 9-й.

жественно выполненныхъ рисунковъ по исторіи Россіи, изъ которыхъ составится дорогой альбомъ, наглядно знакомящій русскаго челоуѣка съ главными періодами и важнѣйшими событіями въ жизни Русскаго государства.

ПРЕМИИ 1883: Годовые подписчики получаютъ въ концѣ года Крестный календарь на 1884 г. на лучшей бумагѣ, и большую Олеографическую картину одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна: безъ перес. на годъ 4 руб.; съ пересылкою-же на годъ—5 руб. на $\frac{1}{2}$ г. (съ янв. и іюля) 3 р. на 1 мѣс. 75 к.

Адресъ конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульварь, д. Гатцука.

Редакторъ *А. А. Гатцукъ.*

4.

ОБЪ

ИЗДАНИИ ВЪ Г. ХАРЬКОВѢ ОБЩЕДОСТУПНАГО, ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО, ЖУРНАЛА,

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„БЛАГОВѢСТЬ“.

Съ 1883 года, въ г. Харьковѣ, будетъ издаваться общедоступный, духовно-нравственный, журналъ, подъ названіемъ „БЛАГОВѢСТЬ“, по нижеслѣдующей программѣ:

I. Обзорѣніе текущей церковно-общественной жизни въ Россіи и за границую, въ ея современныхъ проявленіяхъ, мѣропріятіяхъ и пр.

II. Корреспонденціи о замѣчательныхъ по чему либо новостяхъ и событіяхъ въ области духовно-нравственной.

III. Очерки, рассказы, жизнеописанія, путешествія, краснорѣчіе, церковная старина, стихотворенія и пр.

IV. Обзорѣніе современной печати, отечественной и иностранной, по вопросамъ духовно-нравственнымъ, рецензіи книгъ и т. п.

V. Отвѣты редакціи и объявленія.

Журналъ «Благовѣсть» будетъ выходить два раза въ мѣсяць, въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе ПЯТЬ руб. сер., съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднимъ, а за полугодовое ТРИ руб. сер.

Подписка на изданіе журнала «Благовѣсть» принимается въ Харьковѣ въ конторѣ Редакціи, которая помѣщается, по Ивановской ул., на Пескахъ, въ домѣ Захарьева.

Редакторъ-издатель *Гр. Ив. Кулжмскій.*

Р Ѣ Ч Ь

Высокопреосвященнѣйшаго Палладія, Архіепископа казанскаго и свѣяжскаго, въ общемъ годичномъ собраніи Братства святителя Гурія 31 ноября 1882 г.

Боголюбивые ревнители и ревнительницы св. дѣла равноапостольскаго!

Пятнадцать лѣтъ исполнилось со времени основанія православнаго церковнаго Братства во имя святителя Гурія, учрежденія, составившаго, по справедливости можно сказать, эпоху въ лѣтописи церкви Казанской, учрежденія въ высшей степени благотворнаго и многоплоднаго для нея.

Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, Братство, въ лицѣ всѣхъ сословій, единодушно, общими силами, съ ревностію и энергіею трудилось въ великомъ равноапостольскомъ подвигѣ распространенія и утвержденія св. вѣры Христовой и истинной христіанской гражданственности среди заблуждающихся меньшихъ братій своихъ, среди лжевѣрующихъ и омраченныхъ смысломъ, сѣдящихъ еще *во тьмѣ и снѣи смертнѣй*, и — принесло уже обильные плоды во благо святой церкви православной.

Видимо на Братствѣ почиваетъ Божіе всепоспѣшествующее благословеніе, покровъ Заступницы усерднаго рода христіанскаго и молитвенное предстательство первосвятителя церкви Казанской св. Гурія, именемъ коего оно украшается.

Да возрадуется въ небесныхъ селеніяхъ душа приснопамятнаго учредителя и перваго покровителя Братства, глубоко и свято чтимаго іерарха, преосвященнѣйшаго Антонія, взирая на это плодотворнѣйшее духовно - просвѣтительное учрежденіе свое. Да будетъ благословенно имя его въ роды родовъ! Онъ, какъ пастырь добрый, подвизался подвигомъ неустаннымъ на духовной нивѣ Христовой до полнаго истощенія силъ, *ревновалъ ревностію Божією* (2 Кор. 11, 2) до всецѣлаго самоотверженія во благо церкви и паствы своей. И нынѣ, вмѣстѣ съ первосвятителемъ и приснымъ молитвенникомъ нашимъ Гуріемъ, не престаи, іерарше Божій, приникать съ небесе къ возлюбленному своему дѣлу и спомоществовать ему твоими молитвами. За симъ, да будутъ воспоминаемы искреннимъ словомъ добра и благодаренія и молитвенною памятію и другіе ревнители св. дѣла апостольскаго—живые и въ Бозѣ преставльшіеся отъ временнаго житія сего.

Божією волею посланный духовно пасти паству Казанскую, я, смиренный пастырь, вхожу въ дѣло твое и трудъ твой, приснопамятный святителю, учредитель Братства сего, да буду продолжателемъ труда твоего. О, если бы Господь даровалъ быть мнѣ *искуснымъ и непостыднымъ длителемъ* (2 Тим. 2, 15) въ великомъ и многотрудномъ подвигѣ распространенія и утвержденія спасительной вѣры Христовой въ предѣлахъ страны сей, среди заблуждающихъ, прельщенныхъ и омраченныхъ смысломъ. Буди, ты, мнѣ образомъ, наставникомъ и помощникомъ!

Вступая въ первый разъ въ среду боголюбиваго собранія Братства, ревнители и ревнительницы св. дѣла Божія, что я изнесу отъ души моей въ залогъ архипастырскаго моего попеченія о дѣлахъ Братства? Изношу, прежде всего, изъ глубины сердца моего самыя искреннія горячія благожеланія Братству мира, единокупія, Божія благословенія и благодатнаго поспѣшенія въ дальнѣйшихъ трудахъ его. Затѣмъ,

священный пастырскій долгъ мой — оказывать Братству всевозможное содѣйствіе по мѣрѣ силъ моихъ, въ примѣръ другимъ. Да будетъ великое и святое дѣло сіе столько же близко и любезно мнѣ, какъ и первому учредителю его.

Вамъ же, возлюбленные о Господѣ братчики, участники святаго служенія апостольскаго, въ особенности всѣми желаніями желаю, да продолжится безъ ослабленія и перерыва любовь ваша къ дѣлу Божію, да не оскудѣетъ ваше терпѣніе и не изсякнетъ упованіе. Помните, что такія великія дѣла, какъ обращеніе народовъ и племень къ свѣту св. вѣры православной и истинной христіанской гражданственности не совершаются частными и однократными усиліями, но постоянными неослабными трудами въ теченіи не только годовъ и десятилѣтій, но цѣлыхъ столѣтій и даже тысячелѣтій. При этомъ только условіи, т. е. при общемъ дружномъ, постоянномъ и неослабномъ содѣйствіи, это великое дѣло миссіонерства будетъ благоуспѣшно укрѣпляться, расширяться и достигать все болѣе и болѣе плодовъ благихъ. Да не оскудѣетъ также искреннее живое сочувствіе къ дѣлу Божію и со стороны всего общества; ибо это дѣло не однихъ только духовныхъ лицъ. — Доступъ въ члены Братства всегда открытъ и ни для кого не затруднителенъ; каждый имѣетъ удобство послужить богоугодному и спасительному дѣлу, чѣмъ только желаетъ и чѣмъ можетъ. Всеблагій Господь милостиво пріемлетъ всякую жертву, усердно приносимую отъ чистаго сердца.

Наконецъ, да даруетъ Господь намъ утѣшеніе — не въ отдаленномъ только будущемъ ожидать вожделѣннаго успѣха братской дѣятельности, но и видѣть оный, по возможности, въ ближайшее время, — да приходитъ ближе и ближе къ исполненію этотъ конечный предметъ нашихъ молитвъ и упованія: *и будетъ едино стадо и единый пастырь* (Іоан. 10, 17).

БОГОСЛУЖЕНИЕ ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ЗА ПЕРВЫЕ ПЯТЬ ВѢКОВЪ.

Предъ началомъ литургіи, по памятникамъ XIV в., иногда читали одну только молитву: „Царю небесный“, послѣ которой діаконовъ обращался къ священнику: „Господи благослови“, а священникъ безъ всякихъ словъ только благословлялъ его. Иногда діаконовъ обращался къ священнику съ такими словами: „Время Господеви сотворити литургію; Господеви благослови, отче“ и читался 50 псаломъ (стр. 121). Въ памятникахъ XV вѣка этотъ моментъ описывается нѣсколько ближе къ нынѣшнимъ служебникамъ. Діаконовъ начинаетъ возгласомъ: „Благослови, Владыко“, а священникъ отвѣчалъ: „Благословенъ Богъ нашъ“, послѣ чего читали „Слава въ вышнихъ Богу“ 3-жды и „Го поди устнѣ мои отверзеші“ два раза. Иногда ту и другую молитву читали только по одному разу (стр. 211).

Послѣ великой ектеніи во все разсматриваемое время пѣли антифоны: „Благо есть исповѣдаться Господеви“ съ припѣвомъ „Молитвами Богородицы“, второй—„Господь воцарися“ съ припѣвомъ: „Молитвами святыхъ“ и третій „Приидите возрадуемся Господеви“ съ припѣвомъ: „Спаси ны, Сыне Божій“ (стр. 9, 212, 212).

Во время пѣнія стиховъ: „Блаженныхъ“, послѣ слава и нынѣ, священникъ съ діакономъ дѣлали по-

клонъ предъ престоломъ, послѣ чего священникъ давалъ евангеліе діакону и совершался малый выходъ. На пути, проходя мимо жертвенника, діаконъ произносилъ: „Благослови, Владыко, святое предложеніе“, при чемъ ораремъ указывалъ на жертвенникъ. Священникъ на это отвѣчалъ: Благословенно предложеніе Божественныхъ Твоихъ таинъ всегда. Діаконъ заключалъ возгласомъ: „Аминь“. Эти особенности входнаго явились въ памятникахъ XV вѣка, а до сего времени ихъ не было.

Послѣ возгласа „Премудрость прости“ священникъ цѣловалъ выступъ иконостаса и входилъ въ алтарь съ словами: „Благословенно вхожденіе Христа истиннаго Бога нашего“ (стр. 214).

Возгласа: „Господи спаси благочестивыя“ не было, но возгласъ священнической: „Яко святъ еси Боже нашъ“ раздѣлялся, какъ и нынѣ, между священникомъ и діаконемъ (ibid.). Трисвятое, слѣдовавшее непосредственно за этимъ возгласомъ, пѣли однажды въ алтарѣ (стр. 122), но въ памятникахъ XV вѣка относительно пѣнія трисвятаго встрѣчаются замѣчанія, изъ которыхъ видно, что обычай этотъ представленъ былъ личному усмотрѣнію священнослужителей (стр. 214).

Молитва горняго мѣста, явившаяся въ памятникахъ XIV вѣка, отличалась нѣсколько отъ нынѣшней. Ей предшествовало чтеніе молитвы: „Царю небесный“ (стр. 12). Въ памятникахъ XV вѣка послѣ трисвятаго на возгласъ діакона: „Повели, владыко“ священникъ отвѣчалъ „Повелѣніемъ Твоимъ (иногда: Господнимъ) небеса утвердишася“ (стр. 216). „Этой послѣдней особенности, пишетъ въ своей книгѣ г. Одинцовъ, въ древнихъ греческихъ спискахъ литургіи Златоуста мы не находимъ. Судя по ея простотѣ и краткости, мы съ вѣроятностію можемъ предположить, что она есть произведеніе руки благочестиваго писца: „Повели, владыко“ въ замѣнъ другаго возгласа священника, стоящаго въ тѣсной связи съ самымъ дѣйствіемъ свя-

щеннослужащихъ въ этотъ моментъ богослуженія, именно возгласа: „Благословенъ грядый во имя Господне“ (ibid.). Дѣйствительно, отмѣченная особенность не находится въ памятникахъ греческой церкви, но это не мѣшаетъ ей имѣть мѣсто своего происхожденія за предѣлами русской земли. На возгласъ діакона: „Повели, владыко, сходити на вышнее сѣдалище“, священникъ глаголетъ: „Повелѣніемъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ. Господь съ небесе прииде видѣти все сыныи человѣческіе, и призрѣ на все живущее на земли и създавъ въ едино сердца его и разумѣ“ (1).

Въ разсматриваемый нами періодъ времени предъ евангеліемъ не читали молитвы, положенной нынѣ въ этомъ случаѣ (стр. 62, 96, 123, 216). Въ XIV вѣкѣ стали читать молитву: „Словесъ сихъ ради святыхъ прощеніе дай же ми Боже“ (стр. 123), а въ XV вѣкѣ эта молитва замѣнилась другою: „Господи Боже нашъ, преклони сердца наша въ послушаніе божественныхъ Твоихъ повелѣній“ (стр. 217).

Слова: „Премудрость прости, услышимъ святаго евангелія“ произносилъ второй діаконъ, если ихъ въ совершеніи литургіи участвовало двое. Во время чтенія евангелія священникъ стоялъ за престоломъ, если было мѣсто, если же не было „тѣсноты ради алтарня“, то предъ нимъ (ibid.). Русское происхожденіе этихъ особенностей, придуманное нашимъ авторомъ для объясненія всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя не нашли мѣста въ Евхологіонѣ Гоара, не выдерживаетъ критики. Чтобы знать истинную родину ихъ, нужно только обратиться къ сербскимъ служебникамъ Венеціанскаго изданія (2) и вопросъ о происхожденіи указанныхъ особенностей рѣшается въ смыслѣ

(1) Сербск. служеб. рки. собр. Григоровича (Румянц. муз.) № 1713, л. 9 об.; Слѣч. Служебн. рки. Ватиканск. библ. № 9.

(2) Служебн. изд. Венец. 1519, 1554, 1557. л. 17 об. 18; Угровалахійск. служеб. Румянц. муз. № 25, л. 27 об.

положительномъ. Одна изъ этихъ особенностей практики нашей древне-русской церкви не была чужда и памятникамъ греческой церкви. *Χορὴ εἰδέναι*, читаемъ мы въ одной рукописи, *ὅτι εἰσὶ διάκονοι διὰ διαβάδον λέγουσι τὰς βυβάπτας καὶ εἰς τὸ εὐαγγέλιον ὁ μὲν ἔσω τὸ βορῖα ὄρχοι, ὁ δὲ ἔξω τὸ τοῦ εὐαγγελίστου* (1).

Сугубая ектеня, слѣдовавшая за евангеліемъ, состояла изъ слѣдующихъ прошеній: „Рцемъ вси“, „Господи вседержителю“, „Богатый милостью“, „Не хотяй смерти грѣшника“, „О предстоящихъ людѣхъ“, „Помилуй насъ Боже“, „Молимся о благовѣрномъ“, „Молимся о архіепископѣ“ и „Еще молимся за всю братію“ (2). Такой составъ прошеній имѣла сугубая ектеня до самаго XV вѣка, когда она замѣнилась другою ектенью, тождественною по своему составу съ нынѣшнею (стр. 62, 96, 123, 217).

Илитонъ простиралъ діаконъ, при возглашеніи „Елицы оглашеніи изыдите“, до XIV вѣка (стр. 62, 96, 123), а въ XV вѣкѣ относительно времени „простренія“ антимиаса была двоякая практика: простирали антимиасъ или послѣ возгласа сугубой ектеньи: „Яко милостивъ и челоуколюбець Богъ еси“, или же при возгласѣ: „Да и ти съ нами славятъ“ (стр. 218).

Послѣдняя ектеня предъ пѣніемъ „Иже херувимы“, по памятникамъ XV вѣка, состоитъ всего только изъ двухъ прошеній (стр. 218).

Моментъ перенесенія даровъ съ жертвенника на престолъ описывается за все разсматриваемое нами время весьма различно. Въ памятникахъ XII вѣка, во время пѣнія „Иже херувимы“, кромѣ молитвы: „Никто же не достоинъ“ и псалма при омовеніи рукъ: „Умый въ неповинныхъ рудѣ“, ничего не положено читать священнику. Послѣ перенесенія даровъ, священникъ трижды кланялся предъ трапезою и говорилъ: „Благословите священніи“. Сослужащіе съ нимъ

(1) Топли. рки. м. Синод. библ. № 381, л. 28 об.

(2) Служеб. рки. XII—XIII в. Солов. библ. № 1016, л. 14, 15.

отвѣчали: „Многа лѣта, отче. Духъ Святыи найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнить тя, и моли за ны, честныи отче“. Первый священникъ отвѣчалъ имъ: „Да помянетъ вы Господь во царствіи своемъ“. Остальные священники заключали: „Буди намъ по глаголу твоему“ и отходили на свои мѣста (стр. 62). Въ памятникахъ XIII в. къ этимъ особенностямъ прибавились еще двѣ: чтеніе 50 псалма при совершеніи выхода или послѣ омовенія рукъ и молитвы Святому Духу: „Царю небесныи“ послѣ входа (стр. 96, 97). Въ слѣдующемъ вѣкѣ описаніе великаго входа еще болѣе осложнилось. „По дары идуща“, читалась молитва: „Благодѣтелю всея твари всѣческимъ содѣтелю“, по перенесеніи даровъ, молитва: „Владыко Господи, животворяи, благихъ дателью“ или только „Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ“ при кажденіи святыхъ даровъ, и, наконецъ, молитва: „Царю небесныи“ (стр. 123). Осложненіе великаго входа продолжалось и въ XV вѣкѣ. Священникъ, по памятникамъ этого времени, предъ совершеніемъ входа трижды читалъ херувимскую пѣснь и, поднимая сосуды, произносилъ слова: „Возьмите руки ваша во святая“. Формула поминовенія тоже осложнилась. Кромѣ словъ: „Да помянетъ Господь Богъ всѣхъ васъ во царствіи своемъ всегда нынѣ и присно“ и „Да помянетъ Господь святительство твое во царствіи своемъ всегда нынѣ и присно“ и „Да помянетъ Господь смиреніе ваше и терпѣніе ваше во царствіи своемъ“ при входѣ въ алтарь, священникъ произносилъ слова: „Возьмите врата, князи ваша“ и „Благословенъ грядый во имя Господне“. Иногда первыя слова произносилъ діаконъ, а вторыя—священникъ (стр. 219—221). Всѣ особенности, отмѣченныя нами сей часъ въ описаніи великаго выхода, находятъ для себя полное оправданіе въ практикѣ греческой церкви (1) и цер-

(1) *Евхолог.* ркн. м. Синод. библ. № 280, л. 30; *Трлти.* ркн. тѣ же библ. № 381, л. 29; *Евхолог.* ркн. Румянц. муз. № 403, л. 14—19 об.; *Евхолог.* Geogr. pag. 91, 92, 96, 102, 106.

квей юго-славянскихъ земель (1). Что касается тѣхъ двухъ любопытнѣйшихъ памятниковъ для исторіи нашего богослуженія въ XV вѣкѣ, какіе описаны Одинцовымъ въ его книгѣ на стр. 222, то оригиналы для нихъ мы пока не можемъ указать. Вотъ описанія входа великаго по этимъ памятникамъ. При взятіи даровъ священникъ говоритъ: Святъ, Святъ, Святъ.... Егда же изыдетъ изъ святыхъ дверей, глаголетъ: „Помяни насъ, Господи, егда приидеши во царствіи своемъ. Помяни насъ Владыко.... Помяни насъ Святый“.... Егда же станетъ на амбонѣ, глаголетъ вельми: помянетъ всѣхъ васъ Господь въ царствіи своемъ; поступитъ, и глаголетъ: „Возьмите врата, князи ваша! Господь силамъ Той есть Царь славы“. Егда же станетъ предъ царскими дверьми, глаголетъ: „Въ Сіонѣ велій и высокъ надъ всѣми боги. Отверзите мнѣ врата правды и, вшедь въ ня, исповѣмся Господеви. Се врата Господня, праведніи видуть въ ня“. По поставленіи даровъ на престолъ, священникъ читалъ: „Благообразный Іосифъ“, „Царю небесный“ дважды, кадя дары: „Святъ, Святъ, Святъ“, а по покровеніи воздухомъ: „Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя“. По другому памятнику предъ началомъ выхода, діаконъ говоритъ: „Господу помолимся. Господи помилуй. Возьми, владыко. Священникъ: въ смиреніи роздѣжите руки ваша и въ святая и благословите Господа. Благословить вы отъ Сіона сотворивый небо и землю. Священникъ поставляетъ дискось на голову, а потиръ и кадильницу держитъ противъ персей своихъ и читаетъ слова: „Святый Боже“ три раза. Выходя изъ алтаря, священникъ произносилъ: „Помяни, Господи, обитель сію или градъ сей и всякаго города и страны вѣрная христіане живущая въ нихъ. Помяни, Господи, благо-

(1) Служб. изд. Венец 1519, 1554, 1570 гг. л. 23 об., 24; Угро-Валах. библ. Рум. муз. № 25, л. 35, 36.

честивыхъ князей нашихъ и все воинство. Помяни, Господи, епископа нашего и весь священнический чинъ. Помяни, Господи, отца нашего и всѣхъ яже о Христѣ братій нашихъ“. Егда же придетъ на среди церкви, здѣ возглашаетъ: „Да помянетъ, Господь Богъ и всѣхъ васъ во царствіи своемъ“. Егда же придетъ въ царскіе двери, глаголетъ: „Возьмите врата“ и обычно молится предъ святою (трапезою) въ себѣ, творя поклоненія великая три: „Боже, очисти мя грѣшнаго“. Таже спустивъ фелонь свой, согбенъ имѣя руцѣ свои на персяхъ, главу преклонивъ предъ святою трапезою, глаголетъ: „Духъ Святой найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя“. Особенности въ обоихъ этихъ спискахъ послѣ поставленія даровъ на престолъ не представляютъ разницы отъ практики греческой церкви (¹) и церквей юго-славянскихъ (²).

По возгласѣ: „Возлюбимъ другъ друга“, священники произносили: „Отца и Сына и Святаго Духа“ и цѣловались въ уста съ словами: „Миръ о Христѣ іерейству твоему“. Эти особенности мы находимъ въ памятникахъ XII, XIII и XIV вв. (стр. 63, 97, 124), но въ памятникахъ XV вѣка въ данномъ случаѣ положено читать молитву: „Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя“, а прежде ея молитву: „Господи Іисусе Христе, любви Творче и дателю“ (стр. 224), которая въ XIV в. читалась во время пѣнія Символа вѣры (стр. 124).

При словахъ діакона: „Станемъ добре“, священникъ читалъ: „Святой Боже“ и снималъ покровъ съ священныхъ сосудовъ (стр. 63, 97, 125, 225). Въ богослужебныхъ памятникахъ до XV в. предъ освященіемъ даровъ тропаря „Господи, иже пресвятаго Твоего Духа“ и стиховъ 50 псалма не читали (63,

(¹) *Еυχолог.* Goar. pag. 97, 102, 106; рки. Румянц муз. XVI в. № 403, л. 15, 19 об; *Еυχолог.* Edit. Venet. 1566 an. л. 17.

(²) Служеб. изд. Венец. 1519, 1554, 1570 гг. л. 23 об. 24; Служебн. Угро-Валах. № 25, л. 35, 36.

97, 125), а въ XV в. существовала уже та и другая практика безразлично (стр. 226). При пѣніи „Достойно есть“ по памятникамъ XV в. священникъ кадиль престоль, а затѣмъ воздвигалъ руки. Въ молитвѣ, которая читалась въ это время, поминалось празднуемое событіе, если день былъ праздничный или въ честь Господа нашего Иисуса Христа, или въ честь Божіей Матери (ibid.). Предъ возгласомъ священника: „И даждь намъ едиными устами“ диаконъ кланялся предъ престоломъ съ молитвою: „Царю небесный“ и отворялъ царскія двери (ibid.). Въ памятникѣ XIII в., во время пѣнія „Отче нашъ“, положено священнику воздѣвать руки и читать эту молитву (стр. 97). Предъ возношеніемъ святыхъ даровъ, послѣ возгласа „Благодацію и щедротами“, священникъ воздвигалъ руки и читалъ слова: „Господи устнѣ мои отверзеши“... (стр. 64, 227).

Послѣ возгласа „Святая святымъ“, говорится въ памятникахъ XII вѣка, рекутъ попове и диаконъ, преступльше къ трапезѣ: „Многа лѣта, отче. Богу срятую и чистую и честную твою молитву намъ; на многа лѣтъ, честный отче“. Онъ же отвѣщаетъ: „Купно съ животомъ вашимъ“; и они рекутъ: „Аминь“ и отступятъ на свои мѣста. Разламывая тѣло на четыре части, священникъ говорилъ: „Въ преломленіи хлѣба познаста ученики Господа своего“, влагая тѣло въ чашу: „Смѣшеніе святаго тѣла и честныя крови Господа нашего Иисуса Христа и исполненіе Святаго Духа“. Далѣе священникъ читалъ молитву: „Во множествѣ грѣховъ моихъ“.

Обрядъ причащенія тѣломъ и кровью совершался нѣсколько отлично отъ нынѣшняго. Если священниковъ въ совершеніи литургіи участвовало много, то младшій священникъ часть Агнца подавалъ старшему, а старшій подавалъ младшему. Принимающій произносилъ: „Аминь“. Тотъ и другой давали взаимное лобызаніе. Причащеніе кровью происходило такимъ же образомъ. Младшій священникъ, причащая

старшаго, произносили: „Отець, Сынъ и Святыи Духъ“, а старшій отвѣчалъ: „Чашу спасенія прииму“, а потомъ наоборотъ. Остальные священнослужители тѣла Христова причащались отъ рукъ настоятеля, а крови отъ рукъ младшаго священника. Предъ причащеніемъ священникъ еще долженъ былъ читать: „Дажь ми, Господи Иисусе Христе“, а по причащеніи: „Буди мнѣ, Господи, въ отпущеніе грѣховъ“. Когда литургію совершалъ одинъ священникъ, то, причащаясь тѣла, онъ произносилъ: „Се прикасается угля устнахъ моихъ“, а принимая чашу: „Чашу спасенія прииму“ и „Буди мнѣ, Господи, въ отпущеніе грѣховъ“. (стр. 64, 65).

Въ памятникѣ XIII в. число молитвъ нѣсколько стало больше. При вливаніи теплоты, священникъ читалъ: „Снидетъ, яко дождь на руно и яко капля на землю каплюшая“. Предъ причащеніемъ стали читать молитву: „Господи, вѣмъ, яко нѣсемъ достоинъ, да подъ кровъ мой увидеши“, а послѣ цѣлованія съ діакономъ: „Како стязу Тя, Господи“. Формула: „Отець, Сынъ и Святыи Духъ“, которая въ предшествующемъ вѣкѣ произносилась младшимъ священникомъ, нѣсколько расширилась и приняла такой видъ: „Господу помолимся. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. По причащеніи священнослужители цѣловались съ произнесеніемъ словъ: „Миръ о Христѣ“ и читали молитву: „Вѣрую, Господи, и исповѣдаю“. Когда литургія совершалась однимъ священникомъ съ діакономъ, то слова: „Миръ о Христѣ“ произносилъ діакономъ, а священникъ отвѣчалъ ему: „И діаконству твоему“. Послѣ причащенія оба читали: „Буди ми, Господи“, и „Тѣло и кровь, юже пріяты“ (стр. 98).

Въ спискахъ XIV вѣка этотъ моментъ еще болѣе осложняется. Здѣсь нашъ авторъ находитъ слѣдующія молитвы, которыхъ не было въ памятникахъ предшествующаго времени: „Вѣрую въ Тя, Господи, яко Ты еси Сынъ Божій“, „Господи, се возьму плоть и кровь Твою“ и „Вечери Твоея тайныя“. При опущеніи

ни св. даровъ въ чашу, послѣ причащенія священнослужачихъ, полагалось читать три слѣдующія молитвы: „Тѣло и кровь, юже пріяхъ“, „Владыко святой“, „Тѣло Твое святое, Господи, буди мнѣ въ животъ вѣчный“ и „Буди мнѣ, Господи, на отпущеніе грѣховъ“. Влияя теплоту въ сосудъ, священникъ читалъ: „Исполненіе Святаго Духа“ (стр. 125).

По памяткамъ XV в., непосредственно послѣ молитвы: „Вонми Господи“ положено читать слѣдующія молитвы: „Господи, нѣсмь достоинъ, да подѣ кровь Твой прибѣгну“, „Тѣло Твое, Господи Иисусе Христе, буди мнѣ въ животъ вѣчный“, „Вѣрую Господи, и исповѣдую“, „Се приступаю къ божественному причащенію, Владыко“. При вліяніи теплоты, иногда діаконъ произносилъ только „Аминь“, а иногда при благословеніи ея священникъ читалъ: „Благословенъ Богъ благословляяй всяческая, того благодатию всегда, нынѣ“...., а при вліяніи теплоты въ чашу:—„Ваня божественная и порожденія словомъ“. Принимая тѣло, діаконъ цѣловаль или руку и ланиту священника, или руку и въ уста, или одну только руку съ чтеніемъ молитвы: „Царю небесный“. Священникъ произносилъ: „Христось посредѣ насъ“, а діаконъ: „Есть и будетъ“ (стр. 227—231).

Изъ этого разнообразія особенностей можно заключить, какъ трудно ориентироваться въ нихъ исследователю. Можно напередъ сказать, что, при объясненіи происхожденія особенностей даннаго момента, встрѣтилось бы множество затрудненій даже и въ томъ случаѣ, если бы напередъ достаточно были изучены первоисточники нашего богослуженія. А намъ извѣстно уже, что этого то и недостаетъ нашему автору. Поэтому въ книгѣ г. Одинцова для объясненія указанных особенностей мы ничего не встрѣчаемъ кромѣ однихъ фразъ. Заканчивая, напр., обзорѣніе особенностей этого момента въ XII в. нашъ авторъ пишетъ: „насколько такой порядокъ причащенія священнослужачихъ соответствовалъ практикѣ, церкви греческой,

по недостатку данныхъ, сказать положительно не можемъ“ (стр. 65). „Всѣхъ этихъ особенностей причащенія священнослужащихъ въ XIII вѣкѣ, пишетъ г. Одинцовъ въ своей книгѣ, исключая словъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, въ извѣстныхъ намъ древнихъ греческихъ спискахъ (а почему бы не заглянуть въ позднѣйшіе?) литургіи Златоуста мы не находимъ“ (стр. 98). „Отсутствіе этихъ двухъ особенностей, пишетъ г. Одинцовъ о благословеніи теплоты съ словами „Благословенъ Богъ“..., и о вливаніи ея съ словами: „Баня божественная и порожденіи ея словомъ“ въ богослужебной практикѣ греческой церкви, а также простота первой и несомнѣно понятное содержаніе второй *много говорятъ въ пользу русскаго ихъ происхожденія* (стр. 228). „Всѣ остальные особенности — цѣлованіе священнослужащаго въ лицо и произнесеніе извѣстныхъ словъ, говоритъ Одинцовъ, могутъ быть объяснены тѣмъ, что писцами на этотъ моментъ послѣдованія литургіи были перенесены особенности ея момента, слѣдующаго за возгласомъ: „Возлюбимъ другъ друга“; тамъ именно полагается священникамъ и діаконамъ цѣловать другъ друга въ лицо и произносить извѣстныя слова. Основаніемъ для такого перенесенія этихъ особенностей одного момента богослуженія на другой могло послужить то соображеніе, что послѣ пріобщенія тѣла и крови Христовой священнослужащими Христосъ болѣе, чѣмъ когда нибудь съ ними и среди нихъ и общеніе ихъ между собою вслѣдствіе этого въ этотъ моментъ богослуженія должно быть сильнѣе, чѣмъ когда нибудь“ (стр. 229). Вотъ сколько наговорено фразъ единственно потому, что авторъ ограничился только просмотромъ даннаго момента въ памятникахъ *древне-греческихъ* и не заглянулъ въ позднѣйшіе. Мы увѣрены, что онъ нашелъ бы здѣсь очень немало особенностей тождественныхъ съ отмѣченными. Съ своей стороны мы не беремъ на себя смѣлость подыскать оправданіе для всѣхъ извѣстныхъ намъ особенностей, такъ какъ

позднѣйшіе памятники церковей греческой и юго-славянскихъ извѣстны намъ, какъ мы замѣчали выше, пока въ ограниченномъ количествѣ, но тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ оправдываются и тѣми списками, которые находятся въ нашемъ распоряженіи.

Въ одномъ изъ манускриптовъ, помѣщенныхъ въ *Ευχολογιον*-ѣ Гоара, предъ причащеніемъ діаконъ говоритъ священнику: „Исполни, владыко, святыи потиръ“, а священникъ, взявши верхнюю часть святаго хлѣба и сдѣлавши крестъ надъ сосудомъ, опускаетъ ее, говоря: „Исполненіе Святаго Духа. Аминь“. Потомъ діаконъ, поднося теплоту (*ζέον*), говоритъ: „Благослови, владыко, святую теплоту“, а священникъ, благословляя ее, говоритъ: „Теплота вѣры Святаго Духа“. Діаконъ, вливая въ святыи потиръ, говоритъ: „Снидетъ, яко дождь на руно и яко капля“. Потомъ священникъ дѣлаетъ поклонъ діакону и говоритъ: „Братъ и сослужитель, прости мнѣ грѣшнику“ и взявши одну изъ частей Агнца въ правую руку друмя верхними пальцами, говоритъ слѣдующее: „Честное и всесвятое тѣло Господа и Бога“... Когда священникъ читаетъ эту молитву, то правую свою руку съ Божественнымъ хлѣбомъ держитъ надъ святымъ дискомъ, а затѣмъ обратившись къ діакону, говоритъ: „Діаконъ, приступи“. Діаконъ, подходя съ благоговѣніемъ и сдѣлавши поклонъ священнику, говоритъ: „Благослови, владыко; прости мнѣ грѣшнику“. Священникъ добавляетъ: „Богъ проститъ тебѣ“. Діаконъ протягиваетъ свою руку къ дискусу, и священникъ, взявши часть Агнца тремя пальцами, даетъ ему и говоритъ: „Честное и всесвятое тѣло Господа“. Діаконъ цѣлуетъ руку священника. Затѣмъ оба преклоняются и читаютъ благодарственные молитвы, послѣ которыхъ уже причащаются животворящаго хлѣба. Причащеніе кровью описывается такъ же, какъ и въ нынѣшнихъ нашихъ служебникахъ (1).

(1) *Ευχολογ.* Goar. pag. 97, 98.

Въ криптоферратскомъ спискѣ (Falascae) этой литургіи нѣкоторые возгласы представляютъ особенности, имѣющія отношенія къ нашимъ древне-русскимъ служебникамъ. Послѣ возгласа: „Святая святымъ“, священникъ говоритъ: „Господи, иже пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоламъ“ и взявши хлѣбъ раздѣляетъ его на три части и говоритъ: „Раздѣляется Агнецъ“... Взявши одну часть, священникъ вкладываетъ ее въ потиръ. Послѣ того, какъ діаконь скажетъ: „Исполни, владыко“, священникъ произноситъ: „Исполненіе вѣры Духа Святаго всегда нынѣ“... И наклонившись, молится такъ: „Оскверненною душею и нечистыми устами“... Когда возьметъ часть Агнца, то читаетъ молитвы: „Владыко человѣколюбче, Господи Иисусе Христе, да не въ судъ“ и „Вѣрую Господи и исповѣдую“, при чемъ креститъ свое чело рукою, въ которой находится часть Агнца. Причащаясь изъ чаши, священникъ произноситъ: „Чашу спасенія пріиму“ и „Сія честная кровь Господа нашего“. При опусканіи частей въ потиръ и отираниіи губою дискаса читается молитва: „Да будетъ мнѣ, Господи Иисусе Христе Боже нашъ, тѣло святое во оставленіе согрѣшеній“ (¹). Въ другомъ криптоферратскомъ спискѣ этой литургіи находимъ слѣдующія особенности, отличающія этотъ списокъ отъ другихъ. Предъ возгласомъ „вонмемъ“, по этому списку, священникъ кадитъ срытые дары, а возвышая ихъ, читаетъ: „На небесахъ, Боже, и по всей земли слава Его разсѣяна“. При вложеніи части Агнца въ сосудъ, священникъ произноситъ: „Исполненіе Святаго Духа всегда нынѣ и присно и во вѣки“... Предъ причащеніемъ святыми дарами—молитвы: „Вечери Твоея тайныя“ (молитва эта произносится дважды), „Боже отъими, остави, прости“, „Да будетъ мнѣ, Господи Иисусе Христе, тѣло Твое святое“ и „Благодаримъ Тебя,

(¹) *Eucholog.* Goar. pag. 103, 178, 179.

Владыко челоуѣколюбче“ (1). Въ „илитаріѣ“ XII—XIII в., описанномъ преосвященнымъ Порфиріемъ, послѣ възгласа „Святая святымъ“, священникъ читаетъ: „Святый Боже“, при раздробленіи хлѣба: „Честное и святое и пречистое тѣло Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во имя Отца и Сына и Св. Духа“, при крестообразномъ положеніи Агнца — „Раздробляемый и нераздѣляемый, ядомый и несиждиваемый, ядущихъ Тобою освящай, Самъ еси Христе Боже нашъ, исполнивый все отеческое обѣтованіе, исполни радости и веселія души наши всегда нынѣ“... И входитъ діакоуъ въ алтарь, говоря: „Исполни, владыко“. Священникъ: „Исполненіе Святаго Духа. Аминь“, „Вознесу Тя, Господи Боже мой, Царю мой“, „Благословенна теплота Св. Духа нынѣ“... Святое тѣло прежде беретъ діакоуъ, а потомъ уже священникъ, произнося оба молитвы: „Вечери Твоя тайныя“, „Честнаго святаго“ и „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. По причащеніи, діакоуъ отираетъ губоу св. дискосъ и цѣлуетъ его и, взявъ лжицу, креститъ чашу, говоря: „Клеца (λάβις) Духа Святаго. Аминь“ (2). Въ *Ευχολογιον*-ѣ XIV вѣка предъ принятіемъ тѣла Христова священникъ наклоняетъ голову, цѣлуетъ взятую часть Агнца и читаетъ: „Тѣло Твое святое, Господи Иисусе, Господи Боже нашъ да будетъ мнѣ въ жизнь вѣчную. Аминь“. Предъ причащеніемъ изъ сосуда: „И кровь Твоя святая да будетъ мнѣ“ (3)... Въ памятникѣ XIV—XV в. предъ тѣмъ же дѣйстви-емъ положено священнику читать еще двѣ молитвы: „Вечери Твоя, какъ блудный сынъ и какъ впавшій въ руки разбойниковъ“ и „Беззаконій моихъ не помяни, Господи“ (4). Но самымъ интереснымъ по сво-

(1) *Ευχολογ.* Соар. pag. 107.

(2) Труды Кіевск. дух. акад. т. I, 1873 г. стр. 418.

(3) *Ευχολογ.* ркп. м. Синод. библ. № 280, л. 37.

(4) *Ibid.* ркп. Севаст. собран. № 472, л. 21 об.

имъ подробностямъ, имѣющимъ непосредственную связь съ нашими служебниками, нужно считать чинъ литургіи, находящійся въ Типиконѣ XV вѣка. „Священникъ, читаемъ мы здѣсь описаніе даннаго момента, взявши одну часть отъ святаго хлѣба и вложивши во святой потиръ, говоритъ: „Исполненіе Святаго Духа“. Діаконъ: „Аминь“ и, взявши теплоту, говоритъ къ священнику: „Благослови, владыко, теплоту“. Священникъ читаетъ: „Благословенъ Богъ, живый всегда нынѣ“... Діаконъ: „Аминь“. И вливаетъ діаконъ теплоту въ сосудъ, при словахъ священника: „Теплота Святаго Духа. Аминь“. Потомъ діаконъ крестообразно опоясываетъ на плечахъ свой орарь и, взявши часть Агнца, цѣлуетъ въ правую руку священника и говоритъ просебя: „Вечери Твоя тайныя“, „Царю небесный“. Точно такимъ же образомъ дѣлаетъ и говоритъ священникъ. Причащавъ изъ св. потира, діаконъ цѣлуетъ св. потиръ и священника въ щеку. Священникъ говоритъ: „Христосъ посреде насъ“. Діаконъ: „И есть и будетъ“ (1). Очень многія изъ указанныхъ сейчасъ особенностей можно находить и въ памятникахъ XVI вѣка. Здѣсь къ молитвамъ, положеннымъ въ нынѣшнихъ служебникахъ, прибавлена еще молитва: „Миѣ же прилѣпятся Богу — благо есть“. Діаконъ, на приглашеніе священника: „Діаконъ, приступи“, читалъ: „Се прихожу безсмертному Царю; прости меня, владыко святой, и благослови и подаждь миѣ честную и святую кровь Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа“ (2)... Относительно порядка причащенія священнослужителей мы находимъ слѣдующее замѣчаніе въ греческихъ памятникахъ: „нужно замѣтить, что первый священникъ причащаетъ тѣломъ остальныхъ священниковъ и діаконозъ, а второй священникъ — кровью святою. Если

(1) *Тулж.* ркп. м. Синод. библ. № 384, л. 30 об., 31.

(2) *Евхолог.* ркп. м. Румянц. музея № 403, л. 54 об., 54.

служить архіерей, цѣлуютъ его руку, если же нѣтъ, то свою собственную руку и—перваго іерея“ (1).

Но представленные здѣсь списки греческой литургіи Іоанна Златоуста не исчерпываютъ во всей полнотѣ подробностей даннаго момента въ нашихъ древнерусскихъ служебникахъ, а поэтому мы обратимся къ памятникамъ земель юго-славянскихъ. Въ служебникѣ Евѳимія, патріарха тырновскаго, къ тѣмъ особенностямъ, какія мы отмѣтили въ греческихъ спискахъ, новаго ничего нельзя прибавить (2), но въ спискѣ литургіи XV вѣка сербскаго служебника находимъ слѣдующія особенности: діаконъ, поднося священнику теплоту, говоритъ: „Благослови, владыко, теплое“, священникъ на это отвѣчаетъ: „Благословенъ Богъ, живой всегда нынѣ и присно“. Діаконъ заключалъ: „Аминь“ и, вливая теплоту въ сосудъ, читалъ: „Банею Божественною порожденіи словомъ, чертавъ съложному естеству, тѣчно истачаеши святую изъ нетлѣнныхъ и прободенныхъ Твоихъ ребрь. О, Божіе Слово, надпечатлѣно топлотою Духа“. Затѣмъ діаконъ опоясывался ораремъ. Принимая часть тѣла Христова, діаконъ цѣловалъ руку священника, а вкушая его читалъ: „Буди ми, Господи, честное тѣло Твое въ отпущеніе грѣховъ и въ жизнь вѣчную всегда нынѣ и присно“.... „Подобнѣ же творить — глаголетъ іерей, замѣчается въ этомъ служебникѣ, егда причащается святѣй чаши“ (3). Въ печатныхъ венеціанскихъ изданіяхъ сербскаго служебника встрѣчаемъ особую молитву, положенную для чтенія послѣ причащенія: „Честныя и святыя и пречистыя плоти Твоей Христе причастихся и честныя и святыя крови Твоей сподобихся“ (4).

(1) *Еυχолог.* Edit. Venet. 1566 an. л. 24; *Еυχол.* Goar. pag. 93.

(2) Гласник. сербск. ученог. друшт. 1869 г. кн. 8. стр. 302, 303.

(3) Служеб. рkp. собран. Григоровича, № 1713, л. 27—29.

(4) Служебн. изд. Венец. 1519, 1554, 1570 гг. л. 34—35; Угровалах. служ. № 25, л. 50—53.

Послѣ всего этого, конечно, нельзя согласиться съ мнѣніемъ нашего автора относительно „русскаго происхожденія“ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ особенностей даннаго момента въ древне - русскомъ чинѣ литургіи и относительно переноса нѣкоторыхъ особенностей этого момента съ одного мѣста на другое нашими русскими писцами.

Въ памятникахъ XII вѣка возгласъ послѣ причащенія священнослужителей произносился только: „Со страхомъ Божиимъ“ (стр. 66), а въ памятникахъ XIII вѣка онъ принялъ такую форму: „Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“ съ отвѣтомъ клира: „Ко Христу Цареву Богу нашему“ (стр. 99). Авторъ напрасно за объясненіемъ происхожденія этого возгласа обратился къ сочиненіямъ Германа, патріарха константинопольскаго (ibid.). Онъ встрѣчается въ богослужебныхъ памятникахъ, помѣщенныхъ у Гоара. Здѣсь онъ читается въ такомъ видѣ: *Μετὰ φόβον καὶ πίστεως καὶ ἀγάπης προσέλθετε Χριστῷ, τῷ Θεῷ καὶ βασιλεῖ ἡμῶν. Ὁ λαὸς ἀποκρίνεται: Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος* (¹)... Но авторъ положительную неправду говорить, что особенность, явившаяся въ нашей практикѣ въ XV вѣкѣ и состоящая въ томъ, что первыя слова этого возгласа произносились священникомъ и только слово: „приступите“ діакономъ, не находитъ для себя основаній въ богослужебной практикѣ церкви греческой (стр. 231). Слѣды подобнаго раздѣленія этого возгласа мы находимъ въ одномъ изъ первыхъ списковъ литургіи, помѣщенныхъ у Гоара. Здѣсь это мѣсто читается такъ: *Καὶ ὁ διάκονος λέγει πρᾶξις τῆ φωνῆ. Μετὰ φόβον καὶ πίστεως τὸ δὲ προσέλθετε γευοστέρα φωνῆ* (²). Но въ *Ευχολογιον*-ѣ XIV в. и въ типикѣ XV вѣка мы находимъ уже болѣе ясное раздѣленіе этого возгласа, при чемъ первыя слова произносить священникъ, а слова „приступите“ діа-

(¹) *Ευχολογ.* Goar. pag. 179.

(²) *Ibid.* pag. 98.

конѣ. Въ первомъ памятникѣ замѣчается: *Ὁ ἱερεὺς λαβὼν τοῦτον* (т. е. сосудъ) *ἐν τῇ ἀριστερᾷ χειρὶ, λέγει μυστικῶς: Μετὰ φόβου Θεοῦ καὶ πίστεως, εἶτα ὁ διακονος· προσέλθετε* (1), а въ другомъ: *Καὶ τοῦ ἱερέως λέγοντος: Μετὰ φόβου Θεοῦ καὶ πίστεως, λαμβάνει ὁ διάκονος τὸ ἅγιον ποτήριον καὶ λέγει τῷ λαῷ: προσέλθετε* (2).

Въ сербскихъ служебникахъ священникъ произносить: „Со страхомъ Божиимъ“, а диаконъ— „О, братіе, всѣ преступите“ или просто— „Приступите“ (3).

Одновременно съ послѣднимъ обычаемъ является другой въ нашей богослужебной практикѣ, который состоялъ въ томъ, что диаконъ одною рукою держалъ потирь, при причащеніи мірянъ, а другой горящую свѣчу. Такъ какъ этотъ обычай имѣетъ сходство съ обычаемъ практики латинской церкви, то нашъ авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, объяснилъ его вліяніемъ этой послѣдней на появленіе въ нашихъ богослужебныхъ памятникахъ (стр. 231), опустивъ изъ виду совершенно, что онъ не былъ чуждъ и практики древнегреческой церкви. *Тότε* (т. е. послѣ причащенія священнослужителей), читаемъ мы во второмъ криптоферратскомъ спискѣ этой литургіи, *τὸ μέγα βηλόθυρον ἀνοίγεται, ἀνημμένας λαμπάσι. Καὶ ὁ ἱερεὺς δυνάμει τῷ ποτήριον τῷ λαῷ λέγων: Μετὰ φόβου Θεοῦ καὶ πίστεως καὶ ἀγάπης προσέλθετε* (4).

Возгласъ священника „Спаси, Боже, люди Твоя“, произносимый нынѣ при второмъ явленіи народу, вошелъ въ практику только въ XV в., а до сего времени мы не находимъ его въ богослужебныхъ памятникахъ. Произнося этотъ возгласъ, священникъ кадилъ святую трапезу, а послѣ него читалъ слова:

(1) Рки м. Синод. библ. № 280, л. 38.

(2) Греч. рки. той же библ. № 381, л. 30 об., 31.

(3) Служеб. рки. собр. Григоровича, № 1713, л. 31; Венец. служеб. 1519, 1554, 1570, л. 37.

(4) *Евχолог.* Бог. pag 107; слпч. Сербск. Часослов. рки. Ватик. библ. № 10, л. 54 об.

„Преходя отъ силы въ силу“ (стр. 232), которая въ XIII вѣкѣ произносились послѣ возгласа: „Со страхомъ Божиимъ“ (стр. 99). Отвѣта на этотъ возгласъ священника не было. Въ памятникахъ XVI вѣка послѣ него клиру положено пѣть: „*Εἰς πολλὰ ἔστί, δέσποτα*“⁽¹⁾.

Предъ третьимъ возгласомъ священникъ читалъ молитвы: „Вознесися на небеса, Боже“, „Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой“. Третій возгласъ діаконъ иногда предварялъ словами: „Благослови Владыко“, а священникъ произносилъ его въ такомъ видѣ: „Благословенъ Богъ нашъ“, или нѣсколько въ распространенномъ видѣ: „Благословенъ Богъ нашъ, просвѣщая и освѣщая всѣхъ насъ и Того благодатию и челоуѣколюбіемъ всегда нынѣ и присно“ (стр. 232)... Послѣ третьяго возгласа священникъ читалъ благодарственную молитву (99, 233), но съ XV вѣка эта молитва заняла то мѣсто, на которомъ она находится въ нынѣшнихъ памятникахъ (стр. 233). Возгласъ: „Съ миромъ изыдемъ“ произносилъ діаконъ, а не священникъ, какъ это дѣлается въ наше время (*ibid.*).

По памятникамъ XII в. литургія оканчивалась молитвою „Потребите святая“: „Исполненіе закона и пророковъ“ (стр. 67), въ XIII в. или молитвою „свлячая ризы“: „Господи Боже нашъ, пріими умиленную нашу молитву“, или такъ: послѣ заамвонной молитвы діаконъ произносилъ: „Господу помолимся“, священникъ: „Благословеніе Господне на васъ“ и раздавалъ антидоръ, послѣ чего въ алтарѣ читалъ молитву: „Кончарше божественную тайную службу“ и обычную молитву „на потребленіе даровъ“ (стр. 99). Въ XIV вѣкѣ этотъ моментъ немного развился отъ списковъ предшествующаго времени. Присоединились молитвы: „Нынѣ отпущаеши“ и молитва: „Преклоныте ко-

---

⁽¹⁾ *Ευχολολ.* ркп. Румянц. муз. № 403, л. 56 об; *Ibid.* Goar. pag. 84.

лѣна и главы наша до земли“ (стр. 126). Но этого совершенно нельзя сказать о памятникахъ XV вѣка. Здѣсь каждый списокъ представляетъ свои особенности, иногда имѣющія очень мало общаго между собою. По однимъ памятникамъ, послѣ възгласа: „Благословеніе Господне“, слѣдоваль еще възгласъ: „Молитвами Пречистыя Ти Матери“ и пѣніе „Достойно есть“ и „Слава Тебѣ, Христе Боже“, чѣмъ оканчивалась самая литургія. Послѣ потребленія даровъ священникъ читалъ: „Нынѣ отпускаеши“, „Трисвятое“, „Отче нашъ“ или—тропарь дня и Богородицѣ, или—тропари—храму, дню и Златоусту, кондакъ ему же и Богородицѣ. Выходилъ изъ храма священникъ съ чтеніемъ псалма: „Вознесу Тя, Боже мой“. По другимъ памятникамъ, послѣ възгласа: „Благословеніе Господне на васъ“ священникъ читалъ молитвы: „Благодаримъ Тя, Владыко челоуѣколюбче“, „Вшедь въ святой алтарь“, „Господи Боже нашъ, иже въ семь второмъ алтарѣ“, „Исполненіе закона и пророковъ“, „Господи Боже нашъ, пріими умиленную нашу службу“, „Нынѣ отпускаеши“, „Трисвятое“, „Отче нашъ“ тропарь дня и святаго, слава и нынѣ Богородицы и обычный отпустъ. Кромѣ этихъ памятниковъ были и такіе, въ которыхъ окончаніе излагалось такимъ же образомъ, какъ въ памятникахъ XIII и XIV вѣковъ (стр. 234, 235). Подыскать оправданія для всѣхъ особенностей, указанныхъ г. Одинцовымъ въ данномъ моментѣ мы, по недостатку данныхъ, не беремъ на себя смѣлости, но сильно сомнѣваемся въ ихъ русскомъ происхожденіи.

Всѣ особенности чина литургіи Іоанна Златоуста естественно должны были входить и входили въ составъ *чина литургіи Василія Великаго*, но кромѣ общихъ особенностей въ чинѣ литургіи послѣдняго находятя и свои особенныя, которыхъ не было въ чинѣ литургіи Златоуста. Изъ такихъ особенностей г. Одинцовъ въ списокѣ этой литургіи XII вѣка отмѣчаетъ: произнесеніе словъ при освященіи даровъ:

„Изліянную ради живота всего міра“, отсутствіе словъ: „Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ“, чтеніе особой заамвонной молитвы: „Владыко, Господи Іисусе, Спасе нашъ, сподобивый ны своея славы общникомъ быти“ (стр. 68). Въ чинѣ литургіи этого отца XIII в. нашъ авторъ указываетъ, какъ на особенности: чтеніе молитвы надъ кадиломъ: „Боже пріемый Авелевы дары“, пѣніе антифоновъ: „Благо есть исповѣдаться Господеви“, „Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса“ и „Приидите возрадуемъя Господери“ (стр. 101). Въ XIV в. къ этимъ особенностямъ присоединились три новыя молитвы: двѣ молитвы, надъ приготовленными дарами: „Господи Іисусе, Хлѣбе животный“ и „Владыко Господи, животворяй благихъ дателю“ и молитва трисвятаго: „Свѣте святыхъ, Боже нашъ, единъ святъ и на святыхъ почивай“ (стр. 126). Въ спискахъ этой литургіи XV в. г. Одинцовъ замѣтилъ слѣдующія новыя молитвы: молитва входа: „Господи Боже, входъ святой, иже на небеси крѣпостію своею обнови“, молитва предъ евангеліемъ: „Господи Боже нашъ, преклонивый сердца наша въ послушаніе божественныхъ повелѣній“, молитва во время херувимской пѣсни: „Владыко Господи, посѣтивый насъ милостію и щедротами“ и молитва по поставленіи даровъ: „Владыко животворяй, давай наслажденіе жизни вѣчныя чловѣкомъ“ (стр. 236).

Чинъ литургіи преждеосвященныхъ даровъ имѣетъ не мало особенностей при сравненіи его съ чиномъ настоящихъ служебниковъ. Литургія эта совершалась кромѣ дней великаго поста еще и въ среду и пятницу сырной недѣли (стр. 238; Служ. ркп. XII—XIII в. Солов. библ. № 1016, л. 55).

Какъ на время приготовленія священнослужителей въ памятникахъ XV в. указываетъ на пѣніе „Дикъ небесный“, во время котораго священникъ съ діакономъ кланялись игумену, а затѣмъ дѣлали поклонъ предъ святыми дверями и входили въ алтарь, гдѣ облачались въ священныя одежды съ чтеніемъ.

тѣхъ же молитвъ, которыя положены и на литургіи Златоуста (стр. 238).

Литургія преждеосвященныхъ даровъ начиналась по памятникамъ XV в., возгласомъ: „Благословенъ Богъ нашъ“ (стр. 239). Обычай этотъ имѣлъ мѣсто и въ практикѣ древне-греческой церкви. Θεόδωροςъ Студитъ такъ объясняетъ его существованіе: „священникъ *возглашаетъ не „Благословенно царство“ какъ знаменіе побѣды и величепріятнаго достоинства, но „Благословенъ Богъ“ какъ выраженіе смиренія и несокрушимаго моленія (Εὐλογητός ὁ Θεὸς λέγων, ὡς ταπεινότητος σύμβολον καὶ ἰκετερίας ἀπαράδροστος)*“⁽¹⁾.

Во время предназначительнаго псалма священникъ читалъ молитву: „Благословенъ еси Господи, свѣдый умъ чловѣчь“. Это въ XIV в. (стр. 134), а въ XV читали тѣ три молитвы, которыя нынѣ положено читать во время чтенія каѳизмъ и иногда: „Благословенъ еси Господи“, и пятую и шестую нынѣшнихъ служебниковъ (стр. 239).

Возгласъ: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“ произносилъ діаконъ, имѣя въ рукахъ кадильницу и три свѣчи (стр. 68, 102), а съ XIV в. его сталъ произносить священникъ, стоя лицомъ на западъ и крестообразно благословляя святую трапезу (стр. 135). Въ XV в. къ этимъ словамъ священника присоединились предварительные возгласы діакона: „Повелите“ или „Встаните“ и „Премудрость прости“ (стр. 240).

Стихи: „Да исправится молитва моя“ и проч. пѣлъ согласно съ практикою древне-греческой церкви⁽²⁾ священникъ (стр. 135), а въ XV в. наряду съ этимъ обычаемъ существовалъ и другой, по которому эти стихи должны были пѣть пѣвцы (стр. 240).

(1) Mign. Patrol. Cours. complet. t. 99 pag. 1688.

(2) Τὸ Κατευθυνθῆτω ὁ ἱερεὺς ἄδει μετὰ τῶν ἀνενηνομένων αὐτοῦ στολῶν, τῶν ἀδελφῶν τὸ γόνυ κλινομένων, ὃ καὶ ἐν ταῖς εὐχαῖς τοῦτο γίνεται. Mign. Patrol. Cours. complet. t. 99 pag. 1869 (S. P. X. Theod. Studit. explicatio divinae liturgiae praesanctificatorum).

Въ XIV в. въ одномъ только памятникѣ замѣчено нашимъ авторомъ существованіе молитвы во время пѣнія „Нынѣ силы небесныя“ той самой, какая нынѣ читается на литургіи св. Златоуста во время пѣнія херувимской пѣсни (стр. 135). Пѣснь: „Нынѣ силы небесныя“, по памятникамъ XV в., читалась священникомъ иногда три раза, иногда два, а иногда вовсе не читалась. Въ это время явился обычай читать молитву: „Боже сѣдай на херувимѣхъ отъ серафимъ славословимый“, которая замѣнила собою молитву: „Никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми“ (стр. 240). При перенесеніи даровъ съ жертвенника на престолъ, по памятникамъ XII в., положено читать 50 псаломъ (стр. 68).

Дары открывались послѣ молитвы: „Иже неизреченныхъ и невидимыхъ таинъ, Боже“ (стр. 102, 241).

Причастныхъ было два: „Вкусите и видите“ и „Благословлю Господа“ (стр. 136, 241).

Первыхъ двухъ возгласовъ, послѣ причащенія, не было (стр. 69, 102, 136, 241), а послѣ третьяго возгласа вмѣсто: „Да исполнятся уста наша“ пѣли: „Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ, яко сподобилъ еси служащаго причаститися“ (136, 241) или „Благословлю Господа“ (стр. 241).

А. Дмитриевскій.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ УЧЕНІЯ
НЕПРІЕМЛЮЩИХЪ СВЯЩЕНСТВА СТАРООБРЯДЦЕВЪ
О ЦЕРКВИ И ТАИНСТВАХЪ (¹).

Критическій разборъ ученія безпоповцевъ о крещеніи и пере-
крещиваніи.

Не имѣя церковной полноты, лишеныя священства, безпоповцы естественно должны были измѣнить ученіе о необходимости для спасенія церковныхъ таинъ, или о совершителяхъ оныхъ. Въ Большомъ катихизисѣ, какъ мы уже видѣли, утверждается въ церкви седмичное число таинъ, совершеніе же ихъ усвоается лицамъ хиротонисаннымъ. На вопросъ: „кто можетъ сія тайны строить?“ дается слѣдующій отвѣтъ: „никтоже развѣ святителей хиротонисанныхъ, имже дана есть власть отъ Господа Бога рукоположеніемъ наслѣдниковъ апостольскихъ.... Никтоже собою честь пріемлетъ, но званный отъ Бога, якоже Ааронъ. Аще же въ ветсѣмъ завѣтѣ никтоже дерзну не освященъ строить тайны, множае паче у насъ не достоинъ дерзати“ (²). Между тѣмъ безпоповцы нѣкоторыхъ таинъ вовсе не имѣютъ; другія же, которыя считаются „потребно нужными во спасеніе“ (³)—за

(¹) См. сент. кн.

(²) Катих. л. 309.

(³) Тамъ же, л. 307 об

исключеніемъ, впрочемъ, тайны св. причащенія, — предоставляютъ право совершать лицу неосвященному.

Тайна крещенія есть тайна „потребно нуждая“; она есть „второе роженіе“.... „отъ области бѣсовскія, яже имяше на насъ изъ первороднаго грѣха, избавленіе“;... чрезъ нея „бываемъ чада Божія“ (¹). Безпоповцы ни мало не отвергаютъ важности сей тайны и необходимости ея совершенія. Въ отвѣтахъ Мони на приводятся слова св. Златоуста изъ евангельскихъ бесѣдъ (отъ Иоан. прав. 25), что „некрещенный, аще и безчисленная имѣя исправленія, умретъ, въ геенну отходитъ“ (²). Но, признавая всю важность таинства св. крещенія, они, — за исключеніемъ послѣдователей „Спасова согласія“ — позволяютъ совершать оную лицу неосвященному. Такое позволеніе, кромѣ приведенныхъ словъ Большаго катихизиса, противорѣчитъ ученію св. отцевъ церкви и толкователямъ церковныхъ правилъ и богослуженія. Св. Златоустъ говоритъ, что крещеніе равно какъ и причащеніе „ни чимъ же другимъ, токмо святыми онѣми совершаются руками, іерейскими глаголю“ (³). Въ правилахъ Матвѣевыхъ читаемъ слѣдующее: „по священныхъ апостольскихъ правилѣхъ 47 и 49, единѣмъ епископомъ дается и священникомъ еже святаго крещенія совершеніе“ (⁴). Тоже говоритъ и Симеонъ Солунскій (⁵). Но не смо-

(¹) Катих. л. 312, 316 об. и 313 об. Снес. Иоан. зач. 1 и 8; Дѣян. апост. зач. 6; Галат. зач. 208.

(²) Отв. на вопросъ 3. Послѣдователи Спасова согласія обращаются, какъ мы уже видѣли, за совершеніемъ крещенія даже въ церковь православную.

(³) Слово о сряц. 2. гл. 1. л. 58. изд. 1614 г.

(⁴) Составъ 2, гл. 3, рукоп. акад. библ. № 744, л. 101. Цитуемая рукопись написана въ 1637 г. въ Соловецкомъ монастырѣ. Греческій текстъ правилъ Матвѣевыхъ издавъ въ Патрологіи Migne гл. 144 и 145. Іеромонахъ Матѣй Властарь жилъ въ XIV в. На южно-славянскій языкъ правила Матвѣевы были переведены еще при жизни самого Матѣя, въ 1312 году. Второй переводъ болѣе извѣстный сдѣланъ въ 1542 г. См. Розенк. о Кормчей. стр. 182.

(⁵) Гл. 182 о хиротоніи, рук. ак. библ. № 909 л. 456

тры на эти положительныя указанія, безпоповщинскіе учителя въ подтвержденіе усвоеннаго ими права указываютъ очень много историческихъ примѣровъ совершенія крещенія лицами неосвященными. „Безчисленніи простолюдини неимуціи хиротоніи, говоритъ авторъ „Меча“, яко при апостолѣхъ, сице и послѣжде крещаху, ихъ же крещеніе якоже и священниковъ церковію пріято“, и затѣмъ на цѣлыхъ десяти листахъ онъ приводитъ примѣры изъ прологовъ и четь-миней ⁽¹⁾. Сверхъ примѣровъ, безпоповщинскіе писатели съ немалымъ тщаніемъ собрали и свидѣтельства, что „во время нужды попускаемо есть отъ святыхъ отецъ подобнѣ и отъ нынѣшнихъ учителей простому иноку, діакону и мірянину крестити“ ⁽²⁾. Въ подтвержденіе этого опять идутъ доказательства на нѣсколькихъ листахъ. Также поступаетъ и авторъ „Стоглава“; тоже находимъ, хотя не съ такою обширностію, и въ „Поморскихъ отвѣтахъ“, и въ отвѣтахъ Монины и въ другихъ сочиненіяхъ безпоповцевъ ⁽³⁾. Совершенно напрасно усиливаются безпоповщинскіе писатели доказывать то, чего никто не отвергаетъ, кромѣ одного же изъ ихъ предковъ ⁽⁴⁾,—т. е. что *по нуждѣ* совершать крещеніе можно и мірянину, и что церковь это допускала всегда. Но то, что допускается по нуждѣ, составляетъ не болѣе какъ исключеніе изъ закона; случаи смотрительные въ обдержность не пріемлются, и доказывать ими какого либо общаго правила нельзя. Господь установилъ въ церкви извѣстный порядокъ, сообщилъ ей извѣстныя божественныя средства спасенія, или, какъ выражаются

⁽¹⁾ Мечъ дух. ч. 1, предѣлъ 3, гл. 7, 8 и 9, л. 217 об. и дал. «Стоглавъ», гл. 34, 35, 36 и 37.

⁽²⁾ Мечъ дух. л. 227.

⁽³⁾ Помор. отв. 101, 102 и 103. Отв. Монины, 8 и 11. Щитъ вѣры, отв. 80 и 81.

⁽⁴⁾ Челобитная Никиты см. въ «Жезлѣ правленія», и у насъ выше стр. 58.

старообрядцы, положилъ въ церкви законы „обдержные“; но въ то же время Онъ допустилъ и законы „смотрительные“, т. е. исключенія, въ случаѣ невозможности выполнить первые. Но эти исключенія никогда не могутъ простираться на всѣхъ людей, на всю церковь; потому что въ такомъ случаѣ исключеніе стало бы правиломъ, а правило потеряло бы всякій смыслъ; а влѣдствіе этого разрушились бы „обдержные“ законы церкви, ея порядокъ и богоустановленное устройство; церковь потерпѣла бы измѣненіе. Поясимъ это примѣромъ. Господь положилъ солнце на тверди небеснѣй, чтобы оно свѣтило людямъ, и согрѣвало землю; вотъ общій, „обдержный“ законъ; но это солнце нерѣдко скрывается отъ глазъ нашихъ, заслоненное густыми облаками,—это исключеніе. Ясно, что оно не вредитъ общему теченію, правильной жизни природы; но что вышло бы, если бы это исключеніе сдѣлалось постояннымъ, если бы намъ совсѣмъ перестало свѣтить солнце, и не намъ только, но и всей землѣ?... Тогда нарушился бы порядокъ земной жизни и уничтожился бы законъ Творца, чтобы свѣтить ему (т. е. солнцу) на тверди небеснѣй. Такъ въ мірѣ физическомъ, во внѣшней природѣ, такъ же и въ мірѣ нравственномъ, въ обществѣ людей. Человѣкъ, постоянно занятый какимъ бы то ни было тяжелымъ трудомъ, послѣ утомительныхъ дней говоритъ: „сегодня и отдохнуть можно“, и никто его не осуждаетъ за это; послѣ дня отдыха онъ принимается за дѣло съ свѣжими силами. Но что сказали бы другіе, если бы онъ и на другой день опять сказалъ: „и сегодня отдохнуть можно“, и на слѣдующій день тоже самое, такъ что не трудъ, а отдыхъ сдѣлался бы для него постояннымъ?—Сказали бы, что это человѣкъ праздный, негодный. А что, если бы на основаніи такихъ соображеній, что можно отдохнуть сегодня, всѣ люди трудящіеся стали бы только отдыхать, а еще болѣе, стали бы доказывать, что такъ и быть должно, ибо много было подобныхъ случаевъ, коихъ

никто не осуждалъ, такъ какъ они были „по нуждѣ“?... Тогда въ конецъ испревратилась бы заповѣдь Творца: *въ потъ лица твоего съищи хлѣбъ твой*. Тоже бываетъ и въ мѣрѣ благодатномъ, въ жизни церкви: мученикъ Александръ, напр. и крещенъ водою не былъ; можно ли отсюда заключать, что и *всѣ* могутъ не креститься водою, когда Спаситель сказалъ: *аще кто не родится водою и духомъ не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. гл. 3, ст. 5)? Цѣлыя сотни можно подыскать подобныхъ примѣровъ; но мысль ихъ ясна, и мысль эта та, что нѣтъ, какъ и говорятъ, правила безъ исключенія, но исключеніе никогда не можетъ быть правиломъ, и исключеніями, или дозволеніями по нуждѣ нельзя, посему, ничего доказывать. Подобный Никонъ черноморскій поучаетъ „испытывать смотрительныхъ силу и отнюдь не примати ниже въ бесѣду“, т. е. въ разсужденіе; „бѣгати же нужно есть не могущихъ правъ разумѣти таковая смотрительная. Обаче довлѣють намъ яже обдержительнѣ въ божественныхъ писаніяхъ предаемая“ (1). Въ книгѣ Мат-

(1) Тактиконтъ, слово 28, л. 126. Почаевъ. 1795 г. Преп. Никонъ жилъ въ XI в. и былъ игуменомъ Черной горы, — монастыря, находящагося въ Антиохіи. Онъ оставилъ послѣ себя двѣ книги, изданныя въ славянскомъ переводѣ: *Пандекты* и *Тактиконтъ*. Пандекты состоятъ изъ 63-хъ словъ или главъ, заключающихъ наставленія о нравственной жизни вообще и преимущественно монаховъ. Каждое слово заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, выписки изъ сочиненій отцовъ церкви — Леонасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Іоанна Лѣтвиѣчника, Феодора Студита и многихъ другихъ — и прачила апостольскія и соборныя. Тактиконтъ заключаетъ 40 словъ. Обѣ книги напечатаны въ 1795 г. въ Почаевѣ; но въ славянскихъ рукописяхъ они извѣстны были въ глубокой древности. Пандекты сохранились въ спискахъ XIII и даже XII в. (см. «Свѣд. о маловизв. памятн.» Срезневскаго, стр. 217 — 296). Авторъ «Обзора древнерусскихъ сочиненій противъ латинъ» (XI—XV в.), на основаніи сохранившихся рукописей, полагаетъ, что Тактиконтъ сталъ извѣстенъ въ славянскомъ переводѣ съ XIV в. Рецензентъ этой книги, проф. Павловъ находитъ такое мнѣніе неосновательнымъ, и думаетъ, что Тактиконтъ былъ переведенъ ранѣе, и, можетъ быть, въ разное время, оставляя, впрочемъ, этотъ вопросъ открытымъ, стр. 85. (Кромѣ поименованныхъ

о́бъа правильника читаемъ: „еже чрезъ правилъ не приносится во указъ, или въ притчу. И нѣсть законъ церкви скудное“ (¹). Что исключительные случаи нельзя возводить въ правило и принимать ихъ въ доказательство, — это высказываютъ и нѣкоторые безпоповщинскіе писатели, хотя по другимъ побужденіямъ (²). Сочинитель „Щита“, представляющаго отвѣты на вопросы поповцевъ, пишетъ слѣдующее: „смотрительное не есть законное и вѣчное, но временное дѣйствіе, якоже и сами святіи апостоли ради спасенія рода человѣческаго, многая смотрительная вначалѣ бяху содѣвающе. Не достояше бо святому апостолу Павлу никого обрѣзати, но ради нѣкоего соблазна смотрительнѣ обрѣза Тимооеа: обаче впредь сія творити зѣло возбраняше. И ина симъ подобная, многая и безчисленная, якоже и святыми апостолами, сице и святыми отцы смотрительнѣ творимая за множество оставляемъ“ (³). Въ подтвержденіе своей мысли безпоповщинскій писатель ссылается, между прочимъ, на 53 главу книги Кормчей л. 568. Въ указанномъ мѣстѣ говорится: „въ началѣ убо евангельскія проповѣди, не требоваху твердаго законоположенія, или запрещенія, но точю еже приводити на крещеніе..... Святіи вселенстіи соборы, и помѣстніи богоносивыхъ отецъ послѣдствующе, законная правила изложиша святѣй церкви на утвержденіе, яко стѣнами нѣкоторыми чудновидными, тую оградивше“.

Такимъ образомъ попытки безпоповцевъ оправдать совершаемое у нихъ крещеніе лицомъ неосвященнымъ многочисленными примѣрами исторіи, какъ случаями смотрительными, осуждаются устами ихъ же самихъ. Не малое тщаніе собрать эти примѣры

сочиненій, о книгахъ преп. Никона см. въ Опис. руки. синод. библ. отд. II, ч. 3, стр. 28—37).

(¹) Составъ 2-й, глава 3-я, л. 102.

(²) По какимъ именно, увидимъ ниже.

(³) Щитъ, печат. изд. 1865 г. л. 127.

оказывается совершенно напраснымъ; трудъ потраченъ даромъ, безъ всякой цѣли. Обращаясь же снова къ церковнымъ правиламъ мы находимъ, что совершенное по нуждѣ міряниномъ крещеніе требуетъ дополненія, если окрещенный младенецъ останется живъ. Въ Номоканонѣ, печатаемомъ въ патріаршихъ потребникахъ—Іоасафовскомъ и Іосифовскомъ читаемъ слѣдующее: „*Вопросъ.* Елико аще крепають неосвященни, мужіе и жены или иноцы, что достоитъ творити? *Отвѣтъ.* Аще умреть крестивыйся прежде нежели постигнути священнику, божественная благодать совершаетъ его. Аще ли живъ будетъ, да паки поставитъ его священникъ въ купѣль, и молитвы и муро по обычаю творить. Тоже и Никифоръ патріархъ цареградскій глаголетъ“ (1). Такимъ образомъ, безпоповцы именно частные случаи возводятъ въ обдержность, такъ какъ крещеніе міряниномъ у нихъ стало уже не исключеніемъ, а общимъ правиломъ; „скудное церкви“ они сдѣлали закономъ, чрезъ что „обдержительнѣ въ писаніяхъ предаемая“ потеряло уже силу. Сдѣлавъ смотрительное обдержнымъ, они оставляютъ уже безъ всякаго примѣненія означенное правило „Номоканона“, какъ бы его и не существуетъ. Намъ же „бѣгати подобаетъ не могущихъ право разумѣти таковая смотрительная“.

Кромѣ частныхъ исключительныхъ примѣровъ и свидѣтельствъ, подтверждающихъ мысль о томъ, что *по нуждѣ* можно крещеніе совершать и лицу неосвященному, учителя безпоповства приводятъ такого рода свидѣтельства, яко бы крещеніе и вообще позво-

---

(1) Патр. Іосифа, л. 726. Номоканонъ составленъ на Афонѣ приблизительно около половины XV в. Онъ «отъ множайшихъ правилъ кратко собранъ» (предисл. къ изд. Захаріи Копыстенскаго); напечатанъ въ великой Россіи въ первый разъ при Потребникѣ п. Іосифа, въ 1639 г. съ кіевского изданія Захаріи Копыстенскаго, 1624 г. Напечатанный при Потребникѣ, въ великой Россіи онъ получилъ церковный характеръ. (Свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ Номоканона въ сочиненіи проф. Павлова: «Номоканонъ при Большомъ потребникѣ»).

лено совершать лицу неосвященному, такъ же какъ и хиротсію имущему. Обходя вышеприведенное свидѣтельство „Номоканона“, они указываютъ другое, въ томъ же Номоканонѣ находящееся: и въ этомъ случаѣ прежнимъ учителямъ безпоповства слѣдуютъ и современные намъ ихъ преемники (1). Свидѣтельство это читается такъ: „Господь нашъ Ісѣ Христосъ многимъ апостоломъ неимущимъ священства повелѣ крестити“ (2). По поводу его еще Ив. Пешехоновъ, — старообрядческій писатель 18 в. въ отвѣтахъ своихъ безпоповцамъ остроумно замѣтилъ: „сіе правило отъ васъ показуемое ясно обличаетъ ваше растлѣніе самаго правила, а именно: первое то, что вы не апостолы; второе то, что и отъ Христа не посланы“ (3). Этотъ остроумный отвѣтъ имѣетъ за себя и твердое основаніе въ апостольскихъ правилахъ, гдѣ разъясняется, какъ смотрѣть на примѣры св. апостоловъ, и можно ли на оныхъ основываться. — Въ Кормчей помѣщено слѣдующее правило, приписываемое св. апостоламъ. „Восхищающіи недарованная раздражаютъ Бога, якоже сыны Кореовы и Озіа царь. Ни діакону убо приносить жертву нѣсть достойно, ни крестити кого, ни благословенія мала или велика сотворити..... Якоже дерзнувый таковая не съ нами борется, но съ великимъ Архіереемъ Христомъ. Аще бо Филиппъ скопца крестивъ и Ананія мене Павла: но не сами себе восхитиста святительскаго чина, но отъ Бога пріятея власть, отъ несочтеннаго Архіерея“ (4). Желая показать, что примѣръ апостоловъ можетъ слу-

---

(1) «Обрядовцы церковнаго іерархичества», см. въ «Сборн. сочин. арх. Павла, ч. 2, стр. 175.

(2) Въ Потреб. п. Іосифа, л. 724.

(3) Ствѣты Пешехонова напечатаны бывшимъ игуменомъ гуслицкимъ Парфеніемъ, съ его замѣчаніями, подъ названіемъ «Духовнаго вертограда». Москва. 1867 г., см. на стр. 162.

(4) Кормч л. 30.

жить основаніемъ для дѣйствій каждаго христіанина, новѣйшіе защитники безпоповства присовокупляютъ⁽¹⁾, „что апостольское совершенство достигается не постепенностію чиноначалія, но преспѣваніемъ добродѣтелей“, и ссылаются на Прологъ 30-го марта. Такимъ образомъ они мнятъ о себѣ, яко бы преспѣваніемъ добродѣтелей достигаютъ апостольскаго совершенства! Оставимъ при нихъ ихъ самомнѣніе въ преспѣваніи добродѣтелей, и не будемъ истязывать вопросами: преспѣваютъ ли они въ добродѣтельномъ житіи?,—то дѣло Божіе;—замѣтимъ одно: подобной мысли въ Прологѣ нѣтъ⁽²⁾; изъ другихъ же божественныхъ писаній хорошо извѣстно, что апостольское совершенство по управленію церковію и совершенію таинъ достигается именно постепенностію, или преемственностію чиноначалія, чрезъ тайну хиротоніи, въ коей сообщается особенный даръ священничества; даръ этотъ апостоль заповѣдуетъ только возгрѣвать, но не приобрѣтать добродѣтельною жизнью⁽³⁾. Въ противномъ случаѣ, отчего, напр. безпоповцу достигшему апостольскаго совершенства чрезъ преуспѣваніе добродѣтелей не дерзнуть бы и тайну евхаристіи совершить? Видимо, учитель безпоповства, искажая свидѣтельство, говорящее только о нравственномъ совершенствѣ, а не о совершенствѣ священноначалія,—не разсчиталъ всѣхъ неудобныхъ для него выводовъ.

⁽¹⁾ Обрядовцы церковнаго іерархичества, въ Сборн. соч. арх. Павла, ч. 2, стр. 178.

⁽²⁾ Безпоповщинскій писатель, вѣроятно, имѣетъ въ виду слѣдующія слова изъ поученія отъ старчества, на 30 марта: «начало нашего спасенія есть страхъ Божій. Отъ сего бо раждается благое послушаніе. Отъ того же раждается отверженіе міра и преобидніе земныхъ вещей всѣхъ. Отъ сего же смиреніе.... Отъ умноженія же добродѣтелемъ чистота сердцу раждается. Чистотѣ же сердечнѣй родшейся, апостольское совершеніе бываетъ» (Прол. напеч. 1644 г. л. 165 об.).

⁽³⁾ 2 Тимое. 1, 6. Бес. св. Златоуста, стр. 2540.

Кромѣ свидѣтельства изъ Номоканона пи сатели безпоповщинскіе — какъ древніе такъ и новѣйшіе ⁽¹⁾ приводятъ слова св. Златоуста и Григорія Богослова о томъ, что дѣйственность тайны крещенія не зависитъ отъ достоинства совершителя. „Слыши убо злато- глаголива отца Іоанна позлащенными усты вопіюща сице, читаемъ въ „Мечѣ“: „велеіе есть крещеніе, но велеіе то не крещай творить, но призываемый въ крещеніи. *Ниже.* Велеіе убо есть, паки глаголю, крещеніе, и кромѣ крещенія невозможно царствія получить; но можетъ то и не зѣло доблій мужъ сотворити“ (Бес. 3-я на посл. 1-е къ Коринѣ.). Изъ этихъ словъ сочинитель „Меча“ дѣлаетъ слѣдующій выводъ рѣ видѣ поясненія оныхъ. „Сице и ты и не изыскуй яко епископъ, или священникъ крестить тя. Ни: но того смотри прилѣжнѣ, во еже бы былъ истинный христіанянь, аще и мірянинъ“ (л. 234). — Это значитъ, что совершить крещеніе яко бы всякій можетъ съ одинаковымъ правомъ — и епископъ, и священникъ, и мірянинъ. Приведенныя св. Златоуста слова дѣйствительно находятся въ его бесѣдахъ на 14-ть посланій апостола Павла (стр. 531); но поясненіе, сдѣланное безпоповщинскимъ писателемъ, совершенно произвольно и съ св. Златоустомъ несогласно. Что „велеіе въ крещеніи“ не крещающій творить — кто бы онъ ни былъ, а „призываемый въ крещеніи“, т. е. Богъ, — это совершенно вѣрно, и не по отношенію только къ крещенію, но и по отношенію ко всѣмъ тайнамъ, въ кихъ дѣйствуетъ Богъ и чрезъ недостойныхъ совершителей (*). Но сія глаголя св. Златоустъ низлага-

(1) Поморск. отв. 101; Мечъ духовный, л. 233 об. и дал. Обрядовцы церковнаго іерархичества, въ Сборн. соч. архим. Павла, ч. 2, стр. 181.

(2) См. выше, стр. 165—166. О семъ читаемъ и въ Номоканонѣ. *Вопросъ.* Недостойнѣ священнодѣйствующаго пріята ли жертва и крещеніе? *Отвѣтъ.* Архіерей же и іерей правильно рукоположенный Божій есть истинный рабъ и спасенію человѣческому слуга, и ангелъ

еть юже о семь гордыню, не силу крещенія (да не будеть), но киченіе о еже крестити велемудрствующихъ. Что веліе мудрствуете, о еже крестити? вопрошаетъ онъ. Другими словами: св. Златоустъ отличаетъ тѣхъ, которые гордились званіемъ крестителя. Посему нечего вамъ кичиться, какъ бы такъ говоритъ Златоустъ, что вы крестите, „понеже еже крестити ничесоже есть, елико къ человѣческому труду, но и много меньше есть отъ еже благовѣствовати; еже благовѣствовати многого требуетъ труда; но крещеніе и не зѣло доблій мужъ можетъ сотворити. Ясно, что *доблій* принимается здѣсь въ смыслѣ нравственнаго достоинства лица, а не въ смыслѣ его іерархическаго положенія. Итакъ, „не зѣло доблій“ не означаетъ „мірянинъ“, какъ думаетъ объяснить сочинитель „Меча“, а означаетъ не слишкомъ доблестнаго въ нравственномъ отношеніи человѣка. Другими словами: учить труднѣе, и большаго требуетъ знанія и совершенства, чѣмъ крестить. А что св. Златоустъ и не думалъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ сказать того, что крестить можетъ и мірянинъ,—это ясно видно изъ дальнѣйшихъ его словъ. „Еже убо благовѣстити одинаго нѣгде и другаго, а еже крестити всякаго есть *уже священство имущаго*“ (1). Совершенно въ томъ же родѣ свидѣтельство св. Григорія Богослова. „Ты же человѣче не рцы да мя крестить епископъ, или іерей іерусалимлянинъ, или не женатъ, и не испытай о житіи крестителейъ, но точію дабы христіанинъ былъ явѣ“ (2). И здѣсь точно также заповѣдуются не пытаться о *житіи* крестителейъ, и не требовать и не хвалиться тѣмъ, что его крестилъ епископъ, или іерей іерусалимлянинъ. Но чтобы могъ

Божій и святыни преподаватель.... Аще точію правльнѣ пріять служеніе да дѣйствуетъ.... Не человекъ бо дѣйствуетъ, но сквозь орудіе благодати. Юсаф. патр. л. 714

(1) Бес. на 14 посл. Кіевъ. 1623 г. стр. 532.

(2) См. въ Сборн. соч. арх. Павла, ч. 2, стр. 181.

совершать крещеніе не іерей, ничего о семъ въ приведенной выпискѣ словъ св. Григорія не говорится. Далѣе же, послѣ сихъ словъ замѣчается: „къ очищенію тебя всякій достоинъ вѣры, только былъ бы изъ числа *получившихъ на сіе власть* (¹). Такимъ образомъ оба разсматриваемыя свидѣтельства къ вопросу о совершеніи крещенія міряниномъ ни мало не относятся. Напротивъ, изъ дальнѣйшихъ словъ того и другаго отца церкви явствуетъ, что крещеніе долженъ совершать священство имущій, власть на сіе получившій.

Итакъ, безпоповцы ничѣмъ не могутъ доказать, чтобы тайну крещенія могъ безразлично совершать и священникъ и мірянинъ; усвоивъ же это право мірянину, они погрѣшаютъ и противъ ученія Большаго Катихизиса, и противъ правилъ св. апостолъ, и ученія св. отцевъ, и противъ всегдашней практики благочестивой церкви. Допускаемые же церковію бывшіе по нуждѣ частные случаи оправданіемъ служить не могутъ.

Н. Ивановскій.

(Продолженіе будетъ).

(¹) Твор. св. отцевъ въ русск. пер. т. 3, стр. 298—299.

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

ПЛАТОНЪ ЛЕВШИНЪ, КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ (¹).

Полное отрицаніе догматовъ христіанской вѣры необходимо влекло за собой такое же отношеніе и вообще къ каноническимъ постановленіямъ церкви, которыя имѣютъ историческое происхожденіе и не даны непосредственно въ Откровеніи: если французскіе философы находили основаніе считать Откровеніе выдумкою, то большее основаніе, во всякомъ разѣ, находили они сказать это относительно церковныхъ постановленій. Вольтеръ въ своихъ письмахъ къ императрицѣ Екатеринѣ II насмѣшливо отзывался о существующихъ въ церкви обрядахъ, какъ напримѣръ, цѣлованіе руки у священника и проч. Русскіе вольнодумцы въ отрицаніи обрядовъ преслѣдовали свои практическія цѣли такъ же, какъ и въ отрицаніи догматовъ. Они отрицали главнымъ образомъ тѣ постановленія, которыя обуздывали ихъ чувственныя стремленія. Отрицая напр. внѣшнюю обрядность, они тѣмъ самымъ избавляли себя отъ посѣщенія храмовъ и выполненія другихъ христіанскихъ обязанностей.

Особеннымъ нападкамъ со стороны вольнодумцевъ подвергались церковныя постановленія о постѣ. Современная русская литература, имѣвшая главною

(¹) См. октябр. кн. Пр. Соб.

цѣлю искорененіе нравственныхъ недостатковъ общества, — и та какъ то легко отзывалась объ этомъ церковномъ постановленіи и безпощадно смѣялась надъ людьми стараго покроя, которые стояли за церковную обрядность. „Грѣшилъ я, говорить „Трутень“ отъ лица приверженца къ старому порядку, грѣшилъ, и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ чрезъ пророка Моисея и противу гражданскихъ законовъ; но не погасилъ любви къ Богу, исповѣдываю Его предъ всѣми Творцомъ всея вселенныя.... Сказано: постомъ, бдѣніемъ, и молитвою побѣдиши діавола; я исполняю церковныя преданія, службу Божию слушаю съ сокрушеннымъ сердцемъ, посты, среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю. Да я и не принужденно, по только теплой вѣрѣ, и еще прибавилъ постовъ, ибо я и всѣ домашніе мои во весь годъ, окромѣ воскресныхъ дней, ни мяса, ни рыбы не ядимъ“ (1). Довольно и этого, чтобы видѣть, насколько Новиковъ — издатель „Трутеня“ — уважалъ церковныя постановленія о постѣ: во всякомъ разѣ видно, что соблюденіе этихъ постановленій онъ считалъ менѣе обязательнымъ, чѣмъ соблюденіе постановленій гражданскихъ. Несоблюденіе постовъ допускалось даже въ столичныхъ школахъ. „Одинъ изъ посланныхъ мною семинаристовъ, пишетъ по этому поводу митрополитъ Гавріилъ къ графу Завадовскому — попечителю школъ, имѣетъ отца, который сына проклинаетъ за нарушеніе постовъ, плачетъ или бранитъ. Долгъ мой велитъ, ваше сіятельство, просить, чтобы посты хранимы были; нарушеніе же ихъ будетъ проповѣдію для всей Россіи: могутъ ли преступники закона быть учителями закона? Я довольно примѣтилъ, что отступле-

---

(1) Аванасьева, «Русскіе сатирическіе журналы», стр. 177.

ніе отъ церкви въ народѣ начинается нарушеніемъ постовъ“ (¹).

Платонъ не разъ обращался въ своихъ словахъ къ разсужденію объ этомъ предметѣ и опровергалъ противниковъ. Слова его въ данномъ случаѣ носятъ также характеръ полемическій, такъ какъ онъ направлялъ свое вниманіе главнымъ образомъ на возраженія современниковъ противъ поста и указывалъ ихъ несостоятельность съ точки зрѣнія разума и практической жизни (²). Въ словѣ на недѣлю первую великаго поста (³) проповѣдникъ разсуждаетъ о томъ, въ чемъ состоитъ постъ? Отвѣтивъ на это общимъ положеніемъ, что постъ состоитъ въ воздержаніи отъ страстей, онъ продолжаетъ: „не думаю, чтобы кто могъ усумниться въ томъ, что страсти надо удерживать.... Однако могутъ сыскаться такіе, которые скажутъ, что не для чего устанавливать сіе особое время въ году, когда во всякое время, во всѣ дни жизни страсти надлежитъ удерживать“. Проповѣдникъ находитъ благочестивымъ такое возраженіе, но видитъ неискренность его. „Человѣче, сія глаголющій, говоритъ онъ, дозвожь проникнуть внутреннее расположеніе твое.... Не для того ли и малое время, къ воздержанію назначенное, не приѣмлешь, чтобы все время препровождать по волѣ своихъ страстей, дабы они ни на краткое время ни отъ чего удерживанія и осужденія не имѣли? Окажи себя чрезъ краткое опредѣленное время страстей побѣдителемъ—и тогда мы повѣримъ, что ты чрезъ всю жизнь торжествуешь надъ ними мужественно? Не ради чего другаго, а ради слабости человѣческой церковь назначаетъ для поста опредѣленное время въ году, „дабы мы хотя въ оное, взошедъ въ самихъ себя, пришли въ рас-

(¹) Правосл. Собесѣд. за 1875 г., т. II, стр. 345—346

(²) Т. I, 269—279; X, 59—67; XIII, 18—24.

(³) Т. X, 59—67 стр.

каянiе и тѣмъ бы исцѣлили чрезъ теченiе года умножившiеся свои болѣзни“. Страсти и разныя житейскiя заботы препятствуютъ ко всегдашнему воздержанiю. „Сколько, въ самомъ дѣлѣ, потребно времени, чтобъ всѣ наши замыслы, всѣ намѣренiя привести въ исполненiе и непредѣльныя желанiя насытить. Я мню, что и самой вѣчности на себѣ не достало. Теперь отдаю на судъ вашъ: положивъ изъ всѣхъ нашихъ дѣлъ и прихотей на всякое особливо, хотя краткое время, исчислите, сколько останется времени на воздержанiе отъ страстей? О, когдабъ хотя кратчайшiе сiи дни, сiи златыя дни на оное единственно мы обратить могли! Такъ гдѣжъ тѣ, которые говорятъ, что на что назначать на сiе особливо время, когда то чрезъ все время быть должно?“... Далѣе вольнодумцы утверждали, что пусть будетъ опредѣленное время поста, но надо оставить это „на произволенiе каждаго: ибо, де, по различнымъ всякаго нуждамъ, дѣламъ и внутреннему расположенiю—удобнѣйшее время будетъ то, когда человекъ самъ сознаетъ нужду“..... Но Платонъ говоритъ на это, что „если не слушаются и голоса неркви, возбуждающаго къ покаянiю, то можно ли будетъ ожидать, что человекъ безъ ея помощи самъ собою расположитъ себя къ благоговѣнiю“? Наконецъ находились такiе, которые чуть не со смѣхомъ отвергали воздержанiе отъ извѣстной пищи и питiя. „Къ чему ужъ это, говорили они? Таковой разборъ пищи не есть столь важенъ, чтобы въ немъ заключалось спасенiе наше“.— „Но, человекъ, отвѣчаетъ такимъ Платонъ, такими словами и мыслями ты самъ свою по неосторожности открываешь слабость. Ибо, когда не важнаго и не труднаго—каково есть воздержанiе отъ пищи—снести ты не можешь; то какъ возможешь безъ ослабленiя вооружиться противу страстей?“... „Лѣкари, говоритъ онъ въ другомъ словѣ (1), много изыскиваютъ

(1) I т. 276 стр.

способовъ къ уменьшенію болѣзней... Одинъ изъ прочихъ къ предохраненію отъ болѣзней способъ весьма у лѣкарей есть употребителенъ и дѣйствителенъ, діета, то есть, воздержаніе отъ нѣкотораго рода пищей. Сей способъ никогда не оспоримъ, когда его предписываютъ лѣкари. Но много спорятъ, когда предписываетъ его церковь. Лѣкарямъ вѣрятъ, но церкви не вѣрятъ въ одной и той же матеріи. Ибо церковь, опредѣляя посты, тоже или очень сходное имѣла намѣреніе, какое имѣютъ лѣкари, предписывая діету. А ежели есть какое различіе, то сіе, что лѣкари больше смотрятъ отыятіе болѣзни, а церковь усмиреніе страстей“... „Впрочемъ, говоритъ Платонъ въ словѣ на первую недѣлю великаго поста (1), по апостолу: *брашно насъ не поставитъ предъ Богомъ: ниже бо, аще ямы, избыточествуемъ; ниже, аще не ямы лишаемся*, т. е. ядимъ ли мы, добродѣтельныѣе чрезъ то не становимся; не ядимъ ли мы, ничего чрезъ то, относительно къ душевному спасенію, не теряемъ. Сытость или гладъ дѣлаютъ тѣло или здоровымъ, или оное ослабляютъ: но душа ничего чрезъ то ни пріобрѣтаетъ, ни теряетъ. Естьли бы она была одно съ тѣломъ, а потому смертна, то потребна бы была для нее пища и питіе. Но когда она есть духовна и безсмертна, то пища и питіе не для нее установлены. Она требуетъ другой пищи, другаго питія. Но о сей душевной пищѣ и питіи мы теперь не намѣрены говорить. Намъ есть время и слово о пищѣ и питіи тѣлесныхъ. Что если я скажу, что и тѣлесная пища и питіе питаютъ и напоеваютъ душу? Такъ поистинѣ.... Извѣстно, что душа съ тѣломъ и тѣло съ душою въ жизни сей связаны... Пища и питіе питаютъ и напоеваютъ прямо тѣло: но когда они пріемлются съ мѣрою и правиломъ, тогда не только тѣло бываетъ насыщено и здорово, но и душа свои дѣйствія

(1) Т. XIII, стр. 19.

производить удобнѣе: яснѣе мыслить, основательнѣе разсуждаетъ, безошибочнѣе избираетъ добро и удаляется зла. Когда же, напротивъ, пища и питіе пріемлется безъ мѣры и безъ правила, тогда не только тѣло и здравіе его разстраивается, но и душа находитъ великія къ произведенію дѣйствій своихъ препоны. Потемняется ея мысль, разсудокъ колеблется, въ избираніи добра заблуждаетъ.... Когда тѣло объяденіемъ и пиянствомъ отягощено и расслаблено, можетъ ли душа безпрепятственно свои производить дѣйствія?... Никакъ: все тогда разстроено: и тѣло и душа расслаблены. Человѣкъ тогда долженъ по объѣмъ своимъ частямъ почитаться или мертвымъ, или подобнымъ скоту безсмысленному. Такъ вотъ видимъ, что воздержаніе въ пищѣ и питіи хотя прямо принадлежитъ къ тѣлу, но для души оно еще нужнѣе и спасительнѣе. Ибо для тѣла чрезъ невоздержаніе теряется одно здравіе и сія жизнь, а для души теряется спасеніе и блаженство вѣчное... И ежели, по сему разсужденію, сія добродѣтель (воздержаніе) есть для всѣхъ нужна, во всякое время и во всякомъ возрастѣ лѣтъ нашихъ, то почему же она кажется быть обиженною, что изъ всего почти года заключена въ однихъ предѣлахъ сего святаго поста?... Всегда бъ должны мы были хранить воздержаніе: но не хранимъ, утопаемъ въ сладострастіяхъ; и когда о тѣлѣ радимъ со излишествомъ, тѣмъ самымъ благосостояніе его пренебрегаемъ. Отъ сего умножились въ насъ и слабости тѣлесныя и разстройства душевныя... Всегда мы должны беречь свое здравіе, но тогда по крайней мѣрѣ поспѣшать къ лѣченію, когда какою опасною тѣло наше заразится болѣзнію. Всегда мы должны хранить воздержаніе, но по крайней мѣрѣ сіе благословенное время должны употребить въ свою пользу, чтобъ накопленные въ годовое время болѣзни нынѣ уврачевать и сколько нибудь разстроенную душу привести въ порядокъ.... Храня воздержаніе, сиче ямы, избыточествуемъ, то есть лучшими становимся,

а чрезъ невоздержаніе лишаемся, то есть становимся худшими не по тѣлу токмо, но паче по душѣ.... Вотъ благословенная и спасительная причина къ установленію сего времени воздержанія! *Не требуютъ здравіи врача, но болящии.* Кто всегда воздерженъ, тотъ съ радостію приметъ сіе время, яко сродственное со всегдашнимъ его душевнымъ расположеніемъ, а болѣзнуюшій невоздержаніемъ, да боится и да трепещетъ, да не како, взошедъ и въ самую врачебницу выйдетъ изъ оныя неисцѣленъ“.

На этой почвѣ разсужденія объ обрядахъ церковныхъ, къ которымъ такъ легко относились вольнодумцы, проповѣдникъ встрѣчается съ другой крайностію, — это слѣпой приверженностію къ обрядамъ, которая приводила многихъ къ расколу. Разсуждая объ отрпцаніи нѣкоторыми современниками внѣшняго богослуженія (¹) и доказывая необходимость его вліяніемъ чувства внѣшняго на внутреннее расположеніе, проповѣдникъ говоритъ: „подлинно, опасно для всякаго дѣйствія человѣческаго, а особливо для богослуженія, ежели чувства возьмутъ верхъ надъ разумомъ, чего всемѣрно всякъ истинный богочтитатель опасаться и убѣгать долженъ.... И потому свято сохраняя наружное богослуженіе и всѣ вѣры обряды, наипаче должны уважать богослуженіе внутреннее, духомъ, а не тѣломъ, вѣрою, а не призракомъ, истинною, а не одною ея тѣнію. Знакъ, чтобъ былъ прямымъ знакомъ, надобно, чтобъ онъ имѣлъ наилучшее сходство съ вещію означаемою. Тѣло безъ духа есть мертво. Знакъ безъ вещи означаемой ничего, а потому перестаетъ быть и знакомъ. *Духъ иже оживляетъ, плоть не пользуется ничтоже.* Преклоняешь ли ты колѣна предъ Вышнимъ и много предъ Нимъ прочитываешь молитвенныхъ страницъ; но когда меж-

(¹) Въ сл. на день иконы Каз. Б. М. т. XIII, стр. 287.

ду тѣмъ духъ твой не чувствуетъ никакого сокрушеннаго удара: такое богомоліе остается безплодно. Возжигаешь ты свѣчи и благовонныя во храмъ Его куренія: но когда между тѣмъ сердце твое къ Нему есть прохладено и исходитъ отъ тебя зловоніе пороковъ: такое служеніе почитается яко лицемѣріе; и сколь ни строги и сколь ни справедливы сіи противунаружнаго богослуженія выговоры, то потому, что оно лицемѣрное, безъ всякія въ душѣ вѣры, безъ всякія добродѣтели: а потому оно по справедливости не могло назваться и наружнымъ богослуженіемъ, а было въ самой вещи ничто: такъ какъ знакъ безъ вещи означаемой есть ничто“ (1).

Въ словѣ на вторую недѣлю великаго поста (2), указывая на крайнюю холодность къ вѣрѣ нѣкоторыхъ современниковъ, проповѣдникъ говоритъ, что „иные имѣютъ привязанность къ вѣрѣ, но не имѣя въ ней основательнаго просвѣщенія, въ различныя впадаютъ суевѣрства, уважаютъ наружность и мелкость, но внутренность остается безъ исправленія и важное безъ исполненія“ (3). „Такъ нѣкоторые изъ христіанъ нашея единныя Россійскія церкви иначе мудрствуютъ, нежели какъ повсемѣстною православною церковію принято“, говоритъ проповѣдникъ въ словѣ на третью недѣлю великаго поста (4). Проповѣдникъ удерживается отъ строгаго обличенія этой приверженности къ обрядамъ (по всей вѣроятности, въ виду другаго большаго зла); даже къ тѣмъ обрядовымъ разностямъ, за которыя ратовалъ расколъ, онъ относится не строго, и если придаетъ имъ значеніе, то лишь настолько, насколько они вели къ болѣе важнымъ заблужденіямъ въ вѣрѣ. Такъ, не придавая осо-

(1) Т. XIII, стр. 292, 293.

(2) Т. XIV, стр. 515—522.

(3) Т. XIV, 518—519.

(4) Т. XIV, стр. 619.

бенной важности разсужденіямъ раскольниковъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, онъ сожалѣтъ лишь о томъ, что они отдѣляютъ себя чрезъ это отъ единой православной церкви. „Въ семъ разнообразномъ о сложеніи перстовъ мнѣніи важности не заключается: поелику они и въ догматъ святаго Троицы и въ догматъ воплощенія Христова вѣрують согласно съ церковію. Важно и сожалѣнія достойно ихъ церкви въ семъ непокореніе“....

Указывая на слова Платона, имѣющія отношеніе къ современному расколу, мы считаемъ не лишнимъ припомнить обстоятельства его распространенія. При изложеніи біографіи Платона, мы имѣли случай замѣтить о столкновеніяхъ между православными и раскольниками; теперь добавимъ, что ко времени вступленія Платона на московскую кафедру появилось множество раскольническихъ учителей, которые указывая на нестроенія въ жизни московскаго духовенства, на его несоотвѣтствующее званію поведеніе, совращали въ свою секту многихъ православныхъ и зло такимъ образомъ время отъ времени увеличивалось. Чтобы предупредить распространеніе раскола между православными, Платонъ и старался дѣйствовать на послѣднихъ своими проповѣдями⁽¹⁾. Съ одной стороны онъ указывалъ слушателямъ, какъ несправедливы раскольники, отдѣлившіе себя отъ единой православной церкви. Съ другой стороны, имѣя въ виду враждебныя отношенія православныхъ къ раскольникамъ, Платонъ старается примирить ихъ своею проповѣдію, надѣясь чрезъ это достигнуть и примиренія церковнаго. Въ одномъ словѣ, сожалѣя объ отдѣлившихся отъ церкви раскольникахъ, Платонъ указываетъ на несправедливость ихъ отношеній къ

---

(1) Напримѣръ, въ словѣ, сказанномъ при освященіи Сергіевской церкви на Рогожской, гдѣ раскольниками была основана часовня и гдѣ слѣдовательно былъ большій соблазнъ для православныхъ. Т. XV, стр. 724—727.

служителямъ церкви. „Соблазняетъ ли ихъ, какъ они говорятъ, наше житіе? Но и они изъ числа слабымъ подверженныхъ людей не исключены; церковь же всегда есть свята и непорочна и ни чьими грѣхами она не помрачается. По ученію слова Божія, хотя бъ совершающій тайны и недостойнъ былъ, но оныя самъ Богъ совершаетъ невидимо: для недостойнства одного не презритъ Богъ вѣры и добродѣтели другого. Источникъ благодати по златому ли течетъ или деревянному кавалу, но всегда чистъ протекаетъ. Ежели пастырь развратенъ ученіемъ, такового не только не должно послушати, но отвращатися и убѣгать. Развращенъ же бываетъ пастырь ученіемъ, когда или незаконно пастыремъ избранъ, или отъ правительства церковнаго изверженъ, или разсѣваетъ ученіе, общему всея церкви Христовы несогласное. Когда же онъ законно избранъ и поставленъ и церковнымъ правительствомъ утвержденъ и преподаетъ ученіе съ общимъ всея церкви ученіемъ согласное, такового ученіе есть истинное и не могутъ его преслушати, развѣ съ бѣдствіемъ спасенія своего. Преслушай такового пастыря гласа и слѣдуй своему мудрованію—не есть овца въ стадѣ Христовомъ, но козлище; уродъ вышедшій изъ своихъ предѣловъ, возмутитель покоя церковнаго. Такіе учителя еще болѣе раздираютъ утробу (¹). „Сколь тяжка сія для церкви рана (т. е. расколъ), говоритъ Платонъ въ другомъ своемъ словѣ (²), знаетъ тотъ, кто понимаетъ цѣну души погибающія. Будучи помрачены невѣжествомъ или ожесточены упрямствомъ, раскольники ищутъ вѣры по угламъ, поставляютъ оную въ однихъ наружностяхъ и не понимаютъ бѣдныя, что царствіе Божіе, по апостольскому словеси, есть *правда и миръ*“... „Мы такимъ образомъ, говоритъ проповѣдникъ, обра-

(¹) Том. XII, стр. 113—114.

(²) Том. V, стр. 112—113

шаясь къ слушателямъ, радуемъ и веселимся и ликуемъ духовно. Но въ какомъ состояніи должны быть тѣ, о коихъ говоритъ Евангеліе: *суть и нынѣ овцы, яже не суть отъ двора сего*. Какъ! Развѣ могутъ быть овцы столь заблуждающіе, чтобъ отъ спасительнаго сего двора восхотѣли удалиться? Какое несчастіе для нихъ! какая для церкви печаль! Но пусть бы они, яко овцы, заблуждали, не бывъ просвѣщены ученіемъ истины. Но се церковь возвѣщаетъ имъ путь Господень: се добрый пастырь оставивъ девяносто девять овецъ заблуждшихъ, ищетъ ихъ, яко единныя овцы погибшія. Се церковь подыметъ свои объятія на принятіе ихъ; се храмъ Господень отверстъ на входъ ихъ, се дворъ Христовъ устроенъ, довольный къ вмѣщенію ихъ и къ духовному успокоенію. Что въ семъ дому Господни не Господомъ устроено и уготовлено? Се Онъ предстоитъ, яко царица въ ризахъ златыхъ одѣяна и преиспещрена. Сія риза довольна и къ согрѣтію души и къ украшенію ея. Надобно ли еще, кромѣ сего, какой либо другой Христу дворъ устроить? Возможно ли, чтобъ воздвизаемъ былъ храмъ противу храма и церковь противу церкви? Когда Евангеліе говоритъ, что нѣкоторые овцы суть не отъ двора сего, то ясно показываетъ, что не можетъ быть дворъ Христовъ, развѣ токмо единъ. Не сущи во дворѣ семъ овцы, не суть овцы Христовы. Одинъ ковчегъ Ноевъ, внѣ онаго нѣтъ, кромѣ потопленія. Едина вѣра, едино крещеніе, едина церковь, едина глава церкви—Христосъ. И потому о тѣхъ, кои бы думали воздвигнуть другой дворъ, кромѣ двора Христова, можемъ мы сказать, что: *всѣ трудишася зиждущи*. Но не забудемъ же, любезная братія, и слѣдующихъ словъ евангельскихъ: *суть*, сказано, *и нынѣ овцы, яже не суть отъ двора сего*: но потомъ приложено: *и тыя Ми подобаетъ привести*. Конечно, одинаго Бога дѣло есть обратить челоуѣческое сердце. Но и мы о спасеніи ближняго пешися обязуемъ. Возлюбимъ ихъ, яко братію нашу

немоцную. Потщимся врачевать раны ихъ тихостію и кротостію духовною. Да не соблазнимъ ихъ худымъ своимъ житіемъ: а паче благими своими нравы и истиннымъ благочестіемъ дадимъ имъ добрый примѣръ: докажемъ самымъ дѣломъ, что мы истинныя церкви чада и благодать Божія обитаетъ въ сердцахъ нашихъ“ (1).

Въ заключеніе обзора догматическихъ словъ Платона, укажемъ еще на одно, которое, судя по его внутреннимъ признакамъ, направлено противъ современнаго масонства. „Масонское ученіе въ основныхъ началахъ своихъ сходилось съ мнѣніями такъ называемыхъ деистовъ, провозгласившихъ ученіе о религіи разума, или о естественной религіи, требовавшихъ отъ человѣка, во имя этой религіи, высоко нравственной жизни и дѣятельности и отвергавшихъ всякій догматизмъ въ дѣлахъ вѣры, проповѣдывавшихъ о свободѣ совѣсти, о религіозной терпимости и о равенствѣ гражданскихъ правъ. не взирая на различіе вѣроисповѣданій. На этихъ то именно основаніяхъ широкой терпимости и дѣятельной любви къ ближнему и человѣчеству франкмасонство думало воздвигнуть свою религію,—одну общечеловѣческую религію, во имя которой оно хотѣло создать великое дружеское братство между людьми, основанное единственно на началахъ свободы совѣсти, братской любви и человѣческаго равенства: масонскій союзъ былъ открытъ одинаково для всѣхъ, члены союза называли себя братьями и клялись всегда и вездѣ помогать другъ другу, каковы бы ни были ихъ индивидуальныя религіозныя вѣрованія, ихъ національность или ихъ общественное положеніе“. Такими чертами г. Карауловъ характеризуетъ собственно западное масон-

---

(1) Том. XV. стр. 724—726.

ство (1). Но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ характеръ его отразился и въ лекціяхъ Шварца, который пользовался со стороны студентовъ особеннымъ расположеніемъ, доходившимъ до увлеченія. Это увлеченіе лекціями Шварца не обходилось безъ ущерба для истинно-христіанскаго міровоззрѣнія. Молодое поколѣніе, усваивая практическую сторону христіанскаго ученія (хотя и здѣсь безъ крайностей не обходилось, какъ это мы увидимъ ниже), легко относилось къ теоретической, т. е., къ тѣмъ требованіямъ христіанскаго ученія, которыя налагаются на христіанина, какъ члена церкви. Считая за существенное въ христіанской религіи—любовь къ ближнему, нѣкоторые начали пренебрегать христіанскимъ долгомъ исповѣди и причащенія. Такъ одинъ изъ студентовъ (Невзоровъ), привлеченный къ отвѣту по дѣлу масоновъ, былъ спрошенъ между прочимъ, для чего онъ не пошелъ на исповѣдь и не сообщилъ святыхъ таинъ?... Невзоровъ, усмѣхнувшись, сказалъ: „я не хотѣлъ, да и у кого тамъ исповѣдоваться? Въ Невскомъ и мужики и бѣлые попы всякій день играютъ комедіи“ (2). Очень можетъ быть, что подобные люди, ознакомившись съ началами мистическаго ученія, разсуждали, что внѣшность не важна въ христіанскомъ ученіи, а важенъ духъ его. На это заблужденіе современниковъ, можетъ быть, намекаетъ Платонъ въ одномъ изъ своихъ словъ (3), гдѣ, разсуждая объ установленіи Спасителемъ таинствъ, задаетъ вопросъ: „къ чему внѣшность? Не можно ли однимъ духомъ безъ воды возродиться, и однимъ духомъ тѣла и крови Господни безъ хлѣба и вина причащаться“? Платонъ уклоняется отъ прямого разрѣшенія этого вопроса. „Я

(1) Карауловъ, «Очерки истор. рус. литер.», стр. 382.

(2) Сбор. Рус. ист. общ. т. II, стр. 143.

(3) На недѣлю Р. Хр. Сказано 1805 г., когда мистицизмъ пустилъ уже свои корни въ русскомъ общ. См. XX, 367 стр.

на сіе отвѣтствовать не могу, говоритъ онъ, имѣя все благоговѣніе къ премудрости Учредителя“, и замѣчаетъ лишь, что „ежели служеніе Богу утверждать на единой внутренности, на единомъ духѣ, то можетъ изъ того выйти столько мудрованій, сколько у кого духовъ или умовъ“.

Но Платонъ прямо вооружается противъ того ученія, что „вѣра состоитъ въ добродѣтели“.... Въ словѣ на недѣлю 15-ю по пятидесятницѣ (¹), проповѣдникъ останавливается на разъясненіи основныхъ заповѣдей христіанскихъ — о любви къ Богу и къ ближнему (²). Онъ говоритъ: „благоговѣя къ Господу и премудрости Его, я дерзну сказать, что заповѣдь есть едина токмо, а именно: Возлюбиши Господа Бога твоего и проч..., а другая и прочія всѣ заповѣди суть священныя потоки изъ сего источника проистекающія. Исполненіе этой заповѣди влечетъ за собою непремѣнно исполненіе другихъ всѣхъ, а неисполненіе ея—неисполненіе и другихъ. „Никакъ нельзя что либо не только сотворить, но и помыслить, ежели не положить прежде въ душѣ своей любви къ Богу“... Сіе я говорю не безъ намѣренія, продолжаетъ проповѣдникъ, ибо слышу, что многіе мудрецы міра сего отзываются, что *„вѣра состоитъ въ добродѣтели“*. Довольно-де для меня той вѣры, что я дѣлаю добро.... Проповѣдникъ опровергаетъ это ученіе чрезъ разъясненіе самой заповѣди о любви къ Богу. Сущность этого опроверженія можно выразить кратко въ слѣдующихъ словахъ: любовь къ Богу не мыслима безъ познанія Бога: „ибо мы не можемъ то любить, что незнаемъ, о добрѣ, красотѣ и пользѣ чего неувѣрены“.... А познать Бога въ совершенствѣ нельзя. „Сіе святой Златоустъ въ своихъ словахъ о *„непостижимомъ“* ясно и весьма сильно доказалъ“. Да-

(¹) Т. XV, стр. 289—300.

(²) Мѡ. XXII, 37, 39.

лѣе проповѣдникъ пространно подтверждаетъ эту мысль примѣрами изъ языческой исторіи, заключающей въ себѣ „неоспоримыя доказательства, что язычники и философы истиннаго и убѣдительнаго о Богѣ познанія не имѣли и были, по апостолу, *яко безбожны въ міръ*“, и говоритъ, что единый источникъ, откуда можно почерпнуть истинное понятіе о Богѣ—это вѣра. Опредѣливъ вѣру словами апостола, что „она есть *узнаніе неизреченное, вещей обличеніе невидимыхъ*“, — проповѣдникъ говоритъ, что она по самому существу своему, назначена къ познанію невидимаго Бога и Его свойствъ. „Сія единая таинственная вѣра, говоритъ проповѣдникъ, приводитъ насъ къ неложному Богу познанію о бытіи Его и Его Божественныхъ свойствахъ. Она открываетъ все совершенство Божія, всю красоту Его, всю Его премудрость, всю силу, всю Его благость, всю Его къ намъ и ко всемъ тварямъ любовь, все Его неусынное о насъ и о всехъ тваряхъ промышленіе; все Его чудныя и страшныя и любезныя судьбы, коими каждую тварь и все ея дѣла ведетъ къ своему предѣлу, и всехъ вообще движенія и дѣйствія и намѣренія къ общему приводятъ концу, и во всемъ хранитъ премудрый и удивительный порядокъ“. Выводъ изъ всего сказаннаго у Платона кратокъ: такъ какъ Богъ есть источникъ всякой благодати, всякой любви, то безъ познанія Его, — иначе безъ вѣры въ Него, немислима никакая добродѣтель и любовь вообще и въ отношеніи къ ближнимъ. „Такъ не дерзай же, безразсудный! заключаетъ проповѣдникъ, говоритъ, что вѣра состоитъ въ добродѣтели; вѣра состоитъ въ любви къ Богу, а добродѣтель есть святая струя, изъ сего Божественнаго источника истекающая. Не дерзай говорить, что довольно, де, для меня той вѣры, когда я дѣлаю добро: но ты добра не только дѣлать, но и помыслить не можешь, ежели всехъ благъ основанія, любви къ Богу, не положишь въ сердце своемъ; а сіе основаніе изобрѣтаетъ и утверждаетъ вѣра. Заключимъ убо

слово свое со Христомъ Спасителемъ, что не только первая и большая, но и единственная заповѣдь, яко источникъ всѣхъ добродѣтелей, есть сія: *Возлюбими Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею, и всею крѣпостию твоею*“ (1).

Отвергая тѣ начала жизни, которыя каждый отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество находятъ прежде всего въ религіи, уклоняясь отъ носительницы этихъ началъ — церкви, современники Екатерины II далеко уклонились и отъ нравственно - христіанскаго идеала жизни. Проповѣдникъ жалуется въ своихъ словахъ и обличаетъ современниковъ въ холодности къ вѣрѣ, которая видимымъ образомъ проявлялась въ уклоненіи отъ богослуженія и другихъ обязанностей, налагаемыхъ церковію на христіанина. „Когда вѣра, говоритъ проповѣдникъ (2), или не уважаема, или пренебрегаема, нельзя тутъ быть благонаравію. Отдавая всю справедливость и честь нѣкоторымъ добрымъ христіанамъ, не видимъ ли, впрочемъ, какая у многихъ въ семъ важномъ пунктѣ есть слабость и небреженіе. Иные о должностяхъ христіанина мало думаютъ; иные ихъ пренебрегаютъ, а другіе осмѣиваютъ. На театры поспѣшаютъ, а церкви Божія остаются праздны, и въ сѣтованіи. Съ какимъ удовольствіемъ и привязанностію зрѣлищами усаждаютъ! а сюда, ежели когда и приходятъ, или съ лѣнностію, или съ холодностію: при священнѣйшихъ тайнодѣйствіяхъ стоятъ безъ страха и благоговѣнія. Да когда бъ сіе дѣлалось по одной слабости; къ слабости сей у иныхъ даже пристааетъ, хотя превратное, но умствованіе, что все то и мало достойно ихъ уваженія. Вотъ рана самая тяжкая, не для церкви токмо, но и для общества!

(1) Том. XX, 299—300 стр.

(2) Слов. на 2 нед. пост. т. XIV, стр. 314.

Другіе не бывъ столь дерзновенны, но въ законѣ не имѣя надлежащаго просвѣщенія, также мало исполняютъ должностей христіанскихъ не по презрѣнію, но по нераченію и слабости. Не токмо въ другія времена года, но и въ самое сіе время покаянія о покаяніи мало помышляютъ. Въ обыкновенныхъ мірскихъ и тѣлесныхъ дѣлахъ упражняются. Многіе годы проходятъ безъ исповѣди и причастія такъ, какъ бы они или не имѣли нужды въ томъ, или какъ бы не были христіане. Итакъ своевольствуютъ или дерзкое бѣвѣріе, или грубое невѣжество, или суетвѣріе постыдное: а истина вѣры и обязательства ея мало кѣмъ или познаются, или исполняются. Сіе подаетъ случай пагубному расколу, сей тяжкой для церкви Божіей язвѣ. Раздирается риза Христова, а чрезъ сіе одинаго тѣла члены становятся другъ другу противными и враждебными (*). Уклоненіе отъ богослуженія и отъ исполненія другихъ христіанскихъ обязанностей проповѣдникъ, какъ видно, замѣчаетъ одинаково, и въ современныхъ вольнодумцахъ, и въ простыхъ, не столь дерзновенныхъ, но неимѣющихъ надлежащаго просвѣщенія въ законѣ, людяхъ. Сюда онъ относитъ и раскольниковъ, „раздирающихъ ризу Христову“. Различіе въ ихъ неправильныхъ отношеніяхъ къ вѣрѣ съ теоретической стороны, — на дѣлѣ приводило ихъ къ одному и тому же заблужденію — отчужденію отъ церкви, а вслѣдствіе этого и нравственной разрозненности между собою. Нельзя не замѣтить однако, что „зѣло умудрившіеся“, т. е., вольнодумцы вызываютъ болѣе строгое обличеніе въ этомъ отношеніи со стороны проповѣдника.

Въ другомъ словѣ (*) проповѣдникъ, говоря о пренебреженіи богослуженіемъ, касается лишь послѣднихъ (т. е. вольнодумцевъ). „Ежели мы въ со-

---

(*) Т. XIV, 517—519 стр.

(*) На освящ. храма Іоанна Предтечи; т. IV, стр. 209.

браніяхъ обыкновенныхъ, говоритъ онъ между прочимъ въ этомъ словѣ, а иногда насъ нечувствительно и вредящихъ, находимъ удовольствіе: меньше ли мы здѣсь въ храмѣ надѣемся обрѣсти матеріи ко услажденію въ столь важномъ величественномъ и сладчайшемъ упражненіи? Почто пришелъ ты, спросилъ бы ты кого либо въ семь собраній,—онъ отвѣщаетъ: восхвалити Того, котораго благодѣяніе есть мое дыханіе. А ты почто, спросить и онъ тебя взаимно: и я, безъ сумнѣнія отвѣтствуешь, тѣмъ же благочестивымъ одушевленъ побужденіемъ. Ахъ! наша взаимная любовь чрезъ сіе укрѣпляется, когда одного благодѣтеля признаемъ: союзъ нашея дружбы умножается союзомъ братства самаго сроднаго съ отношеніемъ къ единому Отцу. Кто сего не чувствуетъ, тотъ не понимаетъ своего преимущества и лишаетъ себя чистѣйшаго и непорочнѣйшаго удовольствія. *Вкусите и видите яко благъ Господь* (Псал. XXXIII, ст. 9).... Что священный закона Его залогъ есть въ насъ сокровенъ, то признаетъ самая совѣсть наша: и нельзя сказать, чтобъ онъ не требовалъ, дабы мы всегда его помнили и ему обучались. Но онъ, скажетъ кто, и безъ того всегда памятенъ, поелику вразумителенъ, ясенъ и кратокъ. Подлинно, но въ человѣкѣ внимательномъ, осторожномъ и добродѣтель любящемъ. Сколь же, между тѣмъ сильное въ человѣкѣ слабомъ есть страстей дѣйствіе! Сколь много сего чувства обманываютъ! Все сіе совокупившись, внутреннюю истины свѣтлость, яко густѣйшій мракъ, потемнить можетъ. Однако человѣкъ во всѣхъ своихъ слабостяхъ извиненія ищетъ: понеже внутренняго безпокойствія сносить или не хочетъ, или не можетъ. Когда идетъ путемъ совѣмъ противнымъ естеству, однако къ тщетному утѣшенію своему говоритъ, что онъ живетъ по естеству. Изъ сихъ двухъ словъ — *жить по естеству* — сколь много примѣчается опаснѣйшихъ злоупотребленій. Не обстоитъ ли нужда, сіи срященные естества права объяснить и открыть ихъ настоящую силу? Приди въ

сіе святилище и научись отъ Создателя естества: ты изъ вѣчнаго закона Его почерпнешь изъясненіе истинное, что есть прямо жить и что есть „жить по естеству“. Ты узнаешь, что жизнь не состоитъ въ дыханіи, тлѣнный составъ оживотворяющемъ, но состоитъ она въ подвигѣ, теченіе бытія совершить въ просвѣщеніи и честности: и что по естеству жить не состоитъ въ томъ, чтобъ угождать требованіямъ чувствъ, но умѣть всѣ дѣйствія свои распорядить по владычественной власти чистаго разума. Да хотя бѣ ты сѣ и ясно понималъ, но не меньше долженъ быть остороженъ, дабы забвеніе, суеты, не изсушили сіе спасительное насажденіе. Человѣче, вопіетъ пророкъ, между терній ты живешь, и по опаснымъ забраламъ града ходиши. Законъ Господень свѣтильникъ есть (Псал. СХVIII, ст. 105), а свѣтильникъ въ темнотѣ ночной всегда предносится. Но я, де, могу и безъ собраній и не въ церкви сему поучаться. Подлинно можешь, да и долженъ. Но для чего же и не въ церкви? Почто не уподобляемся благоразумнымъ дѣтямъ, ходящимъ въ училище, гдѣ иногда они учителя просятъ о изъясненіи срътившихся для нихъ затрудненій, иногда взаимно самихъ себя вопрошаютъ и тѣмъ сугубо пользуются? Бойся самолюбія, оно можетъ удобно обмануть: оно заставитъ обойти и не трогать больной раны своей: самъ для себя ты врачъ ненадежный. Да хотя бѣ, по счастію природы, ты и могъ быть самъ себѣ наставникомъ и учителемъ, но мысль человѣческая вообще сама въ себѣ есть обманчива и не тверда. Ты, когда нѣжной совѣсти человѣкъ, во всегдашней будешь болзни, не есть ли то одно мечтаніе, что кажется тебѣ быти истиною? Но когда и на семъ самомъ мѣстѣ священномъ, въ присутствіи Бога, при собраніи всея церкви, при совершеніи таинъ, при изліяніи всѣхъ сердець предъ Господемъ, тоже самое услышишь, что собственнымъ своимъ разсужденіемъ понимаешь, не возрадуешься ли духомъ, не паче ли утвердишися безопасно послѣдовать внут-

ренному своему чувству, и въ восторгѣ душевномъ не воспоеши ли съ Давидомъ: *всякія кончины видѣхъ конецъ, широка заповѣдь Твоя, Боже, свидѣнія Твоя узвѣришася зло* (Псал. СХІХ, ст. 96). Такъ что же мы можемъ разсуждать о тѣхъ, которые не радятъ о семъ духовномъ упражненіи? Откуда такое разстройство происходитъ? Происходитъ оно или отъ излишняго самолюбія; довольны быть кажутся сами себѣ: или отъ страстей отягощенія. Остатокъ совѣсти побуждаетъ ихъ идти въ сіе училище духовное: но они тренещутъ, чтобъ какъ слабости ихъ тронуты не были и боятся, чтобъ не перестали быть несчастливыми. Тщетно ко успокоенію своему ищутъ нѣкоторыхъ извиненій, аки бѣ они жили по естеству“....

Разсуждая о холодности къ вѣрѣ, проповѣдникъ обличаетъ современниковъ въ самолюбіи. Дѣйствительно, взамѣнъ религіозно - нравственныхъ началъ, ими была усвоена лишь легкая французская мораль, основывавшаяся на эгоизмѣ и удовольствіи (¹). Мораль эта, говоримъ, была легкая, а потому общедо-

---

(¹) Дидро въ одномъ изъ философскихъ афоризмовъ доказываетъ не только пользу страстей для человѣка, но и совершенную ихъ необходимость и на этомъ основаніи объявляетъ неразумными тѣхъ людей, которые въ умерщвленіи плоти видятъ совершенство добродѣтели и верхъ нравственности (Шлоссеръ, т. II, стр. 372). Въ томъ же духѣ нравственное ученіе развивали Ла-Метри и Гельвеціусъ. Сущность нравственныхъ взглядовъ Ла-Метри состоятъ въ томъ, что высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ, есть только чувственное наслажденіе. Такъ какъ, по мнѣнію его, мнимая духовность человѣка есть въ сущности тѣлесность, то мы прежде всего должны стремиться къ тѣлесному счастью.... Добродѣтель и честность чужды нашей природѣ (Геттнеръ, т. II, стр. 290). Насколько наглъ былъ въ нравственномъ ученіи Ла-Метри, настолько же и Гельвецій. По его мнѣнію, основаніе и цѣль всѣхъ человѣческихъ дѣйствій должно составлять неумѣренное самолюбіе. «Одно себялюбіе и личная выгода, говорятъ онъ, должны быть единственными двигателями всѣхъ человѣческихъ сужденій и поступковъ. Искать удовольствія, избѣгать неудовольствія — наше единственное побужденіе.... Каждый составляетъ свой міръ, другіе для него — ничто» (Геттнеръ, т. II, стр. 294).

ступная и особенно привлекательная въ сравненіи съ моралью христіанской, основанной на идеяхъ долга и самоотверженія. Русскіе вольнодумцы легко подчинялись ей. Свидѣтельство этого находимъ во „взглядѣ на собственную жизнь“ Измаилова, гдѣ между прочимъ читаемъ слѣдующее: „въ Москвѣ жилъ съ нами чиновникъ, довольно ученый, но молодецъ на всѣ руки. Въ немъ много было добраго, но все чѣмъ нибудь запачкано и загрязнено. Это былъ эпикуръ въ дырявой тогѣ Діогена. Остроумный по природѣ, онъ чтить Вольтера, Руссо и Макиавелли, умѣлъ спорить о разныхъ предметахъ и всегда становился въ оппозицію съ общими мнѣніями. Однажды, не смотря ни на кого, онъ доказывалъ: если человекъ худъ и не можетъ исправиться, то виноватъ не онъ, а родители, и доказывалъ, думаю, не столько по увѣренности, сколько въ защиту своего поведенія. Въ другой разъ, въ противность общему приговору, порицалъ поступокъ двухъ сестеръ, молодой вдовы и дѣвицы, которыя, когда въ ихъ домъ вошли французы, не находя гдѣ скрыться и сберегая свою честь, выбѣжали на набережную, обнялись и бросились въ рѣку. Это онъ называлъ самоубійствомъ, говорилъ, что несчастныхъ сестеръ руководилъ стыдъ быть обезчещенными, а не благоразуміе и святость, и что вообще физическая жизнь важнѣе нравственной“⁽¹⁾.

Въ словѣ на недѣлю вторую великаго поста⁽²⁾, обращаясь къ слушателямъ, проповѣдникъ говоритъ: „когда вы, благословенніи христіане, съ толикою ревностію посѣщаете въ сей святой храмъ... другіе въ тоже время упражняются, чтобъ страстямъ своимъ найти удовольствіе. Но сего мало: ихъ вредный языкъ простирается ко осужденію добраго вашего расположенія. Что-де, за нужда ходить слушать извѣстныхъ

(1) Труд. Кіев. дух. ак. за 1868 г. стр. 446, т. I.

(2) Том. IV, стр. 281.

всѣмъ разсказовъ? Будто бѣ человѣкъ не зналъ, что ему есть нужно. Толкуютъ о грѣхахъ и о жизни на другомъ свѣтѣ: но не есть ли нужнѣе думать о томъ, какъ въ сей жизни счастье достать? Пусть бы они намъ показали, какъ снискать больше прибытка и какъ удобнѣе получить вышній степень чести: такое поученіе мы бѣ съ большимъ удовольствіемъ приняли, нежели всѣ ихъ проповѣди о отпущеніи грѣховъ и о небесномъ царствіи. Сии проповѣдники, по ихъ мнѣнію, возлагаютъ на бѣдныхъ людей бремена неудобь носима; и лучше бѣ было, если бѣ они умолкли, а оставили бѣ всякаго жить по своему произволенію“ (1).

Эгоистическая философская мораль, какъ видно изъ этихъ словъ проповѣдника, глубоко вкоренилась въ сознаниі современнаго общества. И надо замѣтить, что ни въ какую другую эпоху она не пользовалась на Руси такимъ широкимъ приложеніемъ къ жизни. „Осторожность, постоянство, терпѣливость, разсуждаетъ Иванушка (2), похвально были тогда, когда люди не знали, какъ должно жить на свѣтѣ, а мы, которые знаемъ, что это такое, *que de vivre dans le grande monde*,—мы, конечно, были бы съ постоянствомъ очень смѣшными въ глазахъ всѣхъ такихъ людей, какъ мы“. Мода разсуждать, или, какъ говорили тогда, „быть философомъ“, имѣла, такимъ образомъ, самую тѣсную связь съ жизнью; свобода мысли сопровождалась крайнимъ произволомъ въ жизни. „Вы, пишетъ защитникъ французскихъ нравовъ къ издателю „Кошелька“ (соврем. журн.), вы родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательно быть не могутъ: ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ добродѣтелямъ не

---

(1) Томъ IV, стр. 281—282.

(2) Типъ петиметра въ комедіи Фонъ-Визина «Бригадиръ» соч. Фонъ-Визина, стр. 19.

что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумазбродство. Пріятель мой! вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли прославиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и правоучительныя правила.... Перестаньте понапрасну мараить бумагу; нынѣ молодые ребята всѣ живы, остры, вѣтрены, насмѣшливы, вить они васъ засмѣютъ со всею вашею древнею къ отечеству любовью... Но шутки въ сторону; вы государь мой, весьма смѣшной проповѣдникъ! Проповѣдуете пороки подъ именемъ добродѣтелей и хотите, чтобы вамъ вѣрили.... Вы стараетесь привлечь людей къ тому, отъ чего съ превеликою трудностію ихъ отторгали: вы, конечно, худо поняли намѣреніе Ж. Ж. Руссо, съ которымъ онъ утверждалъ свою систему. Скажите мнѣ, не хочется ли вамъ, чтобы путешествіе въ Парижъ, молодыми нашими дворянами предпріемлемое для познанія свѣта и для просвѣщенія своихъ единоземцевъ, запретили? Не желаете ли, чтобы науки, въ Россію, помощію обращенія съ французами, съ великимъ трудомъ введенныя, опять изъ Россіи изгнаны были вмѣстѣ съ французами? Не того ли ищете, чтобы бросили французское платье, претворившее насъ изъ варваровъ въ европейцевъ? И если это такъ, то вы великую имѣете причину сожалѣть о старомъ платьѣ, ибо оно и красиво и покойно: въ которомъ платьѣ спишь, въ томъ можно и въ гости къ женщинамъ ходить.... ха, ха! какой вы чудакъ“ (1)....

Таковы были люди новаго покроя! Мало обращая вниманія на духъ французской философіи и вообще французскаго образованія, они какъ дѣти бросались на то, что рѣзко кидалось имъ въ глаза и поражало ихъ своею яркостію и блескомъ: роскоши и другимъ моднымъ удовольствіямъ русскіе люди приносили въ жертву все, что нажито было цѣлыми вѣ-

(1) Аонасьева, «Русскіе сатир. жур.», стр. 180—181.

ками и что прежде было для нихъ такъ дорого; забыты были ради нихъ—и вѣра и отеческія преданія, которыя, объединяя русскихъ людей нравственно, обусловливали собою внутреннее и внѣшнее благосостояніе русскаго общества. — Сама Екатерина II, для поддержанія блеска своего царствованія, не щадила денегъ. При началѣ ея царствованія доходы составляли 20 милліоновъ, а при концѣ доходили до 50 милліоновъ. Изыскивая причины финансоваго разстройства, Щербатовъ говоритъ: „у насъ войны до 1774 г. не было, а и война была самая успѣшная, области наши не раззорены, доходы государственные разработываніемъ рудниковъ, умноженіемъ винной продажи, приобщеніемъ къ казеннымъ доходамъ монастырскихъ деревень и положеніемъ на нихъ по 3 р. съ души, умноженіемъ торговли, положеніемъ въ окладъ денежный Малороссіи и Лифляндіи, населеніемъ Новой Россіи и прочими способами знатно умножились. А однако отъ безденежья и отъ недостатка кредита россійскій народъ болѣе страдаетъ нежели другіе страны. Отчего же сіе происходитъ (¹)? Щербатовъ прямо объясняетъ это сластолюбіемъ. Онъ же, перечисляя огромныя затраты денегъ, производимыя правительствомъ съ самаго вступленія на престолъ Екатерины II, указываетъ на непомѣрную придворную роскошь, которая увеличилась при дворѣ Екатерины сравнительно съ дворомъ Елизаветы Петровны. Фонъ-Визинъ также удивляется внѣшнему блеску двора. „Признаюсь искренно, говоритъ онъ, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ двора нашей императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка—все сіе поразило зрѣніе и слухъ мой, и дворець казался мнѣ жи-

---

(¹) См. въ статьяхъ Бѣликова, «Чт. Общ. люб. духов. просв.» за 1874 г.

лицемъ существа выше смертнаго“ (1). По сознанію самой императрицы, „всѣ говорили, что она прожи- лась и промоталась“ (2). Расточительности императрицы подражали и придворные. Грибовскій въ своихъ запискахъ говорить, что „столъ графа П. А. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Броницкой стоилъ придворной конторѣ по 400 р. въ день, кромѣ напитковъ, которые съ чаемъ, кофеемъ и шеколадомъ стоили не менѣе половинной противъ стола суммы“ (3). Онъ же рассказываетъ о выѣздахъ графа Остермана въ позолоченой каретѣ на шести бѣлыхъ лошадяхъ (4) и о праздникахъ Безбородко (5). Этотъ послѣдній весь былъ засыпанъ золотомъ и брилліантами. „Итальянской пѣвицѣ Дави онъ давалъ ежемѣсячно на прожитокъ по 8 т. руб. золотомъ и при отпускѣ въ Ита- лію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500 т. руб. Онъ же далъ за дочьрью другой своей любовницы, танцовщицы Ленушки, въ приданое городъ Рож- дественъ, пожалованный ему императоромъ Павломъ, приносившій ежегодно доходу 80 т. руб., сверхъ того въ Петербургѣ домъ въ 300 т. руб.“ (6). Графъ Салтыковъ проживалъ въ годъ болѣе 200 т. р. (7). На- конецъ расточительность князя Потемкина превосходитъ всякое вѣроятіе: онъ, какъ полагаютъ, стоилъ государству до 50 милліоновъ руб. Не отставали отъ столичныхъ жителей и деревенскіе помѣщики; „многіе изъ нихъ заводили въ своихъ имѣніяхъ капель- мейстеровъ, балетмейстеровъ, шталмейстеровъ, гоф- мейстеровъ, душистыя помады, шампанскія, венгер-

---

(1) Фонъ-Визинъ, стр. 538.

(2) Записки Грибовскаго. стр. 41.

(3) Ibidem., стр. 5.

(4) Ibidem., стр. 9.

(5) Ibidem., стр. 12.

(6) Ibidem., стр. 13.

(7) Ibidem., стр. 7.

скія, бургонскія и англійскія вина, кои нерѣдко бывали 'очень яснымъ тайнствомъ плоти и крови • измученныхъ крестьянъ“ (¹).

Наряду съ роскошью развивался въ обществѣ, какъ видимъ, другой порокъ — сластолюбіе. Сластолюбіе современниковъ сопровождалось неслыханнымъ дотолю на Руси видомъ семейнаго и всякаго разврата. „Почтенный старикъ Алферьевъ, говоритъ Жихаревъ, разсказывалъ, что въ молодыхъ зажиточныхъ людяхъ, жившихъ въ Москвѣ въ совершенной праздности, было какое-то стремленіе къ разврату всякаго рода, что онъ и самъ вовлеченъ былъ потокомъ идей въ эти непростительныя шалости.... Кто повѣритъ теперь, чтобы молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно или вовсе не принимался въ обществѣ своихъ товарищей, и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ пожилыми людьми, да и тѣ иногда суются туда же. Кто не развратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ (²). Развратъ такимъ образомъ былъ въ модѣ и считался признакомъ образованнаго человѣка. Многие въ екатерининское время не женились, потому что „с' est - du bon ton“ — быть холостымъ (³). И супружеская вѣрность считалась признакомъ дурнаго тона; напротивъ того, торжество моды было, если мужъ и жена жили на двѣ разныя половины и имѣли особый кругъ знакомства, если жена была окружена роемъ обожателей, а мужъ содержалъ свою метрессу (⁴). „Мужъ мой влюбленъ въ

(¹) Въ соч. Пезеленова, «Н. П. Повиковъ», стр. 50.

(²) Записки совр. Жихарева. Днев. студ. стр. 388; см. стр. 76 г. Янв. стр. 86.

(³) Фонъ-Визинъ, стр. 41.

(⁴) Аванасьева, «Русск. сатир. жур.», стр. 213.

меня до безумія, разсуждаетъ щеголиха екатерининскихъ временъ, а къ тому же и ревнивъ. Фуй! какъ это неловко, мужъ растрепанъ отъ жены; это, радость, гадко!... Сказать ли, чѣмъ я отвязываюсь отъ этого несноснаго человѣка? Одними обмороками. Какъ привяжется онъ ко мнѣ съ своими декраласіонами и клятвами, то я сперва горорю ему: отцѣпись! но онъ никакъ не отстаетъ: послѣ того резонирую, что стыдно и глупо мужу быть влюблену въ свою жену; но онъ никакъ не вѣритъ, — и такъ остается мнѣ одно средство — взять обморокъ (¹). Или вотъ какъ разсуждаютъ о вѣрныхъ супругахъ петиметръ и щеголиха екатерининскихъ временъ на своемъ ломаномъ модномъ нарѣчій: ха, ха, ха! Ахъ, монкеръ, ты уморилъ меня! Онъ живетъ три года съ женою и по сю пору любить ее! Перестань, мужчина; это никакъ не можетъ быть, три года имѣть въ головѣ свой вздоръ!... Съ чужою женою и помахаться не смѣетъ, еще и за грѣхъ считаетъ! Прекрасно! Перестань шутить! По чести у меня отъ этого сдѣлается тѣснота въ головѣ. Ахъ, какъ это славно! Они до смерти другъ друга залюбятъ. Ахъ, мужчина, ты уморилъ меня (²)! При такомъ превратномъ понятіи о супружествѣ естественно открывался полный просторъ волокитству и распущенности нравовъ, чѣмъ и дѣйствительно отличался вѣкъ Екатерины II. Вольная жизнь, по свидѣтельству современниковъ, въ царствованіе Екатерины была гласною и люди именитыхъ фамилій ни мало не стѣснялись подобнымъ образомъ вести себя. Павелъ I-й при вступленіи на престоль запретилъ, напимѣръ, доступъ ко двору 3-мъ знатнымъ господамъ именно потому, что они слишкомъ ославились свободною жизнію въ предшествующее царствованіе (³).

(¹) Аванасьева, «Русск. сатир. жур.», стр. 206. Труды Кіевск. духовн. акад. за 1868 г. т. I, стр. 463.

(²) Ibidem., стр. 204.

(³) Рус. Арх. 61 г. 317 стр.

Самовольные разводы между супругами и недозволенные женитьбы какъ на близкихъ родственницахъ, такъ и отъ живыхъ мужей и женъ, сдѣлавшіяся обыкновенными и особенно умножившіяся въ послѣдніе годы правленія Екатерины,—вызвали со стороны Павла также строгія мѣры ⁽¹⁾.

А. Надежинъ.

(Продолженіе будетъ)

⁽¹⁾ Рус. Арх. 317—318.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕ-БОЛГАРСКОЙ ПРОПОВѢДНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

БЕСѢДЫ ЕПИСКОПА КОНСТАНТИНА (¹).

Того^ж. Златоустаго. съказание. ѿ евангѣлиа. ѿ Ма^а.
Бесѣда 14-я (лл. 71—73 об.).

Възлюблении. обрѣтъше истоуѣники непресецающии. прохладящъ доушоу и съвѣсть. не отъидѣмъ не напивѣшесе. нѣ сами наливавѣше съсуды свои. и инѣмъ подадимъ. тоуне бо приемлемъ. тоуне же и подадимъ. и изищемъ прилѣжно. весельномъ срьдцьемъ. не оунтывающе. како стѣль и златорѣчивыи съ. въ се мѣсто съказаа евангѣлиа глаголетъ. рече бо сице. яко градъ ѿго съде глеть евангѣлисть. Капернаоумъ. Виолеомъ бо принесе ѿго. а Назареоъ въспитѣ. Капернаоумъ же имѣаше живоуща въиноу. подобаать же съмотрити. и покореник владыцѣ и не величание. яко въ корабль вълѣзъ прѣздяаше. могъи пѣшь прехаждати. и яко гадаряными отыгънанъ не противися. нѣ отъиде недалеуже.

О ослабленѣ же Матеѣи | *Περὶ τοῦ παραλυτικοῦ*
рече. яко принесоша его. | *ὁ μὲν Ματθαῖος φησὶν, ὅτι*
а друзии яко и крова пре- | *προβέφερον αὐτόν· οἱ δὲ*
сѣкъше низвѣсиса его. | *ἄλλοι, ὅτι καὶ τὴν στέγην*

(¹) См. октябр. кн. Пр. Соб.

и предъложиша Христови. понеже толикоу вѣроу показаша. показываетъ и онъ свою силу. съвсыкою властию. раздрѣшаъ грѣхы. и етери же отъ книгъуии завистию съдържими въ себѣ рѣша „съ власвимисаеть. кто можетъ отъпоущати грѣхы тѣкмо ѳединъ Бѣ.“ онъ же рещи извѣщають реуенаа. облиувивъ ѳко Бѣ помышления ихъ. одинаго бо Ба есть. ѳже вѣдѣти неиздреченьнаа. потомъ и реуе. къ нимъ. „ѳто есть оудобѣ рещи отъпоущаютьтиса грѣси. или рещи възьми одръ свои. и иди въ домъ свои.“ еже глеть сине есть. ѳто мнниться вамъ. оудобѣ быти тѣло ли сътягнути ослаблено. или доушевньмъ грѣхы распуустити. ѳвѣ есть ѳко тѣло сътягнути мьне есть. елма бо дша телесе лоууыши. тольма ѳже ксть грѣхы распуустити сего вяще. понеже ово не ѳвлено. ово

διατεμόντες, κατέθηκαν αὐτὸν καὶ προῦθησαν τῷ Χριστῷ ἕπει οὖν τοβαύτην ἐπεδείξαντο πίστιν, ἐπιδείκνυται καὶ αὐτὸς τὴν αὐτοῦ δύναμιν, μετ' ἔξουσίας πάσης λύων τὰ ἁμαρτήματα καὶ τινες μὲν τῶν γραμματέων, τῆ βαβυλωνία, κατεχόμενοι. ἐν ἑαυτοῖς εἶπον, „οὗτος βλασφημεῖ τίς δύναται ἀφιέναι ἁμαρτίας; εἰ μὴ ὁ μόνος ὁ Θεός“; αὐτὸς δὲ διὰ τῶν προβλημάτων βεβαιοῖ τὰ εἰρημμένα, ἐλέγξας ὡς Θεὸς τὰς ἐνθυμίτους αὐτῶν μόνον γὰρ Θεοῦ ἔστι τὸ τὰ ἀπόρητα εἰδέναι. ἔπειτα δὲ καὶ φησὶ πρὸς αὐτούς. „τί ἔστιν εὐκολώτερον εἰπεῖν, ἀφένονται σοι αἱ ἁμαρτίαι, ἢ εἰπεῖν ἄρον τὸν κράβαττόν σου καὶ ὑπάγε εἰς τὸν εἶχον σου“; ὁ δὲ λέγει, τοιοῦτόν ἐστιν τί δοκεῖ εὐκολὸν ὑμῖν εἶναι σῶμα σφίγξαι παραλελυμένον, ἢ ψυχῆς ἁμαρτήματα λυῖναι; εὐθελὸν, ὅτι σῶμα σφίγξαι. ὅσῳ γὰρ σώματος ψυχῆ βελτίων, τοσοῦτον τὰ ἁμαρτήματα λυ-

же кѣѣ. сего ради же при-
лагаю мньшее кѣѣ. да
большее и не квленое. си-
имъ приметь извѣщение.
сълетъ же его абие. въ
домъ свои исцѣлена. пакы
съде не гърѣдѣние пока-
зам. юще же и яко не при-
видѣние бѣ бывшее. сего
ради бо і одръ нести емоу
повелѣ. обаче же и народъ
еще. по тьломъ (по землѣ)
пресмыкаеться. „видѣвъше
бо рече. дивишася. и про-
славиша Бѣ. давшаго
такъ власть чловѣкомъ“.
предъстояше бо имъ плоть.
самъ же дълготерпя. не
прещаше имъ. обаче не
бѣ малое же мнимоумоу
быти. всѣхъ чловѣкъ боль-
шоу. и яко отъ Бѣ приде.
аще бо быша извѣстили
добрѣ въ себе. по поутѣ
ходимъ спѣюще. разумѣли
быша яко Вѣи Сынъ бѣ.
нѣ не оудержаша сии кѣѣ
естъ. ни на лоуѣшее възмо-
гоша прити. глахоу же
пакы. съ чловѣкъ нѣсть

бай τούτου ἄμεινον. ἐπεὶ
δὲ τὸ μὲν ἀφανές, τὸ δὲ
φανερὸν διὰ τοῦτο οὖν
προστίθῃμι τὸ καταδέεσ-
τερον φανερώς, ἵνα τὸ μεί-
ζον καὶ ἀφανές διὰ τοῦτου
λάβῃ τὴν ἀπόδειξιν Πέμ-
πει δὲ αὐτὸν εἰς τὴν οἰκί-
αν αὐτοῦ, εὐθέως θερα-
πευθέντα, πόλιν καὶ ἐν-
σταῦθα τὸ ἄτυχον δεικνύς·
ὅτι δὲ καὶ οὐ φαντασία ἦν
τὸ γινόμενον, διὰ τοῦτο
γὰρ καὶ βαστάσαι αὐτὸν.
τὸν κράβαττον προσέταξεν,
ὅμως καὶ οἱ ὄχλοι ἔτι χα-
μαὶ σύρονται. ἰδόντες
γάρ, φησὶν, „ἐθαύμασαν
καὶ ἐδόξασαν τὸν Θεόν, τὸν
δόντα ἐξουσίαν τοιαύτην
τοῖς ἀνθρώποις.“ προϊστα-
το γὰρ αὐτοῖς ἡ σὰρξ αὐ-
τοῦ γὰρ μακροθυμῶν οὐκ
ἐπέτιμα αὐτοῖς· τέως γὰρ
οὐκ ἦν μικρὸν τὸ νομί-
ζεσθαι πάντων ἀνθρώπων
αὐτὸν εἶναι μείζονα καὶ
ὅτι παρὰ τοῦ Θεοῦ ἦλθεν·
εἰ γὰρ ταῦτα καλῶς ἐβε-
βαίωσαν παρ’ ἑαυτοῖς, ὁδῶ
προβαίνοντες ἐγνώσαν ἄν,
ὅτι καὶ Θεοῦ Υἱὸς ἦν ἄλλ,
οὐ κατέσχεον ταῦτα σαφῶς.

отъ Ба. сътворивъ же юудо на ослабленѣ не пребысть на мѣстѣ. да не большими раждъжетъ рьвнни зримъ. тако и мы да сътворимъ. оукланающесе отъ дѣющиихъ на ны ковъ. и сами бо кромѣ бываемъ. и тѣхъ отъ грѣхъ свобожаемъ.

οὐδὲ προελθεῖν εἰς τὸ βέλτιον ἠδυνήθησαν. ἔλεγον γὰρ πάλιν, ὅτι οὗτος ὁ ἄνθρωπος οὐκ ἔστι παρὰ τοῦ Θεοῦ ποιῶν· ἀλλὰ τὸ θαῦμα τοῦ παραλυτικοῦ, οὐκ ἐπέμεινε ἐν τῷ τόπῳ, ἵνα μὴ τὸν ζῆλον πλεῖον ἐξάφη ὁρώμενος· οὕτως οὖν καὶ ἡμεῖς ποιῶμεν, ἐκκλίνοντες τοὺς ἐπιβουλεύοντας (').

Слышавъше же братиѣ толика юуда. Христа Бога нашего. сътвориша пристоупимъ къ нему. ослаблени бывъше грѣхъми. просимъ съдравиа. да и къ намъ речеть отъпоушачються грѣси вамъ. и възми одръ свои. и иди въ домъ свои. можетъ бо елико и хочеть. нъ не съмънящесе. ли полъмъ сьрдьца. нъ сьвршеною мьслью. аще сице и боудемъ. и небесньнихъ благъ. съ земньными съподобить ны Христосъ Богъ нашъ. не хотяй сьмърти намъ грѣшникомъ. нъ обращение и жизнь. омоуже слава ѹ. поклоняние. съ соуциимъ Отцьмъ. и пресвятимъ Дохцьмъ. нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

Того^ж. Златоустаго. съказание. ѿ свигликъ. w Ма^н.
Всѣдѣ 23-я (дл. 115—118 об.).

Възлюбленія възприимъмъ гоусли дховьнихъ. и Давыдова словеса. и рьцѣмъ възлюблю тя Ги крѣ-

(') См. Cramer. Cat. Gr... t. I. p. 65—66.

пости мои. Гь утврѣженіе мое и прибѣжище и избавитель мой. вѣистинуу възлюбимъ яко Бъ любви юсть. и прѣбывааки въ любви въ Бозѣ прѣбываютъ. и любяи брата своего искренняго. Ба любить. тѣмъ же братіе любя ны отъць съ прѣблаженныи. неэавистьно и не скъдно оучительство свое прострѣ намъ. съсмотримъ же подлѣжащааго сего. чьто хочеть златоточныи. съ потокъ сказаа глти нынѣ.

Чьсо ради Матѣи ре- | *Τίνος ἕνεκεν ὁ Ματθαῖος*
 че (1). яко искоушаа въпро- | *φρῆσιν, ὅτι περὶ αὐτῶν ἠρώ-*

(1) Въ бесѣдѣ 35-й на евангельское чтеніе изъ Лук. 10. 25—37 (нед. 25-я по пятдес.) въ объяснительной части воспроизводится почти буквально тоже самое толкованіе. Для сравненія приводимъ его здѣсь: «Чьсо ради Матѣи рече. яко искоушаа въпроси законникъ съ. а Маркъ инако. видѣвъ бо рече. яко съмыслно отвѣща емоу. абы рече емоу недалече еси царствья Божья. не противна соуща себе. евангелиста рѣсте. нъ и зѣло съгласна соуща се въпраша оубо запырва искоушаа бѣ. отвѣтомъ же Христовымъ. пользю приимъ похваленъ бысть. не запырва бо его похвали. нъ егда рече. яко любити искренняго яще есть олокавтоматъ. тѣгда слыша. яко недалече еси царствья Божья. зане малыа прѣзырѣ. глаголю же субботу и прочая. начаткъ же добраго изволения. любве. како есть неразумѣ. обаче ни тако съвършеноу емоу похвалу съложилъ нъ еще скудноу еже бо рещи недалече еси. являеть еще отъстояша. да приищеть недостатка. прѣдлагають же законника фарисей на вопрошение. не оувѣдѣти хотяще. нъ искоусы творяще. понеже въ законѣ пръвая заповѣдь си бѣ. еже възлюбиши Господа Бога своего. чающе яко вину естероу подасть имъ. да исправятъ ю. зане ся являше Богъ. прѣдлагають въпрашание. показая же Христоръ. ни единою любве имоща я. нъ и зависть тающа и ретью държимы. отвѣщавъ рече емоу. възлюбиши Господа Бога своего. и паки. възлюбиши искренняго си яко самъ ся. снмъ отвѣтомъ яко же бы глаголаа имъ. яко вы въ себе въпрашание творите. ибо исто благое любве далече отъгънасте отъ себе. подобно оуже пръвѣи заповѣди. вторую нарече. ю. яко си ону прѣдваряеть. и тою съдръжитсяа паки. любяи бо мя рече. заповѣди моя съблюдетъ. заповѣди же его и глава ихъ. по любви сущици. къ Богу. соущици къ искреннему оугодно же рече. на сею весь законъ виситъ и пророци» (Синод. ркис. № 163, л. 160—161). Очевидно въ обоихъ

си законникъ съ. а Маркъ
иначе. видѣвъ бо рече яко
съмысленно отъвѣща юмъ.
абие рече юмоу. недалеуе
юси отъ црствиа Бжикъ.
непротивна соуца себѣ
евнѣлиста рѣста. нъ и зѣ-
ло съглица. въпраша же
оубо за първа искоушаиъ
отъвѣтомъ же Хвѣмъ поль-
зю примъ. похвалень бы.
не за първа бо юго похва-
ли. нъ югда рече. „яко юже
любити искрнѣяго вяще
олокавътоматъ“. тѣгда слы-
ша яко „недалеуе юси отъ
црствиа Бжикъ“. зане малаиъ
прѣзърѣ. глѣю же соубогоу.
и проуаа начатъкъ же доб-
рааго изволенииъ любѣве.
како юсть не развмѣ. оба-
че ни та ствръшеноу юмоу
похвалоу съложи. нъ юще
сквдлноу. юже бо рещи не
далеуе юси. авламетъ юще
отъстоуащъ. да приищеть
недостатъка. прѣдълага-

πῆθεν οὗτος ὁ νομικὸς, ὁ
δὲ Μάρκος τὸν ναπίον εἰ-
δάς γὰρ, φησὶν, ὁ Ἰησοῦς,
ὅτι νουνεχῶς ἀπεκρίθη,
εἶπεν αὐτῷ, οὐ μακρὰν εἰ-
ἀπὸ τῆς βασιλείας τοῦ
Θεοῦ; οὐκ ἐναντιούμενοι
ἑαυτοῖς οἱ Εὐαγγελῆσταὶ
τοῦτο εἶπον, ἀλλὰ καὶ
σφόδρα συνάδοντες ἠρώ-
τησε μὲν γὰρ πειράζων
παρὰ τὴν ἀρχὴν, ἀπὸ δὲ
τῆς τοῦ Χριστοῦ ἀπο-
κρίσεως ὠφελῆθεῖς. ἐπηνέ-
θη οὐδὲ γὰρ παρὰ τὴν
ἀρχὴν αὐτὸν ἐπῆνεσεν, ἀλλ'
ὅτε εἶπεν, „ὅτι τὰ ἀγαπᾶν
τὸν πλησίον, πλεόν ἐστὶ
τῶν ὀλοκαυτομάτων“, τό-
τε ἤκουσεν ὅτι „οὐ μακρὰν
εἰ ἀπὸ τῆς βασιλείας.“ ὅτι
τὰ ταπεινὰ ὑπερείδεν, λέ-
γων δὲ τὸ σάββατον καὶ τὰ
λοιπά· τὴν δὲ ἀρχὴν τῆς
ἀρετῆς τὴν ἀγάπην, ὅποια
τίς ἐστὶ, κατενόησεν ὁμοίως
οὐδὲ οὕτως ἀπρησιτισμένον
αὐτῷ τὸν ἔπαινον συντέ-
θεικεν, ἀλλ' ἔτι λείποντα·
τὸ γὰρ εἶπειν οὐ μακρὰν
εἶ, δείκνυσθιν ἔτι ἀπέχοντα.

случаяхъ епископъ Константинь переводилъ съ греческаго одно и тоже,
уже готовое, сокращеніе отеческихъ толкованій на евангелія.

ють же законника фари-
сеи на вопрошениѣ. не
оувѣдѣти хотяще. нѣ ис-
коусы творяще. понеже въ
законѣ прѣваѣ заповѣдъ
си бѣ. ѿже възлюбихи Г̄а
Ба своѣго. чающе виноу
ѿтероу подати имъ. ꙗко
исправляще ю. зане се из-
ляше Бѣ. прѣдлагають
въпрашаниѣ. показавъ же
Х̄ъ. ни ѿдиноѣ же любве
имоща из. нѣ и завистию
таити. и ретию дръжаномъ.
отвѣщавъ рече ѿмоу „въз-
любихи Г̄а Ба своѣго“. и
пакы „вълюбихи искрення-
го своѣго ꙗко самъ ся“.
симъ отвѣтомъ ꙗкоже бы
гла имъ. ꙗко вы въ себѣ
въпрашаниѣ творите. ибо
се исто бл҃гоѣ любве да-
лече отъгнасте отъ себе.
подобноу же прѣрѣи за-
повѣди. вътороую нарече.
ꙗко си оноу прѣдъваряеть.
и тоу съдръжитесь пакы.
„любѣи бо мя рече. запо-
вѣди моя съблюдають“. за-

ἵνα ζητήσῃ τὸ λείπον. προ-
βάλλονται δὲ τὸν νομικὸν
οἱ Φαρισαῖοι πρὸς ἐρώτη-
σιν, οὐ μαθεῖν βουλόμενοι,
ἀλλὰ ἀπόπειραν ποιούμε-
νοι. ἐπειδὴ γὰρ ἐν τῷ νό-
μῳ πρώτη ἐντολὴ αὕτη
ἴν, τὸ ἀγαπήσεις Κύριον
τὸν Θεόν σου, προσδωκῶν-
τες ἀφορμὴν τινα παρέξειν
αὐτοῖς, ὡς ἐπιδιορθωσό-
μενον αὐτὴν, διὰ τὸ καὶ
ἑαυτὸν δεικνύσαι Θεόν, προ-
βάλλονται τὴν ἐρώτησιν
δεικνύς δὲ ὁ Χριστὸς, μη-
δεμίαν ἔχειν αὐτοὺς ἀγά-
πην, ἀλλὰ καὶ φθόνῳ τή-
χεσθαι, καὶ ζηλοτυπία ἀλί-
σχεσθαι, ἀποκριθεὶς εἶπεν
αὐτῷ, „ἀγαπήσεις Κύριον
τὸν Θεόν σου“, καὶ πάλιν
„ἀγαπήσεις τὸν πλησίον
σου ὡς ἑαυτόν.“ διὰ ταύ-
της τῆς ἀποκρίσεως, ὡσα-
νεὶ λέγων αὐτοῖς, ὅτι αὐ-
τοὶ ὑμεῖς καθ' ἑαυτῶν τὰς
ἐρωτήσεις ποιεῖσθε, καὶ
γὰρ τοῦτο αὐτὸ τὸ τῆς
ἀγάπης ἀγαθὸν πόρρω ἀφ'
ὑμῶν ἐδιώξατε. ὁμοίαν δὲ
τῆς πρώτης ἐντολῆς τὴν
δευτέραν ἐκάλεσεν, ὅτι αὐ-
τῆ ἐχείνην προοδοποιεῖ, καὶ

повѣди же ѿго и глава ихъ. по любви соущии на Б̄а. свщия къ искрънѣмоу. оугодно же рече. „на сею вѣсь законъ висить. и пррци“. поучто же въпрашають. фари́сеи гл̄я. „уѣто ся мнѣнїе вамъ о Х̄ѣ ѿи иестъ С̄нѣ“. да забъвено сътворить ꙗ. и самого исповѣдати. соуща Б̄а. понеже не отвѣщаща истины о немъ. нѣ ѹлвка проста соуща ѿго рѣша. рекъше ꙗко С̄нѣ иестъ Давыдовъ. остроумѣя заблужьшвю ихъ славою. юже вѣводитъ Давыда Дх̄омъ Ст̄имъ. послушьствѣща гѣствоу ѿго. и присньство снѣвства. и равноуѣстною жеже къ Оц̄ю. гл̄я „ѿакоже Д̄вдъ Дх̄омъ Ст̄имъ наричетъ ѿ Г̄а гл̄я рече Г̄ъ Г̄ви моемоу сѣди одесною мене. дондеже положоу врагы твоѣя подъножию ногама твоима“. врагы же помяноу

παρ' αὐτῆς συγκροτεῖται πάλιν „ὁ γὰρ ἀγαπῶν με“, φησὶ, „τὰς ἐντολάς μου τηρήσει“, αἱ δὲ ἐντολαὶ αὐτοῦ, καὶ τὸ κεφάλαιον αὐτῶν μετὰ τὴν εἰς Θεὸν ἀγάπην, ἣ εἰς τὸν πλησίον ἐστὶ προπόντως οὖν εἶπεν, „ἐν ταύταις ὁλος ὁ νόμος κρέματα, καὶ οἱ προφηταί“. Διὰ τί ἐρωτᾷ τοὺς Φαρισαίους λέγων, „τί ὑμῖν δοκεῖ περὶ τοῦ Χριστοῦ· τίνος ἐστὶν υἱός“, ὅπως λανθανόντως ποιήσῃ αὐτοὺς, καὶ αὐτὸν ὁμολογῆσαι Θεόν· ἐπειδὴ δὲ οὐκ ἀπεκρίναντο τὰ ἀληθῆ περὶ αὐτοῦ, ἀλλὰ ἄνθρωπον αὐτὸν ἔφησαν εἶναι ψιλόν, εἰπόντες ὅτι υἱός ἐστι τοῦ Δαβὶδ, ἀνατρέπων τὴν πεπλανημένην αὐτῶν δόξαν, λοιπὸν ἐπάγει τὸν Δαβὶδ ἐν Πνεύματι Ἁγίῳ μαρτυροῦντα τὴν κυριότητα αὐτοῦ, καὶ τὸ γνήσιον τῆς υἱότητος, καὶ τὸ ὁμότιμον τὸ πρὸς τὸν Πατέρα λέγων, „εἶπεν ὁ κύριος τῷ κυρίῳ μου, κάθου ἐκ δεξιῶν μου“, καὶ τὰ ἐξῆς· ἐχθρῶν δὲ ἐμνη-

да понѣ сиче оустрашивѣ
 а възведеть. нѣ обауе и
 се слышавъше. ниуѣсоже
 отъвѣщаша. ни хотяхоу бо
 ниуѣсоже оувѣдѣти доб-
 рыхъ. сичѣ же глоубокоу
 извоу приаша. какоже къ
 томоу не съмѣти тѣмиже
 начати. „никѣтоже бо рече
 съмѣ отъ того дне въпра-
 шати юго“. не малы же и
 се пользоу народоу творя-
 ше. тѣмъ же и къ нимъ
 кже обрацаетъ слово. отъ-
 гънавъ влѣкы. и отъврыгъ
 ковъ ихъ. ибо тыщеслави-
 емъ кти соуще. лютою по-
 хотию. и многоглавною.
 ниуѣсоже хотяхъ приоб-
 рѣсти.

μόνευθεν, ἵνα καὶ οὕτως
 αὐτοὺς φοβήσας ἐπαναγά-
 γηται· ἀλλ' ὁμως καὶ ταῦ-
 τα ἀκούσαντες, οὐδὲν ἀπε-
 κρίναντο· οὐδὲ γὰρ ἐβού-
 λοντό τι τῶν θεόντων μα-
 θεῖν· οὕτω δὲ καιρίαν ἐδέ-
 ξαντο τὴν πληγὴν, ὡς μη-
 κέτι τολμῆσαι τοῖς αὐτοῖς
 ἐπιχειρῆσαι λοιπόν· „οὐ-
 δεῖς γὰρ φησὶν ἐτόλμησεν
 ἀπὸ τῆς ἡμέρας ἐκείνης
 ἐρωτῆσαι αὐτόν.“ οὐ μι-
 κρῶς δὲ τοῦτο τοὺς ὄχ-
 λους ἀποστῆσας τοὺς λύ-
 κους, καὶ ἀποχρουσάμενος
 αὐτῶν τὰς ἐπιβουλάς· καὶ
 γὰρ ὑπὸ κενοδοξίας ἀλόν-
 τες τοῦ δεινοῦ πάθους
 καὶ πολυκεφάλου, κερδαί-
 νειν οὐδὲν ἤθελον (*).

Молюжеса и нынѣ оубо братиѣ. бѣжимъ оубо
 вражды сем напем. възвѣльны и прѣлуты. многа бо
 различия иматъ лоукавна. какъ же соутъ си послѣ-
 шан. власти похотѣниѣ и имѣнию. крѣпости. лоу-
 кавно же и милостыню творить. и постъ дръжить.
 и молитвы. и оучительство. и покорениѣ. и все тво-
 ритъ. да славитьсѣ дръжаниѣ. не Бмъ нѣ члвкы. оу-
 слышимъ что глѣть първыи нашъ оучитель Гѣ. и Бѣ

(*) См. Cramer. Cat. Graec. Patr. t. I. p. 183—185.

остроумѣ похоть сию. иже хощеть въ васъ болии быти. боуди всѣмъ слоуга. и всѣмъ рабъ. и пакы не съкрывайте себе съкровища. и проуче и пакы. югда же твориши мѣстныю да не чюють шюица твоѣмъ что творить десница твоѣмъ. и пакы югда поститесь не боудете яко и лицемѣри. и пакы югда же молитесь не лихо глѣте. и пакы гы же не наричуетесь оучители на земли. и пакы покорися Гви. и помолися юмоу. си вся слышавъше бооугоднакъ отъврѣзѣмъ отъ себе. молюся. лоукавѣна сего лиса. и възлюбимъ славою Бжю тѣкмо. да и съдъ оулоучимъ. и вѣуьныхъ насладимъся блгъ. блгодѣтию и улвколюбиємъ Га нашего Ис Ха юмоуже слава нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ аминь.

Съказаніе. а. евангліе. ѿ Лоукы. Бесѣда 28-я
(лл. 132—134).

Братиѣ. отъ пища на пищю прѣходяще хвалимъ и прославимъ Га Ба нашего. съподобившаго насъ. и стаго сего евангелиста послушати. тѣмъже внимаймъ прилѣжно. и оуслышимъ что хощеть глаголати съказаніе се. да отъидѣмъ обогачьшеся. съкровище бо се юсть. не злато ни сребро. въ слова Бжия. юсть же слово сице глаголя.

О рыбнѣи ловитвѣ глаголетъ. стѣи Куриль алезандрьскѣи. ловитвѣи

Περὶ δὲ τῆς ἄγρας τῶν ἰχθύων λέγει ὁ ἅγιος Κύριλλος ὁ Ἀλεξανδρείας —

кѣзньми. да симь оувѣдятъ
 яко всесильна естъ воля
 его. и боготѣпному хоте-
 нию его. тварь вся по-
 слоужаетъ. да кеннымъ об-
 разомъ сѣтвореномъ. прѣ-
 славно. извѣщениа при-
 имоуть. яко не беструда.
 и безмзды. тѣщаниа ихъ
 боудеть. еже аще сѣтво-
 рять. евангелска оуѣнениа.
 мрѣжа простърне. нѣ тою
 извѣсѣхъ странъ стада
 языкъ съберють. побать
 же смотрити и се. яко не
 могоуще Симонъ и иже съ
 нимъ. мрѣжа извлѣщи. по-
 маноуша рече причастьни-
 комъ си. сирѣчь объа имъ
 ловитвѣнтымъ. поманоуша
 же страхомъ и оужастию.
 не сѣмѣюще глати рече.
 да помогоуть имъ. и да
 възберють рыбы. еже яв-
 ляеть съказаемо. яко мно-
 зи сѣподвизашася трюдоу
 стѣихъ аплѣ. и сѣподви-
 заются. прѣжде же инѣхъ
 избрѣтъше. и намъ стѣхъ
 евангелии кѣнигы. и по

Διὰ τῶν ὀλιευτικῶν αὐτοῦ
 ἐπιτηδευμάτων, ἀλιεῖναι
 τοὺς μαθητὰς, ὅπως μά-
 θωσιν ἐκ τούτου ὅτι παν-
 σθενὲς ἔχει τὸ θεῖλημα,
 καὶ τοῖς θεοπρεπεστάτοις
 αὐτοῦ νεύμασιν ἢ κτίσις
 ὑπηρετεῖ· καὶ ἵνα διὰ πράγ-
 ματος ἐναγοῦς, καὶ ὡς
 ἐκ τύπου καὶ εἰκότος τοῦ
 παραδόξως τετελεσμένου
 πληροφορηθῶσιν. ὅτι οὐκ
 ἄμιθος ὁ πόνος αὐτοῖς,
 οὐδὲ ἄκαρπος ἡ σπουδὴ
 ἵσται αὐτοῖς, ἢ ἂν ποιή-
 σαιτο, τῆς εὐαγγελικῆς
 μυσταγωγίας τὸ δίκτυον
 ἀπλώσαντες, ἀλλ' ἐν αὐτῷ
 πάντῃ τε καὶ πάντως τὰς
 τῶν ἐθνῶν ἀγέλας συλλέ-
 ξωσιν... πλὴν ἐκεῖνο ἄθρει,
 οὐ γὰρ ἰσχύσαν ἀνεγκύβαι
 τὸ λίνον Σίμων τε καὶ οἱ
 σὺν αὐτῷ κατένευσάν, φη-
 σι, τοῖς μετόχοις, δῆλον
 δὲ ὅτι διὰ τῶν ὀλιευτικῶν
 ἐπιτηδευμάτων, ὥστε συλ-
 λαβέσθαι αὐτοῖς καὶ συν-
 διασῶσαι τὴν ἄγραν. Ποῦ-
 λοι γὰρ τοῖς τῶν ἀγίων
 Ἀποστόλων συνήραντο καὶ
 συναίρονται πόνοις, καὶ
 πρό γε τῶν ἄλλων οἱ τὰς

тѣхъ. ини пастыри же и оучители. и стѣихъ оучении съвѣстели. извлачима бо естъ и нынѣ мръжа. Хви насыпающоу ю. и призывающоу на обращениѣ. соущаѣ въ глубинѣ морьстѣи. по псануоуоумоу сиреуѣ въ боури и въ влънахъ жития сего.

*ἱεράς ἡμῖν τῶν ἁγίων
Εὐαγγελιστῶν ἀνερευνά-
τες γραφάς, καὶ μετ' ἐκεί-
νων ἕτεροι ποιούμενες καὶ
διδάσκαλοι καὶ λαῶν ἡγοί-
μενοι, καὶ τῶν τῆς ἀληθεί-
ας πραγμάτων ἐπιστήμο-
νες. Ἀναφέρεται γὰρ ἐπι-
τὸ λῖνον, πληροῦντος αὐ-
τὸ τοῦ Χριστοῦ, καὶ κα-
λοῦντος εἰς ἐπιτροφὴν
τῆς ἐν βυθοῖς θαλάσσης
κατὰ τὸ γεγραμμένον, του-
τέστι τοῦ ἐν ζάλῃ καὶ κύ-
ματι, ἐν τοῖς κοσμικοῖς (¹).*

Сице по вся недѣля хольбѣи слышаше боудемъ лоучѣше. и глубины жития сего избѣгѣше приемѣмъ Ха рѣ кораблѣхъ нашихъ. сирѣуѣ. въ дѣсахъ нашихъ. приемѣмъ же ли юго тако аще съхранимъ заповѣди юго. и заповѣди юго не соуть тяжькы. възлюбиши реуе Га Ба своѣго и искрнѣяго своѣго кко самъ ся. а не възненавидиши. како же любити и. аще алуѣна узьримъ напитѣимъ. аще жадна напоимъ. аще нага одѣжемъ. аще странѣна вѣвѣдѣмъ. аще болаша присѣтимъ. аще въ тѣмьници присѣтимъ. къ симъ же чювьства своѣ чиста съхранимъ. ока не напитѣти зѣла. видѣнимъ. оуханамъ не оудебелимъ зѣлыми вонями. грѣтани не оусладимъ горькымъ вѣкзпениемъ. слоуха не поставимъ пѣсньми бѣсовьскыми. осяза-

(¹) См. Cramer. Cat. Gr. Patr., t. II, p. 40 et 42.

ние роукъ оудръжимъ. не иматися за зълма вѣщи.
 нъ вси оутръняго и въшьняго улѣка оуистимъся. да
 боудоущихъ блгъ насладимъся. блгодѣтию хотящаго
 всѣмъ улѣкомъ спѣтися Ха Ба нашего. юмоуже сла-
 ва усть и покланяние съ Оцмъ и съ Стѣимъ Дхомъ.
 нынѣ и.

ОГЛАВЛЕНИЕ

третьей части

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

НА 1882 ГОДЪ.

страи

Еврейскіе цари. <i>Я. А. Богородскаго</i>	3.
Критическій разборъ ученія неприемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ. <i>Н. И. Ивановскаго</i>	49 и 395.
Митрополитъ московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ. <i>А. П. Надеждина</i>	115 и 407.
Богослуженіе въ русской церкви за первые пять вѣковъ. <i>А. А. Дмитріевскаго</i>	149 и 372.
Памятники древне-болгарской проповѣднической письменности. Бесѣды еп. Константина	168 и 435.
О пріѣздѣ въ Казань Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Палладія Архіепископа казанскаго	187.
Рѣчь Его при вступленіи въ управленіе Казанскою паствою	191.
Его же Слово при первомъ служеніи по вступленіи въ управленіе Казанскою паствою.	196.
Борьба папы Бонифація VIII съ Французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ. <i>Ө. А. Курганова</i>	205.
Присоединеніе къ прарославной церкви священника бѣлокриницкой іерархіи Гр. Ник. Вдовина, и его вопросы Пафнугію, именуемому епископомъ казанскимъ и вятскимъ. <i>Н. И. Ивановскаго</i>	352.
Рѣчь Высокопреосвященнѣйшаго Палладія, Архіепископа казанскаго и свіяжскаго, въ общемъ годичномъ собраніи Братства святителя Гурія 31 ноября 1882 г.	369.